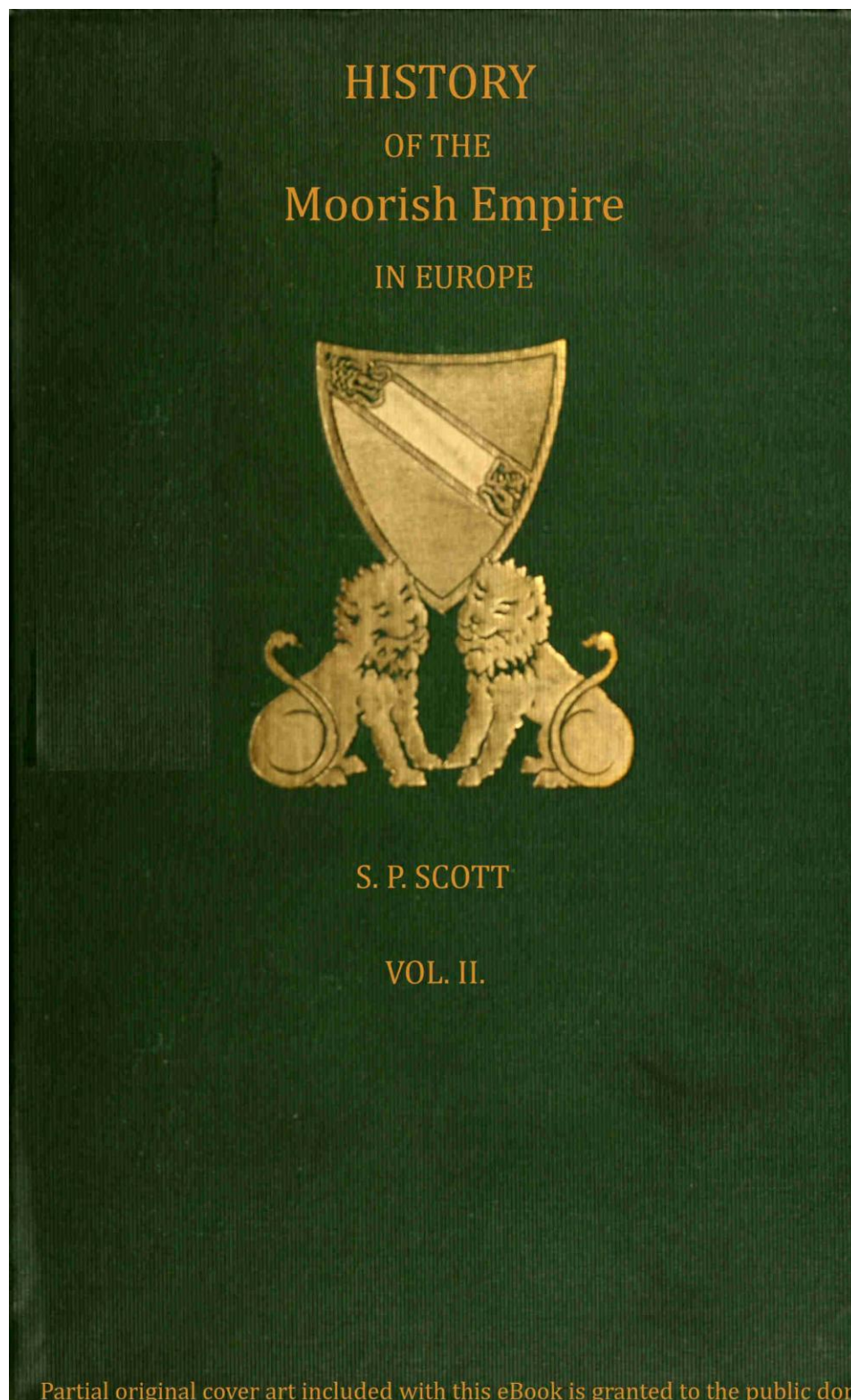

История Мавританской империи в Европе, Том 2 (из 3)

С. П. Скотт

Partial original cover art included with this eBook is granted to the public domain

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Мавританской империи в Европе, том 2 (из 3)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Мавританской империи в Европе, Том 2 (из 3)

Автор: С. П. Скотт

Дата выхода: 20 марта 2024 [Электронная книга №73214]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Филадельфия: J. B. Lippincott Company, 1904

Авторские права: Ваутер Франссен, Карин Спенс и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ МАВРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕВРОПЕ", ТОМ 2 (ИЗ 3) ***

ИСТОРИЯ Мавританской империи В ЕВРОПЕ

АВТОР С. П. СКОТТ

АВТОР КНИГИ "ЧЕРЕЗ ИСПАНИЮ"

Corduba famosa locuples de nomine dicta,

Inclyta deliciis, rebus quoque splendida cunctis

Хросвита, Пассио С. Pelagii

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ II.

ФИЛАДЕЛЬФИЙСКАЯ И ЛОНДОНСКАЯ
КОМПАНИЯ Дж . Б. ЛИППИНКОТТА
1904

Авторское право, 1904 г., J. B. Lippincott Company

Опубликовано в марте 1904 г.

Напечатано компанией J. B. Lippincott Company, Филадельфия, США

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II.

ГЛАВА XV

ГОСПОДСТВО МУСУЛЬМАН НА СИЦИЛИИ

СТРАНИЦА

Классические сувениры Сицилии—Ее огромные природные преимущества—Она становится оплотом папства—Вторжение арабов—Они осаждают Сиракузы—Сила этого города—Провал предприятия—Захват Палермо—Быстрое продвижение мусульман—Положение Италии—Союз арабов с Неаполем—Взятие Мессины—Предательство Кастроджованни—Разгром греков близ Сиракуз—Междоусобицы завоевателей—Их успехи в Италии—Вторая осада Сиракуз—Город взят штурмом и уничтожен Ибн-Мухаммедом—Опасность Рима—Появление норманнов на Юге Европы—Они вторгаются на Сицилию—Осада Палермо—Подчинение острова—Влияние мусульман на своих завоевателей—Общее состояние Сицилии—Ее цивилизация—Палермо и его окрестности—Наука, искусство и литература—Великий труд Эдриси—Арабская оккупация Сардинии, Крита, Корсики и Мальты

1

ГЛАВА XVI

КНЯЖЕСТВА МАВРИТАНСКОЙ ИСПАНИИ

Неподвижность африканской расы —Ее враждебность к цивилизации—Ее пагубное влияние на людей. Влияние на политику Западного халифата—Характер Сулеймана—Вторжение Али—Он восходит на трон—Его тирания—Он убит—Абд-ар-Рахман IV. сменит его—Яхья—Абд-аль-Рахман V.—Мухаммед—Hischem III степени.—Организация Государственный Совет—Ибн-Djahwar, министр—его таланты и силы—Абуль-Касим-Мухамед, Кади Севильи—берберский заговор—самозванец Халаф поднимается на трон, как Hischem второй.—Альмерия—визирь Ибн-Аббас—влияние евреев в Гранаде—раввин Самуэль— соперничество Гранады и Альмерии—Абу-аль-Fotuh—Motahhid восходит на трон Севильи—его жестокий и развратный характер—его коллекция черепов—Бадис, Король Гранады—увеличение силы Кастилии—Валенсия и Малага—зверства христиан в Барбастро

77

глава XVII

войнах с христианами; В ALMORAVIDES

разногласий в Кастилии—Альфонсо гостя Эмира Толедо—цивилизации, что мавританский капитала—Motamid, князь Севилья—его мотовство—Валенсия и Мурсия стать предметом Мамун—Motamid принимает Кордова—военный гений Альфонсо VI.—Знаменитая игра в шахматы—осада Толедо—капитуляция города—бесчинств банд преступников—опасности и беды мусульман—подъем Almoravides—их фанатизм и доблести—они покоряют Северную Африку—испанские эмиры обратиться к Юсуф—он пересекает пролив—разгром христиан в Zallasa—вторая экспедиция Юсуф—его популярность—он претендует на суверенитет полуострова—Муре: Его герой и его подвиги—он служит Эмир Сарагосы—он получает контроль Валенсия—восстание и осада этого города—жестокость Чид—смерть Юсуфа—величие Almoravide империи—присоединение Али—деморализация завоевателей

глава XVIII

империи Альмохадов

восстание Абу-Абдаллаха Махди—его характер и таланты,—он восстает против Али—его насыщенной карьеры—Абд-аль-Мумен сменит его—снижение Almoravide власти в Испании—рейд Альфонсо Арагонского—разгром Фраги—смерти Альфонсо—нерешительный характер кампании, в войне Реконкисты—прогресс Абд-аль-Мумен в африке—победа Альмохадов—естественная враждебность Моор и берберов—анархия на полуострове—это захвачена африканцев—Создание Альмохад империи в Андалусии и Альмерии, принятые христианами—его отбить у берберов—смерти Абд-аль-Мумен—его гениальность и величие—присоединение Юсуф—его общественных работ—он организует большую экспедицию—он умирает и сменил Якуб—священной войне провозглашалось—Битва Alarcos—эффекты Африканского превосходства—смерти Якуб—Хиральда—Мухаммед—он пытается подмять под себя христиан—отчаяние последних—Битва при Лас-Навас—де-Толоса Полнейший разгром Альмохад армии

глава XIX

прогресс христианского оружия

общие расстройства на полуострове—агрессивная политика христиан—захват Убеда—Аль-Мамун—восстание Мухаммеда-ибн-Худ—Мерида, принятые королем Леона—процветания Барселоны Хайме II. Арагон—осада Майорка—страшный мешок, что город—вымирание Альмохадов—Осада и взятие Кордовы Фердинандом—Валенсия сдается на милость короля Арагона—Характер борьбы между христианскими и мусульманскими—Хатива—ее процветание—Мурсия становится собственностью Кастилия—Хатива, приобретенные Арагон—смерти и характера Джейме—подъем Королевства Гранада—его богатство и литературной культуры—Фердинанд захватывает Хаэн—Мухаммед-ибн-Зири, Король Гранады, оказывает честь Фердинанда—Севилья вложенные кастильцы—великая сила, что город—его упрямая защита—это голод—символ Фердинанда Святого

глава XX

преследования Реконкисты

состояние мавританской Испании после смерти Фердинанда III.—Вторжение ибн-Юсуф—огромные богатства и власть испанского духовенства—нарушение общественного порядка—энергии Мохаммед I.—его достижения—Мухаммеда II.—Мир с Кастилией—характер Альфонсо X.—осада тарифа—Мохаммед и III.—Аль-Назир—Исмаил—база взята—Мухаммед IV.—Империя СЭЗ—поражением африканцев в равнине Пагана—Юсуф—разгром Саладо—Альфонсо XI. захватывает Algezirias—великолепный общественных работ королей Гранады—Мухаммеда V.—Исмаила II.—Абу-Саид—он ремонтирует в суд Педро Эль жестоки и убивают—Юсуф второй.—Мохаммед VI.—Юсуф III степени.—Мухаммед в VII.—Мухаммед VIII вида.—Ибн-Исмаил—Гибралтар, принятых кастильцы—характер безрогая Хасан—критическое состояние испанские арабы—грядущей гибели королевства Гранада глава XXI

последней войне с Гранадой

описание Гранада—его богатства, процветания, и цивилизации—города—красота и великолепие столицы—Альгамбра—состояние и власть испанской монархии—характер Фердинанд—персонаж Изабеллы—безрогая Хасан и его семья—Штурм Захара—Альхама удивляет христиан—осада этого города и отразить мавров—крамола в Гранаде, Фердинанд направляется на лоха—набега безрогая Хасан—экспедиция в Ajaquia—разгром и резню кастильцы—она нападает Лусена и попадает в плен—разрушительный набег христиан—Она освобождается и возвращается в Гранаду обновление междоусобную вражду в мавританской столице—мусульманской и христианской грабительские набеги—Осада и взятие города Ронда—посольства из Фес—Аль-Zagal становится королем—победить суда Кабра в ... дополнительная—разделение Королевства Гранада—его катастрофические последствия

глава XXII

окончания Реконкисты

резюме о причинах упадка мусульманской империи—лоха брать штурмом—прогресс вражда между Аль-Zagal и она—Христиан помочь им—анархия в Гранаде—осада Велес—удавшуюся попытку Аль-Zagal, чтобы облегчить это—капитуляция города—ситуации из Малага—ее восхитительный сервис—его обширные торговые и производственные интересы—это вложенный Фердинанд—отчаянное сопротивление гарнизона—его страдания—капитуляция города—порабощение населения—двуличие испанских государей—война с Аль-Zagal—осада база—недовольство христианской солдатня—энергии и твердости королевы—Посольство от султана—база сдается—Аль-Zagal отказывается от своей короны—война с вашим—последний поход—блокада Гранада—страдания его жителей—представление капитал—судьба она—Изабелла вдохновляющим гением завоевания

ИСТОРИЯ МАВРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕВРОПЕ

ГЛАВА XV

МУСУЛЬМАНСКОЕ ГОСПОДСТВО НА СИЦИЛИИ

827-1072

Классические сувениры Сицилии—Ее огромные природные преимущества—Она становится оплотом папства—Вторжение арабов—Они осаждают Сиракузы—Сила этого города—Провал предприятия—Захват Палермо—Быстрое продвижение мусульман—Состояние Италии—Арабский союз с Неаполем—Взятие Мессины—Предательство Кастроджованни—Разгром греков близ Сиракуз—Междоусобицы завоевателей—Их успехи в Италии—Вторая осада Сиракуз—Город взят штурмом и разрушен Ибн-Мухаммедом—Опасность Рима —Появление норманнов на Юге Европы—Они вторгаются на Сицилию—Осада Палермо—Подчинение острова—Влияние мусульман на своих завоевателей—Общее состояние Сицилии—Ее цивилизация—Палермо и его окрестности—Наука, искусство и литература—Великий труд Эдриси—Арабская оккупация Сардинии, Крита, Корсики и Мальты.

Остров Сицилия, благодаря своему географическому положению, необычайному плодородию и коммерческим преимуществам, был одним из самых известных и желанных владений древнего мира. Его расположение недалеко от центра Средиземноморья предоставляло редкие возможности для участия в торговле и ознакомления с культурой тех утонченных народов, берега которых омывались этим знаменитым морем. Его почва давала, с незначительным трудом, отборные продукты как умеренного, так и жаркого пояса. Его побережье было обеспечено многочисленными и удобными гаванями. Закон Мессины разрешал судам самого большого тоннажа безопасно выгружать свои грузы у ее причалов. Порты Сиракуз и Палермо были двойными для использования военными и торговыми судами, как и порт Тир и Котон в Карфагене. Финикийцы в период, намного предшествующий любому из упомянутых в истории, основали и поддерживали важные торговые станции в местах, впоследствии отмеченных возведением обширных и процветающих городов. Колонисты дорического и ионического стилей, в свою очередь, принесли туда элегантную роскошь и утонченные вкусы, которые отличали законченную цивилизацию древности. Этот таинственный остров, где проявились некоторые из самых ужасных и необъяснимых явлений природы, был обителью ужасных чудовищ, ареной страшных чар, источником вдохновения для гомеровских басен и мифологических легенд. Здесь находилось логово ужасного Циклопа. Недалеко от его берегов практиковались адские искусства прекрасной, но мстительной Цирцеи. Здесь проходили аргонавты, триумфально возвращавшиеся из Колхиды. Греку наследовал карфагянин, который мог заявить, с немалой долей справедливости, притязания на наследство своих финикийских предков. Затем наступило могущественное и непререкаемое господство Рима. Сицилия была одной из первых, поскольку входила в число богатейших провинций, рано приобретенных ее руками. Она долгое время разделяла с Египтом почетное звание одной из житниц Италии. Об огромных ресурсах острова во времена Республики свидетельствует стоимость добычи, добытой алчным губернатором. Коррупционные накопления Верреса за время его правления составили сорок миллионов сестерциев. Помимо денег, которые он наградил у несчастных иждивенцев Республики, перечисляются статуи, картины, бронза, утварь, предназначенная для служения богам, украшения алтарей, дорогие подношения, которыми искренняя благодарность благочестивых и богатых обогатила ее великолепные храмы. В интеллектуальном развитии Сицилия не отставала от своих просвещенных соседей. Лучшие произведения Атика и римской музыки с восторгом читались утонченным обществом ее

городов. Шедевры Аристофана и Теренция разыгрывались под аплодисменты в ее просторных театрах, блистающих разноцветным мрамором и украшениями из кованого золота. Тесные социальные и коммерческие связи, поддерживаемые с городами Великой Греции, в немалой степени способствовали развитию сицилийской цивилизации. Жители Мессины и Палермо, возможно, могли бы претендовать на общее происхождение с утонченными жителями Кротоны и Тарента.

Таким образом, Сицилия, благодаря слиянию самых разных рас и своей политической принадлежности, унаследовала все благороднейшие традиции древности, все принципы восточной философии, греческой культуры, финикийской предприимчивости и римского могущества. С ее историей связаны имена Гасдрубала и Гамилькара, Пирра и Марцелла, Дионисия и Архимеда. Но задолго до периода византийского вырождения, столь фатального для империи, ее процветание сильно пошло на убыль. Даже во времена цезарей зло продажной и алчной администрации проявлялось во введении непосильных налогов и последующем и неизбежном упадке сельского хозяйства. Восстания были обычным явлением и характеризовались всеми зверствами анархии. Урожай был бессмысленно уничтожен. Виллы римской знати, чьи обширные владения занимали большую часть пахотных земель, были преданы огню. Банды разбойников свободно бродили по опустевшим поселениям. Города нередко подвергались штурмам и разграблению. Обработка земли больше не была безопасной или прибыльной. Обширные участки территории, необычайная и разнообразная продуктивность которых раньше поражала чужеземцев, были отданы под пастбища - верный признак национального упадка. Забота о стадах была возложена на рабов, чей дикий вид и зверские повадки свидетельствовали об их варварском происхождении. Одетые в шкуры и вооруженные грубым оружием, они представляли одинаковую угрозу как для трудолюбивого горожанина, так и для запоздалого путника. Этим преступникам не выплачивалось ни жалованья, ни средств к существованию, которые, как ожидалось, поощрялись к тому, чтобы путем актов насилия доставлять предметы первой необходимости, в которых им отказывали из-за пренебрежения и скупости их хозяев. Другие, чей свирепый нрав и обычное неповиновение требовали сдержанности, с раннего рассвета трудились в кандалах, а ночью были заключены в грязные темницы. Самые ужасные преступления совершались безнаказанно. Награбленное, ускользнувшее от грабителя, не могло быть спасено от бдительного надзора собирателя доходов. Налог на зерно составлял двадцать пять процентов, а пошлины на предметы торговли и немногочисленные мануфактуры, уцелевшие после общего уничтожения торговли и механических искусств, распределялись в соответствующем соотношении и взимались с бескомпромиссной строгостью. В условиях повсеместной незащищенности личности и имущества морская предприимчивость была остановлена, и флоты иностранных торговых судов, которые когда-то переполняли морские порты острова, исчезли. Слабое и коррумпированное правительство Константинополя, в котором доминировали евнухи и которое было опозорено политическими интригами духовенства и женщин, было бессильно исправить беспорядки в далекой и почти неизвестной провинции. Богословские споры и развлечения цирка поглощали внимание преемников воинственного Константина, чья власть, оспариваемая дома, часто едва признавалась в их островных владениях. Преувеличенные опасности пролива, которым, возможно, способствовало знание бедственного положения страны, возможно, удержали победоносных варваров от какой-либо длительной оккупации Сицилии. Хотя они в разное время наводняли страну, они не оставили никаких следов своего пребывания — ни колоний, ни институтов, ни расовых впечатлений, ни физических особенностей. Но это

сравнительное освобождение от общего разорения, по-видимому, не принесло существенной пользы. Дух народа не был приспособлен ни к требованиям самоуправления, ни к властным требованиям вассалитета. Они были одновременно буйными, непокорными, раболепными. В характере сицилийца девятого века, как и в характере калабрийца нового времени, преобладали все дурные инстинкты. Мятежный дух крестьянства, которому способствовало их вошедшее в поговорку непостоянство, был одной из главных причин, препятствовавших укреплению мусульманской власти.

Из средоточия греческой цивилизации, житницы Рима, театра варварской распущенности Сицилия превратилась в рассадник папства. Это дало смелых и ревностных защитников кафедры Святого Петра. Своевременные пожертвования пополнили истощенную казну Ватикана. Там гений святого Григория впервые заложил основы светской власти Святого Престола. Там располагалась богатейшая часть владений римской иерархии. Были приняты продуманные политические меры, которым суждено было на протяжении поколений развивать таланты самых способных государственных деятелей Европы. В ранний период римские папы приобрели значительных последователей среди крестьянства острова. Невежество населения и жадность, с которой оно воспринимало впечатления о сверхъестественном; ассоциации, почерпнутые из легенд древности, многие из которых с политической предусмотрительностью были полностью усвоены Отцами Церкви; безоговорочное отпущение грехов, обещанное за самые гнусные преступления, привлекли тысячи и тысячи прозелитов к великолепным алтарям Рима. Учреждение монашеских орденов и огромное количество бездельников десятикратно увеличили бремя угнетенной и разоренной страны. Говорили, что одни только бенедиктинцы владели почти половиной острова. Монастыри, окруженные прекрасными садами и снабженные всем необходимым для роскоши, возникали со всех сторон. Горные пещеры кишели отшельниками. Чудеса, совершенные святыми мужчинами и женщинами, превосходили по удивительности и таинственности достижения мифологических героев — победителей Циклопов, пленителей драконов. Мученики с непоколебимым постоянством претерпевали самые изощренные пытки. Ни в одной другой провинции, признававшей главенство папства, не было большего почтения к церковной традиции; и, как законное следствие, ни в одной другой не была распространена более выраженная степень невежества в массах или более привычное пренебрежение законами морали и справедливости со стороны тех, кто своим превосходством был обязан влиянию Церкви. Количество рабов, принадлежащих Святому Престолу и занятых в его поместьях, было огромным. Было подсчитано, что большая часть его богатства была получена от их труда и торговли их детьми. Искусство исповедника обеспечивало богатым кающимся огромные поместья и ценное наследство, вынужденную дань ужаса и раскаяния. Эти владения, оказавшись в железной хватке жреческого ордена, мастера, наделенного юридическим бессмертием, никогда не были отданы. Пожертвования благодарных выздоравливающих обогатили сокровищницы часовни и кафедрального собора. Паломники в огромном количестве стекались к этим святыням, которые пользовались широкой репутацией святотатцев и чьи реликвии, как считалось, обладали неизменными свойствами для исцеления больных и оказания помощи страждущим. Прибыльная торговля поддерживалась за счет суеверной доверчивости этих набожных чужеземцев. Хорошо осознавая его важность как дополнения к их светской власти и пользуясь связями его прихожан с византийским двором, первые епископы Рима оказывали всяческую помощь сицилийской ветви католической иерархии. Он пользовался особыми привилегиями. Он был освобожден от досадных поборов. Его легаты были приняты папским двором с исключительной вежливостью. Григорий основал на

свои личные средства семь монастырей на острове. Адриан часто называл его цитаделью итальянского духовенства. Ни одна часть наследия Святого Петра не могла похвастаться более богатым, более высокомерным, более могущественным, более коррумпированным священством.

Во время мавританского вторжения Сицилия стала полностью византийской. Славные традиции греческой оккупации были забыты. Только в Мессине стиль архитектуры, физические характеристики людей, сравнительная чистота языка выявили значительные следы влияния самой утонченной нации древности. Ни в одной другой провинции, подвластной Риму, жестокая доктрина силы, основа как республиканской, так и императорской власти, не насаждалась с таким усердием. Урожаи Сицилии в значительной степени помогали поддерживать праздное население мировой столицы. Ее торговля и доходы давали неисчерпаемые ресурсы для продажности и казнокрадства проконсула. У римской аристократии были там самые роскошные виллы, самые большие и плодородные поместья, самая многочисленная свита слуг. Во времена Империи не было ничего необычного в том, что патриций владел двадцатью тысячами рабов.

Византийское вырождение не преминуло наложить свой отпечаток на это одно из прекраснейших владений императоров Востока. После правления Юстиниана истощенное государство, едва способное защитить свою столицу, не предпринимало никаких попыток отправить колонистов на остров. Униженное население, отбросы десятков наций, не знающие самого названия патриотизма, лишённые всяких принципов чести или добродетели, с каждым днем опускались все ниже по шкале человечности.

Положение Италии было еще хуже. Лангобарды завоевали весь этот полуостров, за исключением Равеннского экзархата. К их владычеству перешли раздоры множества незначительных княжеств, воспламененных взаимной и непримиримой враждой, не объединенных ничем, кроме зависти к папской власти. Невероятное вероломство и мошенничество, которые впоследствии стали своеобразными атрибутами итальянской политической системы, чьи принципы, разработанные Макиавелли, вызвали удивление и презрение последующих веков, имели тогда свое происхождение. Вся страна была ареной постоянных раздоров, предательства и интриг. В последних немалую роль играл папа, побуждаемый как необходимостью, так и склонностями. Распространение таких условий было на волосок от того, чтобы изменить, возможно, навсегда, политический облик Европы и сферу христианского влияния. Вражда мелких правителей скорее обострилась, чем разрешилась перед лицом общей опасности. Всеобщая анархия в высшей степени благоприятствовала иностранным завоеваниям. Лангобардские князья обратились за помощью к сарацинам. Последние пользовались каждым поводом для раздора и вражды. Они с одинаковой легкостью и вероломством вступали под знамена всех фракций. Дважды они опустошали окрестности Рима. В разное время они находились на содержании Святого Престола. Только череда счастливых случайностей предотвратила возведение на престол арабского эмира в Ватикане и превращение собора Святого Петра в мусульманскую мечеть.

Близость Сицилии к материковой части Африки рано навела сарацин на мысль о завоевании этого острова. В седьмом веке его посещали мародерские экспедиции из Египта. Сиракузы были взяты штурмом в 669 году, и сокровища римских церквей, помещенные туда для защиты от нападения варваров, были перевезены в Александрию. Прежде чем пересечь Гибралтарский

пролив, и даже когда берберские племена все еще угрожали безопасности его аванпостов, предприимчивый Муса, как уже говорилось на этих страницах, отправил своего сына Абдаллаха в грабительскую экспедицию на острова Средиземного моря. На Майорке, Минорке, Сардинии и Сицилии эти предприимчивые флибустьеры добыли и увезли большое количество добычи. Другие экспедиции, время от времени и с переменным успехом на протяжении более чем столетия, следовали примеру экспедиции, организованной Мусой. Несмотря на эти набеги, дружеские отношения по большей части сохранялись между византийскими правителями Сицилии и африканскими князьями-аглабитами. Они отправляли посольства, заверяли во взаимной привязанности, заключали договоры, обменивались подарками. Но под всеми этими правдоподобными проявлениями мира и дружбы скрывались, с одной стороны, смертельная ненависть и честолюбивые надежды фанатика, чья вера поддерживалась оружием, а с другой - необъяснимый страх перед неизбежным бедствием, которое недолго было предотвратить.

Существует сильное сходство между историческими легендами, из которых почерпнуты наши сведения о захвате сарацинами Испании и Сицилии. В обоих случаях косвенной причиной вторжения мусульман, как утверждает, было реальное или мнимое посягательство на женскую невинность. В армии византийского императора, расквартированной на Сицилии, был некто Евфимий, офицер высокого ранга, выдающихся талантов и несомненной храбрости, который, влюбившись в монахиню, вторгся в святость монастыря, похитил отшельницу и, несмотря на ее протесты, сделал ее своей женой. Этот акт святотатства, хотя и далеко не беспрецедентный в незаконном состоянии общества при небрежном и жестоком управлении греческих императоров, в данном случае не был совершен лицом, обладающим достаточной властью, чтобы позволить ему избежать последствий своей опрометчивости. Родственники девушки обратились за возмещением ущерба в византийский суд, требование было удовлетворено, и император направил губернатору Сицилии предписание лишить дерзкого насильника носа - наказание, предусмотренное кровавым кодексом греческой юриспруденции за подобное преступление. Евфимий, узнав о наказании, которым ему угрожали, и полагаясь на свою популярность, попытался сорвать приведение приговора в исполнение, подняв восстание. Предприятие провалилось из-за трусости и предательства некоторых ведущих заговорщиков, и сбитый с толку мятежник был вынужден искать убежища у сарацин в Африке. Правящим монархом династии Аглабитов, резиденцией правительства которой был Кайрун, был Зиадет-Аллах, принц с воинственными вкусами, неумолимой свирепостью и распущенными манерами. Не успел он высадиться, как Евфимий отправил послания африканскому султану, умоляя его о помощи и обещая, что в случае, если она будет предоставлена, Сицилия будет превращена в аглабитское княжество, о чем будет свидетельствовать выплата дани и признание превосходства. Предложение было заманчивым для алчности и честолюбия мусульманского правителя, а влиятельные сторонники беглеца сделали его выполнение, по-видимому, делом несложным. Тем временем, однако, прибыли посланцы от правительства Сицилии, которым было поручено от имени императора выступить с протестом против такого поощрения восстания и нарушения нейтралитета дружественной державой. Таким образом, измученный аргументами соперничающих эмиссаров и взвешивающий политические преимущества, которые могли бы возникнуть в результате соблюдения веры в договоры, с одной стороны, и от приобретения ценной территории и расширения духовной сферы ислама - с другой, Зиадет-Аллах долгое время пребывал в нерешительности. Во времена первых халифов материальные выгоды, получаемые от войны с неверными — обязанность, вменяемая каждому мусульманину, — вряд ли были бы подчинены простому вопросу казуистики. Но положение провинций,

подвластных династии Аглабитов, трон которой недавно был поколеблен религиозной революцией, делало сердечное молчаливое согласие и сотрудничество несогласных элементов африканского общества совершенно необходимыми в условиях национального кризиса. Вожди и знать были созваны на торжественное собрание. Алчность солдата, фанатизм дервиша, устремления командира стимулировались всеми способами интриги и всеми средствами ораторского искусства. Угрызения совести были преодолены цитатами из Корана, призывающими к неослабевающей враждебности к неверным. Благовидный предлог для разрыва договора был найден в том факте, что одно из его основных положений уже было нарушено самими греками, которые пренебрегли освобождением некоторых мусульман, попавших к ним в руки. Аргументы тех, кто выступал за военные действия, в конце концов возобладали. Оппозиция— которая была организована из чисто корыстных побуждений— исчезла; собрание, управляемое искусными действиями представителей правительства, воодушевленных восторженным рвением к завоеваниям, провозгласило немедленные действия, и вскоре звуки подготовки были слышны в городе Сузы, гавань которого была назначена местом встречи экспедиции. Верховное командование было поручено Асаду Ибн Форату, кади Туниса, персонажу, более известному как юрист и теолог, чем как мастер военного искусства, и который, подобно Мусе, уже перешел обычный предел мужественной энергии и военных амбиций. Для этого предприятия были собраны огромные силы со всех концов Северной Африки. Дикие берберы, чья вера была слабой и колеблющейся, за исключением тех случаев, когда их оживляла перспектива добычи, собирались в огромных количествах. Флот из ста судов, не считая эскадры повстанцев, был снаряжен и отплыл из Сузов тринадцатого июня 827 года. Три дня спустя армия высадилась в Мазаре, который был немедленно сдан сторонниками Евфимия, превосходившими гарнизон численностью. Вскоре появилась императорская армия, и произошло кровопролитное сражение, в котором огромное численное превосходство сицилийцев ничего не могло противопоставить отчаянной доблести захватчиков, прекрасно понимавших, что им негде укрыться в случае поражения. Крики христиан смешивались с песнопениями воинов ислама, повторявших, согласно обычаю, стихи Корана; натиск арабской кавалерии был неотразим, и, когда их ряды были прорваны, сицилийцы были разбиты со всех сторон и обратились в безудержное бегство. Мусульманская победа была полной. Добыча была огромной, не в последнюю очередь это были рабы, которых грузили на кораблях в Африку. Недоверие их союзников было таково, что Евфимию и его последователям, хотя они и составляли внушительный по численности отряд, не разрешили принять участие в битве. Ни воспоминаний о личном унижении и разочарованном честолюбии, ни жажды мести, которую лелеяли изгнанники, не было достаточно, чтобы изгнать из сознания мусульманского генерала чувство подозрительности, которое он питал к их профессиям, и презрение, с которым он относился к вошедшему в поговорку двуличию византийского характера.

После того как гарнизон был расквартирован в Мазаре, мусульмане двинулись на Сиракузы. Этот город, хотя и утратил большую часть своего бывшего богатства и великолепия, по-прежнему оставался одним из важнейших морских портов Средиземноморья. Его древняя окружность в сто семьдесят стадиев — одиннадцать с половиной миль — была практически такой же, как описана Страбоном. Тройная линия обороны все еще окружала его. Почти окруженный морем, он обладал двумя гаванями — или, скорее, бассейнами, — которые обеспечивали не только безопасную якорную стоянку для торговых судов, но и отличные средства защиты во время войны. Как и в Карфагене, эти искусственные гавани были снабжены хорошо оборудованными

верфями и арсеналами и представляли собой оплот военно-морского могущества Сицилии. Превратности судьбы, которые выпали на долю Сиракуз, не полностью лишили их великолепных памятников древности. Многие дворцы, построенные еще до римской оккупации, сохранились. Укрепления, отразившие столько захватчиков, стояли. На каждом шагу глаз радовался виду изящных портиков и арок, высоких колонн, обширных амфитеатров. В пригородах были разбросаны виллы знати, построенные на местах, которые когда-то занимали зимние жилища тех римских патрициев, чьи поборы привели к обнищанию острова и чье богатство позволило им пользоваться услугами служителей распутства и роскоши со всех концов земного шара. Сильный в своем природном положении, город стал вдвойне грозным благодаря мастерству военного инженера. Его стены были высокими и очень толстыми. Со стороны моря помощь мощного военно-морского флота была незаменима для атакующего противника. Осознавая огромную стратегическую ценность этого места, имперское правительство проявило необычайную заботу о сохранении и ремонте его оборонительных сооружений. Единственным препятствием для успешного сопротивления была протяженность укреплений, для надлежащего укомплектования которых требовался многотысячный гарнизон солдат. Обычная беспечность и мнимая безопасность ее любящих удовольствия граждан оставили Сиракузы совершенно неподготовленными к осаде. При приближении мусульман были приняты все меры, чтобы исправить это преступное пренебрежение. В деревнях и на плодородных землях по соседству были спешно собраны припасы. Драгоценные сосуды и убранство церквей и религиозных домов были перенесены в цитадель. Из дрожащих ремесленников и чернорабочих, которые вместе со своими семьями в спешке бежали в город, спасаясь от копий берберской кавалерии, уже проводившей разведку в окрестностях, было организовано многочисленное, но неэффективное ополчение. Чтобы выиграть время, продвижение мусульман было остановлено невыгодными переговорами, и в качестве условия их беспрепятственного выхода из города была предложена крупная сумма денег. Евфимий, верный низменным инстинктам своей расы и явно стремившийся обеспечить себе позорное отличие среди своих беспринципных соотечественников совершением двойной измены, тайно призывал гарнизон к энергичной обороне обещаниями помощи и внушением патриотических принципов. Предлоги, подсказанные византийским вероломством, не могли долго действовать на хитрого и проницательного Ибн-Фората. Его шпионы раскрыли планы врага; мусульманская армия свернула лагерь, и через несколько дней захватчики появились перед стенами.

Несмотря на тщательную подготовку к кампании, сарацины не были обеспечены военным снаряжением, необходимым для успешного проведения осады. Их инженеры еще не достигли того превосходства в своей профессии, которое впоследствии позволило им встать в один ряд с лучшими солдатами того времени. Их великие победы были одержаны, по большей части, благодаря активности их операций и бесстрашному поведению перед лицом врага, а не выносливости и дисциплине. Транспорты были непригодны для нападения с воды, для чего требовались услуги флота, состоящего из хорошо построенных и защищенных галер. В дополнение к этим недостаткам, силы Ибн-Фората были сокращены из-за размещения гарнизонов, потерь в сражениях, болезней, дезертирства. Для охраны пленных и добычи постоянно выделялся большой отряд. Целые отряды берберов, устав от однообразия и ограничений лагеря, покинули армию после битвы, чтобы предаться своим любимым развлечениям - грабежам и резне. Таким образом, частичная и безрезультатная блокада была

всем, чего мавританский генерал мог надеяться добиться. Поэтому он укрепил укрепления и отправил гонца в Африку за подкреплением.

Прошло незадолго до того, как более грозный враг, чем византийцы, напал на лагерь осаждающих. Фуражировочные отряды обеих армий полностью лишили страну провизии. Припасы, которые были упущены из виду сицилийцами, были растрачены впустую или уничтожены маврами, которые начали испытывать последствия своей расточительности в виде страданий от голода. Солдаты сожрали своих лошадей. Но их было недостаточно много, чтобы утолить жажду, и голодающие мусульмане были вынуждены употреблять нездоровые растения. Вспыхнул мятеж, который в свое время был подавлен железной волей неустрашимого командира, пригрозившего, в случае, если мятежники не вернутся к своим обязанностям, сжечь его корабли. Наконец в лагере появилось подкрепление и обильный запас провизии, и, поскольку боевой дух солдат воспрянул, линии обороны еще плотнее стянулись вокруг осажденного города.

Последняя была усилена венецианской армией под командованием дожа Юстиниана Партипаза, которому император Михаил Заика приказал изгнать мусульман из Сиракуз. Задача, однако, оказалась слишком трудной для сановника, который, по-видимому, был наделен скорее тщеславием, чем военными способностями. Пока их сообщения по морю не были перехвачены, жителям Сиракуз не грозил голод, но со стороны суши город был полностью захвачен. Страна постепенно была оккупирована сарацинами; большое войско под командованием губернатора Палермо было заманено в засаду и разбито вдребезги; престиж победы побудил многих подданных императора отказаться от своей верности кодексу Мухаммеда; и, хотя колоссальные укрепления еще не произвели никакого впечатления, преимущества войны, казалось, были полностью на стороне мусульман. Обескураженные вынужденным бездействием и измученные криками крестьян, которые с крепостных стен наблюдали за разграблением своих домов, сицилийские власти предприняли попытки заключить мир, которые были с презрением отклонены.

Но фортуна, которая до сих пор благоволила захватчику, теперь покинула его знамя. Эпидемия, вызванная переохлаждением и нездоровой пищей, опустошила осаждающих. Одним из первых пал духом генерал-ветеран, чей боевой дух и неукротимая энергия были душой предприятия. Вместе с ним погибла единственная рука, способная сдерживать и использовать непокорные элементы, составлявшие сарацинскую армию. Немедленно возникли неповиновение и беспорядки. Среди неразберихи сбежали заложники и коменданты крепостей и городов, захваченных мусульманским оружием, которые были задержаны как пленники. По всему острову немедленно распространилась информация о потерях, понесенных врагом, и о деморализованном состоянии его лагеря. Доверие и порядок не были восстановлены объявлением о том, что Мохаммед Ибн аль-Гевари был повышен голосованием солдат до звания лейтенанта султана, когда стало известно, что его продвижение по службе было вызвано врагами суверена; его главным правом на их благосклонность было подчинение фракции, свержение которой было осуществлено главным образом благодаря мужеству и решительности погибшего командира. Благоприятная обстановка, под которой до сих пор проводились операции мусульман, больше не вселяла в них надежду на успех. Болезнь в своей самой ужасающей форме, усугубленная пренебрежением простейшими санитарными мерами предосторожности, прошла по их лагерю. В дополнение к этим несчастьям королевство Зиадет-Аллах подверглось нападению банды тосканских авантюристов, которые в серии

столкновений нанесли поражение войскам султана и пронесли свои победоносные штандарты почти до ворот Кайроана. В этих обескураживающих обстоятельствах было решено снять осаду. Войска и багаж были погружены на борт; но как раз в тот момент, когда флот был готов к отплытию, большая эскадра, посланная императором на помощь городу, закрыла вход в гавань. Мавританская армия была поспешно высажена на берег, припасы и походное снаряжение были выброшены в море, а корабли подожжены, чтобы избежать их захвата врагом. Больных бросили на произвол судьбы, а обескураженные солдаты, почти без провизии и средств к существованию, укрылись в горах, в дне пути от места своих лишений и поражений. Так закончилась первая осада Сиракуз, чей иммунитет от захвата был обусловлен скорее прочностью их стен и недостатком у осаждающих военной техники, чем решимостью и бесстрашием их защитников. Должно было пройти полвека, прежде чем с башни собора раздался крик муэдзина или топот арабских эскадронов зазвучал по улицам, которые были свидетелями подвигов Пирра, Агафокла и Марцелла.

В возвышенной и целебной местности, где стоял город Минео, к которому их привел Евфимий, сарацины быстро нашли облегчение. Чума исчезла. Были отправлены группы за фуражом, которые вернулись с большим количеством припасов. Сила и мужество отчаявшихся мусульман были восстановлены; несколько укрепленных пунктов попали в руки их летучих эскадронов, и, наконец, они почувствовали себя достаточно сильными, чтобы предпринять предприятие величайшей важности. Недалеко от внутренней части острова стояла крепость Кастроджиованни - Каструм-Энна древности. Он был построен на скале, возвышающейся высоко над плоскогорьем, поверхность которого, изломанная и неровная от последствий вулканической деятельности, своими острыми и волнистыми гребнями напоминала волны штормового моря. На вершине скалы когда-то стоял храм, посвященный поклонению богине Церере, любимому божеству языческих сицилийцев. Все ресурсы инженерного мастерства были пущены в ход, чтобы обеспечить неприступность этой грозной цитадели. Многочисленные источники снабжали жителей пресной водой. Осада Кастроджованни с ее естественными преимуществами для обороны, дополненными, таким образом, всеми достижениями человеческой изобретательности, вполне могла бы сдержать самого отважного полководца. Но, не смущенные своим неудачным опытом в Сиракузах, мусульмане укрепились перед этой твердыней. Вылазка византийского гарнизона была отбита с большой резней. Связь с окружающей страной была прервана. Чтобы публично объявить о постоянстве их проживания, для войск были построены солидные казармы, а деньги с названием и эмблемой династии Аглабитов были отчеканены из серебра, выделенного из доли королевской добычи. Сарацин снова призвали отдать последние почести своему полководцу, и армия избрала своим командующим Зобейра Ибн Гаута. Последний оказался не ровней деятельному Теодоту, губернатору Кастроджиованни, который хитро перехватил и разрубил на куски отряд фуражиров, а вскоре после этого разгромил мусульман в жестоком сражении, в котором они потеряли тысячу человек. Осада была снята; захватчики в смятении отступили к Минео; жители небольших крепостей, которые мусульмане занимали по пути своего следования, взбунтовались и вырезали гарнизоны; одного вида всадника в тюрбане было достаточно, чтобы привести в ярость крестьян целой провинции; и после двух лет ужасающих лишений и непрекращающихся конфликтов мусульмане оказались ограничены изолированными укрепленными городами Минео и Мазара, которые они сами взяли без труда и во владении которыми они не были уверены ни на один день в течение всей войны. Лицо мстительного и решительного врага.

В то время как положение захватчиков становилось отчаянным и быстрое оставление острова казалось неизбежным, фортуна с ее пресловутым непостоянством снова улыбнулась им. Флот, укомплектованный испанскими авантюристами и командуемый опытным офицером Асбагом Ибн Викилем, высадил припасы и войска, которые укрепили позиции отчаявшихся сарацин. Греческий император Михаил Заика умер, и ему наследовал слабый и жестокий Феофил, у которого среди удовольствий византийской столицы и потворства своим диким и вероломным инстинктам не было ни времени, ни средств, чтобы посвятить их возвращению самого важного острова в своих владениях. Венецианская эскадра, находившаяся на жалованье у императора, оставшись без сотрудничества с сухопутными войсками, видя мало шансов на победу и еще меньше на добычу, бесславно уплыла, бросив разбитую византийскую армию на милость мавританских пиратов, которые, высадившись со всех сторон, снова наводнили остров.

Гражданские волнения, которые какое-то время серьезно угрожали власти Зиадет-Аллаха, были подавлены, и теперь он чувствовал себя свободным оказать существенную помощь своим подданным на Сицилии. Внушительный флот из трехсот кораблей, перевозивший двадцатитысячную армию, отплыл в 830 году из гаваней Африки. Силы, включающие такое большое разнообразие национальностей, редко собирались под знаменем какого-либо лидера. В этом пестром и беспокойном войске были представлены все племена берберов и арабов, от Нила до Атлантики. Йеменские изгнанники, беженцы из Персии, греки-ренегаты и испанские мавры из всех фракций, которые, в свою очередь, опустошили самые очаровательные и плодородные провинции полуострова, поспешили записаться в армию вторжения. Политикан Зиадет-Аллах с успехом предлагал заманчивые стимулы для вербовки туниССких повстанцев, которые недавно оспаривали его власть; он был убежден, что немногие из тех опасных подданных, которых можно было убедить противостоять губительному климату сицилийского побережья и оружию византийских ветеранов, когда-либо вернутся, чтобы нарушить спокойствие его империи. Этой экспедицией также командовал Асбаг Ибн Викиль, предыдущая попытка которого, о которой уже упоминалось, носила всего лишь характер разведки. Армия вторжения, несмотря на свой грозный вид, не оправдала ожиданий, которые были вызваны ее численностью и хваленой доблестью. Лишенные дисциплины и всецело ориентированные на грабеж, его силы были израсходованы в мятежных беспорядках и грабительских набегах. Страна, уже опустошенная бродячими эскадронами обеих наций, теперь была вынуждена выдержать еще одно жестокое нашествие грабителей, более безжалостных и ненасытных, чем их предшественники. И все же предприятие Асбага не было полностью бесплодным. Феодот, византийский полководец, потерпел поражение и был убит под стенами Минео, а сильный город Галулия был взят штурмом. Но тут в мусульманском лагере вспыхнула чума. Асбаг и его главные офицеры погибли; число погибших росло так быстро, что было решено отступать, и сарацины, понеся значительные потери от рук врага, в беспорядке погрузились на корабли и вернулись, часть в Африку, но большинство в Испанию.

Тем временем сильный удар был нанесен отрядом армии Асбага, действовавшим, по-видимому, независимо от его приказов. Перед Палермо внезапно появилась дивизия африканцев. Осада, длившаяся год, велась с энергией и упорством, доселе беспрецедентными в военных действиях порывистых, но легко впадающих в уныние мусульман. Поражение греков при Минее лишило гарнизон всякой надежды на помощь с этой стороны. Император со свойственной ему небрежностью оказал лишь незначительную и безрезультатную помощь. Брошенные на произвол судьбы, солдаты, усиленные патриотически настроенными гражданами, вели героическую, но безрезультатную оборону. В дополнение к неизбежным жертвам войны, их

ряды сократились из-за голода и чумы. С семидесяти тысяч их число сократилось до трех тысяч за двенадцать месяцев — почти невероятная смертность. Не во власти человеческой выносливости было дольше терпеть такие страдания и лишения. Губернатор договорился о почетной капитуляции, и остаткам гарнизона было разрешено беспрепятственно покинуть город, сохранив свое оружие и пожитки. Рабы византийских патрициев пережили смену хозяев, и самый знаменитый островной торговый центр Средиземноморья, традиции которого восходили к глубокой древности, история которого была неразрывно связана с волнующими событиями ожесточенной борьбы Рима и Карфагена за мировое господство, великолепие и чувственность которого вошли в поговорку среди утонченных сластолюбцев Италии и Востока, перешел в руки сарацин, чтобы под его покровительством подняться на еще более высокую ступень коммерческого величия и материального процветания.

Благодаря отличной оперативной базе, предоставленной захватом Палермо, дела мусульман приобрели более многообещающий вид. Они больше не были ограничены недостаточным и ненадежным убежищем в виде изолированных замков и незначительных деревушек. Морские преимущества города, гавань которого была улучшена и расширена трудом многих сменявших друг друга наций, были неисчислимы. Теперь стало возможным легкое и быстрое сообщение с портами Африки. Припасы и подкрепления могли быть доставлены в любую часть острова вопреки максимальным усилиям военно-морской мощи Константинополя. Плодородная территория, включенная в это новое завоевание, была способна, даже при несовершенной и небрежной системе возделывания, обеспечить поддержку многочисленной армии. Престиж, связанный с именем Палермо, также не был наименьшим из многочисленных преимуществ, вытекающих из его владения. Ни один город не был более известен во всех странах, граничащих со Средиземным морем. Он был основан финикийцами. В древности это был один из самых посещаемых рынков. Тир, Карфаген, Афины, Рим, Константинополь, в свою очередь, обогатились за счет своей торговли и осквернили ее своими пороками. По природным преимуществам, по легкости сношений с отдаленными странами, по владению торговлей, налаженной задолго до того, как что-либо упоминается в самых ранних исторических записях, по безграничным сельскохозяйственным возможностям прилегающей территории, по удобству и превосходству своего порта как военно-морской базы, Палермо мог соперничать даже с крупнейшими торговыми центрами древнего или средневекового мира. Для силы, которая могла захватить и удержать такой город, покорение Сицилии было всего лишь вопросом времени.

Серьезные результаты его оккупации вскоре стали очевидны даже неэффективному и коррумпированному правительству Босфора. Обезлюдение города, где улицы с дворцами и рядами элегантных загородных вилл ожидали притязаний военного авантюриста, привлекло из каждого поселения Северной Африки толпы свирепых и бесстрашных солдат удачи. Из христианской общины Палермо, словно по мановению волшебной палочки, превратился в колонию ислама. Кафедральный собор превратился в Джамму; церкви были преобразованы в мечети. В соответствии с мавританским обычаем, отдельные кварталы были отведены приверженцам различных религий и выделены для обслуживания различных транспортных магистралей. Весь город приобрел восточный облик. Развешиваемые одежды и высокие тюрбаны пришли на смену неброским византийским и итальянским костюмам. Дамы из гаремов, закутанные в вуали, в сопровождении великолепно одетых евнухов, бесшумно скользили по улицам или кокетливо поглядывали сквозь выступающие решетки на проходящего незнакомца. Вьючные животные, характерные для Востока, двигавшиеся подобно каравану,

стали слишком обычным явлением, чтобы привлекать внимание любопытной толпы. Повсюду появились каналы, акведуки, фонтаны. Растительность напоминала путешественнику финиковые плантации и олеандровые рощи на берегах Нила и Евфрата. Виллы военного вождя и богатого купца были аналогами изысканных дворцов Севильи и Дамаска. Нигде гений арабской цивилизации не нашел более благоприятного поля для своего проявления, чем в Палермо. В течение нескольких месяцев после его взятия почти ничего не осталось, что указывало бы на то, что город не всегда был мусульманским. Все обстоятельства времени и местности были благоприятны для основания нового и могущественного мусульманского государства, которому в последующие времена было суждено повлиять на судьбу и сформировать цивилизацию некоторых из величайших монархий христианского мира.

Мятежный характер войск, составлявших победоносную армию, был раскрыт, как только Палермо попал в их руки. Подразделение испанских мавров, которое отличилось при нападении на город, провозгласило победу Оммеядов. Но численное превосходство африканцев, а также тот факт, что экспедиция была снаряжена за счет султана Кайруна, вскоре устранили это требование, и Зиадет-Аллах назначил своего двоюродного брата Абу-Фир-Мухаммеда своим представителем на Сицилии. Мусульмане, теперь обеспеченные убежищем на случай катастрофы и постоянно получающие подкрепления, начали быстро продвигаться в подчинении острова. Их отряды фуражиров наводнили все доступные районы страны и несли свои разрушения к воротам Таормины на восточном побережье. Общий успех их оружия был, однако, омрачен убийством Абу-Фира, убийцы которого нашли убежище у врага. Его преемник, Фадл Ибн Якуб, разбил греков в решительном сражении; но победа оказалась невыгодной из-за непрекращающихся раздоров враждебных партий, которыми были охвачены все сферы военной и военно-морской службы сарацин. Когда о неблагоприятном положении дел было доложено Зиадет-Аллаху, он послал Абу-аль-Аглаба, брата Абу-Фира, принять верховное командование. Под руководством этого мудрого правителя, чьи таланты быстро разрешали споры и подавляли дерзость солдат, завоевание продолжалось с удвоенной энергией. Он снарядил эскадру судов снарядами из греческого огня, самым грозным оружием того времени, и с его помощью вскоре стал хозяином побережья. Соседние острова, которые до сих пор избегали бедствий, обрушившихся на Сицилию, были опустошены. Были взяты Корлеоне, Платани, Маринео и многие города поменьше. Гарнизоны городов, все еще удерживаемых христианами, были настолько запуганы, что боялись выходить за их стены. В конце 840 года треть острова находилась во владении арабов; их заселение утратило свой первоначальный характер беспорядочного набега и теперь начало приобретать видимость постоянного поселения; перемирие, которого греки приветствовали, если на самом деле не добивались из-за опасений, дало жителям гарантию по крайней мере временной безопасности, в то время как растущая торговля с Египтом, Африкой и Испанией обеспечила коммерческое благополучие новой колонии, могущество и престиж которой уже достигли такой высоты, что ее естественные враги на другой стороне с нетерпением искали союза с этой колонией. Мессинского пролива.

Со смертью Карла Великого папство, лишенное своего покровителя, было вынуждено полагаться в исполнении своих эдиктов на небесную силу, от которой происходили как его традиции, так и их авторитет. Его божественные притязания на послушание и почитание человечества имели, однако, мало веса для свирепой знати того времени, когда эти притязания не подкреплялись вооруженной силой. В то время князь Беневента, потомки лангобардов, правили большей частью Южной Италии. Маленькие республики Неаполь, Гаэта, Сорренто и Амальфи, независимость которых была политической аномалией в эпоху феодального рабства,

стали неожиданным и грозным препятствием для амбициозных замыслов ломбардских баронов. Осознавая конечный результат борьбы, если вести ее без посторонней помощи, и не видя возможности получить помощь от монархов христианского мира, отчаявшиеся граждане Неаполя обратились к сицилийским мусульманам. Заключенный тогда союз просуществовал пятьдесят лет, вопреки провозглашениям крестовых походов, анафемам Церкви и кампаниям, начатым под ее эгидой, и не раз по запоминающимся поводам серьезно угрожал сохранению условий, царивших в политическом и религиозном обществе Европы.

Эмир Абу-аль-Аглаб, не теряя времени, отправил флот на помощь неаполитанцам, уже осажденным лангобардским князем Сикардом. Город был освобожден, и осаждающие оказались в настолько невыгодном положении, что были вынуждены заключить перемирие с республикой и освободить без выкупа захваченных ими пленников. Не прошло и года, как неаполитанцев призвали на службу в предприятии не меньшей важности. Мусульманская эскадра без предупреждения обрушилась на Мессину. Неаполь с готовностью откликнулся на призыв своих новых союзников; и пока внимание гарнизона было отвлечено яростной атакой объединенных флотов, отборный отряд взобрался на стены с тыла, и почти без кровопролития к быстро растущей мавританской империи была присоединена еще одна из великих сицилийских столиц. Воодушевленные своей победой, сарацины удвоили усилия по расширению и упрочению своего владычества. Их летописи сохранили для нас названия и память о многих процветающих городах, среди них Алимена, Лентини и Бутера, чье процветание пережило пагубные последствия римского гнета и византийского пренебрежения, чей захват был важным фактором завоевания, но чья история и местоположение сейчас более или менее окутаны мраком.

Примерно в это же время умер ветеран эмир Абу-аль-Аглаб, преисполненный лет и славы. Население Палермо, окрыленное успехом и желающее при каждом удобном случае проявлять свой независимый и мятежный дух, без уведомления кайранского двора путем всеобщего одобрения избрало губернатором колонии Аббаса Ибн Фадля, капитана, известного решительностью своего характера и свирепостью манер. При его администрации война велась энергичнее, чем когда-либо. Поля трудолюбивого крестьянина, какими бы отдаленными они ни были, никогда не были защищены от разрушительных набегов арабских флибустьеров. Таким христианским поселениям, которые были достаточно богаты, разрешалось сохранять свои земли при уплате дани, обычно значительно превышавшей ту, которая предписывалась мусульманскими законами, и которая была лишь сомнительной гарантией безопасности, когда каприз завоевателя предполагал увеличение его и без того алчных и экстравагантных требований. Потребности населения, постоянно вовлеченного в военные действия, требовали использования большого количества рабов для обработки земли. Они были получены не только от пленных, взятых в бою, но и как часть дани, взимаемой с трусливых греков, которые без колебаний жертвовали своими вассалами и даже родственниками ради временной безопасности. Мавры, сознавая беспомощность своих неверных данников, которых они считали уже побежденными и даже своим существованием обязанными собственной умеренности, часто отказывались от подношений золота и драгоценных товаров и требовали взамен поставки установленного количества человеческого скота, жизнь которого быстро угасала из-за тяжелого труда, которому они подвергались в чумной атмосфере побережья и болотистых долин внутренних районов, где выращивание риса производилось с большой прибылью и с вопиющим пренебрежением к смертности, которую это вызывало.

Теперь произошел инцидент, тривиальный сам по себе, но, в конечном счете, самый важный, который еще больше поднял репутацию мусульманского оружия. Высокопоставленный грек был схвачен сарацинским разведывательным отрядом в окрестностях Кастроджованни. Пленник, доставленный в Палермо и признанный неспособным к физическому труду и не имеющим средств для получения требуемого крупного выкупа, был приговорен к смерти безжалостным губернатором, чья практичная, но жестокая политика не поощряла содержание бесполезных пленников. Когда палач уводил его, греческий патриций страстно умолял эмира о милосердии, обещая ему владение Кастроджованни, если ему сохранят жизнь. Аббас с готовностью выслушал предложение, столь соответствующее его авантюрному и амбициозному духу. Отряд из тысячи всадников и семисот пехотинцев, отобранных за их доблесть, был собран со всем усердием и секретностью и, ведомый отступником и лично под командованием эмира, ночью в молчании покинул Палермо и направился к месту назначения малолюдными дорогами и опасными тропами горных пустынь. Беспрепятственно добравшись до окрестностей города, арабский генерал разместил всю свою кавалерию и часть пехоты в засаде на юге, где подход был наименее сложным, а рощи пригородных резиденций, занятых более богатыми жителями, предоставляли отличные возможности для укрытия. Отборный отряд воинов под предводительством византийского предателя с бесконечными трудностями взобрался на отвесную скалу с северной стороны цитадели и у подножия стены с нетерпением ожидал первых лучей солнца. С приближением рассвета бдительность часовых ослабла, ибо неприступный характер крепости казался сам по себе достаточной защитой при ярком свете дня, и, забыв, что бдительность - одна из первейших обязанностей солдата, стражники искали отдыха после утомительной ночи. Не успели они скрыться с крепостных валов, как мусульмане гуськом проникли в цитадель по акведуку, проходившему под стеной. Немногие отставшие в этот ранний час были перебиты; ворота распахнулись, и под звон оружия и боевой клич мусульман основная часть отряда во главе с эмиром ворвалась в город. Блеск триумфа был, к сожалению, омрачен зверствами, которыми он сопровождался. Гарнизон был намеренно вырезан. Ни одному солдату не удалось спастись. Женщины и дети были приговорены к рабству. В стенах Кастроджованни, как места абсолютной безопасности, были собраны самые выдающиеся и богатые жители-христиане, а также большая часть оставшихся сокровищ острова. Жречество хранило здесь богатства, накопленные страхами и щедростью суеверного и набожного населения на протяжении многих веков. Все стало добычей завоевателя. Ценность добычи была огромной. Едва ли во всей Сицилии можно было найти патрицианскую семью, которая не оплакивала бы пленение какого-нибудь родственника или друга. Дети знати, которые вели свою генеалогию до самой блистательной эпохи римского величия, были безжалостно отправлены в караульные помещения и гаремы мавританских военачальников. Потеря Кастроджованни стала величайшим бедствием, постигшим сицилийцев с тех пор, как сарацины впервые высадились на острове. Обычные изменения, введенные последним при захвате города, были доведены до совершенства без промедления, церкви были очищены и превращены в мечети, владения побежденных были разделены между высшими должностными лицами, дань выжившим гражданам была регламентирована, рабы были распределены между их новыми хозяевами, а награбленное классифицировалось и делилось в соответствии с предписаниями ислама. Безграничное ликование победителей побудило их выделить, в дополнение к обычной пятой части добычи, причитающейся султану, часть самой богатой добычи и несколько самых красивых пленниц для халифа Багдада, верховенство которого не признавали мавританские князья Запада. Таким образом, в час триумфа эти кровожадные фанатики, многие из которых не признавали никакого закона, кроме закона силы, и никакой

веры, кроме идолопоклонничества, запрещенного Кораном, смогли забыть национальную ненависть, порожденную враждующими поколениями, и остроту религиозных споров в своем великодушном желании почтить Преемника Пророка, самого возвышенного властителя мусульманского мира.

Политические результаты, последовавшие за внезапным нападением Кастроджованни, были не менее весомыми, чем физические преимущества, которые получили победоносные сарацины. Военный престиж последнего был чрезвычайно возрос. Пока христиане удерживали крепость, все были уверены, что ни один враг не сможет ее взять. Цвет мусульманской армии уже с позором покинул его стены. Это был оплот императорской власти, прибежище Церкви, убежище робких. Его обладание было гарантией того, что ненавистный захватчик никогда не сможет распространить свою власть на остров; залогом того, что церемонии его богохульного ритуала никогда не осквернят священные территории его храмов. В его святилищах были выставлены реликвии, чудесные свойства которых были засвидетельствованы пожертвованиями по обету благочестивых людей многих поколений. И теперь, когда эта твердыня пала, люди потеряли веру в защитную силу Небес, как они уже потеряли веру в эффективность человеческого оружия. Несчастный гарнизон заплатил за свою халатность смертью. Священные реликвии святых были дискредитированы. Однако чувство апатии вскоре сменилось жадой мести. Даже праздный и распущенный константинопольский двор был побужден к действию, и флот из трехсот человек был отправлен из Босфора, чтобы устранить последствия катастрофы и восстановить императорскую власть. Высадившись в Сиракузах, греки двинулись вдоль побережья в сопровождении флота. Эмир, осведомленный об их передвижениях, напал на них неожиданно; изумленные и плохо дисциплинированные солдаты Востока не смогли противостоять яростной атаке арабов, и в последовавшем за этим разгроме дикие победители утолили свою жажду резни. Пленных не взяли. Перепуганные греки, сбившиеся в беспорядке в кучу, были безжалостно убиты. Сотни утонули в безуспешной попытке добраться до флота вплавь. Бесстрашные мусульмане с помощью лодок, полученных из Палермо, захватили у врага сотню судов; их команды были сброшены в воду на острие "ятагана". Не испугавшись этой катастрофы, была организована вторая экспедиция для отвоевания острова; императорская армия была увеличена значительным количеством сицилийцев, и объединенные силы двинулись на Палермо. И снова хитрый Аббас стремительностью своих движений и храбростью своих войск расстроил планы врага. После ожесточенного сражения близ Чефалу преимущество дня осталось за сарацинами; греки были вынуждены отступить, и эмир, взбешенный упорным сопротивлением, с которым он столкнулся, нанес ответный удар, неся огонь и меч до ворот Сиракуз.

Вскоре после его возвращения из этой экспедиции Аббас заболел и умер, и его останки, преданные могиле его убитыми горем последователями, были после ухода последних выкопаны греками, оскорблены всеми приемами бессильной злобы, какие только могли предложить ненависть и страх, и, наконец, преданы огню; единственное средство мести, доступное его малодушным противникам, которые так часто испытывали на себе мстительность его характера и силу его оружия. В течение одиннадцати лет его правления христиане подвергались непрерывным войнам. Подобно Великому Аль-Мансуру, он прекрасно понимал преимущества того, что не дает врагу времени пополнить свою казну или набрать силы. Усилиями его военного гения границы императорских владений ежегодно сужались, пока небольшая территория не признала верховенство Константинополя, за исключением территории в непосредственной близости от Сиракуз. Его политическая проницательность подсказывала союз с недовольными

штатами Италии и создание мусульманских поселений на материке в качестве основы будущих военных операций и постоянной угрозы как императорскому, так и папскому дворам.

Смерть эмира Аббаса стала сигналом раздора в каждой сарацинской общине на Сицилии. Племенные предрассудки различных группировок, которые были временно подавлены железной волей покойного губернатора, теперь проявлялись с большей силой, чем когда-либо. Берберы, йемениты и исмаилиты выстроились друг против друга в ожесточенной трехсторонней борьбе. Убийства стали обычным явлением. Собственность граждан не была защищена от жадных и непокорных солдат даже в стенах замков. С совершением каждого нового преступления вражда соперничающих группировок разгоралась и усиливалась. Города и районы становились взаимно и мстительно враждебными. Как и во всех странах, управляемых мусульманским государством, законы которого были неспособны контролировать антагонистические элементы, которые с самого основания государства угрожали его распаду, сицилийская колония обнаружила те же симптомы разорения и начала проявлять тенденцию к распаду еще до того, как суверенитет мусульман был полностью установлен над островом.

Теперь на троне цезарей восседал монарх, сильно отличавшийся характером от своих предшественников. Карьера Василия Македонянина, чьи качества государственного деятеля и непреклонная решимость реформировали управление Империей, пресекли злоупотребления Церкви и бросили вызов уважению варваров, казалось, указывала на противника, которого следовало опасаться гораздо больше, чем двух Михайлов — “Заику” и “Пьяницу”, — при чьем позорном правлении были в основном достигнуты успехи мусульман.

Еще до этой эпохи христиане Сицилии, несмотря на расовые предрассудки и религиозные верования, а также на тяжкие увечья, которые они понесли от рук своих врагов, начали с возрастающей благосклонностью относиться к справедливому правлению мусульман по сравнению с капризными и грабительскими поборами чиновников Империи. Положение данников под мусульманским владычеством, хотя и было, несомненно, менее благоприятным, чем положение их единоверцев почти в любой другой мусульманской стране, все же было достойно зависти подданных византийского императора. Их налоги были определенными и устанавливались законом. Они наслаждались, не подвергаясь преследованиям, отправлением своей веры и соблюдением своих социальных обычаев, поскольку они не вмешивались в те, которые были свойственны их правителям. Их собственные магистраты вершили правосудие по обычным делам в соответствии с теми формами юридической процедуры, к которым они всегда привыкли. Частые обложения константинопольского двора были гораздо более обременительными, чем дань, которую требовали в определенный период сборщики мавританской казны. Учитывая все обстоятельства, нет никаких сомнений в том, что, если бы не пагубный пример анархии, который демонстрируют враждебные группировки после смерти каждого эмира, оставшаяся часть острова в течение нескольких лет добровольно подчинилась бы власти ислама. Бесчинства свирепых сторонников, которые во время междоусобицы, предшествовавшего избранию каждого нового правителя, грабили как друзей, так и врагов, удерживали робких христиан от попыток сменить хозяев, а восшествие на престол императора Василия утвердило их в своей преданности. Первой попыткой нового монарха было пробудить стремление данников к независимости. Возникли заговоры. Значительная часть территории, удерживаемой мусульманами, которую посетили эмиссары императора и воодушевленные беспорядками, последовавшими за смертью Аббаса, подняли восстание. Восстание было подавлено, но неправомерное поведение капитанов, назначенных новым губернатором,

Хафагией Ибн Софианом, навлекло позор и бедствие на сарацинское войско. Сам эмир был отбит перед Сиракузами, которые были укреплены и значительно усилены императором, который признал их ключом к императорской власти на Сицилии. Вскоре после этого это несчастье было исправлено великой победой, одержанной над императорскими войсками под стенами этого города, в ходе которой армия греков была почти полностью уничтожена, а мусульмане, нагруженные богатой восточной добычей, с триумфом вернулись в Палермо. В 869 году Хафагия погиб в безуспешной попытке взять Сиракузы штурмом. На следующий год его сын Мухаммед, сменивший его, был убит его собственными рабами.

Неоднократные неудачи, терпимые греками, подорвали доверие к их лидерам, чья некомпетентность была большей причиной поражений императорской армии, чем отсутствие дисциплины, которое было столь заметно среди рядовых. Хотя прогресс мусульман был медленным, он был несомненным. Их потери были легко восполнены, их стремительность скорее стимулировалась, чем сдерживалась несчастьем, и во всех отношениях их способность восстанавливаться оказалась выше, чем у их врагов. Территория Сицилии, хотя и была далека от покорения, казалась слишком ограниченной для их дерзких амбиций. Пройдя Мессинский пролив, они опустошили древнюю провинцию Великая Греция. Они завоевали Апулию и Калабрию. Они разорили герцогство Сполето. Они захватили Анкону. Они захватили Беневент, Бриндизи, Тарент, Бари. Они заняли мыс Мизенум, под самыми стенами Неаполя. Они обосновались на побережье Далмации. Они разграбили и сожгли древний город Капую. Они основали колонию Гарильяно, которая представляла постоянную угрозу Папской области и долгое время была бичом христианских княжеств Италии. Независимые поселения, состоящие из солдат удачи, которые познакомились со своим безжалостным призванием в гражданских войнах в Испании и Африке, были основаны по всему югу Итальянского полуострова. Главари этих разбойников присвоили себе титулы верховной власти, грабили и убивали крестьян-христиан и приобрели за имя мусульманина ужас и проклятие, не уступающие тем, которыми отличались силы тьмы. Неаполитанские лощманы вели своих корсаров вдоль берегов Адриатики. Эскадры африканского султана разгромили венецианцев в нескольких морских столкновениях, высадили войска в устье реки По, отрезали торговлю итальянских республик от моря и довели их вторжения до границ Истрии. Они проникли к воротам Рима, разрушили церкви святых Петра и Павла, которые находились за городскими стенами, и оскорбили достоинство Святого Престола ужасными актами святотатства. Мощи Святых были подвергнуты невыразимому оскорблению. Монахов безжалостно убивали или толпами гнали трудиться на сицилийские болота. Монахини были схвачены для продажи на невольничьих рынках Палермо и Кайроана. Если бы Вечный город не был слишком хорошо укреплен для армии, не оснащенной военной техникой, необходимой для осады, чтобы атаковать его с какой-либо перспективой успеха, мусульманский культ мог быть введен в цитадель христианства. За исключением разграбления Рима коннетаблем Бурбоном в последующую эпоху, папский престол никогда не подвергался более унижительному унижению. Постоянные раздоры в полунезависимых княжествах Италии помогли сарацинам сохранить плацдарм гораздо больше, чем их собственная доблесть или ресурсы. Их колонии существовали с попустительством их врагов. Феодалные бароны, в большинстве случаев, ненавидели своих соседей—христиан, нередко связанных с ними кровными узами, а также обязательствами по общей религиозной вере, гораздо больше, чем богохульствующих мусульман. Тщетно призывали на помощь императора Германии; его планы были сорваны раздорами и предательством его союзников. Силы, которые он посылал на помощь итальянцам, постоянно конфликтовали с византийцами, и

армии, почти равные завоеванию империи, были бесплодно использованы в ссорах мелких государей, союз которых был необходим для изгнания коварного и дерзкого врага. Папа, либо по слабости, либо из политических соображений, по-видимому, в целом держался в стороне от этого крестового похода, проводимого от его имени как главы христианского мира, а также для обеспечения стабильности своей светской власти.

В ходе этих событий Ибрагим Ибн Ахмед, принц с редкими административными талантами, обширными достижениями, безграничными амбициями и характером, отличающимся варварством даже в эпоху тиранов, взшел на трон Кайруна. Желая ознаменовать свое восшествие на престол успешным осуществлением предприятия, которое тщетно пытались осуществить его предшественники, он решил захватить Сиракузы. Была собрана многочисленная армия. В соответствии с излюбленной политикой государей Африки, особое внимание уделялось тому, чтобы недовольные, проявившие враждебность по отношению к правительству, были зачислены в состав экспедиции. Когда денежные стимулы не смогли соблазнить этих нарушителей спокойствия, их схватили и заставили сесть на корабль. Приготовления были достойны важности и трудностей предприятия. Флот состоял из самых быстрых и крупных судов мавританского флота. Армия была снабжена самыми мощными машинами, когда-либо построенными арабами для осады любого города. Командование было поручено Джафару Ибн Мухаммеду, недавно назначенному эмиром Сицилии, офицеру со способностями, опытом и отвагой.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как мусульмане предприняли свою первую попытку отвоевать у византийцев этот великий город, известный с древнейших времен. Его завоевание было заветной мечтой многих эмиров, один за другим с позором покидавших его стены. В каждой кампании его пригороды и земли, от которых в основном зависело пропитание его населения, разорялись отрядами мавританских всадников. Уменьшение дани, вызванное неурожаем и уничтожением сельскохозяйственной продукции, массовыми убийствами и порабощением земледельцев, застоном торговли и эмиграцией богатых граждан, побудили Константинопольский двор, который рассматривал каждый вопрос исключительно с точки зрения денежной выгоды, почти отказаться от поддержки последнего оставшегося оплота против мусульманского господства на Сицилии. За четверть века число жителей значительно сократилось. Войска, которые все еще сохраняли тень императорской власти на острове, были в основном набраны из воинственной молодежи Сиракуз. Эпидемия, которая так часто истребляла осаждающих, не пощадила и защитников города. Тысячи людей погибли только по этой причине. Принимая во внимание эти факты и учитывая обширность его стен, вполне вероятно, что ни в один предыдущий период своей истории Сиракузы не были настолько плохо подготовлены для того, чтобы выдержать осаду.

Византийский военачальник, осознав свою неспособность защитить внешние укрепления, внутри которых стояли лучшие дома и кафедральный собор, отступил к внутренней линии, проходившей через перешеек, разделяющий два бассейна гавани. Что касается количества и важности его зданий, то город был взят более чем наполовину, когда мусульманская армия, не встретив сопротивления, прошла через заброшенные ворота внешней стены. На узком перешейке, имевшем в ширину немногим более ста ярдов, объединенные силы обеих армий яростно боролись за господство. Мавританские инженеры изобрели катапульты улучшенной

конструкции и потрясающей мощности, которые вместо того, чтобы направлять свои снаряды по кривой, как это делалось до сих пор, швыряли их прямо в стены с неслыханной скоростью и точностью прицеливания. Все приемы, знакомые с древними войнами, были применены, чтобы довести гарнизон до крайности. Под башнями были установлены мины. Греческий огонь был брошен во все кварталы города, к ужасу осажденных, которым постоянно угрожали разрушительные пожары. Христиане были вынуждены проявлять постоянную бдительность, чтобы отразить штурмующие отряды, которые поднимались в атаку в любое время дня и ночи. Флот, посланный императором для снятия осады, был рассеян сарацинскими галерами, которые благодаря этой победе фактически установили контроль над Средиземным морем. Двойной порт был занят врагом, греки были оттеснены с северной стороны города в цитадель, а стены, защищавшие гавань, были разрушены. Теперь сиракузяне были предоставлены самим себе. Они полагались только на свою доблесть, выносливость и верность. Никакая помощь не могла прийти к ним ни с какой стороны. Подвергаясь нападениям с моря и суши, они упорно оборонялись. С характерной для византийцев расточительностью не было собрано достаточного количества провизии. Быстрые передвижения мусульман и их неожиданное появление помешали какому-либо последующему исправлению этого непростительного упущения. Несмотря на трудности, в которых им приходилось трудиться, жители Сиракуз с честью поддерживали боевую репутацию своего города, известного многими упорными сражениями. Голод уничтожил многих, кого пощадило оружие врага. Жители были вынуждены питаться мхом, соскребаемым со стен, пожирать шкуры и сломанные кости, даже питаться плотью убитых. Ослиная голова ценилась в двадцать византийских золотых; небольшую порцию зерна нельзя было получить меньше чем за сто пятьдесят. Употребление нездоровой пищи вскоре вызвало чуму. Смертность только по этой причине была такова, что за месяц погибло четверть жителей. Несмотря на то, что сиракузяне знали о бездействии византийского правительства и жесткой блокаде мусульман, они не теряли всякой надежды на помощь. Император Василий жестоко разочаровал ожидания, которые были сформированы относительно его характера, вытекавшие из его ранней карьеры солдата и из его энергичных реформаторских мер при восшествии на императорский престол. Его разум оказался неспособным противостоять разрушительному церковному влиянию, которым была пропитана атмосфера Константинополя. В последнее время он пытался искупить ошибки и преступления прошлых лет униженным служением священническому ордену. Он почитал священство занятием высочайшей важности. Монахи, некоторые из которых были евнухами с сомнительным прошлым, стали его советниками в государственных делах. Он воздвиг сотню церквей, многие из них в честь святого Михаила, как безрезультатное искупление нечистой совести за жестокое обращение со своим убитым сувереном. И вот, в то время как сиракузяне с неустрашимым мужеством боролись за сохранение достоинства и могущества Империи в единственной цитадели Сицилии, которая все еще сопротивлялась вторжениям неверных, этот жалкий раб суеверий нанимал своих солдат на строительство величественной базилики - наказание, налагаемое увещеваниями его призрачных советников.

По мере того как дух осажденных падал день ото дня, а их ряды редели из-за потерь, голода и болезней, усилия мусульман стали более решительными, чем когда-либо. Массивные стены цитадели постепенно рушились под непрекращающимися выстрелами из баллист и катапульт, направленными на столь ограниченный участок их окружности. Огромная башня, защищавшая большую гавань, месяцами подрывавшаяся и разрушавшаяся от военных машин, в конце концов рухнула в воду, унося с собой часть прилегающих оборонительных сооружений. Это

событие, которого давно ожидали осаждающие, послужило сигналом к яростному штурму. Побуждаемые всеми соображениями честолюбия, рвения, алчности и мести, сарацины ворвались в брешь с порывистостью, которая угрожала сокрушить любое сопротивление. Но они были встречены с решимостью, равной их собственной. Гарнизон, хотя и ослабленный лишениями и усталостью, продолжал борьбу с энергией отчаяния. Число жителей, по общему мнению, едва достигало двадцати тысяч. Каждый, однако, внес свою лепту в защиту дома и религии; священники, облаченные в свои священные облачения, воодушевляли солдат своими молитвами и благословениями, женщины нежно заботились о раненых и умирающих. Двадцать дней и ночей доблесть сиракузян сдерживала нападавших. Вал из трупов, возвышавшийся на много футов над руинами разрушенной стены, представлял собой жуткий бастион для защиты осажденных, в то время как повсюду он отравлял воздух своими ужасными испарениями. Бой шел врукопашную. Ракетное оружие не применялось. Исход не вызывал сомнений, и все же христиане ни на мгновение не допускали мысли о капитуляции. Наконец мусульмане отступили, шум битвы прекратился, и правитель, не сомневаясь в намерениях своего коварного врага, оставив небольшой отряд наблюдать, удалился с основной частью своих войск на минутку отдохнуть. Внезапно все машины в сарацинском лагере выпустили свои смертоносные снаряды, и из разрушенных домов, с обвалившегося вала и разрушенной стены осаждающие при волнующем звуке атабала и трубы снова бросились вперед, в брешь. Военная хитрость увенчалась полным успехом. Стройная гвардия, которой беспечное доверие губернатора вверило судьбы преданного города, была разрублена на куски в одно мгновение. Гарнизон, сосредоточивший свои силы на улицах, тщетно пытался остановить яростный поток. Перепуганные жители искали убежища в церквях только для того, чтобы быть зарезанными у алтаря. Безмерно раздраженные сопротивлением народа, который даже перед лицом смерти не желал уступать, свирепые противники жадно утоляли свою жажду крови. Архиепископ и трое его духовных подчиненных, схваченных в соборе, были пощажены при условии указания места, где хранились священные сосуды, использовавшиеся в церемониале общественного богослужения. Героический губернатор, чье имя, к сожалению, ни один христианский или арабский писатель не счел достойным быть переданным потомкам, вместе с семьдесятю вельможами бросился в башню цитадели, которая была взята штурмом на следующий день. Как это было принято во время сицилийских войн, которые вели сарацины, все мужчины зрелого возраста были преданы мечу. Тех из них, кто избежал вражеского оружия во время штурма, собирали, сажали в тюрьму на неделю, а затем, сбившись в кучу в узком пространстве, бесчеловечно избивали и забивали камнями до смерти. С некоторых неосторожных фанатиков, которые искали мученической смерти, понося имя Мухаммеда, заживо содрали кожу. Этим жестоким, но эффективным методом за один день было уничтожено четыре тысячи пленников. Женщины и дети, без исключения, были приговорены к рабству. Из почти пятнадцати тысяч человек лишь несколькими сотням удалось ускользнуть от бдительных поисков сарацин, донести до христианских земель историю обороны, редко встречающейся по храбрости и стойкости в анналах военных действий, и поведать изумленным и возмущенным народам Европы о преступной апатии и трусости хваленного защитника христианского мира, слабого и суеверного монарха Восточной империи. Поскольку Сиракузы долгое время были главным хранилищем сокровищ острова, избежавшего хищничества прежних кампаний, а также местом, широко известным своей торговлей и богатством своих граждан, завоеватели получили большую добычу. Арабские хронисты рассказывают, что ни в одной другой столице, когда-либо подчинявшейся мусульманам, в их руки не попадала такая драгоценная добыча. Священнослужитель Феодосий, очевидец, не склонный преувеличивать успех своих врагов,

оценивает его стоимость в миллион византов, что в настоящее время составляет более двадцати миллионов долларов. Священные сосуды и утварь, изъятые из церквей, весили пять тысяч фунтов. Состоящие полностью из драгоценных металлов, их ценность, сама по себе огромная, была значительно увеличена благодаря их изысканной работе, демонстрировавшей мастерство самых искусных ремесленников Константинополя. По какой-то причине, о которой по прошествии времени невозможно выдвинуть правдоподобное предположение, мусульмане решили полностью разрушить крепость, которая так долго и решительно сопротивлялась их вооружению. Поскольку сражение велось на сравнительно ограниченной территории, большая часть города все еще оставалась невредимой. Внешние стены, окружавшие пригороды и великолепные особняки богатых и знатных людей, остались нетронутыми. Целые улицы, хотя и тихие и пустынные, не представляли других свидетельств разрушительности войны. Ряды мраморных дворцов все еще возвышали свои величественные фасады вдоль проспектов и площадей, которые состоятельные сиракузяне украсили со всей помпезностью и роскошью. Со всех сторон тянулись изящные колоннады, амфитеатры, храмы. В общественных садах чувства улаживались и освежались многочисленными цветниками и фонтанами; на форумах на каждом шагу наблюдатель сталкивался с говорящими изображениями знаменитых героев древности. Несмотря на то, что внимание утонченных граждан Сиракуз было посвящено прибыльным занятиям торговлей, они ни в коем случае не были монополизированы практическими занятиями. Они были щедрыми покровителями литературных и художественных талантов. Их архитекторы и скульпторы, по-видимому, унаследовали немалую долю аттического мастерства. Ни один итальянский город, получивший свою цивилизацию от греческих колонистов, не сохранил в такой высокой степени нетронутыми свидетельства своего благородного происхождения. Элегантные концепции, воплощенные в работах сиракузских художников, мастерство их исполнения, чистота вкуса, которую они демонстрировали, превосходство используемых материалов резко контрастировали с грубыми и варварскими усилиями византийской посредственности.

Казалось, нет никаких причин, по которым этот великолепный город должен быть обречен на уничтожение. Его укрепления— огромная мощь которых была продемонстрирована в ходе полувекового противостояния, можно было легко отремонтировать. Его местоположение было восхитительным, его гавани просторными, его территория плодородной, его торговые возможности непревзойденными. Его заброшенные жилища без труда могли бы предоставить приют населению в сто тысяч душ. Память о его традициях, престиж его имени, слава о его захвате вполне могли побудить победителей сохранить его как непреходящий памятник своему упорству и доблести. Но никакие соображения полезности или сентиментальности не повлияли на безжалостную решимость мавританского командира. Был отдан приказ полностью разрушить Сиракузы. О массивности его сооружений можно составить представление из заявления о том, что на их снос потребовалось два месяца. Наконец, когда стены были разобраны, дома стерты с лица земли, а гавани завалены мусором, завоеватели поднесли факел, и пламя довершило разрушение, столь успешно начатое грабежом и вандализмом.

Пленные и добыча были отправлены в Палермо под сильной охраной африканцев. На это мучительное путешествие ушло шесть дней и ночей. Стремясь поскорее прибыть к месту назначения, жестокие солдаты отказались дать своим пленникам ни минуты отдыха, и марш совершался без остановок, за исключением тех случаев, когда необходимость приготовления пищи или физические препятствия на горных тропах вызывали задержку. При приближении печальной процессии из ворот мусульманской столицы высыпали тысячи зрителей в тюрбанах.

Вид длинной вереницы пленников и такой добычи, какая никогда прежде не ослепляла глаз самого опытного ветерана, вызвал горячий энтузиазм толпы. Некоторые демонстрировали свою радость экстравагантными жестами и танцами, но большинство, более благопристойные, скандировали в унисон соответствующие отрывки из Корана. Многие пленники после невыразимых страданий погибли в подземных застенках Палермо. Другие обрели позорную безопасность, публично отрекшись от своей веры. Падение Сиракуз практически завершает мусульманское завоевание Сицилии. Выродившийся монарх, который из-за своего непростительного пренебрежения был ответственен за потерю острова, не предпринял никаких серьезных усилий для его возвращения. Несколько незначительных городов, главным из которых была Таормина, обязанные своей безопасностью скорее равнодушию сарацин, чем собственной неприступности, все еще оставались верны императору. Византийский штандарт — эмблема алчности, фанатизма и любых политических злоупотреблений — навсегда исчез с тех высоких крепостных стен, где он развешивался на протяжении стольких веков. Отныне доблесть завоевателей должна была проявляться главным образом друг против друга. "Анналы Сицилии" за многие последующие годы представляют собой скучный и бесполезный рассказ о заговорах, убийствах и гражданских беспорядках, о безрезультатных усилиях амбициозных военачальников, стремящихся к независимому владычеству, о быстрой смене эмиров с кровавыми вкусами и посредственными способностями, о неповиновении и нерешительных конфликтах с принцами Кайроана. История повторялась. Беспорядки, которые опозорили общество каждой мусульманской страны, когда кажущаяся сплоченность рас была разрушена поражением и изгнанием общего врага, теперь проявлялись в меньших масштабах, но с не меньшей мстительностью, на узком театре военных действий Сицилии. Возвышение до эмирата, санкционированное или нет конфирмацией и инвеститурой африканского султана, стало самым опасным отличием. Племена и группировки преследовали друг друга с неослабевающей ненавистью. Даже в Испании вопиющие недостатки мусульманского государственного устройства не бросались в глаза так сильно, и порочный характер компонентов социальной организации не проявлялся так полно. Постоянная депортация преступников и политических недовольных султанами Африки в качестве меры предосторожности, нецелесообразность которой демонстрировалась в каждом новом восстании, была в значительной степени ответственна за эту общую дезорганизацию. Невозможно было разумно предположить, что эти нарушители общественного спокойствия, чьи жизни прошли среди суматохи религиозной и военной революции, будут сохранять спокойствие при любом правительстве.

В то время как мусульманские группировки с переменным успехом растрачивали свою энергию в самоубийственных конфликтах, христианские общины, многие из которых были респектабельны по богатству и численности, благодаря терпению смогли насладиться временной передышкой. Завершение войны привело к одному наиболее благоприятному результату - обмену пленными. Из темных сводов зловонных темниц; с галеры с ее бичом и лязгающими кандалами; с рисовых полей, пропитанных миазматическими испарениями; из позолоченных вестибюлей гарема; узников, давно потерявших надежду, теперь выводили наружу, чтобы вернуть домой, к родственникам. Борьба, которая на протяжении более чем полувека в равной степени привлекала внимание христиан и мусульман по всему миру, закончилась. Теперь человечество начало с тревогой поглядывать на новое мусульманское государство, которое стало плацдармом, по которому африканские орды могли снова войти в Европу. Проход Мессинским проливом создавал меньше препятствий для захватчика, чем

проход Гибралтарским проливом. От границ Калабрии до Рима было всего несколько дней пути, и никто не забывал, что знамена ислама когда-то были замечены перед стенами Вечного города. Многочисленные мусульманские колонии, большинству из которых, казалось, угрожала постоянная заселенность, были основаны в Южной Италии; мавританский флот утвердил свою власть в Адриатике; между Неаполитанской республикой и эмирами Сицилии существовал тесный союз. Поэтому христианский мир не без основания с нескрываемым опасением относился к присутствию таких непримиримых врагов в непосредственной близости от своей столицы. Не существовало адекватных средств защиты, чтобы отразить надвигающуюся опасность. Константинопольский двор в замешательстве удалился с поля боя. Италия была отвлечена распрями множества незначительных княжеств. Папство еще не достигло того главенствующего положения в политической системе Европы, которое оно впоследствии заняло, и его светская власть ограничивалась возбуждением столичной черни, страсти которой, однажды разгоревшись, оно не всегда было в состоянии контролировать. Мечта Мусы, который хвастался, что единство Бога будет провозглашено в церкви Святого Петра, казалась теперь гораздо более осуществимой, когда сарацинские армии были отделены от Рима всего лишь узким каналом и несколькими часами марша, чем тогда, когда этот проект впервые пробудил честолюбие этого отважного полководца за горными преградами Пиренеев и Альп.

После того как мир на острове был окончательно обеспечен после большого кровопролития, усилия эмиров были направлены на расширение своей империи в Италии. Политическая необходимость, а не склонность, вынудила правителей сарацинских поселений в Калабрии и Апулии признать высшую юрисдикцию губернаторов Сицилии. Разделение этих регионов между столькими державами разных национальностей и форм правления — имперскими, республиканскими, теократическими — было причиной взаимного недоверия и непримиримой ненависти. Каждый из них держался в стороне от союза или даже от общения с другими. Сама их слабость поначалу была гарантией их безопасности. Мусульманин, однако, воспользовался этим обстоятельством, чтобы детально атаковать своих противников. С одной стороны, он отбросил византийцев, которые начали угрожать его поселениям в Тарентском заливе. В другом случае его кавалерия разметала стада римской Кампании. Республики, сдерживаемые верой в международные договоры, и бароны, не раз испытывавшие на себе острое лезвие мавританского ятагана, сохраняли благоразумный нейтралитет. Страна в окрестностях папской митрополии в радиусе многих миль пострадала от этих набегов. Большие районы стали непригодными для жизни. Был уничтожен важный источник снабжения Рима продовольствием. Ярость мусульман, как обычно, была направлена главным образом на церковные учреждения. Церкви и монастыри были разрушены, священники убиты, монахини поспешили скрыться в серале. Беглецы, искавшие убежища в Риме, заполнили улицы и религиозные дома и до предела использовали возможности монастырского гостеприимства и великодушия. В стенах Вечного города царили трепет и отчаяние. Ежечасно ожидалось нападение, священный механизм церкви приводился в движение, чтобы предотвратить надвигающееся бедствие, и результат придавал новый и выгодный вес совершению покаяния, выставлению реликвий и торжественным процессиям, влияние которых, как предполагалось, привело к освобождению Наместника Божьего.

В задачи этой работы не входит подробно описывать монотонную последовательность бесплодных революций, смен правителей, религиозных споров и застарелой вражды сект и рас, которые составляют историю Сицилии под властью арабов. Ни одна великолепная династия, подобная династиям Оммеядов в Кордове и Аббасидов в Багдаде, не возникла на

острове, чтобы продвигать дело просвещения и науки и придать нетленный блеск мусульманскому имени. Ни один великий полководец не выносил своего победоносного оружия за пределы Апеннин и Альп. Морское превосходство, приобретенное флотами Палермо, было утрачено за один день в Неаполитанском заливе, и византийский флот вновь стал господствующим в Средиземном море. Не сохранилось ни одного военноподвига, достойного упоминания, за исключением штурма Таормины, которая все еще подчинялась греческому императору в начале десятого века.

Жестокость, с которой праздновалось господство каждой победоносной фракции, приучила сицилийцев к кровавым сценам и неизгладимо отразилась на национальном характере, в то время как врожденная любовь к грабежу, присущая как арабам, так и берберам, все еще жива в неудержимом разбое наших дней. Величайшая возможность, когда-либо предоставлявшаяся мусульманам для завоевания и обращения Европы, была упущена нерешительностью африканских султанов и постоянными раздорами, которые истощили силы и растратили ресурсы Сицилии. После признания по очереди сюзеренитета князей аглабитов, аббасидов и фатимитов, взаимного преследования религиозных сект и длительного терпимого отношения к вражде антагонистических рас Сицилийский эмират наконец обрел независимость, основанную на законе о наследовании. Но эти новые политические условия не принесли мира несчастному острову. Каждый капитан бандитти, каждый честолюбивый придворный считал себя достойным достоинства, которое на самом деле не могло претендовать на лучшее звание, чем то, которое давал меч. Страна была разделена на множество штатов, охваченных мелочной завистью и неспособных к согласованным действиям в час национальной опасности. Город Сиракузы, который был частично отстроен и, несмотря на неустроенность того времени, снова стал важным морским портом, в 1060 году был столицей Ибн-Тимны, который осуществлял номинальную власть над большей частью острова. Домашняя ссора привела его к столкновению с Ибн-Хаваски, губернатором Кастроджованни; произошла битва, армия Ибн-Тимны была разгромлена, и победитель унаследовал достоинство и владения своего побежденного соперника. Охваченный ненавистью и невзирая на последствия, Ибн-Тимна обратился за помощью к банде авантюристов, чья доблесть была широко известна по всей Европе, а подвиги предков в прежние века сделали их бичом цивилизации и непримиримыми врагами рода человеческого.

На Итальянском полуострове мусульмане долгое время удерживали баланс сил. Его самая плодородная территория в течение четырнадцати лет была жертвой насилия и алчности нескольких сотен арабских флибустьеров. Естественно, служители Церкви были главными объектами их враждебности и презрения. Священники были преданы смерти после того, как подверглись всевозможным унижениям. Монахи были замучены, порабощены, кастрированы. Освященные сосуды божественного культа— тайник которых был обнаружен крепостными, раздраженными поколениями угнетения, были осквернены со всеми изощренными формами богохульства и святотатства. Собаки и лошади были облачены в священные одежды. Дым каминов наполнял благоуханием воздух посреди оргий на распутных пирах. Из украшенных драгоценными камнями чаш были произнесены тосты за успех мусульманских армий. На самом алтаре было принесено в жертву целомудрие супругов Христа. В девятом веке каждое судно, направлявшееся в итальянские порты, закладывалось арабскими корсарами. Герцоги Сполето и Тосканы присоединились к сарацинам Тарента в нечестивом союзе, чтобы лишить понтифика его владений и власти. Республики Гаэта, Неаполь, Амальфи и Салерно образовали конфедерацию с той же целью с эмиром Сицилии. Папа Иоанн VIII, покинутый своими

вассалами, в течение двух лет исправно платил дань неверным, и Святой Престол, таким образом, фактически перешел в зависимость от мусульманской империи.

В космополитических городах Палермо и Мессине были сгруппированы представители всех рас Европы, Африки и Азии, наиболее беспокойные элементы средневекового общества, наиболее порочные порождения рабства и кастовой тирании; коренные сицилийцы, выродившиеся греки, ломбардские изгнанники; негры, персы и евреи; преступники, объявленные вне закона, парии, беженцы, вероотступники и бандиты. Здесь личная вражда и племенная ненависть преследовались со всеми проявлениями вероломства и свирепости. Здесь арабы и берберы возобновили ссору, начатую столетием ранее в Мавритании, которая в конце концов привела к гибели как династию Оммеяде, так и Сицилийский эмират. Здесь был возвращен дух раздора, который оказался фатальным для мусульманского господства и призвал норманнов, как в прежние времена раздоры в ломбардских княжествах привели к сарацинскому вторжению в Италию. Правление византийцев было слабым, инертным и неподвижным; оно было сформировано некомпетентностью трусливого правительства и страхами деградировавшего народа. С другой стороны, араб был беспокойным, энергичным, амбициозным, агрессивным. Его разносторонность и предприимчивость, к сожалению, были в значительной степени нейтрализованы характером элементов, с которыми ему приходилось иметь дело. Как показало это событие, грозное государство может быть основано, но не может быть увековечено коалицией отверженных. Не из таких источников черпаются величие, слава и безопасность империй.

Норманны XI века благодаря общению нескольких поколений воинов с утонченными народами Средиземноморья приобрели знания о законах человечности и обычаях общественной жизни, неслыханные среди их варварских предков, которые бросили вызов опасностям Ла-Манша и Бискайского залива на миниатюрных судах из кожи и ивняка и посеяли смятение в густонаселенных городах и богатых поселениях Сены и Гвадалquivира. Соблазненные прелестями почвы и климата, которыми пользуется эта провинция Северной Франции, которая все еще хранит их название и память об их доблести, эти отважные пираты без колебаний променяли опасности, связанные с хищническим существованием на море, на менее увлекательные, но более прибыльные занятия оседлой жизнью. С оставлением страны был в то же время связан отказ от религии. Языческие церемонии и дикие обычаи, сопровождавшие поклонение Водану, были отброшены ради внушительных форм и добрых заповедей христианства. Эти знаменательные события, однако, не привели к каким-либо существенным изменениям во вкусах, характере или устремлениях значительной части нормандской молодежи. Изменился только театр действий. С моральной точки зрения не существует заметного различия между пиратом и солдатом удачи. Нормандский воин сохранил все мародерские инстинкты своей расы, до некоторой степени модифицированные цивилизацией, с которой он время от времени соприкасался благодаря случайному общению с образованными жителями Мавританской Испании и проникательными и предприимчивыми торговцами Византийской империи. Он унаследовал высокий рост своих предков, их огромную силу и выносливость, их презрение к опасности, их варварство в обращении с побежденным врагом. Привлеченные в Италию рассказами паломников, возвращавшихся из Святой Земли, норманны впервые появляются в истории этой страны как наемники тех княжеств, близость которых друг к другу держала их в состоянии постоянной вражды. Бесстрашие и военный опыт чужеземцев вскоре были признаны ценными товарами правителями таких государств, как Капуя, Беневент и Салерно. Находясь в подчиненном положении, их дерзость и отвага вскоре

привели их к политическому равенству со своими бывшими хозяевами. Они приобретали территориальные владения, строили замки и грабили своих соседей с такой же прибылью и даже большей легкостью, чем ломбардские бароны, которые сами происходили от расы флибустьеров. Они попеременно выступали как союзники, так и противники как греков, так и мусульман, в зависимости от требований благоразумия или перспективы наживы. К середине XI века они стали важным фактором в политике Итальянского полуострова, где из-за их честолюбия к их дружбе и вражде относились почти с равным страхом и подозрением. Из всех нормандских рыцарей, которых надежда на славу и богатство побудила связать свою судьбу с Южной Италией, никто не занимал столь высокого положения по рыцарской грации и воинской доблести, как шесть представителей благородного дома Де Отевиллей. Не имея других ресурсов, кроме своего оружия и доблести, они вскоре достигли высокого положения в тех сообществах искателей приключений, чье существование зависело от меча. Они укрепляли свою власть матримониальными союзами с дочерьми местных вождей, обладавших большими состояниями и знатным происхождением; во многих случаях за счет супружеских привязанностей, заключенных много лет назад во время пылкой юности. Вскоре их влияние стало первостепенным на советах христиан, поскольку их знамена всегда были первыми на поле боя. Самого молодого из этих отважных воинов звали Роджер, и этому имени суждено было снискать великую и непреходящую славу в войнах крестоносцев в Европе и Азии.

Воодушевленные распрями мавров, некоторые граждане Мессины, близость которой к материку предоставляла ее жителям частую возможность общения с итальянскими князьями, задумали пригласить норманнов предпринять завоевание острова. Едва их планы были раскрыты графу Рожеру, как Ибн-Тимна, беглый эмир, обратился к нему за помощью в ложной надежде, что усилия христиан могут способствовать его восстановлению на троне. Попытка была предпринята; помощь Роберта, герцога Калабрийского, была обеспечена, и весной 1061 года Рожер с небольшим отрядом солдат ночью пересек пролив, а на рассвете, благодаря своевременной помощи заговорщиков, был введен в укрепления Мессины. Предприятие, столь удачно начатое, было доведено до конца с самыми лестными перспективами окончательного успеха. Роберт вскоре получил возможность усилить гарнизон Мессины значительными силами; многие христианские поселения восстали, другие тайно присылали заверения в сочувствии и сотрудничестве; грабительские экспедиции авантюристов возвращались с ценной добычей, и, наконец, решительная победа, одержанная под Кастроджованни, поставила дела захватчиков на прочную основу и познакомила мусульман с грозным характером врага. Успех норманнов был быстрым и решительным. Трани был сдан его жителями, уставшими от мусульманского гнета и анархии. Бари был взят после упорной обороны. Сарацины теперь, в свою очередь, испытали на себе то зло, которым они обрушились на несчастных сицилийцев в первые времена завоевания. Их урожаи были уничтожены. Их виноградники были вырваны с корнем. Крестьянин боялся выходить за стены укрепленных мест и вряд ли где-либо был в безопасности, потому что в каждом городе греческие заговорщики поддерживали тайную и предательскую связь с врагом. Ни одна деревня, какой бы изолированной она ни была, не была свободна от алчности нормандского флибустьера, который совершал свои набеги даже в окрестностях Палермо. В 1071 году была предпринята осада этого города. Силы захватчиков, к которым присоединились почти из всех стран Европы, были достаточно многочисленны, чтобы захватить мусульманскую столицу с суши и моря. Упорное сопротивление, оказываемое гарнизоном, могло бы обескуражить нападавших, если бы не предательство христианских солдат, служивших под сарацинскими знаменами.

Осаждающим было сообщено, что в определенной части цитадели имеется слабое место. Чтобы отвлечь внимание мусульман, город подвергся нападению с восточной стороны, а также со стороны гавани, в то время как герцог во главе отборного отряда без особого сопротивления взобрался на западные стены цитадели, которые были указаны как уязвимое место предателями на мавританской службе. Ошеломленные внезапным появлением врага у себя в тылу, мавры в беспорядке отступили в пригороды и на следующий день сдались на почетных условиях, гарантировавших соблюдение их законов и их религии.

Взятие Палермо после всего лишь пятимесячной осады отразило большое отличие нормандского оружия. Все обстоятельства были направлены на то, чтобы способствовать их триумфу. Хотя общая численность осаждающих не могла превышать десяти тысяч человек, все они были ветеранами, чье мужество было испытано во многих кампаниях и набегах. Сарацинская столица долгое время была охвачена раздорами, религиозным расколом, гражданской войной. По этим причинам его население значительно сократилось, и даже неминуемая опасность завоевания не смогла примирить сторонников враждебных сект и племен, которые меньше заботились о процветании своей страны, чем о сохранении своих доктрин и преследовании своей наследственной вражды. Однако самыми важными вспомогательными силами захватчиков были христианские данники. Измученные преследованиями сменявших друг друга узурпаторов, лишённые личной безопасности и собственности, подверженные капризной тирании деспотизма, который без предупреждения нередко отправлял их тела в темницу, а дочерей - в сераль, эти несчастные вассалы были готовы продолжать любое начинание, которое могло избавить их от невыносимого гнета, под которым они стонали.

Отныне продвижению норманнов не препятствовало организованное сопротивление. Трапани, Таормина, Сиракузы были взяты штурмом. Кастроджиованни был сдан его губернатором, который отступил от христианской веры. В 1091 году города Бутера и Ното, последние владения мусульман на острове, были переданы путем мирных переговоров норманнам, которые теперь стали хозяевами Сицилии. Одновременно с обширными территориальными приобретениями в результате завоевания была установлена феодальная система, и феодальные владения были пожалованы тем офицерам армии вторжения, чьи услуги заслуживали такого вознаграждения и на чью верность могли положиться лорды из дома Де Отевилей, принявшие сюзеренитет. Мавры, уверенные в своих правах, спокойно перешли от анархии и бунта к ограничениям и подчинению феодальной зависимости. С большей легкостью, чем можно было бы предположить, исходя из их обычаев и прошлого, они приспособились к незнакомым условиям, которыми их окружали. Как и в случае с греками, они вступали в браки со своими завоевателями. Они храбро и с отличием служили в нормандских армиях. К их наемникам, находившимся под предводительством христианской знати, относились с большим страхом, чем когда под командованием своих собственных командиров они угрожали существованию папства и безопасности Рима. Во многих отношениях их высокоразвитая цивилизация оказала свое влияние на жизнь и привычки полуварваров Запада. Манеры последних стали более утонченными, их общение с равными менее оскорбительно грубым, их обращение с подчиненными менее тираническим и жестоким. Арабский врач, который вместе с евреем монополизировал медицинские знания своего времени, пользовался доверием и уважением нормандских князей. Арабский государственный деятель и финансист пользовались их благосклонностью и получали самые существенные и лестные знаки их уважения. Роскошные обычаи мавров, разрешенные их вероучением— но запрещенные строгой моралью

христианской дисциплины, с особым рвением сочетались с распущенными принципами и необузданными страстями нормандского рыцарства. Последние практиковали полигамию в таких же масштабах, как и их предшественники-неверные, создавали гаремы и содержали отряды евнухов. Прекрасные наложницы, одетые одни в христианские, другие в мавританские одежды, в сопровождении вереницы рабынь, прелести которых соперничали с прелестями их хозяек, ежедневно прогуливались по восхитительным прогулочным аллеям Сиракуз и Палермо. Тщетно анафемы Святого Престола обрушивались на номинальных поборников Веры, которые с восточной чувственностью и великолепием устраивали свои дворы в столицах Сицилии. Коррупция Ватикана была слишком хорошо знакома всем, кто участвовал в кампаниях в Италии, чтобы донос папы вызвал какие-либо другие чувства, кроме насмешек и презрения. Даже духовенство заразилось от заразного примера своих светских правителей; приятные пороки, столь порицаемые Святейшим Отцом, едва ли скрывались низшими духовными лицами, в то время как епископские дворцы больших городов являли собой сцены, более подходящие для тайных убежищ мавританского гарема, чем для домов самых высокопоставленных сановников Сицилийской церкви. Во время сарацинской оккупации Сицилии страна, вероятно, была более густонаселенной и, безусловно, пользовалась более тщательной системой обработки почвы, чем это было во время пребывания под контролем любой другой нации. В него входили восемнадцать городов и сотни поселков, деревень и хуторков. Всего на острове насчитывалось более тысячи населенных пунктов, не считая небольших поселений. Неутомимая промышленность болот в высшей степени способствовала развитию их замечательных природных ресурсов. Почти все зерновые и фрукты, известные земледельцу, процветали на склонах пологих возвышенностей, окаймлявших его побережье, или в плодородных глубинах защищенных долин. Его горные склоны были покрыты каштановыми, сосновыми и кедровыми лесами, бесценными для кораблестроения. Папирус, идентичный знаменитому растению Египта и больше нигде в Европе не встречающийся, рос в диком виде на его болотах. Равнинные земли Юга были заняты бесконечными рощами пальм и апельсинов. С большим успехом выращивались хлопок, сахарный тростник и лен. Оливки были одной из основных сельскохозяйственных культур страны. Выращивание шелка было введено на Сицилии за несколько лет до того, как оно стало известно маврам Испании, и обширные плантации шелковицы поддерживались для прокорма этого полезного насекомого, промысел которого во всех странах, благоприятных для его роста, был вынужден способствовать роскоши и тщеславию человека. Продукция сицилийского винодельческого завода была известна среди поэтов-вакханок при дворе Палермо, которые давно забыли запретительный наказ Пророка. Самые усовершенствованные методы возделывания, проверенные вековым опытом, были приняты для повышения плодородия почвы и мягкости климата. Используемая ирригационная система была создана по образцу систем Персии и Египта. Запасы воды, по-видимому, были обильными и чистейшего качества, но из-за невежества последующих поколений, уничтоживших леса, обширные пространства, некогда зеленые, как сады, и пересеченные судоходными ручьями, превратились в засушливые равнины, лишенные всякой растительности и изрезанные сухими и каменистыми оврагами.

Минеральные ресурсы Сицилии отличались поразительным богатством и разнообразием. Золото и серебро были найдены в значительных количествах. Здесь были рудники свинца, железа, ртути, меди, сурьмы. Вулканические продукты, такие как купорос, нашатырный спирт, нефтя, пек и сера, были получены с минимальными затратами труда. Залежи каменной соли и квасцов, неисчерпаемых размеров и необычайной чистоты, сами по себе были достаточны,

если их должным образом разрабатывать, для обеспечения процветания любой нации. Прекрасные яшма и мрамор из сицилийских каменоломен были хорошо известны строителям древности, и мавританские архитекторы не замедлили признать их превосходство и использовать при строительстве дворцов, которыми арабская знать украшала пригороды крупных центров торговли и власти. Солнечные склоны холмов служили обильными пастбищами для стад крупного рогатого скота и коз и овец. Итальянские лошади славились своей быстротой и стройностью. Среди занятий сарацинских колонистов пчеловодством не пренебрегали, и мед в больших количествах экспортировался в Италию и другие страны христианской Европы. Но скудные сведения о мануфактурах и торговле мавританской Сицилии дошли до потомков. Однако хорошо известно, что между главными портами острова и морскими державами Средиземноморья существовали торговые отношения. Торговцы его процветающих морских портов обменивались товарами Востока и Запада в гаванях Малаги, Александрии, Константинополя. Ни один народ не превзошел сицилийцев в изысканности и красоте их тканей, и шелка Палермо, украшенные текстами и золотыми узорами, высоко ценились и пользовались большим спросом у роскошных властителей и знати мусульманского мира.

От всех величественных дворцов, бань и мечетей, которые когда-то украшали мавританские города острова, к сожалению, сейчас не осталось и следа. Ничто, кроме нескольких разрозненных надписей, не пережило средневекового насилия, свидетельствующего о пышности и великолепии сицилийских эмиров. Архитектура ни одного другого народа не подвергалась такому полному и систематическому уничтожению. Два или три сооружения, возведенные во времена правления нормандских князей, но чьи пропорции и орнаментация, хотя и замечательны, все же безошибочно свидетельствуют об упадке архитектурного мастерства, - вот все, что у нас есть, чтобы составить мнение о великолепии мусульманского Палермо.

Не следует забывать, что успехи сицилийских мусульман в искусстве поддержания мира были достигнуты при самых обескураживающих обстоятельствах. Война была нормальным состоянием страны с момента вторжения Асада Ибн Фората до сдачи последнего замка норманнам. Когда сарацины не были вовлечены в военные действия с христианами, они развлекались тем, что перерезали друг другу глотки. В любом случае, будь то разграбление греками или преследование мусульманами недружественной секты, земледelec и торговец всегда были страдальцами. То, что сельское хозяйство и торговля вообще могли существовать при таких трудностях, вполне может вызвать удивление; то, что цивилизация, превосходящая цивилизацию любого государства христианской Европы, могла быть развита и поддержана, несмотря на эти препятствия, является беспрецедентной аномалией в истории народов.

Отправление законов господствующей расой, конечно, основывалось на принципах мусульманской юриспруденции. Однако не было ничего необычного в том, что эти законы либо обходились, либо исполнялись с суровостью, которая никогда не предполагалась их автором. Постоянное знакомство с кровопролитием и привычное неповиновение их власти населением сделало правителей Сицилии жестокими. Они проявляли сдержанность, характерную для худших форм восточного деспотизма. Их черты были неизвестны большому количеству их подданных. Из соображений предосторожности или для того, чтобы подчеркнуть таинственное достоинство, придававшее их должности, они давали аудиенции и вершили правосудие из-за занавеса, который полностью скрывал трон. Подобно самым выродившимся персидским

фатимитам, они путешествовали незамеченными в носилках, сопровождаемые изнеженными служителями их пороков. Те немногие, кто добился воинских отличий в результате активных боевых действий на поле боя, умерли от болезней; значительная часть тех, кто доверял ведение кампаний подчиненным, погибли от руки убийцы.

Ни в одной части области распространения ислама население не отличалось таким разнообразием, как на Сицилии. Разногласия и разобщенность были неизбежными результатами его состава. Перед лицом врага доблесть его воинов никогда не подвергалась сомнению. В пылу революции ни один человек не был застрахован от кинжала своего друга. Люди, происходящие из стольких разных стран, естественно, принесли с собой опыт, искусство, трудолюбие, достижения, пороки своих соответствующих наций. При династии независимых и решительных князей, способных подавлять вспышки межплеменной розни, Сицилия, несомненно, заняла бы самое высокое место на шкале цивилизации. Как бы то ни было, при всех ее серьезных препятствиях на пути прогресса, у нее не было соперника среди европейских королевств, за исключением Испании. Ее армии отвоевали у византийского императора одну из самых ценных провинций его владений. Ее военно-морской флот в течение значительного периода времени обладал морским превосходством как в Адриатике, так и в Средиземном море. Страна, несмотря на гражданские беспорядки и, как следствие, отсутствие безопасности, была густонаселенной. В 938 году только в долине Мазара проживало два миллиона человек, половина из которых были мусульманами. Элегантная роскошь Палермо превосходила по вкусу, а по великолепию равнялась варварской помпезности Константинополя. Бытовые и социальные условия, преобладавшие в Германии, Италии, Франции и Англии, были несравненно ниже по всем качествам, благодаря которым обеспечивается прогресс и счастье наций, по сравнению с теми, какими бы несовершенными они ни были, с помощью которых было организовано и контролировалось общество мавританской Сицилии. В области литературы сицилийские мусульмане, по-видимому, заслужили признание, не уступающее тому, которого достигли их андалузские братья. Длинный список авторов, чьи произведения, по большей части, к несчастью, исчезли, указывает на уважение, которым пользовалась литература, а также на расточительную щедрость, которой были вознаграждены усилия ее профессоров.

Влияние сицилийской цивилизации на норманнов является аналогом того, которое оказывал угасающий гений Рима на свирепых и необразованных варваров. Но умы первых были гораздо лучше приспособлены к восприятию впечатлений, передаваемых общением и личным примером, чем у последователей Алариха и Альбоина. Они были в какой-то степени привычны к удобствам и роскоши жизни и не совсем незнакомы с удобствами социального общения. Они много путешествовали и незаметно для себя проводили сравнения обычаев многих народов. Архитектурные остатки могущественной империи Цезарей вызвали у них восхищение. Они были знакомы с разрушенными, но все еще внушающими благоговейный трепет памятниками римского величия. Традиция, приукрашенная тысячью чарующих легенд, открыла перед ними видения величия и славы величайших держав древнего мира. Тесный контакт с греческими колонистами Южной Италии, которые все еще в какой-то мере сохраняли грацию и утонченность своих предков, дал им четко определенные представления о цивилизации, которой пользовался первоначальный очаг, о литературном превосходстве, архитектурном совершенстве, художественном совершенстве. Таким образом, норманны были готовы, даже стремились получить от своих мавританских вассалов уроки изящества в тех занятиях, преимущества которых они давно оценили, но никогда не пользовались ими. Мусульмане, как

правило, пользовались всяческой любезностью со стороны своих соседей-христиан, которые быстро признали их превосходство в интеллектуальных способностях. Они отмечали публично и без всяких посягательств праздники своей религии. Богатые свободно потакали своей склонности к роскошным нарядам и внушительной свите. У них были свои собственные министры юстиции и культа, свои рынки, мечети и судебные трибуналы. Большинство купцов Палермо, находившихся под нормандским владычеством, были мусульманами.

Не желая, а возможно, и неспособные различать, захватчики развратились, и пороки, характерные для чувственной и роскошной расы, незаметно были приняты вместе с преимуществами, которые давала ее культура. После нормандского завоевания дух мавританской цивилизации все еще оставался первостепенным. Сарацины составляли немаловажную часть военного истеблишмента своих завоевателей, которых содержали как для службы, так и для показухи. При осаде Амальфи в 1096 году двадцать тысяч из них служили под нормандским знаменем. В 1113 году, когда Аделаида, мать графа Рожера, отправилась в Аскалон, чтобы выйти замуж за Балдуина, короля Иерусалимского, она подарила ему отряд мавританских лучников, великолепно одетых в алую с золотом форму. Формы правления, которых придерживались эмиры, были сохранены. Мусульманские министры и магистраты руководили управлением государством, регулировали финансы, вершили правосудие. Арабский язык по-прежнему оставался не только признанным средством общения между всеми классами общества, но и средством принятия публичных актов и указов, а также официальной идиомой судов общей юрисдикции. Над воротами дворцов, построенных принцами семейства Де Отевиль, до сих пор не расшифрованы легенды, настроение которых безошибочно мусульманское. На нормандских монетах были отчеканены фразы из Корана и дата Хиджры. Одежда, манеры, этикет публичных аудиенций, привычки частного общения стали по сути восточными. Зонт, эмблему королевской власти, позаимствованную у египетских фатимитов, носили над головами нормандских королей во время церемоний. Одежды выдающихся личностей были украшены арабскими текстами, символы и значение которых вызывали благочестивый ужас у ортодоксов. Распорядок королевского двора был разработан по образцу эмиратского. Сами титулы государственных чиновников были арабскими. Образование молодежи было безоговорочно передано образованным докторам мусульманской или еврейской веры. В некоторых гаремах нормандских лордов все обитательницы были мусульманками; в других гаремах благосклонность и привязанность распущенного дворянина разделяли христианские девицы. На религиозные предрассудки ни того, ни другого не было наложено никаких ограничений, и рассказывают, что христиане, убежденные аргументами или очарованием своих неверных единомышленников, нередко становились приверженцами доктрин ислама. При просвещенном правительстве норманнов преследования были неизвестны. Действительно, к побежденному народу относились с таким пристрастием, что граф Роже категорически запретил обращать в христианство любого мусульманина, даже самыми мягкими средствами. Духовенство, неспособное противостоять преобладающему влиянию, позволило украсить свои священные здания фразами из Корана, монотеистическая тенденция которого плохо согласовывалась с общепринятыми принципами святоотеческого богословия и непогрешимыми указами церковных соборов. С балкона минарета и башни собора раздавался голос муэдзина или звон колокола, призывающий благочестивых к поклонению, а с алтарей каждой общины в унисон возносились хвала Аллаху и зывания к Триединому Богу.

Путешественник Ибн-Хаукаль и географ Эдриси оставили нам интересные и живые описания великих мусульманских городов Сицилии, находившихся под властью норманнов. Среди них Палермо легко занял первое место не только из-за того, что был метрополией, но и из-за превосходства в богатстве, интеллекте и культуре своих граждан. О количестве его жителей не сохранилось никаких данных, которые позволили бы нам составить приблизительное представление. Однако они, должно быть, насчитывали несколько сотен тысяч, поскольку для богослужения мусульман требовалось пятьсот мечетей, и, как правило, христианское население в каждой общине равнялось, если не превышало, численности приверженцев ислама. Многие из этих сооружений были великолепными храмами, чьи дорогие украшения свидетельствовали о щедрости правителя или преданности толпы. Некоторые из них были огромных размеров; самый большой мог с легкостью вместить семь тысяч верующих. Тщеславие частных лиц, чье богатство позволяло им потакать своему вкусу к показухе и демонстрировать рвение, не всегда вызывающее подозрения, привело к тому, что они обзавелись собственными мечетями, куда не допускались все, кроме их собственных родственников, иждивенцев, вассалов и рабов. Но не только в своих культовых сооружениях расточительные и роскошествующие жители Палермо подражали великолепию своих соседей. Дворцы богатых и знатных людей не уступали дворцам ни в одной мусульманской столице, за исключением Кордовы. Мастерство и деликатность затраченного на них труда соответствовали редкому и драгоценному характеру материалов, из которых они были сделаны. Стены были облицованы разноцветным мрамором, полы выложены мозаикой, потолки представляли собой лабиринт геометрических узоров, облегченных яркими красками и сверкающих золотом. Ряды ароматических кустарников наполняли дворы своим благоуханием. Пристрастие арабов к воде — величайшему сокровищу пустыни — проявлялось повсюду. Акведуки, состоящие из ярусов высоких арок, огибали горы во всех направлениях. Каналы пересекали плантации и сады обширных пригородов. Фонтаны классического дизайна охлаждали воздух парков и набережных или утоляли жажду усталого и запыленного каравана. Город с востока на запад пересекала рыночная площадь, широкая улица, вымощенная тесаным камнем, вдоль которой тянулись лавки, заполненные самыми ценными товарами, известными коммерции того времени. Центральная или более старая часть города была резиденцией двора и монарха. Пригороды почти полностью окружали его и вмещали в себя набережные, склады, рынки, караван-сарай, необходимые для торговли в крупном морском торговом центре. Как и Кордова, Палермо был разделен на пять отдельных кварталов, каждый из которых был изолирован от других, когда ворота были закрыты. Дома были сложены из блоков полированного камня с величайшей точностью, улицы были освещены, особняки внушительной высоты и симметричных пропорций, жилища бедняков были более удобными, чем жилища многих богатых бюргеров Парижа и Лондона. Во времена Ибн-Джубайра, посетившего Палермо во время правления Вильгельма Доброго, костюмы и манеры христиан ничем не отличались от костюмов их мусульманских вассалов. На дамах были вуали разных цветов и одежды из смешанного шелка и золота. Изящные туфельки, расшитые арабесками из драгоценных металлов, защищали их крошечные ножки, на груди сверкали украшения с изысканными узорами, а аромат дорогих эссенций, окутывавший их, свидетельствовал об их страстной любви к парфюмерии. Слияние рас нигде не было столь очевидным и примечательным, как в поддерживаемой неограниченной близости и в изысканных любезностях, на которые отвечали взаимностью некогда враждебные национальности, составлявшие население нормандской столицы. Удобства социального общения требовали соблюдения вежливости и сдержанности

даже среди врагов. Во времена Вильгельма Доброго жестокость и грабеж были заклеены как тевтонские пороки.

Благородными и возвышающими занятиями наукой не пренебрегали сицилийские мавры и их умные и прогрессивные завоеватели, нормандские князья. География, астрономия, химия и медицина изучались с усердием и успехом. Эдриси, чье происхождение от королевской династии Феса было омрачено выдающейся репутацией, которую он приобрел как географ и философ, был создан для Рожера II. планисфера, которая представляла собой одновременно поверхность земли и расположение небесных тел. С минаретов Палермо арабский астроном наблюдал за движением планет, периодическим повторением затмений, взаимным расположением и общим распределением звезд в пространстве с помощью инструментов, изобретенных на Гвадалквивире и Тигре, и таблиц, рассчитанных на равнинах Вавилона за столетия до христианской эры. Таким образом, мусульманин посвятил научным исследованиям башни своих самых священных храмов в то время, когда из соборов Европы были провозглашены доктрины, которые угрожали самыми суровыми наказаниями, какие только могла придумать церковная злоба, любому занятию, которое каким-либо образом способствовало освобождению разума или интеллектуальному прогрессу человечества. Астрология, это обманчивое учение, столь льстящее тщеславию человеческой природы и столь манящее воображение из-за сверхъестественной силы, которой, как предполагалось, обладают шарлатаны, практиковавшие его, слишком часто дискредитировали результаты астрономических исследований; точно так же, как тщетная и дорогостоящая погоня за философским камнем поначалу принесла дурную славу в высшей степени полезной науке химии. Сицилийцы твердо верили в влияние, оказываемое небесными телами на поступки и судьбу человека. Попытка извлечь драгоценные металлы из самых неперспективных природных субстанций давно привлекала внимание арабов, и города острова кишели самозванцами, составлявшими гороскопы, толковавшими сны и предсказывавшими будущие события по притворному общению со звездами, в то время как огонь в лаборатории алхимика поддерживался за счет бесчисленных обманутой собственной доверчивостью людей, чьи надежды поддерживались тайнами и мошенничеством, в то время как их кошельки систематически истощались. Высокий интеллект высших классов не давал иммунитета от этих популярных заблуждений; благородные придерживались своих принципов с той же уверенностью и той же жадностью, какие проявляли плебей и раб. Дом алхимика обычно посещали высшие придворные сановники, и астролог в своем необычном одеянии, с длинным посохом, на котором были выгравированы талисманские знаки, с развевающейся бородой и с видом таинственной уверенности был самым желанным гостем во дворцах Палермо.

Сицилийские арабы вместе со своими братьями в Испании, благодаря своему экстраординарному и основательному знанию медицины и хирургии, были самыми искусными практиками в Европе. Их выдающееся положение в этой профессии в значительной степени разделяли евреи, которые как раса пользовались королевской благосклонностью и общественным доверием как при норманнах, так и при сарацинах. Равный мусульманам во всех областях научного знания, еврей привнес в изучение и применение принципов искусства врачевания то же самое острое восприятие и безошибочный такт, которые позволяли ему во все века занимать самые высокие посты в торговом мире.

В своем знакомстве с механическим искусством сицилийцы не уступали своим самым образованным современникам. Их гидравлическая система была снабжена всеми

приспособлениями, которые были испытаны теми народами, чья засушливая почва требовала искусственного стимулирования орошения. Их мельницы были разбросаны по берегам каждого ручья, течение которого обеспечивало достаточную движущую силу для приведения в движение водяного колеса. Изделия их ткацких станков славились своими изысканными узорами и тонкостью текстуры. Похоже, они также преуспели в изобретении и изготовлении приспособлений для измерения времени. Клепсидра, принадлежавшая Рожеру II, был увековечен надписью, которая указывает на то, что он не уступал по изобретательности и совершенству знаменитому экземпляру, подаренному Харуном аль-Рашидом Карлу Великому. Часы отсчитывались автоматами, которые бросали соответствующее количество шариков в металлический таз - достойный предшественник современных часов. Значительное количество астролябий, которые, к счастью, избежали воздействия церковного гнева, обрушившегося на них как на магические инструменты и приспособления сатаны, и которые теперь хранятся в музеях Европы, несомненно, сицилийского происхождения.

Абу-Лейс, архитектор и инженер, получивший образование в школах Сицилии, помогал в завершении строительства великой мечети Севильи, возведенной в двенадцатом веке, и шары из позолоченной бронзы, венчавшие вершину Хиральды, чьи необычайные размеры и совершенная симметрия вызывали изумление у всех зрителей, были отлиты и водружены на свои места под его наблюдением. Превосходство сицилийских мусульман в конструировании военных машин и управлении ими уже упоминалось на этих страницах.

Двор Палермо на протяжении более чем столетия отличался не менее литературными познаниями тех, кто, привлеченный его репутацией и характером его общества, поселялся в его окрестностях, чем научными исследованиями, которые с таким рвением проводились под покровительством его монархов. Во времена сарацинского владычества были сделаны переводы тех классических авторов, которые писали по философии и естественной истории; чтение трудов Аристотеля, к доктринам которого мусульмане средневековья проявляли такое замечательное пристрастие, было одним из любимых развлечений образованных людей; а поэмы языческой Аравии декламировались на изысканном диалекте пустыни под аплодисменты как верующих, так и неверующих, почти в пределах слышимости метрополии христианского мира. Огромные запасы знаний, накопленные философами александрийской школы благодаря безграничной щедрости греческой династии Египта, обогатили библиотеки и расширили кругозор ученых Сицилии. Труды Геро, Эратосфена, Евклида и Птолемея были знакомы студентам академий и колледжей Палермо и Мессины. Синтаксис, География и Оптика последнего сохранились, главным образом, благодаря помощи мавров, неизбирательному разрушению варваров и расчетливой злобе духовенства, чтобы передать последующим поколениям поучительные и значимые идеи о философских достижениях и математических знаниях одного из самых выдающихся ученых древности. Великий труд Эдриси был составлен под покровительством Рожера II. Араб был особенно приспособлен для изучения всеобъемлющей науки физической и описательной географии. Его информация была в значительной степени получена благодаря практическому опыту. Он участвовал в кампаниях, проводимых на рубежах цивилизации; в качестве купца он пересек с тащившимся караваном обширные регионы, усеянные безграничными равнинами, высокими горами, полноводными реками; как паломник он совершал богослужения в колыбели мусульманской веры; в неустанном стремлении к знаниям он проводил свои исследования в незнакомых странах и

среди незнакомых народов; его черты лица и одежда были знакомы жителям великих европейских и азиатских столиц; его странствия простирались от Дору до Инда, от берегов Индии. от Балтики до истоков Нила. Таким образом, наделенный особыми качествами, арабский географ чувствовал себя как дома, независимо от того, рассказывал ли восхищенной аудитории о впечатлениях от длительного путешествия или объяснял группе студентов физические особенности земли и относительное распределение суши и воды, изображенное на поверхности земного шара. Работа Эдриси является нетленным памятником интеллекту, трудолюбию, критике составителя, исследования которого во многих случаях были подтверждены личными наблюдениями, а практическая ценность его начинания была подтверждена его научными достижениями, а также обширной эрудицией прославленного монарха, по приказу которого оно возникло и было успешно завершено.

В точных науках арабы Сицилии достигли мастерства, непревзойденного ни одной нацией со времен славных дней Александрийского музея, и, фактически, они присвоили и впитали большую часть знаний, завещанных потомкам этим бессмертным учреждением. Их геометры применили эти знания к усовершенствованию гидравлических устройств, к увеличению мощности и экономичности военных двигателей, к астрономическим наблюдениям, которые облегчили исследования мореплавателя, к тысяче изобретений, которые способствовали удобству и счастью домашней жизни. Досуг эмиров и нормандских принцев развлекали, а литературные амбиции их образованных придворных возбуждали декламации знаменитых бардов, которые в стране, все еще хранящей память о несравненном поэтическом вдохновении Греции и Рима, соревновались за аплодисменты публики, в глазах которой готовая импровизация и экстравагантные метафоры были безошибочными признаками высочайшего мастерства.

Таковы были материальная цивилизация, научные достижения, интеллектуальная культура мавританской и нормандской Сицилии. Ее слава давно миновала. Из сотен дворцов и мечетей, величественные и элегантные пропорции которых были гордостью мусульманских городов, ни один не избежал разрушительного воздействия плебейского вандализма и церковной ненависти. Население Сицилии из одного из самых культурных выродилось в самое невежественное в католической Европе. Пригороды Палермо, некогда обитель всех наук и всех искусств, теперь настолько кишат разбойниками, что путешественник не может безопасно пересечь их без защиты вооруженной стражи. Медицинский опыт и умелые действия хирурга были заменены тяжелой епитимьей и применением подозрительных, часто поддельных реликвий. Интеллектуальная свобода и религиозная терпимость были вытеснены подавлением мысли, подавлением всякого благородного порыва, тиранией суеверия, которое унижает разум и ослабляет любое стремление, способное способствовать материальному благополучию человечества.

Предприимчивый дух арабов, побудивший их распространить свои завоевания на все доступные пункты Средиземноморья, рано привел к оккупации крупнейших островов этого моря, важность которых как военно-морских баз, откуда армии захватчиков могли быть переброшены в Европу, и как баз для снаряжения пиратских предприятий, была полностью признана каждой нацией. Балеарские острова находились в зависимости от Кордовского халифата. Они платили дань своим правителям, как и другие провинции империи, поставляли войска для ее армий, принимали активное участие в развитии ее цивилизации и, к счастью, в своей изоляции пережили почти два столетия ее свержения. Сардиния, захваченная Мусой в

первые годы VIII века, так и не была полностью покорена сарацинами. Гористая и бесплодная внутренняя часть этого острова, малонаселенная варварским и нищим крестьянством, оттолкнула их от завоевания, сомнительные преимущества которого никак не могли компенсировать тяжелый труд и опасности, необходимые для его завоевания, и побережье с его гаванями казалось единственной территорией, достойной их внимания. В течение семидесяти лет мавры удерживали ненадежный плацдарм на берегах этого острова, а владение несколькими незначительными морскими портами оспаривалось франками и итальянцами с упорством, вполне достойным состязания, затрагивающего судьбу обширного королевства.

В 722 году сарацины, ознакомившись с обширной торговлей реликвиями, которую вело католическое духовенство, и решив использовать суеверную доверчивость набожных людей в своих интересах, вступили в переговоры с Лиутпрандом, королем Лангобардов, о продаже тела св. Августина, который двести лет покоился с миром в столичной церкви Кальяри. Сделка была предана прибытию посланцев Лиутпранда, и народ, подстрекаемый монахами, поднял восстание. Была предпринята безуспешная попытка спасти прах святого, для подавления беспорядков был вызван арабский гарнизон, и семь монахов заплатили за свое усердие и, возможно, не совсем бескорыстное благочестие. Ввиду драгоценного характера этих сувениров и трудностей, связанных с их передачей, арабы потребовали, в дополнение к уже согласованной цене, выплату трех фунтов золота и двенадцати фунтов серебра; сумма, которая указывает на огромную стоимость первоначального выкупа. Горе благочестивых жителей Кальяри в связи с их потерей было несколько смягчено воспоминанием о том, что облачения, сорванные с костей святого в борьбе, все еще оставались в их руках, и бесчисленные чудеса, творимые этими изодранными одеждами, подтвержденные высшей церковной властью, долгое время свидетельствовали о небесном влиянии и сверхъестественных свойствах, которыми обладали священные мощи усопшего епископа Гиппонского.

Крит, захваченный беженцами из Испании, которые, изгнанные из этой страны за измену во время правления Аль-Хакема I., впоследствии были изгнаны из Александрии разъяренным населением, гостеприимством которого они злоупотребили, оставался в руках мусульман до 961 года, когда он был отвоеван греками. Испанские арабы около 806 года высадились на побережье Корсики. Своевременная помощь короля Пипина предотвратила немедленную потерю этого острова, который, однако, был оккупирован сарацинами в 810 году. Отчаявшиеся корсиканцы, укrywшиеся в горных пустынях, обратились за помощью к Карлу Великому, который послал им на помощь мощный флот. Мусульмане после ряда кровопролитных сражений были полностью истреблены свирепыми воинами Запада; но несчастным корсиканцам пришлось немногим лучше, чем их врагам, поскольку авторитетные источники утверждают, что девять десятых населения погибло менее чем за три года от последствий сарацинского нашествия. Берега острова до сих пор покрыты руинами обширных поселков того периода, что указывает на былое процветание жителей, а также на ужасные бедствия, которые они, должно быть, претерпели от рук свирепых авантюристов из Испании и Африки.

Мальта, признанная в Средние века, как и сейчас, ключом к Восточному Средиземноморью, в течение двухсот двадцати лет находилась в важной зависимости от Сицилийского эмирата. Захваченный мусульманами в 870 году, он был оккупирован нормандскими войсками во главе с графом Роже лично в 1090 году. Подданные греческого императора были преданы смерти или обращены в рабство, но к коренным жителям Мальты арабы проявляли необычное пристрастие. Их участь была гораздо более сносной, чем у христиан-данников Сицилии, их религия не

подвергалась посягательствам, налоги были умеренными, предоставляемые им привилегии были более благоприятными, чем те, которые обычно предоставлялись неверным. Жители всех этих островов, за исключением Сицилии, где велись широкомасштабные войны, существовали за счет пиратских набегов и торговли рабами, в этих предосудительных занятиях мавры Мальты рано приобрели бесспорное и позорное превосходство.

В этой главе был прослежен неполный очерк происхождения, прогресса и упадка мусульманского господства на Сицилии, тема, которая, если бы была подробно изложена, заняла бы много томов. Однако из этого несовершенного наброска читатель может составить представление о цивилизации, на столетия опережавшей цивилизацию любого современного народа, за единственным исключением испанских арабов; цивилизации, которая, будучи возвращена и увековечена в блистательное правление императора Фридриха II, произвела такую незабываемую революцию в идеях и мнениях, которые набожные и легковверные люди многих предшествующих эпох считали бесспорно правильными.

ГЛАВА XVI

КНЯЖЕСТВА МАВРИТАНСКОЙ ИСПАНИИ

1012-1044

Неподвижность африканской расы —Ее враждебность к цивилизации—Ее пагубное влияние на политику Западного Халифата—Характер Сулеймана—Вторжение Али—Он восходит на трон—Его тирания—Он убит—Абд-ар-Рахман IV. его преемник—Яхья—Абд-ар-Рахман V.—Мухаммед—Хишем III.—Организация Государственного совета—Ибн-Джахвар, министр—Его таланты и власть—Абул-Касим-Мухаммед, кади Севильи—Берберский заговор—Самозванец Халаф возведен на трон как Хишем II.—Альмерия—Визирь Ибн-Аббас—Влияние евреев в Гранаде—Раввин Самуэль—Соперничество Гранады и Альмерии—Абу-аль-Фотух—Мотаххид восходит на трон Севильи—Его Жестокий и распутный характер—Его коллекция черепов—Бадис, король Гранады—Растущее могущество Кастилии—Валенсия и Малага—Зверства христиан в Барбастро.

С самого раннего периода, упомянутого в истории, как было отмечено в предыдущей главе, дух различных племен, населяющих огромный африканский континент, был постоянно враждебен человеческому прогрессу. Невежество, жестокость и развращенность тех народов, территория которых не касалась берегов Средиземного моря, всегда казались неприступными для благотворного и обычно непреодолимого влияния цивилизации. Это правда, что северная оконечность этого континента была резиденцией могущественных империй, великих городов, богатых и предприимчивых центров коммерческой деятельности. Но эта высокоразвитая культура, ограниченная узкой полосой, южная граница которой проходила всего в нескольких днях пути от побережья, была без исключения экзотической. Происхождение египтян, затерянное в глубинах далекой и неизвестной древности, так и не было окончательно установлено. Но почти наверняка оно не было африканским. Этнические особенности, которые раньше отличали и до сих пор заметны у жителей долины Нила, не имели ничего общего с физическими и умственными особенностями окружающих народов. Жесткая изоляция, которая в качестве принципа национальной политики господствовала в Древнем Египте с незапамятных

времен, в достаточной степени исключает существование постороннего влияния. Впоследствии, при просвещенной империи Птолемеев, хотя форма правления и религиозный церемониал древних времен были сохранены, традиции школ и социальная атмосфера, окружавшие великолепный александрийский двор, были полностью греческими. Карфаген был финикийской колонией. Инстинкты его граждан, их энергия, их двуличие, их роскошь, их пороки, их политическая организация, их морские предприятия, их архитектура и их боги были тирскими, а следовательно, азиатскими. Процветание, которым пользовались латинские колонии, основанные после Пунических войн, когда страны, расположенные на южных берегах Средиземного моря, разделяли с Египтом бремя обеспечения пропитания ленивого и беспокойного населения Италии, было обусловлено примером, политикой, институтами Рима. Империя эдриситов, великолепие Феса и Кайроана, чудесное возделывание пустыни, покорение и контроль над свирепыми племенами Атласа были делом рук принцев арабской крови. Африканцы не имели доли во всем этом великолепии торговли, искусства и богатства. Они служили в армиях завоевателя, но без преданности, чести или благодарности. Их неподчинение нанесло гораздо больший ущерб делу благого правления, чем их усилия способствовали его продвижению. Они ревностно оберегали свои пагубные и разрушительные инстинкты в среде самого утонченного и интеллектуального общества того времени. Неспособные извлечь выгоду из цивилизации, которой они были окружены, их единственной целью, казалось, было уничтожение тех свидетельств умственного превосходства, которые они не могли ни оценить, ни наслаждаться. Благожелательное и гуманизирующее влияние девятнадцатого века также не смогло искоренить неисправимое варварство африканцев. Племена Сахары продвинулись в искусстве мира не дальше, чем тогда, когда они угрюмо и неохотно подчинились военному гению Мусы. Жизни благонамеренных сентименталистов были напрасно принесены в жертву улучшению униженного положения негров. Даже на примере самых утонченных наций современности преимущества образования, редкие возможности для накопления богатства, близость с учеными, участие в управлении государством, социальные привилегии — все эти блага служили только для подтверждения и подчеркивания врожденной и неисправимой глупости, злобы и скотства его натуры, — характеристик, переданных дикарем, возможно, обезьяноподобным предком. Общение с римлянами — такими выродившимися, какими они стали со славных дней Республики и Империи, — пробудило в умах готов и вандалов стремление, по крайней мере в какой-то степени, подражать тому совершенству, которое делало их собственные недостатки более заметными. Они постепенно отказались от своих диких обычаев. Они переняли благотворные институты побежденных. Они подражали — часто с небольшим успехом, но с самыми похвальными намерениями — героическим добродетелям древности. Благодаря этому бессмертный гений римской цивилизации в какой-то мере выжил, чтобы проявить свою облагораживающую силу в последующие века. Однако с африканцами дело обстоит иначе. Его близость к высококультурным нациям Европы и общение с ними не привели к улучшению его домашней жизни, не стимулировали его интеллектуальные способности, не смягчали его грубого и свирепого характера. Он был основным средством, с помощью которого империя Оммеяде была как основана, так и уничтожена. Его врожденная грубость и отвращение к дисциплине проявились еще до окончания Завоевания. Из орд Атласа и Сахары были набраны безжалостные солдаты, с помощью которых были увековечены беспорядки, смутившие эмират. Они составляли важный, но вероломный контингент армий халифата. Номинально являясь приверженцами мусульманской веры, они продолжали соблюдать те идолопоклоннические церемонии, которые вызвали проклятия Пророка. Повиновение суверену всегда было подчинено почитанию вождя. Они сохраняли при самых

неблагоприятных обстоятельствах примитивные традиции своей расы. Их лагерь был ежедневной ареной диких обрядов, практики гадания, колдовства, колдовства и волшебства. В их гражданской организации преобладала патриархальная простота Пустыни, их военные маневры были шумными и нерегулярными демонстрациями храбрых, но недисциплинированных варваров. Их непреодолимым импульсом было разрушение без разбора. Они смотрели с невозмутимым безразличием на несравненные памятники сарацинской культуры. Самые изысканные произведения искусства, в изготовлении которых исчерпывалось мастерство ювелира и эмалиера, разбивались и переплавлялись ради содержащихся в них драгоценных металлов. Бербер был воплощением жестокости, вероломства, неорганизованности и разорения. По сравнению с его безграничной способностью на зло, все разрушительные действия, осуществляемые враждебными расами, составляющими население Западного халифата, были ничтожны. Неисчерпаемая численность племен Нумидии и Мавритании, откуда были взяты орудия царской тирании и рабской революции, их доблесть, неукротимая свирепость, безудержный пыл, живучесть их языческих идей и социальных обычаев, сделали их самыми грозными препятствиями цивилизации. Непрекращающейся иммиграции из Африки, набору берберских наемников в армии мусульманской Испании, бестактным призывам о помощи к полуварварским князьям Аль-Магриба следует приписывать гораздо больше, чем соперничеству арабских племен или врожденным недостаткам мусульманской конституции - какими бы серьезными они, несомненно, ни были — череде бедствий, постигших империю Оммеядов, и невыразимым преступлениям, пятнающим мавританские летописи XI века, печальные последствия которых ощущались в самых отдаленных уголках полуострова.

Я был привлечен к рассмотрению темы, обсуждавшейся на предыдущих страницах, по причине заметной роли африканских племен в последние годы мусульманского господства в Испании. Хотя это кажущееся отступление, на самом деле оно неотделимо от полного описания событий, происходящих во владениях, некогда входивших в состав Кордовского халифата. Отношения Африки и мусульманской Европы издавна были близкими. Ревность к амбициям и суверенитету, за исключением редких и единичных случаев, была подчинена интересам взаимной доброты и дружбы. До сих пор никаким серьезным актам вражды не было позволено прерывать сердечные отношения, которые — чему способствовало небольшое расстояние, разделяющее два континента, — существовали между нациями, признающими, по крайней мере по форме, одну и ту же религию и руководствующимися схожими законами. В то же время богатые торговцы содержали коммерческие учреждения в Альмерии и Кайруане. Сыновья шейхов Пустыни занимали высокие посты при знаменитых принцах Дома Оммея. Негритянские рабы Судана неоднократно избирались для охраны священной особы монарха. Эрудиция философов Кордовы была продемонстрирована к удивлению, если не к одобрению, фанатичных сектантов Феса. Могущественные князья Мавритании не раз оказывали почтение и платили дань уважения правителям могущественного западного халифата. Они с чувством гордости подчинились верховенству одного из самых известных из этих правителей, поскольку помнили, что в народе он считался человеком того же происхождения и родственной крови. Во время правления Аль-Мансура ни один африканский принц не лелеял бы кажущуюся химерической надежду на то, что его династии суждено решающим образом повлиять на будущее полуострова. Смерть этого великого полководца, не оставившего достойного преемника, подстегнула стремление каждого честолюбивого вождя ввергнуть страну в анархию, состояние, из которого он, возможно, вышел бы с львиной долей власти и награбленного. Менее чем за

сорок лет берберы получили контроль над наиболее ценной частью богатого наследия мусульман Испании; менее чем за полтора столетия великолепная империя Оммеядов, цивилизация которой была чудом того времени, ее города были разграблены и разрушены, плодородные поля опустошены, торговля уничтожена, трудолюбивое и процветающее население вырезано или обречено на мучительное рабство, спустилась с высокого положения монархии, имя которой с уважением и страхом упоминали самые отдаленные и недоступные народы, до уровня средневековой империи. унижительное положение зависимости варварских и неграмотных султанов Африки.

Юрисдикция самопровозглашенного халифа Сулеймана, который, как глава берберской фракции, приобрел видимость королевской власти чудовищной ценой крови, была ограничена ограниченной территорией, включавшей всего пять густонаселенных городов, из которых Кордова, владение которой подразумевало престиж и силу императорского титула, была, конечно, самой важной. При первом проявлении национальной розни, последовавшей за расчленением халифата, военачальники, занявшие самые сильные крепости, провозгласили свой нейтралитет или независимость. Восточные провинции полуострова, территория которых до сих пор избежала бедствий, столь серьезно поразивших менее удачливые регионы Запада, благодаря свободе своих портов, предприимчивости своих купцов и безмятежному трудолюбию своих рабочих сохранили процветание, хотя и не столь продолжительное, но резко контрастирующее с жалким состоянием некогда процветавших центров торговли и сельского хозяйства, которые в более счастливые дни были гордостью прекрасной Андалусии. Здесь офицеры-рабы, назначенные под номинальной властью королевской марионетки Хишема II, вершили свои суды и демонстрировали на ограниченном театре все роскошное великолепие и тиранические капризы азиатского деспотизма. На Севере, где было много приверженцев амиридов, берберские князья Сарагосы и Толедо сохраняли видимость варварской пышности и военного соперничества. От последних, которые, подобно рабам, отстаивали свою независимость, Сулейман, хотя его войска были связаны со своими подданными теснейшими национальными узами и родством, не мог ожидать никакой поддержки. Поэтому он был вынужден полностью полагаться на свою армию, состоящую из солдат удачи, чья верность полностью зависела от готовности их генерала потакать своим мятежным инстинктам и любви к грабежу. Из этих наемников, которые, наполовину язычники, наполовину христиане, с поразительной непоследовательностью служили под знаменем мусульманского князя против сектантов его собственной религии, злейших врагов тех и других, берберы были контролирующим элементом. Большинство населения Мавританской Испании, и особенно арабы благородных кровей, относились к ним с особым отвращением. Тот факт, что в самой тени благородных мечетей андалузской столицы они обычно практиковали языческие обряды, осуждаемые Кораном и вызывающие отвращение у каждого мусульманина, был печально известен. Богатый и гибкий язык полуострова, гордость арабов, язык, на котором говорил Пророк, средство, с помощью которого передавались и сохранялись знания ученых мусульманского мира, был им совершенно неизвестен. Их неотесанные манеры и дерзкая осанка вызывали отвращение у народа, вошедшего в поговорку из-за их врожденной утонченности и исполненной достоинства вежливости. Каждый город, каждая деревушка, каждая плантация несли на себе неизгладимые следы слепой свирепости этих ненавистных иностранцев. Они разграбили великолепную столицу Запада. Они превратили непревзойденный дворец и пригород Медина-аль-Захра в груды почерневших руин. Их насилие превратило самые плодородные районы Андалусии в необитаемое и мрачное уединение.

Города кишели берберскими грабителями, которые почти беспрепятственно занимались своим гнусным ремеслом; в стране было небезопасно из-за организованных банд берберских разбойников, наводнивших дороги. Преступления любого рода пользовались неприкосновенностью благодаря коррумпированному партнерству их исполнителей с властями, которые жадно делились своей добычей. Конфискованные трофеи знатных семей, которые вели свою родословную от Сподвижников Пророка, выставлялись напоказ с бесстыдной наглостью узаконенного разбоя и безответственной властью в лице их бывших владельцев, ныне доведенных до нищеты. Прекрасных жен и дочерей арабской аристократии вытаскивали из их домов, чтобы они томились в гаремах жестоких и полудиких берберских вождей. Африканское предубеждение против учености стало причиной истребления философов Кордовы — деяния, жестокость которого усугублялась тем фактом, что жертвы были некомбатантами, классом, защищаемым солдатами каждой великодушной и уважающей себя нации. Поэт не без причины сетовал на то, что гнев Аллаха освободил легион демонов, чтобы они обрушили невыразимые страдания на имперские города, украшенные триумфами августейшего рода Омейядов.

Повелитель этих угнетателей в силу обстоятельств своего положения превратился в жестокого тирана. По натуре он был склонен к миру. Освободившись от пагубных ассоциаций, которые развратили его разум и под влиянием которых он пришел к власти, он проявил характер великодушного и просвещенного правителя. Он строго соблюдал принципы гуманности и справедливости. Его решения как мирового судьи характеризовались духом беспристрастной справедливости. У него был мягкий характер. Он был другом литераторов и проявлял в приписываемых ему поэтических попытках незаурядные способности. Больше всего его радовали дружеские беседы с учеными, чьи таланты он ценил и чьи вкусы поощрял. Он использовал все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, чтобы восстановить спокойствие и уверенность в общинах, терроризируемых бесчинствами его последователей. Только когда интересы последнего были непосредственно затронуты, он вспомнил об инструментах своего величия и санкционировал преступления, которые оставили несмываемое пятно на его имени.

Несмотря на притязания Сулеймана и занятие им трона халифов, хотба, или общественная молитва, за Хишема II, смерть которого не была установлена к удовлетворению народа, все еще, несмотря на мольбы и протесты узурпатора, читалась в мечетях Андалусии. Труп последнего из Омейядов так и не был выставлен населению для опознания. Предположение о его выживании в какой-то мере подтверждалось строгим уединением, в котором он провел свою жизнь. Поколение опеки и слабоумия не полностью разрушило престиж этой династии, чьи героические достижения отразились таким блеском на мусульманском имени. Претенденты на верховную власть, скрывавшие свои амбиции под благовидным предлогом освобождения плененного монарха и отмщения за причиненные ему обиды, появлялись по всем городам Юга. Самым способным и могущественным из них был Хайран, губернатор Альмерии, чиновник, пользовавшийся большим расположением Аль-Мансура. Даже в Африке устремления предприимчивых генералов были возбуждены заманчивой перспективой вакантного трона — приза, который в военной лотерее мог легко выпасть смелому и удачливому солдату. Превосходные качества Сулеймана не компенсировали в глазах толпы непопулярные методы, с помощью которых он пришел к власти. Вскоре был найден лидер, который был склонен извлекать выгоду из всеобщего недовольства. Али Ибн Хамуд, в то время губернатор Сеуты, был одним из самых способных офицеров в армиях Аль-Мансура и с отличием служил под началом этого командующего. Он проследил свою генеалогию до семьи Мухаммеда. Его предки, долгое

время проживавшие в Мавритании, однако считались берберами одной национальности с ними самими. Его инстинкты и ассоциации заставили его отождествить себя с их причиной, хотя он утверждал, что происходит от зятя Пророка. Эмиссары их соотечественников установили взаимопонимание между амбициозным генералом и некоторыми заговорщиками в Испании. Одаренный проницательностью, свойственной его расе, он легко обманул суеверного Хайрана ложным рассказом о беседе с Хишемом, во время которой он утверждал, что последний назначил его своим преемником, провозгласил себя защитником преследуемого халифа и, заручившись симпатиями бесчисленных недовольных, которые благосклонно относились к любому плану, сулящему свержение Сулеймана, вскоре оказался во главе грозной революции.

Едва Али высадился в Андалусии, как Амир Ибн Фотух, губернатор Малаги, чья привязанность к семье свергнутого халифа недавно усилилась из-за захвата берберами части его владений, сдал эту важную крепость, и, поскольку Али соединился с Хайраном в Альмуньекаре, союзная армия без промедления двинулась вперед, чтобы атаковать столицу. Зави, губернатор Гранады, чей авторитет и ресурсы равнялись таковым у самого Сулеймана, как только до него дошли сведения о вторжении, объявил о своей приверженности делу повстанцев. Времена еще никогда не были более благоприятными для предприятия самозванца. Население, слишком часто склонное возлагать на лидера ответственность за проступки его фракции, считало Сулеймана воплощением дьявола. Солдаты презирали его, потому что ошибочно принимали его склонность к снисходительности за признак трусости. Сторонники древней династии и иждивенцы Амиридов, приписывавшие его ведомству преследования, жертвами которых они стали, никогда не упоминали его имени без проклятия. Дворец и Диван, как обычно в таких случаях, были центрами интриг. Армия кишела предателями. В самой Кордове чернь, веками пользовавшаяся незавидной репутацией непостоянной и буйной, с нетерпением ожидала сигнала к восстанию. Последствия такого политического положения вскоре стали очевидны. Отряды, посланные Сулейманом для проверки повстанцев, были один за другим обращены в бегство. Когда сам принц появился в лагере, чтобы лично принять командование, он был схвачен собственными войсками и отправлен в цепях к врагу. Несколько дней спустя несчастный Сулейман получил от палача, после нанесения всех оскорблений, последнее наказание в виде несчастья и беспомощности — обычная участь плененных монархов в ту варварскую эпоху. Несмотря на тщательные поиски, начатые победоносными генералами, пропавший Хишем так и не был найден, и, как сообщалось ранее, хотя Сулейман настаивал на том, что он мертв, тело, эксгумированное как его и подвергнутое поверхностной и недостаточной идентификации, не было признано подлинным теми, кто не заинтересован в поддержке мошенничества, и судьба несчастного сына Аль-Хакема по сей день остается непроницаемой тайной.

В соответствии с соглашением, в котором он воспользовался доверчивостью Хайрана, Али теперь принял королевские знаки отличия и власть с титулом Аль-Насир-ад-Дин-Аллах, а другой узурпатор был облечен неопределенным и опасным достоинством номинального правителя расчлененного халифата.

Вопреки ожиданиям его противников и к бесконечному отвращению его сторонников, которые рассчитывали на снисхождение к необузданной распущенности, начало правления Али ознаменовалось проявлением умеренности и справедливости, в течение многих лет неизвестных несчастному народу Андалусии. Перед его трибуналом фракционные различия больше не признавались, и испанец, независимо от его политических отношений, пользовался

равным уважением с африканцем. Бандитские наклонности берберов были безжалостно подавлены. Тот факт, что Али вырос среди них, был связан с их расой узам кровного родства, не знал никакого другого языка, кроме их, и был возведен на трон благодаря их влиянию, не давал берберскому злоумышленнику никакой безопасности. Малейший акт грабежа карался мгновенной смертью. Арабские историки рассказывают об инциденте, который дает важное представление об этом упрощенном отправлении правосудия. Однажды, когда халиф проезжал через ворота столицы, он встретил верховного бербера с большим количеством винограда на седле перед собой. Королевская кавалькада была немедленно остановлена, и принц спросил у всадника: “Откуда у тебя этот виноград?” “Я захватил его, как солдат”, - последовал дерзкий ответ. По сигналу Али преступника немедленно оттащили на обочину и обезглавили. Затем его голову прикрепили к винограду, и лошадь с ее ужасной ношей в сопровождении глашатая повели по главным улицам города как пример судьбы, ожидающей всех, чьи незаконные наклонности, подтвержденные прежней безнаказанностью, побуждали их нарушать права личности и собственности. В формах юридической процедуры новый правитель отказался от привычек уединения и таинственности, характерных для позднейших Оммеядов, и вернулся к древней патриархальной простоте, которая с незапамятных времен характеризовала бесцеремонные судебные инстанции Востока. В определенные назначенные дни, сопровождаемый небольшой свитой и почти без каких-либо признаков своего высокого положения, он сидел у ворот дворца, чтобы принимать жалобы и улаживать недовольства своих подданных. В коллегии этого суда ни один преступник не мог надеяться на неприкосновенность из-за гордости происхождением, богатства или важной принадлежности к племени. Правосудие вершилось одинаково для всех. Палач постоянно находился при исполнении, и приведение наказания в исполнение, будь то бичевание, тюремное заключение или смерть, строго следовало за приговором. Поскольку берберы составляли большинство преступников, они вскоре начали обвинять своего государя в политическом отступничестве и враге своей расы. За этим проявлением судебной суровости последовали наиболее удовлетворительные результаты. Безответственное применение необычных наказаний было заменено обычным судебным процессом. Берберы угрюмо, но полностью подчинились неприятным, но полезным ограничениям дисциплины. Горожанин и крестьянин могли теперь без серьезного преследования заниматься своими обычными занятиями. Улицы стали безопасными для пешеходов. Шоссе были очищены от бандитов. Торговля начала возрождаться. Пристрастие Али к андалузцам, которые, как более миролюбивый класс населения, редко привлекались к ответственности перед магистратом за нарушение законов, с каждым днем становилось все более заметным. Действительно, у него был похвальный замысел лишить своих берберских подданных собственности, которую они приобрели путем грабежа своих соседей, и вернуть последним поместья, которые были конфискованы без какого-либо иного основания, кроме того, которое было предоставлено силой в период беззакония, последовавшего за смертью Аль-Мансура. Этот план был сорван обычным непостоянством и неблагодарностью народа, вызванными недовольством военачальника, чья преувеличенная оценка собственных способностей была прямо пропорциональна его непомерным амбициям.

В течение почти двух лет Али управлял государствами своего законсервированного королевства с образцовой твердостью и мудростью. Но, неохотно признавая преимущества, которыми они пользовались, сторонники Дома Оммея никогда не могли забыть иностранное происхождение и варварское прошлое решительного принца, который отомстил за их обиды и укротил свирепость их диких угнетателей. Что касается африканцев, то они ненавидели правителя,

который был обязан своим положением их мужеству и предательству и который платил за их преданность грубым и беспристрастным пренебрежением к их притязаниям, которое они без колебаний осудили как самую вопиющую неблагодарность. Таким образом, непреклонная справедливость Али оттолкнула его сторонников, в то время как национальные предрассудки против его расы действовали ему во вред во всех остальных сферах. Осознавая это чувство, Хайран, который чувствовал себя обиженным из-за того, что ему не доверили большей доли в правительстве, созданию которого он способствовал, организовал заговор с целью возвращения Оммеядов к власти. Аль-Мортада, правнук Абд-ар-Рахмана III., был выбран представителем недовольных под титулом Абд-ар-Рахмана IV. Престиж, которым было облечено имя прославленной семьи претендента, надежда отомстить берберам, перспектива революции, столь привлекательная для андалузских умов, привели многих последователей под его знамена. Валенсия вступилась за него. Губернатор Сарагосы поддержал его дело и двинулся на юг с отрядом в несколько тысяч человек. Были заручены услугами Раймонда, графа Барселонского, и он появился в лагере повстанцев во главе отряда христианских рыцарей, закованных в полные доспехи. Популярность предприятия привлекла сочувствие крестьянства, всегда склонного к восстанию. В Кордове только присутствие солдат предотвратило вспышку, и было проблематично, как долго гарнизон сможет внушать благоговейный страх населению, даже если их собственная верность оставалась непоколебимой. Возмущенный тем, что его усилия по восстановлению и поддержанию общественного порядка получили такое вознаграждение, Али отказался от политики государственного деятеля, которую он проводил до сих пор. Берберы снова безраздельно властвовали в столице. Улицы снова огласились неистовым шумом возмущения и беспорядков, стонами убитых мужчин, воплями изнасилованных женщин. Трибуналы, которые в течение многих месяцев вершили правосудие со строгой беспристрастностью, теперь отказались рассматривать жалобу на военных тиранов, чьи страсти, доведенные до предела сдержанностью, разгорелись с удвоенной силой. Правительство содержало армию доносчиков, и выдающихся граждан ежедневно отправляли в тюрьмы на основании ложных показаний самых подлых представителей человечества. Этот дух шпионажа был настолько распространен, что писатель, который сам был свидетелем этих сцен, заметил, что «половина жителей была постоянно занята наблюдением за другой половиной». Обладание богатством само по себе было мощным стимулом для обвинения в государственной измене. Был разработан удобный и эффективный метод пополнения казны путем ареста богатых на основании сфабрикованных улик, а затем возвращения их на свободу после выплаты непомерного выкупа. Когда друзья жертв пришли, чтобы сопроводить их по домам, у них отобрали лошадей, и они были вынуждены возвращаться пешком. Не было ничего необычного в том, что африканские гвардейцы халифа грабили дома знати в открытую. Немногие уцелевшие дворцы, возведенные Оммеядами, были разрушены; известные приверженцы этой фракции подвергались преследованиям с неослабевающей жестокостью, и все мыслимые оскорбления были нанесены тем, чьи предубеждения против партии власти предполагались существующими из-за их литературных вкусов или превосходной эрудиции. Мечети, которые до сих пор либо из суеверного страха, либо из политических соображений были освобождены от принудительных взносов, теперь подверглись самым возмутительным поборам. Их украшения были унесены. Их доходы были конфискованы. Служители религии были обложены налогами. Многие из лучших храмов столицы были заброшены или стали пристанищем ночных мародеров. Даже набожные люди не осмеливались собираться для поклонения Богу. Сознание вероломной неблагодарности, проявленной его подданными, настолько ожесточило халифа, что он решился на самые крайние меры и публично объявил о своем намерении стереть с лица земли

город Кордову. Осуществление этого коварного замысла, который, разрушив самый великолепный архитектурный памятник мусульманского гения, в то же время нанес бы непоправимый ущерб искусству и археологии, к счастью, было сорвано убийством тирана. Трое его самых доверенных рабов, движимые желанием освободить свою страну от зла, от которого она страдала, и, насколько можно судить, без участия других, убили Али в бане в тот самый день, когда он собирался выступить в поход против врага.

Убийство узурпатора далеко не произвело того эффекта, которого желали и ожидали революционеры, которые повсюду приветствовали его самыми экстравагантными проявлениями ликования. Наводящие ужас африканцы все еще внушали благоговейный страх населению столицы. Эмиссары Аль-Мортады не смогли разбудить толпу, в сознании которой все еще были свежи воспоминания о безжалостной мести этих варваров. Был собран совет вождей, и корона была предложена Касиму, брату Али, в то время губернатора Севильи, который, будучи верным помощником Аль-Мансура, храбро служил во многих кампаниях против христиан.

Пока происходили эти события, дело партии Оммеяде шло на убыль. Его глава, провозглашенный халифом под именем Абд-ар-Рахман IV, проявил слишком независимый дух, чтобы угодить тем, кто рассчитывал держать его в вечном подчинении. После того, как искусственный энтузиазм революции пошел на убыль, ряды повстанцев начали серьезно сокращаться из-за дезертирства. Рекруты не могли быть привлечены к предприятию, которое теперь сулило непривлекательную перспективу больших сражений и лишений и почти никакой добычи. Губернаторы важных городов держались в стороне или вышли из союза, который они никогда искренне не поддерживали. Даже пыл лидеров заметно остыл. Сам Хайран, чьи предательские наклонности были неисправимы, теперь согласился с Зави, губернатором Гранады, — перед городом, перед которым стояла лагерем революционная армия, — отказаться от претендента Оммеядов во время первого сражения. Вероломный договор был выполнен в точности. Предатели дезертировали в пылу битвы, верные приверженцы Аль-Мортады были разбиты и перебиты до единого, а этот несчастный принц, с трудом сбежавший с поля боя, был выслежен и предан смерти всадниками Хайрана.

Со смертью Али исчезло последнее препятствие на пути бесспорного господства берберской фракции. Народ Кордовы, не принимавший активного участия в недавних беспорядках, почти безропотно подчинился правительству монарха, который, хотя и был воспитан в лагерях, не проявлял особой склонности к сценам кровопролития. Преследование Али окончательно сломило дух андалузской знати. Богатые обнищали. Философы, теологи, факи, чье лицемерие служило удобным прикрытием для их честолубия, были либо истреблены, либо изгнаны. Таким образом, элементы успешного сопротивления были парализованы или полностью ликвидированы, и появилась редкая возможность для восстановления порядка и процветания. В самых первых распоряжениях своего правления Касим проявил такт и великодушие, которые сделали бы честь самому просвещенному монарху. Он подавил насилие, которое до сих пор допускалось, если не санкционировалось, представителями закона. Он даровал амнистию побежденным. Измена Хайрана была прощена. Выдающиеся сторонники древней династии были возведены в важные и ответственные должности. Были предприняты напряженные усилия, чтобы залечить раны, нанесенные поколениями гражданской войны, и примирить, по крайней мере внешне, политические разногласия, преобладающие даже среди членов одной и той же семьи, которые постоянно нарушали мир в каждом сообществе. Эта патриотическая и

консервативная политика Касима едва начала восстанавливать общественное доверие, как мера, принятая для его собственной безопасности, вновь пробудила враждебность непримиримых врагов цивилизации и порядка. Долгое знакомство с непостоянными привязанностями и вероломным характером берберов привело к тому, что халиф не пожелал доверить свою персону их попечению. Поэтому их постепенно выселили из дворца, а их места заняли негры-рабы, купленные на рынках Африки, чьи привычки к послушанию, как предполагалось, служили лучшим основанием для их верности, чем оскорбительные претензии и гордая независимость пустынных племен, годами подтверждавшиеся законной безнаказанностью и успешной революцией. Позор королевской гвардии считался непростительным оскорблением для каждого представителя берберской нации. Был составлен заговор с целью даровать халифат Яхье, сыну Али, единственное отсутствие которого в Африке помешало ему наследовать престол своему отцу и который с готовностью откликнулся на предложения берберских вождей. Высадившись в Малаге, которая находилась под юрисдикцией его брата Эдриса, и встреченный одобрительными возгласами народа, он занял Кордову, не встретив ни малейшего сопротивления. Касим, получив известие о предполагаемом бегстве своих сторонников, ночью покинул столицу и в сопровождении пяти рабов, на которых он мог положиться, удалился в Севилью. Исключительная непригодность Яхьи для его высокого положения вскоре стала очевидной. Он оттолкнул берберов, отказавшись восстановить древние привилегии грабежа и вымогательства, на которые они считали себя вправе по праву завоевания. Гордясь своим происхождением из семьи Пророка, он постоянно сохранял надменное поведение по отношению к знати и презирал всякое общение с людьми, которых он притворялся, что считает рабами. Несмотря на это оскорбительное предположение о превосходстве, он выбирал в качестве своих ближайших помощников людей без положения или характера, главной рекомендацией которых было потакание его прихотям и прислуживание его порокам. Выдающиеся качества, необходимые для управления государством, основанные на интеллектуальных знаниях и военном опыте, не принимались во внимание этим тщеславным и невежественным преемником халифов. Недовольство вскоре распространилось по двору и городу. Берберы настойчиво требовали раздела общественных сокровищ. Рабы-охранники Касима, опасаясь за свою безопасность, добивались присутствия и прощения своего бывшего монарха в Севилье. Офицеры, проявившие свои способности в советах и кампаниях целого поколения, с отвращением передали государственные заботы некомпетентным и низкородным подхалимам, которые роились вокруг трона. Ни в одной мечети Андалусии хотба не повторялась от имени Яхьи; этим выразительным знаком верховной власти по-прежнему пользовался Касим или какой-нибудь представитель неопределенного и быстро исчезающего достоинства королевского рода Оммеядов.

Таким образом, ограниченный стенами Кордовы, население которой относилось к его поведению с нескрываемой неприязнью, Яхья вскоре начал осознавать угрожающий характер окружающих его опасностей. Убедившись в своей неспособности защититься в случае нападения, он удалился в Малагу в сопровождении свиты, немногим превосходящей по численности ту, с которой его дядя покинул свою столицу всего несколько месяцев назад.

Возвращение Касима стало сигналом к новым заговорам и возобновлению беспорядков. В конфликте интересов две группировки, добившиеся его изгнания, снова выступили против него, и отряд негров-рабов, чье двуличие так явно обмануло его ожидания, стал единственным и ненадежным оплотом трона. В Кордове распространилось сообщение, возможно, вполне обоснованное, о том, что другой потомок Абд-ар-Рахмана вскоре предъявит права на его

наследственные и узурпированные прерогативы. Когда слух об этом движении дошел до двора, Касим принял самые радикальные меры для предотвращения новой революции. Против Оммеядов был введен огульный запрет. Неуверенность кандидата на королевские почести, чьи притязания должны были быть выставлены на всеобщее одобрение, стимулировала враждебность и повышала бдительность властей. Члены запрещенной династии поспешно бежали из столицы. Из арестованных многие были казнены без суда. Другие были брошены в грязные темницы, где медленно умирали от болезней и голода. Принцы, воспитанные в роскоши, были вынуждены принимать самые скромные обличья и заниматься самыми черными делами, чтобы избежать ареста. Неустанные поиски эмиссаров халифа, которым помогали продажные доносчики, привели к аресту значительного числа представителей несносной группировки, нашедших временное убежище в деревнях и фермерских домах окрестной страны. Однако эти строгие меры предосторожности не смогли запугать мятежное и раздраженное население. Внезапно вспыхнуло восстание. Угнетенные тиранией правительства и растущей распущенностью солдат, горожане, воодушевленные непреодолимой яростью, изгнали халифа, негритянских рабов и берберов сломя голову из города. Теперь капитал был вложен теми, кто еще недавно был его хозяевами. Несмотря на то, что они не были обеспечены средствами, необходимыми для успешного ведения осады, им не раз удавалось пробиться внутрь укреплений. Горожане, понимая, что от их разъяренных врагов не следует ожидать пощады, защищались с мужеством отчаяния. Ворота были замурованы каменной стеной. Бастионы охранялись с неослабевающей бдительностью. Женщины и дети вносили свою ничтожную, но обнадеживающую помощь в почти сверхчеловеческие усилия своих мужей и отцов. Голод, незащищенность, страдания переносились всеми с безропотной стойкостью. В конце концов нехватка провизии потребовала компромисса. Осажденные предприняли попытки мирной эвакуации. Берберы, уверенные в своей добыче и замышляющие кровавую месть, отказались принимать какие-либо предложения от доведенного до крайности врага. Затем была предпринята вылазка, и осаждающие, не в силах противостоять стремительной атаке кордовцев, потерпели сокрушительное поражение. Их армия была рассеяна; негры перебиты; оставшиеся в живых берберы ушли в Малагу, где поступили на службу к Яхье; а Касим, отброшенный от ворот Севильи, в этом городе он надеялся снова обрести безопасность, направился в Херес, где вскоре после этого попал в руки своего племянника и был по его приказу задушен в тюрьме.

Освобожденные от ненавистного присутствия берберов после двухмесячного междуцарствия, жители Кордовы решили воспользоваться избирательным правом при выборе правителя - древним и неотъемлемым, но давно приостановленным принципом их государственного устройства. В просторном храме, возведенном Абд-ар-Рахманом I., собралось огромное собрание. Слушания проводились со всей помпой и торжественностью. Присутствие оставшихся в живых принцев Дома Оммея, потомков семей, прославленных на протяжении веков в анналах полуострова, знати, которая вела свою родословную за пределами Хиджры, одетых в шелковые одежды, расшитые золотом и серебром, придавало происходящему атмосферу величия и великолепия. Тысячи клиентов династии, чья судьба была так тесно переплетена с судьбой столицы, для приукрашивания которой она так много сделала, присутствовали в белоснежных одеждах, которые составляли отличительный знак их партии. Мечеть, вмещавшая десять тысяч человек, была переполнена до отказа. Три кандидата — Абд-ар-Рахман, брат Мохаммеда Махди; Сулейман, сын Абд-ар-Рахмана IV.; и Мохаммед Ибн-аль-Ираки — явились заручиться поддержкой толпы. Из них Сулейман, на притязаниях которого

настаивали визири и самые могущественные вельможи двора, казался настолько уверенным в успехе, что с опрометчивой поспешностью появился на собрании в костюме, предназначенном для членов королевской семьи, в то время как его сторонники преждевременно распорядились о том, чтобы акт об инвеституре был оформлен на его имя. Но голоса низших классов, среди которых Абд-ар-Рахман был фаворитом, одержали верх над аристократической партией Сулеймана, и под одобрительные возгласы своих сторонников удачливый кандидат получил невольное почтение своих соперников и был возведен на трон своих предков под именем Абд-ар-Рахман V.

Правление нового халифа длилось всего сорок семь дней. Его возвышение вызвало недовольство старой знати. Его ортодоксальность вызвала подозрения. Непочтительные речи его сподвижников были с отвращением услышаны теологами и служителями религии, которые, возможно, не без основания, считали, что неверующие и святотатственные чувства не следует поощрять в присутствии Преемника Пророка. Пристрастие молодого принца к обществу поэтов и ученых было источником жалоб населения, включая многие тысячи безработных механиков и чернорабочих, которые были разорены неустроенным состоянием общества, которые тщетно просили помощи у каждой последующей администрации и которые, раздраженные повторяющимися разочарованиями, были готовы на любое отчаянное предприятие. Обычное недовольство этого многочисленного класса старательно поощрялось Мухаммедом, дегенеративным внуком великого Аль-Нассира, который соединял вкусы аристократа с искусством демагога. При посредничестве Ибн-Имрана, дворянина, который был заключен в тюрьму за подстрекательство к мятежу и неосмотрительно освобожден, было достигнуто сочетание двух самых антагонистических элементов мусульманского общества; и разочарованное честолюбие побудило надменного патриция сотрудничать с рабочим и рабом, которые с завистью, порожденной деградацией и нищетой, всегда считали представителей древней арабской знати своими естественными и непримиримыми врагами. Когда заговор созрел, подкупленная стража была отозвана; министры тихо покинули своего хозяина; революционеры заняли цитадель; и Абд-ар-Рахман, с позором вытащенный из печи, где он поспешно искал укрытия, был казнен без церемоний и промедления. Затем дворец был разграблен толпой; каждый человек, связанный кровным родством с берберами, был убит; сераль покойного халифа был распределен между лидерами торжествующей фракции; и Мухаммед, окруженный кровавыми свидетельствами победы и лежащим перед ним трупом своего предшественника, занял свое место на троне.

Противоестественный союз патрициев и черни был расторгнут, как только была достигнута его цель. Первые презирали Мухаммеда, которого они использовали исключительно как орудие мести, и сразу же начали строить планы его свержения. Через несколько месяцев в результате другого восстания королевский кабинет был освобожден. Мохаммед сбежал, переодевшись женщиной, только для того, чтобы быть отравленным одним из своих последователей. Африканцу Яхье, правившему городом Малага, было предложено принять на себя опасную и невыгодную честь, связанную с пустым титулом халифа и шатким суверенитетом Кордовы. Этот принц, зная по опыту характер тех, кто предложил ему корону, и отчаяние, которое, должно быть, побудило его к такому поступку, учитывая предубеждение против его национальности, хотя и не отказывался включить Кордову в состав своих владений, все же колебался доверить свою личность народу, чья репутация беспорядка и вероломства приобрела за это такую позорную и широко распространенную известность. Поэтому он передал свои полномочия

берберскому офицеру, который, к ужасу и отвращению жителей, поселился в Алькасаре с титулом и полномочиями вице-короля.

Старое чувство против африканцев вскоре возродилось. Новый заговор потребовал вмешательства Хайрана, чьи преклонные годы, по-видимому, не препятствовали его участию в изменнических или революционных предприятиях, и с помощью Моджехида, губернатора Дении, он легко изгнал берберов из Кордовы. Но так как каждая сторона опасалась другой, соглашения о престолонаследии достичь не удалось, и кордовцам снова пришлось выпутываться, насколько это было возможно, из трудностей, которые навлекли на них плохое правительство и вседозволенность. Была предпринята еще одна попытка восстановить Оммеядов, и корона была предложена брату Абд-ар-Рахмана IV по имени Хишем, имя, вызывающее неблагоприятные ассоциации, и которому было суждено стать последним представителем этой знаменитой династии мавританских королей.

Уже находясь на склоне лет, обладая умеренными способностями и годами привыкший к тяготам бедности и изгнания, Хишем III не обладал ни одним из тех качеств, которые внушают уважение знати и ученых или вызывают энтузиазм легкомысленной и непостоянной черни. В его облике не было достоинства. Его манеры были манерами клоуна. Его образованием пренебрегали. Долгое знакомство с голодом сделало его нечувствительным ко всем удовольствиям, кроме тех, которые давало потворство неумеренному обжорству. Хотя жители Кордовы приветствовали его со всеми проявлениями привязанности и радости, он постоянно сохранял сдержанное и флегматичное поведение, которое так же плохо соответствовало его положению и предполагаемому величию, как и простота его одежды и малочисленность его свиты, ни то, ни другое не соответствовало рангу даже преуспевающего гражданина. На народ, который не забыл величие древнего халифата и щедрую демонстрацию царственного великолепия его князьями, плебейскую внешность и ничтожную экипировку этого преемника знаменитого Абд-ар-Рахмана III. вызвал чувство разочарования, не лишенное примеси презрения. И последующее поведение Хишема III. не имело тенденции устранить неблагоприятные впечатления, которые вызвало его первое появление. Его ненасытность и праздность сделали его заметной мишенью для саркастических острот столицы. Его практическая передача власти и вознаграждений, связанных с его должностью, премьер-министру Хакему Ибн Саиду, чья прежняя респектабельная, но скромная профессия ткача казалась сомнительной квалификацией для важных государственных должностей, вызвала зависть и негодование высокомерной и высокообразованной арабской знати. Произвольные меры, придуманные Хакемом для пополнения казны, вскоре усилили непопулярность, вызванную его неясным происхождением и неожиданным возвышением. Он конфисковал и продал на аукционе драгоценности и другие личные вещи богатых амиридов, которые, принадлежа к самой слабой политической фракции Андалусии, могли подвергаться притеснениям и ограблениям сравнительно безнаказанно. Эти потомки знаменитого Аль-Мансура также были вынуждены покупать за огромную сумму металл, собранный из королевских дворцов, разрушение которых в народе приписывали амбициям или мести приверженцев этой семьи отважных авантюристов. Среди проклятий и тщетных увещеваний духовенства святость мечетей была снова осквернена, а сокровища, накопленные благодаря щедрости благочестивых людей, были вынуждены пойти на насущные нужды государства. Уменьшение их доходов раздражало служителей религии гораздо больше, чем кощунственное вмешательство в их власть и присвоение драгоценных предметов богослужения. Но теологический элемент уже давно своей алчностью, лицемерием и склонностью к

политическим беспорядкам утратил уважение народа Кордовы, где когда-то бред популярного факи мог пробудить опасения самого могущественного из государей. В то время как Хакему было нечего опасаться враждебности этого класса, поведение патрициев вызывало у него немалую тревогу. Все попытки примирить их оказались безрезультатными. Они презирали его заигрывания. Они с презрением отказывались от почетных и прибыльных занятий. Самые великолепные подарки не смогли завоевать их дружбу или даже обеспечить их нейтралитет. Таким образом, отвергнутый теми, чью поддержку он надеялся заручиться, министр был вынужден обратиться к нижестоящим инстанциям при выборе своих генералов и магистратов. Теперь каждый чиновник разделял ненависть, испытываемую к своему начальству. Предубеждения, которые, таким образом, питал самый прославленный и влиятельный орден империи против правительства, не могли долго существовать без последствий, фатальных для его стабильности.

Чтобы обеспечить сохранение своей власти, проницательный визирь, который, без сомнения, проводил параллель между своим собственным случаем и случаем талантливого и беспринципного хаджиба Хишема II, всеми средствами безграничного богатства и власти удовлетворял чувственные прихоти и эпикурейские вкусы своего престарелого и распутного государя. Провинции были разграблены в поисках деликатесов, способных соблазнить его вкус. Те деликатесы, которые были недостижимы в его собственных владениях, приобретались в зарубежных странах через предприимчивых торговцев. Отборнейшие вина Испании, уже тогда славившиеся разнообразием и превосходством урожая, употреблялись за королевским столом в количествах, которые приводили в ужас ортодоксального мусульманина и поражали более либеральных придворных, знакомых со скандальными излишествами предыдущих царствований. Профессиональные певцы и танцовщицы, отличавшиеся изысканной красотой и редкими способностями, скрашивали досуг представителя религии, которая объявляла их выступления мерзостью в глазах Бога. Приближенным халифа было приказано использовать все ухищрения, чтобы удержать последнего в уединении; но благоприятный характер развлечений, которыми политическая изобретательность министра ежедневно развлекала его, не позволял ему вмешиваться в честолюбивые замыслы того, чье предвидение желаний своего господина, по его мнению, более чем искупало зло, вызванное общественным несчастьем.

Но характер Его Семьи, хотя и был слабым, был далек от презренного. Время от времени, несмотря на уговоры обитательниц его гарема, он выходил из своего уединения и смешивался с народом. Щедрой и без разбора рукой он раздавал милостыню, раздача которой является одной из главных добродетелей исламской веры. Он посещал больницы и приносил надежду и утешение к ложу больных и умирающих. Его щедрость облегчала нужды неимущих паломников. Доброта и обходительность, которые он проявлял даже к самым опустившимся людям, снискали ему уважение его подданных. Многие преступники, приговоренные к бесславной смерти, имели основания аплодировать его благородному, но часто ошибочному милосердию. Эти достойные уважения качества, однако, не могли, в глазах возмущенной аристократии, компенсировать ни обычное пренебрежение общественным долгом, проявляемое халифом, ни его самодовольную передачу судеб империи в руки низкородного подчиненного, чьи ставленники монополизировали высшие должности и требовали невольного поклонения всадников, чья родословная на столетия опередила Завоевание. Несколько дворян, чье влияние тайно, но эффективно проявлялось во время недавних беспорядков, снова встретились для консультаций. Было принято решение о низложении Хишема, а также было решено, что отныне они сами должны быть единственными хранителями власти. Метод, которым они

руководствовались для достижения своей цели, служит наглядной иллюстрацией низкого уровня общественной морали, который в то время повсеместно преобладал. Следует помнить, что эти люди не были вульгарными заговорщиками. Из отличий, даруемых рождением, образованием, политическим опытом и военной славой, ни одно не обладало большей долей. Они принадлежали самым надменным и исключительным из патрициев. Их кровь никогда не была запятнана унижительными союзами с африканцами, евреями или испанцами. Если не считать потерь, понесенных в результате принудительных взносов, их благосостояние существенно не пострадало от разрушительных событий революции и гражданской войны. Их достижения были бы достойны уважения даже тогда, когда Кордова была самым просвещенным сообществом в Европе, а сейчас, в эпоху вырождения, действительно мало кто мог соперничать с ними в остроте ума и эрудиции. Некоторые происходили из рода придворных, на протяжении поколений работавших на дипломатической службе халифата. Другие проявили свои военные таланты против христианского рыцарства на границах Арагона и Каталонии. Среди них можно было найти нескольких теологов, чьи религиозные принципы не избежали порочной заразы того времени и для которых вопросы казуистики неизменно были подчинены заманчивым претензиям на денежный интерес и мирские амбиции. Естественно, можно было бы предположить, что люди с таким характером будут заботиться о поддержании высокого уровня личной чести и политической неприкосновенности. Но постоянное знакомство с изменой в ее самых отталкивающих формах; с организованным лицемерием, которым пропитаны все ведомства правительства и все слои общества; с дикой тиранией князей, которые сами без колебаний брали на себя ненавистную должность палача; с преднамеренной злобой убийц, которые без угрызений совести вонзали кинжал в жизненно важные органы своих ничего не подозревающих друзей; с непримиримой враждой ближайших родственников; с духом анархии, созревшим в массах, привело к такой полной деморализации, что никто не сомневался. каста или индивид не были запятнаны его пагубным влиянием. Ассоциация дворян, о которой говорилось выше, организовалась в полуофициальный орган под названием Государственный совет. Во главе ее стоял Ибн-Джахвар, государственный деятель больших талантов, большого опыта, изысканного такта, неутомимой энергии. Антагонизм между этой могущественной хунтой и министром становился с каждым днем все ожесточеннее, поскольку каждый из них с усердной злобой пытался подорвать авторитет другого. Влияние его фаворита было первостепенным для халифа, но Халиф был загадкой. Дворяне пользовались симпатией своего ордена и почтительным восхищением масс, которые всегда обращались к аристократии за советом и руководством. Они искусно разжигали недовольство народа, и без того достаточно тяжелое, представляя общественное бедствие и упадок коммерческого процветания — законные результаты длинной череды национальных несчастий — как дело рук несносного хаджиба. Они возбудили чувство неприязни к берберам, некоторым из которых Хакем доверил важные должности. Затем, прибегнув к хитроумному предательству, они наняли молодого авантюриста по имени Оммея, побочного потомка кордовской династии, возглавить революцию в надежде взойти на трон. Его проницательные, но вероломные союзники предоставляли ему все возможности. Они тайно рассылали эмиссаров по всем кварталам столицы и провинциям. Они щедро жертвовали золото. Офицеры армии были подкуплены взяточничеством и обещаниями продвижения по службе. Наконец был подан долгожданный сигнал. Толпа восстала и убила министра, когда он выходил из дворца. Достопочтенный халиф был схвачен и заключен в своих покоях, в то время как знать собралась, чтобы определить его судьбу. Оммея, совершенно не подозревавший о двуличии, жертвой которого он стал, уже начал присваивать себе prerogatives императорской власти, отдавая приказы, назначая

должностных лиц и распределяя награды. Теперь на сцене появились члены Государственного совета в сопровождении вооруженного эскорта. С торжественностью, внушившей благоговейный трепет толпе, они объявили халифат упраздненным и взяли на себя, в силу своего самоутверждающегося достоинства, ответственность за управление государством и верховное руководство делами. В воззвании, обращенном к жителям Андалусии, они рассказали о бедствиях, последовавших за разрушением и беспорядочной преемственностью империи; о повторяющихся разочарованиях, вызванных возвышением некомпетентных и распутных претендентов; о ненадежности настоящего и неопределенности будущего, которые парализовали все отрасли торговли и промышленности; об абсолютной безнадежности улучшения положения при никчемных принцах из дряхлой и нестабильной династии. Со скромностью и твердостью они перечислили свои собственные требования для выполнения функций, которые они узурпировали. Они обещали поддержание порядка, регулирование деятельности полиции, устранение бремени, налагаемого неумеренным и произвольным налогообложением. Они обязались добросовестно исполнять законы. Хорошо известный и выдающийся характер знати, входившей в Государственный совет, обеспечил уважительное отношение к их заявлениям, а их власть, долгое время осуществлявшаяся в качестве совещательной, подготовила почву для безоговорочного принятия власти. Без каких-либо возражений или энтузиазма жители значительной части полуострова передали свой союз от династии монархов, прославленных славными традициями почти трех столетий, безответственным членам ненадежной и самоорганизовавшейся олигархии.

Обманутый заговорщиками Оммея, который со смешанным чувством ярости и ужаса увидел, как его обманчивые надежды на империю рухнули в одно мгновение, был насильно изгнан из города. Поскольку его роль была сыграна, а его незначительность делала его недостойным дальнейшего внимания, он оставался на свободе до тех пор, пока, попытавшись тайно проникнуть в столицу, не был арестован, и его исчезновение с этого момента не без вероятности приписывалось кровожадным мерам предосторожности Государственного совета.

Хишем был приговорен к пожизненному заключению в изолированной крепости Сьерра-Ронда. Однако халатность или коррумпированность охраны позволили ему сбежать после нескольких месяцев заключения, и оставшиеся пять лет своего существования он провел в городе Лерида, зависимом от княжеской семьи Ибн-Худ, эмиров Сарагосы.

С Хисхемом III. окончательно исчезла династия, правившая, по большей части с феноменальным успехом и великолепием, могущественной империей Мавританской Испании. На протяжении двухсот шестидесяти семи лет четырнадцать халифов из Дома Оммеях вершили судьбы этой империи. Из этих принцев шестеро, выдающиеся по исполнительным способностям, интеллектуальной культуре, военному гению, политической прозорливости, один за другим поднялись на первое место среди великих государей земли. Они основали великолепные города. Они возвели дворцы, чьи разрушающиеся руины наводят на мысль о творениях гениев. Они собрали обширные библиотеки. Их коммерческие учреждения можно было найти среди самых отдаленных народов. Доблесть их военачальников была признана на берегах Роны, на равнинах Ломбардии, в провинциях Атласа, на островах Средиземного моря. Их щедрость и культура сделали имперский город Гвадалквивир святыней литературного паломничества. В этом городе интеллектуальная аристократия почиталась даже больше, чем знатное происхождение. Его обладателями были компаньоны, фавориты, советники королей. В разительный контраст с предрассудками последующих эпох религиозные здания были

подчинены интересам науки, а минареты мечетей были оборудованы астрономическими приборами. В умении возводить грандиозные памятники машиностроения и сельского хозяйства, в совершенстве гидротехники, в умелом применении принципов фортификации подданные этих утонченных правителей превосходили любую из наций древности. В тех видах искусства, которые не были запрещены доктринами их религии, они создавали образцы недостижимого совершенства. И в то время как эти великие достижения цивилизации совершались под эгидой ислама, европейский мир был погружен во тьму варварства и суеверий. Из великих столиц Европы, ныне известных центров искусства и образования, Лондон и Париж были единственными, население которых было достаточно многочисленным, чтобы возвысить их до уровня городов. В их пределах самые обычные жизненные удобства были практически неизвестны. В общении людей господствовали грубые инстинкты дикой жизни; собственность находилась во власти сильнейшего, и обществом совместно правили меч барона и распятие монаха. Порочные тенденции мусульманской системы; участие варваров в правительстве, механизм которого они не имели ни возможности понять, ни способности управлять суждениями; разложение общественной морали, неизбежное в государстве, достигшем высшей степени цивилизации, достижимой при его институтах; постепенное ослабление и окончательный разрыв уз верности, которые связывают подданных с сувереном; одряхление нации, которая, повинувшись неумолимой необходимости, вытекающей из ее политических и социальных условий, завершила свое существование и выполнила свое предназначение в мировой истории, подорвало основы и разрушило внушительные ценности. ткань империи Оммеяде. Давно прошло то время, когда магия имени, обладатели которого так много сделали для прогресса человечества, облагородили занятия образованием и взяли под свое покровительство искусство, — имя, почти синонимичное национальному процветанию и королевскому величию, — могло внушать уважение иностранным нациям или пробуждать дремлющий энтузиазм толпы. Ни один представитель этой династии, каким бы талантливым он ни был, не смог бы сейчас восстановить монархию своих предков, воспоминания о которых, веками отвергавшиеся историческими авторитетами христианских народов и несовершенно сохраненные даже арабскими авторами, были обречены на то, чтобы в значительной степени передаваться будущим эпохам через подозрительную среду романтических и преувеличенных традиций.

Отныне отношение к мавританским делам на полуострове неизбежно становится бессистемным и разрозненным. Власть, некогда центральная в Кордове, была распределена между сотней государств, правители которых, взаимно враждебные и стремящиеся к личному превосходству, постоянно привлекали христианских помощников в борьбе, которая в конечном итоге должна была закончиться сокращением их владений, ослаблением их суверенитета и разрушением их веры. Блага мира, сохранение порядка были забыты в жестокой борьбе за власть, вдохновленной местью и честолюбием. Расовые и религиозные предрассудки, порожденные веками непрекращающейся вражды, были отброшены неестественными коалициями мусульманских узурпаторов и кастильских авантюристов, единственной связью которых было сообщество грабежей и позора. Интриги одной группировки водрузили знамена с Крестом на берегах Средиземного моря. Слепая враждебность другой позволила осквернить благороднейший памятник мусульманского благочестия. Приверженцы религии Мухаммеда с самодовольным безразличием смотрели на лошадей христианских рыцарей, привязанных к колоннам мечети Абд-ар-Рахмана, в то время как святилище, в котором все еще хранился

священный Коран халифа Османа, оглашалось лязгающей поступью любопытных и насмешливых неверных.

Распавшимся частям империи теперь предстояло стать свидетелями испытания формы правления, доселе неизвестной мусульманской конституции. Самой сутью исламского государства всегда была концентрация власти в руках одного человека, который одновременно выполнял функции, присущие официальному главе как Церкви, так и государства. Принятие власти ассоциацией дворян, хотя и было результатом политической необходимости, тем не менее было актом вопиющей узурпации. Это противоречило принципам, традициям, правовым и религиозным максимам, на которых была основана организация мусульманского общества и которыми оно всегда поддерживалось. Это не получило народного одобрения или согласия. Свержение Хишема было произвольным актом насилия, не подтвержденным никакими доказательствами добровольного отречения. Поскольку формального отказа от принадлежащих прав не было, эти права были лишь приостановлены, и подданные халифа по закону не были освобождены от своей верности.

Конституция Государственного совета, юрисдикция которого простиралась лишь на небольшое расстояние за пределы стен Кордовы, была частично олигархической, а частично демократической. Официальное собрание граждан возложило на Ибн-Джахвара, самого видного члена этого органа, должность, полномочия и привилегии которой соответствовали необычному достоинству автократического верховного магистрата республики. Курс Ибн-Джахвара характеризовался величайшей умеренностью и справедливостью. В отличие от римских цезарей, чьи деспотические указы регистрировались подобострастным сенатом, президент Мавританского государственного совета по собственной воле отказывался решать или даже рассматривать какой-либо вопрос, пока он не был публично представлен его окружению, и он требовал, чтобы все официальные сообщения направлялись им. Это привычное почтение к мнению своих коллег, которое, однако, неизменно совпадало с его собственным, усилило уважение, с которым к нему относились дворяне, армия, духовенство и народ. Новому магистрату, в дополнение к выдающимся качествам, которые одновременно предполагали и оправдывали его продвижение по службе, способствовало множество случайных обстоятельств, которые редко не вызывают восхищения или почитания человечества. Он принадлежал к семье древнего и выдающегося происхождения. Его предки служили халифам в финансовых и военных ведомствах. Он был самым состоятельным гражданином столицы и сумел, проявляя несвойственные его положению бережливость и экономность, значительно приумножить свое состояние, ни разу не навлекая на себя подозрений в коррупции или тирании. Меры, принятые им для общественного блага, были продиктованы самой образцовой осмотрительностью и мудростью. Налоги были снижены. Коммерческому предпринимательству способствовало обеспечение общественной безопасности, вытекающее из охраны автомобильных дорог и подавления преступности. Между Кордовой и другими княжествами Андалусии были установлены тесные торговые отношения, что привело к обмену товарами и расширению торговли. С осторожностью принимая во внимание будущие непредвиденные обстоятельства, он снабдил основные города и форты, находящиеся под его юрисдикцией, продовольствием. Только в складах столицы имелись запасы продовольствия для всего населения королевства на многие месяцы. В армии были проведены важные реформы. Берберы, всегда вызывавшие разногласия, были распущены. Те, кто был печально известен своими зверствами, были сосланы. Их места были заполнены солдатами-добровольцами, которые по своему общему характеру соответствовали нашему

ополчению и в организации которых чувствам или предрассудкам ни одной из фракций не позволялось преобладать. Одно подразделение этих сил, которым командовал опытный и способный офицер, было назначено ответственным за спокойствие в городе. Наиболее выдающиеся граждане были зачислены в гвардию общественной безопасности и по очереди патрулировали улицы. Общественные дела решались без лишних церемоний, которые требовались для того, чтобы произвести впечатление и вызвать уважение. Многочисленная толпа паразитов и иждивенцев, обычно считавшихся неотъемлемым придатком королевского достоинства, больше не загромождала вестибюли дворца. Некогда прибыльная профессия осведомителя, которой покровительствовали даже величайшие халифы в качестве меры предосторожности против государственной измены, приобрела заслуженную дурную славу. Судебные трибуналы были организованы в интересах справедливости. Компетентные адвокаты, получавшие компенсацию из государственной казны, были назначены для судебного преследования тех, кто был слишком беден, чтобы нанять адвоката. Иммиграция поощрялась, и значительная часть столицы, разрушенная во время гражданских войн, была восстановлена колонистами, которые, устав от постоянных раздоров, искали защиты у нового правительства, которое, казалось, предлагало своим подданным самые радужные надежды на мир и спокойствие. Управление финансами осуществлялось в соответствии со строжайшими принципами экономии, и должностные лица, ответственные за сбор налогов, были вынуждены отчитываться в установленные сроки и привлекались к ответственности под угрозой суровых штрафов за выполнение своих обязанностей. Чрезвычайные и незаконные обременения, налагавшиеся на мечети, были отменены, и духовенство вновь начало пользоваться доходами, которых оно было произвольно лишено. Беспорядки того времени породили огромное количество самозванцев — наполовину врачей, наполовину колдунов, — которые, к большому ущербу медицинской науке и общественному здравоохранению, занимались своим ремеслом, опираясь на невежество и доверчивость населения, всегда легко вводимого в заблуждение искусством шарлатанов. Правительство преследовало их за магию, и для предотвращения повторения этого зла была организована коллегия врачей, которые передавали знания и квалификацию каждому будущему практикующему. Таковы были реформы, проведенные благодаря благоразумию и проницательности Ибн-Джахвара. Хотя они на какое-то время обеспечили видимость процветания, это было иллюзией и скорее кажущимся, чем реальным. Бедствия, которые почти без перерыва обрушивались на Кордову в течение четверти века, навсегда исключили ее из гордого звания имперских городов. Ее жители были вырезаны. Ее богатство было рассеяно. Ее торговля была разрушена. Литературный престиж, который возвысил ее имя намного выше даже тех, что были в изысканных столицах мусульманской империи Востока, был сметен в суматохе варварского господства. Отныне политическое влияние, которым она когда-то пользовалась, должно было перейти к городам Толедо, Сарагосе, Альмерии, Бадахосу, Севилье и Гранаде.

Политика первых халифов, которые полностью оценили опасный характер своих африканских союзников, привела к тому, что берберские орды обосновались на северных и западных границах своих владений и как можно дальше от своей столицы. Непрекращающаяся война, которую вели христиане, как и было предвидено, настолько занимала этих варваров, что их внимание было отвлечено от южных провинций обстоятельствами их расположения и вытекающей отсюда потребностью в неослабевающей бдительности, которой требовала близость дерзкого и настойчивого врага. Лояльность губернаторов этой территории, столицей которой была Сарагоса, никогда не была вне подозрений. Склонность африканцев к бунту

обычно поощрялась их вождями, которые несли на далекий Север распущенную независимость Пустыни. Во время существования халифата эмиры Сарагосы признавали князьям Оммеядов сомнительную лояльность вассалов-данников, а не безоговорочное повиновение верных подданных. Их боевые инстинкты, хищнические наклонности и постоянное знакомство с опасностью сделали их расой грозных и опытных воинов. Семья Ибн-Худа, чей самый выдающийся предок был назначен халифом Абдаллой губернатором границы, была основателем династии, которая подняла Сарагоссу до большого политического влияния среди независимых поместий мавританской Испании. Благодаря политическим союзам со своими христианскими соседями он долгое время сохранял целостность своих владений. Он поощрял сельское хозяйство, торговлю, мануфактуры. Он покровительствовал искусству. Портал дворцовой мечети, сохранившийся в первозданном виде, передает представление о варварской экстравагантности ее архитектуры. Ее правители были далеки от того, чтобы считать занятия наукой несовместимыми с королевским достоинством. Один сочинял работу по математике. Другой с удовольствием проводил темные часы за изучением небес. Странная судьба превратила резиденцию этих свирепых кочевников, как правило, столь нечувствительных к посторонним влияниям, в один из центров мусульманской цивилизации.

Удачный эксперимент Кордовы по упразднению империи — мера, приведшая к восстановлению мира, — был повторен Севильей, городом, который по численности населения, богатству и коммерческим ресурсам всегда был сильным соперником столицы, и теперь ему было суждено занять выдающееся положение среди эфемерных династий полуострова.

За изгнанием Касима разъяренной толпой Кордовы последовало его изгнание с территории Севильи. Народное возмущение было вызвано тираническим приказом, требующим, чтобы граждане немедленно освободили тысячу домов для размещения его африканских последователей. Гарнизон берберов уже приводил жителей в ярость своими неоднократными актами дерзости и жестокости. Перспектива того, что армия привилегированных бандитов будет расквартирована в их домах, что было равносильно полной конфискации, подтолкнула жителей Севильи к восстанию. Абул-Касим-Мухаммед, кади и другие представители недовольных обещаниями продвижения по службе и денежным вознаграждением легко убедили берберского губернатора отказаться от службы у господина, от которого, казалось, вот-вот отвернется фортуна. Ворота были закрыты прямо перед лицом эмира. На стенах находились тысячи вооруженных граждан, готовых защищать любой ценой свою недавно обретенную свободу. Касим, договорившись о передаче своих сокровищ и восстановлении своих сыновей, которые случайно оказались в то время в городе, согласился навсегда удалиться со мест своего бывшего могущества. Едва его арьергард скрылся из виду с зубчатых стен, как берберский гарнизон был уведомлен об отходе, и, избавленные от опасений враждебного вмешательства, севильцы без промедления приступили к задаче политической реорганизации.

Единодушным голосом толпы, побуждаемым знатью, которая, тем не менее, относилась к его богатству с завистью, а к популярности - с презрением, кади был предложен высший пост магистратуры. Характер этого персонажа, чьи потомки сыграли заметную роль в последующих событиях в Андалусии, представлял собой исключительное сочетание исполнительных способностей, глубокого лицемерия и ненасытной алчности. В отличие от аристократического правителя Кордовы, его происхождение было низким и плебейским. Выдающийся гений его отца Исмаила, добившегося равных успехов в самых разных профессиях - военном деле,

теологии и юриспруденции, - впервые привлек внимание общественности к семье, пока еще незаметной, если не считать благородных принципов и трудолюбия ее членов. Он передал своему сыну значительную долю своих талантов, но Абуль-Касиму не хватало тех добродетелей, которые на ответственном посту часто компенсируют отсутствие выдающихся способностей. Свой пост кади, которого он добился лестью и сохранил за собой благодаря государственной измене, он ценил только как ступеньку к абсолютной власти. Сознывая, что требование верховной власти было непризнанием высших заслуг, а хитрой уловкой знати, с помощью которой в случае восстановления Дома Ибн-Хамуда на троне их каста могла бы ускользнуть и гнев мстителя сосредоточился бы на голове человека, чье малоизвестное происхождение, облагороженное огромными владениями и постоянно растущим влиянием, делало его особенно неприятным для аристократического сословия, Абуль-Касим отказался от оскорбительного отличия. Когда его убедили пересмотреть свое решение, он в конце концов согласился, при условии, что члены совета по его собственному выбору будут связаны с ним в администрации. Поскольку это было с готовностью признано, он назначил нескольких наиболее выдающихся и надменных представителей севильской знати, чьей защитой можно было заручиться или установить их изменническое соучастие в случае контрреволюции, вместе с рядом своих подчиненных, которые мало что могли порекомендовать, кроме таланта к интриганству и слепой преданности интересам своего покровителя.

Первые усилия Абуль-Касима были направлены на создание вооруженных сил. Впервые после Завоевания Севилья осталась абсолютно без обычных средств защиты. С изгнанием берберов исчез последний человек, обученный военному делу. Арсенал был хорошо обеспечен военными припасами, но ни магистрат, ни простой народ не имели ни малейших практических знаний о снаряжении или дисциплине, необходимых для эффективной организации армии. Гений Абуль-Касима, однако, не был обескуражен даже кажущимися непреодолимыми препятствиями. Он организовал вербовочные пункты в каждом населенном пункте, признававшем юрисдикцию Севильи. Предлагаемые заманчивые стимулы — жалованье, значительно превышающее то, что обычно позволялось солдатам халифа, и гарантия неограниченного грабежа — вскоре привлекли под его знамена толпы нуждающихся и алчных авантюристов. Обстоятельства не позволяли критически рассматривать национальность или прошлое этих добровольцев. Арабы, берберы, христиане и иностранцы были зачислены без колебаний. В соответствии с устоявшимся прецедентом, невольничьи рынки были разграблены, а воинственные уроженцы Нубии и Судана куплены и размещены бок о бок с политическими беженцами, сбежавшими преступниками и отбросами севильского населения. Разгул военного лихоимства, долгое время безнаказанно практиковавшийся, сделал профессию солдата крайне непопулярной и даже подмочил репутацию, и теперь лишь немногих граждан с почетными связями и безупречным характером можно было заставить добровольно навлечь на себя ненависть, присущую классу, который повсеместно считался бичом общества. Благодаря неумолимому усердию и щедрым расходам Абуль-Касиму в конце концов удалось собрать отряд в несколько сотен человек. Нельзя было найти более существенного указания на упадок мусульманской империи, чем тот факт, что среди народа, известного воинственным пылом и давно привыкшего к войне, не могло быть собрано армии достаточной силы для защиты самого густонаселенного города полуострова даже за счет щедрот, в надежде на грабеж или покупку.

Трудности, возникшие из-за аномального политического положения Севильи, были хорошо известны мелким князькам разрушенного халифата. Награда, которую богатый и беззащитный город предлагал честолюбивому военачальнику, была слишком заманчивой, чтобы долго оставаться в безопасности. Яхья, сын Али, халифа-эдрисита, который недавно отказался доверять своей персоне вероломным жителям Кордовы после того, как они предложили ему правительство, и который теперь правил княжеством Малага, внезапно появился с мощной берберской армией перед стенами Севильи. Соппротивление было невозможно, и Яхье сообщили, что город признает его притязания, если его солдатам не разрешат войти в ворота. Это предложение он не отказался принять, но потребовал, в качестве необходимого предварительного условия, выдачи заложников, которые должны были быть отобраны из семей наиболее видных граждан и знати. Когда было выдвинуто это условие, переговоры были немедленно приостановлены, поскольку никто не был готов взять на себя риск. Берберы никогда не отказывались от своих диких обычаев. Они не привыкли соблюдать международные договоры, даже когда речь шла об их собственных интересах. Массовое убийство пленников и заложников находилось в полном соответствии с их кровожадными инстинктами, и внезапный каприз или боязнь побега могли в одно мгновение привести к уничтожению цветка севильской молодежи. В этой трудной чрезвычайной ситуации ни патриотизм, ни уверенность Абуль-Касима в своей удаче не покинули его. Он отдал своего собственного сына в руки берберского принца и развеял опасения своих соотечественников, убедив Яхью, что это обещание является достаточным основанием для верности народа. Полагаясь на власть, которой был наделен номинальный суверен, кади теперь воспользовался возможностью избавиться от своих советников, и они были один за другим под различными предлогами отстранены от должности. Воодушевленный надеждой на то, что однажды сможет отстоять свою независимость, он затем посвятил свою энергию приобретению новых территорий и укреплению своей власти. Благородное самопожертвование, которое он проявил, подвергнув своего сына опасности ради общественного блага, подняло его репутацию в глазах всех слоев населения. Знать смотрела на него с нескрываемой благодарностью и восхищением. Его популярность в массах, теперь освобожденных от оскорблений со стороны солдат, была безграничной. Факи превозносили справедливость и великодушие магистрата, который отменил тиранические поборы, наложенные на их орден. Уверенный в преданности армии, интересами которой он старался никогда не пренебрегать, кади, заключив союз с губернатором Кармоны, начал совершать набеги на владения князей, которые его окружали. Он захватил провинцию Беджа. Он разграбил поселения на морском побережье к западу от Кадиса. Сын эмира Бадахоса был разбит его войсками и взят в плен. Он даже угрожал Кордове и вынудил Ибн-Джахвара и его коллег привлечь берберских наемников для ее защиты. Он планировал экспедицию против христиан, которая потерпела неудачу из-за предательства эмира Бадахоса, который отплатил за предыдущее несчастье своему оружию засадой, которая нанесла серьезный урон войскам Абуль-Касима и вынудила его отступить.

Тем временем изолированным государствам и общинам древнего халифата угрожало повторение прискорбного политического и социального бедствия. Обезлюдившие провинции Южной Испании, непрекращающаяся враждебность, желание разделить добычу в стране, где их раса приобрела неисчислимые богатства и абсолютную власть, ненасытная жажда военных авантур вызвали, после возвышения Дома Али, огромную африканскую иммиграцию. Теперь берберы в бесчисленных количествах кишели на равнинах к югу и западу от Сьерра-Морены, региона, который когда-то считался садом Андалусии и где их стада все еще находили богатые

пастбища. До сих пор преданность этих неуправляемых авантюристов была разделена между сотней мелких вождей, очевидно, неспособных к гармонии и не объединенных ничем, кроме неугасимой ненависти к коренному населению. Теперь, однако, ситуация изменилась. Возникло национальное чувство, которое вскоре подтвердилось воодушевлением от численности, сознанием силы, воспоминанием об обиде и надеждой на месть. Все взоры были обращены на Яхью, правителя Малаги, который, будучи бербером по происхождению и традициям, также был представителем африканской династии и, по этой причине, превосходно подходил на роль лидера национального движения. Всеобщий энтузиазм искусно поощрялся тайными эмиссарами принца. Вожди с необычайным согласием отказались от своей шаткой власти. Страсти варваров были разожжены перспективой добычи, и Яхья был публично признан главой всей берберской партии.

До этого времени беспокойные и завистливые колонисты из Африки никогда не проявляли такого единодушия в мыслях и действиях. Союзы различных племен всегда носили временный характер, создавались и поддерживались по необходимости перед лицом врага. По завершении кампании каждый клан возвращался к безудержной свободе и патриархальной независимости, присущим пастырской жизни. Но нынешняя организация обещала быть постоянной и, следовательно, была чревата опасностями. Преобладанию цивилизованных институтов в Европе не предвещало ничего хорошего то, что страна, которая даже при самых неблагоприятных политических условиях в значительной степени сохранила свое интеллектуальное превосходство и художественное совершенство, станет добычей безжалостных варваров, которые уже опустошили ее прекраснейшие провинции и сравняли с землей ее прекраснейшие архитектурные памятники. Момент был наиболее благоприятным для осуществления этого зловещего плана варварских амбиций. Народы мусульманских государств Испании были охвачены чувствами взаимной подозрительности и ненависти. Два великих города Кордова и Севилья экспериментировали с новой и неопробованной формой правления. От единственного союзника последнего, губернатора Кармоны, недавно избавились в результате завоевания его территории и ее присоединения к княжеству Малага. Но существовала одна возможность противостоять надвигающемуся разорению. Если бы была сформирована коалиция партий, враждебных берберскому господству, можно было бы предотвратить разрушение всех полезных результатов, достигнутых династией Оммеяде. Однако этот план, несмотря на его очевидную необходимость, казался неосуществимым. Взаимная вражда, которую поддерживали граждане различных княжеств, была гораздо более жестокой, чем опасение, с которым они относились к возможному восстановлению африканской тирании. Одни терпели, другие наносили непростительные увечья своим соседям. Во многих случаях презираемый христианин был призван внести свой вклад в унижение ненавистного, но слишком могущественного противника. Этим способом, столь противоречащим принципам добросовестного мусульманина, была обеспечена желанная месть. Прекрасные поместья были опустошены. Семьи были истреблены. Целые районы были охвачены пожарами. Святость гарема, столь дорогая каждому восточному жителю, была осквернена жестокими оскорблениями и бесстыдной похотливостью гигантских и отвратительных варваров Севера, а их богохульные шутки эхом отдавались в величественных колоннадах мусульманских храмов, осквернение священных пределов которых неверными по законам ислама каралось смертью.

Проницательный Абуль-Касим с самого начала предвидел надвигающуюся беду, а также нашел подходящее средство. Метод, которого он придерживался при применении этого средства

правовой защиты, делает большую честь его политической изобретательности и административному гению. С первого взгляда было очевидно, что он сам, как глава коалиции, не получит поддержки даже от тех, чья собственность и свободы находились в неминуемой опасности. Предубеждение против неизвестности его происхождения, зависть к его талантам и его авторитету, страх перед последствиями его честолюбия помешали бы тому общему сотрудничеству всех фракций, которое необходимо для успеха. Поэтому он решил воспользоваться избитым приемом, который уже не раз применялся с удивительными результатами недобросовестными претендентами на власть. Он решил снова воскресить несчастного Хишема II, с помощью его имени спасти полуостров от угрожающего берберского господства и, объединив его разрозненные фрагменты, потребовать в качестве своей награды суверенитета восстановленного халифата. Судьба королевской марионетки Аль-Мансура никогда не была полностью установлена. В одном сообщении — вероятно, наиболее достоверном — говорилось, что он погиб, когда Кордова была разграблена берберами. Другой приписывал его смерть безжалостной жестокости тирана Сулеймана. Рассказы лживых путешественников, которые заявляли, что видели его и беседовали с ним в Аравии и Палестине, были горячо восприняты и усердно распространены невежественным населением, находящимся под сильным влиянием каждой истории о чудесах и тайнах. Привязанность всех классов к памяти об этом выродившемся монархе была экстравагантной и почти необъяснимой. Он не был наделен ни одним из тех замечательных качеств, которые обычно ассоциируются с королевской должностью. Долгие годы он жил в строгом уединении и скрывался под вуалью всякий раз, когда появлялся на публике, поэтому его черты и манера поведения были одинаково незнакомы его подданным. Эгоистичные и беспринципные амбиции честолюбивого священника, использовавшего все средства для получения чувственных удовольствий, довели разум, состоящий из более чем обычных частей, до грани слабоумия. Из бесчисленных и блестящих достижений его номинального правления ни одно нельзя было даже косвенно приписать его личному влиянию или его совету. Блеск, озарявший трон Хишема II, чьи победоносные знамена продвигались вперед с непрерывным успехом на протяжении почти целого поколения, был лишь отражением славы хаджиба Аль-Мансура. Но личные недостатки и несчастья скорее увеличили, чем уменьшили его популярность, которая росла с течением времени. Среди неразберихи и широко распространенной катастрофы иностранного вторжения и внутреннего конфликта интеллектуальные дефекты и забытые пороки последнего из Оммеядов были забыты. Только военные триумфы и внутренняя безопасность периода, прославившегося под его покровительством, теперь вызвали сочувствие и гордость преследуемой знати, горожан и крестьянства. Они помнили, что во время его правления, дважды в год в течение четверти века, христианские границы отступали на много лиг перед непреодолимым натиском мусульманского оружия. Они с ликованием вспоминали, что трофеи с самой священной из испанских святынь были подвешены в великолепной мечети их столицы. В памяти древних все еще жили воспоминания о великих военных выступлениях накануне Священной войны; о конвоях, охраняющих богатую добычу, отнятую у неверных; о великолепных посольствах, предлагавших дружбу или верность далеких королевств; о бесконечных процессиях закованных в кандалы и удрученных пленников; о впечатляющих песнопениях, которые публично произносились по случаю триумфа, свидетельствуя о благодарности фанатиков и набожных; о оглушительных возгласах тысяч собравшихся. Повторения романтических басен, которые якобы повествовали о странствиях и бедствиях Хишема, придавали этим рассказам правдоподобие, которого их многочисленные несоответствия никогда не заслуживали. Невозможность одних, очевидные противоречия

других, неопределенное и подозрительное происхождение всех этих факторов были упущены из виду. Для некритичных и возбудимых масс было достаточно того, что халиф, правление которого отождествлялось с самой знаменитой эпохой мусульманского величия, возможно, все еще жив. При таких обстоятельствах каждая нелепая легенда о его внешности и занятиях, каждый новый рассказ о его состоянии и передвижениях, придуманный иностранцами с богатым воображением, вызывал доверие людей, чье образование и знание мира должны были бы сразу выявить их абсурдность.

В городе Калатрава в течение нескольких лет жил ткач циновок, который, как говорили, по возрасту, умственным качествам и внешности имел необычайное сходство с пропавшим Хишемом. Место рождения и прошлое этого человека, которого звали Халаф — название само по себе наводящее на мысль о его сходстве с титулом суверена, — были неизвестны. Его сдержанность по этому вопросу подтвердила опрометчивое предположение о его императорском происхождении, а уважение, с которым к нему относились горожане, пробудило его честолюбие, и он публично заявил о своей идентичности с принцем Оммеяде. Народ, уже наполовину убежденный, поддержал обман, который не опирался ни на какие осязаемые доказательства, и в своем энтузиазме они даже зашли так далеко, что провозгласили свою независимость от своего сюзерена, эмира Толедо. Однако при появлении последнего во главе армии калатраванцы раскаялись в своей неосмотрительности, немедленно изгнали начинающего ковороткача и, со многими заявлениями о раскаянии, вернулись к своей верности.

Когда Абуль-Касиму сообщили об этих событиях, он приказал начать поиски неудачливого самозванца. В должное время его убежище было обнаружено, и его доставили в Севилью. Там он был подвергнут осмотру наложниц и рабынь Своего Дома; их недоумение, их интерес или их страхи возобладали над их проницательностью; и неграмотный и безвестный механик был объявлен теми, кто был наиболее компетентен судить, несомненным потомком линии знаменитых королей. Когда это важное предварительное мероприятие было завершено, Абуль-Касим объявил о предполагаемом обнаружении Хишема в письме всем принцам и сановникам мавританской Испании. Результат, хотя и делал честь их патриотизму и национальной гордости, не делал чести остроте их ума или точности восприятия. Только в Кордове ликование населения взяло верх над авторитетом, но не над благоразумием или суждением магистрата; и Ибн-Джахвар, хотя он и мог осудить распространение презренного политического мошенничества, был вынужден признать его полезность для создания союза фракций, совокупное влияние которых могло предотвратить разрушение организованного правительства на полуострове и последующее замедление социального и интеллектуального прогресса Европы. С самыми бурными проявлениями радости жители старой столицы Оммеядов продемонстрировали свою лояльность династии, принцев которой они так часто боготворили и так часто бросали вызов; в народе предполагалось, что полномочия Государственного совета были объединены с полномочиями империи; а Ибн-Джахвар и его коллеги-аристократы объявили себя слугами плебейского самозванца, который держал имитационный двор во дворце своего хозяина, проницательного и интригующего кади из Севильи. Примеру Кордовы быстро последовали штаты Дения и Балеарские острова, Тортоса и Валенсия.

Яхья из своей крепости в Кармоне с удивлением и тревогой наблюдал за созданием и прогрессом грозной конфедерации, которая уже сорвала его планы и угрожала скорому свержению его власти. Опыание, к которому он был привычен, заставило его пренебречь

мерами предосторожности, продиктованными обычным благоразумием. Когда он был опьянен вином, его заманили в ночную засаду и убили вместе с большей частью его отряда; а Исмаил, сын кади, командовавший победоносным отрядом, вернулся, чтобы принять поздравления жителей Севильи.

Смерть Яхьи нанесла смертельный удар по надеждам берберской партии. Никто из членов его семьи не обладал в равной степени организаторскими способностями или доверием своих последователей - преимуществами, которые так эффективно способствовали успеху покойного командира. Как только стало известно о его смерти, берберы распались и с характерным для них непостоянством вернулись к спокойным занятиям пастушеской жизнью. Даже целостность его собственных владений больше нельзя было поддерживать. Его брат Эдрис был возведен на трон Малаги, но Мухаммед, двоюродный брат последнего, уже получил почтение гарнизона Альхезираса; африканцы провинции начали проявлять признаки неповиновения, и Эдрис в начале своего правления столкнулся с трудностями, которые, казалось, уже предвещали катастрофический конец проектируемой берберской империи. Нетерпение Абуль-Касима вскоре превысило его благоразумие, равно как и его ресурсы. Он пытался обеспечить своей марионетке престиж, который придал бы его делу оккупация Кордовы, но власти этого города категорически отказали ему во въезде, и их временная поддержка фальшивого Хишема, по их мнению, достигла своей цели, они официально отказались от своей верности самозванцу.

Центр политических волнений на полуострове теперь перемещается к побережью Средиземного моря и восточным границам Андалусии. После распада халифата Альмерия в значительной степени обладала иммунитетом от распространенных беспорядков. Этот город был крупнейшим и наиболее богатым торговым центром испанских мусульман. Она была так далека от того, чтобы пострадать от бедствий, обрушившихся на все остальные княжества, что, казалось, извлекала выгоду из несчастий своих соседей. Ее губернаторы не были ни завоеваны, ни свергнуты, и ее эмир все еще занимал должность, данную халифом. Ненадежность других портов практически привела к тому, что торговля страны оказалась под защитой могучего замка, господствовавшего над ее гаванью. Она мало сталкивалась с политическими перипетиями, которые отвлекали провинции Севера и Запада. Хотя они попали под африканское или еврейское влияние, она сохранила все традиции, гордость и исключительность сообщества, где преобладал арабский элемент. Номинальным правителем был Зохайр, принц с посредственными талантами и женоподобным характером; но контроль над правительством в значительной степени принадлежал визирю Ибн-Аббасу, который сочетал великие литературные достижения и исполнительные способности с безграничной алчностью и плодовитым талантом к интриганству. Он был одним из самых образованных людей. Элегантность его эпистолярного стиля была известна. Он был выдающимся композитором и импровизатором. Он был поразительно красив. Его семья вела свое происхождение от Защитников Пророка. Тщеславие и самонадеянность, которые он постоянно демонстрировал, были столь же оскорбительны, сколь замечательны его таланты и достижения. Его богатство и состояние, которое он поддерживал в эпоху национального упадка, дают некоторое представление о расточительном великолепии, демонстрируемом арабской знатью в дни процветания империи. Его дворец по размерам и великолепию убранства не уступал самым роскошным обителям королевской семьи. Сады, которыми он был окружен, своим изобилием редких и восхитительных цветов напоминали о буйном изобилии тропической растительности. Толпы рабов выполняли капризы надменного, но снисходительного хозяина. Среди красавиц его гарема насчитывалось пятьсот певиц, отобранных как за красоту черт лица и

симметричность форм, так и за их мастерство в музыкальном искусстве. В одной из самых благородных комнат этого княжеского особняка находилась библиотека. В ней содержалось восемьдесят тысяч томов, не считая отдельных и не связанных рукописей, — если считать их, то цифра превышала сто тысяч. Ни одна комната во дворце не была обставлена с таким великолепием и экстравагантностью. Полки были сделаны из ароматного дерева, инкрустированного различными драгоценными материалами, такими как слоновая кость, панцирь черепахи и перламутр. Украшения были золотыми. На стенах блестела эмаль. Пол был выложен большими плитами белого мрамора. В этом элегантном убежище визирь, для которого любовь к литературе была страстью, проводил немалую часть своего времени. Состояние, позволившее ему поддерживать такую царственную роскошь, оценивалось в огромную сумму в пятьсот тысяч дукатов, что равно семи миллионам долларов наших денег.

Политика Ибн-Аббаса всегда характеризовалась неослабевающей враждебностью по отношению к членам других фракций. Берберы, христиане и евреи неоднократно сталкивались с явными признаками его немилости. Его заявления побудили Зохаира, единственного из всех арабских принцев, держаться в стороне от союза, заключенного против африканцев. Евреи были особыми объектами его антипатии. Влияние этой расы, преобладающее в соседнем княжестве Гранада и которое в разное время мешало осуществлению его амбициозных проектов, теперь косвенно привело к важным событиям, серьезно повлиявшим на стабильность существующих институтов, а также на окончательные политические судьбы полуострова.

Удивительно благодетельствованная природой, а также трудолюбием многочисленного населения, провинция Гранада рано начала демонстрировать то величие, кульминацией которого стало ее превращение в независимое и могущественное королевство. Евреи, привлеченные плодородием его почвы, целебностью климата и торговыми преимуществами его положения, поселились там в таком количестве, что столица была известна как еврейский город еще до восшествия на престол первого Абд-ар-Рахмана. Финансовые способности и предприимчивость их расы позволили им превзойти всех коммерческих конкурентов, и торговля провинции в конце концов перешла в их руки. Их богатство не поддавалось исчислению; их семитская принадлежность защищала их от политического произвола и религиозных преследований; в то время как опыт и способности их лидеров часто использовались неграмотными князьями, которые либо в качестве вассалов, либо мелких суверенов занимали трон Гранады. В рассматриваемый период этим государством правил Хабус, монарх африканского происхождения, и влияние берберской партии было преобладающим и неоспоримым во всех его владениях, хотя в них было много сторонников падшей династии и тысячи христианских данников.

Во главе евреев Гранады стоял знаменитый раввин Самуил из семьи Леви, который пользовался необычным отличием, будучи главным советником мусульманского монарха. Родившийся в скромной семье в Кордове, он рано развил вкус к литературе и в полной мере воспользовался замечательными образовательными возможностями, предоставляемыми столичными школами. Его усердие было вознаграждено приобретением обширных знаний. Он был опытным лингвистом, талантливым поэтом. Его разговоры и сочинения демонстрировали его глубокое знакомство со всей наукой того времени. Его официальная переписка, благодаря изяществу выражений и чистоте дикции, была предметом зависти ученых при каждом андалузском дворе. В совершенстве своей хирографии он превзошел работу знатоков этого искусства, что является экстраординарным достижением в эпоху, когда наибольшее значение придавалось

правильности символов и красоте орнамента книг и надписей. Противоречивые работы Сэмюэля пользовались высокой репутацией среди теологов и философов его секты, в то время как его покровительство ученым и щедрость, с которой он вознаграждал отчаянные усилия начинающего гения, сделали его имя любимым для каждого члена сообщества литераторов. Его знакомство с самыми трудноразрешимыми отраслями науки, его познания в риторике, математике и астрономии современники считали почти сверхъестественными. Он обучал за свой счет достойную, но неимущую молодежь своей страны; под его руководством постоянно работало несколько секретарей для переписывания копий Талмуда, которые раздавались бедным; и страдающие и обездоленные евреи из таких отдаленных стран, как Египет, Палестина и Персия, часто имели основания аплодировать щедрости и милосердию Главного раввина Гранады.

Продвижение Сэмюэля на должность, требующую проявления высочайших дипломатических талантов, а также обладания обширными знаниями и глубокого знакомства с человеческой природой, было в значительной степени обусловлено его собственным гением и репутацией, которую уже приобрели его способности. Он ничем не был обязан случайным преимуществам положения в обществе или богатству. Его семья была бедной. Его предки не могли похвастаться родством ни с царями Иудеи, ни со священниками древней иерархии. В течение многих лет он зарабатывал на жизнь продажей специй в маленьком магазинчике на базаре Малаги. Несчастный случай привлек к нему внимание Аль-Арифа, визиря короля Гранады, и он стал секретарем этого чиновника, который на смертном одре рекомендовал его своему государю как слугу, в высшей степени достойного доверия. Это событие оправдало мудрый совет визиря. Раввин ненавистной расы внушал уважение и получал добровольное почтение самых гордых арабских вельмож, которые не могли не восхищаться непритворным достоинством, с которым он нес почести своего высокого положения. Он был единственным премьер-министром своей секты, упомянутым в истории, который когда-либо открыто руководил политикой мусульманского правительства. Его безошибочная проницательность была такова, что один из его соотечественников сказал, что его советы были таковы, словно могли быть непосредственно вдохновлены всеведением Бога. Он руководил государственными делами с величайшей мудростью, и последующее могущество и величие королевства Гранада были в значительной степени приписаны гению этого выдающегося еврейского государственного деятеля.

Между визирями Альмерии и Гранады возник дух соперничества, усугубляемый расовыми предрассудками и жадной властью. В то время как Самуил подкреплял свои претензии на превосходство достойным безразличием, Ибн-Аббас пытался подорвать влияние раввина самыми бесчестными уловками, какие только могла изобрести ненависть. Но, к огорчению мстительного министра, его усилия оказались тщетными. Напрасно он распространял вымышленные слухи о жадности, притеснениях, честолюбивых надеждах и замышляемом предательстве своего соперника. Уверенность как монарха, так и народа в чести и порядочности Самуила была слишком хорошо обоснована, чтобы быть поколебленной злобной ложью явного врага. Тем временем, после смерти Хабуса, Ибн-Аббас предпринял попытку спровоцировать революцию, поддержав притязания младшего сына покойного короля. Но Бадис, предполагаемый наследник, под влиянием Самуила взшел на трон вопреки иностранному вмешательству и внутренним раздорам. Первым поступком Бадиса, вероятно, под влиянием предложений своего политического советника, — поскольку Самуил продолжал пользоваться благосклонностью и доверием сына в той же степени, что и раньше, при отце, — была попытка примирения с Зохайром, принцем Альмерии. Последний сделал вид, что

принимает эти предложения с удовольствием, а затем внезапно, без согласия, требуемого международным правом, пересек во главе вооруженного эскорта территорию своего соседа и предстал перед стенами своей столицы. Разгневанный и изумленный хозяин в своем стремлении к гармонии не обратил внимания на вопиющую невежливость этого поступка. Зохайру и его спутникам оказали подобающее гостеприимство, а арабский эмир был ослеплен великолепием дворца, который стоял на том месте, которое впоследствии заняла несравненная Альгамбра. Но принц Альмерии, забыв об удобствах, требуемых его положением, вел себя с невыносимым высокомерием; члены его свиты напускали на себя вид наглого превосходства, что вызывало негодование двора и народа; в то время как визирь, чья гордость, казалось, взяла верх над чувством официальной пристойности, вел себя, не обращая внимания на последствия, которые, несомненно, могли возникнуть в результате негодования разъяренного врага. После нескольких дней безрезультатных переговоров конференция была внезапно завершена; и Зохайр со своей свитой отбыл, но только для того, чтобы попасть в засаду, которую разъяренные гранадцы приготовили для них в глубине сьерры. Самая героическая доблесть мало помогала при превосходящих силах противника; возможность побега была фактически исключена пропастями и ущельями уединенной горной местности; и принц с большинством своих последователей погибли от оружия берберских солдат или были сброшены в ущелья, глубины которых были окутаны вечной тьмой. Из тех, кто выжил, солдаты были обезглавлены, а придворные сановники, которые были отнесены к категории некомбатантов, были освобождены, за единственным исключением. Ибн-Аббас, выдержав насмешки недоброжелательного и торжествующего врага, был закован в тяжелые кандалы и брошен в темницу. Свирепый Бадис не обратил внимания на его жалкие мольбы о пощаде. Он тщетно пытался соблазнить алчность своих тюремщиков, предлагая взятку в шестьдесят тысяч дукатов. В соответствии с безжалостными обычаями средневекового варварства плененного министра в цепях протаскивали перед троном и пронзали ударами мечей монарха и его придворных до тех пор, пока жизнь не угасала. Так погиб опытный Ибн-Аббас из-за последствий своей собственной безрассудности, и вместе с ним было устранено одно из величайших препятствий как национальному единству, так и амбициям берберов.

Прежде чем жители Альмерии оправились от потрясения, вызванного смертью их государя, его владения были присвоены эмиром Валенсии. Этот шаг, возможно, рекомендованный проницательным Кади Севильским, во всяком случае, значительно укрепил власть этого сановника, расширив владения вассала мнимого Хишема и устранив всякую перспективу прихода к власти другого опасного врага. Это счастливое обстоятельство избавило его от опасений беспокойства со стороны преемников Зохайра, и коварный Абуль-Касим начал проводить свои коварные операции при дворе Гранады. Использование шпионов, некоторые из которых занимали высокие официальные посты, позволило этому предприимчивому государственному деятелю близко познакомиться с секретными операциями каждого дивана на полуострове. Его эмиссары в Гранаде, информируя его о недовольстве, царящем в этом городе из-за тирании и обычного пьянства короля, которые держали народ в постоянной тревоге, также сообщили мнение, что было бы нетрудно посредством восстания передать все княжество под юрисдикцию Севильи. Для обеспечения успеха этого выдающегося предприятия требовался компетентный лидер, что не представляло особой сложности в стране, давно привыкшей к революциям и кишавшей способными и беспринципными людьми. В то время в Гранаде жил выдающийся человек по имени Абу-аль-Фотух, сочетавший в себе довольно противоречивые профессии солдата удачи и философа-перипатетика. Уроженец Джорджиана,

на берегах Каспия, — древней Гиркании, — богатое положение его семьи обеспечило ему превосходное образование, и он был хорошо сведущ во всех восточных науках. Он был не только замечательно сведущ в грамматике и астрономии, но и в оккультных науках, которые были объектами его особого пристрастия. Признанный авторитет в области геомантии и астрологии, он вызывал благоговейный трепет у простых людей, которые думали, что обнаруживают в его привычках и занятиях свидетельства общения с таинственными силами невидимого мира. Это популярное впечатление, которое его интересы побуждали его подтверждать с помощью всевозможных ухищрений извращенной изобретательности. Его дом был скрыт от посторонних глаз и содержал хорошо оборудованную лабораторию, чьи котлы и перегонные кубики, по твердому убеждению его соседей, были приспособлениями, предназначенными для незаконной практики магии. В своей одежде и манерах он излучал атмосферу глубокой таинственности и сдержанности. Его одежды были расшиты каббалистическими символами. Его посох был обвит змеями. На людях он сохранял молчаливость, необычную для его словоохотливой расы, — черта, слишком часто принимаемая легкомысленной толпой как признак высшей мудрости. Научные познания и литературные вкусы этого замечательного человека не помешали ему воспользоваться для своей денежной выгоды самыми сомнительными приемами шарлатана. Его особняк ежедневно посещали толпы людей, жаждущих узнать прогнозы на будущее, полученные на основе составления гороскопов и изучения звезд. Среди его покровителей были чиновники выдающегося ранга; члены королевской семьи сами не гнушались задавать вопросы предсказателям судьбы; и отношения этого ученого самозванца с королем Гранады, приукрашенные гением опытного писателя, стали предметом одной из самых увлекательных историй на английском языке. Хотя его теперешние занятия были мирными, годы Абу-аль-Фотуха не прошли полностью в безмятежной рутине оседлого образа жизни. Он был отважным наездником, искусным во всех боевых упражнениях того времени; солдатом, носившим на себе шрамы от благородных ран, полученных в бою; генералом, чье хладнокровие и бесстрашие были проверены опасностями многих кампаний. Таков был лидер, избранный честолюбивым Абуль-Касимом, чтобы свергнуть с трона распутного и непопулярного короля Гранады.

Привлекательность политических интриг возобладала в уме Абу-аль-Фотуха над философскими сентенциями и житейским опытом, и он с жаром принял предложения севильского кади. Он тайно сообщил Яхье, двоюродному брату Бадиса, что нынешнее соединение планет необычайно благоприятно для его судьбы, поскольку астрологические расчеты указывали на скорую смерть государя и продвижение его родственника к почестям и прерогативам короны. Тщеславие и надежды легкомысленного принца были возбуждены этим столь авторитетным заявлением, и он охотно принял на себя ответственность, которая, казалось, получила санкцию небес. Усердно разжигалось недовольство народа; была заручена поддержка ряда недовольных дворян; и вскоре последствия грозного заговора начали распространяться на каждый уголок города и провинции. К несчастью для успеха своего плана, заговорщики не приняли во внимание проницательность и бдительность еврейского визиря. Подозрительные передвижения хорошо известных недовольных не могли долго оставаться незамеченными его шпионами. Заговор был раскрыт, и главари, с некоторым трудом избежав мести Бадиса, бежали в Севилью. Разгневанный вмешательством постороннего человека в дела своего королевства, сеньор Кармоны обратился с апелляцией к Бадису и Эдрису Малагским, что послужило подходящим предлогом для наказания самонадеянного правителя Севильи. Враждебные армии встретились близ Эджии. Севильцы под командованием Исмаила, сына кади, потерпели

поражение; и скорбь от катастрофы усугубилась смертью молодого генерала, который за свою короткую, но блестящую военную карьеру проявил таланты и ресурсы, достойные опытного ветерана. Забота о безопасности своей жены и детей, незащищенных властью своего разгневанного государя, побудила Абу-аль-Фотух вскоре после битвы положиться на великодушные тирана, чья глухота к любым мольбам о пощаде была печально известна и вошла в поговорку. С дьявольской изощренностью жестокости Бадис, эффективно проявляя сострадание, вселил в сознание несчастного пленника ложные надежды на скорое освобождение. Доставленный в Гранаду скорее с церемонией, подобающей гостю, чем с ограничениями, налагаемыми на пленника, как только они достигли городских ворот, вежливость стражи внезапно сменилась оскорблениями и насилием, и Абу-аль-Фотух подвергся позорному обращению обычного злоумышленника. Его голова была обрита; его привязали к спине верблюда, и погонщик животного, сопровождаемый охраной из рабов, безжалостно бичевал жертву, в то время как процессия, являвшая собой этот впечатляющий пример королевского правосудия, неспешным шагом пересекала главные улицы города под насмешки толпы. Подвергнувшись этому наказанию, Абу-л-Фотух был брошен в тюрьму, а несколько дней спустя подвергся той же участи, что и визирь Альмерии, и был похоронен рядом с этим опрометчивым, но опытным государственным деятелем.

Я довольно подробно описал личные качества людей, которые в смутные времена, последовавшие за распадом халифата, либо пришли к власти, либо погибли в безуспешных попытках подорвать существующий авторитет государства, чтобы привлечь внимание читателя к высокому уровню интеллекта и образования, требуемому от лидера народа. Давно прошли те времена, когда неграмотный факи, каким бы выдающимся ораторским даром он ни был одарен от природы, мог управлять слепыми и своевольными страстями толпы. Обладание большими талантами и большой образованностью было необходимо для приобретения политического влияния и управления важными национальными предприятиями. Образование масс даже в стране, на протяжении почти полувека отвлекавшейся от подстрекательства к мятежу, зашло слишком далеко, чтобы позволить успешно применять искусство невежественного демагога. Без случайного различия в происхождении ни один человек, какими бы выдающимися способностями он ни обладал и насколько бы основательной ни была его квалификация для должности, никогда не мог надеяться заручиться сотрудничеством гордой арабской знати. Нигде, со времен упадка аттического великолепия, так много людей с разнообразными талантами и литературными достижениями не достигли политического положения, как в последние годы существования испано-арабской империи в Испании. Невозможно было представить себе более обстоятельства, более неблагоприятные для интеллектуального развития. Вся страна была неустроена. Имущественные проблемы были ненадежными. Революции были частыми. Услуги почти каждого трудоспособного мужчины могли потребоваться в любой момент для защиты существующего правительства. Спокойствие, столь необходимое для полного проявления умственных способностей в литературных занятиях, было при таких условиях абсолютно недостижимым. И все же, несмотря на такие огромные трудности, гений арабской культуры продолжал поддерживать ту высокую репутацию, которую он приобрел при халифате. Популярная система образования все еще сохраняла, несмотря на многочисленные перебои, тот уровень совершенства, которым она отличалась раньше. Каждое княжество становилось центром образования и в дружеском соревновании стремилось превзойти научные достижения своих соседей. Арабское общество полуострова, таким образом унаследовав и сохранив прогрессивный дух, благородные традиции и литературные

вкусы халифата, получило возможность надолго сохранить бесспорное интеллектуальное превосходство Европы.

Абуль-Касим-Мухаммед, кади Севильи, умер в этом городе в 1042 году, после более чем двадцатилетнего правления. Хотя формально он никогда не был наделен верховной властью, после свержения Яхьи он практически осуществлял функции абсолютного монарха. Его сын Аббад, под именем Мотадхид он наиболее известен в истории, взошел на трон в качестве министра изготовителя ковров Халафа, который, все еще обманным путем представляя императорское достоинство Оммеядов, продолжал проводить свои дни в праздности и роскоши, в то время как семья Бени-Аббада, благодаря его самозванству, быстро продвигалась к обретению деспотической власти. Мотадхид был принцем с прекрасными качествами, которые были усовершенствованы усердной учебой; но его темперамент был свирепым и чувственным; его неуправляемая ярость сделала его ужасом города; и, потворствуя своим порокам и преследуя свои амбиции, он не признавал ни родственных уз, ни обязательств гостеприимства, ни веры в договоры, ни права наций. Он писал стихи, намного превосходящие по качеству те, что обычно пишут королевские авторы. Даже вакхические стихи, написанные в часы его разгула, отличались остротой замысла, изяществом дикции и деликатностью чувств. Его покровительство учебе послужило в какой-то мере компенсацией за преступления, очернившие его характер в глазах потомков. Вкус, проявленный в некоторых его произведениях, не превзойден вкусом ни одного из самых изысканных творений арабского гения, дошедших до наших дней. Одной из самых поразительных особенностей Мотадхида была его молчаливость. У него не было доверенных лиц. Он никогда ни словом, ни жестом не выдавал мыслей, которые проносились в его голове. Его проекты были разработаны и приведены в исполнение с мастерством и успехом, которые свидетельствовали не только о необычных способностях к изобретательству и комбинированию, но и о глубоком знакомстве со слабостями и противоречивостью человеческой природы. В своих личных привычках он был одним из самых распущенных и жестоких принцев своего века. Скептик в религии, говорили, что он не верил ни во что, кроме астрологии и вина. Его оргии были поношением двора и ужасом столицы. Его приступы опьянения продолжались целыми днями, и по своей способности употреблять большое количество вина он намного превосходил самых закаленных и твердолобых из своих приятелей. “Пить на рассвете - это религиозная догма, и тот, кто в нее не верит, - язычник”, - было одним из его любимых изречений. Страстный поклонник красоты, он заставил искать на невольничьих рынках Европы и Азии наиболее привлекательные образцы женской красоты, и в его гареме было восемьсот наложниц, отобранных за их необычайную прелесть. Непримируемая враждебность Мотадхида редко смягчалась свершением мести; она требовала сохранения сувениров, по которым он мог бы со свирепым удовольствием вспоминать о судьбе ненавистного и грозного врага. Все черепа тех, кто погиб во время восстания или от меча палача, а также черепа вражеских офицеров, павших в бою, были сохранены. Сад его дворца был усажен рядами этих меланхоличных и наводящих на размышления трофеев, в которые по его приказу были посажены цветы ярких цветов и восхитительного аромата. Каждый череп был отполирован до снежной белизны, и на этикетке значилось имя и преступление его бывшего владельца. В шкатулке среди его сокровищ хранились аналогичные мемориалы принцев, павших жертвой превосходства его оружия. Они были украшены великолепием, которое свидетельствовало о ценности, придаваемой им их владельцем как свидетельству победы. Они были оправлены в золото; в глазницах, когда-то озаренных сиянием человеческого глаза, холодный блеск бриллианта приковывал взгляд испуганного наблюдателя; а вокруг висков был

вставлен ряд драгоценных камней различных цветов — сапфиров, рубинов, гиацинтов и изумрудов. Эти воспоминания о крови и жестокости всегда придавали новое вдохновение уму Мотадхида, и самые радостные, а также самые трогательные из его стихов были сочинены во время их созерцания.

Агентов и шпионов Мотадхида можно было найти в каждой стране и при каждом дворе. Нигде даже беглец, навлекший на себя вражду тирана, не был застрахован от его мести. В Севилье жил слепой гражданин, обладавший большим состоянием. Его владения вызвали алчность принца, и он бесцеремонно присвоил большую их часть. Потеряв остаток и доведенный до нищеты, жертва путешествовала, полагаясь на благотворительность, как паломник в Мекку. Всем, кто был готов слушать, он поведал историю своих прегрешений и выступил с речью против несправедливости правителя Севильи как в Мечети, так и в общественных местах Святого Города.

Со временем о его доносах стало известно Мотадхиду. Последний приказал приготовить бронзовую шкатулку, в которую было положено несколько золотых монет, покрытых смертельным летучим ядом. Когда паломники уезжали, чтобы присоединиться к ежегодному каравану в Мекку, Мотадхид приказал привести к нему одного из них, которому он мог доверять, и отдал ему ларец.

“Когда ты войдешь в Святой Город, - сказал он, - разыщи человека, чье имя начертано здесь, и передай ему это вместе с моими поздравлениями. Но смотри, не открывай шкатулку, иначе тебя постигнет зло”.

По прибытии гонцу не составило труда найти слепого нищего, который имел обыкновение каждый день перед Большой мечетью поносить имя своего угнетателя и рассказывать о преступлениях.

“Друг, ” сказал андалузец, - вот подарок, который наш господин, принц Севильский, поручил мне передать тебе. Примите это с радостью, ибо, по-моему, это имеет огромную ценность”.

Слепой взял шкатулку и потряс ее. “Клянусь бородой Пророка, в ней золото!” - воскликнул он. “Но почему Мотадхид прислал мне это после того, как довел меня до нищеты и отправил в изгнание?”

“Я не знаю”, - ответил другой. “Возможно, это королевский каприз; возможно, это плод раскаяния. В любом случае, радуйся своей удаче”.

“Благодарю за вашу доброту и не преминьте передать принцу заверения в моей признательности за его щедрость”, - сказал нищий, направляясь ощупью по улице, ведущей к жалкому жилищу, предоставленному ему общественным призрением.

Открыв роковую шкатулку, он высыпал золото себе на колени. Он пересчитал их, погладил, обнял со всем восторгом человека, который, давно привыкший к крайней бедности, внезапно стал богатым.

Но прошло несколько мгновений, прежде чем пары яда произвели свое действие; конвульсивная дрожь сотрясла его тело, и жертва ненависти Мотадхида упала ничком на свое сокровище — труп.

Военные операции Мотадхида отличались большой энергией и необычным успехом. В самом начале его правления на него напала коалиция берберских князей. Продвигаясь на запад, он опустошил территории Модхаффера, эмира Бадахоса, души враждебной лиги. В последовавшем за этим сражении Модхаффер потерпел решительное поражение, и значительное число жителей его столицы было убито и взято в плен. Сын Мухаммеда, эмира Кармоны, погиб в этом сражении, и его череп, должным образом отбеленный, с этикетками и украшенный золотом и драгоценными камнями, был помещен рядом со своими ухмыляющимися предшественниками в уникальный ларец принца Севильского. Мир между этими двумя мелкими монархами был наконец установлен благодаря вмешательству Ибн-Джахвара, правителя Кордовы, который в этой кровопролитной борьбе, хотя его симпатии были на стороне противников берберов, сохранял политический нейтралитет. Избавившись от своего самого грозного врага, Мотадхид атаковал и подробно завоевал небольшие государства Уэльва, Силвеш и Санта-Мария. Крайний юг полуострова находился в то время в руках берберов. Княжество Севилья к этому времени достигло такого господствующего положения, что африканские лорды Андалусии признали титул и верховенство лже-Хишема и платили дань правительству, которым он якобы управлял. Алчность и честолюбие Мотадхида пробудились при виде этих плодородных владений, лежащих у самых его дверей. Он решил добиться приза хитростью, поскольку этот метод был более близок его политическому гению, чем дорогостоящий и неопределенный результат обращения к оружию. Состояния Ронды и Морона, наиболее важные и доступные, он выбрал в качестве объекта своей первой попытки. Полагаясь на сомнительную веру своих данников и в сопровождении всего четырех слуг, он смело отдал себя во власть берберских вождей. Его приняли с величайшей вежливостью и добротой, и пока он пировал во дворце, его последователи, отобранные за их проницательность и мастерство во всех искусствах обмана, переодетые смешались с народом и выяснили его чувства к правящим силам. Полученная информация была наиболее благоприятной для планов Мотадхида. Под обманчивой видимостью довольства обнаружилась широко распространенная ненависть к африканскому господству; и, разумно распределив золото, которым они были снабжены, его приближенные без труда заручились поддержкой ряда влиятельных чиновников, с помощью которых в назначенное время должны были быть преданы твердыни двух берберских государей. Среди повторяющихся и продолжительных празднеств, к которым привел его визит, способность Мотадхида противостоять опьяняющим парам вина сослужила ему хорошую службу среди гуляк, чьи склонности к общению и опыт были полностью равны его собственным. В разгар продолжительного разгула, непосредственно предшествовавшего его предполагаемому отъезду, коварный принц притворился, что его одолевает сон. Как только его тяжелое дыхание указало на потерю сознания, его вероломные хозяева начали намеренно и шепотом обсуждать целесообразность его убийства. Бесчестность этого предложения, достаточно низкого само по себе, усугублялась тем фактом, что среди берберов, так же как и у арабов, гостеприимство считалось самой благородной из добродетелей, и личность гостя, который ел за столом своего хозяина, была до поры до времени нерушимо священна. Те немногие моральные чувства, которыми изначально обладали берберы, были, однако, эффективно уничтожены в суматохе непрекращающихся конфликтов и благодаря знакомству с коварными уловками, постоянно применяемыми смешанным и деморализованным населением полуострова. Согласно беспринципным принципам их политики, которых придерживались все и постоянно придерживались на практике, соображения текущей целесообразности намного перевешивали обязательства светской вежливости или требования личной чести. Возможность покончить с собой одним ударом и без личного риска со стороны самого могущественного и

непримиримого врага их расы была слишком удачной и неожиданной, чтобы люди, давно привыкшие к предательству и насилию, могли пожертвовать ею из-за простой казуистики или сантиментов. Из всего собрания только у одного, Моад-Ибн-Аби-Корра, юноши самого выдающегося положения, хватило принципиальности и мужества возразить. Возмущенные упреки их юного товарища, еще недостаточно искушенного в двуличии и преступлениях, чтобы побороть порывы благородной и великодушной натуры, возобладали над низменной решимостью других принцев, и, осознав, несмотря на свои притупленные способности, вопиющую чудовищность замысла, они спокойно отказались от него. Пока шло обсуждение судьбы Мотадхида, самоконтроль последнего подвергся гораздо более серьезному испытанию, чем ему когда-либо прежде приходилось выдерживать. Его сонливость была принята за удобную уловку. С ее помощью он надеялся познакомиться с предрассудками и замыслами своих буйных вассалов, которых неосторожно предавали в минуты веселья. Но он был совершенно не готов к откровениям, которые обрушились на его изумленные уши. Понимая, что малейший признак сознания только ускорит удар, он с наигранным спокойствием, невероятным при данных обстоятельствах, сохранял видимость глубокого сна. Наконец он встал и занял свое место на пиру. Ни дрожь в голосе, ни дрожание мышц не выдавали того испытания, которому он только что подвергся. Его удивительное самообладание легко подействовало на ничего не подозревающих хозяев, которые, отчасти из соображений политики, отчасти из угрызений совести, теперь осыпали усердным вниманием гостя, которого их преднамеренная злоба всего минуту назад была готова обречь на насильственную смерть.

Принц отбыл под взаимные выражения уважения, которые, вдохновленные глубоким притворством обеих сторон, казалось, обещали самые дружеские отношения в будущем между сюзереном и вассалом. Удовлетворение берберов вскоре усилилось с прибытием гонцов из Мотадхида, которым было поручено доставить дорогие и красивые подарки в знак признательной дружбы их государя. Прошло несколько месяцев; заверения в дружбе продолжали взаимно передаваться между дворцами Севильи и Ронды, пока с помощью всевозможных ухищрений ничего не подозревающие берберы не были убавлены иллюзорной безопасностью. Затем губернаторы Ронды, Морона и Хереса были приглашены с большой церемонией воспользоваться гостеприимством Мотадхида. Их сопровождающие увеличили отряд до шестидесяти человек, великолепно сидевших на лошадях и снаряженных; и веселая кавалькада была встречена у ворот Севильи сердечными приветствиями принца и одобрительными возгласами народа. У мусульман первая любезность, оказываемая гостю, - это предложение совершить омовение. Поэтому это не вызвало никаких подозрений у берберской знати, когда их провели — за единственным исключением Моада, который в минутной суматохе был на время намеренно отделен от своих спутников — в ряд великолепных сводчатых покоев, стены которых были облицованы драгоценным мрамором, окна сделаны из раскрашенного стекла, а полы и потолки сверкали изысканной мозаикой. Чтобы наслаждаться свободой от всяких ограничений, их сопровождали собственные рабы. Невыносимая и усиливающаяся жара заставила последних вскоре попытаться открыть дверь. Они нашли ее запертой; сверхчеловеческим усилием она была наконец сломана, но за ней, словно по волшебству, выросла массивная каменная стена; выход был признан невозможным, и замышляемое африканцами предательство было жестоко отомщено. На следующий день шестьдесят дымящихся трупов были вынесены из бани, помещения которой были нагреты до температуры, намного превышающей ту, которая обычно поддерживается в духовке. Могущество берберской фракции было безнадежно подорвано; новый террор облек имя кровожадного Мотадхида; и

необычное количество ужасных, но драгоценных и давно желанных трофеев было сложено в похोжие на склепы ларцы, хранившиеся среди сокровищ дворца.

Беспокойство и подозрения Моада были вызваны его явно преднамеренной разлукой со своими друзьями. Когда ему объявили об их судьбе, Мотадхиду потребовались все внимание и снисходительность, на которые он был способен, чтобы успокоить свое горе и развеять опасения. Вспомнили о его неоценимой услуге принцу во время банкета в Ронде, и ему сообщили, что награда за его благородное соблюдение законов гостеприимства, которое спасло жизнь его гостю, уже близка. Для него был выделен великолепный особняк в самом аристократическом квартале города. В качестве залога его будущей щедрости Мотадхид сразу же подарил ему десять лошадей и такое же количество евнухов, тридцать красивых девушек и кошелек с тысячей динаров. Не проходило и дня, чтобы не обнаружился какой-нибудь новый знак привязанности его благодетеля. Его не по годам развитые способности, не в меньшей степени, чем благосклонность монарха, вызывали к нему почтительное восхищение двора. Его мнение было со вниманием выслушано на Диване. Он был назначен высшим командующим армией. Расходы по его домашнему хозяйству, которое соперничало по великолепию с хозяйством самых богатых вельмож, покрывались годовым жалованьем в двенадцать тысяч золотых монет. Пристрастие Мотадхида еще больше проявлялось в частом вручении дорогих подарков, редкость и качество изготовления которых вдвойне повышали их ценность. В блестящем обществе севильского двора никто не превосходил молодого и талантливого берберского вождя по рангу, общественной оценке или народному влиянию.

Деморализация, последовавшая за смертью их лидеров, которой способствовала коррупция, ранее применявшаяся Мотадхидом, дала ему почти немедленное владение берберскими твердынями. Аркос, Ксерес и Морон сдались без промедления. Соппротивление Ронды грозило стать серьезным из-за ее природной мощи и преобладания африканского населения, но как только появились войска Мотадхида, граждане других рас — арабы, евреи и христиане — подняли восстание; берберы были перебиты; ворота были распахнуты, и к Севильскому княжеству была присоединена сильнейшая крепость Андалусии.

Известие об ужасной участи берберских принцев было воспринято королем Гранады с нескрываемым ужасом. Его собственная непопулярность и недовольство подданных были ему хорошо известны. Огромное количество арабов и неверных в его владениях представляло постоянную угрозу стабильности его трона, который теперь стал менее безопасным, чем когда-либо, благодаря примеру Ронды; и даже привычное опьянение не могло заставить его забыть о катастрофе, которая, возможно, надвигалась в этот самый момент. Терзаемый ужасными подозрениями, он решил одним ударом уничтожить всех арабов в столице. Для совершения этого зверского деяния он выбрал пятницу, когда мусульмане собирались на службу в мечети, поскольку совершение такого святотатства было тогда делом безразличным по сравнению с более тяжким преступлением. Тщетно визирь Самуил, которому сообщили об этом плане, пытался представить его безумие. Царь был неумолим. Тогда еврей принял меры, чтобы предупредить главных лиц арабской партии. Вследствие этого в назначенный день большой мусульманский храм, обычно переполненный верующими, был почти безлюден. Было очевидно, что кровавый план был предан, и короля, убедившегося в ужасных последствиях, которые он неизбежно повлечет, в конце концов убедили отказаться от него.

Вскоре после этого мудрый советник, чьи командирские способности почти привели к тому, что предубеждение против его нации было забыто, умер. Его сын Джозеф, человек с законченным образованием и незаурядными талантами, унаследовал почести, но не влияние своего отца. Его надменное поведение, великолепие его одежды, численность и пышность его свиты, которая не уступала свите самого Бадиса, вызывали зависть всех слоев общества. Как мусульмане, так и евреи были потрясены его богохульными речами. Его более чем подозревали в отступничестве от религии Моисея, и он был настолько неосмотрителен, что публично осмеял доктрины Корана. Враги молодого министра, власть которого над королем была безгранична, решили использовать его непопулярность в качестве предлога для грабежа членов его секты, богатство которой издавна возбуждало алчность населения Гранады. Во исполнение этого плана против него была изобретена самая гнусная клевета. Немыслимые преступления приписывались его злобности и несправедливости. Его обвинили в тайном сговоре с принцем Альмерии, врагом Бадиса; и поскольку общественное мнение было воспламенено публикацией сатирических стихотворений, в которых в преувеличенных выражениях изображались нечестность и алчность евреев, ненавистный визирь в конце концов был схвачен в королевском дворце разъяренной толпой и распят. Четыре тысячи несчастных евреев были вовлечены в разорение своего соотечественника и заплатили неустойку, связанную с успешной бережливостью и запрещенным гражданством. Их дворцы были захвачены, а имущество присвоено ассасинами; и еврейское превосходство в мусульманском государстве, до сих пор не имевшее прецедента в истории ислама, было навсегда отменено в королевстве Гранада.

Замыслы Мотаххида были осуществлены путем приобретения большей части Андалусии, и, поскольку дальнейшее поддержание обмана не могло принести ему никаких дополнительных преимуществ, он публично объявил о смерти мнимого Хишема II. Было ли это событие, которое в сложившихся обстоятельствах политически не имело большого значения, ускорено с его помощью, неизвестно. Как бы то ни было, погребение самозванца проходило с царственным великолепием, и по завещанию, которое, как утверждалось, он написал, некогда великолепное наследие империи Оммеядов было передано хаджибу.

Удача, которая до сих пор так необычайно благоприятствовала честолюбию Мотаххида, казалось, теперь отвернулась от него. Его старший сын Исмаил дважды восставал против его власти и, попытавшись штурмовать дворец, был схвачен и умер от руки своего разъяренного и безжалостного отца. Мотамид, его второй сын, потерял город и государство Малага, которые он захватил, по собственной небрежности и из-за отсутствия дисциплины в его войсках, которые были застигнуты врасплох и разгромлены королем Гранады.

Владычество Абд-аль-Азиза, эмира Валенсии, над Альмерией было прекращено в 1041 году восстанием его вассала Абу-аль-Ахvakмана из племени Сомадих. При его сыне Мотасиме последнее княжество прославилось на весь мусульманский мир литературными достижениями своего правителя, интеллектуальной культурой и изысканной вежливостью своего народа. Мотасим был восторженным покровителем искусств. Его двор был пристанищем ученых всех стран. Там наука халифата, изгнанная варварами, нашла радушный прием. Там ученые Гранады, бежавшие от берберской тирании, спокойно занимались своими исследованиями. Там факи различных сект в дружеском соперничестве обсуждали свои доктрины в присутствии трона. Монарх был образцом всех королевских добродетелей. Он стремился возродить простые патриархальные обычаи Пустыни. Он вершил правосудие беспристрастной, но милосердной рукой. Как и другие представители его расы, он сделал

поэтов особыми получателями своей щедрости. Многие из них приобрели нечто большее, чем провинциальную известность. Едва ли менее почитаемыми и популярными были профессора науки. Врачи, химики и натурфилософы занимают высокое место в анналах его правления. Абу-Обейд-Бекри, самый выдающийся географ Мавританской Испании, был жителем Альмерии.

Христианские государства Севера, в течение пятидесяти лет раздираемые внутренними распрями, теперь объединились под скипетром Фердинанда. Королевства Леон и Кастилия были объединены, и, когда разногласия между более незначительными княжествами были улажены, внимание христиан снова было обращено на разобщенных и беспомощных членов халифата. С этого времени войне против мусульман было суждено принять характер крестового похода, и военные действия редко приостанавливались до тех пор, пока не пал последний оплот ислама на Западе и Крест не был водружен на башни Альгамбры.

Успехи, достигнутые Фердинандом, вскоре выявили слабость его противников. Бадахос, Ламего и Визера пали от его рук. Эмир Сарагосы был вынужден покинуть все города за рекой Дору. Знамена кастильской армии были видны со стен Алькала-де-Энарес, во владениях Мамуна, эмира Толедо. Чтобы уберечь свои города от разрушения, последний согласился заплатить невероятный выкуп деньгами и драгоценностями, что опустошило его казну, и вместе с лордами Сарагосы и Бадахоса сразу признал сюзеренитет христианского короля. Авангард последнего вскоре появился на территории Севильи, и гордый Мотахид, сознавая бесполезность сопротивления, запросил мира. Это было предоставлено в обмен на огромную дань и доставку тела святой Юсты, мученицы, принесение которой в жертву, как утверждалось, относилось ко временам римского владычества. Епископы Леона и Асторги были отправлены во главе внушительного посольства, чтобы получить мощи святого. К сожалению, их не удалось опознать, и благочестивые братья, не желая возвращаться с пустыми руками, посредством чудесного видения обнаружили и получили гораздо более ценную добычу — тело св. Исидор из Севильи. Мотахид изобразил глубокую скорбь из-за того, что был вынужден расстаться с таким сокровищем. Имея в виду будущую прибыль от торговли подобными товарами, он благоговейно набросил на гроб великолепную мантию из расшитого шелка и, к большому удовольствию прелатов, которые с нескрываемым удивлением наблюдали за благотворным воздействием, произведенным на разум неверного истлевающими костями Отца Церкви, расстался с эскортом у городских ворот со многими наигранными выражениями скорби и потоками лицемерных слез. Закрыв лицо мантией, сдавленным от рыданий голосом этот интересный образец королевского благочестия воскликнул к глубокому назиданию плачущих прохожих: “Прощай, Исидор! Прощай, святейший муж! Ты знаешь, какая тесная близость всегда существовала между нами!”

С каждым годом, даже в любое время года, христианские знамена продолжали неуклонно продвигаться на юг. Ресурсы разделенной мусульманской империи больше не могли оказывать согласованного сопротивления их наступлению. Самые могущественные мавританские князья полуострова уже были данниками Фердинанда. Коимбра была взята, и почти все, что находится в пределах современной Португалии, находилось в его руках. Обширные районы поработенной территории систематически обезлюдели в результате вынужденной эмиграции. Жители захваченных городов во многих случаях также были изгнаны, а там, где длительное сопротивление приводило завоевателей в ярость, земли, имущество и серали самых богатых граждан были захвачены, часто в нарушение условий капитуляции. Обосновавшись в своих

новых владениях, грубые кавалеры Кастилии и Астурии перенесли буйные манеры и грубые вкусы свинопаса и горца в великолепные обители мавританского искусства и роскоши.

Государства Валенсия и Малага из-за политической слабоумности своих правителей опустились до положения, значительно уступающего тому, на которое они имели право из-за своих коммерческих и сельскохозяйственных ресурсов. При разделе халифата Валенсия была сохранена за Абд-аль-Азизом, внуком Аль-Мансура, который во время последующих беспорядков был признанным главой фракции Амиридов. Одаренный редкими талантами администратора и командира, его леность и любовь к удовольствиям сводили на нет эти великие природные преимущества, и его сын, Абд-аль-Мелик, который сменил его, обладал всей его неспособностью к физическим нагрузкам, не обладая его способностями. Город Валенсия, захваченный Фердинандом, оказался слишком сильным для его усилий, но притворным отступлением он выманил гарнизон и горожан за стены и заманил в засаду. Восхитительный климат этой провинции, Андалузского сада, никогда не был благоприятен для создания расы воинов, и женоподобные валенсийцы, которые надели свои праздничные наряды в ожидании триумфа, почти без сопротивления умирали под оружием христианских рыцарей. Возобновив осаду, Фердинанд заболел и вскоре после этого вернулся в Леон, чтобы умереть. Его противник Мотахид, чья хитрая и беспринципная политика основала на руинах халифата королевство, более внушительное по своим размерам, чем замечательное своей военной мощью, вскоре последовал за ним в могилу.

Малага, управляемая эдрисайтами, долгое время была центром берберского влияния. Его правители, также ослабевшие от соблазнов тропического климата, к отвращению своих воинственных сторонников, терпели, чтобы их жизни протекали бесславно, пока их владения окончательно не были поглощены растущей мощью Гранады.

Привлеченные славой крестового похода, надеждой на вечное спасение и более близкой перспективой мирской выгоды, толпы европейских авантюристов хлынули на полуостров. Среди них отряд норманнов под командованием Вильгельма де Монтрейля осадил Барбастро, густонаселенный пограничный город Арагона. Их доблесть в конце концов одержала верх, и после доблестной обороны город был сдан в соответствии со статьями капитуляции. Едва норманны вошли, как они были отброшены; гарнизон был окружен и перебит; шесть тысяч горожан были убиты за стенами, а остальные были обречены на рабство. Зверства, творимые этими христианскими варварами, кажутся невероятными. Таково было количество добычи, что, как говорят, младший офицер получил в качестве своей доли пятьсот возов товаров и полторы тысячи девушек. При общем разделении, как это было принято, хозяин со своими домочадцами и имуществом был передан удачливому солдату, который однажды прибегнул к изощренным пыткам, чтобы оскорбить отчаяние своей жертвы и причинить ей невыносимую боль, чтобы заставить обнаружить спрятанное сокровище. Женщины-члены его семьи подверглись насилию в его присутствии. Его тело погрузили в кипящее масло. Его изрубили мечами и боевыми топорами, а его конечности медленно опустошал огонь. Бесчеловечность, сопровождавшая взятие Барбастро, вряд ли имеет параллель ни в одной из кровавых летописей, повествующих о подвигах крестоносцев христианской Европы.

В период всеобщей анархии, последовавшей за падением халифата, только более крупные княжества, либо из-за большего политического влияния, либо из-за более развитых условий цивилизации, заслуживают внимания историка. Неисчислимо количество незначительных

государств возникло на руинах этой великолепной монархии. Каждый вали округа, каждый губернатор города стремился к пышности и влиянию независимого монарха. Некоторые из них избежали разорения, постигшего их менее удачливых соотечественников. Другие были завоеваны андалузскими князьями. Владения других были насильственно включены в состав быстрорастущей монархии Кастилии. При всех войнах это было правилом, а мир - исключением. На Севере африканцы, изгнанные туда халифами за их непокорность и воодушевленные близостью христиан, союз с которыми часто побуждал их пренебрегать эдиктами кордовского двора, долгое время были практически независимы. На Юге берберские авантюристы, подстрекаемые успехом Аль-Мансура, беспрепятственно предавались своей естественной склонности к грабежам и убийствам. В Валенсии и Гранаде рабы, жадность которых при первых халифах была предметом порицания правительства, преобладали по численности, богатству и влиянию. В провинциях Эстремадура и Алгарве арабы сохранили свою древнюю наследственную гордость и непокорность. Ни одна из этих фракций не была объединена под единым руководством. Они разделились на два десятка отрядов, временно признавших власть какого-то мелкого вождя и питавших такую же враждебность к своим соседям, какую они питали к своим национальным врагам. Взаимная зависть этих безвестных правителей усердно разжигалась политизированными христианами, которые никогда не отказывались содействовать поставками людей и денег для разжигания ссор, которые постоянно подрывали мусульманскую власть на полуострове.

Таким образом, политическая деморализация, вызванная как внутренними раздорами, так и иностранным вмешательством, неуклонно продолжалась. Национальное единство было незнакомо арабам, для которых наивысшей мерой личной свободы было господство как в общественной, так и в частной жизни. Этот принцип сплоченности, который связывает сообщества узами общего интереса, не был признан в обществе, где каждый человек считал, что у него есть неотъемлемое право, основанное на незапамятных предписаниях и традициях Пустыни, грабить своего соседа. Даже величайших из оммеядских халифов ненавидел народ. Их жизни никогда не были в безопасности. Их постоянно охраняли вооруженные иностранцы — мамлюки-христиане, берберские наемники, африканские евнухи. Только страх поддерживал их власть. Их подданные ничего не знали о лояльности, патриотизме, общественном духе или национальной чести. Победы этих князей могли ослепить население. Их щедрость могла на какое-то время обеспечить привязанность армии. Возведение великолепных молитвенных домов могло вызвать аплодисменты набожных людей, но обладание самыми благородными качествами ничего не дало в час бедствия. Престиж выдающегося имени, память о блестящих подвигах, вид величественных архитектурных памятников, вездесущая культура великого народа были пустяками в глазах араба, одержимого жаждой кровной мести, или дикаря-бербера, которому представилась перспектива разграбления дворца, подобного тому, что был в Медина-аз-Захра. Прогнившая мусульманская система была раскрыта смертью Аль-Мансура. Он был самым прославленным военачальником, который когда-либо водил в бой армии ислама. Он был величайшим правителем Европы. За четверть века постоянных войн никакие неудачи не уменьшили его популярности и не запятнали его славу. Судя по всему, его власть, номинально являющаяся властью халифата, была установлена на прочной и неприступной основе. Однако едва он сошел в могилу, как внушительная структура мавританской империи рассыпалась в прах, а вместе с ней навсегда исчезли величие, слава и цивилизация трехсот насыщенных событиями лет.

ГЛАВА XVII

ВОЙНЫ АЛЬМОРАВИДОВ С ХРИСТИАНАМИ 1044-1121

Раздоры в Кастилии—Альфонсо, гость эмира Толедо—Цивилизация этой мавританской столицы—Мотамид, принц Севильи—Его расточительность—Валенсия и Мурсия становятся подвластными Мамуну—Мотамид захватывает Севилью—Военный гений Альфонсо VI.— Знаменитая игра в шахматы—Осада Толедо—Капитуляция этого города—Набеги банд разбойников—Опасность и бедствия мусульман—Возвышение Альморавидов—Их фанатизм и доблесть—Они завоевывают Северную Африку—Испанские эмиры обращаются к Юсуфу—Он пересекает пролив—Разгром христиан в Заллаке—Вторая экспедиция Юсуфа—Его популярность—Он претендует на Суверенитет полуострова—Сид: Его характер и его подвиги—Он служит эмиру Сарагосы—Он получает контроль над Валенсией—Восстание и осада этого города—Жестокость Сид—Смерть Юсуфа—Величие империи Альморавидов—Восшествие на престол Али—Деморализация завоевателей.

За временным союзом христианских держав при Фердинанде I., который столь эффективно продемонстрировал слабость мавританских государств полуострова и придал такое значение кастильскому оружию, последовал ряд внутренних невзгод, кульминацией которых стала гражданская война, серьезно угрожавшая стабильности недавно основанного королевства и предоставившая мусульманам возможность для восстановления сил, воспользоваться которыми у них, к сожалению, больше не было ни энергии, ни возможности. Невежливое завещательное распределение владений Фердинанда среди его детей указывало на приятную слабость, которая, хотя и могла бы заслуживать похвалы со стороны частного лица, дискредитировала опыт и политическую дальновидность монарха. С публичного одобрения знати его королевство было разделено на три части, из которых его сын Санчо получил Кастилию и часть территории нынешнего Арагона; Альфонсо, Леон и Астурию; и Гарсию, Галисию и португальские завоевания. Его дочерям, Урраке и Эльвире, были переданы соответственно города Самора и Торо. Как и было неизбежно, амбиции и недовольство таким порядком в конечном итоге привели к последствиям, фатальным для интересов короны. Военные действия сначала вспыхнули между Санчо и Альфонсо с неопределенными результатами. Затем они взаимно согласились поставить свои королевства на кон в результате одной битвы. Удача благоприятствовала делу Альфонсо, и с необычным для того времени милосердием его сторонникам не было позволено даже преследовать разбитых кастильцев, которые по условиям договора стали подданными победителя.

В это время впервые в истории появляется имя персонажа, чьи подвиги, по большей части сказочные, приобрели ему известность, не уступающую той, которой пользовались полубоги древности, — Родриго Диаса де Бивара, в народе известного как Сид и Кампеадор. Его происхождение было знаменитым, поскольку он мог проследить свою родословную до одного из благороднейших домов Кастилии, один из членов которого более века назад занимал высокое положение в советах страны, в то время как его собственное мужество и ловкость проявились в состязаниях, недавно начатых соперничающими претендентами на верховенство, а также в кампаниях против неверных. Он был одним из самых доверенных сторонников Санчо и занимал ответственную должность заместителя командующего в кастильской армии. Его

беспринципная ловкость теперь возродилась благодаря возмутительному попранию веры в отчаянное положение его государя. Солдаты Санчо, больше не опасавшиеся резни, обычно возникающей после поражения, вскоре снова объединились под своими знаменами. По предложению Родриго леонская армия была атакована на рассвете; их лагерь был взят штурмом; ужасная резня отомстила за катастрофу предыдущего дня и наказала за непростительную небрежность в присутствии врага, которая сделала возможной такую катастрофу. Альфонсо бежал в соседний кафедральный собор Карриона; но привилегия убежища в те времена мало учитывалась, особенно когда это противоречило важным политическим интересам; и король Леона, схваченный, вопреки анафемам духовенства, у самого алтаря, был в цепях доставлен в Бургос. Его жизнь была бы принесена в жертву, если бы он невольно не согласился принять постриг и принять монашеское облачение - обязанность, которая, согласно институтам королевства, унаследованным от древнего готского государства, с тех пор не позволяла ему стать кандидатом на королевское достоинство. Устав от ограничений монастырской дисциплины, которые соблюдались еще строже, чем обычно, из-за особых обстоятельств его послушничества, Альфонсо удалось ускользнуть от бдительности своих святых братьев, и, перейдя границу, он был гостеприимно принят Мамуном, мавританским принцем Толедо. Со временем Санчо удалось лишить своих оставшихся братьев и сестер их наследства, за единственным исключением Урраки, который все еще удерживал сильный город Самора. Во время разведки этой крепости он был застигнут врасплох и убит кавалеристом, внезапно вышедшим из одних из ворот. Кастильская знать, должным образом собравшаяся в Большом совете королевства, согласилась с избранием Альфонсо при условии, что он торжественно поклянется, что смерть его брата не была спровоцирована его предложениями. Альфонсо подчинился; Родриго Диас был избран, как самый могущественный подданный, для получения политического отпущения грехов избранным монархом; и последний, вложив свои руки в руки человека, которому всецело был обязан своим нынешним унижением, публично очистил себя от всякого соучастия в братоубийстве. Общественные соображения, а также необходимость сохранить поддержку воина со столь грозным характером побудили Альфонсо вскоре после этого выдать его замуж за Химену, дочь одного из самых выдающихся представителей астурийской знати.

Правительство Альфонсо VI. для него были характерны реформы во всех звеньях администрации, реорганизация трибуналов, постановления которых долгое время были вытеснены поборами и произволом произвольного насилия, а также общее восстановление порядка и безопасности. Дороги были тщательно отремонтированы и освобождены как от хищнических набегов знати, так и от чумы разбоя. Ко всем нарушителям было применено беспристрастное правосудие. Ни богатство, ни положение, ни прежние заслуги нарушителя закона не могли обеспечить освобождения от наказания. Преданный Церкви, хотя и не незапятнанный распространенным языческим суеверием, которое все еще цеплялось за ложные откровения обудущем с помощью астрологии, гаданий и предзнаменований, Альфонсо был известен своей скрупулезной приверженностью формам богослужения и своей щедростью по отношению к служителям религии. Во время своего пребывания в Толедо изгнанный принц, привыкший к изысканным манерам и высшей цивилизации мавров, не преминул воспользоваться своим опытом и в некоторой степени перенять институты и обычаи, столь способствующие материальному и интеллектуальному прогрессу народа. Мамун, чей двор был одним из самых изысканных на полуострове, относился к своему царственному гостю со всей учтивостью и вниманием, которые только могли быть продиктованы самой щедрой симпатией и

гостеприимством. Его поселили в королевском дворце. Многочисленная свита рабов была назначена для выполнения самых незначительных его распоряжений. Для его особого наслаждения ему был предоставлен сераль мавританских красавиц. Знать обычно оказывала ему величайшее почтение, и ему было позволено разделить близость монарха; он участвовал в военных забавах двора и в азарте охоты; он даже получил командование армией и храбро сражался на стороне своих неверных товарищей против войск враждебных княжеств. Все это время он с нетерпением ждал возможности завладеть Толедо, с глубокой древности славившимся своей силой, своими традициями и храбрым, но буйным характером населения. О трудностях, связанных с таким проектом, он был прекрасно осведомлен. Считалось, что это место практически неприступно для штурма. Кастильская гипербола гласила, что "Испанцы провели меридиан через этот город, потому что Адам был первым королем Испании, и Бог поместил солнце в момент сотворения мира прямо над этой древней твердыней". Его естественные преимущества в обороне были усилены изобретательностью и ресурсами многих сменявших друг друга династий. Задолго до пунической оккупации он был центром власти. Его грозное положение вызывало изумление римлян во времена Плиния. Вестготы восстановили его стены и сделали своей столицей, и это отличало его от очаровательных андалузских городов, пока сохранялось это господство. Сарацины укрепили укрепления и украсили пригороды великолепными виллами, площадками для увеселений и садами. Под властью Бени-Динуна в Толедо проживало более многочисленное и бережливое население, чем когда-либо прежде. Окруженный, за исключением севера, водами Тежу, фундамент его стен возвышался более чем на сто футов над уровнем этого стремительного потока. Неприступный обрыв защищал его от вражеской атаки со стороны реки, в то время как со стороны суши большая высота и огромная прочность стен и башен вполне могли противостоять усилиям осаждающей армии, оснащенной лишь несовершенным военным снаряжением древности.

Политическое влияние и обширная торговля, которыми пользовался город Толедо как столица одного из великих мавританских княжеств, затмевались великолепием, демонстрируемым его эмирами в королевских резиденциях, которые были разбросаны по его окрестностям. Один из самых замечательных из них назывался, в живописных образах арабского языка, "Обитель часов". Он стоял на берегу Тежу, недалеко к западу от города, и был украшен со всем великолепием и изобретательностью мавританского искусства. Его стены сверкали мозаикой и позолоченной лепниной. При строительстве в изобилии использовался редчайший мрамор. Фонтаны изысканных пропорций охлаждали его залы и внутренние дворы. В самом большом из них была помещена одна из самых любопытных частей гидравлического механизма, когда-либо изобретенного. Это была клепсидра, изобретенная знаменитым астрономом Аль-Заркалем и состоявшая из двух бассейнов, наполненных водой, количество которой регулировалось точно в соответствии с фазами Луны. С появлением полумесяца на горизонте вода начала поступать в резервуары, что продолжалось до четырнадцатого дня, когда они наполнились, а затем ее количество постепенно уменьшалось до двадцать девятого дня, когда они были полностью опустошены. Если в какой-либо момент в эти бассейны добавляли воду или брали ее из них, на количество это не влияло; скрытый механизм, действуя автоматически, сразу удалял излишек или восполнял недостаток. Движение воды было точно рассчитано в соответствии с постоянно меняющимся неравенством дней и ночей,* — на восходе солнца в первый день появлялась двадцать восьмая часть, а на закате - четырнадцатая. Ненаучный читатель может легко представить себе, если не оценить, изобретательский гений, необходимый для создания механизма, способного давать такие экстраординарные результаты. Это чудесное изобретение,

слава о котором, приукрашенная множеством сказочных дополнений, распространилась до пределов полуострова, с благоговением упоминалось невеждами, которые считали его таинственным талисманом, приписываемым сверхъестественным силам гениев и приспособленным исключительно для нечестивых действий магии. Но нет никаких сомнений в том, что клепсидра Аль-Заркаля была построена для астрономических целей, хотя иногда ее, возможно, отвлекали от ее первоначального использования, чтобы помочь в расчетах светской, но популярной науки судебной астрологии. Пристрастие Мамуна к научным изысканиям и обществу высокообразованных людей не было недостойным самых выдающихся халифов династии Оммеядов. Его интеллектуальные вкусы и щедрое покровительство пробудили общественный интерес к наукам, которыми долгое время пренебрегали из-за гнета мелких тиранов и шума непрекращающейся революции. Его столица стала одним из главных центров мавританской культуры, а беседы ученых людей доставляли удовольствие двору, широко известному своей цивилизацией, роскошью, а также щедростью и достижениями своего государя.

В саду другой виллы, принадлежавшей мавританским королям Толедо, был построен павильон в центре огромного фонтана. К нему вел подземный ход. Стены и крыша были покрыты стеклом множества оттенков, украшенным золотыми и серебряными арабесками; пол был выложен изысканной мозаикой. В летнюю полуденную жару эмир в сопровождении своих любимых рабов имел обыкновение прибегать для своей сиесты в этот павильон, стоявший в тенистой роще. Как только королевский кортеж въехал в здание, его полностью окутали брызги фонтана, музыкальное журчание вод которого вскоре убаюкало обитателей. Это простое, но остроумное устройство придавало восхитительную прохладу, а преломление капель воды, падающих на поверхность окрашенного стекла, создавало все переливающиеся и смешивающиеся цвета радуги. Роскошное убранство арабов из Толедо, которые были вынуждены бороться с недостатками сурового и изменчивого климата и неплодородной почвы, гораздо больше соответствовало их талантам и трудолюбию, чем у андалузцев, которым в необычайной степени помогали преимущества положения и расточительные дары природы. Берега Тахо на многие мили были усеяны загородными резиденциями мавританской знати и евреев, чье политическое и финансовое влияние в обществе почтенного города предшествовало даже господству вестготов, так что, если смотреть с господствующей высоты стен, они напоминали сплошной сад, простирающийся насколько хватало глаз. Таков был мавританский Толедо, награда, вполне достойная честолюбия любого завоевателя.

Пророчества астрологов и шарлатанов омрачили последние часы правления Мотаххида, севильского тирана. Они не находили никакого поощрения к продолжению его династии в таинственных церемониях гадания или составления гороскопов. Самозванные оракулы, вызванные, возможно, событиями прошлого столетия, а также неизбежной тенденцией африканского вторжения к привлекательным берегам Андалусии, провозгласили, что империя Бени-Аббад будет завоевана воинами иностранного происхождения. Опасения и проницательность Мотаххида правильно отнесли этот намек к варварам Ливийской пустыни, которые теперь с непреодолимой силой наводняют весь регион Северной Африки. И даже если это предсказание не оправдывается, у него не могло быть особых сомнений в окончательном триумфе христианского оружия. Империя, которую он основал, держалась единственно благодаря влиянию террора. Его вассалы были готовы восстать при малейшей перспективе политической выгоды. К его династии аристократия относилась с презрением, а население - с отвращением. Протяженность его владений вместо того, чтобы быть источником силы, на

самом деле была лишь признаком слабости. Всеми доступными ему уловками он был вынужден купить снисходительность кастильских князей обременительной и унижительной данью. Не требовалось особой проницательности, чтобы обнаружить, что конец арабского господства на большей части полуострова близок.

Мотамид, который теперь взошел на трон Севильи, был не тем правителем, который мог бы восстановить состояние или даже выдержать бремя пошатнувшейся монархии. Наделенный превосходными способностями, он склонялся скорее к изысканным удовольствиям оседлого образа жизни, чем к обязанностям государственного управления или к тяготам и опасностям военной карьеры. С ранней юности он проявлял страсть к литературе. Его способности развивались под руководством лучших ученых того времени, и, обладая необычайной способностью к импровизации, он добился значительных успехов в этом искусстве, ценимом его соотечественниками как признак высочайшего поэтического гения. Ему уже было поручено руководство важными военными предприятиями, ни одно из которых, однако, не увенчалось успехом, и его катастрофическая кампания под Малагой в достаточной степени продемонстрировала его полную неспособность к командованию. Женское общество разделило с литературой сферу его привязанностей; раб женских чар, он был беспомощно подчинен властным капризам своих фавориток, которые осуществляли над его пластичным умом тиранию, не допускавшую компромиссов и не терпевшую противоречий. Его главной султаншей была Ромайкия, рабыня, купленная у хозяина, который выполнял респектабельную, но плебейскую работу погонщика мулов. При случайной встрече она очаровала его своей остротой, готовностью к импровизации и поэтическому диалогу, и, в соответствии с обычаем, нередким среди расы, у которой социальный ранг часто подчинен интеллектуальным достижениям, он сделал ее спутницей своего досуга и наследницей своего трона. Министром Мотамида был Ибн-Аммар, главным достоинством которого для должности в глазах его государя была его преданность Музам. При таких условиях неудивительно, что дела королевства приняли совершенно иной вид, чем тот, который они имели во времена правления сурового и безжалостного Мотаххида. Доходы сократились из-за намеренного пренебрежения вассалов к отправке своей дани и нечестности сборщиков налогов, которые присвоили большую часть средств, накопленных в результате притеснения. Разбойники снова хозяйничали на дорогах. Едва ли ночь проходила без разграбления дома или убийства горожанина в стенах столицы, часто в самой тени дворца. Огромные суммы, разумное расходование которых в значительной степени способствовало бы комфорту народа и безопасности королевства, выделялись иностранным поэтам, чья неблагодарность и дерзость были гораздо более заметны, чем их таланты, или растрачивались на потакание прихотям алчных и легкомысленных женщин. Армия, от дисциплины которой зависело все, подверглась повсеместной деморализации. Офицеры пренебрегали своими обязанностями. Солдаты восполняли частую нехватку своего жалованья за счет грабежей лиц, которые, как известно, были неприятны правительству, или за счет сомнительных доходов от полускрытого грабежа. Вдумчивые люди с ужасом смотрели на дикий беспорядок, царивший в каждой провинции и в каждом городе; с тревогой слышали о приближении двух великих держав с Севера и Юга, близость которых не сулила ничего хорошего интересам цивилизации; и, впав в отчаяние, в безмолвном ужасе ожидали окончательного разрушения империи.

Различные изменения, которые постоянно влияли на политический облик и взаимоотношения мусульманских государств полуострова, в конце концов сосредоточили арабское господство в трех королевствах- Гранаде, Толедо и Севилье. Посягательства их грозных соседей и сознание

собственной слабости объединили небольшие княжества и города, которые в течение короткого и бурного периода имели вид независимых государств, во владения властителей, обладавших как средствами, так и склонностью отстаивать свои претензии на суверенитет. Из них Гранада, защищенная своей сравнительной изоляцией от замыслов своих соперников, продолжала свою карьеру возвышения, нарушаемую лишь случайными внутренними волнениями. Толедо, находившийся под просвещенным правлением Бени-Динуна, великолепием своего двора и гениальностью своего монарха затмил репутацию всех других княжеств. Предприимчивый толедский принц недавно приобрел для своих владений большой участок ценной территории. Между ним и Альфонсо VI существовал тесный союз, и множество христианских кавалеров доблестно служили под мусульманскими стандартами. Валенсия и ее богатые плантации без сопротивления перешли в руки Мамуна. Провинции Мурсия и Ориуэла, изобилующие экзотической растительностью и обильными урожаями, после нескольких недель вторжения уступили доблести воинов Севера, и сады Восточной Испании были присоединены к владениям процветающего королевства Толедо. Эти легкие и прибыльные победы были далеки от удовлетворения амбиций агрессивного Мамуна. Его взор был постоянно прикован к почитаемой столице халифов, которая, хотя и была лишена своих почестей, богатства и великолепия, все же сохранила уменьшенную долю престижа, которым она пользовалась раньше, в то время как ее слабость вызвала соблазн нападения и аннексии.

Ибн Джахвар, чья мудрость так долго направляла советы олигархического государства, основанного на руинах халифата, угнетенный возрастными немощами и ухудшающимся здоровьем, передал ведение дел своим сыновьям, Абд-ар-Рахману и Абд-аль-Мелику. Первому было поручено руководство гражданской администрацией; второму было поручено командование армией. Выдающиеся таланты Абд-аль-Мелика, подкрепленные поддержкой военных, обеспечили ему возвышение; но его деспотическое обращение с народом, который в течение короткого периода пользовался преимуществами политической и личной свободы, сделало его в то же время объектом всеобщего отвращения. В разгар недовольства и неразберихи, возникших в результате применения его репрессивных мер, Абд-аль-Мелик был сбит с толку приближением врага. Усердие принца Толедского, вызванное секретными сведениями, переданными недовольными, предвосхитило военные действия его противника, и он был почти у ворот Кордовы, когда последний получил известие, что он перешел границу. Состояние было критическим. Сыновья Ибн-Джахвара, далекие от того, чтобы унаследовать способности своего отца, бессмысленно подорвали основы его власти. Старый визирь Ибн аль-Сакка, пользовавшийся доверием всех слоев населения, был казнен без суда и следствия по необоснованному обвинению в государственной измене. Его смерть, непростительная в глазах непредвзятых людей, оттолкнула от него большую и респектабельную часть общества. Популярность и почитание, вдохновленные его любовью к справедливости и мудростью его управления, привели к отставке многих наиболее выдающихся и опытных офицеров армии; в то время как народ, относившийся к нему почти с сыновним почтением из-за его добрых поступков, со зловещим ропотом наблюдал за усилиями неопытного юноши обеспечить себе, без санкции закона, государственной службы или личных жертв, неограниченное осуществление произвольной власти. Доведенный до крайности, Абд-аль-Мелик обратился к своему соседу Мотамиду, эмиру Севильи. Последний отреагировал с подозрительной готовностью. Внушительный отряд севильских войск был допущен в город, и осаждающие, неспособные что-либо предпринять против такого гарнизона, были вынуждены отступить после неполного удовлетворения своей злобы разграблением и без того опустошенных пригородов и

разрушением нескольких разрозненных и незначительных поселений. Но, пытаясь сорвать планы иностранного врага, принц, чьей некомпетентности было суждено привести к подчинению его столицы и разорению его семьи, бессознательно подвергал себя более неминуемой и фатальной опасности. Офицеры Мотамида, не теряя времени, втерлись в доверие к жителям Кордовы. Они превозносили экстравагантными похвалами характер своего собственного монарха; они подстрекали недовольных и честолюбивых к восстанию; они побеждали дорогими подарками и благовидными доводами щепетильность и колеблющуюся лояльность колеблющихся; они усугубляли, апеллируя к страстям и предрассудкам, зло, порождаемое злоупотреблением властью, и рисовали в ярких красках нынешнюю возможность для безопасного и быстрого освобождения. Эти представления были с жадностью восприняты жителями Кордовы, которые после многих лет кровопролития и тирании ничуть не утратили своей предрасположенности к восстанию. Был организован заговор с целью передачи города Мотамиду. Небрежность, глупость или коррумпированность правительственных чиновников позволили довести до совершенства мероприятия, необходимые для успеха заговора, без вмешательства и, вероятно, без обнаружения. Пока вероломные союзники Абд-аль-Мелика выстраивались, явно готовясь к отъезду, среди жителей поднялось смятение; дворец был окружен; ворота города были закрыты; и прежде чем семья Ибн-Джахвара смогла осознать опасность ситуации, ее верховенство было свергнуто, и имперский город халифов признал юрисдикцию севильских князей. Воодушевленный легкостью своей победы, Мотамид проявил в обращении со своими прославленными пленниками великодушие и необычное милосердие. Он приказал перевезти их на остров Сальтес, где удобства приятного и просторного жилья могли безразлично заменить заботы, разочарования и великолепия королевской семьи.

Триумф Бени-Аббада был, однако, недолгим. Мамун, решивший добиться с помощью военной хитрости того, чего он не мог добиться силой, заручился услугами Ибн-Окачи, личности со значительными способностями и сомнительной репутацией, которая за свою долгую преступную карьеру последовательно выполняла близкие по духу обязанности убийцы, разбойника с большой дороги и солдата удачи. Правительство Кордовы номинально было вверено Аббаду, предполагаемому наследнику королевского дома Севильи; но на самом деле власть принадлежала Мухаммеду, офицеру, чьи выдающиеся заслуги в военной профессии были затемнены пороками жестокости, распущенности, вероломства, и алчности. Его поведение вызвало негодование народа, чувство, которому даже дружелюбные качества Аббада были недостаточны, чтобы противостоять; и предложения Ибн-Окачи нашли готовое принятие среди населения, чья склонность к мятежу, передававшаяся через многие поколения революционеров, стала наследственной и привычной. В разгар ужасной бури и глубокой ночью Ибн-Окача с бандой разбойников и головорезов был допущен своими товарищами по заговору в укрепления Кордовы. Когда они приблизились ко дворцу губернатора, была поднята тревога, и Аббад, полуодетый и без доспехов, во главе нескольких слуг храбро противостоял нападавшим, которые покушались на его жизнь. Последовал отчаянный бой; доблесть принца внушила страх его свирепым врагам; они начали колебаться; когда он оступился на скользкой от крови мостовой и пал ниц, будучи мгновенно пронзен десятком копий. На рассвете, когда его голова была насажена на пику, солдаты обратились в позорное бегство; непостоянная толпа приветствовала проклятиями черты лица, которыми они так недавно восхищались; аристократия и торговцы поддержали дело, которое могло обеспечить защиту их личности и их поместий; и, когда Ибн-Окача созвал граждан в мечети Абд-ар-Рахмана, огромное собрание громкими, но глухими возгласами провозгласило свою сомнительную верность эмиру Толедо.

Когда Мамуну сообщили об успехе предприятия, он немедленно отправился к месту своего последнего триумфа, в знаменитый город, столь неразрывно связанный со славой и несчастьями мавританской империи. Люди, толпившиеся на улицах, приветствовали его как избавителя, чья верность так часто подвергалась испытаниям и так часто оказывалась недостаточной, что вошла в пословицу. Ибн-Окача получил награду за выдающиеся услуги, которые он оказал, но пылкий Мамун избегал ежедневных контактов с отъявленным преступником, и его душа возмущалась дерзкой фамильярностью убийцы, руки которого были незаслуженно запятнаны королевской кровью. Его чувства не могли быть скрыты от объекта его презрения; в момент, когда он был неосторожен, от него ускользнуло выражение зловещего значения; и, планируя пожертвовать инструментом, существование которого в конечном итоге должно было поставить под угрозу его интересы, его планы были расстроены бдительностью его врага, и принц, вышедший невредимым из сотен сражений, погиб жалкой смертью от яда.

Оккупация Кордовы стала сигналом к непрекращающимся военным действиям со стороны эмира Севильи. Над его гордой и чувствительной натурой попеременно господствовали чувства негодования, печали и разочарования. Все ресурсы его королевства, мастерство его храбрейших военачальников, доблесть христианских наемников, поощрение его собственного присутствия были в течение трех лет использованы для восстановления города. Неумолимая месть Мотамида увенчалась наконец успехом; почтенная столица Запада еще раз пережила дикие бесчинства распущенной солдатни, а толедский гарнизон искупил ужасающей резней свою привязанность к своему последнему государю. Смерть Ибн-Окачи, который был распят головой вниз в компании с собакой перед главными воротами Кордовы, в какой-то мере смягчила яростное негодование преданного отца Аббада, в то время как последующее завоевание территории между Гвадианой и Гвадалквивиром красноречиво осудило самонадеянные амбиции короля Толедо.

Гений Альфонсо VI. с каждым годом его правления укреплялись основы и расширялись ресурсы христианской державы. После свержения его братьев не осталось внутренних соперников, которые оспаривали бы его власть. Его частые походы против мусульман демонстрировали доблесть войск в частых кампаниях, удовлетворяли предрассудки духовенства проведением крестовых походов и стимулировали правящие страсти обеих этих каст разумным распределением богатой мусульманской добычи. Никогда со времен готов влияние христиан не было таким масштабным и важным. Их владения уже охватывали немалую часть полуострова. Их завоевания начали приобретать характер постоянных приобретений. Великие княжества Севильи и Толедо были данниками короля Кастилии, но их регулярных и невольных взносов не всегда было достаточно, чтобы отразить вторжение. Под малейшим предлогом и часто абсолютно без провокации рыцарство Севера в кольчугах подобно опустошительному потоку обрушивалось на равнины Тахо и Гвадалквивира. Искусные представители христианской казуистики редко соблюдали обязательство об иммунитете, подразумеваемое ежегодной выплатой дани. Уже появился зародыш этой максимы, впоследствии столь популярной и прибыльной, что никакой контракт, заключенный с неверным, не имеет обязательной силы. Сокровища, ежегодно передаваемые маврами ко двору Кастилии и которые, по-видимому, собирались без каких-либо неудобств или усилий, стимулировали алчность и честолубие монарха и производили глубокое впечатление на его обедневших подданных сказочным богатством и неисчерпаемыми ресурсами уменьшившихся, но все еще богатых провинций некогда процветающей мусульманской империи. Немедленная оккупация этих провинций была всего лишь вопросом политической целесообразности. Их окончательное поглощение

христианской монархией больше не вызывало сомнений. Решение проблемы оставалось за сувереном, который к этому времени пришел к выводу заменить капризные грабительские вылазки, постоянно предпринимавшиеся вопреки вере в торжественные обязательства и вопреки самым очевидным принципам справедливости, регулярными операциями организованной кампании. Первая демонстрация была направлена против Севильи. Во главе крупнейшей христианской армии, когда-либо вторгавшейся в Андалусию, Альфонсо VI появился перед воротами столицы. Город был повергнут в ужас. Адекватных средств защиты не имелось, поскольку конституционная небрежность Мотамида, который, к тому же, естественно, предполагал, что положение вассала обеспечит его безопасность, привела к тому, что он отказался от надзора за военными мерами предосторожности ради развлечений, устраиваемых на полудневных банкетах и литературных собраниях. Однако благодаря изобретательности Ибн-Аммана надвигающаяся катастрофа была предотвращена, и перепуганным гражданам, которые с справедливым ужасом ожидали дикой распущенности своих врагов, была предоставлена передышка. Стратегия, с помощью которой это было достигнуто, хотя и находится в совершенной гармонии с характером и обычаями романтической эпохи, кажется едва ли правдоподобной по сравнению с нынешними прозаическими переговорами договаривающихся держав. Среди развлечений, которые были популярны у принцев Испании, как мавританских, так и христианских, была игра в шахматы, которые арабы привезли из Индии. Это развлечение было любимым у Мотамида, и у него была шахматная доска, изготовленная самими искусными мастерами королевства и являвшаяся чудом двора. Сама доска была сделана из множества кусочков сандала и других дорогих пород дерева, украшена изысканными золотыми и серебряными арабесками и сверкает драгоценными камнями. Квадраты были из слоновой кости и черного дерева, фигурки из того же материала, вырезанные с изумительным мастерством и оправленные в чистое золото. Эту прекрасную игрушку Ибн-Аммар решил использовать как инструмент спасения своей страны. Спрятав его под одеждой, он посетил христианский лагерь и, как будто без всякой на то необходимости, позволил некоторым кастильским рыцарям осмотреть его, ожидая, какое впечатление произведет это зрелище на любопытство короля. Последний, который был предан игре и был превосходным игроком, бросил вызов Ибн-Аммару, у которого самого не было превосходства в Кордове, сразиться с ним в этом самом увлекательном времяпрепровождении королевской семьи. Хитрый визирь согласился, при том понимании, что, если Альфонсо одержит победу, он получит шахматную доску, но если нет, то он должен удовлетворить первую просьбу, которую потребует от него его удачливый противник. Проницательность царя побудила его сразу же отклонить это коварное предложение, и Ибн-Аммар удалился в свой шатер. Дух министра не был обескуражен его очевидной неудачей; он спокойно заручился сотрудничеством некоторых из самых влиятельных придворных, пожертвовав сокровища, которыми его в изобилии снабдили как раз на случай такой чрезвычайной ситуации. Убедительные заявления этих могущественных союзников вскоре преодолели опасения монарха, и ничтожная игрушка была поставлена победителю в качестве приза против великолепной ставки империи. Такт мусульманина обеспечил назначение судьями тех знатных людей, которые уже были куплены на его золото. Игра продолжалась; Альфонсо оказался не ровней своему опытному противнику, который, когда пришло время объявить о своей просьбе, потребовал безоговорочной эвакуации Андалусии христианской армией. Можно представить себе огорчение короля при этом неожиданном требовании, и в минуту гнева он даже замыслил нарушить свое королевское слово; но усилия придворных и предложение о двойной дани, добровольно внесенной правительством Севильи, уняли его досаду, и он с неохотой отказался от великолепной награды, которая уже была у него в

руках. Таким образом, благодаря проницательности и коварству государственного деятеля, чей поступок не имеет аналогов в анналах дипломатии, были сорваны созревшие планы способного государя; было предотвращено национальное бедствие; и даже были предоставлены средства для дальнейшего расширения территории, чье изнеженное правительство и деморализованное состояние вызвали нападение грозного захватчика. Не только Севилья, но, что вполне вероятно, и другие государства Андалусии и Восточной Испании, были спасены хитростью Ибн-Аммара, и окончание смертельной борьбы между христианами и мусульманами на полуострове затянулось более чем на четыреста лет. Военный гений Альфонсо, отличия и опыт, приобретенные им в длинной череде победоносных кампаний, испытанная доблесть многочисленной армии, воодушевленной духом военного соперничества, и слепая ярость религиозного рвения, постоянно разжигаемого фанатиками, оправдывают предположение, что за падением Севильи вскоре последовало бы подчинение всех других мусульманских государств и что от, казалось бы, такой незначительной вещи, как игра в шахматы, когда-то зависели существование и судьбы испано-арабского господства. Ответственность, возложенная на изобретательность и настойчивость Ибн-Аммара, может быть оценена, если вспомнить, что после ухода Альфонсо из стен Севильи прошло сто шестьдесят три года, прежде чем этот город перешел в руки христиан, и что прошло более трех столетий после этого события, когда с капитуляцией Гранады мавританскому владычеству на полуострове был окончательно положен конец.

Потерпев неудачу в предприятии, на которое он возлагал столько честолюбивых надежд, Альфонсо теперь обратил свое внимание на Толедо. Это княжество, вознесенное на такое высокое положение гением Мамуна, после смерти этого монарха сильно упало в силе и престиже. Его сын и преемник Кадир не унаследовал ни талантов, ни энергии своего прославленного отца. Обладая женственными вкусами и привычками к роскоши, он был орудием в руках астрологов, женщин и евнухов. Покой дворца нарушался непрекращающимися ссорами этих хищных и мстительных паразитов. Их споры поглощали время, которое советы князей обычно посвящали обсуждению важных вопросов государственной политики; и состязание за первенство в каком-нибудь праздном церемониале или позорное состязание за взятку привлекали больше внимания при дворе Толедо, чем введение налога или оборона города. Самое тривиальное занятие, самое легкомысленное времяпрепровождение не предпринималось без серьезной консультации с шарлатанами. Взаимное расположение планет тщательно выяснялось перед отправлением увеселительных экспедиций, а ежедневные передвижения двора определялись благоприятным или пагубным аспектом звезд. В век воинских подвигов принц, который одобрял подобное самозванство и не был наделен такими искупительными качествами, как личная храбрость или военные амбиции, не мог сохранить уважение своих современников. Границы его владений с каждым годом сужались. Мурсия была взята войсками Мотамида. Валенсия снова провозгласила и какое-то время сохраняла свою независимость. Районы на границах Португалии, составляющие часть территории, которая сейчас входит в провинцию Эстремадура, были присвоены Альфонсо, который больше не был связан обязательствами дружбы, заключенными со своим древним хозяином и защитником Мамуном. Внутренние дела королевства Толедо были в ужасном замешательстве. Требования правительства в конце концов стали невыносимыми. Кадир и его свора евнухов и астрологов были изгнаны из города; было создано временное правительство; и взбунтовавшиеся граждане перешли под защиту эмира Бадахоса. В отчаянии перепуганный и суеверный принц обратился к своему могущественному сюзерену, королю Кастилии. Но последний не был готов браться за

столь ответственную задачу без предварительной гарантии какого-либо ощутимого преимущества. Он потребовал выдачи всех сокровищ, которые Кадиру удалось вывезти из Толедо, включая сосуды и столовое серебро огромной ценности, а также многие тысячи золотых монет, и сдачи самых важных замков, которые все еще признавали его власть. Отчаянное положение свергнутого правителя не допускало промедления. За непомерными требованиями Альфонсо последовало угрюмое, но безоговорочное согласие, и рабы доставили сокровища во дворец в Бургосе. Солдаты Кастилии и Леона были введены затем в пограничные крепости, и выродившийся сын Мамуна, уже потерявший свою столицу, теперь видел, что его собираются лишить остатка своего наследства. Сознывая безнадежность попытки захватить такую крепость, как Толедо, с помощью минирования или эскалады, кастильский правитель решил прибегнуть к утомительной, но более надежной операции "голод". В результате были обнесены стены, перекрыты все пути снабжения, а прекрасная долина Тежу лишилась своих садов и урожая. С помощью утонченной политики, подсказанной особыми отношениями, существовавшими между короной Кастилии и мавританскими правительствами Андалусии, Альфонсо избрал выгодный способ использования мусульман в качестве инструментов их собственного уничтожения. Через регулярные промежутки времени в столицы независимых муниципалитетов отправлялись финансовые гонцы, и собранные таким образом суммы покрывали расходы на осаду Толедо. Эти пожертвования были настолько необходимы, что без их помощи христианские монархи Испании в течение рассматриваемого периода не смогли бы успешно провести ни одну сколько-нибудь длительную кампанию. Доходов государств, почва и климат которых были неблагоприятны для ведения сельского хозяйства и которые были населены народом, постоянно занятым войной, едва хватало на содержание королевского истеблишмента даже в мирное время. Добыча, полученная в результате грабительских экспедиций, хотя и часто представляла большую ценность, обычно распределялась между солдатами-победителями на поле боя и сразу же растрачивалась из-за печально известной расточительности ее получателей, в то время как неопределенность в отношении ее количества и трудности, с которыми она добывалась, делали этот источник снабжения недоступным для удовлетворения насущных потребностей государственной службы. Таким образом, можно видеть, насколько своевременным был регулярный доход в виде мавританского золота, которое в течение многих лет поддерживало шаткое состояние кастильской монархии и с помощью которого вассалы одного и того же сюзерена были невольно вынуждены разорять друг друга. Знакомство с использованием такого бесценного средства вскоре подсказало различные методы повышения его эффективности. Оговоренная сумма дани была удвоена. Иногда взимались чрезвычайные взносы под названием "подарков" - вид вымогательства, столетия спустя принятый деспотичными суверенами цивилизованной Европы как удобное средство пополнения истощенной казны. В этих финансовых операциях использовались исключительно евреи, чьи неортодоксальные взгляды открыто не осуждались до тех пор, пока их недобросовестные схемы могли быть использованы в интересах государства. Высокомерие этих эмиссаров, которые преувеличивали важность оказанного им доверия и, ободренные своим влиянием на монарха, не предпринимали никаких попыток скрыть свою власть, часто было невыносимым. Во время осады Толедо, еврей Бен-Калиб был отправлен Альфонсо с небольшой свитой собирать дань в Севилье. Когда деньги были проверены, выяснилось, что они были сплавлены с неблагородным металлом. Визирь Мотамида, доставивший их, был вызван в лагерь посольства. Как только он прибыл, ярость Бен-Калиба взяла верх над его благоразумием, и он воскликнул: "Как ты смеешь обманывать меня этими подделками? Я не уйду до тех пор, пока вы не снабдите меня монетами оговоренного веса и ценности, и в следующем году я буду взимать

дань с моего господина в городах, а не золотом!” Об этой дерзости немедленно доложили Мотамиду; христианские посланники заплатили за неосторожное поведение своего товарища тюремным заключением; и Бен-Калиб, слишком поздно осознав совершенную им роковую ошибку, после того как напрасно предложил свой вес золота в качестве выкупа, был распят как самый низкооплачиваемый преступник.

Ярости короля Кастилии, когда он услышал об обращении со своими послами, не было предела. Оставшиеся в живых были выкуплены сдачей замка Альмодовара; а затем Альфонсо, оставив позади себя достаточные силы для блокады Толедо, пронес огонь и меч через владения Мотамида до самых берегов Средиземного моря.

Ничто так не указывает на беспомощное положение мусульман в этих войнах, как их очевидная неспособность воспрепятствовать прогрессу или помешать передвижениям армии вторжения. Похоже, они полагались исключительно на защиту своих цитаделей. Плантации, крестьянство, стада и урожай были поспешно оставлены врагу. Не осталось и следа того древнего духа, который давал отпор воинственному рыцарству Европы во многих кровавых столкновениях, который водрузил мусульманские знамена на равнинах Центральной Франции, в горах Сардинии, на берегах По и Тибра, на башнях Палермо и Сиракуз, на разрушенных стенах Нарбонны и Сантьяго.

На данный момент насытившись местью, Альфонсо вернулся к осаде Толедо. Непрерывные инвестиции’ длившиеся семь лет, почти исчерпали ресурсы и полностью поколебали решимость жителей этого гордого и непокорного города. Теперь они согласились заключить условия со своим изгнанным государем, и Кадиру, сопровождаемому жадной свитой евнухов и фокусников, снова было позволено взойти на трон своих предков. Цена, которую потребовали за это восстановление его союзники, сделала его, однако, дорогостоящим триумфом. Непомерные требования Альфонсо привели к обеднению казны и присвоению самого ценного владения из некогда великолепного наследства князей Толедо. Все его собственное имущество, вместе с огромным богатством, накопленным его семьей, было положено к ногам его алчного союзника. Но даже это не удовлетворило короля Кастилии, который, следуя хитроумной политике, которая до сих пор оказывалась столь успешной, избрал более безопасный и менее дорогостоящий способ завоевания, чем прямое обращение к оружию. Крепости, которые были переданы христианам в качестве обеспечения безопасности, были присвоены номинально для покрытия военных расходов. Требовались другие, и от них отказывались, пока у Кадира не осталось ничего, кроме сравнительно небольшого участка территории, который поочередно опустошали как христианские, так и мусульманские армии, и опасной юрисдикции недовольной и беспокойной столицы. Лишенный своих доходов и почти без средств к существованию, Кадир теперь не мог использовать никаких ресурсов для поддержания своего домашнего хозяйства и своего достоинства, кроме угнетения своих подданных. Народ, однако, не желал больше терпеть поборы легкомысленного и деспотичного хозяина и искал в соседних штатах убежища от преследований. Некоторые бежали в плодородные и гостеприимные регионы Юга — в Севилью, Гранаду, Малагу. Другие поселились в королевстве Сарагоса. Многие из тех, кто остался, лишившись всего своего имущества и не имея возможности добывать еду для своих семей, умерли от голода. Некогда густонаселенные районы полностью опустели. Города значительных размеров были брошены на произвол судьбы; на пустынных улицах не было видно ни единого живого существа; и среди разлагающихся жилищ повсюду царил ужасающая и впечатляющая тишина могилы. В

условиях общественного бедствия Альфонсо неумолимо требовал регулярной выплаты дани. Неспособность Кадира отреагировать на это требование ускорила конфискацию его оставшихся поместий, которые после своего восстановления он удерживал только с попустительства своих соседей-христиан. Не в силах больше поддерживать свою слабеющую власть, он начал переговоры о сдаче своей столицы. Выдвинутые и принятые условия были такими, которые, будучи чрезвычайно благоприятными для мусульман, могли быть легко приняты великодушием Альфонсо. Толеданцам были предоставлены привилегии беспрепятственного проживания, пользования собственностью, отправления религиозных обрядов; и им также было разрешено пользоваться услугами своих собственных магистратов и подчиняться действию своих собственных законов. Дань новому государю была установлена в том же размере, который выплачивался старому в соответствии с законным налогом мусульманского кодекса. Великая мечеть должна была навсегда остаться неприкосновенной и быть посвящена исключительно поклонению исламу. Укрепления, общественные работы, королевский дворец и сады должны были стать собственностью кастильской короны. Одним из важных положений договора была частная статья, тесно влияющая на политическую судьбу короля Толедо. В нем оговаривалось, что последний должен был как можно скорее быть возведен на трон Валенсии, даже если для приведения его в исполнение потребуются вся мощь христианской монархии. Последние часы Кадира в его утраченной столице прошли в консультации с астрологами, чтобы определить наиболее благоприятный момент для его отъезда. Его нелепое отчаяние вызвало насмешки и изумление всех, кто видел, как он, держа в руках астроблю, медленно выезжал из ворот во главе своего эскорта. Огромное количество мусульман за короткое время покинули свои дома из-за открытого и ничем не прикрытого нарушения договора, который давал им право исповедовать свою религию и пользоваться своими древними привилегиями.

Как только договор был подписан, король Кастилии въехал в город в сопровождении внушительной свиты духовенства и кавалеров. Вся пышность христианской иерархии, вся варварская роскошь испанской знати были продемонстрированы по случаю этого триумфа, который предвещал скорое свержение мавританского владычества на Севере. Прелаты, облаченные в свои официальные облачения, высоко подняли кресты и священные сосуды, некогда принадлежавшие готскому духовенству императорского Толедо. Они, спасенные из оскверняющих лап сарацин и сохранявшиеся почти четыреста лет в недоступных глубинах Астурии, теперь должны были быть возвращены на свои алтари, став убедительным доказательством истинности Евангелия, справедливости и могущества христианского Бога. За духовными сановниками следовали дворяне, многие из которых были потомками семей, некогда населявших дворцы вестготской столицы, — предки самых знатных домов испанской монархии. Тыл прикрывали придворные дамы, охраняемые отрядом кастильской армии.

Дела в Толедо были улажены, и большое войско было направлено в Валенсию, чтобы обезопасить это богатое королевство с помощью Кадира. Сотрудничество группировки, дружественной принцу Толедскому, способствовало оккупации столицы, и вскоре ее примеру последовали провинции. Но большинство народа ненавидело своего нового правителя, который навлек на себя всю ненависть незваного гостя и не обладал ни одним из тех ослепительных качеств, которые обычно присущи характеру завоевателя. Страна стонала под бременем, налагаемым содержанием множества полудиких кастильцев. Их жалованье и рационы поглощали каждый день огромную сумму в шесть сотен золотых монет. Чтобы удовлетворить этот чрезвычайный спрос, взимались высокие налоги; богатые подвергались

разграблению; и вольнодумство солдат, которые не уважали ни законов военной дисциплины, ни обрядов гостеприимства, по необходимости игнорировалось. Затем, в качестве компромисса, эти беспокойные гости были поселены на землях в плодородной долине Сегура, которая была обезлюдела в результате несчастных случаев и бедствий войны. Но этот эксперимент оказался неудовлетворительным. Плантации были предоставлены их владельцами трудам рабов и надзору за ними, в то время как прилегающая территория подвергалась нападениям смелых наездников, которые, руководствуясь своими хищническими инстинктами, не делали различия между другом и врагом. Распространенность фракционных беспорядков, отсутствие признанной власти и, как следствие, иммунитет, которым пользуются преступники всех мастей, привели к тому, что профессия разбойника стала рассматриваться как самое популярное и прибыльное занятие. Численность и непобедимая репутация кастильцев вскоре сделали их лагерь убежищем для всех беглецов от правосудия, запрещенных мятежников и религиозных отступников на Юго-востоке Испании. Полностью деморализованные подобными объединениями, солдаты Кадира, побуждаемые своими печально известными новобранцами, открыто занялись бандитизмом и стали бичом королевства. Они раздевали путешественников. Они вымогали огромные выкупы у богатых жителей городов. Они квартировали за счет горожан и нарушали целомудрие женщин, живших в их домах. Они калечили своих жертв способами, которые не поддаются описанию. Ни ранг, ни вероисповедание не были исключением из их убийственной жестокости. Аристократ был избит, чтобы раскрыть местонахождение своих сокровищ. Крестьянин, будь то мусульманин или христианин, был схвачен и продан в рабство. Горсти меди, меры вина, буханки хлеба или фунта рыбы было достаточно, чтобы купить одного из этих несчастных. Те, кто не подлежал продаже по причине возраста или физической немощи, становились объектами изощренных и длительных пыток; их ослепляли огнем; их плоть протыкали раскаленным железом; им вырезали языки; или их бросали на съедение голодным и разъяренным собакам.

В это время по всему полуострову казалось, что разрозненные остатки мусульманской власти вот-вот уступят христианскому господству. Престиж королевства Кастилия под руководством ловкого и доблестного монарха с каждым днем возрастал. Толедо пал. Сарагоса была осаждена мощной армией. Кастильцы укрепились во многих пунктах в самом сердце вражеской страны. Княжество Альмерия постоянно подвергалось нападениям грабительской банды, захватившей город Аledo. В Валенсии практически доминировали подданные Альфонсо. Христиане Гранады регулярно общались со своими братьями, проживавшими в соседних королевствах, и в результате этих контактов небольшой отряд отважных кавалеристов проник в точку в нескольких милях от этого города. Доблесть христианского рыцаря внушала такой страх, что само его появление могло обратить в бегство десятки мусульман. В этот переходный век между историческими достижениями халифата и военными подвигами, которыми отличалось завоевание Гранады, верность и мужество мавров были всего лишь воспоминанием. Конечная судьба испано-арабских государств Испании — судьба, которая подразумевала разрушение и порабощение, — была очевидна и неизбежна. Самое удачливое из них больше не могло сохранять хотя бы номинальную и двусмысленную независимость. Самые надменные из их князей были простыми вассалами, чьи владения находились в руках произвольного и ненадежного землевладения. У этих взаимно завистливых и дезорганизованных сообществ больше не было возможности ни для согласованных действий, ни для успешного индивидуального взаимодействия. К северу от Сьерра-Морены, к югу от Гибралтарского пролива, две великие державы, равные по доблести, разные по национальности,

антагонистические по религии, одинаково движимые неистовыми страстями фанатизма и алчности, быстро сходились к общему центру — улыбчивым равнинам Андалусии. Больше не было вопроса о том, будут ли разрушенные остатки халифата эдрисайтами, рабами или амридитами. Теперь предстояло сделать выбор между двумя хозяевами, и нужно было как можно скорее решить, станет ли Испания берберской или кастильской.

Чрезвычайная ситуация не терпела отлагательств. Она была настолько неотложной, что всерьез обсуждалась национальная и всеобщая эмиграция. Любое зло считалось предпочтительнее преследований и бесчинств христианских солдат. Со времени оккупации Толедо военные операции Альфонсо приобрели более широкий и зловеющий характер. Его ресурсы были существенно увеличены. Его армия почти удвоилась за счет иностранных наемников и авантюристов, которые стекались под его знамена. Его высокомерие росло прямо пропорционально его территориальным приобретениям. Он принял титул императора, который не имел под собой никаких оснований, кроме его собственного непомерного тщеславия. Он принял высокопарное прозвище "Повелитель людей двух религий", абсурдность которого была тем более очевидна, что его ортодоксальность подвергалась серьезному сомнению, а его нетерпимость к догмам Мухаммеда пользовалась дурной славой и вошла в поговорку. Он всегда не скрывал своего намерения передать мавританские провинции полуострова под кастильский скипетр, как только будут завершены его военные приготовления.

Чтобы понять ход последующих событий, теперь необходимо обратиться к Африканскому континенту, где зловеющая политическая и религиозная революция стерла границы великих наций и изменила лицо и условия жизни общества.

В пустыне Сахара, к югу от древней Нумидии, с незапамятных времен существовала раса воинов-кочевников, которые вели сомнительную генеалогию от жителей Йемена в Аравии. Западная часть пустыни была населена ламтунами, подразделением этой расы, связанным узами племенной связи и близости с санхаджа, которые со времен завоевания Мусы играли видную роль в войнах и мятежах в Аль-Магрибе и Испании. Ламтуны, как и их сородичи, принадлежали к берберскому народу и вели примитивный образ жизни скотовода. В дополнение к своим стадам они содержали большое количество страусов и верблюдов, которые составляли основную часть их движимого имущества. Их пищей были верблюжье мясо и молоко; бесплодные пески пустыни не способствовали развитию сельского хозяйства, и племена Сахары были совершенно незнакомы с культурой и умением пользоваться продуктами почвы. Уединенность их страны, в которую редко проникали торговцы, которые могли найти среди такого нецивилизованного народа мало предметов обмена, держала их в неведении о самых обычных предметах жизни; о ее роскоши они не имели ни малейшего представления; и когда, через редкие промежутки времени, буханка хлеба попадала в их руки через посредство какого-нибудь щедрого путешественника, это расценивалось как большая диковинка. Эти кочевники отличались как по умственным, так и по физическим характеристикам от своих соседей. Они были более свирепыми, более надменными, более храбрыми. Их религия была идолопоклоннической, слегка приправленной фальшивым и коррумпированным исламизмом; ибо, хотя основные принципы мусульманской веры были знакомы даже самым умным, основная масса населения знала мало и еще меньше заботилась о миссии и заветах Пророка из Мекки. Ламтуны были высокими и красивыми, мужчины являли собой образцы силы и стройности, в то время как женщины обладали необычным очарованием личности и манер. Смуглый цвет лица, обычно ассоциируемый с жителями Африки, отсутствовал у берберов Сахары, чья кожа там, где

она не подвергалась воздействию палящих лучей солнца, была такой же белой, как у любого европейца. Их одежда была из синего хлопка в полоску или из дубленой шкуры антилопы. Ужасный и таинственный вид придавался их лицам благодаря обычаю прикрывать их ниже глаз свисающей тканью, которая, подобно вуали, защищала черты лица и дыхание владельца от жары и песчаных бурь пустыни. Их сандалии были из черной кожи, прикрепленные к ноге алыми застегками, причудливо расшитыми золотом. Из их оружия, идентичного тому, которое так эффективно использовали нумидийские всадники Саллюстия, чаще всего использовались копье и дротик; ятаган и кинжал были приберегаемы на крайний случай рукопашной схватки. Храбрость этих варваров вошла в поговорку с глубокой древности; ни один завоеватель никогда всерьез не пытался их покорить; они бросили вызов могуществу Карфагена, отразили беспорядочные атаки арабов и с непреклонной решимостью противостояли оружию и дисциплине римских легионов под командованием как консулов, так и императоров.

Некий вождь Яхья Ибн Ибрагим, принадлежавший к племени джидала, подразделению ламтуна, и ревностный, но невежественный мусульманин, совершил, руководствуясь мотивами любопытства и набожности, около 1036 года паломничество в Святые города Аравии, предписанное его секте, но редкое среди его соотечественников. Простой паломник, которому мир за пределами ограниченной области Пустыни даже по слухам был совершенно неизвестен, был поражен и восхищен открытиями и опытом цивилизованной жизни. По возвращении он посещал лекции образованного и прославленного богослова по имени Абу-Амрам, чье красноречие ежедневно привлекало большую аудиторию во дворе главной мечети Кайрана. Восхищенное внимание нового ученика пробудило любопытство лектора; он поинтересовался национальностью, сектой и племенем внимательного слушателя и с удивлением и сожалением узнал о религиозном невежестве соотечественников последнего, чья доверчивость и благоприятный настрой, с другой стороны, казалось, обещали легкое и прочное обращение. Вдохновленный горячим рвением новообращенного, Яхья попросил своего учителя, чтобы один из его последователей был выбран для сопровождения его, чтобы разъяснять отсталым племенам Сахары доктрины и обязанности ислама. Предложение было внесено в ассамблею; но опасности путешествия и неопределенность его исхода заставили колебаться даже самых ревностных; в то время как преувеличенная свирепость берберов, которым в народе приписывались самые возмутительные жестокости, заставила студентов Кайроана уклониться от знакомства со страданиями и славой добровольного мученичества. Но в отдаленной провинции Сус-аль-Акса, куда Яхья отправился по указанию Абу-Амрама, был найден миссионер, который выразил готовность проникнуть в неизвестный регион, рискуя свободой и жизнью, и бросить вызов предрассудкам расы дикарей ради распространения священных наставлений Корана. Звали этого фанатика Абдаллах Ибн Яхсим. Обладая большой эрудицией, красноречивым оратором, опытным полемистом, он был во всех отношениях превосходно подготовлен для взятой на себя задачи. Его знакомство с различными диалектами берберского языка и знание человеческой натуры, приобретенное во время путешествий по многим странам, в сочетании с изящным обращением и обаятельными манерами сразу же привлекли к нему внимание и уважение его новых коллег. Его речи слушали со смешанным чувством любопытства и благоговения. Число его учеников умножалось тысячами. Самые влиятельные вожди были очарованы его красноречием, и слава о совершенном посланнике ислама вскоре распространилась от Средиземноморья и Атлантики до самых отдаленных пределов Пустыни. Его призвание и поразительный успех, с которым оно преследовалось среди людей, от природы легковерных, вскоре наделили его таинственными и сверхъестественными качествами; тесная

связь божественного вдохновения и королевской власти, всегда существовавшая в умах кочевников Африки и Азии, подняла его еще выше в глазах общественности; в то время как добровольная верность племенных сановников и фанатичная преданность множества прозелитов возвестили об основании новой духовной и светской империи.

В данных обстоятельствах пример его Пророка не мог не внушить уму реформатора самые лестные мечты о честолубии. Используя все возможные способы политической изобретательности, он усилил свою хватку среди мириад суеверных людей, которые уже обожали его. Его суровый аскетизм назидал набожных. Простота его одежды, незатейливый стол и размеренность привычек служили эффективной маскировкой высоких устремлений, которые он втайне лелеял. Он смело взял на себя рискованную власть назначать шейхов различных племен - должность, которая до сих пор была выборной и ревностно охранялась варварами как важнейший признак и гарантия независимости. Он возбуждал алчность и фанатизм своих слушателей, перечисляя добычу, которую можно получить от неверных, представляя достоинства непрекращающейся войны и описывая, со всеми прикрасами восточной гиперболы, чувственные удовольствия мусульманского рая. Наконец желаемая консолидация племен Пустыни была завершена. Знаменательный союз безоговорочной веры и безоговорочного повиновения был заключен; и на протяжении сотен лет по всей Сахаре полчища грозных и пылких воинов нетерпеливо ожидали сигнала к действию. Их число было огромным. Их фанатизм был слепым, яростным, непреодолимым. Их сила и ловкость были настолько велики, что для одного из них было пустяковым подвигом полностью пронзить лошадь копьем или пригвоздить своего всадника к седлу одним ударом ятагана. С такими мощными вспомогательными силами завоевать целый мир было вполне возможно.

Жители Атласа были первыми, кто ощутил на себе мощь недавно организованной империи. Храбрость этих горцев и естественная защита их страны позволили им дать отпор кавалерии Мусы, и этот искусный полководец был вынужден мириться с самонадеянностью расы, которую опыт военачальников на протяжении веков объявлял непобедимой. Но горные племена не смогли сохранить свою заслуженную репутацию в глазах последователей Абдаллаха. Они были изгнаны с равнин. Их убежища были захвачены, и в крепости, которые до сих пор считались неприступными, проникли кишащие легионы Пустыни. Их стада были унесены. Их семьи были обращены в рабство. В конце концов, сломленные духом, они признали божественную миссию реформатора; с суеверным и ничего не значащим почтением повторили формулу мусульманского вероучения; с кроткой покорностью признали политическое превосходство ламтуна и внесли значительный вклад в пополнение и без того грозной армии завоевателя.

Абдалла недолго наслаждался существенными плодами своих побед. Он был убит в перестрелке через двадцать два года после начала своей общественной карьеры миссионера, и управление страной и судьба берберской нации перешли к Абу-Бекру Ибн Омару, эмиру Ламтуны, назначение которого было продиктовано авторитетом самого Абдаллы. Абу-Бекр, хотя и не стремился к божественному характеру, принятому его предшественником, тем не менее был менее удачлив в осуществлении своих завоевательных замыслов. Он вторгся и подчинил себе древнее королевство эдриситов и включил его в состав своих обширных владений. Он занял, в свою очередь, столицы Феса и Мекинеса и, недовольный их окружением или жаждущий отличий в новой области, начал строительство города Марокко в качестве резиденции основанной им династии. Неожиданно вызванный к границам Пустыни для подавления восстания, он оставил управление империей в руках своего двоюродного брата

Юсуфа Ибн Ташфина. Этот вождь, которому суждено было прославиться как освободителю и завоевателю Испании, уже достиг среднего возраста. Его внешность была приятной, манеры обворожительными, а репутация доблестного и способного человека - непревзойденной. Он постоянно практиковал, без усилий и показухи, воздержанные привычки своих кочевых предков. Набожные и неимущие с благодарностью принимали частые проявления его милосердия и великодушия. На том высоком посту, который обеспечили ему его происхождение и таланты, он всегда действовал как мудрый и разборчивый правитель. Однако его характер был омрачен множеством унижительных пороков, и под маской политического аскета он скрывал зловещие замыслы расчетливого и беспринципного честолюбца. Открывшаяся ему возможность для личного продвижения в высшей степени соответствовала темным и вероломным принципам политики, которые регулировали его поведение. Разумными жертвованиями он добился расположения армии и заручился ее благосклонностью. Население получило глубокое наставление при виде того, как их принц ежедневно, подобно простому рабочему, трудился над мечетью растущей столицы. Слава нового города, размах его планировки, быстрота строительства, великолепие его зданий, обилие его вод, красота его садов привлекли многочисленное и предприимчивое население со всех концов Северной Африки. На господствующей возвышенности на северной оконечности стояли дворец и цитадель, укрепленные по всему искусству иностранных инженеров. Затянувшееся отсутствие Абу-Бекра постепенно стерло память о его правах из умов людей, которым его личность была незнакома; и его авторитет вскоре был подорван растущей популярностью и влиянием амбициозного подчиненного, стремившегося к абсолютной независимости. Не удовлетворившись лишением трона своего двоюродного брата, Юсуф даже присвоил себе его любимую жену; и прекрасная Зейнаб, женщина больших талантов и красоты, не отказавшаяся обменять пренебрежение отсутствующего лорда на немедленную перспективу любви и империи, без вздоха перешла в гарем дерзкого узурпатора. Сознывая жизненную важность сохранения привязанности своих последователей, Юсуф щедро одаривал их самыми дорогими одеждами, лошадьми и доспехами; его телохранители, в равной степени состоявшие из христианских пленников и негритянских рабов, блистая шелками и драгоценностями, ежедневно упражнялись в быстрых и сбивающих с толку маневрах, характерных для кавалерии пустыни; и менее чем через год после ухода Абу-Бекра сто тысяч воинов, движимых слепым фанатизмом и почитавших своего предводителя почти как божество, были готовы по первому сигналу отреагировать на его призыв к оружию.

Наконец, спустя много месяцев, Абу-Бекр вернулся в свою столицу. Задолго до того, как он добрался туда, его ушей достигли слухи о тихой революции, которая фактически лишила его супруги и короны. Удовлетворение, которое он получил от триумфального завершения экспедиции, нежные предвкушения, которые он лелеял, радостных возгласов своих подданных и нежных объятий своей жены были омрачены печальными и мрачными предчувствиями. Он с удивлением услышал о невероятном росте и богатстве города, который он так недавно основал. Его доверчивость была подорвана чудесными рассказами о его особняках и пригородах; об огромных доходах, собираемых и расходуемых императорской казной; о великолепии двора; о численности и снаряжении армии. Вскоре эмиссары Юсуфа тайно проникли в его лагерь. Его солдаты были развращены богатыми взятками и обещаниями добычи или продвижения по службе, и, когда их лояльность однажды поколебалась, они с нетерпением ждали сигнала к дезертирству или мятежу. Эти интриги и их неизбежная тенденция не могли быть скрыты от несчастного Абу-Бекра. Понимая, что сопротивление или упреки будут стоить ему жизни, он

мудро решил скрыть свои чувства и смириться со своей судьбой. Публично и торжественно отрекшись от престола, он отказался от своих прав в пользу Юсуфа и, с разбитым сердцем, удалился с несколькими верными последователями в уединение пустыни. Титул нового султана Африки был, таким образом, подтвержден всеми необходимыми условиями унаследованного престижа и юридической власти, и он продолжал увеличивать площадь своих и без того огромных владений. Далекий от того, чтобы быть удовлетворенным ростом своей империи, он едва сел на трон, как начал обдумывать вторжение на испанский полуостров. Пример Тарика, деморализованное состояние его единоверцев по ту сторону пролива, угрожающее отношение христианских держав, перспектива политического возвышения, надежда на военное отличие, заслуга в защите веры, самым выдающимся представителем которой он теперь был, — все эти соображения, а также другие, гораздо менее похвальные, побуждали энергичного Юсуфа к более славной карьере. В качестве прелюдии к будущим операциям он взял штурмом города Танжер и Сеута, отремонтировал или перестроил их укрепления, соорудил в их стенах большие склады и арсеналы и разместил в них гарнизоны из большого числа ветеранов, испытавших мужество и верность. Его владения теперь простирались от восточной границы Туниса до Атлантики, от Средиземного моря до пылающих регионов Сенегала. Ни один африканский правитель никогда прежде не обладал такой огромной властью. Ни один мусульманский князь никогда не осуществлял юрисдикцию над столь обширной территорией. По площади и населению он значительно превосходил могущественное господство Карфагена, уступая только в цивилизации и интеллекте. Таков был правитель и такова была империя, к мощной помощи которой собирались прибегнуть бедствующие мусульмане Андалусии.

Только после долгих раздумий испано-арабские принцы решились прибегнуть к отчаянному средству - обратиться к Юсуфу. Имамы и другие церковные авторитеты с самого начала настаивали на этом шаге, предвидя, что его принятие повысит их профессиональную значимость и, возможно, усилит их политическую власть. Но монархи, которые больше заботились о владении своими тронами, какими бы ненадежными они ни были, чем о преобразовании своей веры или возвышении ее служителей, не желали допускать в свои владения завоевателя, окрыленного победой и поддерживаемого несметными сокровищами и неисчислимыми ордами Северной и Центральной Африки. Но, к несчастью, другой альтернативы не оставалось. Слухи о грандиозных приготовлениях Альфонсо множились день ото дня, и, наконец, вопрос был решен Мотамидом, который решительно заявил, когда его придворные заговорили об опасности приглашения берберов: “Если на то будет воля Аллаха, чтобы я лишился своего королевства и стал рабом иностранца, я предпочел бы быть погонщиком верблюдов в Африке, чем свинопасом в Кастилии”.

Преобладающее влияние сеньора Севильи преодолело нерешительность других мавританских князей, и кади Гранады, Бадахоса и Кордовы, должным образом уполномоченные действовать в качестве послов при визире Мотамиде, отправились ко двору Юсуфа. Это предприятие соответствовало честолюбивым планам африканского султана, но он настаивал на передаче острова Альхезирас в качестве неременного условия союза. Посланники, не имевшие ни полномочий, ни желания предоставить это, оставались в подвешенном состоянии до тех пор, пока влияние его религиозных советников, которые имели исключительное влияние на разум Юсуфа, не убедило его захватить остров, если ему будет отказано во владении им. Сотня судов внезапно отплыла из Сеуты, и большие силы высадились в Альхезирасе. Генерал африканской армии безапелляционно потребовал владения этим местом; губернатор отказался подчиниться; и военные действия были предотвращены только своевременным приказом из Севильи,

требующим эвакуации города мавританским командующим. Вскоре прибыл Юсуф со своей охраной; цитадель была приведена в наилучшее возможное состояние для обороны; склады были пополнены; и были приняты все меры для укрепления и сохранения крепости, столь необходимой для обеспечения подкреплений или для защиты отступления армии вторжения. Под таким зловещим покровительством Альморавиды, или Носящие Паранджу, впервые ступили на территорию Испании. Оккупация Альхезираса, признанная как маврами, так и берберами постоянной и эквивалентная практической передаче ключа Андалусии иностранному правительству, предвещала даже самому неосторожному наблюдателю скорый распад сарацинской державы.

Юсуф был принят Мотамидом близ Севильи с почестями, подобающими его высокому положению; и казна последнего была почти истощена великолепными подарками, которыми он пытался умиловить расположение и обеспечить привязанность своего опасного союзника. Его щедрость была такова, что каждый солдат альморавидской армии получил подарок, что, учитывая слабость правительства и преувеличенное представление о его ресурсах, было, мягко говоря, крайне невежливо.

Правители различных штатов Андалусии предоставили все войска, какие только можно было выделить из их небольших и плохо укомплектованных армий, и силы союзников, насчитывавшие почти двадцать тысяч человек, двинулись на север в поисках врага. Тем временем король Кастилии не бездействовал. Осада Сарагосы, которая в течение нескольких месяцев привлекала его внимание и поглощала энергию его нетерпеливых сторонников, была спешно начата. Каждому вассалу был разослан приказ отправляться со своими вассалами на назначенное место встречи. Религиозные эмиссары призывали отважных пиренейских крестьян подражать славному примеру своих предков, которые сохранили, несмотря на самые обескураживающие обстоятельства, свою национальную веру и свои политические свободы. Внушительный отряд французских кавалеристов, которых перспектива добычи и любовь к приключениям привлекли под кастильские знамена, своей численностью и доблестью существенно укрепил уверенность и энтузиазм христиан. На равнине Заллака, в провинции Бадахос, вражеские силы были выстроены в угрожающий порядок. Благочестивые предрассудки короля-католика были оскорблены властным призывом Юсуфа отречься от своей веры или отдать дань уважения представителю ислама. На это грозное послание был дан пространственный ответ, выдержанный в высокопарном стиле той эпохи и заканчивающийся выражением вызова; армии расположились лагерем на виду друг у друга; и, в соответствии с практикой тех рыцарских времен, день битвы был назначен по обоюдному согласию. Посланцы Альфонсо предложили назначить второй день после этой даты - субботу; ничего не подозревавшие африканцы одобрили этот выбор; но проницательность опытных офицеров Мотамида обнаружила в этом правдоподобном соглашении признаки глубоко продуманной и опасной стратегии. Андалузцы, составлявшие авангард, были в таком случае наиболее подвержены неожиданности, и судьба всей армии фактически зависела от их бдительности. Не было упущено из виду ни одной меры предосторожности. Часовых было удвоено. Патрули совершали частые обходы вдоль линий. Солдатам было рекомендовано спать на руках. Были посланы разведывательные группы, чтобы сообщать о малейших признаках необычной активности в лагере противника. Не без причины мусульманскую армию охватило всеобщее чувство тревоги. От исхода надвигающегося конфликта зависело все, что было дорого воинам ислама, — их состояние, их свободы, их жизни и их религия. Перспектива была далеко не обнадеживающей. У врага было преимущество в численности, в организации, в дисциплине. Их

силы, всего шестьдесят тысяч человек, превосходили силы мусульман в подавляющем соотношении три к одному. Кастильцы превосходили его в силе своих лошадей, в характере своего оружия, в весе и характере своих доспехов. Среди них выделялись французские рыцари, полностью закованные в сверкающую сталь. Христиане были, как один человек, воинами, испытанными во многих кровавых схватках; они были воодушевлены общей целью и повиновались единому командиру; и они считали предприятие, в которое они вступили, особо благоприятным для Небес. Их рвение ежедневно подогревалось выдающимися прелатами, чье присутствие придавало дополнительную святость крестовому походу, номинально ведущемуся во славу и распространение Веры. Накануне битвы эти церковные советники во всем великолепии полных канонических обрядов обращались с речью к рядам солдат; и нередко их можно было встретить, подобно членам древней вестготской иерархии, сражающимися плотским оружием в пылу и опасности смертельного конфликта, где их слова сочувствия приносили умирающим спокойствие и надежду, а их освященные руки совершали, с присущим им впечатляющим церемониалом, последние торжественные церковные обряды за упокой усопших. Несмотря на слабость веры, характерную для профессии военного и особенно заметную в умах солдат удачи, увещевания и труды испанского духовенства сыграли немалую роль в отвоевании. Независимо от того, насколько скептически кастильский принц мог относиться к неудобным пунктам доктрины, — а в ту эпоху мало кто был искренне набожен, — они редко пренебрегали скрупулезным соблюдением церковного ритуала и, что было еще более необходимо в глазах духовенства, постоянной и щедрой поддержкой его служителей.

С другой стороны, среди мусульман было гораздо меньше того единства и уверенности, которые так способствуют уверенности и легкости победы. Андалузские генералы не доверяли своим войскам; монархи подозревали друг друга. Ни для кого не было секретом, что общественное мнение было враждебно настроено по отношению к призыву африканцев и что их присутствие было лишь последним средством в отчаянной чрезвычайной ситуации. Испанские арабы считали берберов скорее незваными гостями, чем союзниками, в то время как бесстрашные воины Пустыни с презрением смотрели на изнеженных солдат, не искушенных в оружии, одетых в шелковые одежды, которые раньше носили женщины, которые были недостаточно сильны, чтобы вынести тяготы обычной кампании, чья храбрость вызвала сомнения, и которые давно продемонстрировали свою неспособность хотя бы частично восстановить престиж или защитить остатки некогда великолепной империи. Дерзкий захват Альхезираса вызвал самые тревожные опасения относительно конечных замыслов Юсуфа. Честолюбие этого принца было известно в каждом городе Испании. Мавританские торговцы и шпионы приносили от марокканского двора отчеты об угрозе вторжения, описания крепостей, оборудованных для прикрытия возможного отступления, таинственные намеки на предполагаемую гигантскую испано-африканскую монархию. Каждый андалузец, глядя на смуглые и свирепые легионы захватчика, с ужасом думал о том, что даже тогда он мог, увеличивая мощь своих союзников, косвенно способствовать порабощению своей страны и самого себя.

Никто не был взволнован больше, чем Мотамид. Используя все приемы, известные тому суеверному веку, он пытался прочесть знаки будущего и с помощью средств, решительно осуждаемых его религией как идолопоклоннические, выяснить непостижимую волю Бога. Его слуги тщательно отмечали каждое таинственное предзнаменование. Придворные астрологи

были заняты с помощью гномона и астролябии, наблюдая за положением планет и благоприятными или неблагоприятными признаками на небесах.

Перед рассветом двадцать третьего октября 1086 года до мусульманского лагеря дошла весть о том, что враг пришел в движение. Подозрения офицеров Мотамида подтвердились, и назначение дня для сражения было всего лишь уловкой, призванной облегчить внезапность. Положение андалузцев было критическим. Их лагерь не был укреплен. Их малочисленность и отсутствие дисциплины сделали их плохо подготовленными к отражению атаки всей христианской армии. К Юсуфу, представляющему опасность, отправляли гонца за гонцом. Но берберский вождь, хотя его войска были вооружены, все еще бездействовал. У него созрел план, в успехе которого он был уверен, и теперь он только ждал благоприятной возможности для его осуществления. Нисколько не заботясь о своих союзниках, чьи саркастические намеки на интеллектуальную неполноценность и грубые манеры его расы усугубили предубеждение, уже существовавшее между двумя нациями, он не мог не желать, чтобы они обнажили свою слабость, тщетно умоляя о помощи тех, кого они неоднократно оскорбляли. С первым потрясением битвы андалузцы пришли в беспорядок, и все, за исключением солдат Мотамида, которые вскоре были окружены и подавлены численностью, позорно бежали с поля боя. Принц Севильский и его сторонники, хотя и оказались в столь невыгодном положении, с непоколебимой твердостью выдержали яростный натиск христианского воинства. Сам Мотамид благородно искупил в тот славный день запятнанную репутацию своего дома и подражал подвигам древних героев халифата, проявив чудеса доблести. Он искал смерти и мученичества в самой гуще боя. Он был дважды ранен, и под ним были убиты три лошади. Его доспехи были разбиты, с его меча капала кровь врагов, а груда трупов, лежавшая перед ним, свидетельствовала о силе его рук и бесстрашной решимости его духа. Наконец прибыло большое подкрепление из африканцев, и вызванный ими отвлекающий маневр позволил андалузцам на мгновение передохнуть. Тем временем хитрый Юсуф, которому покровительствовали преградившие путь горы, зашел в тыл армии Альфонсо и внезапно обрушился, как лавина, на лагерь христиан. Окруженная тысячами свирепых воинов, стража была мгновенно изрублена на куски. Палатки были подожжены, и кастильцы с изумлением и тревогой наблюдали за пожаром в их лагере и разграблением их снаряжения. Начинало светать, когда силы мусульман ударили им в тыл. Станный вид, запах и нестройные крики верблюдов, которых в берберской армии были сотни, напугали лошадей христиан и привели их в замешательство. Дивизия Мотамида, теперь перешедшая в наступление, — ибо неожиданный маневр африканцев изменил направление сражения, — воодушевленная надеждой на победу, удвоила свои усилия. Таким образом, застигнутое врасплох, окруженное узким кольцом и атакованное с противоположных сторон, численное превосходство христиан было скорее серьезным препятствием, чем преимуществом. Их ряды, беспорядочные из-за верблюдов, попятись друг к другу; теснота их строя препятствовала эффективным действиям; и те, кто был уязвим для сабель берберских всадников, не могли ни отступить, ни защититься. В длинной череде кровопролитных сражений, которыми был отмечен ход Реконкисты, ни одно из них не было более упорным, чем битва при Заллаке. Снова и снова мусульманская позиция была занята и проиграна. Гордость и доблесть кастильцев с решительным упорством боролись на поле боя, которое несколько часов назад они считали уже выигранным. Возвращение беглых андалузцев, доблесть солдат Мотамида и атака гвардейцев Юсуфа решили сомнительную судьбу дня. Колебание христианской армии вскоре превратилось в разгром, а разгром — в резню. Разъяренные африканцы, непривычные к обычаям цивилизованной войны, не давали

пощады своим убегающим и беспомощным врагам. Погиб цвет кастильской знати. Общие потери христиан составили более двадцати тысяч человек. Пехота была рассеяна, и Альфонсо, опасно раненному кинжалом одного из охранников Юсуфа, удалось спастись бегством всего с пятьюстами приверженцами. Только наступление темноты предотвратило полное уничтожение христианской армии.

Битва при Заллаке не принесла тех выгодных и важных результатов для мусульманского дела, на которые, естественно, указывал бы ее решающий характер. Чрезмерная жадность и халатность чиновников позволили сбежать раненому монарху, поимка которого была бы достойным завершением такой победы. Неуклюжие лошади христианских рыцарей не могли сравниться ни в скорости, ни в выносливости с быстрыми скакунами Пустыни. Состояние и отъезд Альфонсо и его эскорта — никто из которых не остался невредимым — были замечены, однако разграбление павших и богатая добыча в лагере привлекали берберских солдат больше, чем захват пленника, выкуп за которого мог стоить целого королевства. Призыв к молитве на поле битвы был произнесен муэдзином с возвышения, образованного головами тысяч убитых христиан.

На следующий день после битвы Юсуф, который отдал свою долю добычи своим мавританским союзникам, получил известие о смерти своего сына в Сеуте, и, поскольку его миссия на данный момент выполнена и безопасность его союзников обеспечена, он вернулся в свои владения, оставив сильный отряд опытных войск под командованием принца Севильского.

Когда опасность, угрожавшая мавританским владениям на севере, была устранена, Мотамид, воодушевленный отличием, которого он добился в битве при Заллаке, решил попытаться изгнать христиан из Восточной Испании. Это, как он хорошо понимал, оказалось нелегким делом. Провинции Валенсия и Мурсия в то время контролировались самыми грозными бандами наемников, авантюристов и преступников в Европе. Главной резиденцией этого военного бандитизма был Аледо, крепость, занимавшая вершину изолированной горы, и чья защита, естественная и искусственная, как предполагалось, была защищена от высочайшего мастерства средневекового инженера. Здесь без разбора рассказывалось о кощунственном разграблении мечетей и церквей, о с трудом заработанном имуществе земледельцев, о поработанных крестьянах валенсийских и мурсианских деревень и о прекрасных пленницах Андалусии. Разбойники, проживавшие в этой крепости, служили под началом кастильских офицеров и номинально были христианами, но их верность как вероисповеданию, так и короне была ненадежной; лишенные веры или лояльности, они состояли из отбросов всех наций, и даже многие мусульмане-отступники были зачислены в их ряды. Гарнизон Аледо мог насчитывать тринадцать тысяч бойцов.

Победа при Заллаке, последствия которой не были постоянными даже в регионе, где она была одержана, никоим образом не затронула отдаленные провинции Восточной Испании. Мавританское население с каждым днем все больше и больше подвергалось набегам и принудительным контрибуциям; численность жителей наиболее плодородных районов сильно уменьшилась в результате насилия и бегства; и было очевидно, что вскоре слабые остатки трудолюбивой расы, превратившей эту часть полуострова в рай, должны быть либо поработаны, либо истреблены разбойниками Валенсии и Аледо.

Мотамид, чье благородное намерение отомстить за раны, нанесенные арабам восточных княжеств, было еще более оправдано тем фактом, что и Лорка, и Мурсия были обязаны ему верностью — один по праву наследования, другой по праву добровольного подчинения — и,

следовательно, могли требовать его защиты, собрав свою армию, в которую входили альморавиды, которых Юсуф отдал под свое командование, начал свой поход на Мурсию.

Но экспедиция, начатая с чрезмерной самонадеянности и тщеславного хвастовства успехом, закончилась позором и провалом. Предсказания, объявленные астрологами благоприятными, оказались обманчивыми. В первом столкновении с христианами три тысячи сеvilских солдат были изрублены на куски одной десятой от этого числа врагов. Вторжение в Мурсию не принесло ничего выгодного. Берберы Юсуфа, устыдившись малодушия своих союзников, сочувствовали своим противникам; о замыслах Мотамида регулярно сообщали вражеским чиновникам, и принц Севильи, встревоженный мятежными криками своих сторонников, с отвращением отказался от этого предприятия.

Теперь было очевидно, что христианская власть прочно утвердилась на Востоке и что без посторонней помощи мусульманские ресурсы были неспособны свергнуть ее. Все взоры снова обратились к марокканскому двору, и эмиссары городов, пострадавших от проклятия христианского разбоя, неоднократно обращались с просьбами о вмешательстве к грозному султану Африки. Последний, однако, вежливо принимая эти петиции, ожидал действий кого-нибудь из высокопоставленных лиц. В конце концов увещевания факи, которые с ужасом наблюдали за вторжениями неверных и вытекающей из этого опасностью для их ордена, убедили самого Мотамида занять пост представителя религиозных и политических интересов отчаявшихся мусульман Испании. Юсуф приветствовал королевского посла со всеми знаками уважения; он пообещал немедленно выполнить его просьбу; и, завершив приготовления, он снова появился в Андалусии во главе хорошо оснащенной армии.

Была начата осада Аledo, но, поскольку это место было неприступно для эскалады, было сочтено необходимым ослабить ее осадой, задержка которой не могла не нанести ущерба союзникам, нетерпимым к дисциплине и непривычным к монотонной и бездеятельной рутине лагеря. Действуя по указанию своих хозяев, сторонники Юсуфа, которых было много среди испанских мусульман, всеми средствами интриги содействовали достижению целей честолюбивого султана. Его последователи, особенно после его победы над неверными, были огромны по численности и влиянию. Огромная часть нации, обложенная налогами и переоформляемая, попеременно подвергавшаяся набегам христиан и отнимавшаяся у сборщиков податей, угнетенная произвольными поборами, вторгшаяся в их частную жизнь, оскорбленная, поработенная их семьями, их дети, уничтоженная собственность, были готовы в полном отчаянии приветствовать любые перемены как благословение. Правительство, за поддержание которого они так дорого платили, ни на один час не смогло защитить их от произвола. В дополнение к этому многочисленному отряду сторонников, Юсуф мог рассчитывать на поддержку кади, муфтиев, факиев и имамов — всех подчиненных чиновников правительства, всех духовных наставников народа. Эти два класса относились к невежественному и фанатичному султану почти как к мусульманскому святому. Особенно священнослужители, чьи материальные интересы были поставлены на карту в надвигающейся борьбе между мусульманской тиранией и преследованиями христиан, были одними из самых ярых сторонников смены династии. Их восхищение было вознаграждено и отчасти создано внимательным почтением, с которым Юсуф выслушивал их увещевания и перенимал их советы. С другой стороны, были философы и поэты, научные и литературные сообщества различных столиц, все еще воодушевленные интеллектуальными принципами, которые долгое время были предметом гордости и славы халифата. Как правило, лорды различных княжеств были тогда и

оставались, почти без исключения, щедрыми покровителями литературных гениев. Суды Севильи, Малаги, Альмерии, Мурсии и Толедо вдохновлялись примером своего некогда знаменитого прототипа Кордовы. Свободе мнений потворствовали без ограничений. Непоследовательность и пороки теологов были выставлены на публичное осмеяние поэтами-сатириками под аплодисменты сочувствующей и восхищенной аудитории. Атеистические доктрины, поддерживаемые философами со всеми ресурсами учености и красноречия, вызывали скандал и отвращение ортодоксальных и фанатичных верующих. Утонченные андалузцы безжалостно высмеивали грубые ошибки и неграмотность Юсуфа. Он не мог свободно изъясняться по-арабски; более того, он едва был знаком с зачатками этого языка. Сравнений и риторических красот поэтической речи он не мог ни понять, ни насладиться. Как и большинство необразованных людей, он был глубоко суеверен, и этим недостатком не замедлили бы воспользоваться его религиозные советники, если бы их ожидания оправдались. В его глазах мнения факи были пророческими; и продвижение этой касты к практическому контролю правительства не предвещало ничего хорошего фаворитам королевской семьи, чьи презрительные речи терзали умы объектов их сарказма и презрения. Большая группа респектабельных граждан — купцов, фермеров, ремесленников — объединилась с философами и остряками в противостоянии установлению африканской династии. Задолго до падения халифата — катастрофы, не без оснований приписываемой берберскому вмешательству, — это название было термином, вызывающим порицание. Дикие наемники из-за пролива неоднократно разграбляли столицу; разрушили великолепные города Медина-аз-Захра и Захира; посеяли запустение во всех провинциях Андалусии; навсегда стерли с лица земли гордые свидетельства цивилизации, которая веками была славой Европы. Серия катастрофических гражданских войн была следствием попыток этих одиозных иностранцев установить за счет законных владельцев полуострова досадную и невыносимую тиранию. Таковы были враждующие группировки, чьи махинации осуществлялись перед лицом врага у стен Аledo.

Но одно-единственное соображение на время сдержало порывы Юсуфа. Перед своей первой экспедицией он торжественно поклялся, что не предпримет никаких попыток нанести ущерб своим союзникам. От этого обязательства самый доверенный из его духовных наставников с бесстыдством, которое сделало бы честь иезуиту, теперь пообещал освободить его. Преобладающие аргументы их казуистики были основаны на необходимости защиты трансцендентных интересов религии, которым серьезно угрожало неорганизованное состояние всей страны. Сомнения Юсуфа, однако, не были полностью устранены этими представлениями, и, пока он все еще колебался, распри андалузских принцев отвлекли его внимание от захватывающих проектов личных амбиций. Мотасим, берберский правитель Альмерии, в течение многих лет был в дружеских отношениях с Мотамидом. До него донесли о нескромном замечании последнего, касавшемся султана; оно дошло до Мотасима, и взаимные обвинения соперников нарушили спокойствие в лагере. Притязания Севильи на сюзеренитет Мурсии были еще одним источником разногласий, которые в конечном итоге привели к дезертирству жителей этого королевства и сохранению припасов, жизненно необходимых для существования осаждающих. Разногласия между его союзниками, неблагоприятное время года, нехватка провизии и информация о приближении армии христиан побудили Юсуфа снять осаду. Потери в результате войны и голода значительно сократили гарнизон Аledo за те четыре месяца, что это место было захвачено. Стены были ослаблены военными машинами, и решительные усилия со стороны осаждающих легко взяли бы их штурмом. Альфонсо, сочтя

цитадель неприступной, завершил ее разрушение, чтобы она не могла быть занята врагом, и, без каких-либо дальнейших демонстраций, вернулся в свои владения.

Отступление мавританской армии стало сигналом к новым интригам со стороны недовольных. Они опасались, что уход Юсуфа перед лицом врага нанесет ему вред, подорвав его престиж и подорвав уверенность масс в его способности успешно бороться с мощью Кастилии. Кади Гранады был самым активным из этих заговорщиков. Его изменнические замыслы были раскрыты его сувереном, и он был заключен в тюрьму, но впоследствии бежал в Кордову. Опасения его товарищей побудили их удвоить энергию. Принцы Малаги и Гранады были объявлены собранием муфтиев и факи лишившимися своих прав в связи с предполагаемыми нарушениями закона и преследованиями проповедников религии; и Юсуфу было предписано, как представителю справедливости и мстителю за Веру, захватить их владения. Ободренный заверениями этих лицемерных сторонников, африканский принц со всей своей армией двинулся на Гранаду. Абдаллах, правитель этого королевства, отличался трусостью и некомпетентностью среди выродившихся мусульман своего времени. Он не унаследовал ни одной из боевых доблестей своих берберских предков. Он был любителем литературы, но его занятия не пробудили в нем ни стремления к славе, ни терпеливой покорности велениям судьбы, которые являются одними из плодов усердных исследований и размышлений. Образцы мусульманского величия внушали ему нежелание подражать их подвигам. Вид обнаженного меча поверг его в конвульсии. Его обычная нерешительность, даже в мелочах, вызывала насмешки придворных. В отличие от своей расы, он был нечувствителен к чарам женской красоты, и этот недостаток вызывал больше презрения, чем его малодушие, у людей, для которых импотенция считается Божьим судом. Он умел писать сносные стихи; он был знаком с самыми знаменитыми арабскими авторами; он преуспел в искусстве хирографии и скопировал и иллюстрировал Коран, чье предполагаемое совершенство, вероятно, было вызвано не только лестью в эпоху, изобилующую опытными переписчиками. Эти искусства, какими бы достойными они ни были, были далеки от квалификации правителя для управления королевством в период всеобщего беспорядка. В довершение к его смущению, двор Абдаллы был пропитан изменой. Знать и народ ненавидели друг друга, но еще больше оба ненавидели и презирали короля; и их взаимная вражда была на время приостановлена, чтобы они могли отомстить за свои обиды тому, кого они привыкли считать общим врагом. Визири поддерживали постоянную связь с Юсуфом и с изгнанным кади Абу-Джафаром, который из своего убежища в Кордове руководил передвижениями заговорщиков.

Альморавиды уже подошли на расстояние нескольких миль от Гранады, которая была почти беззащитна. Встревоженные подозрениями и угрозами Абдаллы, его советники тайно бежали из города. Отчаявшийся монарх ранее умолял о помощи Альфонсо, но король Кастилии по какой-то неизвестной причине пренебрег этой редкой возможностью расширить свои владения и остался глух к его мольбам. Был мобилизован большой отряд ремесленников и рабов, чья верность была более чем подозрительной, и от них, даже если бы они были настроены таким образом, нельзя было ожидать, что они смогут противостоять свирепым ветеранам Юсуфа с какой-либо перспективой успеха. В конце концов, убедившись в своей беспомощности, Абдаллах решил положиться на великодушие своего могущественного врага. Окруженный всей помпезностью, какую может себе позволить самое богатое княжество Испании, однажды утром он выехал верхом из главных ворот своей столицы. Кавалькаде предшествовала христианская гвардия, экипированная с таким великолепием, какого не было со времен Оммеядов. Они были одеты в разноцветные шелковые одежды; их оружие сверкало драгоценными камнями; попоны

их белых арабских скакунов были из парчи, обильно расшитой золотом. В арьергарде ехал монарх в сопровождении своих домочадцев и в окружении евнухов с обнаженными ятаганами. Множество горожан, включая значительное число сторонников Юсуфа, замыкали великолепную процессию.

Однако вся эта демонстрация не произвела никакого другого эффекта, кроме как возбудила изумление и алчность султана. Абдалла, грубо нарушив обряд гостеприимства, был закован в цепи, а его сопровождающие были ограблены. Ворота Гранады были распахнуты; альморавиды вошли с триумфом; публичным заявлением непомерные налоги, которые были таким плодовитым источником недовольства, были объявлены незаконными и отменены; и только те, которые санкционировались мусульманскими законами и обычаями, были объявлены обязательными для народа. Энтузиазм, которым было встречено появление Юсуфа после этой уступки народному возмущению, был безграничен. Его повсеместно приветствовали как поборника справедливости, друга угнетенных, восстановителя ислама. Огромные толпы преграждали ему путь по улицам. Тысячи людей устремились вперед, чтобы поцеловать край его одежды. Удовлетворение, которое он получал от этих свидетельств популярности — тем более необычное, что в Гранаде существовало горькое предубеждение против берберов, — усиливалось при мысли о богатствах его нового завоевания. На месте будущей Альгамбры стоял дворец, красота которого делала его достойным предшественником этой несравненной обители королевского великолепия и роскоши. В его хранилищах хранились бесценные сокровища, плоды жадности, проявляемой многими сменявшими друг друга князьями Гранады. Там были сложены груды драгоценных камней; гобелены и портьеры из тончайшего шелка, сверкающие драгоценными камнями; изобилие золотой и серебряной посуды; оружие изумительной работы; изысканные сосуды из фарфора и горного хрусталя. Немалую часть этого сокровища составляли предметы личного украшения — цепочки, браслеты, ожерелья и амулеты. Жемчужиной коллекции была нитка жемчуга в количестве четырехсот жемчужин, идеально подобранных по размеру и цвету, и каждая оценивалась в сто золотых монет. Эти драгоценные предметы, однако, были лишь незначительными по сравнению с торговыми и сельскохозяйственными богатствами провинции, из которой они были получены. Вега, или равнина Гранады, уже достигла того замечательного состояния возделывания, которое впоследствии радовало глаз и стимулировало алчность подданных Фердинанда и Изабеллы. Его обширные просторы были усеяны бесчисленными деревушками и плантациями. Его границы были отмечены изгородями из пахучих кустарников. Серебряные нити каналов, которыми она повсюду пересекалась, блестели в солнечном свете, интенсивность которого смягчалась легкими испарениями, постоянно нависавшими над прекрасной долиной. Многочисленные рощи тутовых деревьев, разбросанные по живописному проспекту, свидетельствовали о размахе и процветании шелковой промышленности, в то время как обширные плантации апельсинов и оливок, гранатовые сады, многочисленные урожаи ценных экзотических растений свидетельствовали о богатстве владельцев и буйном плодородии почвы. Преобладание еврейского влияния привело к тому, что продукция Гранады получила высокую оценку в коммерческом мире. Его базары были хорошо снабжены всеми товарами, которые могли удовлетворить простые потребности бедных или изнеженную роскошь богатых. Политические волнения, которые так долго беспокоили полуостров, хотя и нанесли ущерб процветанию королевства, ни в коей мере не остановили предприимчивость и не нанесли существенного ущерба ресурсам его населения. Еврей всегда придерживался нейтральной позиции. Победоносная фракция часто обращалась к нему за советом и займами; неудачливая

всегда была готова заложить у него свои ценности на случай новой революции. Возведение одного из членов его секты в почетное достоинство визиря принесло неисчислимую пользу его социальным и меркантильным интересам. Это обеспечило защиту и респектабельность его занятиям; это позволило ему проектировать и развивать колоссальные финансовые предприятия. Таким образом, он грабил обе стороны и процветал. Граждане, объявленные вне закона за политические преступления, и христиане, которым не страшны были церковные обвинения, вели свои дела через его посредничество. Его корабли можно было найти в каждой гавани; его фактории были открыты в каждом морском порту; его товары были выставлены на продажу в каждой столице Средиземного моря и прилегающих к нему морей. В период оккупации Гранады Альморавидами ее торговля по богатству и объему, вероятно, превосходила торговлю всех других государств полуострова, христианских и мусульманских, вместе взятых.

Никто из обычных людей не мог оставаться в неведении относительно намерений Юсуфа, однако андалузские принцы с подобострастным подобострастием поздравляли его в самых лестных выражениях по поводу его успеха. Султан почувствовал, что настало время сбросить маску. Он обычно обращался со своими королевскими подхалимами с подчеркнутой невежливостью. За захватом Гранады последовал захват Малаги. Затем, когда было уже слишком поздно, мавританские эмиры забили тревогу. Они договорились между собой прекратить поддержку Альморавидов и прекратить все сношения с ними. В своем замешательстве и отчаянии они приняли роковой план заключения оборонительного союза с христианами, прием, который неизменно оказывался роковым для их интересов. Король Кастилии с готовностью согласился на союз, который, каким бы ни был его результат, неизбежно должен был усилить его могущество за счет усиления взаимной вражды враждующих мусульман. Осознавая огромную важность подтверждения своих действий санкцией судебной и церковной власти, Юсуф теперь потребовал от кади и муфтиев мнения о законности захвата королевств его союзников, которыми они оказались неспособными ни управлять, ни защищать. Подготовленное заключение было всем, чего только мог пожелать самый скрупулезный казуист. Его авторы взяли на себя ответственность за будущие действия Юсуфа и заявили, что свергнуть с престола и разграбить своих дегенеративных союзников, которые, к счастью, больше не располагали средствами успешного сопротивления, было не только его правом, но и долгом. Чтобы избежать каких-либо будущих осложнений, которые могли повлиять на его положение среди правоверных, Юсуф добился того, чтобы это мнение высших властей Испании было доведено до сведения самых выдающихся юристов, богословов и ученых мусульманского мира. Все без исключения подтвердили это; и африканский султан, тем временем вернувшись в Марокко, отдал приказ своему наместнику Ибн-Аби-Бекру начать военные действия без дальнейших проволочек. Были взяты Тарифы, Кордова, Кармона, и тогда вождь альморавидов, полный решимости нанести решающий удар, разбил свой лагерь перед Севильей. У осаждающих было много сторонников в столице Мотамида, и их партия значительно укрепилась благодаря постоянному успеху, который до сих пор сопутствовал их предприятиям. Нерешительность и опасения принца не позволяли принять немедленные меры против этих заговорщиков, которые, почти не скрывая, осуществляли свои изменнические планы перед лицом двора и гарнизона. Последний ресурс Мотамида зависел от действий христианского войска, которое король Кастилии послал ему на помощь; но последнее было разбито в решающем сражении; флот, защищавший город на берегу реки, вскоре после этого был сожжен; укрепления были взяты штурмом, и горожане после длительного сопротивления подчинились жестокости и грабежам варварского и хищного врага.

Мотамид со своей семьей и гвардейцами все еще удерживал цитадель. Последний принц Бени-Аббада в решающий момент проявил мужество и решимость римского ветерана. Когда, наконец, он убедился в тщетности астрологических предсказаний, которые вводили его в заблуждение, он оставил общество своих шарлатанов и сменил астрольбию на ятаган. С рвением он искал смерти в пылу нападения, но, несмотря на самое безрассудное разоблачение, он избежал ранения. Окруженная со всех сторон врагом, цитадель не могла долго защищаться, и на все попытки капитулировать отвечали, что никаких условий не будет. Наконец Мотамид в одиночку отправился в лагерь альморавидов; цитадель была сдана, и властный Юсуф потребовал немедленной эвакуации Ронды и Мутолы, находившихся в ведении двух его сыновей. Мотамида отправили в Ахмат, город недалеко от Марокко, где в условиях строгого режима и пренебрежения его самыми насущными потребностями его семья, обреченная по необходимости на самые черные занятия и одетая в лохмотья, с большим трудом могла добывать достаточное количество пищи для поддержания жизни.

За захватом Севильи немедленно последовало подчинение Альмерии, Дении, Сативы и Мурсии. Княжество Бадахос, занимавшее большую часть современного королевства Португалия, было захвачено; недавние приобретения христиан разделили судьбу мавританских владений; и кастильский двор с ужасом узнал о внезапной потере территории, для приобретения которой потребовалось столько труда и времени. Мотаваккиль, принц Бадахоса, после того как у него под пытками отобрали его сокровища, был казнен на шоссе по прямому приказу мусульманского генерала. Из важных городов Юга сохранилась только Валенсия. Его проводил Уголовный розыск, который с героизмом, во многом искупившим его недобросовестность и печально известную бесчеловечность, в течение пяти лет бросал вызов объединенным ресурсам альморавидской монархии.

В анналах истории или романтических произведениях нет человека, чья личность была бы одновременно столь четко очерчена и столь неясна, как личность Родриго Диаса де Бивара. Художественная литература украсила его характер и карьеру благородными атрибутами благочестия, доблести, великодушия, военного гения, религиозного рвения. Для невежественного и напыщенного кастильца он сегодня является воплощением благородства. Церковь по-прежнему считает его одним из первых и наиболее преданных своих защитников. Историческая традиция представляет его как одного из основателей испанской монархии. Древнейшая баллада на кастильском языке была сочинена каким-то неизвестным гением, повествующим о его подвигах, которые также воспеты в бесчисленных драмах, эпосах и романах. Не менее полутора сотен последних сегодня занимают место в литературе Испании. С другой стороны, респектабельные и хорошо информированные авторитеты сомневались в его существовании. Серьезные историки и критики оспаривали свидетельства о его личности. Ученые, чьи интеллектуальные достижения дают им право на уважение, объявили знаменитого героя мифом и настойчиво утверждали, что рассказы о его деяниях, дошедшие до потомков, являются не более чем романтическими баснями. Во всей области исторической критики нет вопроса более увлекательного, чем тот, который связан с существованием и достижениями Cid. Дело в том — и из этого выросла вся двусмысленность, связанная с его именем, — что этот экстраординарный персонаж состоял из двух различных характеров. Романтический сид был образцом вежливости, великодушия, чести, рыцарственным мстителем за угнетенных, образцом каждой христианской добродетели. Уголовный преступник в истории был чем-то совсем другим, и именно с ним нам сейчас предстоит иметь дело.

Кропотливые исследования выдающихся востоковедов, и среди них исчерпывающие и ценные исследования Дози, вне всякого сомнения, установили существование и деяния Cid. Из арабских рукописей, не расшифрованных до середины нынешнего столетия, были постепенно собраны и обобщены эпизоды, составляющие его богатую событиями и волнующую карьеру. Очевидная подлинность этих памятников, отсутствие какого-либо мотива преувеличивать доблесть или достижения врага, известная точность арабских историков, интересные периоды жизни, которые они изображают, искреннее негодование авторов, непривычных к систематическому игнорированию торжественных сражений, подробное перечисление трофеев в битвах и набегах, относят их к числу наиболее ценных произведений средневековой древности. Их публикация и изучение развеяли досужие мифы, нелепости, непримиримые противоречия, которые до тех пор затемняли историю обожествляемого героя Старой Кастилии.

Из его титулов, под которыми он гораздо лучше известен читателям, чем по фамилии, Сид, который теперь отчетливо применяется к нему, был почетным наименованием, искаженной формой арабского Сиди, или Господин, которое мусульмане когда-то давали высокопоставленным лицам без разбора. Его широкое использование в Средние века было связано главным образом с тем фактом, что публичные документы, послания и договоры, адресованные кастильским и мавританским сановникам или исполняемые ими, составлялись одновременно на латыни и арабском, и нередко только на последнем языке. Другой титул, *Campeador*, произошел от обычая избранных воинов бросать вызов друг другу в единоборстве перед лицом своих соответствующих армий, излюбленного способа среди полувцивилизованных народов демонстрировать индивидуальную храбрость и отвагу, более древнего, чем знаменитая встреча Давида и Голиафа. Политическая дезорганизация всего полуострова, еще более очевидная в христианских, чем в мусульманских государствах, все еще сомнительные и неурегулированные отношения между правителем и подданными, опасные свободы, которыми пользовались честолюбивые личности, имевшие смелость и наглость требовать их, настоятельная необходимость, с которой монарх сталкивался, чтобы умиловить своих могущественных вассалов, присутствие и пример иностранных авантюристов, непривычных к юридическим ограничениям и не признающих никакой власти, кроме власти меча, - все эти ненормальные социальные условия не представляли особых трудностей для человека доблести и энергии достичь великой власти и возвышения в государстве. В те дни личная доблесть была высшим званием к отличию. В характере и призвании грубого солдата удачи не было места для проявления более мягких добродетелей. Война велась с отвратительной жестокостью, которая опозорила бы расу дикарей. Знакомство со сценами крови притупило все благородные инстинкты человеческой природы, и даже нежные женщины одобряли их присутствие и поступки, от которых они должны были бы с ужасом отшатнуться. Церковный орден своими советами поощрял и своей духовной властью оправдывал массовые убийства, изнасилования, пытки, морение заключенных голодом, отказ от международных договоров. Занятие трона не оказывало преобладающего влияния. Прерогативы суверена еще не были точно определены. Его власть, основанная на плохо определенных прецедентах и традициях, в целом была ограничена его способностью выполнять свои приказы. Могущественные вассалы короны часто бросали ему вызов, бросали в тюрьму, отправляли в изгнание. Государственная измена допускала широкое толкование и еще большую гибкость в применении наказания за нее. Иногда это означало одно, иногда - другое. Наиболее отъявленные мятежники часто были помилованы и снова попали в милость. Незначительные преступники часто подвергались самым суровым наказаниям. Лидер,

отличившийся в битве, снисходительный к своим последователям и либеральный к населению, считающий милосердие признаком трусости, а истребление врага - военной доблестью, несомненно, вызывал большее восхищение, чем избалованный наследник десятков королей.

Разделение кастильской территории на такое количество частей, на каждую из которых претендовали многочисленные претенденты, благоприятствовало независимости капитанов, которые могли заручиться поддержкой сильной группы сторонников. При таких обстоятельствах королевская власть не могла быть централизована или эффективно осуществляться. В то время как феодализм в самом строгом понимании этого термина никогда не существовал в испанской монархии, — и только в середине XIII века власть знати начала противопоставляться власти короны, — аналогичная система защиты и службы была общепризнана законами как регулирующая отношения вассала и сюзерена, что, действительно, было почти неизбежно на ранних стадиях развития цивилизованного общества. Лидеры, отказавшиеся от этих обязательств или объявленные вне закона за преступления, представляли собой грозный элемент раздора на полуострове. Они называли себя “лордами”, но отличались от разбойников с большой дороги только тем, что в большем масштабе и с большей безнаказанностью занимались популярным занятием - грабежом. Они строили свои замки на изолированных и неприступных возвышенностях, откуда могли издали обнаружить приближение опасности или долгожданное появление богатого и незащищенного путешественника. Нуждающиеся авантюристы и объявленные вне закона преступники всех наций и всех религий вступали под их знамена. Прототипы итальянских кондотьеров, их мечи и услуги продавались тому, кто больше заплатит. Оказавшись безработными и предоставленными самим себе, они грабили без разбора, не обращая внимания на национальность, религию или призвание своих жертв. Успешный флибустьер часто командовал армией из тысяч головорезов. Самым популярным и прославленным из этих преступников в эпоху, когда судебные ограничения и королевская власть были подчинены военной силе, был кампеадор Родриго Диас де Бивар.

Последний навлек на себя ненависть Альфонсо VI. из-за унижения этого монарха, когда он был вынужден очиститься от соучастия в смерти своего брата, сделку, которую, как считалось, Cid предложил или, во всяком случае, одобрил, и это предубеждение усугубилось предполагаемым присвоением сокровищ и дани, доверенных Cid Мотамидом, преступник был безапелляционно изгнан из королевства Кастилия. Опальный партизан после безуспешной попытки поступить на службу к графу Барселонскому подал прошение о военном командовании к эмиру Сарагосы. Этим княжеством тогда управляли воинственные и просвещенные князья Бени-Худа, чье превосходство над большинством других мусульманских династий было продемонстрировано их выдающимися литературными достижениями не в меньшей степени, чем их военной славой. Более тридцати лет Моктадир, правящий монарх, был вовлечен в постоянные военные действия со своими соседями. Несмотря на нынешнее неблагоприятное положение его дел, у Сида было значительное количество последователей, и его неоднократный опыт общения с христианскими наемниками научил Моктадира, что услугами таких союзников не следует пренебрегать. Поэтому они были приняты со всеми почестями и призваны в армию. Это восшествие на престол оказалось очень ценным для эмира и его сыновей, между которыми он вскоре после этого разделил свое королевство. Оружие Родриго повсюду одерживало победы. Партизанская война, от которой непрерывно страдали северные провинции полуострова, была полностью приспособлена для проявления его злобного гения. Его набеги превосходили по смелости и успеху самые рискованные предприятия, которые до сих пор предпринимали мусульмане. Его товарищи—неверные были ошеломлены зверствами, совершаемыми его

солдатами, - массовым истреблением беззащитных пленников, бесстыдным нарушением торжественных соглашений, изощренными пытками, изобретенными для того, чтобы добиться обнаружения сокровищ. Экспедиции Родриго доходили до границ Франции. Он неоднократно громил каталонцев, наследственных врагов своего покровителя. Он захватил графа Барселоны, подвиг, который принес эмирату Сарагоса большие политические преимущества благодаря заключению выгодного договора. Он распространил опустошение повсюду на территории Арагона. Богатство, полученное в результате этих грабительских вылазок, было невероятным. Мавританский принц относился к своему союзнику с особой благосклонностью из-за беспристрастности, которую тот проявлял при сборе награбленного. Сосуды с христианского алтаря были в глазах этого нечестивого разбойника не более священными, чем награбленное в мусульманском замке. Как естественный результат его достижений, его популярность среди мусульман Сарагосы превысила ту, которой пользовался любой другой человек. Когда он вернулся из набега, жители столицы встретили его одобрительными возгласами, которые вполне могли вызвать ревнивую зависть государя.

Угнетение Валенсии бандами беззаконных солдат удачи и разбойников было, вероятно, более суровым, чем то, которое испытывала любая другая провинция полуострова. Но алчность и свирепость этих беспокойных гостей теперь должны были усугубиться присутствием и советами лидера, опытного во всех способах ведения войны и вымогательства. Богатство Валенсии и присутствие многих его соотечественников в качестве номинальных охранников Кадира привлекли Cid в этот регион, где его выдающиеся таланты в области интриг и подлости вскоре обеспечили ему решительное превосходство над всеми конкурентами. Он грабил беззащитных жителей под предлогом подавления восстания. Он вымогал большие суммы у богатых якобы за поддержку правительства. Ни один класс не был освобожден от его разорительных преследований. Даже духовенство было вынуждено сдать свои сокровища. Он без зазрения совести взял на себя фактическое руководство делами, которые велись от имени принца Валенсии, и в качестве компенсации за свои ценные услуги ежемесячно присваивал из провинциальной казны огромную сумму в десять тысяч золотых монет.

Уголовный розыск давно жаждал заполучить "Валенсию". Эта восхитительная провинция, которая, находясь в умеренном поясе и наслаждаясь ровным и целебным климатом, в изобилии дает самые отборные продукты любого климата, была добычей многих сменявших друг друга искателей приключений. Богатство его сельскохозяйственных ресурсов, разнообразие и частота его урожаев, качество его фруктов, прибыль от его торговли, красота его женщин придавали этому весьма благоприятствуемому региону особое очарование в глазах расточительного солдата удачи. Правительство Кадира, поддерживаемое кастильскими наемниками, было бичом страны. Богатые дворяне обнищали из-за поборов узурпатора. Евреи, которые поначалу были самым прибыльным источником дохода, были изгнаны преследованиями. Обширные районы с неиссякаемым плодородием были полностью заброшены. Тирания правительства, грабежи наемников и разбойников сделали собственность настолько ненадежной, что напуганные владельцы распродавали богатые поместья за ничтожные суммы, а огромное количество земли, выброшенной на рынок, приводило к постоянному обесцениванию. За вторжением Альморавидов последовал уход кастильцев из Валенсии, а решительные действия при Заллаке избавили население этого королевства от нынешней опасности вмешательства христиан. Возможность для облегчения ситуации была слишком благоприятной, чтобы ее упускать. Каждый вассал и данник Кадира либо провозгласил свою независимость, либо встал под защиту какого-нибудь дружественного

соседа. Беззащитное положение этого принца и поощрение недовольных граждан побудили Мондхира, лорда Дении, осадить его столицу сильным отрядом арабов и каталонцев. Доведенный до крайности Кадир отправил посланника заключить союз с Мостейном, эмиром Сарагосы. Последний, выражая величайшее сочувствие принцу Валенсии и заявляя о своем намерении немедленно избавить его от опасности, в то же время вел переговоры с Сид с целью отнять у Кадира его королевство. По условиям этого соглашения столица и провинция должны были быть переданы эмиру, а всевозможная добыча должна была стать наградой Сид. Мондхир, неспособный противостоять таким грозным противникам, поспешил снять осаду при их приближении. Принц Валенсии, хотя и был щедр в выражениях благодарности, отказался соблюдать положения договора, который он заключил с Мостейном, будучи уверенным в нейтралитете Сид, который он тайно приобрел подарками огромной ценности. Мостейн, оказав таким образом важную услугу неблагодарному и вероломному союзнику, в ярости вернулся в свою столицу.

Беспрецедентное двуличие Сид теперь проявилось в его заигрываниях с различными правителями, интересы которых он заявлял о своей готовности отстаивать, но всех из которых он в равной степени был готов предать ради осуществления своих собственных замыслов. Он заявил монархам-соперникам, Мондиру и Мостейну, что готов сотрудничать с любым из них в любое время в осаде Валенсии. Затем он отправил посольство к Альфонсо, подтвердив свою преданность и пообещав ему не только владения Кадира, но и владения двух других мусульманских принцев, гостеприимством и доверием которых он постоянно пользовался и которыми злоупотреблял. Несмотря на неоднократный опыт его вероломства, этими монархами руководили их страхи и стремление снова быть обманутыми Сид. Однако не было ничего странного в том, что каждый правитель с нетерпением просил его поддержки. Ни один солдат не вел войну с таким безжалостным варварством. Когда он брал город, от него не оставалось камня на камне. Ни один полководец не пользовался таким авторитетом. Его согласие было необходимо, чтобы обеспечить восшествие на престол короля Кастилии. Его оружие считалось непобедимым. Он обогатил город Сарагосу добычей, награбленной его врагами. Ужасные преступления, которые он совершил, сделали его имя пугалом везде, где оно было известно, и сильно омрачили блеск его славы. Его сторонники насчитывали три тысячи хорошо экипированных ветеранов - силы, превосходящие силы любого мавританского принца, и полностью равные, как мужчина мужчине, хваленому рыцарству Кастилии.

Получив заверения в благоприятном расположении Альфонсо, Сид вернулся ко двору этого монарха, который вернул ему его владения и вручил ему поручение, по которому ему передавалась вся территория, которую он мог бы отвоевать у мусульман, при условии соблюдения только обязательств вассалитета. Присутствие самого известного военного вождя Испании при кастильском дворе вызвало большой энтузиазм. Он одинаково принимал поздравления короля, комплименты знати и раболепное преклонение толпы. Предприимчивая молодежь монархии поспешила записаться под его знамена, и когда он снова вторгся во вражескую страну, его командование увеличилось до семи тысяч человек. Во время его отсутствия Мостейн отказался от своего союза и вместе с Беренгером, графом Барселоны, организовал осаду Валенсии. Приближение кастильцев привело к отказу от предприятия, и Сид, как уже упоминалось ранее, установила военный протекторат над этим королевством. Вызванный Альфонсо для оказания помощи в снятии осады Аledo, его медлительные действия вызвали подозрения в сговоре с врагом, и возмущенный государь конфисковал его имущество и поместья и бросил его семью в тюрьму. Последние были, наконец, освобождены, и Сид,

освобожденный от всякой ответственности перед начальником или союзником и командующий армией преданных последователей, был волен беспрепятственно осуществлять свои чудовищные планы угнетения и грабежа. Теперь этим огромным силам было предоставлено удобное занятие - разорять провинции Восточной Испании. Долины Валенсии, Сативы, Тортосы были безжалостно разграблены. В плодородных районах Ориуэлы, за пределами самого города, не уцелело ни одного жилья, даже стены. Граф Барселонский снова потерпел поражение в ожесточенном сражении и, взятый в плен с пятью тысячами своих солдат, смог добиться освобождения, только признав себя вассалом своего завоевателя. Власть Cid теперь быстро росла. Не имея ни двора, ни даже постоянного места жительства, он приобрел манеры и демонстрировал высокомерие независимого властелина. Более слабые мусульманские государства, неспособные успешно противостоять его оружию, купили его терпение выплатой разорительной дани. Валенсия, Сегорбе, Лирия, Альменара, Херика, Альпуэнте, Олакау, Мурвиетро, Альбаррасин были включены в число его зависимых территорий. Тысячи мусульман служили под знаменами самого безжалостного врага их расы. Семья Мондира умоляла его взять на себя опеку над малолетним наследником этого принца. Из этих источников он получал ежегодный доход в двести двадцать пять тысяч золотых монет, - три миллиона двести тысяч долларов, — сумму, свидетельствующую об огромном богатстве, которым все еще обладали провинции, долгое время страдавшие от вымогательств, грабежей и обезлюдения, а также о власти сюзерена, который, не имея престижа королевского происхождения или поддержки установленного правительства, был способен взимать налоги и собирать их. Экспедиция против мавров Гранады, предпринятая некоторое время спустя Альфонсо, закончилась к несчастью для христиан, и неудачу, как обычно, приписали предательству Сид. Была предпринята безуспешная попытка арестовать его, и король Кастилии с помощью грозного флота из четырехсот судов, предоставленных генуэзцами и пизанцами, его союзниками, приступил к мести за свое оскорбленное достоинство решительным нападением на Валенсию с моря и суши. Сид, находившийся в то время в Сарагосе и неспособный войти в город, который он уже считал своим, или защитить его, совершил разрушительный набег на территорию Альфонсо, который был вынужден отвести свои войска для защиты своих собственных владений. Он понес немалые потери в результате действий своего мятежного вассала, в результате полного опустошения страны, которым было отмечено его продвижение, а также в результате разорения густонаселенного города Логроньо, который был взят штурмом и сожжен дотла армией Родриго. Снятие осады и отсутствие Cid вдохновили жителей Валенсии на желание снова подчинить это королевство мусульманскому правлению. Ибн-Джаххаф, главный кади, стремился последовать примеру Абуль-Касима-Мухаммеда, который с той же должности поднялся до высокого положения фактического правителя Севильи. Неуверенный нрав их государя, который сам был узурпатором и управлялся людьми, чуждыми стране и врагами ее религии, бедствие, возникающее из-за постоянных перерывов в сельском хозяйстве и торговле, непосильное финансовое бремя, налагаемое капризами и несправедливостью, невыносимые оскорбления христианских солдат, которые обычно обращались с ними как с подчиненными и рабами, не раз доводили разъяренных жителей до грани революции. Теперь, воодушевленные увещеваниями такого выдающегося человека, как Ибн-Джаххаф, они с радостью приветствовали возможность отомстить и обрести независимость. Отобранный отряд Альморавидов был спокойно допущен в город; народ восстал с оружием в руках; дворец был разграблен; Кадир бежал, переодевшись женщиной, только для того, чтобы вскоре после этого быть схваченным и обезглавленным; и был учрежден Государственный совет, состоящий из знати и созданный по образцу того, который ранее с таким замечательным успехом управлял

Кордовой. Авторитету этого августейшего органа, однако, несколько мешали притязания командующего альморавидами Абу-Насра, который намекал, что будет удерживать город за своего суверена, а также смехотворные притязания кади, который присвоил себе все заслуги революции и чья неспособность становилась еще более очевидной, когда наблюдали за его театральными позами и слабой имитацией достоинства и атрибутов королевской власти.

Cid не оставляла новое правительство надолго в покое. О его приближении возвестили пламя и дым горящих деревень и стремительное бегство тысяч крестьян, хлынувших в Валенсию. Вскоре этот прекрасный город был окружен широким поясом темноты и запустения. Все, что свидетельствовало о щедрости природы или изобретательности и процветании человека, было безжалостно сметено. Поселения на многие мили вокруг столицы были преданы огню. Многочисленные мельницы, выстроившиеся вдоль берегов Гвадалавиары, виллы богатых горожан и знати, лодки, склады и складские помещения были превращены в пепел. Пригороды были взяты штурмом. Затем валенсийцы, не имея надежды на облегчение, начали переговоры с Cid. Их предложения были приняты благосклонно; гарнизон Альморавида отступил; прежняя ежемесячная дань была возобновлена, и город еще раз признал власть кастильского авантюриста. Но султан Альморавидов не был готов отказаться без борьбы от такого богатого трофея, как королевство Валенсия. Вскоре в столицу дошли вести о том, что мощные силы выступили в поход, чтобы захватить его. Господство ненавистных берберов казалось предпочтительнее ненасытной жадности неверного сюзерена. Жители восстали, и приверженцы и офицеры Сид были изгнаны. Затем ворота были закрыты; неистовый голос народа передал верховную власть Ибн-Тахиру, и последний с тревогой ожидал прибытия альморавидов. СИД, который во время мятежа проживал в одном из пригородных дворцов королей Валенсии, хотя и был бессилен предотвратить бегство горожан, все же смог задержать приближение врага. По его приказу были разрушены мосты и прорублены дамбы, и местность, которая еще недавно на протяжении многих миль казалась садом, теперь превратилась в озеро. Через воду была оставлена только узкая дамба, и этот подход могла быть легко защищен горсткой решительных людей против многочисленной армии.

Эти энергичные меры привели к неожиданному результату. Не желая подвергаться риску нападения, к тому же у них не хватало провизии, альморавиды, чьи сторожевые огни уже были видны с городских башен, отступили. Смятение и ужас теперь заполнили умы валенсийцев. Неспособные защитить себя, они не знали, куда обратиться за помощью. Ибн-Тахир, главный судья, не обладал талантами, необходимыми для того, чтобы внушать доверие в такой сложной чрезвычайной ситуации, и его непопулярность отразилась на его семье. Племя Бени-Тахир было одним из старейших, богатейших и почетнейших в Валенсии. Но эти соображения общественного благосклонности не могли уберечь его от последствий некомпетентности его руководителя и беспричинной ярости толпы. Ибн-Тахир был свергнут, и к власти пришел Ибн-Джаххаф, который в своих собственных целях старательно поощрял преобладающее недовольство. Толпа напала на дворец Бени-Тахира, и члены этой благородной семьи были забросаны камнями, оскорблены, подвергнуты самым унижительным унижениям и, наконец, отправлены в цепях в лагерь СИД. Последний предложил свою защиту Ибн-Джаххафу на тех же условиях, на которых она ранее была предоставлена Кадиру, но поскольку он потребовал выдачи своего сына в качестве заложника, а подозрительный араб отказался выполнить это условие, переговоры были внезапно прекращены. Армия Сиды теперь вплотную окружила город, который, не будучи готовым к осаде, вскоре подвергся самым страшным бедствиям. Страдания жителей стали невыносимыми. Усиливающийся голод привел к тому, что самые

отвратительные вещества, самые отвратительные животные были жадно поглощены. Люди дрались за отбросы в мутном потоке канализации. Крысу, считавшуюся большим деликатесом, вряд ли можно было достать за золотой. Богатые все еще могли получить небольшое количество зерна, которое ревниво копили его владельцы и продавали только в небольших количествах и по баснословным ценам. Унция ячменя легко продавалась за три динара. Когда этот запас иссяк, они попытались поддержать свои слабеющие силы кусками кожи, листьями, корой и той растительностью, которую можно было собрать в садах и во дворах их особняков. У бедных не было другого выхода, кроме каннибализма. Посреди всеобщего бедствия Ибн-Джаххаф, очевидно, не думавший о будущем, сохранял монаршее положение. За его воротами не было никаких свидетельств нужды, которая ежечасно приводила тысячи людей к отчаянию и смерти, никаких признаков приближающегося возмездия. Его дворец был ежедневной ареной литературных дискуссий, танцев, опьянения. Толпа паразитов наслаждалась его щедростью. Существование двора обеспечивалось за счет разграбления частных амбаров. Имущество мертвых и умирающих было конфисковано. Протест против этой тирании карался тюремным заключением. Люди падали и умирали от голода на улицах. Огромные толпы, ищущие возможности спастись, постоянно осаждали ворота города. Те, кому удавалось добраться до христианских позиций, были либо убиты, либо проданы в рабство. Гуманности не было места в политике средневековых войн, особенно когда ее вели бандиты. Опыт показал, что пленник, находящийся на последней стадии голода, не был доступен ни для обслуживания, ни для выкупа, и что быстрая смерть была наиболее естественным и эффективным методом избавления от пленника, содержание которого не приносило никакой пользы и дни которого уже были сочтены. Поэтому самые слабые и изможденные из этих несчастных были убиты сразу же, без всяких церемоний. Выродившиеся мусульмане соседних провинций, служившие в армии СИД, не испытывали угрызений совести, наживаясь на рабстве своих соотечественников, и мало кто мог устоять перед искушением заполучить раба за бесценок. Торговцы из Константинополя, Дамаска и Александрии всегда присутствовали в лагерях армий, боровшихся за обладание полуостровом, и этим таким валенсийским беженцам, чьи ресурсы в какой-то мере избавили их от нищеты горожан, продавали рабов, чтобы снова выставить их на невольничьих рынках Востока. Всеобщие страдания, наконец, стали настолько велики, что беглецы, ослабевшие от голода, не смогли преодолеть короткое расстояние между городом и лагерем - границу голода, рабства или смерти. Город не был настолько плотно обложен, чтобы нарушалось сообщение с осаждающими или с соседними княжествами. Ибн-Джаххаф тщетно пытался добиться помощи самыми щедрыми обещаниями эмиру Сарагосы и королю Кастилии. Они не верили в его искренность и, прежде всего, боялись мести Cid, ныне величайшего правителя Испании. Его эмиссары, которым помогали сочувствующие среди жителей и гарнизона, казалось, вошли в ворота Валенсии по своей воле. Не щадя денег и обещаний, они открыто пытались продвигать интересы своего командира. Было обнаружено и наказано несколько заговоров с целью свержения Ибн-Джаххафа. Заявления о слабости и недовольстве гарнизона побудили Cid предпринять попытку взять город штурмом. План провалился; христиане были отброшены с большими потерями, а сам их предводитель чудом избежал пленения. Опасаясь вмешательства африканского султана, СИД теперь прибегла к средству, пользующемуся столь дурной славой, что вряд ли его одобрили бы варвары. Он издал прокламацию о том, что все валенсийцы в его лагере должны вернуться за стены или быть сожжены заживо, и что после этого та же участь была уготована всем беженцам без исключения. Погребальные костры были разведены на виду у крепостных валов, откуда горожане могли легко видеть пытки и слышать крики своих родственников и соотечественников. Этот жестокий указ не делал различия по возрасту или

полу, и дети и юные девушки, чье очарование было ослаблено или уничтожено лишениями и голодом, были безжалостно брошены в огонь вместе с немощными и престарелыми. Восемнадцать из этих жертв подверглись этой страшной каре несчастья сразу, и не проходило и дня, чтобы валенсийцев не призывали стать свидетелями ужасного человеческого жертвоприношения. Эта безжалостная политика, сопровождавшаяся растущей нищетой жителей, вскоре привела к своему завершению. Было заключено перемирие на пятнадцать дней, за которым пятнадцатого июня 1094 года последовала капитуляция, условия которой при сложившихся обстоятельствах были наиболее благоприятными для мавров. Согласно его положениям, власть, как гражданская, так и военная, принадлежала мусульманским партизанам Cid; существующие законы должны были быть сохранены; мечети должны были оставаться во владении приверженцев ислама, которым гарантировалось беспрепятственное отправление богослужений; собственность граждан должна была оставаться неприкосновенной; а гарнизон должен был состоять из христианских жителей Валенсии. Какое-то время условия договора строго соблюдались, а справедливые обещания завоевателя выполнялись. Но как только он почувствовал себя в безопасности, контракт, который был заключен с санкции духовенства и подтвержден торжественными религиозными церемониями, был аннулирован, и открытое нарушение его положений приобрело печальную известность. Кастильцы заняли цитадель, где также обосновался Сид. Дома богатых горожан были обысканы в поисках скрытых запасов золота и драгоценностей. Под самым пустяковым предлогом — по подозрению в колдовстве или побеге раба — в уединение валенсийской знати внезапно вторглась банда свирепых латников. Поместьям, возвращение которых их владельцам было обещано на публичном собрании народа, было позволено оставаться в руках тех, чья алчность или несправедливость обеспечили их. Наконец, людей заверили, что их город принадлежит Сиду по праву завоевания и что он и его подчиненные в будущем будут председательствовать в судах правосудия, вводить налоги, собирать дань и чеканить монету. Все, кто не желал соглашаться с этими условиями, были вольны уехать, не взяв, однако, с собой ни единого предмета из своего личного имущества. Так много людей отказались довериться капризам правителя, который продемонстрировал такое вероломство, что прошло два дня, прежде чем долгая и печальная процессия завершилась уходом из города. Их места были предоставлены христианскими семьями, собранными из соседних штатов, которые, восхищаясь доблестью и благочестием Cid, с нескрываемым ликованием заняли элегантные особняки и прекрасные сады мавританских изгнанников.

Теперь, когда спокойствие в городе было обеспечено, Сид обратил свое внимание на Ибн-Джаххафа. Он подвергся ужасным пыткам, чтобы получить справку о своем богатстве, которая впоследствии оказалась ложной в результате тщательного осмотра его дворцов и дворцов его друзей. Все имущество тех, кто когда-либо каким-либо образом дружил с бывшим хозяином Валенсии, было немедленно конфисковано. Тогда Сид, который планировал для своего прославленного пленника самую мучительную смерть, приказал вырыть яму на главной площади города и завалить ее хворостом; и Ибн Джаххаф, зарытый в нее по плечи, медленно поджаривался до хрустящей корочки. Женщины из его семьи, обреченные на ту же участь, были спасены с большим трудом благодаря мольбам его мавританских подданных и увещаниям христианских солдат, которые, хотя и были ежедневными участниками сцен дьявольской жестокости, не могли равнодушно смотреть на совершение такого преступления. Однако такое освобождение не могло быть получено для рабов, друзей и литературных единомышленников несчастного Кади. Все они были сожжены на огромных погребальных кострах на глазах у

граждан и армии. В печально известном отчете, сделанном впоследствии испанцами в Старом и Новом Свете, среди ужасных зверств, совершенных Альвой, Кортесом и Писарро, ни одно не превзошло по хладнокровной жестокости поведение Cid при осаде и взятии Валенсии.

Его честолюбие, отнюдь не удовлетворенное приобретением одной из богатейших провинций полуострова, было лишь побуждено к еще большим усилиям. Он расширил свои владения во все стороны. Он захватил Мурвиедро и, разорив его жителей, продал их с аукциона, предварительно заключив и разорвав договор, аналогичный тому, который был заключен в Валенсии. Его могущество было настолько велико, что короли не гнушались обращаться с ним на равных; и Педро I Арагонский домогался его дружбы в выражениях, свидетельствовавших о страхе, с которым к нему относились соседи. Наконец, его армия была наголову разбита альморавидским генералом Ибн-Айшей близ Хативы, и убитый горем отважный вождь, который так долго был кумиром христиан и ужасом неверных, не смог пережить катастрофу. В течение двух лет его отважной вдове Химене удавалось отражать натиск Альморавидов, но в конце концов, вынужденная оставить свои позиции, Валенсия была эвакуирована кастильскими амазонками и подожжена.

Такова была карьера и таков был конец авантюриста, влияние и престиж которого часто превосходили влияние и престиж самой королевской семьи; который из-за извращенного чувства энтузиазма вошел в историю как образец рыцарства и образец всякого военного мастерства; который, хотя и был святотатственным разорителем соборов и монастырей, все же почитается Церковью как один из ее самых преданных защитников, жестокости которого аплодируют как рвению, чье вероломство вызывает всеобщее восхищение как высшее проявление мирской мудрости, и который сегодня пользуется всеобщим восхищением. в умах его тщеславных соотечественников это уважение не уступало тому, которое уделяется самому почитаемому святому в римско-католическом календаре. Церковные выдумки и народное невежество продлили влияние Сиды далеко за пределы срока его естественной жизни. Абсурдная легенда, повествующая о разгроме мавританских армий при виде его тупа, привязанного к седлу и неоднократно несомого во главе крестоносных эскадронов в последующие времена, вдохновила кастильское рыцарство на новую преданность своему делу. Легенды, приписываемые его коню Бабеке и его мечу Тизоне, которые, в подражание арабским обычаям, имели свою историю, с благоговением рассказывались в каждой крестьянской хижине на равнине и в сьерре. Священный характер придавался его останкам. Они творили бесчисленные чудеса. Они разрушили замыслы неверующих. Великая добродетель облекла фрагменты его гроба и одежды. Они были мощными талисманами от опасности в бою. Они срывали заговоры заговорщиков. И все же в самый суеверный век было мало благочестивых людей, которые не обладали бы гораздо большими притязаниями на атрибуты святого. Сид большую часть своей жизни был бунтарем. Он бросал вызов своему королю и угнетал его. Он служил мусульманам и, как их союзник, вторгся в христианское королевство Францию. Даже в стихах, призванных прославить его подвиги, он представлен высмеивающим папу Римского. Он сжигал церкви и грабил духовенство. Его вероломство вошло в поговорку. Он предал всех. Зверства, которые он совершал без угрызений совести, приводили в ужас даже его собственных последователей, давно привыкших к безжалостной резне беспомощных и старых. Его жестокость была невероятной. О добродетелях патриотизма, милосердия, прощения он ничего не знал. Даже его ортодоксальность справедливо подвергалась критике. Он был более снисходителен к неверным, чем, в глазах zelотов, стал истинно верующим. Он содержал гарем. Мусульмане составляли значительную часть его команды. Возникло даже подозрение, что он не

был похоронен по церковным обрядам. В 1541 году, когда его гробницу вскрыли, было найдено его тело, завернутое в мавританскую мантию, расшитую арабскими и арабскими надписями. Тем не менее, всеобщее почитание, с которым он относился к испанскому народу, как духовенству, так и мирянам, побудило Филиппа II, самого сурового из королевских фанатиков, потребовать его канонизации от папы Римского, церемонии, которой помешали только политические осложнения, потребовавшие внезапного отзыва испанского посла из Рима.

Оккупация Валенсии была последним достижением в жизни Юсуфа. За исключением города Толедо и княжества Сарагоса, которое вскоре пало от рук его сына, все королевство Мавританской Испании находилось под его властью. Это великое завоевание было совершено менее чем за три года. Его империя была равна по размаху империи Оммеядов и Аббасидов вместе взятых. Весь регион Северной Африки, от Туниса до Атлантики, подчинился его указам. Его владения занимали территорию, более чем в десять раз превышавшую территорию Западного халифата в эпоху его наивысшего расцвета. Даже первые правители ислама, на которых снизошла мантия Пророка, не претендовали на такую обширную юрисдикцию и не обладали такой деспотической властью. Каждую пятницу его имя повторялось в знак почтения и молитв правоверных с кафедр трехсот тысяч мечетей. Провинции Аль-Магриба, а также Испании серьезно пострадали от войн и революций; их города неоднократно подвергались разграблению; их сельскохозяйственное население значительно сократилось в результате порабощения и голода. И все же богатство империи Юсуфа было таково, что, несмотря на расходы на великолепный двор и несовершенную регулируемую систему налогообложения, он смог оставить своему преемнику сокровище весом в семь с половиной миллионов фунтов серебра и сто двадцать пять тысяч фунтов золота. Не менее тринадцати принцев, унаследовавших или узурпировавших титулы верховной власти, признали его своим господином. Ни при одном из халифов какой-либо династии бремя народа не казалось таким легким. Предметы первой необходимости были дешевле, чем когда-либо на памяти человека. Хлеб продавался по номинальной цене, а за бесценок можно было купить охапку отборных овощей и фруктов. Подавляющее большинство его подданных не платили налогов. Обычные расходы правительства покрывались за счет дани христиан и евреев; чрезвычайные требования были легко удовлетворены за счет военных трофеев. Всеобщая деморализация, однако, сделала невозможной долгосрочную реформу среди антагонистических государств полуострова, привыкших на протяжении поколений к преобладанию военных эксцессов и анархии. Надежды на общественное счастье и будущую безопасность, которые временами лелеяли люди, были в высшей степени иллюзорными. Теологическое влияние, фатальное для любого правительства, вскоре разрушило гигантскую, но нестабильную структуру правления Юсуфа. При нем и его преемниках власть факиев была первостепенной. Они диктовали все меры, распоряжались всеми должностями, участвовали во всех пожертвованиях. Их алчность и тирания возрастали вместе с открывающимися возможностями. Даже без иностранного вмешательства африканская монархия должна была в течение нескольких лет развалиться на куски. Разложение берберской армии было настолько быстрым и полным после того, как она подверглась искушениям и роскоши Андалусии, что Али был вынужден для своей собственной безопасности вербовать рекрутов из неверного населения Европы. Даже константинопольские греки, самые суеверные из христиан, самые вероломные из людей, находились в войсках естественного врага Церкви и реформатора мусульманской религии. Государственные чиновники избирались женщинами гарема, которые продавали прибыльные должности тому, кто предлагал самую высокую цену, или делились прибылью от вымогательства, в то время как

монарх молился и постился или прислушивался к увещаниям духовенства. Империя Альморавидов пала с той же быстротой, которая была столь заметна при ее основании. Прошло не так много лет, прежде чем африканские владения Испании были узурпированы расой диких фанатиков, а королевства Испании, за одним исключением, навсегда оказались под скипетром внушающих страх и ненависть христиан.

Годы правления Юсуфа, продолжавшиеся намного дольше обычного срока человеческого существования, включали в себя полное столетие, три обычных поколения людей. Его активная жизнь, его воздержанные привычки, его свобода от тех пороков, которые опустошают тело и ослабляют ум, позволили ему до последнего пользоваться всеми своими способностями. Хотя он был безжалостен по отношению к своим врагам, о нем рассказывают, что за все время своего правления, руководствуясь ошибочными гуманными побуждениями, он ни разу не подписал смертный приговор ни одному преступнику. Небольшая снисходительность была оказана двум сектам-данникам, которым по закону ислама было разрешено отправлять свои культы. С обеих сект строго взимались взносы, установленные преемниками Мухаммеда. Христианам было запрещено привлекать прозелитов. Все их недавно построенные церкви были разрушены. Традиция неясного происхождения, издавна существовавшая на полуострове, была использована в качестве предлога для введения нового и остроумного налога на евреев. Говорили, что евреи пообещали Мухаммеду, что, если Мессия не придет до 500 года Хиджры, их народ станет мусульманским. Время еще не истекло, но Юсуф обязал евреев своих владений выплатить огромную сумму, благодаря которой они и их потомки были освобождены от акта отступничества, о котором они никогда не помышляли, основанного на традиции, вероятно, выдуманной каким-нибудь праздным и лживым теологом.

Феноменальный взлет Альморавидской империи, ее поразительное богатство и кажущаяся стабильность, внезапность ее распада демонстрируют несовершенную сплоченность плохо сбалансированных и дезориентированных элементов мусульманского общества. Арабский и берберский характер, никогда добровольно не подчинявшийся благотворным ограничениям закона и цивилизации, теперь был связан узами брака с гражданским беспорядком и привычной свободой от контроля, потворство которым придавало немалое сходство с условиями хищнической и независимой жизни в Пустыне. Карьера Юсуфа во многом была построена по образцу карьеры Мухаммеда. Начатые им реформы принесли временный мир и иллюзорное процветание, но испанские мусульмане стали слишком деградировавшими, чтобы ценить благословения спокойствия и порядка; и их князья, хотя и осознавали надвигающуюся опасность христианского превосходства, неразумно позволили своим частным распрям и личным предрассудкам внести непосредственный вклад в подрыв как их авторитета, так и их религии.

Скипетр Юсуфа перешел к его сыну Али, молодому человеку двадцати трех лет, чьи воинственные устремления были постоянно подчинены его религиозным обязанностям и его пристрастию к обществу духовенства. Резиденция правительства, как и при предыдущем правлении, оставалась в Марокко. Столицы различных испанских штатов и провинций удерживались либо преданными вассалами короны, либо военными губернаторами с устоявшейся репутацией и несомненной лояльностью. Едва Али вззошел на трон, как граждане Сарагосы, устав от тирании Бени-Худа, обратились к нему за защитой; и этот город, ключ к долине Эбро и последняя из великих столиц мавританской Испании, отказавшаяся от своей

независимости, был включен без кровопролития в состав колоссальной империи Альморавидов.

Обладание территорией, некогда оккупированной халифатом, не удовлетворяло беспокойный дух Али, политика которого стремилась к такому масштабному и неосуществимому плану, как полное уничтожение христианской державы. Его честолюбие поддерживалось и даже в значительной степени стимулировалось его рвением, которое побудило его к ведению непрекращающихся военных действий против врагов ислама. За оккупацией Сарагосы Темимом, сыном Юсуфа и губернатором Валенсии, последовало вторжение во владения Альфонсо VI. и осада Уклеса. Кастильская армия, посланная на подмогу этой крепости, столкнулась с мусульманами недалеко от ее стен. Произошла кровопролитная битва, и христиане, значительно превосходившие своих противников численностью, потерпели сокрушительное поражение. Санчо, любимый сын короля от его мавританской жены или наложницы Зайды, которая была дочерью Мотамида, бывшего принца Севильи, был убит в бою, и горе Альфонсо было настолько сильным, что он пережил тяжелую утрату всего на несколько месяцев. Его гению солдата и правителя справедливо приписывается значительная доля величия кастильской монархии. Он пересек территорию своих мусульманских врагов от одного конца полуострова до другого. За время своего долгого и богатого событиями правления он выиграл тридцать девять сражений. Великий во всех популярных качествах того времени, его деяния произвели глубокое и неизгладимое впечатление на национальный характер Испании.

Раздоры, последовавшие за смертью их государя, серьезно угрожали целостности королевства. Деятельность Темима вызвала смятение по всей христианской границе. Оканья, Аурелия, Куэнка снова оказались под властью мусульман. Политика Аль-Мансура, который в течение четверти века без перерыва вел Священную войну, была возобновлена. Али подкрепил своего брата армией в сто тысяч африканцев, которая, опустошив большую часть Кастилии, приступила к осаде Толедо. Не сумев произвести никакого впечатления на эту крепость, захватчики взяли штурмом и сожгли Талаверу, Гвадалахару, Мадрид и многие другие, менее важные города. Ибн-Аби-Бекр вторгся в Португалию и захватил Сантарен и Лиссабон. Удаленность его столицы, беспокойный и импульсивный характер его подданных, опасность внезапного переворота вскоре вызвали необходимость возвращения Али, предприятие которого не могло быть достойно названия кампании и на самом деле было не более чем гигантским набегом. Число христианских пленников, следовавших в обозе его армии, превысило любое число, перешедшее пролив со времен вторжения Мусы. Год за годом приспешники султана совершали опустошительные набеги на вражескую страну. В этих экспедициях пощады не было и не ожидалось. Все пленники, которых нельзя было использовать в качестве рабов, были бесчеловечно убиты, а женщины и дети выставлены на продажу на рынках Аль-Маграба, Египет и Сирия.

Потеря Альфонсо VI. Правление Кастилии было компенсировано возвышением другого Альфонсо, короля Арагона, прозванного за свои боевые наклонности Эль Батальадором. Под руководством его гения христиане снова начали успешно останавливать продвижение мусульманских завоеваний. Линия крепостей вдоль границы постепенно перешла в их руки. Были взяты великие города Лерида и Сарагоса. Во многих ожесточенных сражениях яростные атаки мусульман были отбиты хладнокровием и решительностью их противников. На кровавом

поле Кутанды, в безуспешной попытке спасти город Калатаюд, эмир Валенсии оставил двадцать тысяч своих самых храбрых солдат. Как только ситуация изменилась, несчастья мусульман быстро последовали одно за другим. Твердыни Севера были поглощены растущей мощью королевства Арагон. Португалия и большая часть долины реки Дору, которые подчинились Юсуфу, были снова включены в состав штатов Кастилия. Упадочное состояние его империи на полуострове спровоцировало еще один набег Али во главе огромной африканской армии, с еще менее решительными результатами, чем в предыдущем. Неспособность государя в его далекой столице защитить своих подданных от гнета их правителей, а также защитить свои границы от посягательств врага становилась с каждым днем все более очевидной. Влияние теологов, как и можно было ожидать, исходя из своеобразного характера Али, было первостепенным. Факи и кади были истинным источником власти, распространителями благосклонности, безжалостными орудиями угнетения и мести. Они стояли на ушах у каждого провинциального магистрата и военачальника — чиновников, чье невежество преувеличивало осведомленность их беспринципных советников, — и пожинали плоды грабежей и жестокости, в то время как их одуроченные терпели позор их вопиющей и бесстыдной несправедливости. Их нетерпимость настроила их против любой науки, вплоть до осуждения самых выдающихся ученых своей собственной секты маликитов. Ни один философ не осмеливался открыто придерживаться еретического мнения. Поэты, прежде привыкшие к достатку, бродили в лохмотьях и постоянно находились на грани голодной смерти. Клерикальные и судебные гарпии, контролировавшие администрацию, обеспечивали трудоустройство евреев в качестве фермеров, собирающих доход, и делили с этими неумолимыми сборщиками плоды их жадности и вымогательства. Благодаря своим редким возможностям они вскоре стали самым богатым классом в Андалусии. Ибн-Хамден, кади Кордовы, превзошел всех своих братьев по богатству, его состояние оценивалось в несколько миллионов золотых монет. Воодушевленные своим примером и успехом, берберские офицеры и солдаты грабили и преследовали людей, и без того доведенных до отчаяния поборами коррумпированных чиновников, действующих под извращенной властью закона. Они захватили их собственность. Они вторглись в их частную жизнь, безудержно потворствуя похоти и грабежу. Жены и дочери самых уважаемых граждан не могли появиться на улицах без опасности быть оскорбленными. В результате этих злоупотреблений армия была полностью деморализована, солдаты отказывались встречаться с врагом лицом к лицу, и возникла необходимость вербовать банды наемников, случайно набранных в портах Средиземноморья, для размещения гарнизонов в главных городах. На протесты возмущенных и страдающих жертв не было обращено никакого внимания. Наконец революционный дух Кордовы снова заявил о себе. Жители восстали, берберы были окружены и вырезаны, и ни один представитель этой отвратительной расы, осмелившийся противостоять ярости толпы, не выжил. Появление Али не привело повстанцев в благоговейный трепет, но начало осады вскоре привело их к соглашению. Зная о провокациях, которым они подверглись, султан относился к своим мятежным подданным с необычной снисходительностью, требуя лишь денежного возмещения тем из их жертв, которым удалось спастись, и щедрой компенсации семьям погибших. Именно находясь в Кордове, Али получил первые сведения о восстании в Африке, популярность и прогресс которого были дурным предзнаменованием для незыблемости и без того пошатнувшейся власти альморавидов.

ГЛАВА XVIII

ИМПЕРИЯ АЛЬМОХАДОВ

1121-1212

Возвышение Абу-Абдаллы, Махди —Его Характер и таланты—Он восстает против Али—Его богатая событиями карьера—Абд-аль-Мумен становится Его преемником—Упадок власти Альморавидов в Испании—Набег Альфонсо Арагонского—Разгром Фраги—Смерть Альфонсо—Нерешительный характер кампаний в Войне за Отвоевание—Успехи Абд-аль-Мумена в Африке—Победы Альмохадов—Естественная враждебность мавров и берберов—Анархия на полуострове—Он захвачен африканцами—Установление империи Альмохадов в Андалусии—Альмерия захвачена христианами—Ее возвращение берберам—Смерть Абд-аль-Мумена—Его Гений и величие—Восшествие на престол Юсуфа—Его общественные работы—Он организует Великую экспедицию—Он умирает, и ему наследовал Якуб—Провозглашена Священная война—Битва при Аларкос—Последствия африканского превосходства—Смерть Якуба—Хиральда—Мухаммед—Он пытаетсяПодчинить христиан—Отчаяние последних—Битва при Лас—Навас-де Толоса - Полный разгром армии альмохадов.

Вошедшая в поговорку нестабильность племен Северной Африки, обычно подверженных самым низменным суевериям, являющихся добычей сменяющих друг друга поколений религиозных самозванцев, неспособных к систематической гражданской организации, моральной последовательности, личной лояльности, теперь должна была быть вновь продемонстрирована революцией, которая по основным обстоятельствам своего возникновения и прогресса была почти копией предыдущей, которая сделала утонченное и интеллектуальное население Испании, справедливо гордившееся традициями халифата, подданными—данниками иностранного и варварского правителя. Как и у любой расы, внезапно соприкасающейся с высшей цивилизацией, не проходя промежуточных фаз, присущих регулярному и предопределенному развитию наций, разложение и дегенерация берберов развивались с поразительной быстротой. Среди доселе неизвестных соблазнов роскоши и порока исчезли примитивные добродетели щедрости, мужества и гостеприимства. Фетишизм Пустыни был заменен ложной и абсурдной мусульманской верой, которая сохранила в качестве существенных частей своего учения наиболее предосудительные и оскорбительные принципы язычества. Религиозные учителя народа, более глубоко зараженные, чем их ученики, и тесно связанные с евреями, чье богослужение и чьи догмы они порицали публично и потворствовали им тайно, превратились в монстров вымогательства, расточительства и несправедливости. Воинственные наклонности Юсуфа не перешли к его сыну, который ежедневно демонстрировал, к радости духовенства и изумлению народа, унижение преданного, пример, достаточно назидательный для святого, но странно неподходящий для государя, чей трон поддерживался оружием, а подданные привыкли существовать за счет завоеваний и грабежей. Ни один факи, желающий снискать репутацию набожного человека, не молился и не постился с такой настойчивой регулярностью, как Али. Большую часть своего времени он проводил в мечети, а управление ею, тем временем, было узурпировано духовенством и придворными дамами. Прямое вмешательство женщин в государственные дела было практикой, ранее неизвестной мусульманской конституции. Однако во время правления Али жены и наложницы крупных чиновников фактически контролировали политику правительства с помощью благосклонности и подкупа, торговали назначениями на гражданскую и военную службу, своевольно смещали высших сановников и прощали разбойников и других злоумышленников,

осужденных за чудовищные преступления. Противоречивые мандаты и неуверенное исполнение законов, возникшие в результате конфликта интересов и нерешительности амбициозных и коррумпированных женщин, вызвали неразбериху и вызвали презрение и негодование людей. В Испании, удаленной от столицы империи, царившие беспорядки и угнетение достигли своей кульминации; и даже постоянное знакомство с военными злоупотреблениями не могло примирить граждан андалузских столиц с невыносимой наглостью альморавидской солдатни.

Примерно в это же время в африканских владениях Али появился новый реформатор, наполовину энтузиаст, наполовину шарлатан, чей аскетизм и осуждение господствующей в то время роскоши и нечестия сразу привлекли внимание и внушили благоговение масс. Его звали Абу-Абдаллах; его происхождение — обозначенное именем, отсылающим к призванию его отца, фонарщика в мечети его родной деревни, — было самым скромным; но природа наделила его талантами, которые рано сделали его лидером среди людей. Его образование, полученное в знаменитых школах Кордовы, Багдада и Каира, было намного выше его ранга, и благодаря усердной учебе и обширным путешествиям по зарубежным странам он накопил обширный фонд знаний и даже в центрах мусульманской образованности приобрел репутацию опытного полемиста и богослова. Ученик великого Аль-Газзали, он с рвением воспринял доктрины этого знаменитого философа, чьи работы, заклеянные кордовским духовенством как неортодоксальные и нечестивые, были публично преданы огню, а обладание ими стало причиной безжалостных преследований со стороны фанатичных религиозных советников Али. Последующее поведение реформатора могло бы навести наблюдательного и недружелюбного критика на мысль, что это неблагоприятное восприятие догм одного из самых известных учителей ислама оказало немалое влияние на формирование мнений и определение карьеры амбициозного молодого берберского студента. Завершив образование, Абу-Абдаллах вернулся в свой дом среди соплеменников Масмуды в стране Сус. Его путешествия и учеба, руководимые острым и энергичным интеллектом, дали ему глубокое понимание человеческой природы, в то время как превосходство его литературных достижений снискало ему величайшее уважение со стороны простых и невежественных пастухов, среди которых ему выпала судьба. Со дня своего возвращения он напускал на себя таинственный вид, хорошо рассчитанный на то, чтобы произвести впечатление на доверчивых людей с богатым воображением. Он принял титул Аль-Махди, или Лидера, слово, синонимичное Мессии, персонажу, пришествие которого предсказывали основатели почти каждой секты восточного происхождения. Он дерзко и красноречиво выступал против грехов выродившихся мусульман. Как и все реформаторы, чей успех требует реальной или кажущейся демонстрации святости, его жизнь являла собой поучительный пример самоотречения и практики самых суровых добродетелей. Его одежда была скудной и из самых грубых материалов. Его единственное имущество состояло из посоха и кожаной бутылки. Питаясь подаянием и ночуя во дворах мечетей, где в течение дня страстным красноречием он призывал заблудших к покаянию, он недолго оставался в одиночестве. Толпы людей собирались, чтобы принять участие в его богослужениях и насладиться благом его молитв. Сумасбродный гений бербера, впечатленный выставкой, столь соответствующей его природе, и движимый любовью к новизне, вскоре распознал в святом человеке проводника, вдохновение которого черпалось непосредственно с небес. Среди первых его учеников был юноша выдающегося происхождения и необычной личной привлекательности по имени Абдаль-Мумен, которого Махди, как его теперь все называли, избрал своим советником, и чьи военные таланты и исполнительные способности, как вскоре стало очевидно, превосходили

таланты любого человека его времени. Сопровождаемый небольшой группой последователей, Махди легким шагом добрался до Марокко, порочность граждан которого он постоянно представлял как достойную самого сурового наказания, какое только может быть наложено гневом разгневанного Божества. Недаром он обличал пороки великой столицы Альморавидов. Несмотря на столь недавнее основание, он уже вошел в число самых богатых, великолепных и распутных городов мусульманского мира. Его население было собрано с трех континентов; его торговля простиралась от зоны замерзания до стран далеко к югу от экватора; его расточительные развлечения по своему бесстыдству и чудовищному разнообразию не уступали вошедшим в поговорку мерзостям древнего Карфагена.

Первым публичным актом Махди после его прибытия был тот, чья беспримерная смелость была превосходно рассчитана на то, чтобы доказать святость его мнимой миссии вплоть до самых отдаленных границ империи. В одну из пятниц праздника Рамадан в главной мечети столицы собралось огромное количество людей, ожидавших прибытия султана. Перед появлением королевского кортежа изможденная фигура, бедно одетая, с глубоким и торжественным акцентом произносящая стихи из Корана, прошла через собравшихся и без церемоний уселась на трон. Увещевания служителей мечети не произвели никакого эффекта на незваного гостя, и даже при приближении самого Али он остался на своем месте, в то время как вся паства встала и благоговейно замерла в присутствии своего монарха. В умах правоверных мусульман эксцентричность ума и безумие нередко считаются доказательствами божественного вдохновения; самые возмутительные обвинения со смирением принимаются величайшими властителями; и, ободренные безнаказанностью, дервиши и сантоны, уверенные в терпимости монарха и аплодисментах толпы, не колеблясь нарушают всякое чувство приличия и почтения при осуществлении своих планов самозванства. Существование этого суеверного предрассудка предотвратило растление Махди, чья репутация предшествовала ему, но чья личность была еще неизвестна жителям Марокко. Не удовлетворившись узурпацией своего места, дерзкий реформатор даже осмелился в резких выражениях упрекнуть султана в присутствии собрания и предупредил его, что, если он не исправит ошибки своего правительства и пороки своих подданных, ему вскоре придется отчитаться перед Богом за свое пренебрежение. Изумление и ужас принца превосходили только опасения народа, который с равной тревогой ожидал свершения чуда или начала революции.

С этого дня религиозная власть Махди была установлена во всех африканских владениях Али. Его аудитория исчислялась тысячами. Огромное количество прозелитов согласились с его доктринами, и его движения начали серьезно привлекать внимание правительства, чиновники которого с нескрываемым ужасом наблюдали за его быстро растущей популярностью и за тем эффектом, который его речи и показной аскетизм производили на капризные и легко вводимые в заблуждение массы. Он был допрошен министрами, некоторые из которых советовали его немедленную казнь, но, поскольку до сих пор он ограничивался религиозными увещеваниями и не претендовал на осуществление светской власти, невежливое милосердие Али, не обращавшего внимания на аналогичные обстоятельства, которые сопровождали приход к власти его собственной семьи, отравило невинным самым опасным врагом его жизни и его трона. Урок, который он только что получил, не остался незамеченным для осторожного самозванца, который меньше всего на свете жаждал почестей мученичества. Он покинул столицу и отправился в Фес, где в течение значительного периода времени держался в уединении, но через своих преданных эмиссаров все еще сохранял и даже увеличивал свое влияние на невежественное население, глубоко впечатленное тайной, которая окружала его

передвижения, а также посланиями оракулов, которыми он питал любопытство и стимулировал ожидания своих последователей. Наконец, без предупреждения, он снова появился на улицах Марокко. Восторженный прием, оказанный ему, дал понять, что его популярность ни в коем случае не уменьшилась за время его отсутствия. Его дерзость и расточительность теперь стали более оскорбительными, чем когда-либо. Он осудил публичное и частное поведение монарха и его двора, используя эпитеты, выражающие величайшее порицание. С помощью своих учеников он хватал сосуды с вином на базарах и выливал их содержимое на улицы. Вид музыкального инструмента привел его в ярость и послужил сигналом к его немедленному уничтожению, а также к жестокому обращению с владельцем. Его благочестие не выносило даже веселых песен, и те, кто осмеливался наслаждаться этим безобидным развлечением в его присутствии, быстро замолкали под градом ударов. Апогей дерзости и возмущения был достигнут, когда Махди, однажды столкнувшись на одной из общественных улиц столицы с сестрой Али, которая, в соответствии с распространенным обычаем мавританских дам Африки и Испании, сняла покрывало, грубо оскорбил ее за это нарушение предписаний Пророка и закончил тем, что сбросил ее с седла в канаву, к ужасу и оцепенению ее многочисленной свиты. Преступление такого вопиющего характера, совершенное любым человеком, не защищенным влиянием самого грубого суеверия, по восточным законам немедленно каралось смертью. Но благоговение, питаемое к священной профессии преступника, всеобщее подозрение в его безответственности и фатальное безразличие к его быстро растущему могуществу подсказали, что наказание было незначительным, и смелый и безрассудный новатор был изгнан из города. Повинуясь букве, если не духу своего приговора, он отправился на соседнее кладбище, соорудил там жалкую лачугу и, окруженный значительными памятниками умершим, начал заново свои пророчества о надвигающемся зле и свои декламации против порока и продажности сановников империи. Снисходительность, с которой власти относились к его преступлениям, была искажена страхом и фанатизмом в преследование и несправедливость, и нарушитель закона сразу же был возведен в ранг мученика. Затем страсти невежественных людей были искусно разжигаемы заявлениями о том, что жизнь их лидера находится под угрозой, и была организована телохранительница из полутора тысяч хорошо вооруженных солдат, которая постоянно следила за безопасностью самозванного Посланника Бога. Теперь султан начал осознавать, хотя и слишком поздно, последствия своей несвоевременной снисходительности. Он отдал Махди категорический приказ покинуть окрестности столицы. Последний, утверждая, что он уже выполнил указания своего государя, на которые указывал приговор об изгнании, и чувствуя себя в безопасности среди своих преданных приверженцев, сначала отказался покинуть свое положение; но, узнав, что меры для его убийства уже приняты, он поспешно бежал в отдаленный город Тинамал, где раскрыл свою мнимую миссию. Там, в мечети, он впервые открыто заявил о своих притязаниях на светскую власть. Сочувствующая публика была доведена до иступления его таинственными предсказаниями и пылким красноречием; его притязания на всемирное господство как Поборника Веры и восстановителя чистоты ислама были встречены толпой бурными аплодисментами, и посреди суматохи Абд-аль-Мумен и десять его товарищей, встав и обнажив мечи, поклялись в вечной верности своему лидеру. Их примеру последовала вся община; и таким образом, во второй раз в центре Сахары была торжественно провозглашена мусульманская реформация, предшественница гигантской, но непрочной и непостоянной империи. Не успел быть сделан этот решающий шаг, как Махди приступил к организации своего правительства путем назначения гражданских и военных чиновников. Абд-аль-Мумен был назначен визирем; десять прозелитов, поклявшихся в верности в мечети, были объединены в Высший совет; и двум подчиненным органам,

состоявшим соответственно из пятидесяти и семидесяти учеников, было поручено управлять делами второстепенной важности; результат их обсуждения зависел от одобрения или отклонения самого Махди. Революционеры, число которых, ежедневно пополнявшееся за счет присоединения воинственных племен Пустыни, теперь стало внушительным, приняли название альмохадов, или унитариев, не только для того, чтобы отличать их от христиан, чьи тринитарные догмы и поклонение образам заставили всех мусульман называть их идолопоклонниками, но и для того, чтобы указать на возвращение к первоначальной простоте ислама, давно испорченного неортодоксальными практиками и распутными манерами их соперников-альморавидов. Странная и таинственная судьба, казалось, сопутствовала судьбе последних на каждом поле боя, где они сталкивались с армиями новоявленного Пророка. В четырех последовательных сражениях солдаты Али, охваченные паникой в присутствии врага, почти без сопротивления уступили атаке берберской кавалерии; их знамена и поклажа были захвачены, а тысячи беглецов, перебитых в безрассудном бегстве, искупили потерей жизни и чести свою изнеженность и трусость.

Мнение, широко распространенное в умах неграмотных людей, о том, что военный успех является непогрешимым критерием религиозной истины, начало оказывать свое влияние на альморавидов. Ужас, испытываемый ими при виде врага — на самом деле из-за ослабления дисциплины и опасения чудесных способностей дерзкого шарлатана — повсеместно приписывался сверхъестественному влиянию. Миссия Махди не требовала дальнейшей демонстрации своего божественного происхождения. Отныне его высказывания воспринимались как друзья, так и врагами как Божьи оракулы. Его авторитет среди доверчивых и страстных обитателей Пустыни с каждым днем возрастал. Солдаты Альморавидов уклонялись от встречи с врагом, чей белый штандарт, казалось, был наделен мистическими свойствами талисмана. Махди, в какой-то мере отказавшись от своего характера притворного смирения, теперь принял величие монарха. Он окружил себя великолепно назначенной телохранительницей. К его трону подходили просители благосклонности с унижительным и сложным церемониалом восточного деспотизма. В высокомерных и угрожающих выражениях он потребовал подчинения и дани от Али, который, удрученный повторяющимися несчастьями, начал разделять со своими невежественными подданными благоговейный трепет, охвативший его личность и атрибуты его торжествующего и грозного противника. Планы последних до сих пор осуществлялись без установленной базы операций, лагерь альмохадов перемещался с места на место по зыбучим пескам пустыни; но теперь руководство двадцатитысячной армией, пропитание и кров для огромного множества мирных жителей, а также достоинство и мощь новой и растущей политической организации настоятельно требовали постоянного места жительства и признанного центра власти. Среди высоких утесов горного отрога, простирающегося от хребта Тлемсен до Атлантического океана, стояла деревня Тинамал. Его уединенное положение, естественная защита, близость как к богатым городам побережья, так и к плодородным регионам внутренних районов страны, характер его населения, которое в большинстве своем горячо верило в миссию Махди, делали его замечательным местом как для начала завоевания, так и для установления изматывающей системы грабительской войны. К нему вели узкие и извилистые тропинки, которые, петляя по склону горы, открывали, с одной стороны, неприступный утес, с другой — пропасть, глубины которой были окутаны вечным мраком. С его зубчатых стен, почти скрытых облаками, за продвижением вражеского отряда можно было наблюдать на многие мили, пока он медленными и неуверенными шагами шел своим опасным путем. В этой горной твердыне Махди устроил свою резиденцию и основал

столицу. Естественные препятствия на пути захватчика были значительно умножены искусственными ресурсами инженерного мастерства. Башни и крепости были возведены в точках, контролирующих различные подходы к горной цитадели. Через ревущие потоки были переброшены подъемные мосты. Стены и ворота преграждали проход, где незначительный отряд мог с легкостью остановить продвижение многочисленной армии. Деревня Тинамаль вскоре превратилась в город, жители которого, живя за счет грабежа своих соседей, стали бичом и ужасом мирных и беззащитных подданных Али. После долгого пребывания у власти Махди, близкий к смерти от смертельной болезни, решил ознаменовать свои последние дни предприятием, достойным тех притязаний, которые он на себя взял, и успеха, который до сих пор благоприятствовал его начинаниям. Для захвата Марокко была собрана армия в сорок тысяч человек. В отчаянной схватке под стенами этого города Альморавиды, превосходившие своих противников численностью вдвое к одному, были обращены в бегство и с ужасной резней преследовались до его ворот. Но судьбе Альмохадов, до сих пор непобедимых, теперь было суждено получить серьезный удар. Непривычные к ведению осады, солдаты Абд-аль-Мумена обычно пренебрегали мерами предосторожности, которые в присутствии врага необходимы для безопасности лагеря. В пределах огромной окружности столицы были собраны для последней битвы собранные ресурсы империи. Тысячи беглецов от недавней катастрофической битвы нашли убежище за ее стенами. Подкрепления были стянуты из каждой африканской провинции, а также из уменьшившихся андалузских армий, их собственные силы и без того были сильно подорваны неоднократными вторжениями христианского врага. Конструирование военных машин и управление ими были доверены группе византийских и сицилийских инженеров, привлеченных для этой цели. Солдаты были воодушевлены присутствием и примером султана, который на время отказался от Корана ради меча и был готов исполнить роль доблестного и решительного командира. Горожане, доведенные до отчаяния приближением врага, чей безжалостный характер проявился в резне беглецов и пленных и от свирепости которого, усугубленной длительным сопротивлением, они не могли ожидать снисхождения, мужественно сотрудничали с гарнизоном в защите своих домов, своих семей, своей собственности и своего короля. Первые вылазки альморавидов, проведенные лидерами, обученными партизанским боям во время войн в Испании, оказались катастрофическими для осаждающих. Последние, внезапно остановленные в непрерывном победном пути, были смущены и встревожены, и их уверенность была поколеблена по мере того, как поднимался дух их противников. Воодушевленные успехом, атаки последних стали более энергичными и решительными; последовало генеральное сражение, альмохады были разгромлены с ужасающей резней, и только благодаря напряженным усилиям Абд-аль-Мумен и горстке выживших удалось спастись от копий альморавидской кавалерии. Депрессия, вызванная одной-единственной катастрофой, оказала более сильное воздействие на умы учеников Махди, чем престиж, полученный от множества побед. Влияние, которое таинственным образом воздействовало на воображение всех, кто осмеливался оспаривать притязания самозванца, заметно ослабло. Непостоянные соплеменники тысячами покидали его знамена. Но в течение нескольких лет его красноречие и такт смогли восполнить понесенные им потери; другая армия под командованием Абд-аль-Мумена выступила с гор, и блестящая победа, одержанная над сторонниками Али, восстановила честь и кредит дела альмохадов. Махди недолго пережил свой триумф. Охваченный волнением, вызванным возвращением его солдат с добычей и пленными, он умер, после того как поручил верующему Абд-аль-Мумену выполнение задачи завоевания и преобразования, которую он так успешно начал.

Из всех пророков и реформаторов, основателей династий, завоевателей королевств, восстановителей Веры, которые с самого начала появились в сфере ислама, никто не претендует на большее отличие, чем Абу-Абдаллах по прозвищу Махди, основатель секты альмохадов. Не обладая командирским гением и оригинальностью Мухаммеда, он не уступал этому замечательному персонажу в остроте восприятия и энергии характера и намного превосходил его в образовании, красноречии, практическом знакомстве со слабостями и предрассудками человечества. Наводящие на размышления примеры его предшественников, которые достигли верховной власти благодаря притязаниям на вдохновение и военным достижениям, побудили его основать для себя политическую и религиозную империю. В его душевном складе было больше шарлатана и меньше солдата, чем было свойственно многим реформаторам, поэтому он до последнего сохранял свой уединенный аскетизм, но в случае крайней необходимости без колебаний рисковал своей жизнью на поле боя. Ни один ученый не был лучше него сведущ в литературе и науке своего времени. Его проницательность не уступала вкрадчивости самого опытного переговорщика. Осуществляя свои честолюбивые проекты, он никогда не заботился о комфорте или безопасности своих последователей; при осуществлении своей мести всякое чувство жалости и снисхождения было безжалостно отброшено в сторону. Его влияние на своих учеников поддерживалось апелляциями к суевериям и искусством обмана, соответствующими темпераменту невежественных и легковверных. Чтобы скрыть эти махинации, жалкие инструменты, с помощью которых они были осуществлены, были немедленно преданы смерти. Те люди, которым не повезло навлечь на себя вражду лжепророка, были похоронены заживо. Такова была степень его власти над массами, что преступления, совершенные по его приказу или с его санкции, рассматривались в свете добродетелей; что его ложные претензии на божественность были приняты целыми народами, которые почитали его даже больше, чем его великого прототипа Мухаммеда, и которые продемонстрировали свою несокрушимую веру в его миссию, поставив его друга и преемника, к которому перешла его власть, наравне с величайшими властителями эпохи.

В то время как победы Альмохадов в Африке подрывали и без того рушащуюся империю Али, его испанские владения были захвачены и опустошены армиями Арагона и Кастилии. Господство духовенства, последовавшее за возвышением династии Альморавидов, стало сигналом к гонениям на христиан. В Андалусии, и особенно по всему Гранадскому княжеству, где в изобилии проживали мосарабы, мусульманские богословы с неограниченной суровостью пользовались присущей им привилегией угнетения. Церкви и монастыри были конфискованы или разрушены под предлогом их строительства после Завоевания - акты вторжения, которые, хотя и противоречили положениям Мусы, веками молчаливо игнорировались. На христианских данников были наложены налоги, намного превышающие предписанные мусульманским законодательством. По самым надуманным обвинениям их имущество было конфисковано. Им были нанесены все унижения, какие только могли придумать народная зависть или религиозная ненависть. Их терпение истощилось, и мосарабы Гранады, которые через посредство еврейских купцов долгое время поддерживали тайные сношения со своими кастильскими братьями, сношения, которые побуждали и поощряли многие грабительские экспедиции, теперь начали подумывать о постоянной свободе от условий, едва ли менее невыносимых, чем рабство. Серьезные трудности, с которыми столкнулась империя Альморавидов; презрительное безразличие ее правителя к жалобам своих подданных; череда побед альмохадов; уход в Африку лучших андалузских войск для защиты Марокко; наступление кастильских форпостов, перед лицом посягательств которых граница постоянно отступала; отвоевание Сарагосы,

последнего важного мусульманского оплота на Севере, - все это вселяло надежду на то, что христианское господство и христианская вера теперь могут быть легко восстановлены. основан от Пиренеев до Средиземноморья. Воодушевленные несвоевременными мечтами о свободе, мосарабы пустили в ход все средства уговоров и аргументов, чтобы спровоцировать вторжение христианских князей. Они отправили тайных посланников ко двору Кастилии. Они послали Альфонсо I, королю Арагона, топографические описания страны, списки ее армий, информацию о расположении ее складов, а также об относительном расположении и соответствующей силе ее крепостей, замков и arsenалов. Они обещали свои услуги в качестве проводников и первопроходцев. Они пообещали поддержку христианских данников Гранады, которые благодаря благосклонности, которой они пользовались при еврейских министрах, превосходили по численности и богатству любую другую провинцию империи. Чтобы гарантировать успех, мосарабы подробно рассказали о достопримечательностях, которыми отличалась самая плодородная и красивая долина в Андалусии. Нет ничего странного в том, что алчность арагонских кавалеров была возбуждена такой картиной, а их государя соблазнила перспектива, столь лестная для его честолюбия. Была спешно организована экспедиция, и во главе двенадцатитысячной кавалерии Альфонсо вступил в страну врага. Но предприятие, обещавшее такие великолепные результаты, закончилось бездействием, которое было еще более позорным, чем поражение. Мосарабы, верные своим обязательствам, во множестве присоединились к захватчикам. Они провели его войска малолюдными тропами через опасные горные ущелья. Они снабдили своих союзников деньгами, провизией, лошадьми и вьючным скотом. Сорок тысяч добровольцев пополнили ряды арагонской армии. Но по какой-то необъяснимой причине эта огромная сила ничего не добила. Король, чья решимость, казалось, подвела его перед отважными провинциалами Гранады, удалился в замешательстве от стен Валенсии, Хукара, Дении. Жители Базы, чей город не был обеспечен средствами обороны, с большими потерями отразили натиск грозного рыцарства Севера, сражаясь под присмотром правителя, с детства привыкшего к опасностям и хитростям войны. Время, потерянное христианами, которые, казалось, были неспособны оценить преимущества внезапности и нападения, было старательно увеличено их противниками. Темим, брат султана и губернатор Гранады, собрал подкрепления из всех районов полуострова, удерживаемых альморавидами. Войска, которые были отправлены в Африку, были отозваны. Укрепления столицы, которые в то время были далеки от законченного и неприступного характера, впоследствии приданного им военным гением и обильными расходами альхамаров, были улучшены настолько, насколько позволяли время и обстоятельства. За мосарабами был установлен строгий шпионаж. Самые несносные были заключены в тюрьму. Другие были изгнаны из города. Большие силы были разбиты лагерем на склонах Сьерра-Невады, но близость христиан, аванпосты которых были отчетливо видны с зубчатых стен цитадели, и присутствие тысяч тайных и непримиримых врагов вселили в умы мусульман самые мрачные опасения. В ежечасном ожидании нападения толпы людей собирались в мечетях, где имамы возносили мольбы, предписанные Кораном для экстремальных периодов. Хотя численность христианской армии достигала пятидесяти тысяч человек, подавляющее большинство из которых составляли мятежники-мосарабы, не лишенные опыта ведения войны и доведенные до отчаяния воспоминаниями о недавних преследованиях и безнадежностью будущей неприкосновенности, она бездействовала в своих укреплениях. Знакомство с врагом постепенно вытеснило из умов мавров страхи, вызванные превосходящими силами противника. Летучая арабская кавалерия прочесала равнину в поисках средств к существованию и фуража. Небольшие группы христиан были отрезаны. Наступил сезон дождей; ручьи вышли из берегов;

пересохшие овраги превратились в непроходимые потоки, и болезни и нужда начали вторгаться во враждебный лагерь. Тогда Альфонсо решил отступить. Только один путь был открыт, ибо горы, отделявшие его от королевства, уже были белы от снега, а активные мусульмане, предвидя благоприятный поворот событий, давно заняли перевалы в его тылу. Бросив своих союзников, которые пожертвовали честью, верностью и свободой, повинаясь его призыву, король Арагона двинулся на юг. Преодолев опасные ущелья Альпухаррас, христиане вышли наконец на тропическое побережье Велес-Малаги. Кавалеры негостеприимного Севера были очарованы восхитительной перспективой, открывавшейся перед плантациями хлопка и сахара, апельсиновыми и пальмовыми рощами, а также изобилием пахучих кустарников и цветов, чье благоухание наполняло воздух. Но захватчики не могли долго наслаждаться радостями этого рая. За ними стояла вся страна с оружием в руках. Все силы, доступные для этой цели, были собраны по всем мусульманским владениям, чтобы помешать их отступлению. Для отставшего было верной смертью выйти за пределы лагеря. Провизию удавалось добыть с величайшими трудностями из-за опасений мосарабов и бдительности врага. В дополнение к смущению короля, число его сторонников увеличилось из-за нежелательного присутствия большого числа мирных жителей, которые потребляли припасы, затрудняя передвижения и снижая безопасность армии. Десять тысяч мосарабов, многих из которых сопровождали их семьи, предпочитавшие сомнительный исход военной кампании и тяготы долгого и утомительного похода определенной жестокости мавританской мести, препятствовали продвижению христиан. Едва ли это соответствовало требованиям гуманности - покидать этих беженцев, связанных с его расой двойными узами крови и религии; и Альфонсо был вынужден, во многом против своей воли, терпеть их присутствие и заверять их в своей защите. После нескольких дней пребывания в Велес-Малаге армия начала обратный марш через горы Гуадикс. С этого момента и до тех пор, пока не была достигнута граница Арагона, его продвижение было отмечено непрекращающимися сражениями. Страна кишела мавританскими всадниками. Лагерь неоднократно подвергался штурму. Полуденный привал, переход ручья, приближение к горному ущелью, несомненно, должны были спровоцировать кровавую стычку. Сотни измученных женщин и детей, не выдержавших усталости марша, вместе с ранеными ежедневно оказывались брошенными на растерзание мстительному врагу. Когда Альфонсо вступил в свою столицу, было бы трудно узнать в его изможденных и удрученных последователях, чья рваная одежда и потрепанные доспехи носили следы многих ожесточенных стычек, великолепный отряд рыцарей, которые почти год назад с ликующей уверенностью отправились, как на праздничную экскурсию, захватывать Гранаду. Ни одно предприятие в войнах на полуострове не начиналось при более блестящей поддержке и не приносило более непродуктивных результатов. Нерешительность, с которой проводились операции, сама по себе была предвестником катастрофы. Доблесть арагонского рыцарства была растрочена в серии бесплодных и бесславных сражений с андалузскими альпинистами. Достижение главной цели экспедиции никогда всерьез не предпринималось. Никакая победа не добавила блеска падающей репутации христиан. К владениям захватчика не прибавилось ни фута территории. Никакая добыча не утешала его в утрате славы, никакие пленные не пополняли его ряды. Города, не защищенные укреплениями, успешно противостояли нападениям его храбрейших солдат. Нельзя было извлечь никакой существенной выгоды из нерешительных сражений, затяжных осад, трудных маршей по враждебной стране, набегов, не вознаграждаемых ни пленными, ни добычей. Это правда, что мавританские государства Андалусия были пройдены из конца в конец; что часть их территории была опустошена; что эмблема христианской веры была выставлена во второй раз после разгрома Гвадалете на берегах Средиземного моря.

Однако это были всего лишь свидетельства бесплодного триумфа. Уязвимость мусульманской империи после падения халифата неоднократно демонстрировалась. Грабительские экспедиции, предпринятые без учета престижа королевской власти, часто наносили врагу гораздо больший ущерб, чем тот, который сопровождал вторжение отборных войск в Арагонское королевство. Единственное реальное преимущество оставалось у мусульман Гранады, которые были ознакомлены с недовольством своих подданных-мосарабцев и получили возможность предотвратить будущие вспышки путем постоянного подавления и удаления вероломного населения, которое долгое время представляло угрозу общественной безопасности. Мосарабы искупили бедностью и цепями, изгнанием и смертью свою несвоевременную попытку избежать тягот мусульманского правления. Их земли были насильственно оккупированы их арабскими соседями. Их имущество было изъято и продано на аукционе. Сотни людей скончались в ядовитых испарениях подземных темниц. Те, кто открыто вступал в христианскую армию, были вместе со своими семьями приговорены к рабству и были куплены еврейскими торговцами, чтобы снова продать их на рынках Азии. Большинство остальных по приказу султана были сосланы в Африку, где в окрестностях Мекинаса и Сале многие из них в конце концов погибли от болезней и голода. По прошествии одиннадцати лет произошла окончательная депортация этих беспокойных подданных, которые, похоже, дали новый повод ибо оскорбление было совершено, и королевство Гранада, которое прежде обладало самым большим количеством христиан-данников в империи, теперь было почти полностью лишено этого элемента своего населения. Места для изгнанников были предоставлены африканскими колонистами, современные потомки которых по смуглому цвету лица, выющимся локонам и общим психическим характеристикам безошибочно сохранили признаки своего мавританского происхождения.

В разгар его внешних и внутренних невзгод смерть Темима, вице-короля Испании, принесла новое замешательство и печаль в сердце Али. Однако достойный преемник этого умелого воина был найден в Ташфине, многообещающем наследнике трона Альморавидов. Молодость этого принца послужила скорее стимулом, чем возражением против его назначения на ответственный пост. Он одержал несколько побед над христианами, опустошил долину Тежу до ворот Толедо и за несколько коротких кампаний добавил к владениям своего отца более тридцати крепостей и замков. Арагон, долгое время участвовавший в военных действиях с Кастилией, недавно получил важную часть территории и власти. Саиф-ад-Даулат, сын последнего эмира Сарагосы, не в силах удержать оставшиеся города своего княжества, подвергавшиеся нападениям как христиан, так и мусульман, сдал их Альфонсо. Последний, желая установить связь с Югом, все еще закрытым из-за мусульманской оккупации, продолжил свое наступление вдоль долины Эбро. Меквиненца была взята после непродолжительного сопротивления, а ее гарнизон вырезан. Затем христианская армия захватила Фрагу. Эта крепость, расположенная на высокой и уединенной горе, считалась одним из самых неприступных мест на полуострове и, контролируя судоходство по Эбро, была ключом к Южному Арагону. Мавры, осознав его ценность, вывезли всех лиц, неспособных носить оружие; снабдили его склады провизией, достаточной для длительной осады, и укомплектовали его укрепления силами в несколько тысяч ветеранов, которые, предупрежденные судьбой своих братьев при Меквиненце, были настроены на упорную оборону. Осада ознаменовалась серией отчаянных столкновений, в которых обе стороны использовали все возможности военной хитрости и личной доблести. При первом появлении христиан перед главным бастионом теперь уже суженной мусульманской границы во всех городах Испании и Африки

была поднята общая тревога. Эмир, избавленный на время от опасений альмохадов, направил мощную армию на помощь Фраге. Подкрепив свои ряды в значительной степени андалузскими новобранцами, берберское войско, припасы для которого перевозились на сотнях верблюдов, быстро продвигалось вдоль Эбро, пока не оказалось в поле зрения лагеря осаждающих. Вопреки обычаю, но в соответствии с планом, мудрость которого вскоре стала фатально очевидной, конвой с багажом шел впереди основных сил на марше. Солдаты Альфонсо, полагая, что верблюды нагружены провизией для гарнизона, и обманутые слабым эскортом, который их защищал, в беспорядке бросились вперед и напали на стражу. Последние отступили, и христиане, неосторожно втянутые в горные ущелья, были окружены. Почти беспомощная в своем ограниченном положении, когда враги кишели со всех сторон, а воздух потемнел от облаков ракет, их армия вскоре была уничтожена. Ситуация, которая не позволяла ни успешно обороняться, ни организованно отступать; ошеломляющие ощущения, вызванные неожиданным появлением мириад свирепых воинов; повторяющиеся атаки, которые одной лишь численностью сразу подавили передовые ряды арагонцев; бесчисленные камни и стрелы, сыпавшиеся со скал и склонов холмов, вскоре решили исход кровавого и неравного сражения. Не прошло и часа, как христиане пали жертвой численного превосходства и равной доблести своих врагов. Один за другим храбрейшие рыцари Арагона вместе с цветком французского и английского рыцарства, которых честолубие крестоносца и любовь к приключениям привлекли под знамена Альфонсо, были убиты, защищая своего короля и своих командиров. С ними было немало высших сановников церкви, которые, сменив митру на шлем и посох на меч, со времен вестготского владычества привыкли разделять судьбу самых трудных кампаний и соединять на поле боя и в лагере обязанности своей мирной профессии с суровыми и беспощадными требованиями войны. Эти воинственные прелаты благородно поддерживали в этом случае репутацию храбреца, которая на протяжении веков отличала их орден от ордена любой другой страны Европы. Епископы Росаса, Хаки и Ургеля пали бок о бок с мечами в руках. Король, поддерживаемый пятьюдесятью преданными сторонниками, с отчаянным мужеством и безнадежной стойкостью сопротивлялся нападениям мусульман, выведенный из себя доблестью горстки решительных людей. Его судьба, как и судьба Родерика Гота, неизвестна. Церковные легенды того времени прославляли как самые славные события его жизни его отречение от престола и уход в уединение монастыря во искупление грехов, за которые его поражение считалось знаком божественного неудовольствия. Но монашеские анналы Средних веков, как известно, ненадежны; умы их авторов были затуманены невежеством и искажены предрассудками; критический дар, столь необходимый для корректности исторического повествования, был им незнаком; и, чтобы унижить врага или возвысить друга, они были способны на самые сомнительные выдумки и самые экстравагантные искажения истины.

Судя по характеру и жизни Альфонсо, вполне вероятно, что он погиб вместе со своими спутниками и что его тело, обнаженное и неопознанное, было смешано с тысячами других трупов, усеявших поле битвы. Король Арагона, получивший гордое название Эль-Батальадор, был не тем человеком, который отступил бы перед лицом врага, даже если бы это было возможно. Еще меньше он был бы готов сдаться, чтобы пленение самого грозного из христианских воинов способствовало славе мусульманского триумфа. Характер эпохи был в высшей степени благоприятен для осуществления обмана; побег, осуществленный благодаря чудесному вмешательству святых и ангелов, вполне соответствовал суеверным представлениям масс; а выбор религиозного дома в качестве места убежища и добровольного покаяния униженным и кающимся монархом не мог не усилить значение и расширить влияние

церковного ордена, и без того становившегося невыносимым из-за своего высокомерия и могущества. Но, какой бы ни была окончательная судьба Альфонсо, несомненно, что его исчезновение относится к битве при Фраге. Самым тщательным историческим исследованиям не удалось установить его существование после того печального и богатого событиями дня. Его потеря была большим, но не непоправимым несчастьем для дела Реконкисты. Хотя на момент своей смерти он был самой заметной фигурой в христианских армиях, вскоре нашлись другие, способные продолжить дело, которое он так доблестно начал, и довести до успешного завершения жестокий и безжалостный крестовый поход, который закончился только под стенами Альгамбры.

Как в прежние века прогресс мусульман был замедлен, а стабильность их империи поставлена под угрозу и в конце концов подорвана внутренними распрями, так и теперь, с другой стороны, зависти и раздорам соперничающих королевств Кастилии и Арагона было суждено продлить на столетия их борьбу за национальное и религиозное превосходство. Интриги враждебных вождей, жадность и честолубие духовенства, страсти распутных и беспринципных женщин, противоестественная неприязнь двух народов, идентичных по происхождению, гордящихся одними и теми же традициями, исповедующих одни и те же богословские догмы; предрассудки фанатичных масс, полностью контролируемых деспотичным и невежественным духовенством, были важнейшими факторами, определявшими политику пока еще неорганизованных христианских государств полуострова. Взаимная враждебность королевств, впоследствии объединившихся под властью Фердинанда и Изабеллы, обеспечивала сохранение мавританского владычества гораздо эффективнее, чем взимание контрибуций, заключение союзов, набор армий. Отряды мусульманских наемников поочередно служили в войсках обеих противоборствующих сторон, и те, кто сражался бок о бок сегодня, завтра могли встретиться как враги. Нередко обедневшие и беспринципные вассалы христианских монархов поднимали восстания перед планируемым вторжением благодаря разумному использованию мавританского золота. Выстроенные таким образом друг против друга, с предательством в своих лагерях и врагами в тылу, испанские принцы постоянно испытывали препятствия в осуществлении своих завоевательных планов. Другие причины способствовали тому, что они не добились успеха. Христианские полководцы часто могли побеждать, но редко были расположены улучшать победу. Феодальная независимость, впервые проявившаяся как возмутительная сила, была непримиримо враждебна дисциплине; вассал повиновался своему сюзерену; но дворянин, чье происхождение часто было столь же знаменитым, как происхождение его короля, был слишком готов подвергнуть сомнению или даже бросить вызов королевской власти. Неспособность оценить преимущества военного успеха также была характерной чертой мавров. Крупное сражение обычно завершало кампанию. Но врага редко преследовали за пределами поля боя; его лагерь наводняла дезорганизованная толпа в поисках добычи; его багаж был разграблен; его сераль захвачен; его раненые убиты. Рассеянными остаткам его армии было предоставлено достаточно времени, чтобы реорганизоваться и снова стать грозными. Способность мусульман извлекать выгоду из поражения противника исчезла вместе с великим воином Аль-Мансуром. Прошли поколения, прежде чем испанские военачальники, признавшие неутомимую энергию неперенным условием постоянного успеха, получили возможность водрузить свои знамена на башнях Кордовы и Севильи. Ни в одном крупном сражении, описанном в истории, не велись такие ожесточенные сражения, не были рассеяны такие группы людей, понесены такие человеческие потери и достигнуты такие ничтожные результаты. Не раз государю, моральный эффект пленения которого был бы почти

равнозначен великой победе, приходилось ускользать из рук самого врага. Через несколько недель силы, которые, по-видимому, были уничтожены, противостояли победителю так же дерзко, как и прежде. Беззащитное положение мусульманских государств было окончательно установлено. На их территорию во всех направлениях проникали эскадры христианской кавалерии, численность которых, по сравнению с жителями разоренных ими провинций, была незначительной. Захватчики с легкостью рассеяли большие отряды женоподобных андалузских всадников. Они безнаказанно разбивали лагеря поблизости от густонаселенных городов. Но эти экспедиции добились немногим большего, чем уничтожение нескольких урожаев и сожжение нескольких деревень. Кампании с обеих сторон обычно отличались братскими раздорами, военной неспособностью и фатальной нерешительностью.

Правильность этих наблюдений можно установить, обратившись к последствиям битвы при Фраге. Разгром христиан и смерть их короля, несомненно, потребовали от победителей энергичного продолжения военных действий, прежде чем спадет народная деморализация, вызванная такой катастрофой. Но ничего подобного не произошло. Немногие выжившие после поражения, которое разрушило надежды нации, посеяли смятение в царствах христиан. В Арагоне, часть территории которого недавно была уступлена принцем-дегенератом своим наследственным врагам, и ни один из которых не сочувствовал узурпации власти их ненавистных хозяев, люди ожидали, с горячими, но ошибочными надеждами, появления избавителя. Торговцы праздно слонялись по своим лавкам. Крестьяне с угрюмым терпением терпели вымогательство доходов у еврейских фермеров. Сарагоса по-прежнему оставалась мусульманским городом, за исключением названия и правительства. Муэдзин по-прежнему объявлял со своих минаретов час молитвы. Имам по-прежнему читал Коран с кафедр своих мечетей. Оккупация ее арагонцами только усилила ненависть ее граждан к тем, кто нажил на их предательстве. Аристократ вспоминал со смешанным чувством печали и ликования о военной славе и интеллектуальных занятиях королевского дома Ибн-Худа; земледelec с нескрываемым негодованием наблюдал за посягательствами Церкви и короны на его небольшое, но ценное наследство. В долине Эбро все еще было много крепостей, защищенных естественными препятствиями и мусульманской доблестью. Все эти соображения требовали вмешательства победителей, но мавританский военачальник, довольный бесплодными лаврами, приобретенными при Фраге, пренебрег возможностью, которая могла бы вернуть Альморавидскому султану одну из важнейших провинций его империи. В течение нескольких лет граница была опустошена беспощадной партизанской войной; мусульмане обращали в рабство население целых общин; христиане, преследуемые врагом и обремененные своими пленными, часто предавали мечу этих беззащитных жертв своей враждебности; в пылу сражения пощады не просили и не давали, и борьба более чем когда-либо приобрела характер войны на уничтожение. Страна, опустошенная этими непрекращающимися и разрушительными набегами, так и не восстановила свое процветание. Некогда прекрасные районы Эбро и Пизуэрги теперь представляют глазу мрачный и однообразный вид пустыни, а части долины Гвадалквивира, которые при мавританском правлении были покрыты обширными фруктовыми садами и давали обильные урожаи, впали в первобытное запустение. Безжалостность, с которой велись эти войны, является достаточным свидетельством дикой бесчеловечности того века. Соображения милосердия редко влияли на поведение победителя. Обязательства, заключенные при обстоятельствах особой торжественности, нарушались без повода и без оправдания. В совершении этих чудовищных деяний христиане, поощряемые и прощаемые своими духовными наставниками, намного превзошли своих противников. Никто не обращал

внимания на жалобные мольбы врагов, пораженных в пылу сражения. Головы мятежных принцев были укреплены на зубчатых стенах городов; их конечности, забальзамированные камфарой, были выставлены в качестве трофеев во дворце завоевателя. Когда какое-либо место бралось штурмом, разъяренные нападавшие не обращали внимания ни на возраст, ни на пол, ни на немощь. Обнаружение спрятанного золота с применением пыток было любимым развлечением христианских солдат. Если количество пленников становилось неподобающе большим, наименее ценных убивали. Необузданные страсти кастильцев безудержно проявлялись в отношении слабых и беззащитных. Женщины подвергались насилию на глазах у своих мужей и отцов. Особняки христианской знати соперничали по своей мавританской красоте с гаремами самых сладострастных андалузских принцев. В соблазнительных развлечениях чувственности, не санкционированных законом и запрещенных религией, сановники Церкви, как всегда, бросались в глаза, а их прелестные наложницы, великолепно одетые только за счет церковных богатств, появлялись при дворе со своими вельможами, одинаково не обращая внимания на неблагоприятные комментарии или публичный скандал.

Передвижения Абд-аль-Мумена в Африке, который был полководцем альмохадов, а теперь стал их сувереном, начали вызывать тревогу Али. Преемник Махди начал свое правление с экспедиции, разрушительный курс которой распространился на город Марокко. Ташфин, самый способный из альморавидских военачальников, был отозван из Испании; но, несмотря на его репутацию и умелое расположение его войск, батальоны Али, охваченные малодушным и суеверным страхом, инстинктивно отшатнулись от присутствия врага. Всего опыта и решимости молодого принца, который восстановил мусульманское дело на полуострове, было недостаточно, чтобы противостоять пагубному влиянию, исходящему от религиозного мошенничества, которое силой воспаленного воображения могло превратить смелый и отважный народ в расу трусов и рабов. Его постоянные неудачи терзали разум Али, и на мгновения его отвлекали признаки неминуемого и, по-видимому, неизбежного краха его власти. Память о его раннем величии составляла удручающий контраст с невзгодами его преклонных лет; и, охваченный чувством унижения и печали, он ушел из жизни, завещав своему сыну Ташфину обескураженную армию, истощенную казну и королевское наследство меньшей юрисдикции и сомнительной ценности.

Несчастья Ташфина последовали за ним на троне. Потерпев поражение от Абд-аль-Мумена, он собрал все свои ресурсы для высшего и окончательного усилия. Были привлечены те племена Пустыни, которые держались в стороне от Махди. Каждый доступный солдат в Африке был призван к оружию. Гарнизоны Андалусии были практически лишены войск. С мавританскими эскадронами из Испании прибыл также отряд из четырех тысяч мосарабов, которые, привыкнув к долгой службе под мусульманскими знаменами, почти забыли свое происхождение, свои традиции и свою веру. Эти вспомогательные войска, дисциплинированные и опытные в приграничных войнах, были гораздо более грозными, чем можно было предположить по их скудной численности.

На равнинах Тлемсена столкнулись две армии, чья доблесть должна была решить судьбу империи. Альморавиды намного превосходили своих врагов численностью, но мистические чары суеверий с лихвой компенсировали численное превосходство; солдаты Ташфина были напуганы воображаемыми явлениями и сверхъестественными голосами, и после короткого, но кровопролитного сражения Абд-аль-Мумен остался хозяином поля боя. Вскоре после этого

Ташфин был убит в окрестностях Орана в результате падения с обрыва, и с его смертью исчезла последняя надежда альморавидской монархии.

В 1145 году была разрушена знаменитая достопримечательность Средиземноморья неизвестной древности, но, скорее всего, финикийского происхождения. Недалеко от города Кадис, построенное в водах залива, издавна стояло сооружение, состоящее из ряда колонн, возвышающихся друг над другом на высоту ста восьмидесяти футов и увенчанное колоссальной бронзовой статуей. Последняя изображала человека, протягивающего правую руку в сторону Гибралтарского пролива и сжимающего в руке ключ. Вся статуя была покрыта толстым слоем золота и бросалась в глаза на расстоянии многих лиг. Его происхождение было не менее загадочным, чем причина его сохранения в течение почти четырех с половиной столетий после мусульманского завоевания. Хорошо известные иконоборческие наклонности последователей Мухаммеда потакались при любой возможности и вопреки каждому символу идолопоклоннического поклонения. Вероятно, не было ни одного сувенира языческой древности в Африке или Испании, столь выдающегося и так хорошо известного, как изображение, которое в течение периода, не зафиксированного даже традицией, указывало моряку на ворота Средиземного моря. Римляне и готы, путая его с двумя историческими мысами Европы и Африки, называли внушительное сооружение, которое его поддерживало, Геркулесовыми столпами. Но это, конечно, не имело никакого отношения к этому божеству. Его храм находился в нескольких милях отсюда, на острове, и отличительной особенностью его поклонения среди финикийцев было то, что он никогда не был представлен в физической форме. Арабам статуя была известна как “Кадисский идол”. Исключительная случайность уберегла ее от рвения и ярости ранних сектантов ислама. Это, без сомнения, часто вызывало благочестивый ужас у набожных паломников, направлявшихся к святыне западной Мекки. Он возбуждал любопытство антикваров в научный период халифата. Он указал путь многим эскадрам вторжения. Он был свидетелем успеха или провала многих революций. Свирепые нормандские пираты смотрели на его гигантские размеры с суеверным ужасом. В скандинавских сагах сохранилось предание о том, что святого Олафа и его флибустьеров в одиннадцатом веке удержало от дальнейших опустошительных действий на побережье полуострова видение, навеянное его присутствием. Его невосприимчивость к воздействию фанатизма не менее примечательна, чем длительное отсутствие насилия со стороны алчных мародеров. Говорили, что под фундаментом башни спрятано огромное сокровище. Кроме того, существовало общее убеждение — не только на полуострове, но и по всей Европе, — что эта знаменитая статуя была сделана из чистого золота. Его блеск, который оставался незапятнанным экспозицией на протяжении стольких веков, имел тенденцию подтверждать, если не утверждать окончательно, это мнение.

Наконец, в двенадцатом веке адмирал Ибн-Мамун, подняв восстание против Альморавидов, приказал свергнуть статую и разбить ее на куски. Затем выяснилось, что это бронза, но золото, которым она была покрыта, принесло двенадцать тысяч динаров, что в настоящее время составляет сто девяносто две тысячи долларов.

Избавленный от всех опасений со стороны своего самого опасного противника, Абд-аль-Мумен атаковал и последовательно захватил великие города Африки. Фес оказывал отчаянное сопротивление, но был взят путем перекрытия реки, по которой его пересекали, до тех пор, пока сдерживаемые воды, вырвавшись за пределы, не смыли большую часть стен. Мекинес, Агмат, Сале капитулировали. Затем началась осада Марокко. Чтобы убедить жителей в своей

непреклонности, генерал альмохадов приказал разбить перед его стенами постоянный лагерь, который по правильному и основательному характеру своих зданий напоминал красивый и хорошо построенный город. Это предприятие велось с необычайным упорством и энергичностью. Во время вылазки большой отряд альморавидов был заманен в засаду и разбит на куски, и, поскольку численность гарнизона значительно сократилась в результате этой катастрофы, в дальнейшем он ограничивался отражением наступающих отрядов противника. За полным разорением города вскоре последовал голод. Мертвые лежали повсюду ужасными кучами. Живые тянули жребий, чтобы решить, кого следует принести в жертву, чтобы обеспечить ужасную трапезу для своих гибнущих товарищей. Смертность была такой ужасной, что двести тысяч человек умерли от голода и болезней. Осознавая неизбежные последствия капитуляции перед варварами без веры и милосердия, гарнизон храбро сражался против надежды и удачи. Наконец, несколько мозарабских солдат вступили в контакт с Абд-аль-Муменом, и было решено, что ворота должны быть открыты во время беспорядков, сопровождающих общую атаку. На рассвете альмохады, жаждущие мести и добычи, ворвались в город. Сабля и копье завершили работу, которую не успел завершить голод. Было убито семьдесят тысяч беззащитных людей. Даже это ужасное жертвоприношение не утолило жажды крови осаждающих. В течение трех дней разыгрывались такие сцены, какие могли быть терпимы только среди людей, нечувствительных к гуманным побуждениям и не знающих законов войны. Абд-аль-Мумен собственноручно обезглавил Абу-Исхака, сына и преемника Ташфина. Затем последовал приказ не щадить ни одного представителя ненавистной секты. Огромное количество женщин и детей было убито дикими завоевателями, а выжившие проданы в рабство. Каждая мечеть была сровнена с землей как единственный способ очистить дома Божьи от мерзостей еретиков-альморавидов. Немедленно были сделаны приготовления к возведению на их месте других, более обширных и великолепных, и Абд-аль-Мумен, который все это время оставался за воротами, двинулся к другим местам завоевания.

Прошло столетие с тех пор, как Абдаллах Ибн Джахсим объявил соплеменникам Ламтуны о своей миссии апостола политической целостности и религиозной реформации. На основе его учения, при поддержке его военного гения и доблести его последователей возникла могущественная империя. С невероятной быстротой оно объединило в кажущийся неразрывным союз враждующие национальности, враждебные догмы, антагонистические мирские интересы. Оно подчинило себе большую часть Африканского континента. Это примирило противоречивые социальные и политические элементы, которые на протяжении поколений нарушали мир и ослабляли могущество мусульманских государств Испании. Это остановило прогресс христианских завоеваний. Своими сокрушительными победами она возродила память о великолепных достижениях Западного халифата. Под ее знаменами маршировали самые большие армии, которые когда-либо ступали по земле полуострова. Его вождями были, без исключения, люди, способные связываться. Некоторые, это правда, были лишены опыта в искусстве управления, но наделены редкими исполнительными талантами; другие были воинами с установленной репутацией; все они проявили на высоком посту, к которому их привела судьба, качества великих полководцев, дипломатов, законодателей. Гений последнего представителя этого княжеского рода, если бы его замыслы не были расстроены революцией Альмохадов, пообещал в конечном итоге восстановление мавританского владычества над большей частью, если не над всей, территорией, включенной в королевства Арагон и Кастилия. Взлет и продвижение ни одной династии к безграничному могуществу не были столь быстрыми; упадок ни одной из них не был более решительным, а ее исчезновение -

более разрушительным и фатальным. Мусульманская Испания, все еще самая цивилизованная и утонченная из стран, чей двор когда-то диктовал политику Западной Европы; за чьим союзом усердно ухаживали христианские короли и императоры; чьи армии каждый год шли к победе; чьи флоты монополизировали морскую торговлю; чья столица была литературным центром мира, оказалась в зависимости от самой невежественной, самой суеверной, самой жестокой из наций. Опасный эксперимент по установлению мирного союза между такими несовместимыми и враждебно настроенными народами, должно быть, закончился неудачей. Еще меньше такое начинание могло увенчаться успехом, если попытаться применить силу. Этнические элементы Испании и Африки никогда не смогли бы объединиться в единый народ. Их вражда была непримиримой. Их вкусы были разными. Испано-араб был ученым, философом, джентльменом. Несмотря на бедствия, обрушившиеся на его страну, его колледжи и академии по-прежнему в основном посещала амбициозная молодежь из далеких, часто враждебных стран. У него все еще был доступ к фрагментарным остаткам великих библиотек халифов. Архитектурные памятники его предков по-прежнему украшали во всем своем великолепии и красоте эспланады и магистрали его столиц. Паломники по-прежнему с удивлением и восторгом любовались самым великолепным храмом ислама. Священный том, приписываемый принявшему мученическую смерть Осману, хранящийся в тисненой, усыпанной драгоценными камнями шкатулке, по-прежнему пользуется благоговейным почтением верующих среди роскошной скульптуры и сверкающих эмалей михраба. Уменьшившаяся, но не маловажная торговля в его морских портах; промышленные предприятия, продукция которых в основном экспортировалась в зарубежные страны; ограниченная, но удивительно плодородная территория его сельскохозяйственной территории ежедневно напоминали испанскому мусульманину о мудрости и предприимчивости подданных той славной империи, чьи институты, традиции, утонченные вкусы, интеллектуальное превосходство он унаследовал.

Совсем иначе обстояло дело с завоевателем, который присвоил себе бесценные остатки всего этого величия и надругался над ними. От начала до конца его действия, казалось, были вдохновлены гением дезорганизации и разорения. Благородные атрибуты благочестия и великодушия были абсолютно чужды его натуре. Он не щадил врагов. Он не прощал обид. Основные доктрины религии, которую он номинально исповедовал, на самом деле были ему неизвестны. Он совершенно не разбирался в грамоте. В удовлетворении его диких страстей пролитие крови брало верх над пресмыкающимся инстинктом алчности или более нежными соблазнами распущенных удовольствий. Его флегматичная натура не могла оценить прелести искусства, преимущества науки, прелести и утешения литературы, преимущества философии. От всего, что не способствовало чувственному наслаждению, он с презрением отворачивался. Происходя из племени разбойников, которые с незапамятных времен применяли на караванах по пустыне хитрости и жестокость своего гнусного ремесла, он считал, что черные и оседлые занятия в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности подходят только наемникам и рабам. Всегда привыкший к личной свободе, он подчинялся только приказам своего шейха, который был обязан своим продвижением по службе избирательному праву племени и которого часто избирали или смещали с равной поспешностью и легкостью. Монарх часто был таким же неграмотным, как и его самый ничтожный подданный. Юсуф не умел ни читать, ни писать и лишь несовершенно понимал обильные и отточенные идиомы, на которых говорили во многих провинциях его владений. Али был менее умен, чем многие юноши в начальных школах Кордовы. Это широко распространенное и достойное сожаления презрение к образованию фактически передало государственную власть в руки класса, наименее способного ею владеть;

а интриги и поборы мусульманского духовенства, дополненные африканским варварством и алчностью, внесли больший вклад, чем внутренние потрясения или христианская доблесть, в окончательное разрушение неустойчивой, но все еще величественной структуры сарацинской державы.

Мусульманские группировки полуострова, объединившиеся в ненадежный союз под скипетром Альморавидов, с мрачными предчувствиями взирали на последовательные сокрушительные бедствия, предшествовавшие исчезновению этой династии. Ни религиозное согласие, ни политическая необходимость не примирили бы их с господством расы, между представителями которой и ими самими существовала непримиримая антипатия. Но по многим вопросам богословских споров либеральные взгляды наиболее образованных мавританских врачей шокировали сторонников строгой дисциплины в исламе. Эти опытные ученые-полемисты впитали в университетах Севильи и Кордовы идеи, крайне оскорбительные для строго ортодоксальных людей; они потворствовали своему остроумию за счет лицемерия и невежества в интеллектуальной атмосфере двора, и месть тех, кто недавно был объектами их сатиры, теперь с удвоенной силой обрушилась на бездумных агрессоров. Все книги, кроме Корана и Сунны, попали под гнев короля. Изучение философии, хотя и было запрещено в школах, как это обычно бывает в подобных обстоятельствах, старательно проводилось в тайне. Вековые интеллектуальные привычки не могли быть отменены императорским эдиктом, и осуждение шайки лицемеров и фанатиков, проповедовавших самоотречение и воздержанность и имевших печальную известность как виновные в тягчайших преступлениях против морали, не смогло полностью подавить накопление и распространение знаний. Однако ни одна страна в Европе не находилась под таким исключительным и катастрофическим контролем церковного влияния, как Мавританская Испания под властью Альморавидов.

Помимо теологических соображений, как уже говорилось ранее, существовало всеобщее недовольство господствующей расой. Африканцев считали иностранцами, захватчиками, угнетателями. Даже в минуты досуга они ничего не вносили в материальное благосостояние страны. Они не были знакомы с простейшими принципами инженерного дела или приспособлением механических искусств к обычным жизненным заботам. Под их покровительством не возникло ни одной структуры, достойной внимания. Их врожденная свирепость оставалась неизменной среди гуманизирующего влияния цивилизации. Они не одобряли ручной труд и презирали профессии, с помощью которых этот труд использовался и поддерживался. Таким образом, измученные теологической нетерпимостью и варварской тиранией, все секты и партии на полуострове, за исключением той, что находится у власти, с тайным ликованием восприняли известие о серьезных бедствиях, нанесенных делу Альморавидов. Общественные чувства уже были возбуждены до такой степени, что почти не поддавались сдерживанию, когда пришло известие о поражении и смерти Ташфина, чьи хорошо известные способности и мужество до сих пор в одиночку предотвращали восстание. Именно тогда нашли выражение долго подавляемые и яростные страсти возмущенного народа. В каждой мусульманской общине толпа восстала против своих африканских тиранов. Ибн-Гамия, наместник Ташфина, бежал на Балеарские острова. Царица полная анархия. Губернаторы провинций и коменданты крепостей стремились к независимости. Каждый город становился столицей миниатюрного королевства, каждый замок - резиденцией княжества. Забыв о неминуемой опасности, в которой они находились, окруженные могущественными врагами, эти мелкие монархии немедленно обратились друг против друга. Началась гражданская война самого кровопролитного и мстительного характера. Кордова сместила

своего губернатора, назначила другого и через восемь дней вернула к власти первого. В Гранаде гарнизон Альморавидов был месяцами осажден в цитадели. В некоторых провинциях непостоянный нрав толпы, которая с одинаковой готовностью выбирала и убивала своих правителей, сделал продвижение к верховной власти, которого обычно так жаждали честолюбивые люди, отличием самого сомнительного и вызывающего зависть характера. Кади Кордовы, чья должность в значительной степени сохранила достоинство и важность, которыми она была наделена при халифах как первая судебная должность в империи, был убит во время молитвы в мечети. Появление африканца на улицах любого андалузского города немедленно провоцировало беспорядки. Обязательства гостеприимства были забыты в стремлении к мести. Несносные министры были отравлены посреди праздничного банкета. Военные офицеры, чья лояльность служила препятствием для амбиций безвестных и беспринципных авантюристов, были убиты во сне. Была призвана опасная помощь христианских князей, которые только желали внести свой вклад во взаимное смущение и вражду своих мусульманских соседей. Ибн-Гамия преуспел в организации значительной партии приверженцев и получил от Альфонсо VII, короля Кастилии, отряд войск при условии признания последнего сюзереном. Баэза была первым городом, подчинившимся Ибн-Гамии, и за ее сдачей немедленно последовала осада Кордовы. В этой уникальной войне мусульмане и христиане, хотя их усилия были направлены против общего врага, сражались и располагались лагерем порознь, независимо служа под началом своих соответствующих командиров. Кастильцы, сознавая свое могущество, относились к своим союзникам с нескрываемым презрением и надменно приписывали одной только христианской доблести успех каждого предприятия. Почтенная столица, неспособная к длительному сопротивлению, вскоре открыла свои ворота осаждающим. Вступление христиан запомнилось совершением святотатства, по сравнению с которым профанации прежних завоевателей были ничтожны. Великая мечеть Абд-ар-Рахмана, одно из святых мест ислама, которое с момента своего основания никогда не осквернялось присутствием неверных, была захвачена грубыми кастильскими солдатами. Они проехали через его двор, благоухающий ароматами бесчисленных цветов апельсина. Они привязали своих боевых коней в его галереях. Они купались в бассейнах, воды которых до сих пор были священными для омовений мусульманского церемониала. Внутри здания, возведенного на дань христианских городов и трофеи сотен победоносных кампаний, они прогуливались по колоннадам и с удивлением смотрели на Михраб, сверкающий всем великолепным великолепием Востока. Религиозные чувства и предрассудки их союзников не принимались во внимание этими насмешливыми наемниками. Несмотря на протесты мусульман, они осквернили территорию святилища. Некоторые взобрались на кафедру и с неприличной насмешкой высмеивали позы и преклонение колен при мусульманском богослужении. Их глаза с безудержной алчностью уставились на шкатулку из сандалового дерева и черного дерева, украшенную драгоценными камнями, в которой хранился Коран Османа. С легкомысленными и насмешливыми комментариями они изучали этот том, почитаемый мусульманами всех эпох и наций со всем суеверным почтением идолопоклонства. Они вынули его из сосуда, перевернули листья и с недоверием и презрением уставились на таинственные пятна, которые традиция и вера приписывали крови убитого халифа. В общении с гражданами их властное поведение и ненасытная алчность привели к тому, что посягательства мусульманской тирании были почти забыты. Их вожди, взяв на себя всю ответственность за завоевание, в котором они фигурировали в качестве подчиненных, потребовали, чтобы Кордова была присоединена к владениям Кастилии. Это предложение, противоречащее всякому чувству справедливости, было немедленно отвергнуто мусульманами. Последовала серьезная стычка;

противоборствующие военачальники взаимно отказались сдаваться, и столкновение казалось неизбежным, когда благодаря принятию благоразумных советов дело было улажено уступкой Базсы, которая была немедленно занята отрядом христианских войск.

Едва Альмохады подчинили себе Африку, как Абд-аль-Мумен начал принимать меры по установлению своей власти на полуострове. Армия из тридцати тысяч солдат, которой командовал Абу-Амра-Муса, высадилась в Альхезирасе. Марш этой грозной армии напоминал скорее триумфальное шествие, чем осторожные передвижения враждебной силы. Народ с характерным для него непостоянством приветствовал диких захватчиков как освободителей своей страны. Альхезирас, с его обширным портом и хорошо обеспеченными складами и арсеналами; Тарифы, с ее неприступной обороной; Херес, с его богатыми апельсиновыми рощами и виноградниками, открыли свои ворота врагу. Затем Абу-Амра, окрыленный успехом, двинулся на Севилью. На марше его ряды пополнились многочисленными представителями крестьянства, подстегиваемыми перспективой грабежа и надеждой на возмездие. К этим недисциплинированным, но пригодным к службе новобранцам было добавлено значительное и хорошо оснащенное подкрепление из провинции Бадахос. Севилья номинально оставалась лояльной Альморавидам, но ее население было разделено по фракциям, и тысячи горожан втайне лелеяли непримиримую неприязнь к своим жестоким и алчным хозяевам. Гарнизон был предупрежден об изменнических намерениях населения, которое обещало сдать город африканцам, и оно бежало в Кармону до появления врага. Севилья была оккупирована не раньше, чем Малага, всегда подверженная африканскому влиянию, и жители которой, вероятно, давно знали о планируемом вторжении, добровольно подчинились альмохадам и добавили еще один к их списку бескровных, но решающих побед.

Память о подвигах альморавидских генералов и появление нового победоносного врага на Юге уладили распри христианских государств гораздо более действенно, чем все дипломатические уступки или увещевания и анафемы Церкви. Посланники итальянских республик Венеции, Пизы и Генуи недавно посетили кастильский двор и рассказали королю о важной услуге, которую он мог оказать христианскому миру, подавив пиратов, которые из своей цитадели в Альмерии угрожали уничтожением торговли на Средиземном море. Грабежи этих предприимчивых бродяг наводили ужас на все уголки Южной Европы. Их корабли прочесали побережье от Байонны до Константинополя, бросили вызов объединенным флотам Италии и Восточной империи и уже существенно уменьшили богатство и нарушили торговлю многих густонаселенных и важных городов. Кажется невероятным, что при таких обстоятельствах заявление о предоставлении помощи было подано в отдаленное королевство Кастилия. Оно было отделено от Альмерии всей протяженностью испанского полуострова. Обширные участки бесплодных земель, провинции, кишасшие враждебным и воинственным населением, были расположены между его равнинами и тропическим побережьем Андалусии. Грозный враг только что обосновался в самых плодородных районах Юга. Порт Малаги, расположенный в непосредственной близости от цели экспедиции, был в его власти. Это правда, что итальянские республики, объединенные общей верой и сторонниками общего дела, долгое время были союзниками христианских королевств Северной Испании. Но что-то большее, чем ненависть к мусульманам и преданность интересам Церкви, должно было побудить Альфонсо VII. предпринять предприятие определенной трудности и сомнительного успеха. Враг, уничтоживший династию, чьи армии неоднократно опустошали его королевство и оскорбляли его столицу, уже угрожал его границам. Весьма вероятно, что папа, руководствуясь гораздо более мирскими, чем духовными соображениями, мог предложить или даже продиктовать условия этого союза. Для Святого отца, чей обет

бедности, как и многие другие моральные обязательства, не вызывал у него особого беспокойства, не было ничего необычного в том, чтобы участвовать в прибылях от торговли. Личные доходы Его Святейшества, зачастую недостаточные для расточительных расходов, необходимых для помпезности и роскоши Ватикана, могли быть легко увеличены за счет меркантильных спекуляций, и мавританский корсар в своих беспорядочных грабежах, конечно, не проявил бы уважения к собственности высшего сановника враждебной веры. Характер Евгения III придает окраску этой гипотезе. Его двор, скрывавшийся под поношенным покровом аскетизма, был шокирующе коррумпирован. Институт нищенствующих монахов, наложение частых епитимий, соблюдение постов, совершение паломничеств не могли скрыть от глаз наименее разборчивых людей повсеместное и печально известное распутство, которым были заражены все профессии и все классы общества в Риме. Алчность самого папы Римского вошла в поговорку. Благословения, индульгенции и отпущения грехов, цены на которые регулировались установленным тарифом, продавались духовенством, и богатые или раскаявшиеся грешники во множестве пользовались льготами для совершения грехов или иммунитетом от церковного порицания, предоставляемым торговлей этим духовным товаром. Корыстный и алчный нрав Евгения был также впоследствии подтвержден его продажей Португалии Альфонсо Энрикесу, что является вопиющим нарушением прав короля Кастилии. Эти обстоятельства служат объяснением бесполезной осады отдаленного морского порта державой, не имеющей непосредственной заинтересованности в его покорении, в то время как энергичная кампания объединенных христиан, по всей вероятности, предотвратила бы возобновление бедствий африканского вторжения и существенно ускорила бы ход отвоевания.

Священный характер предприятия, открыто покровительствуемого Святым Престолом и направляемого некоторыми из величайших князей Европы, привлек добровольцев из всех стран Христианского мира. Как обычно, перспектива добычи была гораздо более мощным стимулом, чем наказание неверных или распространение Веры. Альмерия, которой благодаря своему географическому положению посчастливилось избежать бедствий завоевания и анархии, охвативших другие андалузские города, по-прежнему оставалась средоточием богатства и власти. При халифате это был самый густонаселенный и процветающий торговый центр Испании. Гражданская война не только не подорвала его процветание, но даже способствовала ему. Здесь все еще сохранялись производственные предприятия, продукция которых экспортировалась за пределы цивилизованного мира. Многие из последних, такие как керамика и шелк, не имели себе равных по качеству и отделке, и их больше нигде нельзя было достать. Мастерство ремесленников Альмерии в их соответствующих профессиях вошло в поговорку и было приобретено опытом и передавалось по наследству на протяжении многих поколений. Город демонстрировал политический феномен мусульманской республики; его делами руководил совет под председательством магистрата, который, не заявляя о своих правах открыто, осуществлял prerogatives абсолютного правителя. Его военно-морские силы могли соперничать по численности и мощи с военно-морскими силами самого грозного коммерческого государства Средиземноморья. Пиратство было настолько прибыльным занятием, что богатство и население Альмерии значительно возросли, и древних стен больше не хватало, чтобы содержать бесчисленные дома горожан и виллы аристократии, которые, окруженные плантациями тропических деревьев, простирались на многие мили за пределы укреплений. Цитадель была одной из самых больших и крепких в Европе. Несмотря на тесные кровные связи и симпатии с народами Африки, жители города были независимы от всех

группировок, не признавали притязаний ни одной династии и не признавали власти ни одного правительства, кроме своего собственного. Силы, достойные восточного крестового похода, собрались для завоевания этой пиратской твердыни. Армии Кастилии, Леона, Арагона, Наварры, графов Монпелье и Каталонии, объединенные военно-морские силы Генуи, Пизы и Венеции, а также тысячи солдат удачи, служивших в отрядах под командованием своих соответствующих командиров, но без знамени и без страны, откликнулись на призыв к крестоносному походу. До нас не дошло точной информации о войсках союзников, но их численность была настолько подавляющей, что ни один мусульманский принц не осмелился прийти на помощь своим соотечественникам; и альмерийцы, плотно окруженные, без средств защиты и лишены всякой надежды на помощь, после двухмесячной блокады сдались. Условиями капитуляции была гарантирована безопасность их людей; необычная уступка в те времена, свидетельствующая о привнесении духа доброй воли и гуманности в доселе варварские обычаи войны. Итальянцы, благодаря превосходной ловкости или уверенности, получили большую долю добычи; сам город, самый ценный приз, был отведен графу Барселоны, близость владений которого обеспечивала наилучшую безопасность для его сохранения как христианского владения; а король Кастилии, который был душой предприятия и сторонники которого превзошли всех в разделе добычи, был вынужден довольствоваться сознательным удовлетворением от успеха и обильными, но пустыми поздравлениями Святого Престола. Предприятие было завершено, союзная армия рассеялась с бесцеремонной поспешностью, характерной для призывов при феодальных институтах. Недостаток опыта и отсутствие дисциплины; нетерпение из-за задержки и бездействия, вытекающих из длительной кампании; недостаток сплоченности, проявляемый силами, состоящими из представителей разных национальностей и разделенными противоречивыми интересами; опасение зимних бурь в незнакомом климате, которые за один день рассеяли силы, способные на величайшие военные подвиги.

Тридцать тысяч альмохадов, которые почти без кровопролития заняли большую часть андалузской территории и были вынуждены бездействовать за стенами городов, попавших в их руки, с удивлением наблюдали за обширными приготовлениями христиан и незначительными результатами их кампании. Численность африканцев, недостаточная сама по себе и распределенная по десяткам гарнизонов, была неспособна справиться с врагом, а нынешнее затруднительное положение Абд-аль-Мумена исключало надежду на денежную помощь или эффективное подкрепление. Новый Махди возник среди песков Аль-Магриба. Плебей по происхождению и черной работе, — ибо он зарабатывал на жизнь стиркой одежды в окрестностях Сале, — не имея образования или личной привлекательности, его грубое красноречие вскоре собрало вокруг него многочисленную группу учеников. Остатки фракции Альморавидов, все те, кто был недоволен нынешним правительством, отдельные лица, привлеченные очарованием новизны, тысячи прозелитов, искренне убежденных в миссии нового пророка, перешли во враждебный лагерь. Прежде чем Абд-аль-Мумен полностью осознал грозящую ему опасность, его армии были разбиты и рассеяны, его самые способные военачальники убиты, его владения, приобретенные с таким трудом, захвачены его соперником, а его власть ограничена городами Фес и Марокко, населению которых, привыкшему к восстаниям и беспорядкам, нельзя было доверять. Теперь он мог оценить непостоянный и вероломный характер народов, над которыми он установил номинальную империю. Фортуна, однако, оказалась в конце концов благосклонной к вождю альмохадов; его соперник потерпел

поражение в жестоком сражении и был убит, а его непостоянные подданные вернулись к своей верности с тем же энтузиазмом, с которым они так недавно отказались от нее.

Тем временем, после захвата Альмерии, христиане снова начали проявлять свою власть во всех мусульманских провинциях полуострова. Граф Барселонский при поддержке итальянского флота осадил и взял Тортосу, которая господствовала над устьем Эбро. За его покорением последовало завоевание Лериды, Фраги и Меквиненцы, и великая река Арагон, ныне открытая морю, на короткий период обозначила постепенно сужающуюся границу мавританских владений в Восточной Испании. Восходящая монархия Португалии, впервые начавшая утверждать себя среди наций, приобрела новый престиж после захвата Цинтры и Лиссабона. Действия Ибн-Гамии, чья доблесть и активность все еще поддерживали падающее состояние дела Альморавидов, побудили альмохадов к активным действиям. Потерпев поражение в нескольких столкновениях, он отступил в Кордову, но, будучи не в состоянии удержать свои позиции, он назначил командовать своим лейтенантом Яхьей и ночью, после того как альмохады разбили лагерь перед городом, предпринял отступление. Яхья, быстро подчинившись, предотвратил резню, которая в этих войнах неизбежно следовала за длительной обороной, и древняя столица халифата снова подчинилась власти иностранного хозяина. В Великой мечети, месте стольких триумфов и унижений, ставшем свидетелем восшествия на престол длинной череды мусульманских принцев, публичной демонстрации завоевательных трофеев, убийства магистратов, беспорядков революции, Абд-аль-Мумен был провозглашен эмиром мусульман Испании. Свирепый дух захватчиков, по-видимому, сдерживался опасностями ситуации, неуверенностью в поддержке и активностью христиан - соображениями, которые делали снисхождение к побежденным не только политическим, но и необходимым. Вскоре Кармона была присоединена к завоеваниям альмохадов, и Ибн-Гамия бежал в Гранаду, где впоследствии пал в битве. Затем его сторонники всем скопом стали на сторону Альфонсо Кастильского. Из-за этого открытого дезертирства положение испанских мусульман стало еще более отчаянным. Разделенные между собой, с половиной своих лучших солдат, сражающихся под знаменами своего наследственного врага, очевидно покинутые принцем, возведенным к имперской власти в религиозном центре королевства, без ресурсов, без перспективы помощи, ничто, кроме присутствия Альмохадов, не спасло реликвии халифата от немедленного поглощения королевствами Кастилия и Арагон. Наконец, Абд-аль-Мумен, укрепив свою империю в Африке и движимый мольбами своих андалузских подданных, которые послали депутацию из пятисот граждан, чтобы призвать его на помощь, направил на полуостров армию под командованием своего сына Абу-Саида. Объектом экспедиции был город Альмерия, расположенный со стратегической точки зрения на побережье Африки. Когда осада была начата, Альфонсо предпринял безуспешную попытку освободить гарнизон, после чего он был брошен на произвол судьбы. Поскольку силы Абд-аль-Мумена не смогли блокировать порт, оказалось невозможным уничтожить это место голодом, а мощь укреплений исключала всякую надежду взять его штурмом. Терпение и выносливость гарнизона, однако, были истощены постоянными тревогами и неутомимым упорством врага, и мусульмане после десятилетнего перерыва вновь овладели самой грозной твердыней Андалусии.

Этот решающий успех был дополнен другими, едва ли менее важными достижениями. Густонаселенный город Ниебла, зависимый от Севильи, был взят штурмом Абу-Закарией, который был одним из командиров альмохадов во время предыдущего вторжения. Его упорное сопротивление спровоцировало совершение величайших варварств в час триумфа. Ни один мужчина зрелых лет не выжил в кровавой бойне при нападении. В соответствии с обычаями

берберской войны, дети предназначались для невольничьего рынка, а женщины - для сераля. Такова была необузданная ярость завоевателя, что в одном-единственном пригороде злополучного города восемь тысяч жертв африканской дикости заплатили последнюю цену за поражение. Оружие Альмохадов теперь было обращено против Гранады. Эта столица после короткого и кровавого сопротивления была взята войсками Абу-Саида, и ужасы Низэблы повторились над христианским гарнизоном, который ценой своей жизни искупил опрометчивый союз последних представителей Альморавидов с монархом Кастилии. Захват Гранады знаменует собой окончательный свержение власти той партии, чья тирания и грабежи на протяжении почти целого поколения нарушали мир на полуострове.

Опыт Абд-аль-Мумена с вероломными вассалами и дерзкими самозванцами заставил его неохотно покидать свою столицу, постоянно подвергавшуюся революциям, ради утверждения своей власти над мусульманскими государствами Испании. И действительно, казалось, что в его личном появлении в Андалусии не было особой необходимости. В дополнение к местным вспомогательным войскам в этой стране теперь находилось пятьдесят тысяч ветеранов альмохадов. Его генералы продемонстрировали свои способности к командованию на многих полях сражений. Его войска разместили гарнизоны в главных городах Юга — Кордове, Севилье, Кармоне, Гранаде, Малаге, Альмерии, Бадахосе. Его армии еще не получили отпора; самые плодородные районы обеспечивали их обильным пропитанием; с евреев и мосарабов была собрана значительная дань, которые были вынуждены щедро платить за привилегии и защиту, которыми они не пользовались; Альфонсо VII, самый грозный враг мусульман, недавно умер, а другие христианские князья, сомневавшиеся в своей силе, не решались противостоять победоносным эскадрам альмохадов. Несмотря на то, что Абд-аль-Мумэн был полон решимости не подвергать опасности свою корону длительным отсутствием в столице, он нанес визит в Гибралтар, который он сильно укрепил и где он получил почтение от различных должностных лиц своих недавно приобретенных владений.

Почти одновременно с исчезновением альморавидов на востоке полуострова возник новый поборник испано-арабской независимости. Мухаммед Ибн Саад, принц Валенсии, попытался, но безуспешно, противостоять власти ненавистных африканцев. Разбитый под Гранадой, он организовал другую армию в Альпухаррах и, подкрепленный отрядом христиан из Толедо, снова попытал счастья в войне под стенами Кордовы. Храбрость андалузцев мало помогала в присутствии непобедимых ветеранов Абд-аль-Мумена. Они были изрублены на куски, а их предводитель Ибн-Саад, с трудом спасшись, бежал в Мурсию.

Воинственный дух Абд-аль-Мумена не был ослаблен ни возрастающими физическими недостатками, ни накопившимся грузом лет. Неурегулированное положение дел в Испании и неудовлетворительные результаты, достигнутые его генералами, чьи победы, какими бы блестящими они ни были, казались, нанесли врагу лишь незначительный урон, убедили его в необходимости агрессивной и решительной кампании. Бесчисленные племена, провинции и королевства Африки, объединенные под его скипетром, безропотно подчинились осуществлению деспотической власти. Мудрость его правления, суровость, с которой наказывались мятежники и преступники, распространили здоровый страх перед его гневом по всей обширной монархии Альмохадов, даже более обширной, чем та, которой правил кто-либо из его предшественников, и простиравшейся от Средиземного моря до юга Сахары, от Атлантики до долины Нила. Припасы, достаточные для содержания огромной армии, были собраны в Танжере, Альхезирасе, Гибралтаре. Затем было опубликовано объявление

Священной войны. На этот долгожданный призыв откликнулось почти полмиллиона человек. Но прежде чем они смогли собраться и подготовиться к действию, Абд-аль-Мумен скончался, завещав свой трон и осуществление своих честолюбивых планов своему третьему и любимому сыну Абу-Якуб-Юсуфу, принцу, в высшей степени достойному ответственности, возложенной на него отцовской милостью и капризом судьбы.

Характер Абд-аль-Мумена представляет собой воплощение домашних добродетелей и свирепых пороков Пустыни. В достижении своих целей он редко руководствовался соображениями жалости, чести или великодушия. Он никогда не уклонялся от беспорядочной резни в пылу сражения. Он без колебаний прощал побежденного и покорного врага. При отправлении правосудия виновный незамедлительно подвергался суровому наказанию за нарушение закона. Внимание основателя огромной империи не было полностью поглощено планами войны и завоеваний. Он основал школы и колледжи в крупных городах своих владений, поощрял литературу, искусство. Самые талантливые и опытные учителя во всем исламском царстве были привлечены к его двору, где, удостоенные дружбы и обогащенные щедростью своего царственного покровителя, их усилия были направлены на воспитание молодежи. Три тысячи последних, отобранных из самых знатных семей, были собраны в столичном университете, где они не только получали наставления от ученых профессоров, но и ежедневно упражнялись в военных эволюциях, необходимых для компетентного знания военного искусства — маневрирования, расположения лагерей и армейской дисциплины. Под опекой такого монарха город Марокко превратился в метрополию, достойную империи, которая включала в себя сотню различных племен и наций, и чьи противоположные границы были разделены четырьмя месяцами пути. Королевская резиденция и ее сады окружали обширную территорию, украшенную всеми произведениями искусства и роскоши. Изобретательный гений искусных иностранных ремесленников снабдил дворец и мечеть множеством удивительно хитроумных приспособлений: двери, которые открывались и закрывались, по—видимому, без участия человека; кафедры и трибуны, которые, действуя автоматически, двигались взад и вперед, приводимые в движение скрытым механизмом; фонтаны, струи которых, таинственным образом управляемые клапанами и пружинами, были постоянным предметом восхищения и изумления людей.

Под его руководством были построены сотни судов; военно-морские верфи были расширены и их число увеличилось, а мощные флоты, несущие белый штандарт Альмохадов, поддерживали достоинство султана Африки и Испании во всех частях Средиземноморья.

Долгое правление Абд-аль-Мумена, который управлял Испанией исключительно через своих вице-королей, было не менее пагубным для интересов этой страны, чем господство Альморавидов. Эпидемия гражданской войны, угроза христианского завоевания, зло революции и анархии, свирепость безжалостного завоевателя, для которого сопротивление было преступлением, искупаемым только смертью или рабством, были условиями, фатальными для процветания сельского хозяйства и торговли. Мавританская Испания, некогда гордая владычица Запада, средоточие знаний и искусств, а ныне - забава фортуны и добыча диких орд, возвращенных в африканских пустынях, с каждым десятилетием быстро опускалась по шкале цивилизации. Ее политическое влияние и престиж ее имени исчезли. Богатство, накопленное при благодетельном правлении династии Оммеяде, было либо растрчено в роскоши, либо унесено захватчиками-варварами. Близилось время, когда религиозная тирания, более тяжкая по своему бремени, более жестокая по неумолимой строгости своих декретов, чем худшие

образцы африканского деспотизма, должна была быть навязана потомкам народа, который превратил Западный халифат в резиденцию самой богатой, самой интеллектуальной, самой могущественной из наций.

Юсуф, новый султан Альмохадов, не доверяя лояльности своих подданных и опасаясь спора о престолонаследии, едва взойдя на трон, распустил огромную армию, собранную его отцом для подчинения полуострова. Уравновешенный и проницательный ум, превосходное образование, полученное под руководством самых ученых врачей того времени, необычайное мастерство в боевых упражнениях, с таким усердием выполняемых мавританской молодежью, значительный опыт в искусстве политики и ведения кампаний - все это превосходно подходило Юсуфу для исполнения государственных обязанностей. Краткие меры, принятые его отцом для поддержания общественной безопасности, и его собственная хорошо зарекомендовавшая себя репутация способного и решительного человека уберегли его восшествие на престол от опасности восстания. Несколько незначительных демонстраций мятежных племен Атласа, которые были быстро и безжалостно подавлены, встревожили первые несколько месяцев его правления. Но ни один претендент не поднялся, чтобы оспорить его притязания на суверенитет; ни один пророк не осмелился возбудить легковверные и фанатичные толпы Пустыни; ни одно согласованное движение недовольных вождей не угрожало постоянству монархии, которая была основана на революции и история которой была отмечена непрекращающимися беспорядками и мятежами. Удовлетворенный мирным состоянием своих африканских владений, Юсуф, отправив в Испанию двадцать тысяч своих отборных войск, после небольшой задержки последовал за ними и, приняв верховное командование, основал свою резиденцию в Севилье. Раздор, существовавший между мелкими правителями мусульманских государств, чья вражда была тем более решительной, чем больше они были неспособны потворствовать ей, самым явным образом служил на пользу его делу. Ибн-Саад, правитель Восточной Испании, в королевство которого входили города Мурсия, Валенсия, Аликанте, Хатива, Дения, Лорка, множество цветущих деревень и самая плодородная часть полуострова, был убит во время экспедиции на Менорку, и его сыновья, неспособные защитить свое богатое наследство как от арагонцев, так и от альмохадов одновременно, вступили в переговоры с Юсуфом об обмене своих территорий на другие, возможно, менее ценные, но более безопасные, на берегах Северной Африки. Сделка вскоре была заключена. Мурсийские князья, стремясь распорядиться тем, что они в противном случае неизбежно потеряли бы, отправились в свои новые владения; дочь Ибн-Саада, залог контракта, стала женой Юсуфа, и самый ценный район в Испании — если учитывать плодородие почвы, богатство и коммерческие преимущества городов, а также плотность и трудолюбивый характер населения — перешел, без опасностей кампании или потери ни единой капли крови, под контроль султана Альмохадов.

Однако не только благодаря мирному искусству дипломатии империя Юсуфа расширилась. На западе Бадахос, неоднократно захваченный и отвоеванный христианами и мусульманами, был оккупирован его войсками. Во главе колонны из нескольких тысяч кавалеристов он опустошил долину Тежу до пригородов Толедо. Пограничная крепость Алькантара, долгое время считавшаяся неприступной, покорилась его рукам. И вовсе не из-за его военных подвигов имя Юсуфа было передано с восхищением потомкам. Хотя он провел всего год в самом очаровательном из андалузских городов, свидетельства его присутствия сегодня являются главными, почти единственными достопримечательностями этой прекрасной столицы. Память о его гении и щедрости была увековечена возведением набережных, дворцов, башен, колоссальные размеры которых сегодня являются чудом для современного инженера, и

мечетей, минареты которых когда-то были несравненными образцами архитектурной симметрии и элегантности. Он отремонтировал и расширил римский акведук, по которому до сих пор из источников Алькалы поступает чистейшая вода для нужд Севильи. Он перекинул через Гвадалквивир лодочный мост, аналог и предшественник того, который в течение столетия соединял противоположные берега этого широкого и быстрого потока. Его наводнения, которые ранее наносили ущерб имуществу и ставили под угрозу жизни, были частично остановлены строительством гигантских стен, которые остановили разрушительный поток и снова направили его в нужное русло. Эти сооружения служили причалами, к которым со стороны реки можно было подойти по широким и удобным лестницам, что значительно облегчало разгрузку и отправку товаров. Под рукой находились склады и складские помещения, спроектированные и возведенные Юсуфом, по удобству и вместимости не уступавшие ни одному средиземноморскому морскому порту. Защита города также привлекала внимание этого мудрого и неутомимого монарха, от чьей заботы и бдительности, казалось, не ускользала ни одна деталь, какой бы незначительной она ни казалась. Древние стены были отремонтированы и построены новые. Над рекой были пристроены многочисленные башни, среди них особенная, ныне известная как Золотая башня, где когда-то хранились королевские сокровища. В самом центре города, на месте древней христианской церкви, была основана большая мечеть. В плане здание представляло собой прямоугольник размером четыреста четырнадцать на двести семьдесят футов, и, хотя по справедливости его нельзя было считать соперником этому величественному зданию, оно во многих отношениях немногим уступало несравненной Кордовской Джальме. Его стены были окаймлены персидскими зубчатыми стенами и расписаны множеством цветов. Его аркады выходили во двор с постоянно журчащими фонтанами, благоухающий ароматом цветов апельсина. Сотни мраморных колонн наводили на мысль о разграблении многих языческих храмов. Потолок был образован куполами из дерева и лепнины, геометрические узоры которых раскрывали правильность вкуса и неиссякаемую фантазию, характерные для работ арабского художника и позолотчика. Его мозаичные тротуары, алебастровые решетки, причудливые арабески представляли собой законченные образцы мавританского декоративного великолепия, которые нигде так не бросались в глаза, как в местах его религиозного поклонения. В одном углу здания возвышался минарет средней высоты, но с искусным орнаментом, а по диагонали напротив был заложен фундамент знаменитой башни, ныне известной как Хиральда, которая, построенная во время правления преемника Юсуфа, до сих пор остается лучшим образцом мусульманской архитектуры такого класса в мире.

Время и энергия султана альмохадов были потрачены не только на благоустройство его испанской столицы. Военные и военно-морские преимущества Гибралтара рано были оценены правителями Африки. Его укрепления были теперь значительно расширены и усилены благодаря предусмотрительности Юсуфа, который распознал в его особом и неприступном положении безопасность пролива и ключа полуострова.

Вызванный в Африку опустошительной эпидемией, уничтожившей население его королевства, невежественный в медицинских знаниях, преданный фатализму и помощи шарлатанов, Юсуф был вынужден приостановить общественные работы, которые уже принесли такие благотворные результаты в условиях упадка торговли и истощения ресурсов Андалусии. Отсутствие монарха стало, как обычно, предлогом для анархии. С его уходом возобновились ссоры амбициозных губернаторов провинций и изматывающие набеги христиан. В течение долгих восьми лет продолжалось это состояние непрекращающейся и губительной вражды.

Тогда Юсуф решил осуществить замысел, вызревший у его отца, но исполнению которого помешала смерть. Была объявлена Священная война. Силы Африки были собраны в Сеуте, и в Испанию вторглась одна из самых больших армий, которые когда-либо были собраны на ее земле. Мы с интересом читаем об упорядоченном, но недисциплинированном продвижении этого огромного войска. Племена шли отдельно под командованием нескольких своих шейхов. Каждое племя несло свой отличительный штандарт — знамя того, что составляло авангард, почетный пост, был из голубого и белого шелка, усыпанного золотыми полумесяцами. В центре войска ехал монарх, окруженный своей негритянской гвардией, в снаряжении которой было расточено все богатство варварского великолепия. Перед ним в качестве талисмана, гарантирующего успех, лежал великий Коран Османа, который, избежав опасностей многих революций, был отправлен альмохадами в Марокко после взятия ими Кордовы. Его сопровождал отряд из ста берберских вельмож верхом на великолепных арабских скакунах, чьи бархатные попоны были расшиты золотом. Этот почетный караул нес копья, инкрустированные слоновой костью и серебром, на которых развевались вымпелы из разноцветного шелка. Ларец, в который была положена самая бесценная реликвия ислама, был тем самым, который был украшен беззаветной преданностью и расточительностью многих поколений мусульманских принцев. Его материал из черного и сандалового дерева был полностью скрыт множеством драгоценных камней, которыми он был инкрустирован. Большую часть из них составляли изумруды и рубины, и они удерживались на месте с помощью тяжелых золотых оправ. Они были расположены арабесками, и в центре каждого рисунка сверкал великолепный рубин, ограненный в форме подковы. Шкатулка была обита зеленым шелком и золотой тканью, а покрытие из того же материала, усыпанное жемчугом и другими драгоценными камнями, скрывало сокровище от глаз толпы. Его вес, который был далеко не незначительным, поддерживался статным верблюдом, чья ноша была укрыта навесом, на котором золотыми буквами были начертаны соответствующие легенды из Корана. В тылу султана шли принцы крови, королевские данники и высшие чиновники империи. Семьдесят тысяч пехотинцев и тридцать тысяч кавалеристов составляли наличные силы захватчиков, ряды которых были дополнительно пополнены по меньшей мере ста тысячами рабов и иждивенцев. Армия двигалась четырьмя дивизиями с интервалом в день пути; на каждом привале были собраны провизия и фураж, и совершенство этих мероприятий, а также порядок, поддерживаемый на марше, свидетельствовали о военном мастерстве и исполнительных способностях мусульманского генерала.

В Севилье, назначенной местом встречи испанского контингента, к Юсуфу присоединились несколько тысяч берберских солдат, прошедших множество кампаний на полуострове. Затем он пересек границу Португалии и осадил Сантарен. Этот город, расположенный примерно в пятидесяти милях от Лиссабона, считался оплотом этой столицы. Он был уже готов к взятию, когда Юсуф был застигнут врасплох неожиданной вылазкой осаждающих и смертельно ранен. Мусульмане, доведенные до безумия этим несчастьем, отбросили атакующий отряд, вошли в ворота вместе с беглецами, и десять тысяч человек, убитых среди ужасов неравного сражения, искупили временный и фатальный успех горстки из их числа. Смерть султана, которая, чтобы избежать политических осложнений и гражданской войны, держалась в секрете и не стала достоянием общественности до тех пор, пока его преемник Абу-Якуб-ибн-Юсуф, самый способный из его многочисленных сыновей, принявший титул Аль—Мансур-Биллах, через несколько недель после этого не взошел на трон. Черты Юсуфа были чертами либерального, справедливого, набожного, великодушного правителя. Он снизил налоги. Он увеличил доходы

империи. Его неумолимая суровость наводила ужас на злоумышленников. Перед его трибуналом ни один истец не мог пожаловаться на судебный гнет или продажность. При его правлении, как и при правлении его отца, духовенство было ограничено исполнением своих религиозных обязанностей, и ему не разрешалось узурпировать функции или присваивать доходы гражданской власти. Города патрулировались хорошо оснащенной и бдительной полицией, а законопослушные граждане были уверены в защите. Бандиты исчезли с больших дорог из-за неустанного преследования властей, которые распинали каждого разбойника, как только он попадал в плен. Никогда со времен самого расцвета империи Оммеяде народ Мавританской Испании не пользовался такой безопасностью.

Согласно мусульманскому обычаю, Якуб ознаменовал свое восхождение на трон актами общественной благотворительности. Он распорядился раздать в качестве милостыни сумму в сто тысяч золотых монет. Он увеличил вознаграждение тем чиновникам, которые честно и преданно несли государственную службу. Налоги бедных были отменены, подати богатых были сокращены. Тюрьмы были очищены от всех преступников, за исключением тех, кто обвинялся в преступлениях, караемых смертной казнью. Каждому магистрату усердно внушалась необходимость строгого, но милосердного исполнения законов. В армии была укреплена дисциплина, увеличено жалование солдатам, улучшены санитарные условия казарм и лагеря. Как в Испании, так и в Африке новые крепости были возведены в пунктах, особенно подверженных вторжениям противника. Большие суммы были израсходованы на улучшение и строительство шоссейных дорог, а мосты приведены в идеальный порядок, чтобы не существовало препятствий для быстрого передвижения курьеров или для легкого военного сообщения между резиденцией правительства и границами империи. Через равные промежутки времени вдоль этих магистралей были вырыты колодцы и устроены посты для укрытия путешественников и удобства войск. Этот набожный и щедрый правитель не пренебрегал религиозными обязанностями и требованиями знаний. Богато украшенные мечети были построены в каждом крупном городе, и при них были пристроены учебные заведения, где бедным, но подающим надежды ученикам предоставлялось бесплатное обучение. Страдания страждущих были облегчены созданием больниц, которыми руководили врачи и хирурги, досконально сведущие в медицинской науке того времени. До такой степени традиции и пример Западного халифата пробудили благородное соперничество величайшего принца, который когда-либо вел свое происхождение от африканского предка.

Начало правления Якуба, как и правления его предшественников, было омрачено войной и мятежами. Остатки группировки Альморавидов, обосновавшейся на Балеарских островах, своими обманчивыми представлениями подстрекали племена Пустыни и недовольных полуострова к восстанию. Однако их усилия не смогли серьезно подорвать власть Якуба. Лидеры были арестованы, и принятие самых энергичных мер вскоре восстановило общественное спокойствие. Раскаявшиеся берберы безуспешно молили короля о помиловании, и два брата султана, замешанные в общей вине, были принесены в жертву суровым требованиям справедливости и братского негодования.

Затем Якуб во главе великолепно укомплектованной армии отправился в Испанию. При его приближении все, кто колебался в верности или взялся за оружие, поспешили попросить прощения и возобновить свои обязательства верности. Экспедиция, которая была всего лишь

разведкой, без труда добралась до Лиссабона. О степени его успеха можно судить по тому факту, что добыча, как говорят, превысила по стоимости любую добычу, ранее добытую любым иностранным захватчиком на полуострове, за исключением Мусы, и что пленных, следовавших в свите завоевателя, было респектабельное количество в тринадцать тысяч.

Дух крестоносцев, в то время находившийся на пике своего развития в Европе, вскоре предоставил королю Португалии возможность нанести ответный удар. Большой отряд фламандских и английских рыцарей и латников, направлявшихся в Святую Землю, высадился в Лиссабоне, чтобы избежать в зимние месяцы неудобств длительного путешествия и пресловутых опасностей испанского побережья. Эти авантюристы с жадностью приняли заманчивые предложения португальского короля. Мавританская территория была захвачена крестоносцами, действовавшими совместно с местными войсками, и города Эвора, Бежа и Силвеш стали добычей самых распущенных солдат в Европе. Последний город, сдавшийся в соответствии со статьями о капитуляции Санчо, королю Португалии, был, в нарушение законов войны и всех принципов справедливости, отдан на милость иностранцев. Из шестидесятитысячного населения едва ли пятая часть избежала жизни и свободы. Большинство из них были евреями, чьи торговые связи со странами Западной Европы давали им влияние на христианских военачальников, в то время как присутствие большого числа их соотечественников в стане врага в немалой степени способствовало их безопасности. Однако эта неприкосновенность не была получена без выплаты непомерного выкупа; город был разграблен среди неопишуемых сцен жестокости, и многие крестоносцы, отказавшись от благочестивого дела, за которое они взялись, остались в Силвеше в качестве подданных короля Португалии.

Судьба не позволила им долго пользоваться плодами своей недобросовестности и алчности. Из Марокко были отданы приказы снять позор, нанесенный мусульманам, и Мухаммед, губернатор Кордовы, вторгшись на утраченную территорию, штурмовал одно за другим места, которые соблазняли алчность предприимчивых иностранцев; ужасы предыдущего захвата повторились и даже превзошли их, и христиане, в свою очередь, испытали горечь поражения и бедствия рабства. Четырнадцать тысяч пленных мужчин, скованных вместе, прошли парадом по улицам Кордовы, а пятнадцать тысяч женщин, распределенных по мусульманским общинам Испании и Африки, стали свидетельством страшного возмездия, совершенного наместником султана.

Через три года после этого события Якуб, который в разгар обширных проектов по улучшению положения своего народа никогда не отказывался от завоевательных планов, составлявших столь важную черту политики каждого активного мусульманского князя, подготовился к грандиозной кампании против христиан Кастилии. Императорские войска, насчитывавшие триста тысяч человек, были без труда переправлены через пролив, и это могучее вооружение, на приобретение которого губернаторы Андалусии взимали огромные налоги, чтобы обеспечить себе пропитание, начало свое продвижение во внутренние районы страны. Якуб, уставший от бесплодных набегов и экспедиций, которые не наносили врагу непоправимого ущерба, решил предпринять самое опасное и сомнительное предприятие. Город Толедо, чье географическое положение, неприступные укрепления и национальный престиж как военного центра Кастильской монархии делали его самым важным стратегическим пунктом на всем полуострове, был главным объектом его амбиций. Политическое положение христианских королевств, князя которых, опять же под влиянием взаимной ненависти, с самодовольством относились к бедствиям своих соседей, было особенно благоприятно для замыслов мусульман. Португалия и

Леон были втянуты в конфликт со Святым Престолом. Его вмешательство в королевские prerogatives и нежелательное участие в религиозных спорах этих государств были восприняты с нескрываемым неодобрением народом, который никогда прямо не признавал юрисдикцию Верховного понтифика. Жажда власти и надежда извлечь выгоду из раздоров своих соперников держали королевства Кастилия, Наварра и Арагон в стороне друг от друга. Именно первой из них, без посторонней помощи и в одиночку, предстояло выдержать удар надвигающейся бури; в то время как другие монархии, удаленные от очага войны, могли во временной безопасности ожидать исхода неизбежного конфликта. Альфонсо VIII, который вызвал гнев и ускорил вторжение Якуба вызовом, облеченным во все экстравагантные выражения испанской родомонтады, теперь в полной мере осознал катастрофические последствия своей несвоевременной дерзости. Напрасно в отчаянии он взывал к благочестию, патриотизму, воинственному духу соседних христианских князей. Король Арагона ничего не ответил. Встревоженный сообщениями о грандиозных приготовлениях Якуба, король Наварры без колебаний начал с ним тайные переговоры с целью сохранения своих владений в качестве мусульманского вассала. Единственными вспомогательными силами, откликнувшимися на мольбы Альфонсо, была горстка французских рыцарей со своими слугами из округов Прованс и Гасконь. С ними, с братьями по военным орденам и со своими собственными силами, общая численность которых не упоминается в хрониках, но которые значительно уступали численности африканцев, Альфонсо спокойно ожидал подхода врага под замком Аларкос, недалеко от Калатравы.

На рассвете, в один из самых памятных дней в анналах Реконкисты, вражеские армии приготовились к битве. Расположение мусульман указывало на такую степень военного мастерства, которую едва ли можно было ожидать от грубых тактиков того времени. Альмохады образовали левое крыло, правое удерживали андалузцы, в центре были размещены отборные войска империи, ветераны многих кампаний. За первой линией расположились африканские добровольцы, вооруженные в основном метательным оружием, чья сплошная масса должна была помочь передовым рядам отразить атаку христианской кавалерии. Генералы султана немедленно руководили маневрами, ибо Якуб во главе своей гвардии и резерва из нескольких тысяч своих самых храбрых воинов оставался в засаде в пределах легкой досягаемости от поля боя, одинаково готовый в любой момент нанести удар или неожиданно ис сокрушительной силой ворваться в беспорядочные ряды испуганного и обращенного в бегство врага. Позиция христиан была выбрана наиболее удачно. Их лагерь располагался на пологом склоне горы с крутым уклоном сзади, по бокам которого протекали глубоко изрытые русла горных потоков. С характерным пренебрежением к благоразумию кастильцы начали сражение. Восемь тысяч рыцарей в полном вооружении с ужасающей силой атаковали центр мусульманской боевой линии. Дважды они отступали перед сплошной массой врага, но третья попытка увенчалась успехом; его линия была прорвана, его ряды пришли в замешательство, и христиане, воодушевленные временным преимуществом, которое они бездумно превзошли в победу, до предела потворствовали своим диким инстинктам, разъяренные неожиданным сопротивлением, с которым они столкнулись. Но поле боя еще не было выиграно. Когда они устремились вперед в своем кровавом походе, стремительные кавалеристы были незаметно окружены активной мавританской кавалерией и лучниками, которые были выстроены на флангах африканской армии; и, отрезав им путь к отступлению, они сразу же были подавлены численностью. Тем временем мастерство и хладнокровие мусульманского генерала Ас-Сенани, командовавшего прорванной линией, позволили ему объединить ее фланги, которые еще не

были задействованы, и, собрав отставших, он предпринял решительную атаку на лагерь противника. Таким образом, на разных участках поля шли два сражения, в которых часть каждой армии составляла нападавших. Из рыцарей, которые так смело бросились против мусульманского воинства, лишь немногие избежали копий и стрел альмохадов. Несмотря на силу христианской позиции, она была взята аль-Сенани и его андалузцами, и отборные кастильские войска, не выдержав удара мусульманской атаки, были наголову разбиты. Тяжелые доспехи рыцарей Альфонсо затрудняли их передвижения и задерживали бегство; их чувства были сбиты с толку шумом и суматохой битвы, а свирепые мавританские всадники, чуждые жалости в час триумфа, были глухи к мольбам побежденного и беспомощного врага. Явные преувеличения древних хроник делают невозможным составить даже приблизительно правильную оценку потерь христиан. Однако она должна была быть огромной; но близость гор, недоступных мавританской кавалерии, несомненно, сохранила множество людей, которые в противном случае погибли бы. Двадцать тысяч пленных, взятых в Аларкосе, крепость которого была взята штурмом сразу после битвы, были освобождены без обмена или выкупа, что было актом необычной щедрости, который, хотя и вызвал неблагоприятную критику Якуба со стороны его подданных, был расценен как свидетельство слабости неблагодарными получателями его милости, неспособными понять подобную снисходительность в войнах, обычно ведущихся с неопишуемым варварством.

Плоды этой великой победы ограничились захватом нескольких тысяч пленных и разграблением кастильского лагеря. Никогда христианская территория не была так уязвима для нападения захватчиков, как после битвы при Аларкос. Могущество Кастилии было временно подорвано. Наварра, запуганная приближением мусульман, теперь была готова к присяге на верность и унижительной уплате дани. Леона также подозревали в ведении тайных переговоров с Якубом, влияние которого, что не маловероятно, способствовало враждебным отношениям, в целом существовавшим между христианскими государствами Северной Испании. Арагон, лишенный своего суверена и настроенный против своих соседей, был жертвой политических интриг, а также подвергался опасности иностранного завоевания. Только Португалия, до некоторой степени защищенная своей удаленностью от очага войны, решительно поддерживала своей бескомпромиссной позицией падающую судьбу христианского оружия.

Многие причины сговорились, чтобы сделать кампании мусульман нерешительными. Их армии, состоящие из представителей многих наций и которыми командовали многочисленные генералы, были неспособны к тщательной организации и дисциплине. Полномочия высших должностных лиц, претендующих на равную власть, не определенные законом и не подтвержденные прецедентами, подвергались постоянному и досадному вмешательству. Солдаты, привыкшие к независимым передвижениям и быстро меняющимся сценам партизанской войны, с неодобрением относились к длительным операциям. Победа была для морального духа таких войск почти такой же пагубной, как и поражение. Обычно мощные стимулы к завоеваниям — распространение Веры, надежда на воинскую славу, перспектива территориального приобретения — были забыты в желании без промедления насладиться плодами деятельности и мужества. Массовое дезертирство было неизбежным следствием успеха. Военные экспедиции на полуостров не проводились, поскольку он попал в зависимость от Африки, с систематической регулярностью, направленной на постоянное заселение. Города обычно подвергались разграблению и сожжению. Страна была опустошена, население обращено в рабство. Но редко случалось, чтобы в захваченном городе размещался гарнизон, и новые крепости больше не возводились для охраны границы. Граница, действительно, стала

неопределенной границей спорной земли, региона, который постоянные вторжения врагов превратили в пустыню, границы которой, постоянно меняясь, все же неуклонно вторгались в мусульманские владения. Богатство простой провинции, какой бы ценной и обширной она ни была, могло вызвать лишь вялый и преходящий интерес среди заговоров и революций далекой и беспокойной столицы. После набега на Кастилию, направленного христианскими беженцами и ренегатами с реальными или вымышленными обидами, чтобы отомстить, мусульмане отказались от кампании, и возможность, предоставленная битвой при Аларкос, была безвозвратно упущена. Следующая весна прошла в безрезультатных экскурсиях в Кастилию и Эстремадуру. Калатрава и Гвадалахара были взяты, а Саламанка была взята штурмом и сожжена дотла после того, как подчинилась крайним излишествам врага-варвара. Отсутствие организованного сопротивления, всеобщий ужас, царивший в каждой христианской общине, трусливое поведение великих князей, которые с униженной покорностью просили защиты у султана альмохадов; необычайная легкость, с которой мусульмане захватывали одну крепость за другой, указывают на всеобщую деморализацию, последовавшую за разгромом Аларкоса. Кампания, проведенная с энергией и решимостью, должна была привести к полному свержению христианских монархий Севера. Но Якуб, лишенный самых выдающихся качеств командира, впустую тратил время и силы своих солдат на хищнические предприятия, которые не приносили ни военного отличия, ни политической выгоды, в то время как его враги в постоянном ужасе ожидали появления эскадронов, которые уничтожили рыцарей монашеских орденов, гордость христианской Испании, и растоптали ногами кастильское рыцарство, уже прославившееся выносливостью и доблестью среди знаменитых воинов Европы.

Действительно, была предпринята попытка нападения на Толедо, первоначальную цель вторжения, за стенами которого укрылись беглецы из Аларкоса; но старая вестготская столица, победоносно выдержавшая сотни осад, не должна была быть так быстро взята врагом, не знавшим еще о разрушительной силе пороха. Несколько дней продемонстрировали тщетность атаки, когда недостатки военной техники не могли быть компенсированы численным превосходством, и королю Кастилии посчастливилось заключить перемирие с султаном, теперь встревоженным сообщениями о мятеже в его собственных владениях. Возвращению последнего лишь на короткое время предшествовала его внезапная смерть. Он был принцем, который из всех потомков африканских династий был наиболее достоин почестей императорского величия, и не без оснований он принял титул Аль-Мансура, Победоносного. При нем его соотечественники, вероятно, достигли высшей степени цивилизации и интеллектуального развития, на которую способна их раса. Опыт неоднократно доказывал, что врожденная дикость берберов неисправима. Преимущества образования, привычное общение с учеными и вежливыми людьми, знакомство с лучшими литературными произведениями предшествующих эпох, ежедневное присутствие архитектурных памятников непревзойденного великолепия не смогли изгладить варварские инстинкты, унаследованные бесчисленными поколениями бродячих бандитов. Подобно арабу, флибустьеру по рождению и склонностям, бербер с неохотой отказался от неустроенного и ненадежного существования своих предков и с радостью возобновил его. Между различными подразделениями африканской расы не существовало политической близости. Из таких компонентов невозможно построить прочную империю. Временно объединившись, они удерживались вместе исключительно благодаря неестественному и искусственному влиянию силы и страха; отсутствовали принципы взаимного сотрудничества, национальной гордости, преданной лояльности, которые составляют одновременно безопасность и славу нации. Первые три принца из династии Альмохадов выделялись своими талантами, твердостью, политической проницательностью. Их правление,

хотя и характеризовалось большей или меньшей суровостью, что было следствием особых политических условий, не было ни деспотичным, ни несправедливым. На торговлю не было наложено никаких ограничений. Бремя налогообложения было облегчено, а незаконные поборы отменены. Были спланированы и доведены до совершенства многие внутренние улучшения. Система отправления правосудия была очищена, а коррумпированные магистраты наказаны. Религиозные чувства, господствовавшие в умах невежественных людей, были удовлетворены возведением роскошных храмов. Проведение масштабных военных операций, порабощение целых племен, разграбление богатых городов, достижение сокрушительных побед, уничтожение армий были рассчитаны на то, чтобы заручиться привязанностью и подтвердить преданность народа, страстно преданного волнующим событиям войны. Но африканец был настолько капризен и вероломен, что ни нынешнее расположение, ни ожидание будущих выгод не могли гарантировать его верности. Он был совершенно беспечен к преимуществам цивилизации. Его суеверие делало его легкой жертвой любого самозванца. Правители Альмохадов жили в постоянном страхе свержения. Если бы они ушли из Африки в Испанию, племена пустыни наверняка взбунтовались бы. Как только они пересекли пролив, Андалусия подняла оружие. Только смерть невежественного шарлатана, который за короткое время ограничил империю Абд-аль-Мумен двумя городами, спасла этого монарха и его династию от уничтожения. Анналы его сына и внука - это кровавая хроника восстаний, массовых убийств, казней. Берберский элемент, хотя и вызывал отвращение у арабов, все же настолько пропитал общество полуострова, что каждое ведомство правительства, каждый ранг и профессия людей были заражены его ядом. В таких условиях политическое возрождение было невозможно. Ни один реформатор, ни один завоеватель не мог предотвратить окончательную катастрофу, катастрофу, неизбежную при упадке наций, — подчинение внешнему врагу, движимому религиозным фанатизмом, военными амбициями и непреклонностью цели. Победа Аларкоса стала завершающим триумфом ислама на полуострове, а с воцарением Якуба исчезла последняя возможность для восстановления мусульманской власти.

Однако Якуб аль-Мансур лучше всего известен нам не по его завоеваниям, не по размаху его владений и не по великолепию его двора. Хиральда, или минарет, возвышавшийся над мечетью Севильи и ныне, по большей части нетронутый, являющийся главным украшением ее собора, является величайшим памятником его славы. Величественный храм, к которому он был пристроен, основанный Юсуфом и строившийся почти четверть века, был наконец закончен его сыном. На его строительство были потрачены трофеи многих набегов, богатства многих завоеванных городов, разграбление многих христианских святынь. Золото и серебро, добытые из священных сосудов оскверненных алтарей, блестили на его стенах. Каменная кладка была заложена мучительным трудом сотен пленников. Его фундамент покоится на цоколе, состоящем из бюстов, статуй, барельефов и резьбы, взятых из римских сооружений, которыми изобилуют окрестности, и многие из которых представляют собой лучшие образцы классического вкуса и имперского великолепия. Для строгих блюстителей мусульманского законодательства, — а никто так строго не придерживался буквы его положений, как альмохады, — любое изображение человеческого тела считалось идолопоклонством, и изображения императоров, государственных деятелей и ораторов древности были захоронены глубоко под стенами Хиральды, чтобы глаза верующих больше не могли быть оскорблены тем, что по невежеству считалось объектами языческого поклонения; и чтобы возведение над этими стенами храма символизировало духовное, а также материальное превосходство ислама. памятники неверным

- самое внушительное и красивое сооружение в своем роде, которое когда-либо было создано человеческим гением.

Его основание представляет собой квадрат в пятьдесят футов; его первоначальная высота составляла триста. На протяжении восьмидесяти семи футов от фундамента стены сложены из каменных блоков, подогнанных с величайшей тщательностью и когда-то отполированных до гладкости стекла. Надстройка выполнена из кирпича и почти полностью покрыта изящными арабесковыми узорами из терракоты. Каждая сторона разделена на шесть панелей с барельефными рисунками, панели опираются на оживальные арки, поддерживаемые мраморными колоннами, утопленными в каменную кладку. На центральных панелях расположены ряды аджимезов, или мавританских окон, отсеки которых разделены миниатюрными колоннами из алебаstra. В их расположении и декоре присутствует очаровательное разнообразие и элегантность; проемы симметричны, но расположены неодинаково, а терракотовые узоры, хотя и демонстрируют общее сходство, отличаются в деталях, нет двух граней башни, в точности похожих друг на друга. Первоначально спроектированный минарет был увенчан зубчатыми стенами и увенчан другой башней высотой в восемь локтей, аналогичной плана, но с гораздо более сложным орнаментом. Над последним сооружением возвышалась перекладина, поддерживающая четыре бронзовых шара разного размера, расположенных один над другим. Общий цвет здания был ярко-красным из-за кирпича, из которого оно в основном было сложено. В этом ярком обрамлении затонувшие арабески сияли всем великолепием богатейшего дамаска. Промежуточные части рисунков были раскрашены алым, лазурным, зеленым и фиолетовым цветами, рельефные части были позолочены. Золотой и цветной лабиринт был одновременно смягчен и очерчен более тусклым обрамлением и белыми полупрозрачными алебастровыми колоннами центральных панелей. Вокруг вершины главной башни была выложена мозаика с замысловатым рисунком и множеством цветов. Красота великолепных оттенков, которые под солнечным светом Южной Испании переливаются всеми цветами радуги, была усилена использованием плитки, покрытой сусальным золотом, эмалированное покрытие которой придавало блеск, не уступающий даже самому полированному металлу. В надстройке был проявлен весь изысканный вкус и мастерство мавританских и византийских ремесленников. Ее борта представляли собой сложную и элегантную мозаику белого, синего и золотого цветов. Его парапет сверкал этим драгоценным металлом, а над ним в правильной последовательности возвышался ряд огромных позолоченных шаров, видимых приближающемуся или удаляющемуся каравану на протяжении более чем дня пути. Самый большой из них был почти двадцати футов в диаметре; поверхности всех были покрыты глубокими бороздками, чтобы лучше отражать свет; а железный прут, который их поддерживал и который также был покрыт золотом, весил почти тысячу фунтов.

Интерьер знаменитого минарета представляет собой несколько экстраординарных, если не сказать уникальных, архитектурных особенностей. Его стены имеют толщину в девять футов у основания и, вместо того чтобы уменьшаться в размерах, становятся еще более прочными по мере подъема, пока вместимость сооружения у вершины не составит немногим более половины того, что оно имеет у подножия. Подъем осуществляется по тридцати пяти пандусам, или наклонным плоскостям, опирающимся на своды и арки и поддерживаемым каменной кладкой, построенной в центре башни.

Именно архитекторам Константинополя мавры были обязаны этой превосходной заменой лестницы, по которой можно было подниматься по самым высоким зданиям со сравнительно

небольшим утомлением. Византийское влияние, наложившее такой отпечаток на архитектуру Венеции, снабдило ее башни этим оригинальным устройством, знакомым примером которого является Колоколья. Примеры его использования также существуют во многих городах Африки, некоторые из мечетей которых, построенные Альмохадами, представляют собой, в значительно уменьшенном масштабе, минареты, по форме и декору почти аналогичные Хиральде, какой она была в дни своего первоначального великолепия. Небезынтересно отметить, что архитектором, руководившим завершением строительства Хиральды, был Абу-Лейс, сицилиец, чья страна, долгое время являвшаяся провинцией Константинополя, никогда, даже под мусульманским владычеством, полностью не отказывалась от традиций или влияния христианской столицы Востока.

Мохаммед Ибн Якуб, чей наследственный титул был подтвержден осуществлением королевской власти при жизни его отца, унаследовал опасные почести трона Альмохадов. Принц с дружелюбным характером, но посредственными талантами, лишенный честолюбия и уверенности в себе, его восшествие на престол не предвещало ничего хорошего для поддержания порядка среди десятков ревнивых народов, которых едва хватило всего гения великих государственных деятелей и воинов, чтобы удержать в рамках лояльности и дисциплины. Смерть Якуба стала сигналом к восстанию для мятежных духов, населявших горы Феса, и за их дезертирством немедленно последовало грандиозное восстание на Балеарских островах. Там, где влияние Альморавидов поддерживалось потомками этой семьи, которые, изгнанные с материка, какое-то время пользовались в этом изолированном регионе номинальной независимостью, знамя восстания было поднято Яхьей, активным сторонником, который вел свое происхождение от последнего императора Альморавидов, Юсуфа Ибн Ташфина. Мятеж горных племен был легко подавлен, но мятеж на Балеарских островах был гораздо более серьезным и потребовал принятия самых строгих мер. Имя альморавидов ни в коей мере не утратило своего значения в Африке. Среди жителей побережья и Сахары до сих пор помнили подвиги династии, которая первой объединила бродячие племена этого континента в подобие нации, познакомила их с преимуществами литературы и искусств и своими завоеваниями вознесла их на вершину военной славы. Симпатии жителей Балеарских островов были почти единодушны с представителями их древних хозяев. Прежде чем можно было предвидеть подобное событие, на побережье Африки высадилась армия. Берберы, привлеченные новизной и перспективой вседозволенности, начали проявлять признаки недовольства. Политическая агитация охватила северную часть Пустыни, и число последователей бесстрашного Яхьи увеличилось за счет привлечения многих воинственных племен. Однако для обеспечения успеха не хватало одного элемента, и самого важного. Предприятие Альморавидов было чисто политическим. В каждой революции, которая ранее вызывала энтузиазм и заручалась поддержкой африканцев, религия была предполагаемым стимулом и наиболее заметной чертой. Определенная степень таинственности, правдоподобная демонстрация обмана были необходимы для возбуждения и контроля доверчивых и фанатичных скитальцев Сахары. Ни одно движение не могло бы процветать в этом погруженном во мрак регионе, если бы им не руководил мрачный гений суеверия.

Первые операции Яхьи были весьма успешными. Несколько крепостей вдоль побережья открыли свои ворота захватчикам. Город Альмахадия был взят штурмом. Кайрун, некогда резиденция фатимитских халифов и до сих пор являющийся центром обширной торговли между Пустыней и Средиземноморьем, оказался под угрозой. Проницательность Мухаммеда убедила его, что захват этой древней столицы придаст опасный импульс делу мятежников,

непредвиденное обстоятельство, которое необходимо предотвратить во что бы то ни стало. Молодой принц действовал с необычайной решимостью. Силы Яхьи были разбиты. Некоторые крепости были отбиты, другие добровольно сдались. Лидер повстанцев, горячо преследуемый врагом, не смог вернуться на корабль и был вынужден просить гостеприимства у своих берберских союзников в самом сердце пустыни. Большие силы осадили Альмахадию, которую храбро защищал альморавидский губернатор Аль-Хадши. Но мужество и решительность гарнизона не смогли одержать верх над наукой сицилийских и испанских инженеров, служивших в армии султана. Стены были подорваны. Башни были разрушены огромными железными и каменными снарядами, выпущенными в них из двигателей новой конструкции и огромных размеров. Чтобы предотвратить бедствия, вызванные штурмом, город был сдан. С щедростью, не имеющей прецедента в анналах средневековых войн, была объявлена всеобщая амнистия. Гарнизон был убежден встать под знамена завоевателя, и Мухаммед, очарованный храбростью Аль-Хадши, доверился ему и назначил важным командующим своей армией.

Балеарские острова, захваченные в 1115 году Раймондом Беренгером III, графом Барселоны, а затем оккупированные выжившими лидерами партии Альморавидов, теперь впервые в своей истории испытали на себе последствия берберского вторжения. Майорка была опустошена мавританской кавалерией, ее города были сожжены, а население обращено в рабство. Менорка и Ивика, воспользовавшись этим примером, поспешили просить о помиловании своего государя, и головы вождей альморавидов, тщательно забальзамированные камфарой и помещенные в изящный ларец, были отправлены в Марокко в качестве убедительного доказательства того, что разгромленной и дезорганизованной фракции больше нечего опасаться.

Благоприятное начало правления, которому суждено было закончиться разорением и позором, побудило молодого султана предпринять предприятия гораздо большей важности. Срок перемирия, неразумно заключенного Якубом в ответ на мольбы короля Кастилии, еще не истек. Но христианские казуисты того времени считали преднамеренное нарушение договора, заключенного с неверным, преступлением, едва ли заслуживающим прощения. Соблюдение публичных обязательств регулировалось только нынешней целесообразностью. Принц, который, к своему собственному ущербу, с честью выполнил условия договора с мусульманином, был бы вознагражден насмешками своих подданных и анафемами духовенства. Задолго до времен Мендосы и Хименеса, которые наиболее широко применили этот печально известный принцип, его принятие было одобрено как гражданскими, так и церковными властями христианской Испании, и неверующий или еретик сохранял веру только до тех пор, пока это соответствовало удобству другой договаривающейся стороны.

Смерть Якуба в какой-то мере оживила дух обескураженных христиан. Альфонсо с большим трудом удалось собрать разрозненные остатки своей разбитой армии. Военные ордена, оставившие своих самых храбрых членов на поле Аларкоса, начали заполнять вакансии в своих поредевших рядах. В больших городах нетерпеливая молодежь снова жаждала волнений и грабежей во время набега. Раздраженный просьбами своих подданных и подкрепленный мнениями и заверениями духовенства, Альфонсо нарушил перемирие и неожиданно спустился на равнины Базсы и Хаэна. Его успех вдохновил на организацию других экспедиций, и кровавые сцены прошлых лет возобновились до тех пор, пока ни одна часть Андалусии не оказалась защищенной от опустошительных действий предприимчивых христианских партизан. Покорение альморавидских повстанцев пробудило в Мухаммеде жажду завоеваний и желание

наказать вероломство и дерзость противника, который всего за несколько лет до этого в подлых и унижительных выражениях требовал мира. Было объявлено о начале Священной войны. Берберские вожди и их последователи отреагировали с энтузиазмом. Имея в своем распоряжении все военно—морские средства империи, огромной массе войск — численностью более трехсот тысяч человек - потребовалось почти два месяца для переправы через пролив; а когда они были собраны в Севилье, их палатки и бивуаки были разбросаны на многие лиги вокруг этого города.

Христиане с величайшим ужасом восприняли весть о готовящемся вторжении. С присутствием африканца были связаны не только политические невзгоды полуострова, но и самые серьезные бедствия, когда-либо испытываемые испанским оружием. Уже трижды за свою историю высадка мусульманского войска была предвестником национальной катастрофы. Шестнадцать лет прошло с рокового дня Аларкоса, но память об этом ужасном поражении была все еще свежа почти в каждой семье Кастилии; и его последствия были настолько разрушительными и широкомасштабными, что ресурсы этого королевства, выдержавшего основную тяжесть атаки, так и не были полностью восстановлены. В сложившейся чрезвычайной ситуации был обращен призыв к Святому Престолу; войне против мусульман был придан характер и привилегии крестового похода, и анафемы Церкви были обличены против всех, кто препятствовал движениям или помогал врагам короля Кастилии, ныне защитника христианского мира. Эмиссары, снабженные письмами Верховного понтифика, отправились из Ватикана, чтобы пробудить угасающий религиозный дух Европы. В то время как вся страна к северу от Тахо была охвачена террором и почти не делалось приготовлений к сопротивлению, армия султана, организованная в пять крупных дивизий, разбила лагерь в Севилье. Вспомнив о результатах подобных начинаний, христианское население было охвачено апатией отчаяния. Все благоприятствовало планам Мухаммеда, и если бы он воспользовался предоставленной ему возможностью, мусульманское господство могло бы быть восстановлено на всем полуострове. На пути вторгшихся войск встал замок Сальватьерра, крепость настолько незначительная, что даже ее руины сейчас невозможно опознать; но тщеславие султана было так велико, что он не пожелал оставить после себя ни одной христианской твердыни, и была начата осада малоизвестного пограничного форпоста, от стойкости которого, однако, теперь зависела судьба Испании. В потакании этой глупой прихоти прошло восемь драгоценных месяцев, в то время как суровость сезона и муки голода быстро истощали ряды мавританской армии. Наконец был осуществлен захват Сальватьерры, вероятно, самой большой ценой, когда-либо понесенной при завоевании столь незначительного места, и мусульмане удалились в свои кварталы в Андалусии. Ободренные этой неожиданной остановкой врага, христиане, понимая, что опасность только отсрочена, начали проявлять необычную активность. Среди зимних снегов воины Испании, готовые предпринять изнуряющие и отчаянные усилия для защиты своих домов и спасения своей страны; фанатики-крестоносцы, воодушевленные неистовым религиозным рвением и представляющие почти все национальности Европы; свирепые солдаты удачи, с мечей которых все еще капала кровь альбигойских еретиков; выдающиеся прелаты, которые с одинаковой ловкостью исполняли обязанности исповеди и командования, собрались в Толедо, некогда гражданском и церковном центре вестготской державы, ныне столица растущей монархии, обреченной на многие предстоящие столетия униженного подчинения Римскому престолу.

Влияние папства, равно как и неминуемая опасность для государства, успешно воззвали к религиозным инстинктам и национальной чести каждого христианского властителя на

полуострове. Многие из них прибыли лично, за ними последовали дворяне и церковные сановники своих владений. В этом странном строю, который мог так легко примирить шум битвы с мирными служениями у алтаря и паломничеством и который без колебаний заменил монотонные интонации мессы воинственными звуками трубы, были пронумерованы главные должностные лица Церкви во главе со знаменитым Родериком, примасом Королевств Испании. Великие магистры всех военных орденов, включая ордена госпитальеров и тамплиеров, которые со значительным количеством последователей прибыли из дальних стран, чтобы разделить честь и славу нового крестового похода, составили немалое пополнение в рядах христианской армии. Каждая организация в стране — гражданская, политическая, военная и религиозная — направила своих представителей на назначенное место встречи, полных патриотической уверенности, но в то же время с полным осознанием фатальных последствий для их свобод и их веры, которые неизбежно должны были возникнуть в результате еще одной великой мусульманской победы, одержанной над народом, который уже почти утратил свою восстанавливающую силу. Примечательным сборищем было то, что на улицах были слышны различные диалекты и часто диссонирующие акценты, и чье ежедневно увеличивающееся число, превышающее возможности старой вестготской столицы содержать, распределялось по пастбищам и садам в ее окрестностях. Изобилие провизии, доставленной благодаря своевременной предусмотрительности Альфонсо, обеспечивало довольство разношерстного воинства, но отсутствие занятий вскоре привело к развитию распространенных в лагере пороков. Ссоры, спровоцированные претензиями различных национальностей на превосходство, не были чем-то необычным, и узкие улочки обычно степенного и безмятежного города по ночам становились ареной драк и беспорядков. Среди крестоносцев было много тех, кто служил в Палестине и привык безудержно потворствовать самым разнообразным преступлениям. Для этих авантюристов, чей религиозный пыл в значительной степени стимулировался алчностью, богатство многочисленного и процветающего еврейского населения Толедо было слишком ценным призом, чтобы его упускать из виду. Предубеждения того времени благоприятствовали преследованиям, и еврей, особенно преуспевающий, был для невежественного зелота худшим из неверных. Был разработан план массового уничтожения всей еврейской колонии; и для этого потребовалось все влияние духовенства и весь авторитет Альфонсо, чтобы предотвратить уничтожение значительной части его наиболее трудолюбивых и полезных подданных в самом сердце его столицы.

Наконец, в июне 1212 года армия крестоносцев подготовилась к активным действиям в рамках кампании. Согласно порядку расположения, авангард состоял из иностранцев, центр был отведен арагонцам, а тыл прикрывали солдаты остальных штатов и королевств, у которых было больше всего поставлено на карту и от чьих усилий должен был в основном зависеть исход сражения.

Крестоносцы продвинулись всего на несколько дней марша за пределы Толедо, когда среди французов и итальянцев начали появляться признаки неподчинения. Вероятно, во всей Европе нет региона, столь негостеприимного и пустынного в любое время года, как плато Центральной Испании. Ни одно дерево не поднимается, чтобы нарушить унылое однообразие пейзажа. Зимой равнину пронизывают ледяные порывы с сьерр. Летом измученный путешественник падает ниц под палящими лучами почти тропического солнца. Эта страна даже сейчас, на десятки лиг во всех направлениях, представляет собой пустыню; а в XIII веке, отмечая границу между двумя нациями, находящимися в постоянной вражде, была еще более унылой и необитаемой, чем сегодня. Старому крестоносцу это слишком сильно напоминало о тяготах и

опасностях Святой Земли, о лишениях, которые давным-давно с радостью променяли на жизнь в роскоши и распущенности на службе у щедрых и снисходительных европейских государей. Прелат тосковал по монастырю, неохотно оставленному ради лагеря по приказу Святого Отца, и страстно желал вернуться к местам застолья — к веселым охотничьим вечеринкам в лесу; к праздничному столу с его веселыми гостями неклерикального происхождения, аппетитными блюдами и игристыми винами; к объятиям тех прекрасных спутниц, которые, избранные за свои редкие увлечения, коротали за стенами дворца и монастыря досуг епископа-эпикурейца за восточными танцами и живыми звуками лютни и кастаньет. Для людей, которых вдохновили взять крест яркие описания мавританских городов Андалусии, поход через Ламанчу стал тяжелым разочарованием. Столь всеобщим и серьезным было уныние среди иностранцев, что возмущенных увещеваний короля и прелатов едва ли было достаточно, чтобы предотвратить их массовое бегство. Наконец, после того как было взято штурмом несколько незначительных пограничных замков и захвачено мало добычи, итальянцы и французы, подстрекаемые духовенством, бросили своих союзников и отправились домой. Их вольноотпущеннические инстинкты проявились в безуспешной попытке заставить врасплох Толедо, богатства которого они никогда не переставали жаждать; но жители отказали им во въезде в город, и они были вынуждены вернуться в свои дома с пустыми руками, покрытые позором и ставшие объектами насмешек и презрения для правоверных всех христианских наций Европы.

Перевалы Сьерра-Морены были уже заняты маврами, когда христианская армия приблизилась к горной гряде, образующей северную границу провинции Андалусия. Был найден пастух, которого суеверие возвело в ранг святого и чье знакомство с глубинами Сьерры до сих пор считается чудом, который провел армию тайными тропами мимо аванпостов противника. На возвышенных равнинах Толосы две армии встретились, чтобы решить судьбу полуострова. Мусульмане имели небольшое преимущество в ситуации и решительное численное превосходство. В центре мавританского лагеря, на пологом возвышении, был разбит алый шелковый шатер султана, который благодаря своему золотому шитью и развевающимся вымпелам был самым заметным объектом на поле боя. Эта позиция была защищена багажными вагонами, которые, соединенные тяжелой железной цепью, окружали ее основание. Перед холмом, защищенная рвом, была выстроена мусульманская пехота, недостаток стойкости и порочную дисциплину которой изобретательность их офицеров попыталась исправить опасным приемом - скрепить ряды веревками. Солдаты в кольчугах были размещены в центре, а быстрые и нерегулярные мавританцы - на флангах передовой линии. Стража из черных рабов охраняла вершину холма, где восседал монарх, одетый в черную и поношенную мантию, почитаемую как священное одеяние основателя своей секты, а рядом с ним - мусульманские символы завоевания, Коран и ятаган. Боевой порядок мавров не сильно отличался от боевого порядка Аларкоса, и опыт того дня, без сомнения, определил принятие схемы, которая когда-то увенчалась таким блестящим успехом. Очевидно, обстоятельства были более благоприятными для захватчиков, чем в предыдущем соревновании. Их численность была больше, чем у армии Якуба, силы противника, вероятно, почти такие же, как и раньше. Их позиция была намного сильнее и защищалась с большим военным мастерством. Государь присутствовал, чтобы подбодрить усилия и воодушевить рвение своих бесчисленных солдат. Память о двух великих победах — одной настолько недавней, что она все еще свежа в памяти многих в обеих армиях, и каждая из которых принесла такую славу мусульманскому делу, — побудила солдат Мухаммеда подражать героическим подвигам Заллаки и Аларкоса.

С другой стороны, именно с чувством угрюмого отчаяния христиане вооружились в полночь для завтрашнего решающего сражения. Они не забывали о национальных и религиозных интересах, зависящих от их постоянства и доблести. Их союзники, на поддержку которых они рассчитывали, вероломно покинули их. Их ресурсы были исчерпаны. Как показало это событие, несправедливо, но не безосновательно, возникли подозрения в верности некоторых членов их рядов, чьи настроения когда-то были враждебными и которые вели частные переговоры с врагом. Катастрофические результаты прежних сражений, нынешние неудобства, связанные с меньшей численностью и положением, даже самые горячие призывы к церковному рвению, были недостаточны, чтобы их устранить или нейтрализовать. При странном свете костров и факелов причастие было совершено перед христианскими воинами, предупрежденными активностью своих врагов, звуки подготовки которых были слабо слышны из их отдаленного лагеря. Офицеры получили свои последние приказы, и войска были выстроены в боевом порядке. Правым крылом командовал Санчо, король Наварры; центром - Альфонсо; левым крылом - Педро, король Арагона.

Атаку начали кастильцы, которые с упрямой стремительностью бросились вперед, чтобы штурмовать укрепления противника. Однако они были встречены с мужеством, достойным их собственного, и их строй был поколеблен сплоченностью мусульманских рядов. Вскоре обе армии вступили в бой; испанские горцы, неопытные в военном деле и уставшие от ужасной резни, обратились в бегство; а дворянству, численность которого на мгновение уменьшилась, пришлось бороться с мириадами варваров, угрожавших сокрушить их. Именно тогда Альфонсо со своей гвардией, ворвавшись в сомкнутые массы врага, восстановил утраченную удачу того дня. Мольбы и угрозы божественного возмездия, произносимые священнослужителями, которые, облачившись в свои священные одежды и высоко подняв распятие, преградили горцам путь к отступлению, заставили их воссоединиться со своими преданными товарищами, чья доблесть вызвала у них восхищение, в то же время усиливая их трусость. Битва теперь бушевала с яростью по всей линии фронта. Берберы, не задумываясь о последствиях, подставляли свои полуобнаженные тела под мечи христианских рыцарей, на доспехи которых удары метательного оружия Пустыни не производили впечатления. Резня этих жалких фанатиков была ужасающей; но места павших были немедленно заняты другими, которые искали мученической смерти от рук неверных, которая является верным пропуском в мусульманский рай. В самый разгар борьбы, когда победа висела на волоске, день был упущен из-за вопиющего акта предательства. Хаджиб Мухаммеда, Саад Ибн Джами, который оказывал деспотическое влияние на слабый дух этого монарха, своей тиранией оттолкнул андалузцев. Этот чиновник обращался с комендантами приграничных замков, захваченных крестоносцами, с величайшим унижением, а того, чье бесстрашие вызвало восхищение даже у бесчувственного врага, он казнил пытками. Протесты арабов Андалусии были восприняты с оскорблением; они были объявлены ниже альмохадов по рангу и храбрости, и хаджиб публично объявил, что отныне они будут назначены на наименее почетную должность на марше и перед лицом опасности. Двойное обвинение в плебейском происхождении и трусости, упрек столь же ложный, сколь и неразумный, вызвало глубокое возмущение андалузцев, многие из семей которых вели свою родословную дальше эпохи Пророка; их мужество веками испытывалось в войнах на полуострове, и именно они взяли штурмом лагерь христиан в Аларкосе и внесли гораздо больший вклад, чем африканцы, в завершение этой великолепной победы. Раздраженные несправедливым обращением с хаджибами и не без оснований опасаясь власти, которой в случае успеха будет обладать такой тиран, они решили пожертвовать страной,

религией, независимостью и честью ради защиты своего оскорбленного национального достоинства. По сигналу своего командира они двинулись прочь с поля боя. Внезапный отход шестидесятитысячного отряда вызвал панику; ряды мусульман были прорваны, и перепуганные беглецы, запутавшиеся в веревках, к которым была привязана пехота, пришли в безнадёжное замешательство и остались во власти кастильской кавалерии. Усилия христиан были теперь направлены к вершине возвышения, увенчанного алым шатром султана. В течение короткого периода эскадроны альмохадов удерживали свои позиции, но вес всадников в доспехах в конце концов оказался слишком велик для более легких африканцев; Санчо во главе наваррцев прорвал цепь, окружавшую мусульманские укрепления, и победа при Лас-Навас-де-Толоса, навсегда впоследствии прославленная в песнях и преданиях, была потеряна и выиграна. Мухаммед, который с апатией фаталиста со своего командного поста наблюдал за разгромом своей армии, бежал всего с четырьмя тысячами приверженцев. Последовавшая за этим резня превзошла все ожидания, и по самым скромным подсчетам число убитых составляло сто тысяч. в соответствии с безжалостным варварством того времени были отданы приказы о том, что всякий, кто по какой-либо причине пощадил жизнь мусульманина, сам должен быть наказан смертью; и естественные жестокие инстинкты испанских солдат, доведенных до отчаяния воспоминаниями о прошлых неудачах и потерях, понесенных в результате отчаянного сопротивления, едва ли нуждались в побуждении страха, чтобы подавить чувства человечности. Конфликт продолжался с рассвета до сумерек, и четыре часа из этого времени были потрачены на преследование и резню. На кровавом поле, окруженные доказательствами своей доблести, собрались христиане, и прелаты пропели "Те Деум", возблагодарив Бога за свое неожиданное избавление. Большая часть добычи была оставлена Альфонсо своим приближенным, чья гордость довольствовалась славой успеха; и, возможно, так оно и было, поскольку Кастилия, доселе незначительное княжество, теперь была предназначена для обладания чем-то большим, чем просто императорская власть. Ценность лошадей и верблюдов, великолепных одежд, дорогого оружия, золотой и серебряной утвари была неоценима. В течение двух дней христианские костры разжигались от стрел и копий врага, и даже тогда запасы были далеко не исчерпаны. Часть массивной цепи, опоясывавшей шатер султана, была перевезена в Пампелуну, где в качестве жертвоприношения по обету она до сих пор подвешена перед главным алтарем собора; а ее эмблема "или на поле гулей" долгое время выделялась на гербах королевских гербов Испании, Франции и Наварры.

ГЛАВА XIX

УСПЕХИ ХРИСТИАНСКОГО ОРУЖИЯ

1212-1252

Всеобщий беспорядок на полуострове—Агрессивная политика христиан—Захват Убеды—Аль-Мамуна—Возвышение Мухаммеда-Ибн-Худа—Мерида взята королем Леона—Процветание Барселоны—Хайме I Арагонский—Осада Майорки—Ужасный разграбление этого города—Истребление Альмохадов—Осада и взятие Кордовы Фердинандом—Валенсия сдается королю Арагона—Характер борьбы между христианами и мусульманами—Хатива—Ее процветание—Мурсия становится собственностью Кастилии—Хатива перешла к Арагону —Смерть и характер Хайме—Возвышение королевства Гранада — Его богатство и литературная культура—

Фердинанд захватывает Хаэн-Мухаммед Ибн Ахмар, король Гранады, отдает дань уважения Фердинанду-Севиля захвачена кастильцами—Великая сила этого города—Его упорная оборона —Он истощен голодом—Характер Фердинанда Святого.

Слабость монарха и высокомерие министра-тирана, спровоцировавшие дезертирство андалузских военачальников, решили судьбу сарацинской империи в Испании. Другие бедствия, по-видимому, столь же серьезные, были устранены способными эмирами, генералами и государственными деятелями, которые время от времени контролировали политику этой империи на полуострове. Другие успехи, не менее блестящие, были сведены на нет нерешительностью, некомпетентностью, национальными предрассудками или личным соперничеством победителей. Однако битва при Лас-Навас-де-Толоса была одним из самых решающих сражений, в которых христианские и мусульманские державы Запада боролись за имперское превосходство. Интервал в пять столетий — период, отмеченный почти непрерывающейся враждебностью, — отделяет его от поля Гуадалете. За это время возникла великая монархия, достигшая вершины военной славы, литературного совершенства и научной культуры, и пала, увлекая за собой внушительную ткань цивилизации, возведенную такой ценой и под таким благоприятным покровительством, что вселяла надежду на то, что под влиянием ее благотворных институтов и на славном примере ее успеха может быть осуществлено полное и постоянное возрождение Европы. На смену халифату пришла эпоха анархии, преследований, разрухи. Самые прекрасные провинции полуострова неоднократно оказывались во власти диких орд Сахары и не менее свирепых воинов Севера. Не раз, преследуя свою общую добычу, эти свирепые захватчики, непохожие по всем физическим характеристикам, которые отличают различные расы человечества, но странно схожие по ментальным инстинктам, свойственным неграмотному и суеверному варвару, который не уважает никакого влияния, кроме превосходящей силы, и презирает любую профессию, кроме военной, сталкивались друг с другом на полях ужасающих сражений. Среди неразберихи, порожденной непрерывающимся конфликтом, была утрачена индивидуальность региона, который когда-то был центром империи Оммеяде. Его провинции, достаточно обширные и богатые, чтобы их можно было причислить к королевствам, были разделены на множество незначительных княжеств. Имперская столица — центр Веры, место назначения паломников, дом искусства и поэзии, торговый центр, — лишенная своих почестей и богатства, была низведена до положения провинциального города. У каждого округа был свой правитель, у каждого города - свой суд, у каждого замка - свой сеньор. Национальное единство, которое так трудно было установить и сохранить среди народа, традиции которого основывались на племенных предрассудках и индивидуальной независимости, теперь стало совершенно невозможным. С каждым притоком иностранцев появлялся все новый повод для раздора. Энергия бесчисленных правителей, которые благодаря превосходству в обращении или более благоприятной судьбе получили управление полуостровом, вместо того чтобы быть направленными на их взаимное сохранение, была использована для поражения друг друга. Были заключены союзы с неверными. Важные крепости были без колебаний сданы, чтобы заручиться его благосклонностью. Его гарнизоны были размещены в цитаделях в самом сердце мусульманской территории. Коран и распятие носили бок о бок в кампаниях против лояльных и ортодоксальных сектантов Мухаммеда. Несмотря на опасность ознакомления врага-христианина с позицией и силой их обороны, несмотря на хорошо известное двуличие этого врага в обращении с противниками другого вероисповедания, поощрялась политика, совершенно подрывающая национальную автономию. Роковые страсти Пустыни, дремавшие многие столетия, возродились с

удесятеренной силой. Безжалостный дух мести доминировал над всеми остальными чувствами. Вождь, чьи владения занимали всего несколько квадратных миль, чей замок возвышался на какой-нибудь изолированной вершине и чья армия насчитывала несколько сотен бандитов, заботился не столько о грабежах, которыми он жил, сколько об уничтожении своего соседа. Могущественный эмир, правивший большими городами и претендовавший на самые высокопарные королевские титулы, безудержно потворствовал своим наследственным инстинктам национальной, секционной или племенной ненависти. Напрасно мудрые государственные деятели, чья проницательность предсказывала неминуемое падение мусульманской державы, заявляли о необходимости организации борьбы с общим врагом. С прискорбием те, в ком не угасли чувства общественного духа и благочестивого рвения, видели, как княжество за княжеством обогащались за счет добычи мавританских городов и, поддерживаемые мавританской данью, возводились в ранг христианских королевств. С апатией, свойственной тем, кто ослеплен предрассудками, наиболее фанатичные сторонники наблюдали за основанием и ростом нового государства, которое после многих превратностей и поражений, установив свою столицу в устье Тежу, вскоре сравнялось по влиянию и богатству с более древними королевствами Леон, Кастилия и Арагон. Вместо того, чтобы ожидать врага с одного направления, он теперь наступал со всех сторон. Мусульманская территория была полностью окружена. Границы этой территории ежегодно сужались. Великие военно-морские державы Италии господствовали в Средиземном море. Они были тесно связаны с христианскими державами Испании; их помощь сыграла заметную роль в захвате Альмерии; их флоты находились в распоряжении Святого Престола, который теперь выпускал буллу за буллой, призывая верующих к новым крестовым походам на полуостров. Главным образом благодаря этому импульсу армии испанских принцев были в значительной степени набраны из самых жестоких и деградировавших слоев населения в мире. Немалую долю среди них составляли вернувшиеся авантюристы из Палестины и объявленные вне закона бандиты из Англии, Франции и Италии. Таков был совершенно беспринципный характер этих союзников, что они без колебаний, при первой же возможности, грабили тех, на службу к кому они добровольно поступили. При таких обстоятельствах ожесточенность конфликта, и без того достаточно жестокого, усилилась. Участились случаи применения пыток. Массовое убийство заключенных накануне отступления стало популярным методом избавления от подобных препятствий к бегству. Знакомство со сценами ужасов, продолжавшееся на протяжении многих поколений, наложило неизгладимый отпечаток на характер и манеру поведения испанца, чье имя долгое время было синонимом жестокости.

Отсутствие взаимного сотрудничества между христианскими государствами более чем на столетие продлило мусульманское господство на юге Испании. Сарагосский эмират, охваченный междоусобицами, был первым северным княжеством, уступившим посягательствам своих воинственных соседей. Затем последовало выход Эбро к морю, завоевание Алгарве, или Португалии, дальнейшее расширение границ Кастилии. Неоднократные набеги уничтожили растительность обширных районов, которые когда-то демонстрировали удивительные результаты мавританской промышленности. Массовое убийство или депортация больших общин в течение часа уничтожили то, на создание чего потребовались столетия, — многочисленное и бережливое население. Арабы, чей гений развил цивилизацию Кордовского халифата, были истреблены в результате гражданской войны или поглощены толпами варваров, которые достигли огромных размеров в результате ежегодного прилива африканской иммиграции. Как уже много раз отмечалось, принципы мусульманского государства были

естественно и неизбежно антагонистичны постоянному политическому союзу. До тех пор, пока подобные условия преобладали среди христиан, структура мавританской власти, какой бы пошатнутой она ни была, была, по-видимому, надежной. Но как только фракции, разделявшие население различных королевств, были примирены, как только эти королевства, вместо того чтобы выступить друг против друга, выступили сплошным фронтом перед общим врагом, обветшалое здание мусульманского величия рассыпалось в прах. Победа Лас Наваса стала отправной точкой новой эры. С него берет начало реальная власть испанской монархии, чьи государства, еще не объединенные, но управляемые доблестными и энергичными князьями, теперь впервые начали проявлять признаки того зловещего влияния, которому суждено было впоследствии затмить континенты Америки и Европы. Большого прогресса добилось королевство Кастилия после битвы при Лас-Навас-де-Толоса. Оно сразу же заняло более высокое положение в сообществе наций. Его названию был придан новый блеск. Возросший престиж стал уделом его суверена. Альфонсо отправил в Рим шатер, копье и штандарт султана — трофеи, считая, что они символизируют разрушение мусульманской власти на Западе, имеющее большое и далеко идущее значение. Слава об этом достижении была чисто национальной. Ее не разделили ни с кем иностранцы. Союзники, от которых так многого ожидали, подло отступили перед лицом врага, и исход сражения был решен испанским мастерством и отвагой. Отныне политика христиан была агрессивной; их силы, консолидированные и сражавшиеся под одними знаменами, больше не растрачивались на внутренние распри или впустую в бесплодных конфликтах соперничающих интересов. Важность победы подтверждается тем фактом, что это был первый решающий шаг в триумфальном шествии, которое провело христианское оружие от берегов Тежу к стенам Гранады.

После трехдневного привала победоносная армия двинулась на юг. В ее руки попали Баньос и Толоса. При его приближении жители Баэзы в ужасе эвакуировались из этого города. Мечеть была занята ранеными беглецами с поля битвы при Лас-Навасе, которые укрылись в ее окрестностях как в убежище, надеясь, что жестокость их преследователей проявит уважение к священному характеру здания, в котором они искали убежища. Их ожидания были напрасны. Мечеть с ее беспомощными обитателями была немедленно подожжена и уничтожена. Затем христиане осадили Убеду. Этот город был одним из самых процветающих и густонаселенных в Северной Андалусии. Беженцы из Баэсы увеличили число его жителей почти до ста тысяч. Его оборона была сильной, гарнизон — храбрым, но итальянские инженеры на службе Кастилии заминировали его стены и пробили практически возможную брешь. Опасаясь последствий нападения, мавры попытались договориться о безопасности. В обмен на беспрепятственное владение их домами и отправление своей религии они предложили миллион золотых мараведи. На эти условия согласились христианские князья, чья власть, номинально первостепенная, на самом деле была подчинена авторитету духовенства, уже привыкшего диктовать политику дворов и передвижения армий. Сановники Церкви в едином порыве протестовали против такого снисхождения к неверным. Их благочестивые увещания возобладали, и договор, который уже получил согласие обеих сторон, был аннулирован. Затем был составлен другой документ, согласно которому мусульманам разрешалось мирно покинуть город с сохранением своих личных вещей. Выкуп, который они сами предложили, требовался в качестве предварительного обеспечения, и задержка с его выплатой служила благовидным предлогом для применения насилия. Алчность прелатов и солдат была возбуждена видом накопленного богатства процветающей общины, которое теперь находилось в их руках, и тайно был дан

сигнал к возмущению и резне. В последовавших за этим ужасных сценах шестьдесят тысяч жителей Убеды погибли при самых отягчающих обстоятельствах похоти и жестокости; остальные были приговорены к рабству; портативные богатства были присвоены завоевателями, а само место было полностью разрушено. Оккупация города сарацинами датируется вторжением Тарика. С тех пор его ни разу не осаждал враг-христианин. В нем проживало большое количество евреев, чье имущество, нажитое поколениями путем торговли людьми и вымогательства, стало приятным дополнением к военным трофеям. Его большая протяженность была предполагаемой причиной разрушения, поскольку король Кастилии, как говорят, заявил в качестве мотива такого вандализма: “У нас никогда не было бы достаточно людей, чтобы населить его”. Таковы были деяния, санкционированные духовенством и совершенные под руководством королевских защитников Веры, с помощью которых христианская религия была восстановлена на полуострове.

Взятие Убеды завершило кампанию, которая, начавшись столь славно, могла бы, при энергичном продолжении, сбросить дезорганизованных и охваченных ужасом мусульман в море. Но для христианских солдат единственным ценным преимуществом, которое можно было получить от любой победы, было временное освобождение от ограничений дисциплины. Оргии, сопровождавшие взятие Убеды, сильно подорвали эффективность и уменьшили численность армии вторжения. Разврат и болезни вскоре отомстили за несчастья мусульман. Тысячи людей, недовольных теснотой лагеря и стремящихся насладиться плодами своей доблести, открыто дезертировали. Благочестивый энтузиазм короля Кастилии был ослаблен обескураживающими обстоятельствами его положения; его сомнения были рассеяны казуистикой прелатов, чей пыл был охлажден лавиной долей добычи, и крестовый поход, который недавно угрожал завоеванием всей Андалусии, был отложен до более удобного случая.

Султан Мухаммед с предельной поспешностью покинул страну, которая была ареной его унижения и поражения. Назначив своего сына Юсуфа Абу-Якуба наследником престола, он удалился в уединение своего дворца, где, утешаясь вином и красотой, безуспешно пытался забыть о крушении своих устремлений и уничтожении армии, численность которой по многочисленности нельзя было сравнить с песками пустыни. Говорят, что его конец был ускорен ядом, введенным придворными чиновниками, которые с отвращением и опаской наблюдали, как царствование, начавшееся со всеми перспективами успеха и славы, было бесполезно и позорно продлено посреди личной деградации и национального несчастья.

Военные действия следующего года были остановлены катастрофическим голодом, который из-за полного неурожая поразил королевство Кастилия. Характерная непредусмотрительность людей, не привыкших предвидеть последствия такой непредвиденной ситуации или противодействовать ей, усугубила общественное бедствие. Дороги, поля, берега ручьев были усеяны стонущими и изможденными несчастными, беспомощными от лишений и незащищенности. Вопреки правилу, которое обычно действует во время подобных посещений, смертность всельской местности значительно превышала смертность в городах. Огромное количество скота погибло на пастбищах, лишенных растительности из-за засухи, голодающие с жадностью искали нечистых животных, а отвратительный способ каннибализма был принят на вооружение теми, в чьей груди последние человеческие чувства были искоренены интенсивными и длительными страданиями. Имунитет, предоставленный мусульманам этим бедствием, был подтвержден возобновившимися ссорами между монархами Леона и Кастилии. Проектам последнего, которые были направлены на освобождение Испании от сарацинского

ига, суждено было потерпеть неудачу, поскольку лихорадка, возникшая в результате вдыхания атмосферы, загрязненной испарениями тысяч разлагающихся тел, положила конец карьере победителя Лас-Неваса на пятьдесят девятом году его жизни.

Со смертью слабоумного монарха и восшествием на престол младенца новое и еще более невыносимое зло обрушилось на несчастных мусульман Андалусии. Провинции Юга были разделены между родственниками преемника Мухаммеда, которые обычно нарушали от его имени все принципы чести и прямоты. Наиболее ответственные официальные должности стали предметом покупки. Коррупция, о которой ранее никто не знал, даже при самых беспринципных правителях, процветала в каждом ведомстве правительства. Четверо дядей Юсуфа Абу-Якуба, присвоивших его полуостровное наследство, считали страну, которую судьба отдала в их власть, своей законной добычей. Богатые, обогащенные взятками, открыто бросали вызов исполнению законов. Бедные, отданные на милость неумолимого сборщика налогов, были обречены на голодную смерть. Высокомерие этих узурпаторов было таково, что они не признавали никакой ответственности перед кем-либо вышестоящим, и власть султана практически игнорировалась в этой части его владений. Люди, раздраженные таким обращением и без надежды на исправление, были готовы приветствовать любые перемены как благо, и проекты христиан впоследствии получили немалое поощрение и поддержку со стороны отчаявшихся жертв мусульманской тирании. Задолго до того, как король Кастилии оккупировал города Андалусии, поколениями плохого правления и угнетения был проложен путь к их завоеванию. После десяти лет, проведенных среди лени и изнуряющих удовольствий сераля, Юсуф Абу-Якуб умер, в действительности не осуществляя контроль над своей обширной империей ни единого дня; и с момента своего восшествия на престол он ни разу не выходил за ворота своей столицы. Абд-аль-Мелик, один из его многочисленных дядей, чья жизнь прошла как у дервиша, и чей предыдущий опыт едва ли подходил ему для выполнения трудных и практических обязанностей члена королевской семьи, был возведен объединенным голосом знати и населения на трон Альмохадов.

В Испании мавританские принцы из той же семьи, которая до сих пор управляла делами полуострова, невзирая на претензии марокканского двора, открыто заявили о своей независимости. Эмир Мурсии Абу-Мухаммед, в силу возраста и выдающихся талантов, добился признанного превосходства над своими братьями. Его усердие и щедрость обеспечили многих активных сторонников в столице империи; его стремление сместить слабого и неопытного монарха, неспособного выдержать тяжесть короны, было одобрено населением как Андалусии, так и Аль-Магриба, и благочестивый Абд-аль-Мелик без сопротивления вернулся к набожной и уединенной жизни, передав скипетр своему способному и удачливому родственнику.

Подробное описание нескончаемых интриг, раздоров и мелких революций, предшествовавших угасанию мусульманской власти на Юге Испании, выходит за рамки данной работы. Губернаторы различных провинций, как обычно, истощали ресурсы своих подданных постоянной и разрушительной враждой. Те, кто добивался успеха, были уверены, что в конечном итоге будут разбиты своими недавними противниками, которые обратились за помощью к союзникам-неверным. Никакого постоянного преимущества не было обеспечено, за исключением христиан, чье дело существенно продвинулось вперед благодаря повсеместному распространению мусульманской розни. Кастильские войска продолжали опустошать плодородные равнины Андалусии. Любой союз с захватчиками заключался за счет мавров, которые были вынуждены безальтернативно соглашаться с непомерными требованиями, только

приняв которые, они могли надеяться сохранить свою власть. Крепости, господствовавшие над жизненно важными пунктами на границе, перевалами и шоссейными дорогами, ведущими в Андалусию, были сданы в качестве платы за военную помощь в разрешении какого-то незначительного спора. Среди тех, кто таким образом заручился ненадежной и дорогостоящей дружбой христиан, был Абу-Али-Эдрис по прозвищу Аль-Мамун, эмир Севильи. При содействии Фердинанда III, короля Кастилии, он разогнал армию африканцев, посланную, чтобы подчинить его. Кастильцы, не привыкшие соблюдать верность договорам дольше, чем это совпадало с их непосредственными интересами, упорно удовлетворяли свою алчность разрушительными набегами на мусульманскую землю. Фердинанд, чья репутация святого была несколько запятнана его вероломством как государя и жестокостью как солдата, лично руководил этими набегами против своих союзников. Его авантюрный дух привел его к самым границам Веги Гранады. Пограничные крепости Приего, Лоха и Альхама попали в его руки. После того, как он угрожал столице, он осадил Хаэн. Рассмотрение характера сил, участвовавших в атаке и обороне этого города, раскрывает особенность этой двойной войны. В армии Фердинанда был большой отряд мавританских войск, из которых эмир Баэзы выделил не менее трех тысяч всадников и двадцати тысяч пехотинцев. Осажденным помогал отряд христиан, национальность которых не указана, но которые, вероятно, были испанскими солдатами удачи или итальянскими и французскими наемниками.

Предприятие оказалось неудачным; атаки осаждающих были энергично отбиты, и Аль-Мамун, собрав армию, освободил город и разбил христиан в жестоком сражении; и экспедиция, о которой возвещали с таким экстравагантным бахвальством и которая началась при самых благоприятных обстоятельствах, закончилась поражением и позором. Завоеванные трофеи были возвращены, захваченные крепости были быстро отбиты, а добыча, оставленная в лагере перед Хаэном, с лихвой вознаградила солдат Аль-Мамуна за опасности и незащищенность короткой и славной кампании.

Теперь этот принц был волен беспрепятственно осуществлять свои честолюбивые планы. Неспособность Альмохадов оставила империю без повелителя, а столицу - без защиты. В отсутствие государя государственными делами управляли два совета, организованные Махди, - учреждение, которое, несмотря на все превратности, сопровождавшие развитие и упадок власти Альмохадов, оставалось неизменным. Со скоростью, ожидающей самого быстрого курьера, Аль-Мамун во главе сильного отряда кавалерии поспешил в Марокко. Советники и шейхи, которые ставили под сомнение его власть и оспаривали его титул, были безапелляционно вызваны к нему. Напрасно они заявляли о своей невинности. Напрасно они противостояли шпионам, которые донесли тирану об их изменнических и оскорбительных речах. Вместе со своими семьями и друзьями, которые искупили свои отношения и привязанность подобной судьбой, они были приговорены к немедленной казни. Их рабы и вассалы разделили участь своих несчастных господ, и ни слабость юности, ни привлекательность красоты не помогли им избежать кровавых и беспорядочных жертвоприношений. Вдоль стен столицы был выстроен ряд из пяти тысяч окровавленных голов, и вид и запах этих значительных символов деспотической жестокости эффективно сдерживал всякую склонность к восстанию. С дерзким пренебрежением к религиозным предрассудкам и политическому такту, которые трудно понять, Аль-Мамун осудил имя и память о Махди как о беспринципном и хитром самозванце. Установленная им форма правления уже была отменена убийством государственных советников. Имя лжепророка не упоминалось в молитвах в мечетях. Его титул был стерт с надписей на монетах. Всем магистратам было запрещено ссылаться на

него в своих решениях. Эти меры, принятые вопреки общественным настроениям, не способствовали сохранению узурпации власти. Память Махди все еще почиталась неграмотными и фанатичными массами Африки. Во все века святотатство было самым опасным преступлением, в котором мог быть повинен монарх; и после этих невежливых проявлений ревности ничто, кроме свирепого характера их государя, не удерживало разъяренных берберов от восстания.

В то время как Аль-Мамун укреплял свою империю в Африке, его влияние в Испании быстро снижалось. Новый антагонист, вполне достойный отстаивать в эпоху национального упадка права оскорбленного народа, возник как представитель андалузской свободы. Мухаммед Ибн Худ, скрывавший под маской патриотизма честолюбие, нацеленное на деспотическую власть, выступал как защитник угнетенных. Его происхождение было благородным — он был прямым потомком знаменитой династии Сарагосы; но не требовалось королевского происхождения, чтобы возвысить личность, выдающуюся военным гением, политической проницательностью и проявлением всех королевских добродетелей. Влиятельные вожди сразу же окружили его. Его растущая власть позволила ему захватить и удержать эмират Мурсия. Его делу способствовали заверения в том, что все налоги, введенные тиранией альмохадов, будут отменены, а африканцы будут либо изгнаны, либо истреблены. Эти обещания были быстро выполнены. Подавляющая часть жителей мавританской Испании поддержала заявления предполагаемого представителя свободы. Доктрины, введенные Махди, были объявлены раскольническими, а его последователи заклеены как враги общества. Мечети, в которых их обряды совершались более века, были очищены и заново освящены с той же заботой и церемонией, какие были бы продемонстрированы при очищении языческих храмов. Те из враждебной фракции, кто проявил себя оскорбительно заметным образом, были немедленно казнены; менее неприятные были сосланы. Белый, официальный цвет последователей Махди, был заменен черным, отличительным знаком Аббасидов; поскольку Ибн-Худ уже публично объявил о своей верности халифам Багдада. Революция вскоре распространилась на границы мусульманской территории. Арабы и андалузцы отомстили за накопленное поколениями зло, убивая каждого африканца, который попадал к ним в руки. Эмиры Гранады и Валенсии были изгнаны разъяренным населением. Аль-Мамун, взявшись подавлять восстание, потерпел решительное поражение при Тарифе, и престиж Ибн-Худа, возросший благодаря этому счастливому событию, теперь стал больше, чем когда-либо.

Но этого авантюриста ждала серьезная неудача, который, окрыленный своим успехом, был ослеплен иллюзорными представлениями об имперском великолепии. Альфонсо IX Леонский после многомесячной блокады взял город Мерида. Это место, столица Лузитании во времена Римской империи, было самым большим и сильным из городов Западной Испании. Его географическое положение в какой-то мере господствовало над границей, а близость к долине Гвадалквивира делала его враждебную оккупацию постоянной и опасной угрозой миру в Андалусии. Никто не осознал эти факты с большей готовностью, чем Ибн-Худ, и, приостановив на время свои операции против султана Марокко, он без опасений двинулся навстречу врагу-христианам. Последних было всего несколько человек по сравнению с мусульманами, но они не уклонились от конфликта; и нас поучает утверждение благочестивого хрониста, что святой Яго с бесчисленным воинством ангелов сражался на стороне защитников Христа. Мавры потерпели поражение с большими потерями, и, как следствие, вся провинция Эстремадура была присоединена к владениям Леона. Вскоре после этого правитель этого королевства скончался, возвращаясь из паломничества к святыне Сантьяго; эта знаменательная победа значительно

укрепила авторитет Святого; и его явление верхом на белом коне и с пылающим мечом в руках отныне было видно глазам всех истинно верующих в каждом важном сражении, которое заканчивалось благоприятно для христианского дела.

В то время как на Западе политика и доблесть королей Кастилии и Леона постепенно подрывали и без того пошатнувшуюся структуру мусульманского правительства, на Востоке доблесть другого христианского героя начала серьезно вторгаться в плодородный и густонаселенный регион, простирающийся вдоль Средиземного моря от Альпухарраса до границ Каталонии. Приобретение последней провинции короной Арагона сразу же подняло это королевство на видное место среди суверенных государств Западной Европы. Из сравнительно неизвестной внутренней державы он сразу же вступил в тесный контакт с главными торговыми центрами цивилизованного мира. Город Барселона, как уже упоминалось на этих страницах, довольно рано приобрел высокую и заслуженную известность как центр предпринимательства и промышленности. Его морские возможности не уступали возможностям любого европейского порта. По бережливости и активности своих жителей он превосходил все остальные, за исключением, пожалуй, Венеции или Генуи. Его корабли и грузы были радушно встречены каждой торговой нацией. Давно привыкшая к условиям независимости, она создала морскую мощь, которая едва ли уступала по численности и оснащению силам своих знаменитых соседей - итальянских республик. Она представляла собой единственное исключение среди всех мусульманских общин, покорившихся христианскому оружию, поскольку это заселение не привело к застою и упадку. Под властью подсчетов его прогресс, вместо того чтобы замедляться, как в других случаях, казалось, приобрел новый и большой импульс. Население увеличилось в необычном, даже феноменальном соотношении, и вскоре он стал одним из самых богатых, одним из самых изысканных городов. Его торговцы были первыми в Европе, кто усовершенствовал банковскую систему и обмен валюты. Источником необычайной коммерческой жизнеспособности Барселоны — к которой также следует отнести энергию и сообразительность, отличавшие ее жителей, — было многочисленное еврейское население. Многочисленный и интеллектуальный народ при маврах, как только Каталония обрела статус фактически независимого государства, евреи, за исключением разве что религиозных верований, приобрели преобладающее влияние. Они контролировали казну. Они управляли правительством во всем, кроме названия. Их учебные заведения без возражений внедряли в умы христианской молодежи самые неортодоксальные мнения. После упадка Кордовского университета их местные практикующие были самыми образованными медиками того времени. Необоснованное предубеждение, связанное с национальностью и верой барселонского хирурга, не помешало самым фанатичным князьям христианского мира нанять его на работу. Присутствие таких образованных, проницательных и высокообразованных людей не могло не подействовать на тех, с кем они были связаны в повседневном общении. Как следствие, Барселона приобрела и, бесспорно, заслужила репутацию одного из самых интеллектуальных, богатых и культурных сообществ средневековья. При всех его преимуществах, у его процветания все же был один серьезный недостаток. Балеарские острова, лежащие в ста пятидесяти милях от материка, — которые по какой-то необъяснимой причине всегда пользовались вниманием, несоразмерным их политическому или морскому значению, — все еще находились во владении мусульман. Они находились в зависимости от эмирата Валенсия, будучи проданы генуэзцами этому княжеству после того, как долгое время оставались под юрисдикцией графов Барселоны. Губернатор Мохаммед ИбнАли, принадлежавший к фракции альмохадов, спровоцировал вражду каталонцев неоднократными актами пиратства, которые

были тем более непростительными, что он был не в состоянии с оружием в руках защитить последствия своей неосторожности.

Хайме I, король Арагона, который планировал завоевание этих островов, теперь был близок к тому, чтобы начать карьеру, которая в конечном итоге подняла его до такого выдающегося положения среди самых знаменитых принцев XIII века. Выросший среди захватывающих сцен завоеваний, он с детства, казалось, был вдохновлен воинственным духом крестоносца. В военных и рыцарских упражнениях, которые составляли неотъемлемую часть воспитания каждого аристократического юноши, у него не было начальников. Таков был грозный противник, с которым мусульманам Восточной Испании предстояло теперь бороться за приз империи.

Как только проект Хайме был представлен кортесам, он был встречен одобрительными возгласами всех слоев населения в его владениях. Город Барселона снарядил большую часть флота. Среди тех, кто таким образом с энтузиазмом приветствовал военные действия против мусульман, никто не проявлял более энергичных и либеральных настроений, чем духовенство. Воинствующая церковь была представлена многими выдающимися прелатами, почти с младенчества практиковавшими в военном искусстве. Архиепископ Таррагоны пожертвовал тысячу золотых монет и сто тюков пшеницы и, полностью закованный в сталь, вступил в лагерь крестоносцев во главе одиннадцати сотен хорошо вооруженных людей. Другие откликнулись с такой же готовностью. Знать соперничала в рвении и расточительности с сановниками Церкви. Военные ордена, чьи обязанности и склонности делали подобное предприятие самым благочестивым и приятным развлечением, отовсюду стремились встать под знамена Хайме. Несколько французских и генуэзских судов, команды которых больше стремились к мавританской добыче, чем к триумфу Креста, присоединились к силам Арагона; и осенью 1229 года флотилия из почти двухсот кораблей отплыла из гавани Салоу на остров Майорка.

Предупрежденные о цели экспедиции, мавры тщательно подготовились к встрече своих врагов. Высадка в Паломере была осуществлена с трудом, и христиане, постоянно преследуемые активными горцами, были вынуждены с боем пробиваться к столице, известной тогда под названием острова, но знакомой древним как Пальма, этим названием она также обозначалась с семнадцатого века. До сих пор сравнительно свободные от атак осаждающей армии, укрепления этого города были плохо приспособлены для того, чтобы противостоять воздействию грозных средств ведения войны. Машины, сконструированные итальянскими инженерами на Майорке, были одними из самых тяжелых и разрушительных, когда-либо использовавшихся в Европе. Самые прочные башни рушились под весом и толчком огромных каменных шаров, обрушившихся на них. Стены были заминированы в нескольких местах. Как только открылась брешь, христиане бросились в атаку, но были отбиты решительным мужеством осажденных. В своей защите последние продемонстрировали знание войны, не уступающее знанию их противников. Крепостные валы были оснащены двигателями, которые обрушивали град снарядов на христианский лагерь. Разрушения, причиненные днем снарядами из вражеских катапульт, были устранены ночью. Разрушенные стены были восстановлены с быстротой, которая вызвала изумление противника. Упорные и кровопролитные столкновения происходили в глубине земли, где мины, проложенные под стенами, пересекались контрминами, вырытыми осажденными. Последние, сильно раздраженные камнями из огромных машин, прибегли к странному и бесчеловечному средству - привязали своих пленников к крестам и подняли их на зубчатые стены в надежде сдержать

огонь христиан. Эти жертвы мавританской жестокости, однако, призывали своих товарищей не ослаблять усилий; и монашеские летописцы, чья вера, очевидно, находилась в обратном соотношении к их правдивости, серьезно сообщают нам, что благодаря чудесному вмешательству Небес эти кандидаты на мученическую смерть избежали травм. Как бы то ни было, устройство оказалось неудачным, и после нескольких часов выдержки пленники были возвращены в свои подземелья, а операции осаждающих продолжились с удвоенной энергией. Затем была предпринята попытка перекрыть подачу воды, изменив русло ручья, протекавшего через христианский лагерь. Но бдительность арагонских часовых сорвала этот план в самом начале. Отряд мусульман, занятый этой работой, был застигнут врасплох и предан мечу, а голова его командира, сброшенная со стен из катапульты, возвестила встревоженному и изумленному гарнизону о провале экспедиции и судьбе их товарищей. Дух мусульман, до сих пор казавшийся неукротимым, теперь начал проявлять признаки уныния. Положение христиан по сравнению с этим было не намного лучше. Осада продолжалась семь недель. Был сезон дождей; их лагерь, промокший от ежедневных штормов, превратился в трясину, и их усилиям серьезно препятствовали неблагоприятные условия их положения и суровая осень, запомнившаяся непрекращающимися бурями. Несмотря на эти недостатки и упорное сопротивление мавров, стойкость осаждающих оставалась непоколебимой. Замечательные меры Хайме обеспечили создание многочисленного комиссариата. Непрерывная связь с Барселоной давала обнадеживающие гарантии снабжения и подкреплений. Мастерство еврейских хирургов, служивших в медицинском штате христианской армии, предотвратило вспышку эпидемии в лагере — события, которого следовало опасаться больше, чем оружия или стратегии коварного и отважного врага. Обескураженные своими неудачами и сомневающиеся в своей способности еще долго сопротивляться решительным атакам захватчиков, мавры попытались вступить в переговоры. Они согласились покрыть все расходы, связанные с кампанией, если король выведет свои войска и заключит перемирие. Когда это предложение было отклонено, они заявили о своей готовности сдать столицу, если будет обеспечен транспорт в Африку, необходимый для отправления, и безопасность будет гарантирована всем, кто решит остаться. Джейме снова отказался рассматривать предложение, очевидно, продиктованное сознанием упадка сил. Трогательное значение недомогания для принятия благоприятных условий подчинения было безошибочно понятно тем, кто знаком с шокирующими чудовищами средневековых войн. Теперь было очевидно, что город обречен на разграбление. Тяготы осады, вызванные бесстрашием людей, защищавших свои дома, должны были быть искуплены ужасными сценами, представляемыми местом, взятым штурмом. Многие горожане были беженцами из завоеванных провинций полуострова; они были свидетелями разграбления городов или участвовали в нем и хорошо понимали ужасную участь, которая им уготована. Воодушевленные сознанием своего отчаянного положения, они удвоили свои усилия по отражению нападения врага, чьи машины почти разрушили большую часть укреплений, которые в нескольких местах уже представляли собой уязвимые точки для атаки. Осаждающие начали страдать от незащитности, и король, опасаясь, что энтузиазм его войск может иссякнуть, если в ближайшее время не будет получено решающего преимущества, отдал приказ о генеральном штурме. В последний день года, перед рассветом, христианский лагерь был взят под ружье. Со всей впечатляющей торжественностью католического ритуала была отслужена месса, совершено причастие, и солдат искренне призывали храбро сражаться за Веру. Перед алтарем, воздвигнутым для этой цели, король и знать, обнажив мечи, поклялись войти в город или погибнуть. Совместное влияние алчности и фанатизма было слишком сильным, чтобы ему можно было успешно противостоять; нападавшие хлынули в брешь, и их

вес и стремительность сокрушили гарнизон, загнав его обратно в город. Конфликт с неослабевающей яростью бушевал на извилистых улицах. Женщины на крышах домов бросали всевозможные снаряды на головы сражающихся христиан. С минаретов каждой мечети доносился зычный голос муэдзина, призывающий мусульман к новым действиям и призывающий проклятие Аллаха на неверных. Узкие улочки и дома, добротные построенные из камня, сдерживали продвижение нападавших. Мавры с отчаянием сражались за свои дома и свою свободу; но воодушевленные примером своего государя и побуждаемые присутствием и призывами духовенства, которое, подобно своим противникам, факи и муэдзинам, принимало видное участие в битве, арагонцы в конце концов одержали победу. Погибло пятьдесят тысяч человек; тридцать тысяч были проданы в рабство, и большое количество нашло временное убежище в горах среди гостеприимных и сочувствующих крестьян.

Поскольку столица была центром процветающей морской торговли, обогатилась трофеями, добытыми в бесчисленных пиратских набегах, и стала резиденцией многих богатых беженцев из Африки, победители получили великолепную добычу. Это было действительно так велико, что ужасы грабежа продолжались без перерыва восемь дней подряд. Когда их алчность была удовлетворена, первой обязанностью, возложенной на христиан, было очищение города. Огромное количество мертвых тел, разлагавшихся под тропическим солнцем, делало эту работу нежелательной и обременительной; но труд рабочих был ободрен и ускорен благочестивыми заверениями духовенства, что за голову каждого неверующего им будет даровано тысячедневное прощение. Улицы были очищены от отвратительных предметов, оскорблявших чувства и затруднявших движение; трупы жертв войны и жестокости были преданы огню за стенами; и солдаты стали возмещать себе прошлые лишения, предаваясь всевозможному разврату.

Их эксцессы вызвали заразную и смертельную болезнь, разрушительные действия которой, ставшие в тупик мастерство лучших врачей, довершили опустошение, нанесенное мечом, и армия настолько уменьшилась в численности и боеспособности, что операции были приостановлены до тех пор, пока не будет получено подкрепление. Всего на покорение острова потребовалось четырнадцать месяцев. Коренное население было порабощено, а плоды завоеваний были справедливо распределены между победителями. Завоеванная территория, особенно освобожденная от бремени налогообложения, стала собственностью тех, чьей доблестью она была приобретена, и Майорка навсегда перешла из-под юрисдикции преемников Мухаммеда. Ее благоприятное положение и восхитительный климат привлекли множество колонистов из королевств Южной Европы, и не прошло и нескольких лет, как потери в населении, понесенные войной, были восполнены; преобладание мавританских черт постепенно исчезло; и четверти века не прошло, как Майорка, невежественная и ортодоксальная, смогла соперничать с самым фанатичным государством христианского мира. Остров был превращен в феодальное владение короны, и через двенадцать лет после его оккупации Менорка и Ивика, воспользовавшись примером своего более могущественного соседа, уступили, после демонстративного сопротивления, славе и влиянию короля Арагона. Завоевание Балеарских островов, предшествовавшее завоеванию Валенсии, — которое, действительно, было необходимой прелюдией, если учесть их опасную близость к африканскому побережью, — было первым и одним из самых блестящих из многих подвигов, прославивших карьеру Хайме эль Конкистадора.

Монархия альмохадов, следуя примеру почти всех правительств, созданных при мусульманском государстве, теперь быстро приближалась к своему концу. Его территория была расчленена. Его престиж, основанный на успешной военной карьере, исчез. Полигамные семьи африканских султанов представляли после смерти каждого монарха огромное количество претендентов на вакантный трон. В Марокко толпа враждебных претендентов, многие из которых не были связаны узами брака с потомками Абд-аль-Мумена и чьими единственными правами на суверенитет были военный гений и личная популярность, с безразличным и переменным успехом боролась за обладание императорской властью. Независимые эмираты возникли в Мекинесе и Тлемсене. Аль-Магриб был охвачен мятежом, резней, гражданской войной. Зараза вражды заразила все слои горячего населения Северной Африки. Возможность для грабежа, столь соответствующая вкусам бедуинов и берберов, вскоре была упущена хищническими племенами Пустыни, и Сахара снова стала ареной организованного разбоя и партизанской войны. Осколки великой империи, основанной Махди, больше не были способны к воссоединению. Их сплочающая сила, зависевшая от суеверного благоговения, личных заслуг и народного восхищения, была разрушена; фатальные конфликты, которые годами истощали энергию антагонистических группировок, истребили все остатки национальных амбиций и религиозного рвения; благородное чувство патриотизма, всегда слабое в груди варвара, даже привыкшего к цивилизованной жизни, теперь было полностью подчинено частной вражде; всеобщий разлад сделал невозможным эффективное сопротивление врагу; и последний из Альмохадов, Эдрис Абу-Дибус, погиб полтора столетия спустя после того, как он умер. пришествие Махди в стычке с войсками безвестного авантюриста.

Условия, аналогичные тем, что преобладали в Африке, привлекли внимание испанских мусульман и подрывали их боеспособность. С каждым годом, с вступлением в должность каждого последующего властителя с пышными претензиями и незначительными последователями, фракционная ненависть усиливалась. Христиане путем уступки, покупки, завоевания быстро приобретали территорию, некогда принадлежавшую Кордовскому халифату, которая была наградой за мусульманскую доблесть и средоточием мусульманской веры. Власть представителя Альмохадов была ограничена узким районом, который едва простирался за пределы окрестностей Севильи. Враги ислама ежедневно наступали на сужающиеся границы богатых и обширных владений, завоеванных солдатами Тарика и Мусы, прославленных тремя столетиями военных успехов и интеллектуального прогресса при Омейядах и низведенных африканскими султанами до унижительной зависимости от варварской монархии. На Западе богатые провинции Лузитания и Алгарве были поглощены Португалией. На Востоке неуклонное продвижение короля Арагона предвещало приближающееся угасание мусульманской державы. Княжество Гуадикс приобрело статус королевства при первом принце Альхамаресов, династии, которой в конечном итоге суждено было возродить ушедшую славу Кордовы в новой столице Гранаде. Весь этот регион полуострова, который все еще находился под властью мусульман, был охвачен непримиримой враждой претендентов на распавшуюся империю Альмохадов. Нецелесообразность повторного объединения несогласованных составляющих этой империи не была понята или даже рассмотрена. Соперничающие участники приносили в жертву все соображения патриотического и религиозного долга ради удовлетворения своей мести или удовлетворения своих амбиций. Их подданные с опаской и отвращением смотрели на то, как христиане покупают помощь своим братьям выплатой непомерных субсидий и сдачей пограничных укреплений. Они видели, как впустую расходуются ресурсы, которые при правильном

использовании могли бы освободить от оккупации неверными обширные участки территории, плодородие которых когда-то было предметом гордости трудолюбивого народа Андалусии. Они видели, как их собственное оружие было обращено против соседей, когда совместных усилий обоих было бы достаточно, если не для успешного сопротивления, то, по крайней мере, для того, чтобы остановить продвижение общего врага. Три принца, без разбора настроенных друг против друга, заняли незавидное положение в этом самоубийственном конфликте. На Западе Яхья, бывший правитель Альмохадов, удерживал Севилью. На Востоке его племянник Мухаммед-аль-Ахмар и знаменитый партизан Мухаммед-Ибн-Худ боролись за обладание провинциями Мурсия и Гранада. Последний, движимый низменным желанием утолить свою месть, добился от кастильцев временной неприкосновенности от посягательств ежедневной выплатой тысячи золотых монет. Этот позорный контракт был в конце концов расторгнут из-за протестов и угроз андалузцев, чьи поля в безопасности разорялись христианскими мародерами, в то время как мусульманские партизаны перерезали друг другу глотки под стенами Мурсии. Ибн-Худу после кампании, которая закончилась без особой славы и еще меньшими почестями для обеих сторон, удалось вынудить христиан отступить, — шаг, который они предвосхитили избиением своих пленников. Неоднократные набеги на южные провинции постепенно, но верно подготавливали почву для христианского господства. Полагаясь на дополнительный престиж, приобретенный его недавним преимуществом над кастильцами, Ибн-Худ заключил с Фердинандом мирный договор, который предусматривал прекращение военных действий на четыре года. Результаты этих переговоров указывают на пренебрежительное отношение к самым священным соглашениям, которое проявлял принц, чьи заслуги перед Церковью обеспечили ему сомнительную честь канонизации. Ни одно обязательство не могло быть заключено при более торжественных обстоятельствах. Договор был ратифицирован подписями, клятвами, обещаниями регулярно уполномоченных представителей договаривающихся сторон. Мусульманин заплатил огромную сумму золотом в качестве предварительного вознаграждения. Но во времена всеобщего невежества священническая казуистика и королевские амбиции не пользовались большим уважением к поддержанию национальной чести или соблюдению общественной веры. Прелаты прошептали на ухо королю, что это установленный принцип церковного устройства, согласно которому ни один договор, заключенный с врагом Христа, не является обязательным. Это предложение полностью соответствовало взглядам Фердинанда, привыкшего, более того, беспрекословно подчиняться указаниям своих духовных наставников. Представилась редкая и заманчивая возможность нарушить соглашение, заключенное с сарацинами, за которое уже была получена цена. Внимание последних — считавших себя защищенными от иностранной враждебности, было отвлечено от их исконного врага и теперь сосредоточено друг на друге. Гражданская война бушевала на границах Гранады, где Мохаммед-Ибн-Хад и Мохаммед-аль-Ахмар вели отчаянную борьбу за обладание Восточной Андалусией. Вследствие этого, а также предполагаемой нерушимости договора вся долина Гвадалквивира была лишена войск. Открытая местность была практически беззащитна. Гарнизонов крупных городов было недостаточно, чтобы противостоять осаде. Измученные долгой чередой набегов, крестьяне начали снова возделывать свои фермы и отстраивать свои заброшенные дома. Никто не подозревал, что буря вот-вот разразится с еще большей яростью, чем когда-либо. Неоднократных примеров христианского вероломства было недостаточно, чтобы показать мусульманам, до каких глубин готова опуститься церковная низость в осуществлении планов мирской выгоды.

Несколько мавританских пленников, которых командир небольшого отряда флибустьеров собирался отправить на казнь как наиболее удобный способ избавиться от них, пообещали в обмен на их жизни передать восточный пригород Кордовы, который фактически господствовал над городом, в руки христиан. Предложение было слишком заманчивым, чтобы от него отказаться; риск неудачи не учитывался; и в эпоху, характеризующуюся самыми безрассудными и романтическими подвигами, чем больше опасность, тем более увлекательной она казалась дерзким душам, жившим азартом пограничных войн. Ненастной ночью в январе 1236 года атакующий отряд, насчитывавший всего несколько сотен человек, в молчании взобрался на стены одного из крупнейших мусульманских городов Мира. Полуостров, население которого, хотя и значительно уменьшилось со времен халифата, все еще насчитывало более ста тысяч жителей. Нескольким проворным солдатам удалось добраться до крепостного вала; стража была застигнута врасплох и расправилась с ними, и ворота немедленно распахнулись перед их товарищами. Пригород, в который таким образом вступили христиане, был одним из пяти главных кварталов, или приходов, на которые первоначально была разделена метрополия Мавританской Испании. Полностью изолированный от остальной части столицы линией укреплений, он предоставлял врагу гораздо больше возможностей для обороны, чем простое проникновение в окруженный стенами город обычного характера. Первое известие об их несчастье было доведено до горожан на рассвете в суматохе, сопровождавшей начало грабежей и убийств. Захваченные полностью врасплох и окруженные со всех сторон, они не имели возможности оказать эффективного сопротивления и почти не надеялись на побег. Гарнизон выступил из цитадели, но не смог вытеснить христиан, которые, привыкшие долгой практикой к подобным столкновениям и облюбованные извилистыми улицами и башнями, занятыми арбалетчиками, легко удерживали свои позиции против превосходящих сил противника. Но, несмотря на их временный успех, их положение было отчаянным. Вряд ли было возможно, чтобы столь небольшая группа смогла удержаться в центре враждебного сообщества до прибытия подкрепления. И все же такова была неустрашимая решимость нападавших, которые, оказавшись теперь в осаде, в свою очередь, подверглись изматывающим последствиям непрекращающегося конфликта. Гонцы с просьбой о помощи были заблаговременно отправлены Альвару Пересу, коменданту границы, и королю Фердинанду в Леон. Рыцари Калатравы и Алькантары с готовностью откликнулись на призыв к оружию, и с ними, а также со значительным отрядом ополчения, которому было доверено патрулирование и защита границы, кастильский генерал поспешил в Кордову.

Когда Фердинанд получил это сообщение, он был на банкете. Его воинственные сторонники с ликованием узнали о перспективе новой кампании, и сцена веселья сразу же сменилась суровыми и серьезными приготовлениями к войне. Время года было крайне неблагоприятным для военных действий. Зимние дожди затопили страну, реки вышли далеко из берегов и сделали дороги непроходимыми. Долгое и трудное путешествие разделяло столицы Леона и Андалусии. Но ничто не могло поколебать дух кастильского и леонского рыцарства, чей религиозный пыл и воинский энтузиазм были усилены примером их короля. Острота ситуации не терпела промедления. Связь с отдаленными районами была затруднена, и все же можно было собрать триста всадников, чтобы следовать за Фердинандом в экспедиции, которая сулила гораздо больше опасностей, чем славы. Христиане, окруженные в Кордове, представляли собой лишь незначительную силу, совершенно недостаточную, как могло бы на первый взгляд показаться, для завоевания сильной и густонаселенной столицы. Но фортуна, которая так часто помогала воплощать в жизнь смелые замыслы испанцев, снова вмешалась в

пользу кавалеров Креста. Находясь в отчаянном положении, кордовцы неоднократно умоляли Мухаммеда Ибн Худа, чья армия стояла лагерем в Эсихе, снять осаду до прибытия новых кастильских войск. Если бы к этим просьбам прислушались, полное уничтожение кастильцев вряд ли удалось бы предотвратить. Этот осторожный вождь, однако, испытывал обоснованный страх перед доблестью своих врагов и не решался вступить в бой, даже когда все условия были в его пользу, с грозными воинами Севера. Он медлил, он тянул время, он засылал в христианский лагерь шпионов-ренегатов, которые, будучи разоблаченными, воспользовались случаем, чтобы попросить прощения при условии, что они вернут мавританскому генералу ложные донесения. Их заявлениям о преувеличенной численности кастильской армии и ежечасно увеличивающихся пополнениях поверили; Ибн-Худ отказался рисковать своей властью в случае одного-единственного сражения, и кордовцы с печалью и негодованием наблюдали за исчезновением их единственной надежды на спасение. Возмездие вскоре настигло колеблющегося и слишком доверчивого мусульманского принца. Осада Валенсии была начата королем Арагона, и мольбы ее эмира имели для Ибн-Худа больший вес, чем жалобные мольбы других его соотечественников, подвергшихся опасности. Направляясь на помощь этому монарху, он остановился в Альмерии. Этим городом управлял тайный сторонник Мухаммеда аль-Ахмара, который увидел в этом неожиданном визите удобную возможность усилить свое расположение к своему покровителю. Был приготовлен великолепный банкет, и знатные и богатые купцы Альмерии соревновались друг с другом в чествовании высокого гостя. Отборные вина Испании были представлены в величайшем разнообразии и изобилии для канонически запрещенного, но, тем не менее, приемлемого развлечения собравшихся мусульман. Поздно вечером Ибн-Худ был отведен в свои покои и утоплен в чаше фонтана рабами, получившими указания от самого правителя. Его смерть была официально приписана апоплексическому удару, вызванному опьянением; но народное подозрение не замедлило проследить истинную причину внезапной кончины жертвы сломленной веры и вероломного гостеприимства.

Убийством Мухаммеда Ибн Худа было устранено самое большое оставшееся препятствие на пути кастильского завоевания. Он единственный из всех мавританских властителей Испании отказался обменять мусульманскую территорию на христианскую помощь. Когда его политические потребности потребовали сотрудничества с неверными, эта власть была неохотно куплена за золото, а не за сдачу крепостей, которые должны были использоваться в качестве базы для враждебных операций и которые никогда не могли быть возвращены. Он был самым выдающимся представителем испано-арабской национальности, которая появлялась на протяжении нескольких поколений на полуострове. В оппозицию ему были выстроены различные элементы, которые во многих отношениях были взаимно враждебны, объединившись либо намеренно, либо бессознательно для подрыва сарацинской империи, жадность и жестокость берберов, фанатизм теологов, безнадёжные устремления орды знатных авантюристов, неукротимая энергия и упорство христианских монархов. Против этих разрушительных сил Ибн-Худ вел храбрую, но безнадёжную борьбу. Предубеждение против африканского господства усугубилось веками преступлений и угнетения. Но влияние берберов все еще было сильным во многих общинах, а в некоторых - преобладающим. Иммиграция и смешанные браки в значительной степени способствовали консолидации и сохранению власти, первоначально полученной насилием. Ибн-Худ ни в коем случае не был защитником духовенства. Его обвиняли в атеизме; его речи часто были богохульными, и он имел привычку неумеренно пристраститься к вину. Но церковная снисходительность легко простила бы эти

недостатки, если бы их обладатель проявлял назидательное раболепие перед служителями религии. Однако вместо этого он не упустил возможности выставить лицемерные исповедания факиев на посмеище, что, вызвав отчуждение многочисленной и влиятельной секты, существенно ускорило час христианского триумфа. В этой работе уже неоднократно упоминалось о самоубийственном поведении мелких правителей и солдат удачи, которые тешили себя ложными надеждами на создание империи. Объединившись, они могли бы на время отсрочить неизбежный день расплаты за должностные проступки и национальную коррупцию; разрозненные и враждебные, они разрушили основы всякой власти и социальной организации, и ни одна из них не была стабильной так быстро, как их собственная.

Убийство Ибн-Худа привело к немедленному роспуску его войск, и взятие Кордовы продолжалось без опасения вмешательства со стороны армии, которая при надлежащем командовании могла бы легко снять осаду. Али Ибн Юсуф, брат погибшего принца, получил Мурсийский эмират, которого, однако, вскоре был лишен в результате убийства с помощью Мухаммеда аль-Ахмара, и вместе с княжеством Альмерия оно было присоединено к территории восходящего королевства Гранада.

Их дезертирство из-за Ибн-Худа и известие о его трагической смерти повергли жителей Кордовы в ужас. Несмотря на его малодушное поведение, они все еще надеялись, что он в конечном итоге добьется их освобождения. Однако теперь не было никого, к кому они могли бы обратиться за помощью. Весть о важном предприятии, в котором участвовал король Кастилии и Леона, уже распространилась по самым отдаленным поселениям христианской территории. Гражданин и крестьянин, дворянин и горец, невзирая на суровость неблагоприятного времени года и опасности разлившихся рек и затопленных дорог, поспешили к месту боевых действий. Смятение осажденных возрастало с каждым криком, возвещавшим о прибытии нового отряда в кастильский лагерь. Христиане предпринимали частые и отчаянные попытки взять крепость штурмом. Гарнизон был измотан той усталостью, которой ему приходилось подвергаться, а изнеженное и беспорядочное население было плохо подготовлено для выполнения солдатских обязанностей. Стены и башни шатались под ударами военных машин. Внезапность нападения застала город, который, номинально защищенный перемирием, мечтал ни о чем ином, как об осаде, совершенно без припасов. Продовольствия стало не хватать. Было очевидно, что неизбежная судьба древней столицы Оммеядского халифата не может быть отложена надолго. Руководствуясь мотивами самосохранения и гуманности, мавританские власти решили заключить соглашение с королем и, по возможности, избежать ужасных бедствий, которые постигли столь многие несчастные города Андалусии. Капитуляция была произведена на тяжелых условиях, обычно предъявляемых в таких случаях побежденным. От жителей потребовали бросить все и уехать из провинции. Когда длинная и плачущая вереница нищих изгнанников выехала из ворот с одной стороны, завоеватели вошли с другой. Именно с величайшей военной и церковной pompой христиане овладели знаменитой мусульманской столицей. Старые стены эхом отдавались от топота облаченных в кольчуги эскадронов, волнующих звуков трубы и торжественных песнопений духовенства, которое во всем великолепии сверкающих облачений, усыпанных драгоценными камнями кадильниц и распятий занимало почетное место в процессии. Королевский штандарт Кастилии и Леона был водружен на самой высокой башне укреплений. С удивлением, не совсем без примеси благоговения, смотрели невежественные и негодяйские солдаты на изысканную красоту Великой мечети — святыни, которая, почитаемая как святилище, привлекала паломничество правоверных далеких народов; храма, обогатившегося за счет соперничества и щедрости

самых богатых и утонченных принцев Европы; здания, которое, единственное из всех чудесных архитектурных творений испано-арабского золотого века, уцелело нетронутым после ярости религиозных раздоров, потрясений революции, угасания религии. династии, разрушение империй. Среди превратностей вторжений, завоеваний и восстаний почитание, сродни идолопоклонству, всегда окружало Джальму Абд-ар-Рахмана. Внешний вид по-прежнему излучал теплые и яркие краски Востока. Внутренний двор по-прежнему демонстрировал в своем разнообразном садоводстве капризный вкус андалузского садовника. Внутри от присутствия мириад благочестивых прихожан, которые ходили по его бесконечным проходам в течение пяти насыщенных событиями столетий, осталось мало постоянных следов. Узор элегантного тротуара был частично стерт. В Михрабе — центре маленького святилища, обращенного к храму Мекки, — глубоко выбитая в мраморном полу канава указывала на то, где бесчисленные паломники, подражая церемониям Каабы, семь раз обходили ее на коленях. Однако это были единственные, но красноречивые свидетельства постоянной преданности пятнадцати поколений. Стены были увешаны той самой богато тисненой и декорированной кожей, название которой указывало на столицу Оммеяде как на место ее изобретения и производства. Потолок сверкал в полумраке позолоченными подвесками и серебряными звездами. На сводах михраба в незапятнанной красоте проступали ослепительные мозаики, которые когда-то были гордостью византийских мастеров. Сокровища мечети, мимбар, или кафедра, канделябры, светильники и кадилъницы, все, кроме одной, были на своих обычных местах. Самый драгоценный предмет мусульманского почитания, Коран Османа, считавшийся талисманом Испании, был увезен в Африку монархом альмохадов Абд-аль-Муменом, и с его уходом, согласно суеверным верованиям правоверных, исчезла последняя гарантия безопасности мусульманской власти. Это украшение михраба — реликвия, обагренная кровью замученного халифа, первого представителя расы, чья боевая энергия и литературные дарования были предназначены для прославления королевской власти ислама, — теперь находилось в руках чужеземных и неблагодарных варваров. С потолка были подвешены колокола церкви Сантьяго, установленные там великим Аль-Мансуром, - важные трофеи победоносной карьеры этого самого прославленного из мавританских военачальников. Но однажды в своей истории этот великолепный храм, который, по мнению общественности, уступал по святости только мечетям Мекки и Иерусалима, был осквернен присутствием неверных. Теперь, однако, он был навеки потерян для религии, для исполнения обрядов которой был основан. Мусульманский паломник, привлеченный репутацией его святости и славой о его непревзойденном великолепии, отныне не мог больше призывать имя Пророка в его почтенных стенах.

Огромное здание было почти безлюдно, когда христианская процессия, возглавляемая величайшими прелатами Испании, медленно проходила через его порталы. Несколько слуг с любопытством смотрели из-за колонн на великолепное сооружение, появление которого стало зловещим сигналом окончательного подавления мусульманской веры на полуострове. Под молитвы священников и крики солдат крест был водружен на купол Михраба. В соответствии с предписанными церемониями римско-католического ритуала здание было очищено от мерзостей, которые, как предполагалось, заразили его приверженцами другой и враждебной веры. Мечеть была освящена как кафедральный собор, престол которого обогатился за счет пожертвований некоторых из самых ценных поместий завоеванной территории. В качестве благочестивого возмездия за совершенное ими святотатство колокола Сантьяго были возвращены церкви, из которой они были вынесены на плечах мавританских пленников.

Последние, с трудом преодолевая обширные регионы, отделявшие равнины Андалусии от безрадостных галисийских пустынь — регионов, которые когда-то трепетали при одном упоминании мусульманских героев, — вполне могли задуматься о преходящем характере религиозной веры и неустойчивости человеческого величия.

Принудительная эвакуация Кордовы нанесла удар по ее процветанию, от которого она так и не оправилась. Обладая природными преимуществами, которыми пользуются лишь немногие общины, он и по сей день остается самым бедным и застойным из крупных городов Испании. Его жизнеспособность сохраняется только благодаря богатству и ресурсам его церковного учреждения. Его рынки пустынь, улицы заросли травой и безмолвны. Гротескная и безвкусная церковь возвышается в самом центре мечети Абд-ар-Рахмана, нарушая ее симметрию и являясь вечным памятником безумию и предрассудкам фанатичного духовенства. Изгнанное население принесло с собой бережливость и трудолюбие, которые столетия не смогли заменить. Многие искусства, доведенные до высокой степени совершенства, исчезли с его изгнанием. Стены, возведенные цезарями и значительно расширенные князьями Дома Оммея, охватывали своей окружностью первоначальную территорию некогда густонаселенной мусульманской столицы. Время, однако, жестоко обошлось с этим широко известным городом. Целые кварталы обезлюдели из-за ярости восстания, превратностей политической судьбы, разрушительных последствий завоеваний. Улицы, ранее переполненные торговцами и брокерами всех стран, стали непроходимыми из-за скопления мусора от снесенных домов. Алькасар, примыкавший к мечети, представлял собой разобранные руины. Гнев населения и вандализм африканских захватчиков снесли дворцы, количество и элегантность которых вызывали восхищение у каждого зрителя. Виллы в пригородах исчезли. Прекрасные сады, в уходе за которыми было продемонстрировано высочайшее совершенство садоводческого искусства, теперь превратились в непроходимые заросли, из запутанных глубин которых тут и там возвышались груды упавших колонн или сломанная арка в виде подковы. При халифате долина Гвадалквивира была настолько густо заселена, что представляла собой одно огромное сообщество, и от Кордовы до Андухара бесчисленные деревни свидетельствовали о плодородии почвы и тщательности ее возделывания. Во времена христианской оккупации этот регион превратился в пустыню, и с тех пор он остается пустыней. Разум и энергия мусульманина были заменены ленью и невежеством монаха; церковные соборы, на которых торжественно обсуждалось предполагаемое богодухновенное происхождение абсурдных догматов, узурпировали место литературных собраний халифов; а монастырь и епископский дворец с их тайными преступлениями и явными пороками выросли на руинах учебных заведений, наставления которых развили величайшие умы Европы и влияние и принципы которых возвысили достоинство даже папского престола.

В то время как кастильцы вели свою важную кампанию на Западе, гений короля Арагона снова заявил о себе в княжестве Валенсия. При расплывчатой системе политической морали, господствовавшей в Средние века, незначительное событие нередко становилось предлогом для затяжной и кровопролитной войны. Абу-Джомаль, эмир Валенсии, по какой-то причине отложил выплату дани Хайме, своему сюзерену, и последний, воодушевленный завоеванием Майорки, решил воспользоваться этим предлогом, чтобы добавить к своим и без того обширным владениям самую ценную оставшуюся провинцию Испании. Глубоко политичный и храбрый, король Арагона получил официальную санкцию папы Григория IX. за его продуманный план смелым авантюристам Европы было объявлено о начале нового крестового похода. За это благочестивое предприятие каталонские кортесы проголосовали чрезвычайным налогом; была

собрана большая армия, и кампания началась осадой Буррианы, сильно укрепленного морского порта, многочисленный гарнизон которого и морские связи с соседними государствами Африки обещали долгое и энергичное сопротивление. Это ожидание подтвердилось буквально. Прошло несколько месяцев, прежде чем заведение сдалось. Стояла середина зимы, поскольку стремительность Хайме при нападении на врага не учитывала ни неблагоприятных условий сезона, ни численного превосходства. При ведении этой осады он проявил качества способного командира еще более ярко, чем перед Майоркой. Он лично руководил действиями военных машин. Он повел войска к брешу. Он осуществлял тщательный надзор за лагерем, заботился об удобстве солдат, перевязывал раны раненых, ободрял словами утешения последние минуты умирающих. Тяжелые лишения, которые ей пришлось пережить, охладили энтузиазм армии. Часть недовольной знати потребовала снятия осады. Король отказался, даже перед лицом неминуемого дезертирства большинства его войск. В то время как недовольные угрюмо оставались в лагере, он, поддерживаемый лишь несколькими верными последователями, ежедневно вступал в стычки с врагом, который, узнав о положении дел, перешел в наступление. Наконец решимость короля возобладала, и дворяне вернулись к своим обязанностям. С этого момента осада велась с удвоенной энергией, и вскоре Бурриана была добавлена к длинному списку завоеваний Джейме. Его сокращение привело к немедленной сдаче сильного города Пенискола и значительного числа населенных пунктов на территории Валенсии. Недовольство арагонской и каталонской знати было устранено этими успехами, и их верность была подтверждена немедленным наделением наиболее выдающихся из их числа большей частью завоеванных владений — политическая мера, которая увеличила их военные и феодальные обязательства, в то же время временно обеспечив их привязанность и благодарность.

Со дня своего восшествия на престол и до того часа, когда он с триумфом въехал в мавританскую столицу, всепоглощающим желанием Хайме было завоевание Валенсии. Трудности, возникшие при реализации этого проекта, только подтвердили решимость короля. В нескольких милях от города стояла крепость Пуч. Его неприступное положение и непосредственная близость к столице королевства делали его обладание весьма выгодным для армии, осаждавшей Валенсию. Он попал в руки арагонцев после капитуляции Пенисколы, и его оборона была значительно усилена христианскими инженерами. Во время отсутствия Хайме перед ним предстала армия из сорока тысяч мусульман, которой командовал лично эмир. Гарнизон сильно уступал по численности, но состоял из отборных воинов, не привыкших считать своих врагов, кроме как после победы. Их бесстрашие едва ли позволяло им дожидаться подхода валенсийцев. Они вышли из ворот; их внезапная и стремительная атака привела в замешательство их противников, а разгром войска, в двадцать раз превосходившего их числом, добавил новую добычу к бесчисленным триумфам христианской доблести. Битва при Пуче подорвала уверенность мусульман Валенсии, и они больше никогда не отваживались встретиться со своими ужасными противниками в открытом поле.

Несмотря на благоприятное начало кампании, арагонская армия ежедневно сокращалась из-за дезертирства, и когда несколько недель спустя она встала лагерем перед Валенсией, в ней насчитывалось менее полутора тысяч человек. Редко когда предприятие такой важности предпринималось столь малыми силами. В дополнение к численной слабости, его эффективности препятствовало общее чувство подозрительности, порожденное неуверенностью и отсутствием дисциплины. Многие дворяне покинули своего короля, часто без предупреждения, забрав с собой своих слуг. На тех, кто остался, нельзя было положиться, и у

них, по сути, были веские причины для недовольства. Ежедневные зимние дожди увеличили трудности передвижения войск и опасность заболеваний. Мало кто из тех, кто служил в предыдущей кампании, хотел повторения событий, произошедших до Майорки. Присутствие храброго и вероломного врага делало необходимым усиление бдительности и увеличивало и без того тяжелые трудности осады, исход которой, при существующих обстоятельствах, вряд ли мог быть успешным. Солдатам не выплачивали жалованье, а сундук с сокровищами, истощенный необычными требованиями и разграбленный нечестными хранителями, был пуст. Лагерь огласился жалобами. Ропот придворных не был подавлен даже в королевском присутствии. Когда король объявил о своем намерении вернуться с целью поиска подкрепления, оставшиеся дворяне заявили, что они последуют за ним и откажутся от предприятия, которое не сулило ничего, кроме катастрофы. Но помощь была близка с той стороны, откуда уже неоднократно получалась существенная поддержка в войнах с неверными маврами. Дух крестоносцев, обычно подпитываемый стимулами, совершенно чуждыми принципам религии, которые, однако, всегда служили удобным предлогом для самых вопиющих надругательств над человечеством, ни в коем случае не дремал в Европе. Святой Престол провозгласил еще один крестовый поход. Страсти алчных авантюристов были воспламенены надеждой на завоевания, в то время как обещание неограниченных помилований, индульгенций и добычи привлекало к знамени Креста разношерстное сборище преступников, преступников вне закона и фанатиков. Франция и Англия предоставили почти всех этих рекрутов, которых насчитывалось почти семьдесят тысяч. С такой армией, которая постоянно снабжалась провизией по морю, конечный результат кампании больше не казался сомнительным. Чтобы доказать врагу, а также своим собственным сторонникам, что он намерен не покидать своих позиций до тех пор, пока город не будет захвачен, Хайме использовал все имевшиеся в его распоряжении уловки. Христианский лагерь постепенно приобрел вид и характер постоянного аванпоста. Помещения для солдат были построены из прочных материалов. Королева в сопровождении придворных дам прибыла и поселилась в королевском павильоне. Операции проводились со все возрастающим усердием. Мавры, впечатленные этими зловещими свидетельствами неизменности намерений осаждающих, попытались вступить в переговоры. Вся территория между Теруэлем, Тортосой и Гвадалквивиром - край безграничного плодородия, защищенный множеством сильных крепостей, вместе с ежегодной данью в десять тысяч золотых — была предложена в качестве цены за мир. Король, сознавая свое преимущество, отказался выслушать какие-либо условия соглашения, которые не включали капитуляцию города. Приз, который был почти в его руках, был слишком ценным, чтобы стать предметом обмена. Путешественник, который сегодня пересекает провинцию Валенсия, поражен и очарован ее продуктивностью и красотой. И все же то, что он видит, - это сравнительно незначительная часть того, что когда-то было подвергнуто высочайшей обработке, достижимой при любой системе земледелия. Плотность населения требовала величайшей экономии и труда при разделении и использовании как земли, так и воды. Холмы, которые сейчас скалистые и бесплодные. во время мавританской оккупации они были покрыты зелеными террасами до самых вершин. Орошение, регулируемое сводом законов, которые испанское тщеславие и предрассудки так и не смогли отменить, было доведено почти до абсолютного совершенства. Каждый продукт процветал в климате, который нельзя сравнить с Райским. Природные ресурсы и накопленные богатства такого княжества были слишком привлекательны, чтобы позволить ему долго оставаться в руках тех, чье мастерство и терпеливые усилия заложили основу и увековечили его процветание. При виде роскошных областей Южной Испании христианин негостеприимного Севера часто забывал о своей стране

и подвигах своих героических предков, которые с трудом отвоевали у неверных плацдарм в Пиренеях; в присутствии прелестных гурий другой веры он иногда отрекался от своей религии и своего Бога. Испанские крестовые походы не отличались абсурдным, но искренним фанатизмом, который был главным мотивом, вдохновлявшим экспедиции в Палестину. Ни один король или придворный не бросал дом, страну, друзей и семью ради того, чтобы заполучить предмет сомнительной целесообразности посреди засушливой и знойной пустыни. Никакая введенная в заблуждение толпа, воодушевленная церковным красноречием, не предпринимала самых бесконечных путешествий, не терпела самых ужасных лишений ради восстановления Гроба Господня, который всемогущая мудрость или мусульманская доблесть со времен правления Омара с единственным небольшим перерывом оставили в руках неверных. Воины, принявшие крест на полуострове, были людьми совершенно иного склада, чем последователи Петра Отшельника или вассалы Филиппа Августа и Ричарда Плантагенета. Это правда, что некоторые из них служили в Святой Земле; но они не были достойными представителями храбрых, рыцарственных, благочестивых крестоносцев. Их побуждения были корыстными, или же они, возможно, искали безопасности для совершения непростительных преступлений в смущающей неизвестности множества незнакомцев. Самые низменные замыслы были скрыты под просторной, но изрядно поношенной мантией религии. Богатство мавританских городов, соблазнительное влияние климата в сравнении с суровой атмосферой Центральной и Северной Европы, красота и грация мусульманских женщин были хорошо известны всем народам от Византии до Британии. Также не было секретом, что население земного рая, граничащего со Средиземным морем, давно утратило престиж и силу, которые отличали армии халифата, и не было приспособлено для борьбы со свирепыми и могущественными воинами, выросшими среди холода и лишений, с младенчества приученными к боевым упражнениям, чьим занятием и времяпрепровождением была война. Завершение Отвоевания было бы отложено надолго и на неопределенный срок, если бы оно зависело только от усилий испанцев. Заслуга в подвигах, которые покорили и в конечном итоге объединили под кастильским скипетром испано-арабские княжества, в немалой степени принадлежит доблести авантюристов из всех стран христианского мира. Неистовые увещевания монахов-фанатиков не требовались для того, чтобы разжечь страсти иностранного крестоносца, вступившего добровольцем в армии Хайме и Фердинанда. В его глазах распространение Веры было всего лишь предлогом для грабежа. Он был явно небрежен в исполнении своих религиозных обязанностей, большой опыт и наблюдательность досконально ознакомили его с непоследовательностью и недостатками духовенства и внушили ему презрение к этому ордену, которое он обычно не старался скрывать. Его приверженность делу Христа длилась ровно столько, сколько это было выгодно. Однако подобные соображения неприменимы к независимому христианскому населению Испании. С его помощью прекращение мусульманского господства стало показателем политической необходимости, национального существования, индивидуальной свободы. Борьба продолжалась пятьсот лет. Не раз мелкие государства, возникшие из слабого и незначительного сообщества, созданного в Астурии перед лицом мавританского триумфа, расширявшиеся веками неустрашимой решимости и сверхчеловеческой доблести и, наконец, развившиеся в ряд королевств, взаимный антагонизм которых был величайшей угрозой их стабильности и могуществу, были готовы снова подчиниться мусульманской власти, о чем свидетельствовало регулярное и унижительное принесение присяги. Поколения сражений породили в сознании испанского христианина чувство лютой ненависти к неверному врагу, который узурпировал империю его предков; который победил его самых доблестных монархов; в гаремы которого были отправлены

самые красивые девушки его расы либо в качестве унижительной дани, либо в качестве военной добычи; чьи кощунственные руки завладели священными сокровищами его алтарей; который с ликующими криками поместил в мечети своей столицы колокола, торжественный звон которых так часто призывал к молитве паломников, собравшиеся в святилище Сантьяго. Более грубые страсти, такие как алчность и военное честолюбие, действительно, редко отсутствовали в мотивах, побуждавших средневекового испанца к поведению. Унаследованные предрассудки, раннее образование, максимы его религиозных наставников - все это имело тенденцию усиливать ненависть, которую он питал к тем, кто отказывался соглашаться с доктринами его вероучения. Кастилец презирал знания и интеллектуальные достижения, которые делали мавра неизмеримо выше его, но он часто неохотно признавал храбрость своего неверного противника на поле боя. Эта антипатия и нетерпимость, хотя и открыто поощрялись духовенством по профессиональным причинам, на самом деле были менее заметны среди духовенства, чем где бы то ни было. Поскольку их орден монополизировал скудные знания того времени, они были лучше подготовлены к тому, чтобы оценить научные достижения, которые отличали отполированных врагов их веры. Как представители системы, в значительной степени поддерживаемой организованным лицемерием, они публично осудили то, что часто изучали с удивлением и восторгом в роскошном уединении монастыря. Прелаты, так же как и знать, не брезговали подражать порокам мусульман, особенно осуждаемым их религией, их каноны, заветы их Основателя и пример целомудренных и воздержанных Отцов Церкви. Труды неортодоксальных мусульман не были незнакомы более умным и любознательным членам испанской иерархии. Теологический мрак епископального дворца рассеивался радостным присутствием прелестных неверных, чьи ласки были более привлекательны для сластолюбивых священнослужителей, чем монотонные церемонии мессы, и чьи наводящие на размышления танцы, реликвии распущенных развлечений языческой древности, часто исполнялись для услаждения святых посетителей в самых уединенных покоях церковного сераля.

Стимулы, отличные от тех, которые были вызваны бескорыстным благочестием, имели большой вес для большинства испанского духовенства. Церковь, благодаря старательно культивируемым страхам и ложно направленной щедрости своих суеверных приверженцев, всегда получала наибольшую выгоду от успешной кампании против сарацин. Прибыльный прецедент накопления сокровищ, в конечном итоге израсходованных на строительство и украшение роскошных религиозных зданий полуострова, количество и великолепие которых, хотя и прискорбно уменьшились, все еще достаточно, чтобы вызывать зависть католической Европы, уже был создан. Ежегодные пожертвования, даруемые царской щедростью или выжимаемые из бедности отдельных людей, были всего лишь жалкими грош-ками по сравнению с добычей, которую могли получить церковные боевики при взятии одного мусульманского города. Более того, неканонические соображения были немалым стимулом для воинственного священнослужителя отказаться на время от ношения кирасы. Кастильский или леонский прелат весьма легкомысленно относился к формальным и традиционным обязанностям его ордена. Его обет бедности давно был забыт среди безграничного эпикурейства элегантной роскоши, великолепной мебели, дорогих и безвкусных одежд, бесценных драгоценностей, владения лошадьми, чистота породы которых вызывала зависть величайшей знати, парада верениц рабов, чья физическая привлекательность была неоспоримым доказательством вкуса и несдержанности их хозяев. Испанская иерархия, независимая от папства с первых дней готского господства, была далека от того, чтобы

демонстрировать в своем государственном устройстве приятные различия в официальных рангах и жесткое подчинение вышестоящим, что проявляется в глубокой и тщательно продуманной организации папской системы. Каждый прелат пользовался значительной долей независимости в своей епархии, и недавнее признание первостепенных притязаний Римского престола не отменяло церковных прерогатив, подтвержденных правом предписания, основанным на непрерывном использовании на протяжении веков. Обет беспрекословного повиновения — обычно считавшийся ничего не значащей формальностью и неизвестный на практике вестготам — в течение нескольких поколений после публичного подчинения папскому верховенству игнорировался как императивная обязанность духовенства. Таково было состояние испанского духовенства и таковы низменные и непоследовательные мотивы, побудившие к ниспровержению самых совершенных образцов материального и интеллектуального прогресса, которые украшали и наставляли Европу со времен расцвета римской цивилизации.

Значительный приток моральной силы, обеспеченный с помощью папства, позволил королю Арагона энергично перейти в наступление. Огромный укрепленный лагерь, сооружения которого не поддавались слабым и бессистемным усилиям осажденных, теперь окружал город Валенсию. Машины были расставлены по местам, стены заминированы, и сношения с маврами на той стороне суши были эффективно пресечены. Однако связь по морю была еще сравнительно четкой, и осажденные мусульмане отправляли настоятельные просьбы о помощи своим братьям в Андалусии и Африке. На эти призывы никто не откликнулся, кроме эмира Туниса, чья эскадрилья не смогла произвести высадку перед лицом превосходящей численности противника. После ухода африканцев каталонский флот установил блокаду порта; под усиленными усилиями осаждающих стены начали рушиться, и жители находились в постоянной готовности отразить нападение штурмующего отряда. Не требовалось силы воображения, чтобы представить себе результат успешной атаки беззаконных войск, осаждающих сейчас город. Печальные примеры красивых и густонаселенных городов, отданных на разграбление, были свежи в памяти каждого мусульманина на полуострове. Из всех христианских армий, с которыми до сих пор сталкивались сарацины Испании, в армии Хайме было наибольшее количество иностранных авантюристов. Местные солдаты, редко вызывавшие жалость, были гуманнее по сравнению со свирепыми и кровожадными разбойниками, составлявшими основную массу крестоносцев. Эти соображения не ускользнули от внимания жителей Валенсии, которые не могли надеяться долго сдерживать врага, численность, доблесть и военные ресурсы которого давали ему такие решительные преимущества перед гарнизоном, измотанным длительными боевыми действиями, оборона которого быстро становилась несостоятельной, провизия которого была почти исчерпана и у которого не было надежды на подкрепление или помощь откуда бы то ни было. Преследуемые страхом резни, валенсийцы предложили условия капитуляции, на которые благоразумие Хайме с готовностью побудило его согласиться. Им была четко гарантирована защита от насилия со стороны войск — положение, которое, как часто показывал опыт, было лишь ненадежной гарантией. Тем, кто решил остаться, было обещано беспрепятственное пользование своим имуществом, личной свободой и своей религиозной верой. Все налоги, за исключением тех, которые обычно взимались с народа Арагона, должны были быть отменены. Тем, кто предпочел испытать сомнительную судьбу добровольного изгнания, было выдано оружие и все портативное имущество, которое они могли унести, с гарантией, что их путешествие по территории, оккупированной христианами, может быть преследовано без каких-либо

преследований. Большинство мусульман приняло последний вариант. Неконтролируемый нрав их врагов, разъяренных потерей ожидаемой добычи и воспламененных религиозной ненавистью, был слишком велик, чтобы можно было легкомысленно относиться к ним в присутствии людей, которые под самым незначительным предлогом потакали своим свирепым инстинктам.

Пятьдесят тысяч человек покинули свои дома и искали временного убежища за Хукаром, который был обозначен как новая граница христианских завоеваний; было заключено перемирие номинально на семь лет, но фактическая продолжительность которого полностью зависела от капризной снисходительности победителя, и сами мусульмане подняли королевский штандарт Арагона на зубчатых стенах Валенсии. Потребовался весь авторитет короля, чтобы подавить свирепые страсти своих неуправляемых последователей, некоторые из которых без колебаний нарушали положения договора и законы военной дисциплины, пытаясь ограбить беспомощных и обездоленных, которые были вынуждены уступить неумолимым результатам войны. Головы этих мятежников, одинаково нечувствительных к требованиям общественной веры и внушениям гуманности, были немедленно отрублены самим королем, чье очевидное намерение сохранить в неприкосновенности данные им обещания оказало благотворное воздействие на буйный и непокорный дух его команды.

Дома и поместья, покинутые их бывшими владельцами, которые предпочли изгнание и нищету риску смерти или угнетения, были распределены между теми крестоносцами, которые отличились размером своих взносов, важностью своей военной службы или количеством слуг, последовавших за ними в битву. Значительные трудности возникли при согласовании противоречивых требований тех, кто, преувеличивая ценность своих достижений и щедрость пожертвований, требовал неправомерной доли вознаграждения. Триста восемьдесят рыцарей и дворян были, согласно решению короля, признаны достойными наделения феодальными владениями, полученными из земель завоеванной территории, срок владения которыми налагал на каждого феодала обязанность ежегодно в течение четырех месяцев охранять определенный участок границы. Духовенство, как это обычно бывало, заручилось превосходной ловкостью и влиянием, закрепившим за их священным служением наиболее ценные земли, подлежащие общественному распределению.

Информация о сдаче мавританской столицы быстро распространилась по владениям победоносного монарха. Привлеченные богатством нового завоевания, подданные Хайме тысячами покидали свою бесплодную страну, чтобы поселиться и улучшить свое благосостояние на земле, столь благодетельствованной щедрой рукой Природы. Пустота, образовавшаяся в результате отъезда пятидесяти тысяч мусульман, была быстро заполнена, поскольку простое перечисление отдельных лиц могло восполнить дефицит населения. Но интеллект, трудолюбие, предприимчивость и вкус не были выдающимися чертами характера арагонских и каталонских крестьян, пришедших на смену мавританским купцам и ремесленникам Валенсии. Это были качества, которые не могли быть обеспечены беспорядочной иммиграцией. Новые колонисты представляли разительный и неблагоприятный контраст с остальными жителями; численность последних в конечном итоге сократилась в результате систематических преследований, и упадок Валенсии начался со дня ее подчинения христианской власти.

Внутренние дела его королевства срочно требовали его внимания, и Хайме был вынужден покинуть место своего триумфа до того, как была завершена политическая организация новой провинции. Во время его отсутствия его помощники постоянно злоупотребляли делегированными им полномочиями ради личного обогащения. Национальные обязательства, вытекающие из заключения перемирия, не имели никакого значения в глазах этих профессиональных мародеров. Едва король сел на корабль, как грабительский набег убедил мавров в двуличии врага, без зазрения совести нарушавшего обязательства, которые были заключены со всеми обстоятельствами обдуманно и торжественно. Возобновились тяжелые условия партизанской войны. Перемирие считалось преимуществом, поскольку увеличивало возможности для внезапности. Каждый человек, носивший мавританскую одежду, считался врагом и с ним обращались соответственно. Поля были разорены. Замки были взяты и разграблены. Крестьяне в ужасе бежали из своих домов. Страна быстро приобретала унылый вид тех регионов полуострова, которые на протяжении поколений подвергались преследованиям из-за попеременного заселения враждебными армиями, когда прибытие короля остановило процесс разрушения. Все имущество, которое удалось найти и идентифицировать, было возвращено его владельцам. Напуганным земледельцам было предложено возобновить свои мирные занятия. Аристократ, который со своими слугами бесцеремонно захватил крепость какого-то мусульманского принца, был без промедления лишен своего недавнего и незаконно приобретенного сана. Всеми доступными ему средствами король стремился возместить ущерб, причиненный без его санкции недисциплинированными и безрассудными солдатами. Такому поведению, продиктованному чувствами личной чести и общественного равенства, однако, не суждено было продлиться долго. Длительный период, назначенный перемирием, был в высшей степени неблагоприятен как для алчных замыслов духовенства, так и для королевских амбиций. Епископальное благочестие было огорчено тем, что неверные владели городами, доходы от которых могли бы с легкостью выдержать финансовое бремя обширного епископства. Достойный прелат с ужасом и негодованием наблюдал за отправлением мусульманских обрядов в роскошных мечетях, охраняемых непривычным снисхождением христианского монарха, и страстно желал того дня, когда богатство этих великолепных заведений может быть конфисковано в пользу Церкви Христовой и сокровищницы развращенного и чувственного духовенства. По мере военного успеха и расширения власти общественное мнение того времени все больше и больше склонялось к пренебрежению договорами, заключенными с врагом, который с каждым днем становился все менее способным к сопротивлению. Постоянное и повсеместное возбуждение богословской одиозности в основном способствовало принятию этого ложного и пагубного принципа политической этики. Светское невежество пришло вовремя, чтобы искренне поверить в одиозную доктрину, защищаемую изобретательными казуистами и пропагандируемую церковным лицемерием и ненавистью из мотивов личной заинтересованности. Главным образом, за его принятие и стремление к неизбежному завершению следует отнести падение Испании с того высокого положения, которое она занимала при первых правителях австрийской династии. Ни один народ не может систематически отказываться от своих контрактов, даже с противником, неспособным возмущаться нанесенными ему обидами, без потери уважения и доверия других членов великого сообщества наций. Дипломатическое вероломство, начатое религиозной злобой и королевским раболепием в мавританских войнах на полуострове, впоследствии повторилось в большем масштабе в политике Европы и стало причиной большинства невероятных зверств, сопровождавших завоевание Мексики, Центральной Америки, Перу. Уже молчаливо признанный максимой национальной политики в стране,

которая впоследствии продемонстрировала свою готовность пожертвовать наиболее очевидными принципами общественной веры и морали ради возвышения церковной власти путем основания ордена иезуитов, императивный отказ от договора с приверженцами враждебной веры считался в рассматриваемую эпоху скорее достойным, чем предосудительным действием. Поэтому король Арагона, после того как он упрекнул своих назойливых подчиненных за их несвоевременную энергию и проявил правдоподобное рвение к исправлению положения, вернув их владения пострадавшим мусульманам, не испытывал нежелания совершить такое же преступление против чести и справедливости, как только созрели его собственные планы. Его боевое соперничество было возбуждено подвигами Фердинанда Кастильского на Западе, и он опасался, что у этого монарха может возникнуть соблазн включить в свои амбициозные проекты подчинение оставшихся восточных государств Мавританской Испании, которые он сам уже считал своими из-за сомнительных претензий на географическую близость и ожидаемое завоевание. С ненасытной алчностью завоевателя он предпочел нарушить свое королевское слово, чем быть оскорбленным присутствием врага, который все еще владел регионом, равным по площади и преимуществам любому из недавно присоединенных к доминионам Арагона, и, что было еще важнее, который не мог надеяться оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления его вооружению. Всегда доступный предлог религиозной целесообразности или даже долга, на который ссылались способные и благочестивые защитники, без сомнения, был эффективен для устранения любых угрызений совести, которые у него могли быть.

Город Хатива, расположенный на границе ныне уменьшившихся мавританских владений и к югу от реки Шукар, границы, установленной договором, был первым местом, где испанское двуличие испытало на себе непреодолимый импульс испанского могущества. Его производственные интересы с незапамятных времен были одними из самых обширных и прибыльных на полуострове. При римлянах его льняные изделия пользовались репутацией тонкости и долговечности, которая распространилась до пределов империи. Во время мусульманской оккупации это был центр бумажной промышленности Испании. Говорят, что использование хлопка в качестве материала для изготовления этого самого полезного предмета торговли произошло благодаря практическому гению ремесленников Хативы. В то время, когда переписчики христианской Европы были вынуждены стирать произведения классических авторов, чтобы получить пергамент для сохранения благочестивых проповедей и монашеских легенд, фабрики Хативы производили огромное количество бумаги, большая часть которой по текстуре и отделке не уступала бумаге, полученной с помощью самых усовершенствованных процессов современного производства. Спрос на этот продукт, незаменимый среди людей с интеллектуальными вкусами, таких как испано-арабы, был огромен. Фабрики города поставляли императорские скриптории, откуда выходили объемистые труды, наполнявшие обширные библиотеки халифов. Литературные потребности высокообразованного населения, увеличение количества рукописей, потребности бесчисленных учебных заведений имели тенденцию постоянно способствовать развитию этой отрасли, главным распределительным пунктом которой в империи была Сатива, и на прибыль от которой она пользовалась практической монополией. В результате этой прибыльной отрасли торговли горожане со временем сколотили огромные состояния, и многие из них соперничали по великолепию своих домашних хозяйств и экипажей с великолепными королевскими особами. Но это был далеко не единственный источник богатства Хативы. Тот же благодатный климат, та же удивительно плодородная почва были характерны для района, окружавшего этот

город, который сделал княжество Валенсия образцом совершенства сельского хозяйства. В тринадцатом веке он представлялся случайному наблюдателю таким же очаровательным, как и при халифате. Если не считать случайной временной оккупации флибустьерами, он почти полностью избежал разрушительных последствий внутренних раздоров и иностранного вторжения. Его жители в значительной степени сохранили свое имущество, несколько пострадавшее из-за потерь, связанных с национальным несчастьем, и вызванного этим сокращения производства, которое было главным источником их процветания. Но обильные урожаи, бесконечные фруктовые сады, обширные плантации тростника и хлопка все еще свидетельствовали о процветающем и счастливом положении трудолюбивого народа. Знание этих многочисленных преимуществ и непреодолимый стимул военной славы более чем уравнивали в сознании короля Арагона моральные обязательства, которые он взял на себя. Без официального объявления войны, без каких-либо намеков на сломленную веру или преднамеренную враждебность многочисленная христианская армия, которой лично командовал Хайме, разбила свои палатки перед Хативой. При обычных обстоятельствах этот город был способен к упорной обороне. Его укрепления были мощными и находились в хорошем состоянии. Его огромный замок, который до сих пор является его самой заметной особенностью, уступал по размаху и массивности только знаменитой цитадели Альмерии. Население было многочисленным, условия для добывания средств к существованию превосходными. В подражание многим мусульманским общинам Испании, которые королевская некомпетентность и национальное безразличие бросили на произвол судьбы, жители Хативы превратили свой город в независимое княжество, законы и институты которого были созданы по образцу республиканских. Эта политическая аномалия еще не завоевала доверия даже у ее создателей. Экспериментальная стадия правления не была пройдена. Радикальное отклонение от принципов, всегда признававшихся существенными элементами конституции, которая существовала с незапамятных времен и на которой основывалось все мусульманское государство, не было благосклонно воспринято большой и могущественной фракцией, в которую входили многие из самых богатых и влиятельных граждан. Это отсутствие гармонии было фатальным для свобод Ксативы. Оказалось невозможным обеспечить сотрудничество сторон, которые взаимно не доверяли друг другу, а внезапное появление врага усилило неопределенность и опасность ситуации. Не было ничего невероятного в том, что Хайме предпринял это предприятие, заранее зная политические условия, господствовавшие в последнем крупном городе Восточной Испании, который оставался в руках мусульман. Опасаясь последствий осады, которая должна закончиться катастрофически, магистраты Хативы поспешили предложить компромисс. Было заключено соглашение, по которому это место не должно было быть передано никакому суверену, кроме короля Арагона. Ряд замков и значительная территория, признававшие юрисдикцию города, были отданы в обмен на временную передышку; другие незащищенные места, охваченные революцией и без надежды на помощь, искали опасной защиты христианского сюзерена; и большая часть региона к югу от Ксукара была включена в состав Арагонской монархии, которая получила это важное дополнение к своим владениям без каких-либо иных усилий, кроме тех, которые требовались для совершения преднамеренного акта вероломства.

Семейные неурядицы и гражданские распри, охватившие королевство Хайме, на три года отложили любое дальнейшее преследование мусульман Шативы. Пользуясь своим дорогим приобретенным опытом, они использовали каждое мгновение этого промежутка для подготовки к надвигающемуся конфликту. Для руководства усилиями местных рабочих были наняты

иностранные инженеры. Замок, и без того один из лучших укрепленных в Европе, был еще более укреплен. Стены города были увеличены в высоту и защищены дополнительными контрфорсами и барбаканами. Было организовано боеспособное ополчение, и граждане, чей изнуряющий климат не позволял им проходить военную службу, были тщательно проинструктированы по обращению с оружием. Были возведены и заполнены склады, достаточные для хранения припасов на время длительной осады. Эти приготовления, свидетельствовавшие о решительном духе ксативцев, принесли важные результаты, когда арагонцы снова окружили город. Король, сил которого было совершенно недостаточно для взятия самой грозной крепости полуострова, был отброшен; но взятие Алкиры и Дении после упорного сопротивления в какой-то мере компенсировало ему разочарование, которое он был вынужден вынести перед Хативой.

Тем временем Фердинанд подчинил короне Кастилии оставшиеся мавританские города Андалусии, а его оккупация Мурсии, по-видимому, указывала на намерение вторгнуться в те восточные провинции, которые король Арагона, вынашивая грандиозные завоевательные планы, уже считал своими. Последний с тревогой узнавал о прогрессе и растущей репутации своего предприимчивого и успешного современника. Подобно подающему надежды молодому греческому генералу, трофеи его соперника не давали ему спать спокойно. Перспектива обретения дополнительной власти и славы монархом, чьи подвиги уже затмили воинские отличия, которыми он сам пользовался и снискал аплодисменты христианского мира, не льстила его тщеславию и честолюбию. Он собрал внушительную армию и связал себя торжественной клятвой никогда не ослаблять своих усилий до тех пор, пока Шатива не будет взята. Снова началась осада мавританской крепости. Оборона велась умело и мужественно; но гарнизон, прекрасно понимая, что надеяться на помощь не приходится, был вынужден предложить условия размещения, прежде чем город был доведен до крайности. Непрístupный характер этого места был таков, что осажденные добились удивительно благоприятных условий. Природа этих условий вполне может вызвать удивление. Христиане, по-видимому, в действительности ничего не добились, кроме номинальной оккупации тех кварталов города, которые в случае возобновления военных действий были бы непригодны для эффективной обороны. Великая цитадель, господствовавшая не только над Хативой, но и над окрестностями, осталась во владении мавров. По истечении двух лет он должен был быть эвакуирован, а два других замка должны были быть переданы в обмен на его мирную передачу арагонцам. Мусульманам гарантировалась защита личности и собственности, а также разрешалось исповедовать свою религию и применять свои законы. Столь справедливое обращение с неверным врагом долгое время было незнакомо дикарскому кодексу князей, руководивших Отвоеванием. Никогда с тех пор, как христианская держава достигла выдающегося положения, побежденным сарацинам не были предоставлены столь же щедрые уступки. Однако, похоже, что эта снисходительность на самом деле была лишь предлогом для получения предательством того, чего нельзя было достичь силой. Какое-то время договор соблюдался. Ропот солдат, обманутых в получении ожидаемой добычи, был заглушен обильными пожертвованиями из королевской казны. Жители, введенные в заблуждение демонстрацией беспристрастности и умеренности, спокойно занимались своими обычными занятиями. Но это состояние было лишь временным. Алчное честолюбие Джейме не состояло в том, чтобы удовлетворяться простой тенью обладания и власти. Соображения о моральном долге были бесцеремонно отброшены королевским казуистом в тот момент, когда они вступили в противоречие с властными требованиями политической необходимости. Были придуманы предлоги и найдены

возможности обвинить мавров в нарушении договора. Враждебность завоевателей, в соответствии с более низменными и корыстолюбивыми инстинктами человечества, была в первую очередь направлена против богатых. Богатые купцы были приговорены без предъявления обвинения или суда к ссылке и нищенству. Их имущество, главная причина их преследований, было конфисковано короной или разделено между духовенством и знатью, которые с самодовольством получали награды за национальное вероломство и бесчестие. Владение цитаделью было обеспечено с помощью военной хитрости; замки, на которые ее должны были обменять, были удержаны христианами, и множество мавританских девушек стали, вопреки вере в условности и вопреки канонам Церкви, невольными служительницами удовольствий ортодоксального, но сладострастного завоевателя. Печальный конец правителя Хативы Яхьи Ибн Ахмеда пробудит сострадание у каждого читателя, сочувствующего несчастьям, с которыми склонны сталкиваться во все века неверно направленные решимость и храбрость. Он был личностью, пользующейся высочайшим уважением среди своих соотечественников. Его таланты и честность подняли его на первое место в государстве. Его богатство позволяло ему с достоинством переносить гражданские и военные почести, оказанные ему благодарным и восхищенным народом. Защищая город, он более чем оправдал всеобщее высокое мнение о своих способностях. Договор, который он заключил с врагом, обладавшим значительно превосходящими ресурсами и воодушевленным недавними завоеваниями, был самым выгодным для более слабой стороны из всех, зарегистрированных в анналах полуострова. Он скрупулезно соблюдал каждое условие этого соглашения, от которого его противники отказывались при удобном случае без стыда и оправданий. Вместе с другими богатыми гражданами Хативы он был изгнан из своего дома; его поместья были присвоены алчным иностранцем; он был вынужден существовать за счет благотворительности чужеземцев на земле, где он ранее носил знаки отличия и пользовался прерогативами королевской семьи; и, хотя его судьба остается под вопросом, в народе считается, что его смерть была ускорена ядом или голодом.

Подчинение Сативы королю Арагона вызвало разрыв между двумя величайшими воинами Западной Европы, который, если бы он перерос в открытую вражду, поставил бы под серьезную угрозу дело христианства на полуострове. Хайме не без оснований предвидел опасные последствия кастильских амбиций. В дальнейшем завоевательная тенденция неизбежно должна была быть направлена на восток. Андалусия, навсегда потерянная для мусульман, теперь была неотъемлемой частью владений Фердинанда. Было хорошо известно, что стремления этого завоевателя не были удовлетворены приобретением самой ценной части сарацинской империи. Его намерение оспорить сомнительные притязания Арагона на вожделенный регион, лежащий к востоку от Гранады, уже было раскрыто оккупацией им Мурсии. Не только с помощью оружия проницательный король Кастилии пытался расширить свою и без того огромную власть за счет своего соперника. Политические интересы двух монархов недавно были номинально объединены браком Альфонсо, наследника кастильского престола, и Иоланды, дочери Хайме. Подстрекаемый своим отцом, этот принц пытался убедить мусульманского губернатора сдать ему город Шатива в нарушение договора, заключенного с королем Арагона. Этот план был сорван бдительностью Хайме, и после этого открытия было решено изгнать видных горожан, некоторые из которых подозревались в соучастии в замыслах Фердинанда.

Потерпев неудачу в этой попытке, Фердинанд потребовал это место в качестве приданого своей невестки. Но король Арагона, чья гордость не уступала гордости Фердинанда, не желал уступать

назойливости соперника существенные плоды своего мужества и энергии, и королеве потребовались вся ее обходительность и уговоры, чтобы примирить противоречивые притязания ее мужа и родственника. Древняя граница Мурсии и Валенсии в конечном итоге была восстановлена как граница двух христианских монархий. Впоследствии замыслы Хайме были успешно претворены в жизнь без помех со стороны интригующей политики Кастилии, и через несколько лет все другие крепости, удерживаемые мусульманами на востоке полуострова, были включены, либо путем завоевания, либо переговоров, в состав королевства Арагон. Оставшиеся годы Хайме прошли среди отвлекающей суматохи семейных споров и феодальных посягательств. Опрометчивая экспедиция в Святую Землю, в ходе которой флот крестоносцев был рассеян бурей и которая бесславно закончилась, на какое-то время привлекла его внимание. Седьмого июля 1276 года он умер в Валенсии, месте своего величайшего триумфа.

Этот знаменитый король был одной из самых выдающихся личностей средневековой истории. Романтика, окрасившая всю его карьеру, предшествовала самому его существованию. Сын Педро II. и Марии, графине Монпелье, чей брак никогда прежде не был заключен и сразу же после этого был практически аннулирован, он был обязан своим происхождением выдумке, нередко встречающейся в веселых сказках Средневековья, но в данном случае демонстрирующей странную смесь юмора и патетики. Даже своим именем он был обязан случаю. Его мать зажгла двенадцать свечей в честь двенадцати апостолов, и поскольку свеча святого Иакова горела дольше остальных, ее сын был крещен в честь этого достойного как его святой покровитель. Будучи еще маленьким ребенком, он был доверен для получения образования Симону де Монфору, крестоносцу, солдату удачи и гонителю альбигойцев. Этот флибустьер, самый выдающийся в своем печально известном призвании из всех военных преступников своего времени, который впоследствии победил и убил отца своего подопечного на поле Мюре, стал причиной обручения мальчика со своей собственной дочерью, прежде чем ему исполнилось четыре года. Впоследствии папе, движимому мольбами испанского духовенства, потребовалось все влияние, чтобы выволить королевского младенца из рук Симона и посадить его на трон Арагона.

Находясь в объятиях епископа Таррагоны, он механически и без понимания повторил обычную клятву соблюдать законы королевства. С самого начала его способности, каким бы ребенком он ни был, проявлялись с тактом и осмотрительностью в обращении со своими дядьями, которые пытались править от его имени, и со знатью, которая упрямо оспаривала его власть. Прошло совсем немного времени, прежде чем его гений проявил себя и завоевал уважение и повиновение своих непокорных вассалов. Личные преимущества, которые имеют такое большое влияние на большинство человечества, сыграли немалую роль в достижении этого результата. Природа щедро одарила его своими самыми драгоценными дарами. Его рост значительно превосходил рост других людей. Черты его лица были красивы; его фигура демонстрировала пропорции и мускулы римского гладиатора. Его манеры были исключительно обаятельными; его поведение бросалось в глаза своей грацией среди людей, известных своей вежливостью. Будучи бесстрашным перед лицом опасности, он был настолько сострадательным, что не решался подписать смертный приговор, и не раз преступник избегал последствий своих злодеяний благодаря мягкости и человечности своего короля.

Ни один принц в истории Испании не занимал более высокого положения благодаря мужественным качествам, неустрашимой доблести, и безграничной щедрости. Его

шестидесятитрехлетнее правление - самое продолжительное, если не самое богатое событиями, в анналах полуострова. Это была практически одна непрерывная кампания. Этот великий король одержал победу в тридцати ожесточенных битвах над мусульманами. Он был образцом преобладающей в то время страсти к крестоносцам. Его популярность среди духовенства превзошла популярность любого из его царственных современников. Он основал и обогатил за свой счет две тысячи церквей на территории, отвоеванной у мавров. Он знал Священное Писание наизусть и во время каждого грандиозного религиозного праздника проповедовал с кафедры перед огромными собраниями со всем услаждением и, вероятно, с большим красноречием церковного оратора. Его мемуары, написанные под названием "хроника", свидетельствуют о глубоком знании человеческой натуры, острой наблюдательности и замечательном уровне литературной культуры, учитывая преимущества, которыми он пользовался, и обстоятельства, при которых прошла его жизнь. Могущественный даже после смерти, пункт его завещания, исключавший женщин из права наследования, всегда свято соблюдался как неприкосновенная часть конституции королевства Арагон.

Обратная сторона медали не столь привлекательна. Знаменитый арагонский крестоносец был фанатичным, вероломным, распущенным, жестоким. Он ввел инквизицию в Испании. Ее агенты, доминиканцы, были его любимыми советниками. Угощая по поводу сдачи Эльче, в присутствии своих придворных он сунул кошелек с тремя сотнями византийцев в рукав одному из мавританских посланников, который, как он убедился, был готов предать своих соотечественников за золото. Он нарушил свое королевское слово, данное донье Терезе де Видоре, которую обещал сделать своей королевой, и получил поддержку в своем печально известном решении от папы римского. Он обычно отказывался от самых торжественных договоров, заключенных со своими мусульманскими вассалами и противниками. Его распутство бросалось в глаза даже в эпоху всеобщего социального разврата. Он жил сразу с двумя женами. У него было множество наложниц. Говорили, что у него было по любовнице в каждой церкви, которую он основал. Он приказал вырвать язык епископу Жероны, своему духовному наставнику, в наказание за то, что тот выдал некоторые неприятные секреты, полученные в священном уединении исповедальни. Среди ужасающих зрелищ, которые представляли собой города, взятые штурмом, безжалостную руку свирепой солдатни редко останавливал авторитет защитника христианского дела, в глазах которого каждый неверный был законной добычей.

Место действия романтической драмы о Реконкисте теперь перемещается в Андалусию. Именно в этой провинции, обогащенной всеми дарами природы, усовершенствованной всеми средствами промышленности и искусства, зародилась мавританская цивилизация; и именно там после столетий славы ей был сужден печальный и катастрофический конец.

Монархия Кастилии, фундамент будущего величия которой уже был заложен важными военными успехами, предшествовавшими и последовавшими за захватом древней столицы халифата, теперь должна была быть украшена еще более решительными и блестящими триумфами. Со смертью Мухаммеда Ибн Худа целостность эмирата Мурсия была разрушена. Алькальд каждого города, губернатор каждой провинции немедленно стремились к независимости. Абсурдные претензии и непримиримые распри этих мелких правителей, ни один из которых не был достоин титула принца, но большинство из которых претендовали на звание халифа, бессознательно, но от этого не менее быстро продвигали планы врага христиан. Расчленение Мурсии было результатом интриг Мухаммеда, короля Гранады, основателя

знаменитого рода Альхамаресов, который был теперь признан всеми патриотически настроенными мусульманами как представитель их власти и их религии на полуострове. Убийство отважного Ибн-Худа принесло скорее вред, чем пользу национальному делу. Ни один из множества претендентов, поделивших между собой княжество Мурсия, не пожелал засвидетельствовать почтение королю Гранады, чье право на суверенитет было, по сути, ничем не лучше их собственного; и Мухаммед, чье внимание было полностью занято движениями христиан, не был волен добиваться выполнения своих требований могущественным оружием меча. После серии нерешительных операций, в ходе которых христиане, хотя и преуспели в проникновении до Гранадской Веги, похоже, терпели поражение почти в каждом столкновении, Фердинанд обратил свое внимание на более многообещающее поле деятельности, представленное разделенным и беспомощным эмиратом Мурсия. Армия под командованием принца Альфонсо уже достигла границ этого королевства, когда военные действия были приостановлены попытками заключить мир. Репутация кастильского монарха, хотя и была запятнана многими обоснованными обвинениями в поруганной чести и вероотступничестве, была настолько выше репутации его современников, что мусульмане без колебаний, даже зная о церковном влиянии, которому он слепо подчинялся, доверили ему опеку над своей личностью и распоряжение своим состоянием. Другие причины побудили их к этому мудрому решению. Объединенные штаты Мурсии никогда не смогли бы успешно противостоять мощи кастильской монархии; разобщенные, их сопротивление было абсолютно безнадежным. Ужасная судьба мавританских городов, которые пытались задержать продвижение христианских завоеваний, всегда была очевидна для женоподобного населения Мурсии. Окончательное подчинение либо Фердинанду, либо Хайме было неизбежным. Бесчеловечность кастильцев до сих пор была гораздо менее заметна в случаях добровольного подчинения, чем та, которую демонстрировали жестокие и вероломные арагонцы, чьи армии в основном состояли из иностранцев, и чьи идеи справедливости обычно были подчинены соображениям настоящей выгоды или будущего преимущества. Имея перед собой эти факты, мусульмане Мурсии недолго колебались в выборе учителей. Города эмирата, за исключением Лорки, добровольно подчинились власти Кастилии, и были проведены церемонии, связанные с установлением королевского верховенства. Феодалные обязательства, предшествовавшие установлению сюзеренитета и вассалитета, были тогда публично признаны, и доверчивые мавры приветствовали тиранию иностранного принца такими приветствиями, каких они вряд ли удостоили бы правителя их собственной крови и их собственной религии.

Передышка, предоставленная престижем его побед и перенаправлением оружия Кастилии в Мурсию, была использована Мухаммедом Ибн Ахмаром для благоустройства своего королевства и украшения своей столицы. Вторжения и завоевания испанцев привели в изгнание тысячи мусульман, для которых общество их соотечественников и беспрепятственное отправление их культа были привилегиями, которые нельзя было приносить в жертву ненадежной безопасности христианского господства. В течение нескольких лет в результате постоянной иммиграции население Гранады увеличивалось с огромной скоростью. Самые опытные земледельцы, самые законченные ремесленники, самые образованные ученые, олицетворявшие угасающий век сарацинского гения, нашли убежище от преследований и оскорблений во владениях принца, достойного сравнения с самыми выдающимися монархами, когда-либо занимавшими испано-арабский трон. Их накопленный опыт и промышленность неизмеримо обогатили страну, в которой они были внедрены. Эта страна с ее очаровательным климатом, почвой и пейзажами не была недостойна трудов самых энергичных и опытных

колонистов. Его поверхность, разнообразная долинами, равнинами и горами, обеспечивала совокупные преимущества, которыми в других местах обладают только несколько регионов в очень отдаленных частях земного шара. Высота или спуск в несколько сотен футов определяли характер растительности, и ценные растения, обычно разделенные многими градусами широты, здесь пышно росли почти бок о бок. Ручьи, питаемые тающими снегами, сбегали по склону горы, распространяя свою освежающую влагу по обильным урожаям Веги. Этот район, как впоследствии стали называть равнину, окруженную горами Сьерра-Невада и Альпухаррас, был непревзойденным по плодородию почвы, количеству и превосходному качеству сельскохозяйственной продукции. Его население было настолько плотным, что прилегающие друг к другу бесконечные деревушки и плантации придавали ему вид единой бесконечной деревни. Хотя он занимал площадь не более семисот пятидесяти квадратных миль, под мусульманским присмотром и экономией он с легкостью удовлетворял потребности и предметы роскоши ста тысяч душ. На его северной оконечности, на пологом склоне Сьерры, стояла столица, которая начала приобретать архитектурное величие, отличавшее династию ее строителей, полуразрушенные руины зданий которой до сих пор служат образцами для архитекторов и предметом восхищения путешественников. Обширный контур Альгамбры с древней крепостью, которая с периода, задолго до основания халифата, господствовала над городом с его бесчисленными башнями, барбаканами, флигелями, уже был огорожен. Напротив цитадели, на самой возвышенной точке возвышенности, которую прозорливость варваров еще до финикийской оккупации выбрала в качестве места убежища и безопасности, возник великолепный дворец, образец нового и неописуемо великолепного стиля архитектуры. Его аркады, залы и дворики тогда еще не отличались той обширностью площади, изысканным вкусом, обилием орнамента, которые впоследствии отличали самое сложное и красивое здание мусульманской Испании. Однако в той части, которая вышла из-под рук строителей, отчетливо просматривался зародыш ее будущей элегантности. Самые искусные рабочие на полуострове — все еще европейском центре архитектурного превосходства — были задействованы в его строительстве и украшении, а также в проектировании и достройке многих менее роскошных и внушительных, но все же не менее замечательных сооружений столицы. Постоянный приток ловких и изобретательных колонистов из провинций, измученных христианской жестокостью и нетерпимостью, довел неисчерпаемые минеральные, сельскохозяйственные и коммерческие ресурсы королевства до степени, которую едва ли мог предвидеть самый оптимистичный политический экономист. Как законное следствие этого экстраординарного импульса, полученного каждым департаментом торговли и земледелия, доходы государства значительно возросли. Вместе со средствами и возможностью наслаждаться жизнью возник растущий спрос на все предметы роскоши. Через порты Альмерии и Малаги поддерживалась морская торговля с отдаленными странами, что значительно обогатило гранадских купцов. Столица была украшена великолепными зданиями, предназначенными для благородных целей общественного просвещения и религиозного богослужения. Часть интеллектуальных амбиций и литературной культуры, которые возвысили столицу Оммеяде до столь заслуженного превосходства, казалось, была унаследована Гранадой. Ее учебные заведения превосходили все остальные в Европе того времени. Работы ее историков, путешественников и ученых сохранились как шедевры эпохи, в которую они были созданы. Именно гению Мухаммеда I. следует приписать происхождение ее процветания и влияния. Мусульманский иммигрант, введенный в заблуждение ложной и сиюминутной безопасностью, верил, что после долгих скитаний он наконец нашел постоянное пристанище. Но проницательный ум Мухаммеда не был обманут столь приятными ожиданиями. Он осознавал все значение вторжения христиан и

конечный результат конфликта, который уже длится более шестисот лет и окончание которого нельзя было долго откладывать. В сочетании со своими военными талантами он пустил в ход все ресурсы политического мастерства и дальновидной дипломатии. Он приобрел влияние могущественной знати и духовенства при кастильском дворе. Он поддерживал самые тесные и дружественные отношения с султанами и шейхами Северной Африки, чья неугасимая враждебность к династии Альмохадов сделала их верными и восторженными союзниками принца, который представлял фракцию, приверженную ее истреблению. Важные последствия этих мудрых и умелых мер впоследствии стали очевидны в час успеха христиан и крайней опасности мусульман.

Расцвет богатства и силы монархии Гранады совпал с упадком мавританского могущества в остальных штатах полуострова и даже частично явился его результатом. Санчо II, король Португалии, постепенно присоединял к своим владениям разрозненные и слабые остатки того, что раньше составляло одно из важнейших княжеств халифата. Преследуя завоевательные цели, Хайме вторгся в регион к югу от Ксукара, который незадолго до этого был объявлен неприкосновенным в соответствии с положениями преднамеренно заключенного договора. За единственным исключением Хаэна, вся Северная Андалусия была включена в состав монархии Кастилия. После покорения Мурсии Фердинанд, раздраженный бездействием, приготовился к очередному походу. Он проник в Вегу Гранады, опустошил ее плантации и, возвращаясь через долину Хениль, где его разрушительный поход был слишком ясно обозначен почерневшими остатками посевов и жилищ, расположился лагерем перед Хаэном. Губернатор этого города Ибн-Омар, офицер неукротимой храбрости и неистощимого запаса ресурсов, показал себя в высшей степени достойным оказанного ему доверия. Передовое положение Хаэна придавало ему необычную ценность с военной точки зрения. Это был крайний форпост мусульманских владений на севере. Его потеря означала неминуемое падение Севильи, а также подчинение оставшейся территории Андалусии и открыла бы беспрепятственный путь врагу, желавшему вторгнуться в Гранаду. Город находился всего в пятидесяти милях от столицы этого королевства. Эти факты сделали его удержание в руках мавров стратегической необходимостью. Его сила и храбрость его граждан были таковы, что до сих пор все попытки захватить его были тщетны. Предвидя цель Фердинанда, король Гранады отправил большой конвой с провизией и оружием для гарнизона, который задержался и чудом избежал захвата. Затем он попытался во главе многочисленной, но недисциплинированной армии снять осаду. Мавританские крестьяне, плохо приспособленные для борьбы с ветеранами, с детства искушенными в военном деле, были легко разбиты, и положение осажденных стало отчаянным. Было очевидно, что город обречен, и его оккупация христианами при нынешнем беззащитном положении мусульман должна была стать печальным предвестником длинной череды несчастий, религиозных преследований, нищеты, рабства и изгнания. Именно тогда Мухаммед избрал курс, который, по убеждению его проницательности, был единственным средством, с помощью которого можно было обеспечить целостность его королевства и сохранение его народа. Он добровольно явился в лагерь кастильского короля и объявил о своей готовности оказать ему почести. Проницательный мусульманин не ошибся в оценке воздействия этой необычайной решимости на разум его великодушного соперника. Удивление и удовлетворение Фердинанда этим предложением склонили его характер, всегда испытывавший отвращение к актам преднамеренной жестокости и несправедливости, к проявлению необычного великодушия. Он с нескрываемым удовольствием принял предложение Мухаммеда; взаимные обязательства сеньора и вассала были приняты, и суверен Гранады согласился присутствовать, когда его

вызовут, на национальном собрании кортесов, предоставить определенное количество солдат на случай войны — даже против приверженцев его собственной религии — и ежегодно выплачивать в казну Кастилии дань в размере пятидесяти тысяч золотых мараведи. Обязанность защиты, возложенная на сюзерена в соответствии с законами феодализма, была торжественно признана Фердинандом, и сдача Хаэна в качестве гарантии доброй воли была важным предварительным условием заключения временного, но выгодного мира. Невежливая щедрость их монарха, предоставившего такие благоприятные уступки доведенному до отчаяния врагу, подверглась, возможно, не без основания, суровой критике со стороны испанских историков и церковников. Во всяком случае, в данном случае царственный святой не руководствовался небесным вдохновением, и принятие договора, противоречащего интересам его страны, продлило существование исламизма на полуострове на двести пятьдесят лет.

Успех, сопутствовавший движениям короля Кастилии в недавней кампании, побудил его к дальнейшим и еще более напряженным усилиям. Севилья, величайший город мусульманской Испании, центр региона необычайного плодородия, центр самой прибыльной морской и внутренней торговли, город, богатство и многочисленные достопримечательности которого вряд ли могли быть преувеличены ни гордостью мавра, ни алчностью испанца, все еще находился в руках неверных. В то время его население, увеличенное тысячами беженцев и изгнанников, было больше, чем в любой предыдущий период его истории. Плодородие почвы и терпеливый труд земледельца устраняли последствия иностранного грабежа и домашнего насилия. Его окрестности, удаленные от очага войны, не пострадали от повторяющихся и систематических опустошений, подобных тем, которые обрушились на пригороды Кордовы. С вершины Хиральды на расстоянии пятидесяти миль во все стороны была видна сплошная масса зелени, усеянная фермерскими домами и виллами, перемежающимися оливковыми плантациями, виноградниками и апельсиновыми рощами, пересеченными серебряными нитями бесчисленных каналов и речушек. Иногда развалины деревушки или заросли кустарника, покрывавшие поверхность некогда цветущего района, возвещали о бывшем присутствии врага, но в целом внешний вид окружающей местности существенно не отличался от того, какой она была в самые процветающие дни мусульманского владычества. Набережные города были забиты кораблями из всех портов Средиземноморья. Улицы кишели людьми. Рынки, обеспеченные как самыми обычными предметами повседневного потребления, так и самыми дорогими предметами роскоши, безошибочно свидетельствовали об общем процветании, а внушительные и великолепные здания, предназначенные для общественной пользы, частной показухи и религиозного поклонения, свидетельствовали о необычайном развитии архитектурного вкуса и существенных результатах королевской щедрости. Таким образом, во внешнем облике Севильи все еще являла собой очевидный, хотя и обманчивый образ имперского величия. Однако ее власть, как прекрасно осознавали ее граждане, покоилась на ненадежном и рушащемся фундаменте. Многие из этих граждан когда-то были жителями процветающих общин, которые судьба войны отдала в руки безжалостных христиан. Их мечети были осквернены. Их домашние боги были рассеяны. Их дети находились в гаремах распущенных дворян или священнослужителей. Они больше, чем все остальные, понимали плачевные результаты завоеваний и тот настойчивый, неукротимый, непреклонный дух, который вдохновлял христианские армии на принятие мер и руководил их передвижениями. Опасения, которые так долго волновали жителей Севильи, теперь были близки к осуществлению. Как в политическом, так и в географическом смысле город и его окрестности были полностью изолированы. На юге простиралось Средиземное море; во всех остальных

направлениях кастильская держава вторгалась в пределы севильской территории; единственный монарх родственной крови и общей веры был вассалом врага. Другие причины сговорились сделать разделение более полным. Берберское влияние, угасшее в других частях Испании и быстро исчезающее на своем первоначальном месте за морем, все еще сохраняло ненадежный, но решительный плацдарм в центре Андалусии. Эмир Севильи Абу-Абдаллах был принцем династии Альмохадов. Непопулярность этой ненавистной расы ни в коей мере не уменьшилась из-за ее способности приносить либо существенную пользу, либо серьезный вред. В душе арабского партизана вся остальная вражда примирялась при столкновении со всеобщим отвращением, которое было связано с именами и характером альмохадов и африканцев. Два с половиной столетия прошло с тех пор, как недоверие и пристрастие Аль-Мансура возвысили до постов, наделенных выдающимся достоинством и властью, представителей расы, которую арабская гордость презирала как низшую, и чье влияние, как убедительно доказал последующий опыт, было непостижимо разрушительным для искусства, образования и всех инстинктов цивилизации. С того рокового дня господство ислама на Западе неуклонно снижалось. Последствия врожденного зла несовершенной политической системы и непокорного характера смешанного населения, элементы которого были неспособны к полному и постоянному слиянию, обычно приписывались зловещему влиянию, которым племенные предрассудки и наследственная недоброжелательность наделяли каждое действие агрессивной и в конечном итоге доминирующей фракции.

Капитуляция Хаэна и неожиданная покорность короля Гранады придали делу Фердинанда необычайную силу и известность. Его мавританские враги, а также восхищенные подданные и союзники считали его оружие непобедимым. Жители Севильи с ужасом слышали о сносе последнего бастиона, охранявшего границу, и о дезертирстве последнего мусульманского принца, который, несмотря на живучесть древних предрассудков и память о недавних обидах, как наивно надеялись, все еще мог выступить заодно с приверженцами той же религиозной веры против врагов ислама. Активность завоевателя оставляла им мало времени для принятия оборонительных мер. Знатные вассалы королевства были созваны в лагерь в Кордове, отправной точке кампании. Среди них был Мухаммед, чья верность своему сюзерену была засвидетельствована свитой из пятисот отборных и великолепно скакавших всадников. В Бискайю был отправлен приказ снарядить и направить флот для блокады устья Гвадалквивираи перехвата всех сообщений с Африкой. Окрестности Кармоны были опустошены огнем и мечом. Алькала де Гвадаир был взят и представлен королю Гранады в знак уважения и доверия со стороны своего феодала. Когда основные силы армии были готовы двинуться в путь, Фердинанд получил известие о смерти своей матери, королевы Беренгелы, которая в преклонном возрасте семидесяти шести лет была регентом королевства и советницей своего сына, способной взять на себя заботы и ответственность за великую и беспокойную империю. В сознании stoического и амбициозного монарха Кастилии горе семейной утраты было без колебаний подчинено важным интересам страны и религии. Кампания была начата без промедления. Безжалостная политика эпохи, которая сделала войну с варварством, к счастью, исчезнувшим, требовала абсолютного уничтожения всего, что могло дать врагу убежище или средства к существованию. Кастильцы, действуя по этому принципу, вскоре превратили прекрасную равнину Севильи в место ужасающего запустения. Дома были сожжены. Урожай был втопан в землю. Виноградники были уничтожены. Фруктовые сады, апельсиновые рощи, плантации миндаля и граната были вырублены и подожжены. На многие лиги во всех направлениях вид был закрыт густыми облаками дыма, поднимавшимися от наполовину сгоревших деревьев и горящих

деревень. Сам город был окутан тьмой, которая временами делала улицы непроходимыми и превосходила мрак беззвездной ночи. Эта демонстрация жестокости не осталась незамеченной для жителей наиболее незащищенных городов Андалусии. Кармона, Лоха, Алколея поспешили заключить соглашение с захватчиком. Другие, среди которых была крепость Кантильяна, держались до последнего и получили ужасный урок за свое упрямство. Все места, оказавшие сопротивление, были взяты штурмом, преданы разграблению, и каждое живое существо в их стенах было безжалостно убито. Капитуляция других городов и полное опустошение страны лишили жителей Севильи перспективы получения подкреплений и средств снабжения. От урожая, уничтоженного кастильской кавалерией, зависело пополнение истощающихся запасов в столице, а на сопротивлении отдаленных крепостей основывалась надежда получить время для сбора урожая. Единственным ресурсом принца Альмохадов теперь были его родственники по ту сторону пролива. Его призыв о помощи был услышан пожертвованием флота из двадцати галер, который попытался остановить продвижение христианской эскадры, собирающейся подняться по Гвадалквивиру. Произошло морское сражение; мавры, несмотря на их численное превосходство и большой опыт в такого рода столкновениях, потерпели поражение, и кастильцы, беспрепятственно поднявшись вверх по реке, бросили якорь перед городом. Прибытие эскадрона послужило сигналом к энергичным действиям. Армия, которая до сих пор ограничивала свои усилия преследованием незащищенного крестьянства, была введена в рамки дисциплины. Установившаяся политика христианских государей, которые при проведении важных предприятий старались внушить осажденным безнадежность длительного сопротивления, была снова замечена. Для укрытия солдат были возведены солидные здания. Вдоль улиц тянулись магазины, которые, разделенные в соответствии с различными профессиями, свидетельствовали о занятиях и движении большого города. Семьи военнослужащих поселились в укреплениях. Были установлены строгие полицейские правила. Укрепления, материалы и общий план которых были достаточно прочными и долговечными для защиты густонаселенного города, а не для обороны временного лагеря, выросли на глазах у обескураженных мусульман. А. поддерживалась строгая блокада; грабительские вылазки христиан распространялись за пределы и без того разоренной территории, и выжившие жители провинций были вынуждены воспользоваться неприступной безопасностью горных твердынь. Трудности, связанные с осуществлением предприятия, за которое он взялся, вскоре поразили кастильского короля. Севилья в то время была одним из лучше всего укрепленных городов Европы. Он также был одним из самых густонаселенных, поскольку насчитывал восемьдесят тысяч семей, разделенных на двадцать четыре племени в соответствии с древнеарабской системой; и, поскольку эти семьи были полигамными, число его жителей вряд ли могло быть меньше пяти сот тысяч. Долгое время подвергавшийся опасностям революции и завоеваний, он был укреплен каждой династией, которая им управляла. Его окружала двойная линия стен, защищенных рвом. Его внешние сооружения отличались необычайной прочностью, среди них Золотая башня, которая до сих пор сохранилась в отличном состоянии и указывает на массивное сооружение этих оборонительных сооружений, охранявших подход со стороны реки. Нынешнее состояние укреплений, некоторые из которых были возведены одновременно с цезарями, наводит на мысль о легкости, с которой можно было отразить нападение врага, обеспеченного только сравнительно несовершенными средствами средневековой инженерии. Его величайшей слабостью было множество беженцев, которые, изгнанные с открытой местности, наводняли его жилища, вызывая, из-за безрассудного пренебрежения санитарными мерами

предосторожности и возросшего потребления провизии, коварное приближение болезней и голода.

Использование влияния Святого Престола в войнах за Валенсию создало прецедент, слишком ценный, чтобы им пренебрегали в нынешней чрезвычайной ситуации. Вновь потребовалось чрезвычайно эффективное вмешательство папства, чтобы пробудить скрытый энтузиазм Европы. Со всех уголков Испании, из каждой страны, находящейся под духовной юрисдикцией Рима, добровольцы маршировали, чтобы присоединиться к легионам христианского мира у ворот Севильи. В отличие от прежних крестовых походов, которые принимали более или менее партийный характер и на призывы которых обычно не обращали внимания, за исключением тех, кто был непосредственно заинтересован в результате, представители всех государств, окружающих Пиренеи, Средиземное море и океан, поспешили принять участие в опасностях и разделить славу кампании, призванной устранить из Южной Андалусии самое серьезное препятствие на пути к христианскому господству и самого грозного противника испанского могущества. Принцы Кастилии, Арагона, Португалии появились в сопровождении рыцарей своих нескольких королевств. С кафедр тысячи соборов и церквей раздался волнующий призыв к оружию. Неистовые призывы к фанатизму масс звучали как со стороны знаменитых прелатов на больших церковных собраниях, так и со стороны странствующих монахов у придорожного креста. Епископы сбрасывают с себя одеяния алтаря ради военного доспеха. Митрополит Сантьяго, сопровождаемый группой галисийских крестьян, прибыл, чтобы своими призрачными советами и вдохновением святого покровителя Испании внести свой вклад в окончательное свержение проклятого неверного. Пестрое сборище иностранцев с сомнительным прошлым и корыстным характером увеличивало численность, если не эффективность, христианского воинства.

Осада Севильи, длившаяся семнадцать месяцев, оказалась самой тяжелой и упорной борьбой в истории Реконкисты. Город, с одной стороны которого протекала река, легко доступная для врага, а с другой стороны его окружала обширная и ровная равнина, был неизбежно вынужден полагаться в своей обороноспособности и преимуществах главным образом на искусство и изобретательность человека. По ту сторону Гвадалквивира находился пригород, ныне известный как Триана, чьи укрепления, не уступавшие по силе укреплениям самой столицы, были укомплектованы храбрым и решительным гарнизоном. Мост из лодок, пришвартованных тяжелыми цепями, соединял город и пригород. Сообщение между этими двумя пунктами было источником постоянного раздражения кастильцев, и едва строительство было завершено, как король Гранады вызвался взяться за разрушение моста. Была подготовлена флотилия огненных плотов, но их выбросило на берег, так и не достигнув места назначения. Впоследствии цель осаждающих была достигнута с помощью лодок, груженных камнями, вес которых под действием силы течения разрушил мост и выбросил его раскачивающиеся обломки на противоположные берега реки. Изоляция Трианы не вынудила к капитуляции город, который был одним из главных объектов нападения. На разрушенном мосту частые вылазки гарнизона все еще несли смерть и ужас в ряды христиан. Ни один народ того периода не был так хорошо знаком с искусством оборонительной войны, как испанские мусульмане. Внезапная вылазка, перестрелка, ночная атака были не более свойственны их натуре, чем их способность обнаруживать и умение срывать хорошо вызревшие замыслы врага. Крепостные стены Севильи и Трианы были оснащены самыми мощными машинами, известными военной науке того времени. Сарацинские катапульты метали на огромные расстояния и с сокрушительной силой массы камня и железа весом более тысячи фунтов. Их балисты выпускали сотню стрел

одновременно, и сила этих снарядов была настолько огромной, что они с легкостью пронзали лошадь, полностью закованную в сталь. Секрет состава греческого огня мавры узнали задолго до этого от солдат Константинополя, и это опасное разрушительное средство в их руках достигло даже более высокой степени эффективности, чем где-либо еще. Множество передвижных башен вместе с их несчастными обитателями были поглощены неугасимым пламенем прежде, чем они успели приблизиться к стенам. Учитывая длительную осаду, укрепления города был нанесен лишь незначительный ущерб. Обычные ресурсы инженерного мастерства стали бесполезны перед лицом бдительности и решимости гарнизона. Неоднократные попытки захватить здание с помощью *escalade* были отбиты. Было признано невозможным минировать стены. Из-за точности и проникающего действия снарядов, выпущенных врагом, машины христиан не могли работать на расстоянии, которое оказалось бы эффективным. Обычные средства, имевшиеся в распоряжении атакующих сил, потерпели неудачу, и стало необходимым прибегнуть к блокаде, которую большое количество осажденных должно было в конце концов привести к успеху. Таким образом, в конце концов выяснилось, что голод и отчаяние являются более мощным оружием, чем все военные средства, находящиеся в распоряжении обширной монархии, чем энтузиазм великой нации, чем объединенные усилия тщательно организованной иерархии, чем даже благословения и индульгенции папского престола. Все эти воздействия были направлены на то, чтобы подчинить себе мавританскую столицу, и все они до сих пор оказывались бесполезными. Мусульмане, склонные прийти к соглашению до того, как их провизия будет полностью израсходована, а терпение их врагов истощится, попытались договориться на основе обычной дани и вассалитета — предложения, которое король Кастилии категорически отказался рассматривать. Затем они продолжали предлагать уступки, все более и более благоприятные для достоинства христианской монархии, пока, наконец, не был согласован мирный договор. Благочестивые мусульмане с величайшей неохотой согласились на сдачу своей великой мечети, которая вместе со своим минаретом была самым священным и самым заметным памятником города. Они предложили его снос в качестве одного из условий капитуляции. На это Фердинанд ответил, что если бы хоть один кирпич здания был потревожен, он не оставил бы в живых ни одного мавра в Севилье. Титул на столицу и ее владения был передан кастильской короне. Жителям, которые предпочли остаться подданными завоевателя, было гарантировано соблюдение их законов и их религии, и они должны были облагаться только налогами, узаконенными мусульманскими обычаями; тем, кому такие предложения были противны, разрешалось сохранить свое личное имущество и был обещан переезд в любую землю, принадлежащую их единоверцам, которые они могли без ограничений выбрать. Политика двора, который обычно поощрял нарушение международных договоров, не способствовала сохранению населения, чьи навыки и трудолюбие были истинными источниками богатства Андалусии. Оставшиеся в живых представители династии Альмохадов перебрались в Африку. Подавляющее большинство мавров эмигрировало в Гранаду, где щедрость их нового правителя и их собственная энергия и настойчивость вскоре подняли их благосостояние на более высокий уровень, чем когда-либо. Поведение Мохаммеда I., который неумолимым волеизъявлением судьбы оказался в аномальной и болезненной ситуации, вызвало безграничные похвалы как друзей, так и врагов. Его усилия во многом способствовали успеху христиан. Его военные достижения и личная храбрость вызывали восхищение кавалеристов, сведущих в каждом военном упражнении и во всех военных хитростях. Он пользовался уважением и доверием своего королевского сюзерена. И все же, участвуя в триумфах своих новых союзников, он никогда не отказывался от уз крови и веры, которые все еще связывали его с соотечественниками. Его заступничество обеспечило им

выгодные условия в день бедствия и унижения. Его сочувствие смягчило горечь поражения. И когда побежденным не оставалось другой альтернативы, кроме капризного потворства коварному врагу или добровольного изгнания, они находили под его скипетром надежное и счастливое убежище от оскорблений и угнетения. Таким образом, благодаря политическому и великодушному поведению короля Гранады население его владений пополнилось более чем сотней тысяч самых трудолюбивых крестьян в мире. Эти колонисты получили обширные земельные наделы. Правительство предоставило им семена и сельскохозяйственные орудия, и они были освобождены от всех налогов на несколько лет. Благодаря этой великой иммиграции, которая привела к обнищанию территории, завоеванной христианами, штаты Гранада получили пропорциональное увеличение прибыли и изобилия.

Оккупация Севильи кастильцами характеризовалась обычными церемониями, связанными с захватом мусульманского города. Мечети были очищены и освящены для христианского богослужения. При разделе добычи и распределении богатых состояний мусульман Церковь без возражений пользовалась привилегиями приоритетного отбора и непомерной оценки услуг. При разделе владений неверных притязания алтаря быстро становились первостепенными по сравнению с правами короны. Церковная юрисдикция, приостановленная со времен господства вестготов, была восстановлена. Была учреждена столичная епархия. Множество религиозных домов было основано благочестием короля и усердием или раскаянием его последователей; тысячи колонистов заполнили вакансии, образовавшиеся в результате эмиграции, и Севилья в течение нескольких месяцев приобрела унылый и безрадостный вид испанского города. Приморский район Андалусии на западе, а также города, расположенные между столицей и побережьем, последовательно признали претензии Испании на суверенитет, и вскоре неоспоримая власть Кастилии и Леона распространилась от Бискайских гор до Средиземного моря.

Пока происходили эти события, короли Арагона и Португалии вырвали из рук мусульман, ослабленных внутренними раздорами и постоянными поражениями, последние осколки империи халифов; и от обширной территории, некогда находившейся под властью могущественных властителей Кордовы, остался лишь единственный округ, обозначенный в перечне их государств как провинция, но теперь с каждым днем приобретающий все большую известность как подчиненное, но могущественное королевство Гранада.

Характер Фердинанда III, как и многих его преемников, был в значительной степени сформирован наблюдениями церковных советников. Он был самым решительным созданием своего века — века романтических начинаний, ошибочного благочестия, религиозной нетерпимости. Подобно королю Арагона, его современнику, первые годы его правления были омрачены внутренними раздорами. Подобно ему, он также одержал победу с помощью духовенства. Глубоко проницательный, он всегда был готов извлечь выгоду из фракционных распрей своих неверных врагов. Он значительно усилил свою власть, предоставив кастильские войска для удовлетворения амбиций или вражды сарацинских партизан в обмен на уступку важных замков и плодородных территорий. Будучи притворно нейтральной страной, попеременно поддерживая притязания и разжигая вражду соперничающих мусульманских принцев, корона Кастилии всегда была в выигрыше. Король Фердинанд был достойным представителем прозелитического духа, который характеризовал его королевскую династию с

самого установления монархии. Популярный в массах, его подданные объявили его достойным канонизации еще при его жизни. Для церковного ордена он был идеальным сувереном. Его пожертвования Церкви были частыми и расточительными. При захвате завоеванных городов он всегда позволял распятию преобладать над скипетром. Когда несчастные альбигойцы, спасаясь от пыток Монфора и мечей его воинов, попытались найти убежище за Пиренеями, благочестивый король Кастилии сжигал всех, кто попадался ему в руки, и даже исполнил в высшей степени почетный долг, лично присутствуя при жертвоприношении и подбрасывая хвороста в погребальные костры, на которых сгорели эти упрямые и отвратительные еретики.

Завоеватель Андалусии устроил свою последнюю резиденцию в крупнейшей из провинциальных столиц, склонившихся перед непобедимыми усилиями его оружия. За несколько часов до своей смерти, тридцатого мая 1252 года, в глубочайшем смирении он принял последнее причастие, стоя на коленях на голой земле, с веревкой на шее, в облике и позе осужденного преступника.

В великом соборе Севильи, самом несравненном памятнике церковной архитектуры в Европе, в его память возведена великолепная часовня. Перед главным алтарем почитаемый монарх покоится в массивном серебряном ларце. Над коленопреклоненными верующими возвышаются конные изображения, закованные в доспехи тринадцатого века. На стенах, высеченных в камне, изображены исторические гербы Кастилии и Леона. На королевской гробнице есть надпись на четырех языках — латыни, испанском, иврите и арабском — соответствующие идиомы духовенства, народа, данников и покоренной расы. Вокруг него в каждую годовщину его смерти когда-то неподвижно и в молчании стоял отряд гранадских мавров с зажженными свечами в руках. Сегодня три раза в год тело самого знаменитого монарха Кастилии выставляется на всеобщее обозрение, украшенное со всей королевской пышностью - короной, скипетром, мантиями; отслужена месса, и полк солдат отдает честь истлевающим останкам одного из самых выдающихся и успешных военачальников своего времени.

ГЛАВА XX

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РЕКОНКИСТЫ

1252-1475

Состояние мавританской Испании после смерти Фердинанда III.—Вторжение Ибн-Юсуфа—Огромное богатство и власть испанского духовенства—Общественные беспорядки—Энергия Мохаммеда I.—Его достижения—Мохаммед II.—Мир с Кастилией—Характер Альфонсо X.—Осада Тарифы—Мохаммед III.—Взятие Аль-Назера—Исмаила—Базы—Мохаммед IV.—Империя Фес—Поражение африканцев на равнине Пагана—Юсуф—Разгром Саладо—Альфонсо XI. захватывает Альхезирас—Великолепные общественные работы королей Гранады—Мохаммед V.—Исмаил II.—Абу-Саид—Он отправляется ко двору Педро эль Жестокого и убит—Юсуф II.—Мохаммед VI.—Юсуф III.—Мохаммед VII.—Мохаммед VIII.—Ибн-Исмаил—Гибралтар взят кастильцами—Характер Мулея Хассана—Критическое состояние испанских арабов—Надвигающееся разрушение Королевства Гранада.

Взятие Севильи завершает важную эпоху Реконкисты. Повествование о событиях, связанных с состоянием и поведением покоренных мавров в течение длительного периода, который разделял правления Фердинанда Святого и Фердинанда католика, представляет собой меланхолическую и отталкивающую картину неприкрытого вымогательства и успешной измены, нарушенных обещаний и кровавой мести. Угнетенные поборами и жестокостью своих повелителей, несчастные приверженцы ислама не раз искали облегчения в безнадежных восстаниях. Мусульманское население Валенсии, насчитывающее триста тысяч человек, предприняло отчаянную, но безрезультатную попытку вернуть себе независимость. В качестве наказания за это их изгнание было решено королем Арагона — мера, предложенная и продвигаемая духовенством. Знать, не желая жертвовать своими доходами, поощряла сопротивление своих вассалов; и влияние аристократии было таково, что монарх, чтобы наказать изменника, был вынужден покупать согласие своих слишком могущественных подданных пожертвованием больших сумм денег. Вереница изгнанников заполнила шоссе на расстояние пяти лиг, и огромная сумма в сто тысяч золотых монет была собрана в качестве пошлины только с тех, кто удостоился дорогостоящей привилегии пересечь кастильскую границу.

Семьдесят тысяч других, решивших попытаться счастья с помощью меча, три года сражались с героическим, но бесполезным мужеством против всех ресурсов арагонской монархии. В конце концов они были побеждены и вынуждены покинуть королевство; многие из их пустующих земель были захвачены короной; наиболее желанные поместья отошли Церкви; часовня заменила мечеть, нищенствующий монах - рабочего; сельское хозяйство было заброшено; механическая промышленность пришла в упадок, и бродяги и преступники из всех сопредельных государств, потомки которых теперь пользуются репутацией свирепых, мстительных и вероломных, распространившейся в самых отдаленных уголках Европы, поспешили занять покинутые жилища того, что было надлежащим образом названо земным раем.

Мусульманские данники различных христианских князей участвовали в бесконечных конфликтах по поводу каждого спорного престолонаследия, всегда в ущерб себе, часто к своему разорению. В этот переходный политический век, когда границы, разделяющие великие державы страны, были настолько размыты, что иногда их было невозможно различить, и когда старейшие родственные связи постоянно разрывались из-за мести или стремления к империи, в каждом королевстве, штате и городе Испанского полуострова царил хаос.

Блестящие кампании Фердинанда III. расширили далеко за свои первоначальные пределы некогда незначительное королевство Кастильской монархии. Его подвиги укрепили веру и воспламенили энтузиазм его подданных. Трофеи, завоеванные мусульманами, почти непрерывная серия триумфов, обширные и постоянно увеличивающиеся владения указывали правоверным на особое и снисходительное покровительство Бога. В сознании населения, в котором доминировали гордость за победу и надежда на завоевание, не было места мягким и прозаичным мирным устремлениям. Гуманизирующие выгоды торговли считались ниже достоинства нации, посвятившей себя военному делу, и ее занятие было передано государствам Адриатического моря, которые одновременно презирались и вызывали зависть за их интеллект, проницательность и процветание. Повсеместное распространение церковных легенд, подлинность которых провозглашалась с каждой кафедры, уничтожило всякий вкус к историческому сочинительству. Истории земных героев, рассказы о взлете и падении великих

империй и королевств, прогресс искусств, триумфы цивилизации были презрительно отброшены в сторону ради чудес вымышленных святых и абсурдных чудес суеверий.

С увеличением численности, огромными доходами и политическим влиянием, которое нередко контролировало указы королей и соборов, Церковь на полуострове, как и везде, давно отказалась от своей примитивной простоты веры и богослужения. Манеры его прелатов были более высокомерными, чем у величайших монархов. Самые плодородные земли каждой провинции были распределены между его слугами. Его здания располагались в самых живописных местах. Благодаря пожертвованиям богатых прозелитов, трофеям побежденных неверных, благодаря угрызениям совести благочестивых и опасениям умирающих в его казну ежегодно поступали огромные суммы. Главы религиозных домов по королевской хартии или папской узурпации обладали и беспрепятственно пользовались привилегией жизни и смерти своих вассалов. Некоторые из них уступали по старшинству и прерогативам только королю. Власть и богатство, которыми пользовались эти заведения, в наши дни мало понятны. Монастырь Лас-Уэльгас, основанный Альфонсо VIII недалеко от Бургоса, является лишь одним из многих примеров, которые можно привести. Его здания демонстрировали высочайшую степень архитектурного великолепия, на которую была способна эпоха. Триста городов и деревень признали власть настоятельницы, которая была принцессой палатинской. Аренда его поместий составляла баснословную сумму, которая часто, во времена общественных беспорядков, намного превышала доходы короны. Состояния, дарованные его обитателями, все из которых должны были быть благородного происхождения, составляли немалую долю его огромного и постоянно растущего богатства. В его часовне находились мавзолеи королей и принцев, искусно вырезанные из мрамора и алебаstra. Перед его алтарем многие личности были посвящены в рыцари, среди них король Англии Эдуард I. Почтение, с которым относились к этому монастырю, соответствовало роскоши, окружавшей его, и авторитету надменной сановницы, которая распоряжалась его судьбами и деспотически управляла своими слугами и иждивенцами. Таково было одно из бесчисленных церковных учреждений, которые покрывали полуостров, выпрашивая дары у благочестивых, искушая жертвоприношения у суеверных и пробуждая благоговейный трепет у невежественной и легковерной толпы.

Отношения между религиозными, политическими и военными орденами были тогда в Испании более тесными, чем в любой другой стране мира. Епископы отправились на битву в полном вооружении, за ними следовали вереницы вооруженных вассалов, и в час испытания выяснилось, что доблесть этих воинственных солдат Церкви не уступала доблести их более грубых товарищей, всю жизнь привыкших к тяготам и опасностям войны. В короткие и нечастые периоды мира честолюбивый священнослужитель предавался своему беспокойному духу в опасном и захватывающем развлечении - политических интригах. Не планировалось ни покушения, ни заговора, но посох и распятие были найдены бок о бок с мечом и кинжалом. При таких ассоциациях неудивительно, что пороки лагерей и безжалостная свирепость, отличавшие наемных крестоносцев, нашли пристанище в тихих обителях религиозного уединения. Выбор пленниц был оставлен за епископальным сластолюбцем. Подземные хранилища монастыря были снабжены самыми совершенными орудиями пыток. Самая богатая добыча была передана в пользу собора и аббатства. Богатство последнего было невероятным. Совокупные доходы архиепископского престола Толедо в четырнадцатом веке составляли двести шестьдесят тысяч дукатов, или четыре с половиной миллиона долларов; доходы трех великих военных орденов составляли сто сорок пять тысяч дукатов, или свыше двух миллионов. Состояние нравов, преобладающих среди духовенства, было раскрыто эдиктом Альфонсо X., которым он

предоставил священнослужителям, посвященным своими обетами и канонами Церкви в состояние бедности и безбрачия, привилегию завещать свое богатство потомству своих наложниц. Во времена правления Генриха III любовница короля была назначена настоятельницей женского монастыря с общепризнанной целью исправления его обитательниц! Безнравственность религиозных учителей, чье поведение, столь расходившееся с их профессией, едва ли вызывало комментарии, незаметно подействовала на людей. Распушенность кастильцев, от короля до нищего, вошла в поговорку. Незаконнорожденные отпрыски монарха часто имели преимущество перед законными наследниками трона. Знать с равнением подражала примеру членов королевской семьи, а жизнь низших слоев общества была невероятно расточительной. Политическая честь и неприкосновенность частной жизни практически исчезли. Обязательства верности, выполнение контрактов, торжественные обязательства, которые связывали во взаимной зависимости сеньора и вассала, обычно нарушались. Совершение преступлений, часто подстрекаемых властями, назначенными для наказания за них, оставалось безнаказанным. Дороги кишели преступниками. Поля были опустошены, и целые районы обезлюдели, потому что трудолюбивые крестьяне не желали трудиться, когда их угнетатели собирали урожай. Буйная аристократия, когда не была занята преследованием наследственных распрей, без всяких тайн и извинений грабила владения и присваивала доходы короны. Король часто был вынужден закладывать знаки отличия своей должности, чтобы получить предметы первой необходимости. Духовенство и знать прибирали к рукам богатства королевства. К порче чеканки монет, этому плодотворному источнику стольких зол, часто прибегали. Во многих частях страны сельское хозяйство было практически заброшено; торговля была парализована, а эпидемия, спутница грязи, запущенности и голода, полностью уничтожила густонаселенные общины. Расходы, связанные с непрекращающейся войной, ложились новым бременем на страдающий и отчаявшийся народ. За один год в Арагоне суммы, израсходованные на выкуп пленных, составили четыреста тысяч флоринов. Среди этой полной деморализации общества, от которой не были освобождены ни один класс и сравнительно небольшое число индивидуумов, только в армии сохранилось слабое подобие чести и добродетели. Кастильский солдат, всегда храбрый и великодушный, несмотря на суеверия, которые часто пятнали его характер, с благоговением склоняясь перед алтарем, хранил свое тайное почтение Богу Войны. Когда его оружие не применялось против неверных, ныне ограниченных одним уголком полуострова, оно было обращено против его соседа. Его воображение было ослеплено историей его предков; его мужество было воодушевлено надеждой, что он сможет сравняться или даже превзойти их почти сверхчеловеческие подвиги. Военная карьера была самым верным путем к наслаждению славой, к приобретению богатства, к аплодисментам толпы, к улыбкам красавицы, ко всем тем преимуществам, которые человечество считало наиболее желанными в этой жизни и за которые каждый суеверный век с удивительной непоследовательностью был готов обменять перспективу будущего счастья и вечной славы в жизни грядущей. Помпезное великолепие средневекового убранства сильно вызвало ко всем чувствам, которые могли произвести впечатление или повлиять на разум придворного дворянина или неграмотного крестьянина. Шелка и золотое сукно; сверкающие доспехи, причудливо инкрустированные драгоценными металлами; сверкающие драгоценные камни; лошади в великолепных пополах; плащи, расшитые королевскими гербами и наводящими на размышления девизами; украшенное драгоценными камнями оружие, вес и размеры которого указывали на то, что физическая сила и ловкость рук были наиболее полезными качествами солдата, который гордился своей вежливостью не меньше, чем доблестью, — вот те привлекательные качества, которые с непреодолимой силой побуждали

представителей всех слоев общества к самой увлекательной и прибыльной из всех профессий — торговле оружием.

До правления Альфонсо X. поиск писем, оставленный монахам, практиковался исключительно в монастыре. Более или менее тесные отношения, поддерживавшиеся в разные периоды между дворами Кастилии и Гранады, великие университеты и коллегии Мавританского королевства, драгоценные литературные памятники, уцелевшие после крушения Западного Халифата, традиции цивилизации, более изящной и отточенной, чем до сих пор знал мир, не произвели заметного впечатления на тех диких воинов, которые с триумфом пронесли знамя Креста от ущелий Астурии до берегов Гвадалквивира. Мечети покоренных мусульман были искажены неуместными пристройками и почернели от дыма благовоний. Изысканные работы арабских и византийских художников были покрыты известью. Научные инструменты, на которые почти все смотрели со смешанным страхом и подозрением как на адский аппарат для преследования магии и вызывания демонов, были разбиты вдребезги. Каждый экземпляр Корана, который удалось найти, был уничтожен. Те произведения на арабском языке, которые попали в руки духовенства, были немедленно преданы огню как имеющие дьявольское значение. Прекрасные дворцы и виллы мавританских принцев пришли в упадок. Когда по прошествии лет захотелось частично восстановить их изящный орнамент, не удалось найти никого, кто понимал бы этот процесс, — он был полностью утерян. Прекрасные плантации Андалусии, пересеченные тысячу речушек, изобилующие обильными урожаями, благоухающие цветами редких экзотических растений, снабженные всеми растениями, служащими комфорту или удовлетворению человека, были превращены в обширное и унылое уединение.

Рыцарь не считал достойными подражания ни качества, ни вкусы неверного, за исключением его полигамных привычек, а также его храбрости и ловкости в бою — храбрости и ловкости, которые, увы! были недостаточны, чтобы остановить и едва ли способны затормозить упорное и неумолимое наступление испанских завоевателей.

Социальные, политические и религиозные условия Кастильской монархии, описанные на предыдущих страницах, становятся наиболее важными при рассмотрении причин продления мавританского господства в Испании. Королевство Гранада, как и королевство Кастилия, было раздираемо внутренними распрями. Окруженное могущественными и враждебными государствами, оно поддерживало свое существование главным образом за счет непрекращающихся ссор со своими соседями. При дворе и в столице процветали государственная измена и преступность. Эмир за эмиром, чьи титулы были получены в результате убийства их родственников, сменяли друг друга на троне. Многочисленное и буйное население, бежавшее перед непобедимыми эскадрами завоевателя, заволокло его провинции. Смешанный характер последнего и мятежные элементы, из которых он состоял, делали его всегда готовым к восстанию. Многочисленное потомство царского гарема также было бесконечным и грозным источником опасностей и раздоров. При таких обстоятельствах, находясь под угрозой неминуемого уничтожения, когда знамена Кастилии часто виднелись на башнях Альгамбры, его полуночное небо озарялось светом горящих деревень, его границы сужались почти при каждом набеге христиан, мавританское королевство сохраняло свои позиции после смерти Фердинанда III. до восшествия на престол католических монархов длился период в двести двадцать два года, бурное и ненадежное существование. Монотонность того долгого и унылого периода не нарушалась никакими крупными событиями и разнообразилось только грабительскими набегами, случайными осадами укрепленных городов,

— некоторые из которых, Альхезирас, Тарифы, Гибралтар, были навсегда потеряны для мусульманской империи, - и теми бедствиями, которые случались с упадком нации, части которой утратили свою сплоченную мощь, а ресурсы были истощены в изменнических предприятиях и гражданской войне, вместо того чтобы использоваться для противодействия усилиям общего врага.

Мухаммед I, как только он узнал о смерти короля Фердинанда, поспешил выразить свое уважение к своему бывшему повелителю, отправив сотню мавританских дворян в Севилью, где, одетые в глубочайший траур и с зажженными свечами, они сопровождали тело монарха к могиле. Благодаря политике или уважению союз между дворами Гранады и Кастилии был возобновлен; эмир в знак зависимости засвидетельствовал почтение Альфонсо как своему сюзерену; и это состояние вассалитета, скорее номинальное, чем реальное, и скорее свидетельствующее о дружбе, чем о подчинении, существенно продлило срок существования мусульманского королевства, которое в ходе естественных событий неизбежно обречено на гибель. Призванный королем Кастилии сопровождать его в походах против мавров Восточной Андалусии, Мухаммед, связанный взятыми на себя обязательствами, был вынужден обнажить меч против своих единоверцев в интересах и исключительно ради выгоды наследственных врагов его религии и его расы. Аркос, Медина-Сидония, Херес, Лебриха, Ниебла и многие менее известные места попали в руки христиан. С горьким чувством унижения сарацины наблюдали за покорением крепостей, оборона которых была возведена солдатами величайшего халифа, сознавая, что их помощь в немалой степени способствовала победам, которые в конечном итоге должны были повлиять на целостность их собственных владений.

Печальные результаты этого союза не преминули произвести на проницательный ум Мухаммеда аль-Ахмара глубокое и неизгладимое впечатление. Предвидя неизбежное возобновление военных действий с христианами, он использовал все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, чтобы укрепить оборону своего королевства и привести свою армию в готовность к агрессивным операциям. Летучие эскадроны кавалерии, которые всегда были самым сильным подразделением мавританской службы, были реорганизованы и переданы под командование умелых и опытных капитанов. Огромное количество провизии и военного снаряжения было собрано и хранилось на складах в каждой части страны. На границах были возведены новые замки и сторожевые башни. Тайные эмиссары были направлены для разжигания измены и беспорядков в тех городах, которые недавно были присоединены в результате завоевания к кастильской территории и население которых, в основном мавританское, питало непримиримую неприязнь к своим новым хозяевам. Крепости Юга, и особенно Гибралтар, были укреплены, а их гарнизоны увеличены. Были начаты переговоры с эмиром Марокко, которого убедили отказаться от своих сектантских предрассудков и личной неприязни ради продолжения достойного уважения предприятия - сопротивления угрожающим посягательствам христианской державы. Когда все было готово, посольство из городов Медина-Сидония, Мурсия, Херес и Аркос обратилось за помощью к Мухаммеду, пообещав в награду за его вмешательство присоединение их провинций к королевству Гранада. Получив тайные заверения в поддержке, которые действительно уже пробудили надежду на успех, мусульманданники Юга, от Валенсии до границ Португалии, одновременно подняли восстание. Христиане, не знавшие или не обращавшие внимания на надвигающуюся опасность, были безжалостно перебиты. Солдатам жилось не лучше, чем безоружным горожанам, они получили несколько более длительную передышку лишь благодаря проявлению своей высшей доблести и мастерства. Гарнизон Хереса под командованием графа Гомеса после обороны, памятной

даже в те дни рыцарского героизма, погиб до последнего человека. Женщины и дети убитых кастильцев попали в гаремы неверных; многие были отправлены в Гранаду, некоторые проданы в Африку. Город Мурсия был взят отрядом кавалерии, тайно отправленным Мухаммедом. Заговор, имевший целью освобождение Севильи и Кордовы от христианского ига, был раскрыт и сорван по чистой случайности; и попытка вернуть великую мечеть Абд-ар-Рахмана, — в глазах мусульман одно из самых священных сооружений в мире, и все же, несмотря на ее превращение в храм идолопоклонничества, объект глубочайшего почитания миллионов приверженцев ислама, — хотя и безуспешная, не смогла изгнать из умов фанатичных верующих убеждение, что святыня, являющаяся святыней, предназначенной для поклонения идолам. Обогащенный и украшенный щедростью и преданностью халифов, он был обречен в будущем вернуться во владение своих первоначальных владельцев, и его бесконечные приделы снова зазвучали истинами, переданными Духом Всемогущей Мудрости во вдохновенное толкование Пророка Божьего.

Несмотря на тайные и враждебные козни Мухаммеда, о которых король Альфонсо уже более чем подозревал, хитрый мавр все еще поддерживал в своих отношениях с последним видимость союза и дружбы. Но его выжидательное поведение, когда его попросили помочь в усмирении мятежников, вскоре превратило подозрения в уверенность; серьезность опасности стала очевидной, и Альфонсо, окончательно убедившись в притворстве своего вассала, приготовился защищать не только древнее наследие своих отцов, но и недавно приобретенные владения короны.

Грозный отряд африканцев, посланный эмиром Марокко, пересек пролив и присоединился к мусульманской армии, и кровавое, но нерешительное сражение, в котором преимущество оставалось за мусульманами, произошло близ Алькала-ла-Реаля. Страна на границах обоих королевств постоянно подвергалась опустошениям банд мародеров. Мавры восставших провинций, уверенные в защите укрепленных городов, не поддавались нерегулярным и плохо согласованным попыткам вытеснить их, и злоба религиозной ненависти, усиленная веками вражды, которую не могли даже смягчить перерывы в перемириях и взаимные признания в служении, вспыхнула с удвоенной яростью в каждой деревне и городе Южной Андалусии. В присутствии истощенной казны, недовольной и нелояльной знати и активного врага, который распоряжался одновременно ресурсами своего собственного королевства и ресурсами своих союзников в Африке, Альфонсо начал понимать, насколько отчаянным было его положение. Но в то время территория приобреталась благодаря доблести Фердинанда III. казалось, вот-вот будет вырвано из слабых объятий его сына, вошедшее в поговорку непостоянство арабского характера, неизменное ни в чем, кроме удовлетворения личной мести, в критический момент навсегда решило проблему мусульманского господства или порабощения. Африканские союзники, которым по справедливости принадлежала заслуга в победе при Алькала-ла-Реале, вследствие этого пользовались исключительным уважением со стороны благодарного Мухаммеда. Но в глазах андалузских мавров африканцы были еретиками, и своеобразное предубеждение узколобых умов, считающих враждебного сектанта бесконечно более отвратительным, чем вооруженного врага, подкрепленное национальной и провинциальной завистью, сорвало великую и хорошо спланированную революцию. Забыв об их заслугах, фанатичное андалузское население подняло крик негодования против милостей, оказанных африканским вспомогательным войскам; факи, церковные демагоги того времени, раздули пламя религиозной вражды, и дух теологических разногласий, когда-либо столь заметный в мавританских летописях полуострова, снова предпочел торжество неверно направленного

рвления благополучию страны или сохранению империи. Вали из Гуадикса, Малаги и Комареса, выражая чувства сообществ, которыми они управляли, и, возможно, находясь под влиянием стремления к окончательной независимости, предложили засвидетельствовать почтение королю Кастилии, понимая, что он должен защитить их от последствий восстания. Альфонсо с радостью воспринял известие об этом неожиданном усилении и с готовностью принял предложенный союз. Войска вали сразу же с неудержимой яростью обрушились на Вегу, и восставшие города, оставленные эмиром, столице которого угрожали активные эскадры Малаги, через несколько месяцев были вынуждены просить пощады у завоевателя. Большая часть мавританских жителей бежала в Гранаду, чтобы пополнить постоянно растущие ресурсы и население этого королевства, которому еще на протяжении многих поколений суждено было представлять культуру, науку, интеллект и вежливость Западной Европы.

Тем временем Хайме Арагонский по просьбе Альфонсо оккупировал город и территорию Мурсии. Его хорошо известная честность в сочетании с военной репутацией побудили мавров принять его скорее как посредника, чем как врага. Его мудрая и гуманная политика примирила вассалов с их сюзереном; и Альфонсо, проявив недобросовестность, заметную в эпоху нарушенных договоров и невыполненных обязательств, согласился не только покинуть своих союзников, вали, но и помочь в их порабощении, если Мухаммед навсегда откажется от всякого суверенитета над провинцией Мурсия. На этих условиях было заключено перемирие, которое, однако, было немедленно нарушено Альфонсо, который, помимо отказа от его помощи, приказал Мухаммеду признать независимость городов Гуадикс, Комарес и Малага, географическое положение и неприступные укрепления которых позволяли рассматривать их как ключи королевства. Возобновление переговоров привело к более прочным и удовлетворительным результатам, и стены, своевременному отступлению которых кастильский король был обязан восстановлением наиболее ценной части своих недавно приобретенных владений, были отданы на откуп разгневанному эмиру, который купил у христиан временную неприкосновенность от дальнейших военных действий ежегодной данью в двести пятьдесят тысяч золотых мараведи.

Вскоре после этого, когда Альфонсо раздумывал, не следует ли ему снова предать своего вассала Мухаммеда, поддержав своих мятежных подданных, он был отозван в Кастилию в результате заговора знати, возглавляемого графом де Ларой и доном Филиппом, братом короля. Фатальная нерешительность его характера никогда так ярко не проявлялась, как в его обращении с заговорщиками, которые безнаказанно бросали вызов королевской власти как в кортесах, так и во дворце, и которые в конце концов, числом в несколько тысяч человек, включая их вассалов, отказались от своего сюзеренитета, как это разрешено феодальным законом, нашли убежище при дворе Гранады, по пути грабя и опустошая свою собственную страну и не щадя ни богатых владений короны, ни священных зданий Церкви. Мухаммед приветствовал это своевременное укрепление своего престижа и власти с более чем королевским гостеприимством; его выдающиеся гости были размещены в великолепных дворцах, для их развлечения были устроены самые привлекательные национальные представления; они получили заверения в существенной поддержке эмира в спорах с их сюзереном; в то же время проникательный и предприимчивый мусульманин без труда добился обещания их помощи в предстоящем и сомнительном противостоянии со своими непокорными вассалами. С этой целью был организован поход; христианские рыцари смешались со свитой мусульманского монарха, и доблестный отряд выступил из ворот Гранады. Но прежде чем

союзная армия продвинулась далеко от столицы, эмира внезапно постигла болезнь, и он скончался в своей палатке на виду у города, для украшения которого он так много сделал.

Основатель знаменитой династии, Мухаммед был одним из самых талантливых из тех принцев, которые отличались тем, что на протяжении многих смутных поколений поддерживали мусульманский культ и славу мусульманского оружия. Одновременно смелый и коварный, его двуличие проистекало скорее из характера противников, с которыми он был вынужден бороться, чем из хитрой и неблагородной натуры. Доктрина о том, что простительно и, при определенных обстоятельствах, даже похвально пренебрегать самыми торжественными обязательствами, заключенными с неверным, впоследствии приведшая к таким ужасным последствиям среди индийского населения Нового Света, стала, как уже говорилось, общепризнанной максимой католической казуистики. На протяжении всего средневековья международное право, заключение международных договоров, правила воинской доблести, условия почетного мира понимались несовершенно, небрежно применялись на практике и часто намеренно нарушались. Многие недостатки этого великого князя были следствием распущенной морали того времени. Его акты почтения к своим смертельным врагам были всего лишь эпизодами глубоко продуманной политики, проводимой для обеспечения установления и консолидации его власти. Его монархия, угнетенная непрерывными завоеваниями, становилась незаметно сильнее, и ее было легче защищать по мере того, как сужались ее границы. С занятием кастильцами каждого города к и без того многочисленному населению Гранады добавилась толпа трудолюбивых изгнанников со своим домашним скарбом; присоединение, которое принесло с собой немалое богатство и многие качества, более ценные, чем богатство, для приходящей в упадок империи, — привычки к трудолюбию и бережливости, способность приспосабливаться к новым условиям, память о прежних обидах, печальный опыт преследований, надежду на возмездие и непобедимую ненависть к христианскому имени. Именно политическая инкорпорация этого изгнанного и угнетенного народа, которому помогли горные барьеры его последнего убежища, способствовала сохранению для будущей славы и беспрецедентных бедствий цветущего королевства Гранада.

Основание Альгамбры, возможно, сделало больше для увековечения славы Мухаммеда I., чем любое из политических или военных достижений его карьеры. Во время его строительства он общался с рабочими, поощряя их усилия, направляя их труд, вознаграждая их усердие. Но небольшая часть дворца была достроена при его жизни; и она была оставлена для его отдаленных преемников, при более удачливых обстоятельствах и в более утонченный век, чтобы довести до совершенства сказочное здание, спроектированное его вкусом и гением. Во время правления этого великого князя всякое искусство и всякая промышленность получили существенное поощрение; сельское хозяйство, которое при халифах достигло такого экстраординарного развития, снова стало любимым занятием трудолюбивых крестьян; судоходство каждой морской державы доставляло товары Востока и Запада в мавританские порты Средиземноморья; склады были заполнены теми предметами обихода и роскоши, которые удовлетворяли потребности и вкусы знатных и состоятельных людей; горнодобывающие ресурсы Сьерры, долгое время заброшенные из-за внутренних беспорядков и внешней войны, снова получили развитие; каменоломни Сьерра-Леоне были открыты. яшма и мрамор снова пожертвовали свои сокровища для украшения дворцов и мечетей; общественные бани и больницы, оборудованные всеми удобствами и приспособлениями, известным медицине и хирургии в стране, которая по своему знакомству с этими науками и их применению превосходила все остальные в Европе, выросли в главных городах королевства; а

всеобщая бережливость и довольство, проявлявшиеся во внешнем виде людей, служили убедительным свидетельством мудрости, справедливости и бдительности, с которыми ими управляли. Забота монарха также не ограничивалась материальными нуждами его подданных. Количество школ, колледжей и других учебных заведений в этой части полуострова превзошло все предыдущие эпохи. Библиотеки, на полках которых все еще можно было найти некоторые из тех томов, которые пережили крушение и рассеяние великолепной коллекции Аль-Хакема II, были предметом восхищения и отдыха каждого образованного ученого. В украшении мечетей были представлены первые образцы этого искусства, чья непревзойденная красота в последующие времена достигла своего апогея на стенах Альгамбры в великолепии орнамента, к которому современное искусство тщетно пыталось приблизиться.

В отправлении правосудия Мухаммед следовал патриархальному примеру своих арабских предков. Дважды в неделю он давал аудиенции у ворот своего дворца; самый скромный поклонник был уверен во внимательном слушании, и ни один человек не был слишком незначительным, чтобы быть восстановленным в своих правах, или слишком могущественным, чтобы избежать последствий наглого притеснения или нарушенного закона. Общественные работы и учреждения были особыми объектами заботы этого мудрого и политичного правителя; он лично инспектировал бани, больницы, школы, мечети, дороги, акведуки; верность учителя и прилежание ученика поощрялись разумными вознаграждениями; и его администрация, окруженная всеми свидетельствами процветания и утонченности, указывала на то, что гений мусульманского прогресса и цивилизации вступил в новую и славную жизнь на берегах Дарро и Дженила. Каким контрастом было все это с моральным, интеллектуальным и социальным состоянием Европы, и особенно Испании, в середине XIII века! Что мог предложить грубый кастильский крестоносец в обмен на это; какую выгоду могло извлечь человечество из его подавления?

Мохаммеду аль-Ахмару наследовал его сын Мохаммед II, чей гений, вкус и образованность доказали, что он в высшей степени достоин своего наследства. Опытный лингвист, он проводил свободные минуты в дружеских беседах с учеными и философами далеких стран, привлеченных к его двору его репутацией мудреца, его поощрением литературы, его покровительством искусствам и его обильной, но пронизательной щедростью. Его первым актом был указ о сохранении на своих официальных должностях министров его отца, чьи способности были доказаны многими годами верной службы; его вторым - свержение мятежника Валиса, который потерпел сокрушительное поражение под Антекерой, благодаря чему власть нового эмира была восстановлена на территории, недавно охваченной восстанием, и его полководческие таланты стали известны кастильцам, которым вскоре суждено было получить новые свидетельства его активности и мужества. Непокорные христианские вельможи, чья доблесть способствовала победе при Антекере, получили великолепное вознаграждение в виде лошадей, оружия, денег и рабов. Роскошные дворцы, обставленные со всеми изысками мавританской роскоши, были предоставлены в их пользование или даже построены в их честь в пригородах самой красивой и романтической столицы Европы.

Чувства взаимного уважения, сопровождаемые, возможно, некоторым опасением за результаты конфликта, в котором силы обеих сторон были столь равномерно сбалансированы, побудили соперничающих монархов согласиться на конференцию с целью установления мира. В городе Севилья, в то время резиденции кастильского двора, состоялось знаменитое собрание. В староммавританском Алькасапе, еще нетронутым, король Альфонсо принял эмира Гранады с

варварским великолепием, характерным для испанского рыцарства той эпохи. Красивые черты лица, серьезное поведение и элегантные манеры мусульманского монарха удивили и очаровали невежественных кастильцев, привыкших считать своих неверных врагов дикарями по внешности и демонами по характеру. Великолепное оружие и костюмы мавританской знати ослепляли взоры народа, в то время как их воинственная выправка вызывала восхищение христианских чемпионов, которые испытывали доблесть своих гостей во многих кровавых и упорных схватках. Начищенные шлемы и украшенные дамаском доспехи рыцарей-отступников соседствовали с белыми тюрбанами и шелковыми одеяниями, которые отличали последователей Пророка. Эмиру и его свите была оказана всяческая любезность; день прошел в турнирах и зрелищах, ночь - в концертах, театральных представлениях и банкетах. Политические переговоры, на какое-то время подчинявшиеся королевскому гостеприимству и рыцарским забавам, наконец были начаты и в конце концов завершились без особых почестей в адрес кастильского короля. Требования инфанта дона Филиппа и его сторонников были удовлетворены; они были возвращены в свои поместья и восстановили свою ненадежную верность; между соперничающими монархами было заключено перемирие, и многочисленный эскорт знати, представлявший гордость и роскошь испанского двора, сопровождал мусульман до границы королевства.

Мухаммед II, униженный зависимым положением, которое он был вынужден занять при восшествии на престол, и не видя никаких преимуществ, которые можно извлечь из вероломной дружбы кастильцев, сразу же принял хитрую и коварную политику своего отца. Под влиянием его представлений Ибн-Юсуф, эмир Марокко, вторгся на полуостров во главе пятидесятитысячной армии. К нему немедленно присоединился король Гранады, и мусульмане из всех общин Андалусии поспешили под его знамена, горя желанием еще раз испытать заманчивую, но ненадежную судьбу войны. Два мусульманских принца маршировали параллельными рядами, на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Страна, которая в течение четверти века испытывала передышку от опустошительных действий вражеской армии, подверглась жестокости, сравнимой с самой разрушительной из прежних кампаний. Ни один дом, ни одно дерево, ни одно травянистое поле не осталось на почерневшем пути захватчика. Погибло огромное количество христиан; за мусульманскими армиями тянулся длинный шлейф пленников, и дни африканского владычества, казалось, вот-вот возобновятся. На кастильской границе султан Марокко столкнулся с Нуньо де Ларой, командующим этим военным округом, и после ожесточенного сражения тела испанского генерала и восьми тысяч его сторонников, устилавшие равнину, свидетельствовали о доблести берберских солдат.

Подразделение Мухаммеда II двигалось по территории Хаэна, где Санчо, примас Испании, который, будучи сыном Хайме, короля Арагона, унаследовал воинственные инстинкты своего отца, в воинственный век служившие скорее стимулом, чем препятствием для исполнения обязанностей священнослужителя, принял командование. Выдающийся прелат, больше полагаясь на чудесное вмешательство Небес, чем на численный состав своих эскадронов, без колебаний атаковал с несколькими тысячами рыцарей всю мавританскую армию. Его последователи были перебиты, а сам он, окруженный и обезоруженный, стал пленником двух десятков мусульман, которые, судя по его одежде и внешности, что он, должно быть, личность необычайно влиятельная, яростно боролись за честь пленения и надеялись на большой выкуп. И африканцы, и андалузцы были заинтересованы в результате; старые фракционные предрассудки возродились, и казалось неизбежным обращение к оружию, когда почтенный андалузский шейх, подъехав верхом, пронзил несчастную причину спора междуплечевыми

костями своим копьем, воскликнув: “Боже упаси, чтобы столько добрых мусульман проливали свою кровь ради христианской собаки!” Голова и правая рука архиепископа, забальзамированные камфарой, были сохранены как отвратительные, но важные трофеи победы; епископский посох и кольцо посвящения, освященные благословением самого Святого Отца, стали драгоценной добычей неверных, и христиане, подавленные триумфами врага и потерей своего генерала, не смогли оправиться от катастрофы, известие о которой вызвало скорбь в каждой католической общине Европы.

В то время все обстоятельства, казалось, благоприятствовали успеху мусульманского оружия. Инфант дон Фердинанд, очевидный наследник кастильской короны, скоропостижно скончался во время похода на юг, чтобы вступить в бой с врагом. Его смерть способствовала разжиганию ссор и интриг между принцами крови и знатью. Христиане, предупрежденные прошлыми неудачами, не решались встретиться со своими грозными противниками в поле. Жесткая политика, первоначально проводившаяся кастильскими завоевателями, теперь продемонстрировала свою мудрость. Мавры были изгнаны из крупных городов. Во всех важных местах преобладало христианское население. Захватчики не смогли произвести никакого впечатления на укрепленные города, а их сочувствующие соотечественники, оставшиеся в их стенах, не осмелились предоставить им ни малейшей информации или помощи. Кампания закончилась позорным провалом. Африканцы, удалившись в Альхезирас, вскоре испытали муки голода. Кастильская эскадра, крейсировавшая вдоль побережья, предотвратила бесславное отступление, и предприятие, которое поначалу казалось вполне вероятной перспективой восстановления мусульманского превосходства, было сорвано нерешительностью и разногласиями соперничающих командиров. Слабость одной стороны и нужды другой способствовали обоюдному стремлению к миру, и между Альфонсо и султаном был заключен договор, из которого были молчаливо исключены мусульманские князья Андалусии, чьим представлениям следовало приписать возобновление военных действий, так серьезно затронувших христианскую державу. Затем африканцам было разрешено уйти в отставку, а андалузцы поспешили возобновить присягу, основанную исключительно на соображениях текущей целесообразности, которые принимались и отвергались с равной легкостью и беззаботностью. Время от времени, во время правления Альфонсо X. мир в королевстве Кастилия нарушался решительной враждой эмира Гранады. Однако усилия этого принца были в основном ограничены временными и локальными травмами, связанными с операциями партизанской войны.

Осада Альхезираса, который вместе с Тарифой был передан Мухаммедом II. обращение к султану Марокко было предпринято кастильцами, которые из-за небрежности властей и деморализации, вызванной прискорбным отсутствием дисциплины, были вынуждены оставить свои позиции с потерей своих кораблей и пленением своего адмирала. Затем оружие христиан было обращено против мусульман Гранады. Общий результат кампании был благоприятен для последнего, но опустошение богатых плантаций Веги с лихвой уравнило блестящие, но дорогостоящие военные успехи, и военные действия были приостановлены по общему согласию только для того, чтобы возобновиться при более благоприятной возможности. Преклонные годы Альфонсо были омрачены честолубием и непослушанием его сына. Султан, тронутый ничтожеством своего бывшего противника, попросил помощи и получил ее; но несколько нерешительных столкновений, за которыми последовал внезапный уход африканцев, были единственными плодами этого ненадежного и бестактного союза, к которому духовенство

относилось с ужасом, а с подозрением и немилостью даже самые ярые сторонники кастильского короля.

Правление Альфонсо X, чей хорошо известный титул ЭЛЬ Сабио, Ученый, сделал бы его прославленным даже в более интеллектуальную и менее воинственную эпоху, является яркой вехой среди интеллектуального запустения XIII века. Его образование, его связи, его вкусы и привычки в значительной степени уберегли его от загрязняющих и унижающих влияние факторов, которые искажали интеллект и побуждения величайших государственных деятелей и воинов того времени. Преуспев во всех искусствах, кроме военного, которое, к несчастью для него, было в ту эпоху единственным правом на всеобщее уважение и почетные отличия, его карьера представляет собой разительный контраст с карьерой его отца, святого Фердинанда, чьи познания ограничивались военной профессией, чья жизнь была непрерывной борьбой с неверными, и чья преданность интересам Церкви была вознаграждена его возвышением до более чем царственного достоинства ходатая за поверженных просителей у Престола Божьего. Эпоха невежества, в которую выпал жребий Альфонсо X., не могла оценить или осознать необходимость или преимущества литературных или научных достижений. Священнослужитель думал за толпу. Его знания редко выходили за рамки содержания его требника. В его узком кругозоре связь с неверными была тягчайшим из преступлений, которые искупались только суровым покаянием и щедрыми пожертвованиями. Вся карьера этого принца свидетельствовала о его политической неспособности и нежелании приспособлять свое поведение к окружавшим его обстоятельствам. Он получил от своего отца в наследство великую, но неоформленную империю. Оскорбленный знатью, которому не доверяла толпа, оклеветанный духовенством и ограбленный своими сыновьями, он умер, не обладая и почти без подобия королевской власти. Его от природы миролюбивый нрав навлек на него порицание нации, чьи традиции на протяжении веков были основаны на крестовых походах и завоеваниях. Его вражда к эмиру Гранады никогда не была настолько сильной, чтобы исключить из своего общества мусульманских философов, врачей и астрономов, которые разделяли его дружбу и пользовались его щедростью. Хмурый священник искоса поглядывал на смуглые лица и развешиваемые одежды чужеземцев-неверных, которые под защитой королевской власти беспрепятственно посещали обсерватории Кордовы и библиотеки Севильи и Толедо. В сознании суеверных священнослужителей они были магами, которые в союзе со злыми духами совершали в тайных уголках дворца адские обряды и дьявольские жертвоприношения. Близость короля с этими выдающимися учеными считалась порицанием, актом, подлежащим осуждению каждым набожным и ревностным христианином. Ортодоксальности Альфонсо был нанесен окончательный удар, когда он потребовал от духовенства, монополизировавшего наиболее прибыльные источники доходов королевства, внести свой вклад в поддержку правительства и в расходы, понесенные во время мавританских войн.

Во всех литературных произведениях правления Альфонсо X. легко прослеживается влияние его просвещенных соседей, мусульман Гранады. Его астрономические таблицы — чудо научных знаний и точности, учитывая эпоху, в которую они были составлены, — были работой пятидесяти астрономов, большинство из которых были маврами и евреями; время, затраченное на их составление и вычисления, растянулось на несколько лет, а их стоимость вызвала фарисейское возмущение духовенства, которое видело, как доходы короны расходуются в кощунственных целях из-под контроля ортодоксов в пользу неверных и еретиков. Этого памятника эрудиции, к которому ученые люди до сих пор относятся с удивлением и уважением, было бы достаточно, чтобы утвердить славу его королевского покровителя; но сохранилось

множество других работ едва ли меньшей важности, свидетельствующих о его литературном покровительстве. "Генеральная корона Испании", составленная его собственной рукой; "Кантиги", поэмы в честь Девы Марии; "Сьете Партидас", всеобъемлющий свод законов, который широко использовался при классификации и составлении последующих систем юриспруденции; "Дель Тесоро", книга о превращении металлов, — все это демонстрирует обширность его знаний, неутомимость его трудолюбия и плодovitость его гения. Возможно, величайшим из его достижений стало юридическое закрепление провинциального диалекта в государственных документах, который со временем и практикой превратился в музыкальный и звучный кастильский язык. Его преданность литературе превосходило только восхищение, которое он питал к ее профессорам. Он наделил богатыми поместьями множество кафедр в Университете Саламанки. Он возвел судей, выдающихся юридическими достижениями, в аристократическое звание. Всегда готовый признать свои обязательства перед своими первыми наставниками и недавними друзьями, он даровал почести, богатство и отличия всем ученым, независимо от национальности или вероисповедания. Мавры всегда были объектами его особого расположения. Их вдохновению он был обязан благородным порывом и примером, которые впервые привлекли его внимание к учебе; благодаря их учениям он усвоил принципы справедливости и мудрости; благодаря их трудам ему предстояло в грядущие столетия снискать величайший кредит и самую непреходящую славу своего правления. Мавританскому финансисту нередко поручали сбор и расходование доходов; мавританский врач был заметной фигурой при кастильском дворе, где даже роскошный прелат, ненавидевший скучную монастырскую пищу, без колебаний вверял его попечению свою священную особу; мавританский профессор, проживавший во дворцах аристократии, руководил образованием самой прославленной кастильской молодежи. Королю Альфонсо было хорошо, что Церковь еще не достигла того положения безопасности и могущества, которое оправдывало бы применение силы для поддержания и расширения своего правления. Но даже при том подчиненном отношении, которое она поддерживала к государству, по сравнению с престижем, связанным с военным успехом, ее влияния стоило опасаться. Именно интриги духовенства, апеллировавшего к наследственной и воинственной гордости знати и разжигавшего недовольство народа, способствовали недостойным амбициям дон Санчо, ослабляя таким образом королевскую власть, предвосхищая наследование и унижая достоинство трона. Неумолимый дух религиозной ненависти был еще недостаточно силен, чтобы отправлять своих жертв на костер, конфисковывать их имущество и клеймить их имена позором; но он был способен успешно вмешиваться в политические дела и унижать монарха, главными преступлениями которого было то, что он покровительствовал нечестивой учености, жил в тесных отношениях с неверными и, что хуже всего, вымогал у Церкви часть ее богатств для защиты своего королевства и сохранения общественной безопасности.

Известие о смерти Альфонсо X. было воспринято со всеми проявлениями скорби и сожаления во всех мавританских владениях. Эмиры Гранады и Марокко поспешили направить посольства к его преемнику Санчо эль Браво, чтобы выразить соболезнования и просить о продолжении мира и национальной дружбы. На комплименты и сочувствие первого он ответил вежливым, но двусмысленным ответом, но посланцы эмира Марокко были оскорблены вызывающим посланием. Справедливо разгневанный таким обращением, эмир Абу-Юсуф приготовился к войне. Значительный отряд войск под командованием его сына Якуба был отправлен через пролив, и Херес был осажден. Приближение большой кастильской армии вызвало отступление

захватчиков, и было заключено перемирие на три года, за которое африканский принц заплатил два миллиона золотых мараведи.

Новый король был моральным антиподом своего отца. Его титул Эль Браво, полученный в бою в бытность принцем, свидетельствовал о его притязаниях на уважение и восхищение подданных. Невежественный, фанатичный и жестокий, он во всех отношениях олицетворял дух и устремления эпохи, в которую он жил. Его доминирующим импульсом была любовь к войне. Он изгнал со двора мавританских ученых, чьи отношения с Альфонсо X навлекли подозрения на его ортодоксальность и скандал на его имя. Духовенству, отчасти из-за помощи, которую оно оказало фракции Санчо, но главным образом потому, что только оно одно из различных государственных сословий обладало необходимыми знаниями и способностями, было поручено собирать дань и управлять королевской казной. Но в то время как король благоволил священнослужителям, он ревниво охранял привилегии знати и prerogatives короны. Высшие награды были зарезервированы за военную доблесть. Занятия литературой не поощрялись и ими пренебрегали. Интеллектуальное развитие нации, начатое под таким счастливым покровительством Альфонсо X., было остановлено, чтобы никогда больше не возродиться, и вскоре было полностью подавлено теологической нетерпимостью и тиранией инквизиции.

Предприимчивый гений Санчо, занятый внутренними неурядицами, не проявлял себя против своего африканского врага до тех пор, пока не прошло семь лет после подписания перемирия. Затем поводом для вмешательства послужила ссора между Юсуфом Абу-Якубом и Мухаммедом II, снова союзником Кастилии. Город Тарифы, уступающий по стратегическому значению только Альхезирасу и Гибралтару, был отнят у африканцев. Его оборона была восстановлена, и в нем разместился сильный гарнизон под командованием Альфонсо Переса де Гусмана, солдата удачи, который накопил огромное состояние на службе эмиру Марокко, и которому современный княжеский дом Медина-Сидония обязан своим происхождением и большей частью своей славы. Год спустя инфант Дон Хуан, брат короля, после неудачной попытки захватить трон бежал ко двору эмира Марокко. Принятый с почестями и наделенный пятитысячным отрядом африканской кавалерии, он взялся за взятие Тарифы. Губернатор с вызовом отнесся к требованию о капитуляции. Его сын, юноша нежных лет, попал в плен к врагу, и, рассчитывая, что отцовская нежность окажется сильнее верности своей стране, инфант послал сообщение кастильскому командующему, что, если он немедленно не эвакуирует город, жизнь мальчика будет принесена в жертву. Бесстрашный губернатор в ответ бросил меч с зубчатой стены; несчастный юноша был обезглавлен, и его голова выстрелила в город из катапульты. Этот бесчеловечный поступок, совершенный христианским князем, который указывает на варварский характер войны, ведущейся в те времена, был столь же неразумным, сколь и непростительным; гарнизон не только не был запуган, но ужас и негодование побудили гарнизон оказывать более энергичное сопротивление, и осада вскоре была снята приближением армии кастильцев и мавров.

Ненадежный союз между христианами и мусульманами, условия которого почти всегда были неблагоприятны для последних, вскоре после этого потерпел еще один разрыв. Вовлеченный в серьезную полемику со знатью, которая, став еще более высокомерной из-за возросшего значения, приобретенного ими в начале нынешнего правления, угрожала безопасности трона, Санчо, будучи не в состоянии защитить свои границы, увидел, что они безнаказанно опустошаются кавалерией Мухаммеда, который воспользовался замешательством своего врага, чтобы снова начать военные действия. Успокоив своевременными уступками

недовольство своих вассалов, король Кастилии двинулся маршем в Гранаду; взял штурмом Кесаду и Алькаудете, жителей которых он безжалостно истребил; опустошил окружающую страну и с длинной вереницей пленников и большой добычей вернулся в свои владения. Этот подвиг стал последним в его карьере. Снедаемый затяжной и мучительной болезнью, он умер, оставив своему малолетнему наследнику в наследство семейные неурядицы и неустойчивый трон, защищать который было трудно даже монархам зрелого возраста и большого опыта.

Несовершеннолетие малолетнего принца, трудности спорного регентства, распри ревнивой аристократии, интриги соперничающих претендентов и ропот недовольного населения — всегда становившегося жертвой ссор, триумфов или неудач своих начальников — предоставили эмиру Гранады заманчивую возможность, которой он не замедлил воспользоваться. Закончив приготовления, он первым делом отвоевал города, потерянные в ходе последней экспедиции, и отомстил несчастным гарнизонам за то обращение, которому подверглись его собственные подданные.

Воодушевленный успехом, он захватил почти всю Андалусию, сжег пригороды многих городов, взял штурмом замок Бельмар и угрожал Хаэну и Тарифе. Невыгодный опыт эмира Марокко с его зависимостями в Испании побудил его предложить Мухаммеду крепость Альгезирас, за которую он получил сто тысяч миткалей золота.

Мухаммед II. недолго пережил свой последний и величайший набег. Говорят, что он умер, исполняя свои религиозные обряды; его тридцатилетнее правление является одним из самых важных в то время, и его королевство, укрепленное как его победами, так и поражениями, перенесенными его соседями, которые десятками тысяч поселились в его владениях, перешло к его сыну Мухаммеду III., принцу, чей характер и достижения не уступали его выдающемуся происхождению. Свое правление — череду катастроф, заговоров и убийств — он прославил своей любовью к эрудиции, поощрением искусства и украшением своей столицы. Его трудолюбие было настолько велико, что он затягивал далеко за полночь незаконченные дела дня. Он проявил огромную энергию, сокрушив мятежный дух вали Гуадикса, который отказался признать его власть. Захватив Сеуту, он получил огромное сокровище, которое достойно потратил на благоустройство своего королевства. Среди зданий, построенных с его помощью, были Большая мечеть и главная общественная баня города. Мечеть, на месте которой сейчас стоит кафедральный собор Гранады, была знаменита своими великолепными колоннами из мрамора и яшмы, резным серебряным орнаментом и блестящей и замысловатой мозаикой. Дополнительный налог на содержание бани, которая едва ли уступала мечети по стоимости материалов и красоте дизайна, взимался с евреев и христиан, которые, таким образом, были вынуждены вносить свой вклад в доходы учреждения, связанного с поклонением их неверным хозяевам, и к которому последняя секта всегда испытывала решительное и непобедимое отвращение.

В 1305 году Сулейман Ибн Рабич, вали Альмерии, подстрекаемый арагонцами, стремился к независимости. Схваченный до того, как его планы созрели, он с трудом добрался до барселонского двора. После того как между королями Кастилии и Арагона было достигнуто взаимопонимание, одновременно были совершены нападения на мавританские владения. Мощный арагонский флот и армия появились перед Альмерией и вторглись в нее с суши и моря. В то же время войска Кастилии осадили Альхезирас, который Мухаммед пытался снять, но ему помешала череда разрушительных бурь и наводнений.

Узнав о слабом состоянии Гибралтара, из состава армии, осаждавшей Альхезирас, был выделен отряд войск, чтобы заставить его врасплох. Попытка увенчалась успехом; с помощью пушек была пробита брешь; укрепления были взяты штурмом, и знаменитая крепость, оккупация которой мусульманами началась со времен вторжения Тарика, на время перешла из рук сарацин, которые обычно считали ее ключом полуострова.

Теперь осада Альхезираса велась с удвоенной энергией, и Мухаммед, опасаясь результатов арагонского вторжения, а также заговора, организованного недовольными в его собственной столице, выдвинул предложения о мире. Его предложения были выслушаны со вниманием, но победоносный враг потребовал важных и унижительных уступок, которые, хорошо осознавая крайность, до которой был доведен гарнизон, решили потребовать огромную компенсацию за снятие осады. У несчастного эмира не оставалось иного выбора, кроме как согласиться. Пограничные города Кесада, Бедмар, Квадрос были сданы в качестве эквивалента дальнейшего владения Альхезирасом, и мавританские жители удалились. Их дома были заняты христианскими колонистами - плодами последней победоносной кампании Мухаммеда II. были проиграны, и униженный государь вернулся в свою столицу под приглушенный ропот знати и публичное проклятие разъяренного населения. Теперь ему предстояло столкнуться с новой опасностью, которой следовало опасаться больше, чем оружия предприимчивого и отважного врага.

Двор долгое время был отвлечен интригами соперничающих визирей, Абу-Султана-Азиза, который был доверенным советником Мухаммеда II, и Абд-ар-Рахмана-аль-Рамеди, фаворита нынешнего эмира, который воспользовался своими возможностями сколотить огромное состояние, позволившее ему демонстрировать показуху, оскорбляющую гордость знати и вызывающую зависть народа. Растущая непопулярность Мухаммеда III, его ухудшающееся зрение — результат неумеренной чувственности, — его вынужденная сдача территории, приобретенной талантами его отца, и всеобщая ненависть к его высокомерному министру привели к нападению на трон. Его дядя, Аль-Назер, был провозглашен гранадской чернью, которая, внезапно поднявшись с оружием в руках, разграбила дворец ненавистного визиря и убила его в присутствии его господина. В разгар беспорядков эмир столкнулся с лидерами восстания, которые предложили ему альтернативу: отречение от престола или смерть. Вынужденный лишить себя знаков королевской власти, свергнутый монарх был заключен в крепость Альмуньекар, где в течение пяти лет томился в одиночестве и нищете.

Мавританские хронисты в самых ярких красках расписывают добродетели, таланты, свершения Аль-Назера. В нем случайные преимущества происхождения и привлекательности были намного превзойдены благородными и блестящими качествами ума. Его вежливая снисходительность и очаровательная приветливость манер расположили к нему подданных, в то время как его эрудиция и вкус к научным занятиям сделали его желанным членом ученого и философского общества столицы. Его взгляды были сформированы, и его образование проходило под руководством самых известных профессоров того времени. Превосходный математик, опытный астроном, он вычислил и составил астрономические таблицы, не уступающие по точности тем, которые выполняли избранные ученые, действовавшие под руководством Альфонсо X. Обладая особой склонностью к механике, он спроектировал и сконструировал любопытные часы, сложный и совершенный механизм которых удивлял и

восхищал даже тех, кто знаком с возможностями его изобретательского гения. Под его щедрым и проницательным покровительством литература и изящные искусства приобрели новое и непреходящее значение; множились учебные заведения, издавались бесчисленные философские и научные труды, врачи и фармацевты Гранады, уже известные в Европе своим мастерством, снискали новые лавры в далеких империях Африки и Азии, а общественные и частные здания столицы начали приобретать тот отличительный характер архитектурной симметрии и элегантности, который впоследствии позволил ей достичь непревзойденного положения среди городов средневекового мира.

Узнав о революции, в результате которой был свергнут Мухаммед, Фердинанд IV выступил против узурпатора и послал подкрепление Хайме II, который, оторванный от своей базы снабжения, преследуемый активным и бдительным врагом, промокший от штормов и наводнений, все еще упрямо удерживал свои позиции у стен Альмерии. Тем временем смуты, связанные с титулом, приобретенным в результате мятежа и насилия, обрушились на нового эмира. Его племянник, родившийся и выросший в условиях восстания, безуспешно пытался захватить корону и, бежав в Малагу, находился под защитой своего отца, вали из этого города, который сам не был лишен королевских устремлений. Внезапный приступ болезни вызвал слух о смерти Аль-Назера, и собравшиеся сторонники Мухаммеда III вызволили его из тюрьмы в Альмуньекаре и сопроводили со всеми знаками показной лояльности до столицы. Прибыв на место, они с удивлением увидели, что город был иллюминирован, улицы были полны людей в праздничных нарядах, магазины были закрыты, дома украшены цветами, и все выглядело как на общественном празднике. Расследование выявило тот факт, что болезнь эмира на самом деле была пустяковой и временной, и что эти проявления народного удовлетворения были вызваны его неожиданным выздоровлением. Потребовалась вся проницательность и изобретательность изгнанного принца, чтобы придумать оправдание своему внезапному появлению во главе королевского эскорта, но коварный Мухаммед не уклонился от ответственности. Поздравив его, он объявил, что пришел просто справиться о здоровье своего дяди — объяснение, которое было воспринято Аль-Назером с внешним уважением и тайным негодованием. Скрывая свое негодование, он приказал отвести удрученного Мухаммеда обратно в тюрьму, где восторженные партизаны, преждевременно вставшие на его сторону, были вынуждены разделить с ним плен.

Внезапная смерть Фердинанда IV, произошедшая во время похода в провинцию Хаэн, передала судьбы кастильской монархии в руки тринадцатимесячного младенца, который впоследствии стал королем под именем Альфонсо XI., создала новые соблазны для соперничающих претендентов на регентство, устранила благотворные ограничения закона и погрузила целые округа в анархию. Между многочисленными группировками, на которые была разделена знать, бушевала гражданская война — более слабые часто истреблялись, а их имущество конфисковывалось победителями; всадники благородного происхождения избрали профессию грабителя; путешествовать без вооруженного эскорта означало навлечь на себя верную гибель; дороги были завалены обнаженными и гноящимися трупами; необорудованные города опустели, а замки были заняты аристократическими разбойниками с большой дороги, которые во главе банд авантюристов с безжалостным характером и отчаянным состоянием увозили в свои неприступные крепости товары торговцев, последствия несчастий. путешественник, и урожай, и стада, и дети пастуха и земледельца. Существование было невозможно без защиты какого-нибудь могущественного дворянина, чья ливрея была для одной фракции предметом уважения, а для всех остальных символом непримиримой вражды.

И дух раздора, которым были заражены все классы общества, не был более внимательным к правам и авторитету суверена. Министры юстиции подвергались насмешкам и пренебрежению, а воля самого могущественного вождя в той местности, где ему подчинялись, была практически законом страны. Суеверный трепет и почтенные традиции Церкви по большей части сохраняли нетронутыми ее княжеские владения, но во время катастрофических потрясений того периода беззащитные священнослужители нередко платили дань преступнику, и митре приходилось иногда даже хуже, чем короне.

Страна, брошенная на произвол судьбы, неизбежно вскоре обезлюдела. Некогда плодородные и высоко возделанные регионы превратились в пустыню, на месте заброшенных деревушек выросли леса, торговля крупных городов исчезла, сообщение соседних провинций было полностью приостановлено, наследники великолепных поместий отказались от своего наследства, а чувство общественной незащищенности было настолько повсеместным, что тысячи семей во всех частях королевства искали убежища от своих соотечественников в более мирных государствах Португалии и Арагоне. Таковы были условия, давшие еще одну передышку Гранадскому эмирату, существование которого, таким образом, постоянно продлевалось из-за раздоров и слабости его варварских соседей.

Проявления нелояльности и турбулентности, которые, таким образом, охватившей королевство Кастилии были повторены в Гранаде, без, Однако, производя те же разрушительные и необратимые последствия с момента государственной власти или благосостояния нации. Успешная узурпация Аль-Назера, продемонстрировавшая слабость наследственных привязанностей и легкость, с которой непопулярный государь мог быть свергнут, была примером, который не остался незамеченным для предприимчивых и честолюбивых мавританских дворян. Смерть Мухаммеда III, наступившая через несколько месяцев после его возвращения в Альмуньекар, избавила Аль-Назера от всех опасений относительно соперника, который, если и не был грозным благодаря своим талантам и влиянию, то, по крайней мере, имел законные притязания на трон и долю общественного сочувствия, которое всегда вызывается видом королевского унижения и величия в бедственном положении. Но вскоре появился гораздо более опасный враг спокойствия в Аль-Назере. Защищенный от вмешательства христиан, — поскольку он заключил перемирие с регентами Кастилии, — он проводил свой досуг в изысканных придворных развлечениях, когда его племянник Абу-аль-Валид, которого мусульманские историки также называют Исмаилом, поднял второе восстание, на этот раз с большим успехом. Алчность непопулярного визиря снова стала предлогом для подстрекательства к мятежу. Население было подстрекаемо эмиссарами и развращено золотом Абу-аль-Валида, обещанная отставка несносного министра была отложена, и, поддерживаемый грозной армией, молодой принц двинулся на Гранаду. Численность его войска увеличивалась по мере того, как он приближался к городу, когда его приверженцы восстали и загнали эмира в Альгамбру, где он сразу же был осажден. Доведенный до крайности, последний умолял о помощи кастильских регентов, инфантов дона Педро и дона Хуана; но, прежде чем они смогли собрать свои войска, дезертирство его сторонников побудило его отречься от престола и принять, в обмен на эту уступку, правительство незначительного княжества Гуадикс. Попытка возродить упавшее состояние Аль-Назера, предпринятая регентами Кастилии, привела к фатальной катастрофе для христианского оружия. Захватчики, окруженные множеством мусульман, были изрублены на куски на склоне Сьерра-Эльвиры, где был уничтожен цвет испанского рыцарства, присоединившийся к этому предприятию, воодушевленный религиозным энтузиазмом и ожиданием добычи и славы. После битвы тела

двух принцев были найдены под горами поверженных врагов, и положение кастильской монархии, одним ударом лишившейся своих законных защитников, стало еще более отчаянным, чем когда-либо. Эта великая победа была не менее примечательна своими политическими результатами, чем добычей, полученной маврами. В их руки попали сорок три тысячи фунтов золота, тысяча четыреста серебра и семь тысяч пленных. Шкура дон Педро, набитая ватой, была подвешена перед главными воротами Гранады, где и оставалась много лет. Двадцать пять принцев крови - глав самых знатных домов полуострова — были убиты в бою. Престиж Исмала значительно возрос благодаря этой важной победе. Успех воспламенил его военные амбиции. Он застал врасплох несколько изолированных замков и взял другие штурмом, приграничная добыча была сметена внезапными набегами, и границы Арагона, долгое время не подвергавшиеся страшным нападениям арабских всадников, снова испытали на себе разрушительные последствия их дерзости и доблести.

Благодаря подробной информации, предоставленной шпионами и торговцами, о распри и интригах кастильского двора, вызванных слабостью короны и беспринципными амбициями знати, было так же хорошо известно в Гранаде, как в палатах советов Толедо и Севильи. Добившись успеха в своих мародерских экспедициях, Исмаил теперь обратил свое внимание на проекты большей важности, выполнение которых несомненно привело бы к существенному и постоянному присоединению территории и богатств его королевства. Вооруженный всеми известными в то время средствами ведения войны, он осадил важный и хорошо укрепленный город Базу 23 июня 1382 года. Его положение, сильное по своей природе, стало вдвойне угрожающим благодаря искусству. Гений мавра, который полагался на быстрые и неожиданные передвижения своей кавалерии, до сих пор не проявлял терпения и выносливости, необходимых для успешного ведения осадных операций. Но благодаря умелому распоряжению Исмала строительство базы было произведено со всей тщательностью и обдуманностью, которые характеризуют действия опытного военного инженера. Был выкопан ров, возведен вал, и все сношения с окружающей местностью были пресечены. Жители, уверенные в безопасности своих массивных укреплений, скорее с любопытством, чем с опаской наблюдали за установкой перед стенами ряда странных, но, по-видимому, безвредных машин. По-видимому, они состояли из сегментированных железных прутьев, соединенных тяжелыми обручами из того же металла. Их огромный вес, перетаскиваемый с места на место с помощью веревок, указывался количеством людей, которые требовались для их перемещения; очевидно, в них не было устройств для метания снарядов, подобных знакомой балисте или катапульте, и их использование было загадкой для равнодушных жителей. Но внезапно из жерлов этих, казалось бы, безобидных машин вырвались мощные столбы пламени и дыма, сопровождаемые ревом, который соперничал с раскатами грома, и тяжелые каменные и железные ядра, обрушившиеся на город, сокрушая и раскалывая все на своем пути, возвестили о том, что ошибочно было названо первым применением артиллерии в войнах в Европе. Против силы этих снарядов, новизна которых усиливала ужас, внушаемый их разрушением, хваленая мощь обороны и мужество гарнизона ничего не помогли. Вскоре в стенах появились большие проломы, и когда башни рухнули у них над головами, а многие дома были охвачены пламенем, охваченным паникой жителей Базы, благодаря своевременной капитуляции удалось спасти свой город от разграбления.

В течение следующего года Мартос постигла та же участь, но его сопротивление было более упорным, и разъяренные мусульмане, ворвавшись в город штурмом, перебили жителей до единого человека. Молитвы, предписанные Кораном, возносились победителями, стоявшими

на коленях на мостовых, пропитанных кровью убитых; крестьяне на расстоянии многих миль были угнаны в плен; бесчисленные стада скота свидетельствовали о действиях арабской кавалерии; и Исмаил вернулся по своим следам в свою столицу, в которую он вступил со всей помпой завоевателя. Гранада давно не была свидетелем подобной сцены и не оказывала такого радушного приема возвращающейся победоносной армии. Улицы были устланы цветами. С балконов свисали гобелены и драпировки из шелка и золотой ткани. Воздух был наполнен благовониями, исходившими от сотен курильниц. Прекрасный город, отданный празднику, послал все свое население отпраздновать триумф своего правителя. Одобрительные крики людей, перешедшие в продолжительный и оглушительный рев, были слышны за стенами. Огромные толпы в праздничных одеждах запрудили узкие улицы. Крестьяне в живописных костюмах Веги, крепкие горцы из Сьерра-Невады и Альпухаррас, неразговорчивый еврей в характерном желтом габардине своей секты, паломник из Мекки, одетый в зеленое, кавалер в шлеме и кирасе, инкрустированных золотом, дамы в ярких шелках и сверкающих драгоценностях, чье великолепие мало способствовало природному очарованию их чувственной красоты, усиливали разнообразие и очарование зрелища.

Но угрожающая туча, тем более опасная, что невидимая, нависла над этим великолепным фестивалем, который, казалось, обещал долгую жизнь в почете и славе тому, кто удостоится аплодисментов и благодарности нации. Через три дня после своего триумфа Исмаил лежал мертвым во дворце Альгамбра.

Среди пленниц, взятых в походе Мартоса, была девушка ослепительной красоты. Ее обладание оспаривалось несколькими солдатами, чьи руки, окровавленные после резни во взятом штурмом городе, собирались принести ее в жертву, когда ее спас Мухаммед Ибн Исмаил, двоюродный брат эмира. Как только последний узнал об этом происшествии и о необычайных прелестях пленницы, он послал евнухов отвести ее в царский гарем. К справедливым увещаниям Мухаммеда относились с презрением. Не удовлетворившись нанесенным им оскорблением, Исмаил приказал своему двоюродному брату покинуть пределы двора и коротко сообщил ему, что его место среди врагов его государя. Разгневанный принц, который уже проявил свою доблесть во многих кампаниях, чья кровь была пролита при защите своей страны, чье происхождение возвысило его до уровня самого трона и чье чувство справедливости возмутилось из-за неспровоцированного насилия, которому он подвергся, имел немалых сторонников среди дворцовых сановников и армейских офицеров.

Нескольких часов хватило, чтобы созрел заговор; была заручена поддержка Османа, командующего королевской гвардией, и заговорщики только ждали момента, благоприятного для осуществления их замысла. Эмир, прогуливавшийся со своим визирем по галерее Альгамбры и совершенно не подозревавший об опасности, был заколот Мухаммедом; решительная защита министра ничего не дала перед лицом численного превосходства, и он погиб рядом со своим господином, в то время как убийцы, которые ранее предусмотрели средства маскировки, бежали в общей суматохе.

Раненого монарха отнесли во дворец, где он вскоре скончался. Его смерть скрывалась — его ранения даже представлялись пустяковыми, — пока, в ожидании фатального исхода и для

обеспечения престолонаследия, не была принесена присяга на верность его сыну, двенадцатилетнему юноше, который взошел на трон под именем Мухаммеда IV. Усердие второго визиря задержало нескольких заговорщиков, головы которых были выставлены на зубчатых стенах замка. Вероломный Осман был первым, кто заявлял о верности новому правителю. Главный убийца бежал в Малагу, и плохо согласованное и кровавое предприятие, продиктованное несправедливостью и совершенное трусостью, не привело ни к какому иному результату, кроме смены правителей и усиления привязанности общества к семье убитого короля.

Характер последнего был достоин того великого места, которое он занимал, и славных традиций его династии. Его личное мужество и успехи на войне снискали ему искреннее восхищение его народа. Его мирные периоды усердно использовались для строительства мечетей и дворцов, бань и фонтанов. Он щедро и разборчиво раздавал милостыню, как предписывает Коран. Висячие сады, посаженные под его руководством, были скопированы с садов древнего Вавилона. Введенные им полицейские правила обеспечивали безопасность улиц и пригородов днем и ночью; для лучшего распределения и сбора налогов города были разделены на разные кварталы, а пришлые данники обозначались отличительными костюмами. Он сурово подавлял фанатизм теологов, который всегда был источником общественного беспокойства и неразберихи. Минуты досуга Исмаил проводил в обществе ученых, в турнирах и охоте, в удовольствиях садоводства, в строительстве великолепных зданий.

Молодость и неопытность Мухаммеда IV. были обеспечены политической проницательностью его визиря Аль-Махрука, человека способного, но с непомерными амбициями и абсолютно беспринципного в средствах их удовлетворения. Его политика, направленная исключительно на централизацию власти в нем самом, была конечной причиной его гибели. Он не упускал возможности унижить знать. Братья эмира, в свою очередь, были удалены от двора; один под каким-то надуманным предлогом был заключен в тюрьму в Альмерии, где и умер; другой был сослан в Африку; третий был вынужден искать убежища в отдаленной деревне на границе. Ревнивая нетерпимость визиря стремилась устранить всякую возможность успешного соперника. Обладание выдающимися талантами и добродетелями было провокацией угнетения; наиболее способные и опытные государственные деятели и военачальники, опасаясь насилия, покинули столицу, и чувство тревоги и недовольства стало всеобщим во всех уголках королевства.

Такое положение дел, столь опасное для стабильности правительства и поддержания мира, продолжалось до тех пор, пока юному принцу не исполнилось шестнадцать лет, когда мусульманский обычай позволил ему взять бразды правления в свои руки. Одним из его первых поступков было унижение и заключение в тюрьму несносного министра. На его место был назначен Ибн-Яхья, который пользовался уважением и доверием всех слоев общества и чьи разумные советы были хорошо рассчитаны на то, чтобы направлять карьеру молодого, амбициозного и неопытного государя. Осман, бывший командующий королевской гвардией, которого разочарованные амбиции, сознание вины и страх разоблачения выгнали из Гранады, теперь планировал новое предприятие, чтобы вернуть свое упавшее состояние. По его наущению крестьянство сурового района Андалакс подняло восстание. Повстанцы были разбиты войсками эмира, но горный район, который они наводнили и в крепости которого королевские войска не смогли проникнуть, предотвратил их рассеяние. Интриги Османа сразу же вызвали вмешательство кастильцев и эмира Марокко. И снова к помощи внешних врагов

обратились, чтобы возродить надежды побежденной фракции; патриотический пыл, который мог бы спасти приходящую в упадок империю, был принесен в жертву удовлетворению личной обиды, и самые способные мавры, не желая извлекать пользу из печальных уроков, преподанных историей халифата, отказались от всякого благородного порыва ради отмщения за свои личные обиды.

В окрестностях Кордовы армия Мухаммеда потерпела сокрушительное поражение; оставшиеся в живых отступили в Гранаду; и эмир, взбешенный мыслью о том, что заключенный в тюрьму визирь Аль-Махрук был косвенно ответственен за несчастья, постигшие начало его правления, приказал немедленно казнить его. Усилия Мухаммеда по противодействию африканскому влиянию, заручившемуся поддержкой повстанцев, увенчались не большим успехом. Альгезирас был взят штурмом, а визирь Ибн Яхья был убит в ходе штурма. Ронда и Марбелья попали в руки повстанцев, которые вскоре угрожали самому городу Гранада. Ужас охватил жителей столицы, и Мухаммед, собрав остатки своей разбитой армии и сопровождаемый главными придворными кавалерами, выступил навстречу врагу. Доблестно поддерживаемый своей знатью, во главе незначительного по численности, но отличающегося храбростью и решительностью отряда, он быстро восстановил свой престиж и влияние. Все города, захваченные африканцами, были отбиты. Крепость Баэна сдалась. Стены Касареса были разрушены артиллерией. В пределах видимости последнего города мусульмане в кровавой стычке уничтожили христианский отряд, посланный на подмогу ему. Таким образом, в течение нескольких месяцев Мухаммед нейтрализовал последствия недавних поражений своего оружия, вернул своим владениям территорию, которой его лишила измена, и приобрел новую известность благодаря победе, одержанной над численно превосходящей армией, досконально разбиравшейся во всех стратегиях и средствах регулярной и партизанской войны. Эти военные подвиги прочно утвердили его репутацию. Ни один принц Альхамаресов в его годы никогда не достигал такой известности. Природа наделила его всеми дарами ума и личности, которые могли вызвать одобрение мудрецов или вызвать энтузиазм толпы. Его лицо было красивым, рост выше среднего, а конечности - образцом атлетической симметрии. Искусный в каждом упражнении, он наслаждался теми поворотами рук, которые были так популярны среди мавританского рыцарства. Выдающийся в стране смелых и ловких наездников, он повсеместно считался лучшим копейщиком в мусульманской армии. Серьезный в поведении, приятный в обращении, элегантный в манерах, его привлекательная внешность только подчеркивала благородные черты добродетельного и просвещенного ума. Он был другом литераторов, и во время его экспедиций его сопровождали ученые люди, которые могли наблюдать за ходом событий и увековечивать память о таких фактах, которые могли способствовать благу страны и славе ее короля.

В постоянно меняющейся панораме Отвоевания часто появляется африканский мусульманин, потомок династий Альморавидов или Альмохадов; гордящийся славой своих предков и вечный претендент на наследие их доблести; столь же честолюбивый в возвращении Кордовы и очищении ее оскверненного храма, как и его современники, крестоносцы, в завоевании Иерусалима и восстановлении Гроба Господня. Эмиры Феса из семьи меринитов достигли большого положения среди правителей Африки. Их владения включали всю северную часть этого континента. Их столица была средоточием всего, что было разумного и совершенного среди мусульманских народов. В условиях непрекращающихся политических беспорядков на полуострове сотни купцов, ученых, философов искали среди тишины и безопасности отдаленных регионов убежища от непрекращающейся революции и кастильских завоеваний,

которыми Гранада больше не могла пользоваться. Немало из них добралось и до Феса. Живописное расположение, вкус и щедрость его правителей сделали его прекрасным городом. Его сады, засаженные всевозможными тропическими растениями и цветами и освежаемые бесчисленными фонтанами, представляли собой райское зрелище для усталого и измученного жаждой путника, прошедшего много миль по удушающей жаре и дрейфующим пескам пустыни. Высокой степени цивилизации достиг народ Марокко, который, обладая естественной склонностью арабского ума к научным изысканиям и математическим изысканиям, добился значительных успехов в астрономии, химии, ботанике и медицине. Их усилиям существенно помогли драгоценные рукописи, некогда составлявшие великую библиотеку халифов, и сокровища частных коллекций, спасенные от невежества варваров и христианского фанатизма во время разрушения империи Оммеядов. В Фес, где он почитался как бесценная реликвия и где, возможно, до сих пор хранится, альмохады перевезли знаменитый Коран, частично написанный рукой принявшего мученическую смерть Османа, который ранее был выставлен для почитания верующими в Кибле Великой мечети Кордовы. Не обращая внимания на изменение национальных условий, на упадок религиозного энтузиазма, на упадок того боевого духа, который делает фанатичного солдата непобедимым, эмиры Марокко никогда не упускали из виду свой любимый проект - восстановление Испании. Их неоднократные усилия с этой целью оказались безуспешными из-за религиозной вражды между их подданными и андалузскими мусульманами; ресурсы обоих королевств, которые могли бы с пользой быть направлены против неверных, были растрочены впустую на причинение взаимных обид; и кастильские монархи, попеременно пользуясь враждебностью обеих фракций, как это лучше всего соответствовало их целям, направили свое оружие друг против друга для их общей гибели.

В 1333 году семитысячный отряд мавританской кавалерии под командованием Абд-аль-Мелика, принца крови, высадился в Альхезирасе. Приглашенные повстанцами Гранады и ожидавшие объединения с кастильскими войсками против Мухаммеда, их операции начались с неожиданной стороны. С быстротой, свидетельствовавшей о предварительной организации хорошо продуманной кампании, захватчики и их соотечественники из Альхезираса захватили Гибралтар. Учитывая оборону этой крепости, значительно улучшенную со времен кастильской оккупации, предприятие казалось безнадежным. Но либо из-за казнокрадства губернатора, либо из-за пренебрежения двора к снабжению гарнизона припасами, это место за несколько недель пришло в величайшее запустение. Лишенные всех обычных средств к существованию, голодные солдаты пожирали кожу своих поясов и щитов. Сложность ситуации была осознана слишком поздно. Эгоистичная и тираническая политика Альфонсо XI. вызвала отчуждение у его подданных. Сладострастный король слишком долго пребывал в объятиях своих любовниц, а драчливая знать была занята удовлетворением своих наследственных обид в удобном для себя занятии частной войной. Официальная некомпетентность и промедление подготовили почву для крупных катастроф. Африканский флот господствовал на море. Никакие силы, имевшиеся в распоряжении христиан, не могли выбить из своих укреплений хорошо оснащенную армию Абд-аль-Мелика, успех которой был в пределах ее досягаемости. Кастильские принцы, так же как и дворяне, с надменным безразличием прислушивались к патриотическим призывам своего государя. Королевская власть пала так низко, что некоторые кавалеры самого высокого ранга игнорировали императивные послания короны; другие требовали компенсации за вклад в оборону своей страны. Альфонсо, покинутый знатью, нашел свою единственную опору в неуверенной и эгоистичной приверженности иностранных солдат удачи, привлеченных в

Испанию ожиданием грабежа, и в сотрудничестве великих магистров военных орденов, которые, вынужденные своими клятвами, оказывали вялую и неохотную поддержку трону. Задолго до того, как кастильская армия смогла прибыть к Гибралтару, гонцы принесли неприятную весть о его капитуляции. Знамена Пророка были подняты под одобрительные возгласы солдат на самой высокой точке цитадели, и африканские корабли заняли гавань. Гарнизону было позволено отступить с боевыми почестями, и ликующие мусульмане, опьяненные победой, уже представляли себе скорое возвращение мест своих предков и возрождение древней славы халифата.

Король Кастилии, убежденный, что мавры недостаточно прочно закрепились в своем новом завоевании, чтобы поддерживать осаду, двинулся к Гибралтару. Преследуемый вражеской кавалерией, его отряд добрался до места назначения после множества конфликтов с сомнительным исходом и неважными результатами, и африканцы, в свою очередь, были осаждены. В своем незащищенном положении, с бдительным врагом в тылу и морем, патрулируемым африканским флотом, кастильцы терпели невыразимые лишения. День был одним непрерывным конфликтом, ночь - чередой тревог. Конвои были перехвачены. Голод с сопутствующими ему ужасами прошелся по несчастному лагерю. Пошатнувшаяся лояльность и недостаточная дисциплина в войсках способствовали дезертирству, и число тех, кого пощадили нужда и болезни, начало ощутимо сокращаться. Многих, бежавших от их знамен, постигла более плачевная участь, ибо никто не избежал бдительности мавританских разведывательных отрядов; а пленников было так много, что на рынке Альгезираса отборных рабов-христиан можно было купить за дублон золота. В довершение общего смятения, эмир Гранады приближался во главе многочисленного отряда войск с намерением соединиться с Абд-аль-Меликом. В этот критический момент, когда дело христиан казалось почти проигранным, ход событий был изменен одним из тех неожиданных происшествий, которые, хотя и часто встречаются в летописях тех времен, по-видимому, необъяснимы, если не приписываться влиянию рыцарских инстинктов, которые во время ведения мусульманских войн часто превращали свирепость в вежливость, а вражду - в дружбу. Узкое пространство, разделявшее враждебные лагеря, было, согласно обычаю того времени, ареной многих рыцарских схваток. В результате одного из них были выдвинуты и приняты предложения о мире, было подписано четырехлетнее перемирие, и враги, которые всего несколько часов назад яростно боролись за уничтожение друг друга, теперь объединились на условиях знакомой близости. Между монархами Кастилии и Гранады состоялся обмен подарками. Различные уровни цивилизации, существующие в двух королевствах, и заметное превосходство мавров в знании и приспособлении к механическому искусству раскрываются в дошедших до нас отчетах об этом проявлении королевской учтивости. Статьи, представленные королем Кастилии, едва ли упоминаются древними хронистами. Если бы они были объектами любопытства, элегантности или ценности, кастильская гордость не стала бы молчать о них. С другой стороны, подарки эмира Гранады, их внутренняя ценность, совершенство изготовления, количество, разнообразие и оправа драгоценных камней, которыми они были украшены, являются предметом подробного и точного описания. Они включали великолепное оружие и доспехи; среди них шлем, украшенный рубинами необычайной величины, и меч с дамасским клинком тончайшего качества, ножны которого, сделанные из накладывающихся друг на друга золотых пластин, были усыпаны великолепными топазами, сапфирами и изумрудами. Не менее примечательными из этих предметов элегантной роскоши были красивые разноцветные шелка и куски золотой ткани. В Гранаде производство шелка уже давно достигло совершенства,

значительная часть большого базара столицы была отведена для торговцев, а превосходное качество продукции обеспечило ей большой спрос в каждом порту, доступном для торговли. В Кастилии, удаленной едва ли на день пути, эта ткань, доступная людям со средним достатком в условиях развитой цивилизации испанских арабов, была практически неизвестна и, будучи далеко не товаром, вызывала любопытство и стоила гораздо больше, чем на вес золота.

Церемонии заключения договора завершились банкетом, и Мухаммед, забыв о религиозных предрассудках или не считаясь с ними, воспользовался гостеприимством короля Кастилии. Эта уступка неверующему христианину оскорбила фанатизм африканцев; мнимое пристрастие, проявленное к эмиру Гранады его хозяином, было воспринято как национальное оскорбление; а плохо скрываемая взаимная ревность соперничающих исламских сектантов снова была подчеркнута кровавой трагедией. По возвращении в лагерь Мухаммед был подстерегнут и убит своими свирепыми и вероломными союзниками, которые так сильно воспользовались его помощью и которые не могли ни понять, ни вынести великодушной вежливости, признающей добродетели доброй воли и терпимости даже в исконном враге. Эмир едва успел испустить дух, когда визирь Редван смелым ходом, характерным для нечестных методов восточной политики, обеспечил в то же время общественное спокойствие и сохранение своей собственной власти. Поспешив в Гранаду, он провозгласил эмиром Юсуфа, младшего брата Мухаммеда, и в сопровождении великолепного эскорта доставил его в мусульманский лагерь, где армия немедленно присягнула ему на верность.

1339 год начался с обширных приготовлений к очередному африканскому вторжению, целью которого, по общему признанию, было завоевание всего полуострова. Проницательный и деятельный Абул-Хасан, султан Феса, использовал все средства для обеспечения успеха, чьи таланты подняли его империю на первое место среди мусульманских держав Запада. Фанатичные и красноречивые миссионеры были отправлены проповедовать Священную войну среди диких племен Пустыни. Между султаном и Хайме III, королем Майорки, был заключен союзный договор. Дружеские отношения, прерванные убийством эмира, были возобновлены с Гранадой. На данный момент инстинкт самосохранения и интересы общей веры перевесили национальную зависть и горечь богословской ненависти. Была собрана и оснащена неисчислимая армия. Африканский военно-морской флот, и без того более грозный, чем у противника, был значительно усилен. Овладение Гибралтаром и Альхезирасом предполагало предприятие, которое, как легко убедил себя мусульманский фанатизм, было осуществимым, а в случае неудачи предоставляло средства безопасности и отступления. Ежедневно, в течение нескольких месяцев, солдаты в сопровождении своих семей пересекали пролив. Проницательность Абуль-Хасана убедила его, что присутствие их жен и детей подтвердит верность войск, оживит их доблесть и полностью обеспечит их уверенность в успехе предприятия, проводимого с санкции религии. Большое количество этих вооруженных колонистов прибыло в Гранаду, где Юсуф принял их со всеми признаками уважения, который с большим удовлетворением воспринял это важное дополнение к военной мощи своего королевства.

Информация об этих событиях, достаточно серьезная сама по себе и, несомненно, сильно преувеличенная страхом и невежеством, посеяла ужас в королевствах Португалии, Арагона и Кастилии. Соперничество монархов, вражда знати, честолюбие духовенства были на время отброшены в сторону из-за общего опасения приближающегося всемирного потопа. Военно-морские силы трех королевств были объединены под командованием кастильского адмирала

дона Джеффри Тенорио. Его флот состоял всего из тридцати шести судов, плохо укомплектованных, несовершенно оснащенных и совершенно непригодных для успешной борьбы с быстрыми и хорошо оснащенными галерами султана Феса. Во всеобщем смятении и для противодействия религиозному пылу мусульман через папу было испрашено разрешение на божественную помощь, и Святой Отец выдал из Авиньона полную индульгенцию всем христианам, которые должны будут участвовать в предстоящем состязании.

Начало военных действий ближе к концу 1339 года было отмечено серией грабительских экспедиций, предпринимавшихся по очереди каждой нацией, и характерно для беспорядочных и нерешительных конфликтов, столь популярных в те времена. После захвата значительной добычи африканский полководец Абд-аль-Мелик с основной частью своей армии расположился лагерем на равнине Пагана. Христиане, спешно собранные по призыву своих сеньоров под командованием глав благородных домов Гусмана и Понсе де Леона, имен, впоследствии прославившихся при завоевании Гранады, форсированным маршем напали врасплох на лагерь противника. Атакованные в своих палатках, одурманенные сном и сбитые с толку шумом боя, мусульмане, неспособные ни к сопротивлению, ни к бегству, гибли тысячами. Абд-аль-Мелик, пронзенный множеством ран, умер в камышах соседнего ручья, где он прятался. Потери захватчиков превысили десять тысяч человек, и множество пленников было уведено в цепях. Победители завладели сокровищем огромной ценности, а добыча, добытая в последней кампании, состоявшая главным образом из крупного рогатого скота и овец, была отбита и передана в пользование кастильской армии.

Результаты этого блестящего подвига, в котором были продемонстрированы мастерство и доблесть кастильских солдат, были, как обычно, сведены на нет аристократической ревностью и придворными интригами. Достигнутое значительное преимущество не было использовано; и мавры, ободренные недостатком мужества, проявленным врагом, были побуждены к новым действиям сознанием своей силы и горечью от поражения. Одержимый жаждой мести, султан Абул-Хасан удвоил свои приготовления к грядущему вторжению. Каждый человек, подвластный его власти во всех его обширных владениях, был зачислен в армию. Порты Северной Африки огласились громким инцидентом с ремонтом и снаряжением флота. Султан лично руководил погрузкой войск в Сеуте и принял командование экспедицией. Мавританское вооружение, состоявшее из двухсот десяти судов, из которых более семидесяти были военными галерами, наконец отплыло из Сеуты; и мавританское войско численностью почти в двести тысяч человек без происшествий высадилось в Гибралтаре и Альхезирасе. Все ресурсы, имевшиеся в распоряжении Абуль-Хасана, были использованы для сбора этого огромного войска и обеспечения его боевым снаряжением. Все самые могущественные мотивы, которые движут человеческим разумом, объединились для осуществления проекта вторжения — королевские амбиции, личная месть, увещевания о религиозном долге, жажда империи, надежда на Рай. В течение почти двух столетий столь грозная сила не угрожала христианскому господству на полуострове. Недаром число паломников к знаменитым святыням увеличилось вчетверо; что к вмешательству местных святых призывали в каждой деревне; что перепуганные жители Андалусии спрашивали себя, не должны ли африканские варвары одним ударом вырвать из их рук наследие их отцов, отвоеванное у неверных шаг за шагом; не должен ли кафедральный собор Кордовы, этот бесценный трофей завоевания, все еще существующий во всей своей первозданной красоте и посвященный поклонению Богу, снова быть занят рабами Арабского Пророка.

Неприятельский флот прошел пролив ночью, очевидно, из-за бездействия испанского адмирала, меньшие силы которого, однако, не могли даже задержать его продвижение; но из-за этого явного пренебрежения долгом распространился слух, что дон Джеффри Тенорио, один из самых благородных и пылких людей, предал оказанное ему доверие за взятку. Уязвленный за живое несправедливым обвинением, храбрый солдат приказал своим кораблям готовиться к бою. Противники превосходили его численностью втрое к одному, и никакая храбрость или ловкость не могли компенсировать невыгодное положение или неравенство в численности. Конфликт был коротким и кровопролитным. Христианский адмирал после отчаянной борьбы на палубе своего корабля пал с мечом в руке; большинство христианских судов было захвачено или потоплено, и только пяти удалось достичь гавани Тарифы. Абуль-Хасан с самого высокого минарета Сеуты был свидетелем победы, которая установила его морское господство в Западном Средиземноморье и почти на целое поколение уничтожила военно-морскую мощь королевства Кастилия.

В сентябре 1340 года султан Феса официально принял командование своими войсками в Альгезирасе. Вскоре после этого прибыла армия Гранады под командованием Юсуфа, и долгожданная кампания началась всерьез. Хроники того времени сильно расходятся в своих оценках численности союзного войска. Однако то, что она была очень многочисленной, не подлежит сомнению, и, даже после должной поправки на преувеличения священников и кастильскую гасконаду, она, по-видимому, превышала двести пятьдесят тысяч человек. Из них почти сто тысяч были мавританскими и гранадскими всадниками, лучшей легковооруженной кавалерией в мире. Военное мастерство, которым располагали эти огромные силы, ни в какой степени не соответствовало той непреодолимой мощи, которую они были способны проявить, если их разумно направлять. Самым очевидным ходом было бы быстро продвинуться в глубь страны врага, уже парализованного страхом при его приближении, и вступить в бой до того, как христиане будут полностью готовы. Однако взятие Тарифы было в глазах двух государей более несомненным преимуществом, чем рискованный исход ожесточенного сражения на их собственной территории с грозным рыцарством Кастилии, и, вследствие их решимости, вокруг этого города была проведена линия укреплений. Неясно, повлиял ли на решение мусульманских командиров какой-либо другой стимул, кроме простого каприза. Тарифы была местом, имевшим сравнительно небольшое стратегическое значение. До тех пор, пока наиболее важные крепости Гибралтар и Альхезирас оставались в руках мусульман, обеспечивая беспрепятственное сообщение с берегами Африки, обладание ими не могло принести никакой материальной выгоды. Его гавань не была ни особенно безопасной, ни удобной. Хотя страна в окрестностях была богатой и плодородной, ее протяженность была недостаточно велика, чтобы оправдать затраты большого количества крови и сокровищ на ее покорение. И, наконец, грозный характер обороны Тарифы, который не раз демонстрировал, что незначительный по численности гарнизон может легко удерживать свои позиции против огромной армии, должен был убедить мавританских князей в трудностях, с которыми придется столкнуться при его сокращении, в дополнение к вероятности окончательной катастрофы. Осада города, как только было принято решение, велась с предельной энергией. Из Сеуты было перевезено большое количество военного снаряжения, провизии, тяжелых двигателей, используемых в военных операциях, и несколько единиц грубой артиллерии. Кастильские галеры, пытавшиеся перехватить эти припасы, потерпели крушение во время шторма, а моряки были убиты врагом или взяты в плен и вынуждены отречься от своей религии. Апатия христиан, частично вызванная конституционным безразличием, но в основном из-за королевского гнета, казалось, вот-вот

обрежет их страну на гибель. Альфонсо XI, доведенный до отчаяния, созвал собрание великих магистров военных орденов, самых выдающихся прелатов и тех из высшей знати, кого он не низвел, не сослал и не казнил. После патетического воззвания к их патриотизму он положил на стол свой меч и корону и, оставив им эти знаки королевского достоинства как немые символы своей чести и горя, удалился из комнаты. В ходе последовавших обсуждений было решено немедленно попытаться освободить Тарифу, что в случае успеха предотвратило бы национальное бедствие. Были приложены все усилия для сбора армии. Знать созвала своих слуг и вассалов. Духовенство провозгласило крестовый поход, подняло священное знамя, благословленное папой, и воспламенило религиозное рвение своих слушателей всеми уловками фанатизма и всей силой красноречия, в которых они были мастерами. Были поданы апелляции к королям Арагона и Португалии. У Генуэзской республики был получен флот галер, что совершенно истощило и без того обанкротившуюся казну королевства, в то время как хорошо известное двуличие этих наемников вызывало немалые опасения, что их могущество может быть обращено против их союзников в результате махинаций богатого и беспринципного противника.

После нескольких недель напряженных усилий, после многочисленных нападений и множества хитростей, все из которых были отбиты или сорваны, неустрашимый гарнизон Тарифы все еще сохранял честь и репутацию кастильского оружия. Для этой горстки героических солдат перспектива была действительно обескураживающей. С зубчатых стен замка, насколько хватало глаз, были видны бесчисленные палатки осаждающей армии. Среди грубых коричневых укрытий из верблюжьей шерсти, родины арабов-переселенцев, появились более претенциозные помещения различных командиров дивизий, обозначенные вымпелами ярких цветов и патрулями вооруженных до зубов часовых. На небольшом возвышении, в центре обширного лагеря, бок о бок стояли королевские шатры султана Абул-Хасана и Юсуфа, эмира Гранады. Украшенные всеми безделушками, какие только можно было добыть за счет безграничных ресурсов богатства и власти, они бросались в глаза издали. Их материалом был синий и малиновый шелк, богато и искусно расшитый. Серебряные шары венчали кольца, которые поддерживали их складки. Перед шатром султана Феса развевалось великое знамя Священной войны из зеленого шелка, на котором были начертаны отрывки из Корана и имя Аллаха, сотни раз повторенное золотыми буквами. В доспехах и оружии, сверкающих драгоценными камнями, многочисленная стража охраняла безопасность своих государей — свирепые воины Зенета и Бени-Сараджа, этих “Сыновей Шорника”, которым суждено было спустя годы сыграть заметную роль в истории Гранады и чья доблесть на фоне падающего благосостояния мусульманской империи поддерживала во многих кровопролитных битвах репутацию их предков и наводила ужас на их имя. За пределами гавани выстроился вражеский флот, покрывая море своими белоснежными парусами; его яркие знамена были украшены эмблемами командиров или девизами Корана, которые принцы Дома Фес приняли за свои особые знаки отличия.

Возможно, сердца маленькой группы христиан в осажденном городе Тарифы дрогнули. Судя по всему, они были покинуты своим сувереном. Никакие вести о приближающейся помощи не достигали их ушей. Шум непрекращающегося сражения разносился по улицам. Стены рушились под ударами грозных боевых машин. Не раз отряды штурмующих закреплялись на крепостных валах только для того, чтобы быть отброшенными нечеловеческими усилиями. Даже при капитуляции у них было мало шансов на безопасность, поскольку тем из их товарищей, кто попал в руки врага, предлагалась альтернатива отступничества или смерти. Ибо в этой

Священной войне, которая велась более искренне для распространения религиозной веры, чем для приобретения территории или завоеванных трофеев, гуманные правила, которые обычно регулировали сдачу врагов или обращение с пленными, были либо приостановлены, либо отменены. Их упорное и продолжительное сопротивление привело осаждающих в ярость, и оставалась слабая надежда на пощаду в случае покорности или пленения. Мусульманская армия в основном состояла из варваров, не знающих законов и обычаев цивилизованных народов; и независимо от того, был ли город взят штурмом или сдался, он неизбежно был бы разграблен и, вероятно, разрушен. В последний момент крайности и отчаяния с зубчатых стен были обнаружены христианские знамена. В организации приближающейся армии усилия испанцев были совершенно исчерпаны. Кастилия в четырнадцатом веке не могла командовать людьми, средствами, военными ресурсами, которые находились под контролем сурового старого воина Фердинанда III. Население уменьшалось из-за войн, мятежей, голода, болезней. Сельское хозяйство было невозможно там, где жизнь и имущество постоянно находились в опасности. Предметы, которые в сопредельном королевстве Гранада были в руках каждого крестьянина, были неизвестны большинству кастильцев. Стада, некогда являвшиеся главным источником богатства Эстремадуры и Андалусии, были сметены попеременными вторжениями друзей и врагов. Расточительность любовниц, казнокрадство чиновников, поборы духовенства, алчность знати истощили государственную казну. Управление финансами находилось в основном в руках евреев и церковников, которые по возможности препятствовали друг другу и всегда за счет государства; которые, что не безосновательно, относились друг к другу с подозрением; и которых, в свою очередь, искренне ненавидели те, на кого было возложено непосильное бремя дани и налогообложения. Последовательные регентства, организованные для грабежа; вопиющее злоупотребление властью и протестирование правосудия ради удовлетворения личной мести; наглость королевских наложниц; кровавая тирания, опозорившая трон; посягательство на частные права и ненадежность частной собственности; безнаказанность преступлений; вездесущие свидетельства бедствия и нищеты; унижение труда и отличия, сопутствующие судебному преследованию за успешное хищение, ожесточили общественное мнение и оттолкнули от себя преданность галантного и романтического народа, который раньше носил королевское достоинство Кастилии. как второй после всемогущей власти Бога. Это был важнейший кризис в истории Испании. На карту было поставлено существование обширной монархии, целостность религии, имеющей древние традиции, насчитывающие тысячу триста лет. Численное превосходство мусульман было подавляющим. В рядах христиан накануне битвы все еще царили раздоры, и принцев королевской крови подозревали в изменнической переписке с врагом. При таких обстоятельствах, когда требовались все силы, обнародование подобных слухов, порождавших взаимное недоверие, сильно снижало боеспособность армии. О важности состязания свидетельствовал ранг тех, кто следовал за монархами Кастилии и Португалии. Примас Испании; архиепископы Сантьяго, Севильи, Браги; епископы Паленсии и Мондоньедо; великие магистры всех боевых братств в обоих королевствах; представители всех благородных домов от Пиренеев до Средиземного моря, от границ Франции до берегов Атлантики ехали в свите монарха. Обязанности этих воинственных прелатов не ограничивались служением месс, поминовением святых и покаянием грешников. Почти все они сбросили священные одеяния своей профессии и появились в кольчугах во главе отрядов хорошо обученных слуг. Они не были презренными противниками, эти стойкие поборники Креста, одинаково чувствовавшие себя как дома перед тихими алтарями великолепных соборов или в окружении суматохи и резни на самом переднем крае сражения. Таков был обычай членов христианской иерархии еще до битвы при Гуадалете.

Крестоносный характер мавританских войн, предпринятых с целью распространения религии, подкрепленный непогрешимым авторитетом папы римского и щедрым благочестием иностранных государей, придал каждой церковной организации на полуострове воинственный характер. В Испании было больше военных заказов, чем в любой другой стране мира. Не только тамплиеры и госпитальеры были представлены там богатыми приоратами и командорствами, но и не менее чем четыре могущественные группы рыцарей-монахов были обязаны своим происхождением войнам Реконкисты. Влияние этих монахов-воинов в политике и на войне было обширным и огромным. Они назначали регентов. Они создавали и смещали суверенов. Их советы руководили действиями великих княжеств и королевств. Под покровом религиозного аскетизма они скрывали множество отвратительных пороков, честолюбие, продажность, распущенность, жестокость, алчность. Совместно с Церковью они полностью контролировали политику монархии Кастилии. Ни одному классу своих подданных эта монархия не была так сильно обязана своим происхождением, распространением, славой, укреплением своей власти, формированием своих нравов. Церковное господство, установившееся во время семисотлетнего крестового похода, сделало возможными зверства инквизиции. Это наложило свою печать на национальный характер, заметный в серьезном и надменном поведении, неразговорчивом нраве, подозрительности современного испанца. То, что железная хватка епископального деспотизма была наложена на народ при его формировании и сохранялась в течение долгих и насыщенных событиями столетий попеременного успеха и бедствий, не обошлось без далеко идущих результатов. Поскольку ни одна каста не внесла такого большого вклада в величие Испании, как духовенство, никто так не воспользовался ее возможностями. Они были самой богатой ветвью католической иерархии в христианском мире. Их предстоятель, первый по старшинству среди прелатов соответствующего достоинства, занимал второе место после папы Римского. Ни одна другая страна не могла бы похвастаться такими богатыми привилегиями, такими обширными владениями, такими королевскими доходами; религиозные здания, подобные дворцам из-за их разнообразного мрамора и мозаики; соборы, которые даже после столетий забвения все еще являются несравненными образцами величия и красоты, наполненные произведениями искусства непревзойденного совершенства, украшенные священными сосудами из массивного золота и сверкающих драгоценных камней, освещенные окнами, великолепные оттенки которых, смягченные возрастом, предлагают восхищенному и благоговейному поклоннику заглянуть в настоящий Рай. Несмотря на все эти свидетельства богатства и великолепия, с ее безграничными возможностями для человеческого счастья и человеческого прогресса, страна не продвинулась вперед. Ее последующие приобретения принесли проклятие, а не пользу. Нынешнее вырождение и слабость испанской монархии представляют собой печальный пример страны, основанной, поддерживаемой и разрушенной под влиянием суеверий.

Утром тридцатого октября 1340 года на берегах Саладо, незначительного ручья, которому, однако, суждено было остаться бессмертным в анналах испанского завоевания, две великие армии приготовились к битве. Первое сообщение о приближении противника послужило сигналом к прекращению осады. Были отозваны аванпосты. Линии обхода, которые так долго окружали страдающий от голода город, были пустыни. Пушки и катапульты, снаряды которых пробили множество брешей в стенах, были разбиты или сожжены. С первыми лучами рассвета король Кастилии и вся его армия приняли причастие, совершенное архиепископом Толедским, чьи священнические одежды были наброшены поверх его доспехов. Разгромленный гарнизон Тарифы, оставив свою оборону, занял позицию в тылу мусульман. Левым крылом последнего

командовал Абул-Хасан; перед ним было большое знамя Веры; в руках у него был раскрытый Коран. Справа был изображен Юсуф с рыцарством Гранады. В могучем войске захватчиков было мало знаний о тактике и еще меньше о дисциплине, каждое племя сражалось независимо под знаменем своего вождя и полагалось на стремительность первой атаки; в случае отражения они также не могли сплотиться или путем искусных маневров воспользоваться ошибками или минутным замешательством врага. На таком расстоянии во времени невозможно даже правильно приблизиться к численности противоборствующих сил, поскольку каждый был заинтересован в увеличении силы другого, либо для увеличения заслуг победы, либо для уменьшения позора поражения. Численное превосходство мавров было, однако, неоспоримым. Их превосходство в этом отношении в значительной степени зависело от характера их противников. Христианский рыцарь, закованный вместе со своим конем в стальные ножны, был более чем достойным противником для десятка плохо вооруженных, полуголых варваров. Несколько решительных кавалеристов, действовавших согласованно, могли сплотить многие тысячи беглецов; для недисциплинированной толпы, однажды охваченной паникой, численность была только препятствием.

Таким образом, на противоположных берегах Саладо были расположены вражеские армии, успех или неудача которых должны были решить судьбу полуострова. После нескольких стычек христианам удалось переправиться через ручей. Отряд знати фланговым движением проник в лагерь противника и разгромил его. Альфонсо XI, наступавший с основными силами, столкнулся с Абуль-Хасаном и был немедленно окружен всем левым крылом мусульманской армии. Кастильцы были почти разбиты; королевская гвардия была сражена градом метательных снарядов, и король в отчаянии с трудом удержался от того, чтобы почти в одиночку не броситься на вражеские копья. В этот момент фланговый отряд и гарнизон Тарифы внезапно обрушились на тыл африканцев. Захваченные врасплох, ряды последних пришли в беспорядок, и, поскольку смятение распространилось со всех сторон, они обратились в бегство. В другой части поля король Португалии сражался с эмиром Гранады. Войска последнего, вынужденные теперь выдерживать натиск всей христианской армии и удрученные отступлением своих союзников, оставили свои позиции. Их отступление превратилось в бегство, и огромная толпа, беззащитная и сбившаяся в громоздкую массу, стала легкой добычей их безжалостных преследователей.

Ничто так не примечательно в этой решающей битве, как короткое время, которое потребовалось для ее победы. Но нескольких часов хватило, чтобы уничтожить это гигантское вооружение, на организацию и ввод в действие которого потребовались объединенные усилия двух могущественных королевств в течение многих месяцев. Последовала ужасная резня. Скользящая от крови равнина была усеяна десятками тысяч трупов. Багровый поток неся по узкому и обрывистому руслу Саладо. Число убитых намного превышало число пленных, но большая часть разбитой армии бежала в Гранаду. И эмир, и Абуль-Хасан вернули свои столицы морем. Гарем султана Феса и нескольких его сыновей, которые в тщетной уверенности в победе сопровождали его, попали в руки христиан. О непримиримом характере борьбы свидетельствует обращение с этими беспомощными несчастными, которых дикие кастильцы убивали в их палатках. Со времен памятного дня Лас-Навас-де-Толоса подобная демонстрация добычи не радовала глаз солдат-победителей. Количество золотых и серебряных слитков было настолько велико, что коммерческая ценность этих металлов, как следствие, снизилась на одну шестую во всех королевствах Испании и Франции. Богатство, представленное браслетами и ожерельями, украшенными драгоценными камнями ятаганами и эмалевыми кинжалами, шпорами, материал которых из массивного золота был полностью скрыт их сверкающей

оправой, грудями драгоценных камней необычного размера и ослепительного блеска, драгоценными слитками, для подъема которых требовались объединенные усилия многих людей, не поддавалось никакому исчислению. К этим привлекательным предметам добавились другие, возможно, менее интересные, но более полезные— великолепные седла и накладки, украшенные сапфирами и топазами; шатры из шелковой парчи; одеяния, искусно расшитые текстами из Корана; одеяния, отделанные золотом и серебром; тысячи арабских лошадей, известных быстротой, кротостью, красотой и выносливостью. Деньги, впоследствии полученные от выкупа прославленных пленников, составили немалую часть трофеев этой великой победы. Сотня лучших всадников в полном снаряжении, каждого из которых вел знатный мавр в великолепных одеждах, королевский штандарт Кастилии и трофейное оружие и доспехи султана Феса были отправлены папе в Авиньон как свидетельство могущества папского заступничества и как трофеи христианского триумфа.

С поражением Саладо исчезло активное вмешательство африканских султанов в дела полуострова. Казалось, они больше не обладали ни возможностями, ни энергией для успешного проведения крупных военных мероприятий. Отныне только оборонительная война использовала таланты и растрачивала ресурсы королей Гранады, единственных представителей сарацинской власти в Европе, в конфликте, который, затянувшись почти на два столетия дольше из-за самоубийственных междоусобиц испанских принцев, был обречен проявить черты, которые, по-видимому, принадлежат скорее к сказочным царствам романтики, чем к суровой области истории; в то время как королевская линия Альхамаресов, сохранившая от уничтожения остатки мавританской цивилизации, переданные из Западного халифата, путем защиты искусств и поощрения литературы, какое-то время казалась близкой к завершению. возродить славу Кордовы и вдохнуть жизнь и энергию в быстро исчезающий призрак мусульманского величия.

Абул-Хасан справедливо приписал постигшее его бедствие трусости своих союзников, которые бежали почти до того, как скрестили мечи со своими противниками; и с этого момента борющиеся мусульмане Гранады были предоставлены самим себе против объединенной и подавляющей энергии христианских сил.

Через два года после битвы при Саладо Альфонсо XI. осадил Альхезирас. Девятнадцать месяцев гарнизон держался против всех сил кастильской монархии. Эмир Гранады предпринял безуспешную попытку освободить город, но память о недавней катастрофе была слишком жива, и войска этого королевства нельзя было заставить столкнуться со своими ужасными врагами в бою. Альхезирас сдался, и его жителям и гарнизону было разрешено удалиться под подписку о невыезде: первым - со своими личными вещами, вторым - со своим оружием и боевыми почестями.

Следующим предприятием, привлечшим внимание воинственного короля Кастилии, был захват Гибралтара. В 1349 году эта крепость, расположение и оборонительные сооружения которой сделали ее, как говорится, неприступной, была захвачена. Не имея возможности взять ее штурмом, была предпринята попытка уничтожить ее голодом. Осада длилась год, когда в кастильском лагере вспыхнула эпидемия чумы, и Альфонсо стал одной из первых жертв, оставив корону своему сыну Педро эль Жестокому, имя которого приобрело отвратительное значение в анналах королевской бесчестия. Великодушная вежливость мусульман никогда не проявлялась так ярко, как в этот печальный момент. Эмир Гранады, стоявший лагерем в тылу

христианской армии, разрешил похоронному кортежу беспрепятственно проследовать в Севилью, и многие кавалеры его двора надели траур в честь умершего государя, притеснителя их соотечественников и врага их веры.

Оставшиеся годы правления Юсуфа прошли в мире. Черeda несчастий, которые печальной чередой обрушивались на мусульманское оружие, была на время приостановлена. В Кастилии раздоры, случившиеся с меньшинством, снова смутили это королевство; снова фракционная знать боролась за политическое господство с помощью заговоров и мятежей; снова отправленне правосудия было прервано; снова королевское достоинство было унижено и подверглось всеобщему презрению. Таким образом, избавившись от доселе вездесущего страха перед вторжением, королевство Гранада получило возможность беспрепятственно следовать своим курсом по прогрессивному пути цивилизации. Сокровища, которые раньше использовались в бесполезных военных операциях, теперь тратились на развитие и применение искусства мира. В высшей степени удачливая в характере своих принцев династия Альхамаресов не превзошла Юсуфа ни в одной благородной черте и устремлениях, которые могут внести достоинство или честь в репутацию короля. Страстно преданный строительству, самые великолепные апартаменты Альгамбры были построены во время его правления и под его личным наблюдением. В эту эпоху были реализованы те концепции архитектурного гения, которые сделали это великолепное сооружение не имеющим аналогов среди самых роскошных обителей королевской семьи. В подражание его красоте знаменитые вельможи Гранады возвели в городе и его окрестностях множество особняков и вилл. В планировке этих великолепных дворцов повсеместно соблюдались преобладающие вкусы и обычаи Востока. Дворы были окружены колоннами из белого мрамора и алебаstra, капители которых были вырезаны из массивного серебра, а древки часто покрывались золотом. Лепнина была раскрашена в алый, зеленый и синий цвета; на этом блестящем фоне горельефом с ошеломляющим разнообразием проступал лабиринт священных легенд, геометрических узоров, переплетающихся арабесок, все позолоченное и сияющее великолепным великолепием. Тротуары и веранды дворов и залов были одинаково выложены мозаикой, расположенной тысячу фантастических узоров; балясины галерей и потолочные балки из лиственницы и кедра были вырезаны и инкрустированы черным деревом, перламутром, панцирем черепахи и слоновой костью; на клумбах тропическая роскошь, блеск отборных и благоухающих цветов с удивительной точностью воспроизводили узоры, тексты и ажур стен. Со всех сторон было обильное изобилие воды; воспоминание об этом величайшем из благословений для странников в жаркой и засушливой атмосфере Пустыни, простых и воздержанных прародителей гордых хозяев этих величественных зданий, привередливых сибаритов, знакомых до пресыщения со всеми изысками порока и роскоши. Попадая по огромным акведукам из водохранилищ в Сьерре, питаемых тающими снегами, он распространялся во всех формах, которые только могла изобрести человеческая изобретательность для блага или ублажения человека. Он сиял в алебастровых бассейнах, наполненных золотыми рыбками. Он струился по крошечным каналам трубопроводов в холле и вестибюле. На нем переливались все оттенки радуги в фонтанах сада и внутреннего двора. Он быстро струился по перилам мраморных лестниц, на каждой площадке выбрасывая сверкающую струю на высоту многих футов. И, наконец, в бане, этом непременно предмете жилища каждого богатого и добросовестного мусульманина, все было обставлено с расточительностью и удобством, неизвестными даже роскошному римлянину в самые счастливые дни Империи.

Практический гений Юсуфа нашел применение не только в развитии архитектуры. Его достижения как ученого намного превосходили его знания или способность управлять государством. В ту эпоху было известно несколько отраслей науки, с которыми он не был знаком. В астрономии и химии его познания были особенно обширными и точными. Именно во время его правления знаменитый Ибн-Бейтар, первый ботаник, врач и натурфилософ своего времени, путешествовал под покровительством своего государя по всем доступным странам мира с целью совершенствования медицинской науки и приобретения ботанической информации. Меры, принятые Юсуфом для улучшения положения своих подданных, были адаптированы ко всем слоям общества, ко всем отраслям промышленности, к регулированию и практике религиозных церемоний, к поощрению и направлению интеллектуального прогресса. Его просвещенный ум с первого взгляда улавливал шаги, необходимые для принесения общественной пользы или исправления тяжкого злоупотребления. Его эдикты предписывали выполнение часто пренебрегаемого ритуала ислама; они определяли и приводили в исполнение предписания о чистоте, регулярности, формальности в богослужении — что верующий всегда должен быть в пределах слышимости призыва к молитве; что на каждые двенадцать домов должна быть возведена мечеть; они напоминали о достойном характере обязанностей по отношению к бедным и беспомощным; защите сирот; посещении больных; раздаче милостыни. Они регулировали деятельность городской полиции, устанавливали часы открытия и закрытия ворот и назначали для каждого округа магистрата, ответственного за поддержание порядка. Они предписывали проводить военные операции гуманно и строго запрещали причинять увечья некомбатантам или приставать к мирным служителям враждебной религии. Варварские наказания, установленные законом Корана, были значительно смягчены великодушной снисходительностью Юсуфа, который нередко допускал смягчение приговора, когда суровость наказания была несоразмерна характеру преступления. За время его правления во всех его владениях появилось множество общественных зданий огромного размера и роскошного характера, монетных дворов и университетов, мечетей и арсеналов. Ввозя лошадей из Аравии, учреждая награды, издавая указы, он улучшил породу андалузских лошадей, еще до того времени известную в Европе. По-мужски гордясь здоровьем и энергией, этот великий монарх, представитель развитой цивилизации, покровитель образования, отец своего народа, пришел к позорному и безвременному концу. Убийца, настолько малоизвестный, что хроники не упоминают его имени и не раскрывают его мотивов, нанес ему удар ножом во время совершения богослужения в мечети. Его убийство, вероятно, было актом фанатика или кульминацией заговора, задуманного каким-нибудь беспринципным претендентом на трон, личность которого не была установлена и чья государственная измена, безусловно, не достигла своей цели. Оплакиваемый всеми классами своих подданных, Юсуф был похоронен в королевском склепе Альгамбры, где до сих пор находится его мраморный саркофаг с длинной и помпезной эпитафией, некогда переливавшейся синим и золотым.

Восшествие на престол его сына Мухаммеда V. в разгар мира, казалось, обещало долгое и счастливое правление. Кастильцы были слишком заняты борьбой друг с другом, чтобы беспокоиться о своих мусульманских соседях. Их король Педро эль Жестокий, который рассматривал значительную часть своих подданных как личных врагов, уже своими кровопролитными действиями заслужил прозвище свирепого, под которым он известен потомкам.

Новый эмир обладал всеми благородными качествами, которые характеризовали самых выдающихся из его предшественников, — приветливостью, великодушием, мужеством, заботой

о счастье своих подданных, преданностью литературе. Но его мягкому нраву не доставало суровости и решимости, необходимых для государя, империя которого включала в себя так много противоречивых национальных и политических элементов. Обладая более простыми вкусами, чем его отец, он сразу же изгнал из пределов двора это стадо пресмыкающихся паразитов, живущих лезть и коррупцией, — потребителей государственных доходов, служителей гордыни и чувственности. На их место он заменил ряд достойных и способных должностных лиц, обладающих признанной честностью и большим опытом. Этот шаг, хотя и повысил общественное уважение, создал ряд коварных и грозных врагов, последствия тайной враждебности которых вскоре были раскрыты. Щедрый Мухаммед выделил своей мачехе и ее сыновьям в качестве резиденции дворец Алькасар, расположенный недалеко от Альгамбры и, хотя и меньший по размерам, почти соперничающий с ним по красоте и великолепию. Эта женщина, чьи амбиции были безграничны, позволила жажде алчности возобладать над естественным чувством горя и воспользовалась неразберихой, возникшей в результате убийства ее мужа, чтобы тайно похитить большое количество золота и драгоценностей из государственной казны. С помощью этого, с целью возвести на трон своего старшего сына Исмаила, она развратила принцев крови и представителей могущественных семей, некоторые из которых были изгнаны от двора политической реформацией, начатой эмиром. Когда заговор созрел, сотня отборных людей ночью взобралась на стены Альгамбры. Часовые, не подозревавшие об опасности, были убиты на своих постах. Отвлеченный внезапностью нападения и введенный в заблуждение криками нападавших и движением их факелов, которые увеличивали их численность, гарнизон обратился в бегство. Забыв о цели своего предприятия и соблазнившись окружающими их богатствами, повстанцы сразу же предали грабежу. Благодаря преданности любимой рабыни Мухаммед получил женскую одежду и сбежал через один из тайных подземных ходов, соединявших Альгамбру с другими королевскими обителями города. Быстрые лошади вскоре доставили беглецов в Гуадикс, лояльность которого была непоколебима; Исмаил был провозглашен эмиром под руководством своего шурина Абу-Саида; и началась еще одна революция с чередой зол — недовольством, проскрипциями, конфискациями и широко распространенными бедствиями, — которая озлобила фракции и подорвала могущество справедливого и счастливого королевства Гранада. Попытки Мухаммеда вернуть себе корону оказались бесплодными, и он предпринял путешествие в Африку, чтобы заручиться, по возможности, сочувствием и поддержкой Абу-Селима, султана Феса. Принятый со всей учтивостью, в его распоряжение была предоставлена большая армия, которую перевезли в Андалусию; но смерть Абу-Селима и восшествие на престол другого принца, нейтрального или недружелюбного к устремлениям свергнутого монарха, привели к отъезду войск до того, как они начали боевые действия. Потерпев таким образом поражение от своих союзников, Мухаммед теперь обратился к королю Кастилии. Его призыв был услышан, и была собрана христианская армия для осуществления его реставрации. Между тем праздный и сластолюбивый характер Исмаила в сочетании с произвольным захватом власти Абу-Саидом вызвали ненависть и презрение его подданных. Эти чувства не уменьшились после кровавой узурпации Абу-Саида, по вине которого были убиты правящий принц и его братья, а затем он официально вступил во владение тронem, который он уже занимал, что касается фактического управления королевством. Христианские войска вступили в Гранаду; меньшие города сразу же заявили о своей покорности; не оставалось ничего, что можно было бы взять, кроме столицы и ее Веги; когда Мухаммед, пораженный зрелищем страданий, сопровождавших продвижение армии вторжения, отказался от своего проекта и потребовал отступления своих союзников. Вместо того, чтобы навлечь на свой народ страдания, которые неизбежно должны были

возникнуть в результате осады столицы армией, чуждой его народу по национальности и религии, не ограниченной дисциплиной и пренебрегающей требованиями гуманности или обычаями войны, он был готов отказаться от своего королевского наследства.

Несмотря на поражение его соперника, всеобщая ненависть, питаемая к Абу-Саиду из-за его тирании, а также из-за его преступлений, сделала стабильность его власти настолько ненадежной, что он решил временно покинуть свое королевство. В качестве предварительного шага он вернул без выкупа и нагруженный ценными подарками нескольких кастильских кавалеров, включая шурина короля, все они были захвачены в ходе мародерской экспедиции; и, в обмен на эту необычную щедрость, попросил их посредничества, чтобы побудить Педро эль Круша поддержать его дело. Ежедневный рост влияния Мухаммеда, оставление важных городов, среди которых цитадель Малага, предательство его сторонников, которые во все возрастающем количестве постоянно переходили во враждебный лагерь, побудили Абу-Саида больше не полагаться на сомнительную лояльность своих придворных, искушаемых всеми соображениями личной заинтересованности и политической выгоды предать его. Сопровождаемый значительной свитой из тех, кто все еще оставался верен его убывающему состоянию, он покинул свое королевство и воспользовался королевской честью и гостеприимством Педро эль Круша в Севилье. Более неудачное и несвоевременное решение никогда еще не принималось отчаявшимся монархом. С оглядкой на непредвиденные обстоятельства в будущем он собрал и увез с собой все богатства, которые хранились в казне Гранады, истощенной постоянными казнокрадствами, бесхозяйственностью и воровством. Этого, каким бы незначительным оно ни было по сравнению с богатствами прежних времен, было более чем достаточно, чтобы пробудить алчность вероломного короля, часто почти доведенного до нищеты из-за расточительности и абсолютно беспринципного в отношении средств удовлетворения своих потребностей. Мавры в присутствии враждебного двора с показным изобилием демонстрировали все редкие и соблазнительные предметы роскоши, столь желанные для обнищавших кастильцев, - лошадей лучших арабских кровей; роскошные доспехи, сверкающие золотым и серебряным шитьем; копья, дротики и сабли, искусно инкрустированные и усыпанные драгоценными камнями; сундуки, наполненные драгоценными камнями необычайной величины и красоты — рубинами, изумрудами, сапфирами, жемчугом и гиацинтами; множество богатых ткани из шелка и золотой материи. Одежда самого скромно одетого дворянина, сопровождавшего изгнанного мусульманского принца, намного превосходила по элегантности и ценности одеяния кастильского монарха. Последствия безумия, позволившего людям изображать просителей, вскоре стали очевидны. Король принял своих гостей с большой церемонией и кажущимся радушием. Абу-Саид был поселен в Алькасааре, как и подобало его королевскому сану, а его слуги были распределены по Еврейскому кварталу, местности недалеко от дворца, легкодоступной для солдат, который, пересекаемый лабиринтом узких и извилистых переулков, окруженный высокими стенами, был настоящей тюрьмой, из которой не было выхода. Решение дон Педро уже было принято. Вид этого огромного богатства в его руках был слишком велик для его хладнокровия. Это была правда, что мавры находились в его столице под королевской охраной, а также под его личной гарантией защиты. Было печально известно, что законы гостеприимства соблюдались даже низшими расами людей, и ни один народ не пользовался таким уважением, как арабские предки его гостей. На официальной аудиенции, окруженный всеми признаками гражданской пышности и военной выправки, он торжественно дал слово тщательно изучить соответствующие притязания претендентов на трон Гранады, оба из которых признали себя его

вассалами, и принять беспристрастное решение между ними. Эти соображения, однако, мало что значили для вероломного монарха. Тот факт, что он был сюзереном Абу-Саида, давал ему готовый предлог для быстрых и решительных действий. По феодальным законам он мог распоряжаться имуществом и жизнью неверного вассала. Мусульмане, приглашенные на пир, были схвачены стражей. Всех обыскали, а спрятанные при них драгоценности и деньги конфисковали. Брошенные в тюрьму, они два дня оставались в неизвестности; на третий их вывели на равнину за городом и привязали к кольям. В насмешку над своим рангом Абу-Саид был облачен в алую мантию и, оседлав осла, возглавил печальную процессию к месту казни. Тридцать семь человек из его свиты, включая нескольких высокопоставленных особ, разделили его судьбу. Эти обманутые жертвы их собственной доверчивости были использованы в качестве меток для копий знатью двора дона Педро, и сам король подал сигнал ударом, который пронзил тело его самого знатного гостя. Головы убитых мусульман были отправлены Мухаммеду как свидетельство дружбы его сюзерена и как указание на то, что власть группировки, свергнувшей его с престола и сославшей в ссылку, была сломлена.

Каким бы ни был моральный аспект этой сделки, она, безусловно, была выгодна королю Кастилии как с финансовой, так и с политической точки зрения. Огромные богатства были получены в результате разграбления в результате беспрецедентного акта вероломства. Не было мавра, у которого не было бы в своем имуществе или при себе сокровищ огромной ценности. Пажи, как наименее подверженные подозрениям, были хранителями самых ценных драгоценностей. У одного было изъято ожерелье из ста жемчужин величиной с фундук; у другого, носившего кожаный пояс, - семьсот двадцать три рубина; при обыске у третьего были обнаружены три таких же камня величиной с голубиное яйцо и необычайной яркости; у четвертого было найдено почти целую россыпь прекрасных жемчужин. Драгоценные камни меньшего блеска или менее высоко ценившиеся сапфиры, гиацинты и бирюза, тисненные и украшенные дамаском гербы и доспехи, а также золото в монетах и слитках были едва ли менее ценными и намного превышали добычу, обычно добываемую мародерскими экспедициями. В дополнение к денежной прибыли, полученной от этого нарушения обрядов гостеприимства, это существенно укрепило власть дона Педро. Устранение опасного врага и уничтожение партии, влияние которой было достаточным для подрыва королевской власти, неизбежно должны были обеспечить благодарность и поддержку Мухаммеда, который был обязан ей своим возвращением к власти. Кастильцы, полностью подчинявшиеся принципам того времени, с безразличием относились к нарушению веры, которое, каким бы предосудительным ни было совершено против христианина, было почти похвальным, когда оно включало в себя жертвоприношение и грабеж неверного. Мухаммед со смешанным чувством радости и отвращения воспринял известие о смерти своего соперника и среди действительного или притворного ликования народа снова взошел на трон. Великолепные подарки — лошади и сбруя, драгоценности и золото — были отправлены дону Педро в знак благодарности, и вскоре после этого был ратифицирован бессрочный союзный договор между дворами Кастилии и Гранады.

Во время внутренних и внешних беспорядков, которые угнетали кастильскую монархию во время беспокойного правления дона Педро, мусульмане Андалусии оставались непоколебимыми приверженцами христианского короля. Они участвовали в войне с Арагоном. Они оказали существенную и своевременную помощь в непримиримом противостоянии,

которое, несмотря на их усилия, окончательно установило политическое превосходство незаконнорожденного рода Трастамара. Во время осады Кордовы, воодушевленные видом своего знаменитого храма, священной мечети оммеядских халифов, они взобрались на стены перед лицом отчаянного сопротивления и взяли Алькасар под самой сенью древней мусульманской святыни. Город был почти в пределах их досягаемости и, должно быть, пал бы, если бы их усилия были поддержаны их христианскими союзниками хотя бы наполовину с той решимостью, которую они сами проявили. В битвах при Нахере и Монтьеле, столь важных для судьбы дон Педро, в одной из которых на короткое время подтвердилась его слабеющая власть, а в другой - он лишился жизни и короны, мавританские солдаты Гранады, которым была доверена безопасность королевской особы, проявили верность и героизм, намного превосходящие верность и героизм кастильского рыцарства, угнетенного тиранией, развращенного интригами и постоянно колебавшегося в своих политических предпочтениях из-за соблазнительных побуждений соперничающих лагерей.

Начиная с битвы при Монтьеле, положившей конец карьере дон Педро I., и заканчивая смертью Мухаммеда в 1391 году, королевство Гранада наслаждалось, за немногими незначительными исключениями, благословениями мира. Эмир через несколько месяцев после восшествия на престол Генриха II взял штурмом город Альхезирас и, не сумев удержать его, разрушил его укрепления и засыпал гавань. Впоследствии оборонительные сооружения были восстановлены, но порт был настолько эффективно перекрыт, что его удобство было разрушено, и, как следствие, коммерческое и стратегическое значение этого места значительно уменьшилось. Случайные вылазки на границу, предпринятые безответственными мародерами во времена внутренних беспорядков, когда ограничения королевской власти едва терпели или едва признавались, были единственным нарушением режима прекращения боевых действий, который сохранялся, с одной стороны, благодаря политике и выбору, а с другой - по необходимости, и который длился двадцать два года. Благоразумие Юсуфа II, сына и преемника Мухаммеда V. сразу же предложило и добилось возобновления договора, который долгое время объединял два королевства и существование которого так благоприятствовало безопасности, богатству и счастью Гранады.

В 1394 году дон Мартин Яньес де Барбудо, великий магистр Алькантары, португалец по происхождению, фанатик по натуре и искатель приключений по склонности, направил эмиру Гранады абсурдный вызов, высокопарные выражения которого напоминают экстравагантные рыцарские романы. Подняв знамя крестового похода, на котором был изображен зеленый крест его ордена, во главе тысячи восьмисот последователей он двинулся на завоевание густонаселенного королевства, которого, как уверяли астрологические расчеты и подозрительные предсказания одного отшельника, он легко достигнет. Увещевания губернаторов провинций и повелительные приказы короля, который с негодованием наблюдал за этим неспровоцированным нападением на дружественную державу, были недостаточны, чтобы отвлечь его от его цели, которая, как он объявил, была санкционирована Всемогущим и подтверждена многими зловещими видениями и чудесами. Мавры позволили этой банде фанатиков приблизиться на расстояние нескольких миль от своей столицы. Затем она была окружена армией в сто тысяч человек и уничтожена. Ни одному христианину не удалось спастись. Знание того, что экспедиция была предпринята вопреки приказам короля Кастилии, предотвратило разрыв между двумя королевствами. Примерно в это же время Юсуф скоропостижно скончался, и это событие из-за восточной любви ко всему чудесному приписали отравленной мантии, присланной ему султаном Феса. Ему наследовал его второй

сын, Мухаммед VI, чей интриганский и амбициозный дух уже давно побудил его нарушить наследственное право своего старшего брата Юсуфа, чтобы получить корону. Юсуф был заключен со своим гаремом в замке Салобренья, где, хотя и был обставлен со всей роскошью, подобающей его рангу, он подвергался строгим ограничениям и постоянному шпионажу. Заботясь о законности своего титула и опасаясь того, как кастильский король может расценить его узурпацию, Мухаммед разработал романтический план, в высшей степени характерный для нравов Востока, опасность и новизна которого, добавленные к привлекательности предприятия, замечательного своей смелостью, были почти гарантией успеха. В качестве своего собственного посла, со свитой из двадцати великолепно скакавших и назначенных кавалеров, он проехал, не признанный ни своими подданными, ни соседями-христианами, по своим собственным провинциям и штатам Кастильского королевства до самого Толедо. Генрих III с готовностью добился возобновления союзного договора, и эмир вернулся в Гранаду, на время обезопасенный от возобновления военных действий со стороны противника, превосходство которого, по мнению каждого мыслящего государственного деятеля на полуострове, больше нельзя было откладывать.

В 1406 году, когда на границе возникли серьезные проблемы из-за взаимных грабежей, король Генрих созвал кортесы с явной целью использовать все доступные ресурсы монархии для окончательного подчинения мусульман Гранады. Его внезапная смерть и наступление еще одного длительного периода правления с неизбежной серией заговоров и катастроф помешали осуществлению этого проекта; и существование мавританского королевства, которое фортуна, казалось, сделала особым объектом своей благосклонности, затянулось еще почти на восемьдесят пять лет. Однако кончина короля лишь на короткое время отсрочила начало военных действий. Беспокойный дух испанского рыцарства, подпитываемый войнами и мятежами, никогда не довольствовался формальным и утомительным придворным церемониалом. Опасности поля битвы; внезапность нападения на изолированную крепость; набег с его волнениями и добычей; стада на богатых пастбищах; сокровища великолепных вилл; красота и очарование обитательниц княжеских гаремов — все это было одновременно школой христианских рыцарей, объектами их высочайших стремлений, стимулами их воинственного и тщеславного честолюбия. Энтузиазм, вызванный крестоносным походом Генриха III, хотя и несколько остыл, его смерть отнюдь не погасила. Кортесы проголосовали за крупную сумму. Города Леон и Кастилия были полны приготовлений к конфликту. Флот из двадцати трех галер, снаряженный эмирами Туниса и Тлемсена и отправленный на помощь испанским мусульманам, был разбит в Гибралтарском проливе второстепенными силами под командованием адмирала Кастилии. Мухаммед, хорошо осведомленный о планах своих врагов, попытался предвосхитить их, вторгшись с многочисленной армией в провинцию Хаэн, и начал осаду этого города. Информация о приближении христианских войск заставила его бесславно отступить без боя. По пути он взял штурмом Бедмар, где из многочисленного населения выжило менее сотни заключенных, чтобы испытать горечь рабства. В ответ христиане захватили сильный форпост Захара и безжалостно разорили плодородные окрестности Ронды.

В 1408 году Мухаммед во главе двадцати тысяч солдат осадил Алькаудете. Дух арабской тактики, нетерпимый к промедлению и ненадежный перед лицом крепких стен и упорного сопротивления, дрогнул перед решительным мужеством гарнизона. Как христиане, так и мусульмане сильно пострадали во время этой войны, которая до сих пор не принесла заметных преимуществ ни тем, ни другим; было с готовностью принято решение о приостановке военных действий на восемь месяцев; и кастильцы, которым временная передышка была даже выгоднее,

чем их противникам, предварительно исчерпав имеющиеся у них ресурсы путем набора войск, теперь, имея в казне сорок миллионов мараведи, с нетерпением ожидали истечения срока перемирия.

Тем временем Мохаммед VI, пораженный смертельной болезнью, получил предупреждение от своих врачей, что жить ему осталось совсем недолго. Понимая, что жизнь его брата, все еще находящегося под стражей в замке Салобренья, может оказаться серьезным препятствием для перспектив его собственного сына, которому он предназначил стать его преемником, он послал безапелляционный приказ алькальду Салобреньи прислать ему с посыльным голову Юсуфа. Алькальд принял последнего, играя в шахматы с заключенным принцем, чьи приветливые манеры, обаятельное обращение и незаслуженные неудачи завоевали уважение всех его охранников и слуг. Явное волнение его спутника открыло Юсуфу, всегда ожидавшему подобной катастрофы, серьезность послания. Осведомленный о важности этого приказа, принц попросил отсрочки на несколько часов, чтобы попрощаться со своей семьей; но приказ был срочным, и гонец, знаменосец эмира, привыкший к безоговорочному и мгновенному подчинению, потребовал его немедленного исполнения. В конце концов было решено, что следует предоставить передышку до завершения игры. Как ни мало было времени, не прошло и двух придворных вельмож, как они прибыли и со всеми знаками уважения приветствовали Юсуфа как эмира Гранады.

Мохаммед VI. внезапно скончался; его подданные, признав высшие притязания несчастного Юсуфа, отреклись от его племянника; и убитый горем узник, приговоренный к смертной казни и которому оставалось жить всего несколько мгновений, увидел, что в одно мгновение поднялся из самых глубин несчастья на трон могущественного королевства и получил абсолютную власть над более чем миллионом душ. За восшествием на престол Юсуфа последовало обычное посольство с богатыми подарками к кастильскому двору; его заигрывания были встречены с учтивостью; а поскольку личная враждебность к Мухаммеду прекратилась с его смертью, новое перемирие на два года было заключено без труда. По истечении срока его действия в 1410 году Юсуф, в соответствии с мудрой политикой, которая так долго управляла мусульманскими князьями его рода, попытался добиться его возобновления. Его просьба была нагло отклонена, и ему предложили альтернативу: вассалитет и дань или война. Он выбрал последнее; собрал армию в сто тридцать тысяч человек и встретил христиан, которые собирались осадить Антекеру. Мавры, несмотря на их численное превосходство, были разбиты в кровавом сражении; их страна была опустошена; и Антекера была взята Фердинандом, дядей короля, главой регентства и практически правителем королевства. Свой успех он благочестиво приписывал мечу святого Фердинанда, бесценному сувениру победы, долгое время хранившемуся в Севильском соборе, и который в этой, как и в прежних кампаниях, носили в бою, где предполагалось, что он проявляет чудодейственную силу священной реликвии, а также более подходящие свойства военного талисмана. Вскоре после этого был установлен мир при условии освобождения эмиром Гранады нескольких сотен христианских пленников.

Мусульмане Гибралтара, подвергаясь вымогательству и тирании алчного алькальда и не видя никакой надежды на облегчение, тайно связались с султаном Феса и предложили передать ему крепость. Этот монарх, увидев в этом предложении возможность избавиться от своего брата Абу-Саида, чьи таланты и популярность уже угрожали продолжению его власти, отправил его в

Гибралтар с двумя тысячами человек. Соглашение было соблюдено гражданами; ворота были открыты; африканцы заняли город, и алькальд с гарнизоном укрылся в цитадели. Через короткое время Ахмед, сын Юсуфа, прибыл с большим отрядом войск, и африканцы, сражавшиеся спереди и в тылу, были вынуждены сдаться. Принц Сиди Абу Саид был доставлен в Гранаду, где ему оказывали знаки внимания, подобающие его выдающемуся званию.

Как только эти факты стали известны султану Феса, он отправил гонцов к эмиру с просьбой убить его брата, как в качестве меры безопасности для себя, так и в качестве доказательства дружбы со стороны своего соседа. Великодушная натура Юсуфа возмутилась этому предложению. Он показал письмо своему пленнику, выразил ему свое сочувствие и помощь и послал его с отрядом отборных людей и большими сокровищами отомстить за причиненные ему обиды и свергнуть его бесчеловечного брата с трона. Султан потерпел поражение близ своей столицы и умер в тюрьме; Сиди-Абу-Саид захватил корону без дальнейшего сопротивления, а бескорыстная щедрость Юсуфа заново укрепила отношения двух мавританских королевств, которые так часто прерывались национальной завистью, межконфессиональными раздорами и проектами беспринципного честолюбия.

До конца его жизни больше не было никаких враждебных действий, которые могли бы нарушить покой Юсуфа, и карьера, начавшаяся в бедах и преследованиях, прошла среди удовольствий и увеселений прочного мира. Кавалеры Кастилии и Арагона, заслужившие зависть или вызвавшие негодование своих соответствующих государей, находили при мусульманском дворе убежище от мести своих врагов, и их распри иногда надолго улаживались при посредничестве и добрых услугах мавританского короля. Точно так же к нему нередко обращались за разрешением споров, возникавших между надменными христианскими рыцарями. В соответствии с рыцарскими обычаями того времени были предоставлены возможности для разрешения этих споров путем состязания на оружии. Списки были размещены на знаменитой площади Баб-аль-Рамбла, в самом сердце мусульманской столицы. Были соблюдены все формальности турнира, известные и применявшиеся самыми утонченными людьми Европы— провозглашение герольдами, соблюдение установленных правил рыцарства, практика достойной вежливости, оказание услуг, раздача наград за доблесть и обходительность руками красавицы. Привлекательность зрелища усиливалась характером обстановки, великолепием костюмов, романтическими чертами встречи, присутствием монарха, очарованием прекрасных мавританок. Причудливые старые дома с нависающими балконами и скульптурными решетками были увешаны шелковыми гобеленами и украшены гирляндами из цветов. С них придворные дамы, которым либеральные обычаи андалузских мавров позволяли появляться обнаженными, смотрели свысока на демонстрацию дерзкого владения лошадьми и ловкости в обращении с оружием, которым современные упражнения в верховой езде не имеют аналогов и не могут дать адекватного представления. Их шелковые одежды, причудливо расшитые, были всех цветов; их темные косы сверкали драгоценными камнями; на шеях у них были нити огромного жемчуга и множество золотых цепей. На балконе, более возвышенном, чем остальные, восседал эмир, судья боя, а вокруг него сгруппировались ряды черных евнухов и мамлюков в великолепных мундирах и вооруженных сверкающим оружием. Герольды, чьи плащи были украшены гербами и шифром монарха, объявляли о взаимном неповиновении чемпионов, следили за соблюдением правил ристалища и не позволяли возбужденным участникам превысить пределы, предписанные правилами рыцарской чести и почтительной вежливости. На втором месте после наград за воинскую славу стояли турнирные отличия и метание тростника среди лихих мавританских

кавалеров, страстно любивших каждое боевое упражнение и любое развлечение, требующее проявления активности и мастерства.

В обычных поединках, так же как и в более серьезных состязаниях кастильских чемпионов под председательством Юсуфа, кровь проливалась редко. Порывистость более грубых христианских рыцарей, чьи обычаи требовали серьезной дуэли для защиты оскорбленной чести, была сдержана политичным эмиром, который приложил все усилия, чтобы умиротворить своих разъяренных гостей и превратить их вражду во временную, если не прочную дружбу. Этот поступок, свидетельствующий о благородном великодушии и присущей его натуре справедливости, снискал ему высочайшее уважение и популярность при кастильском дворе. Доверие, оказанное ему, восхищение его талантами и честностью со стороны наследственных врагов его национальности и его вероисповедания являются самыми недвусмысленными свидетельствами величия его характера. Вдовствующая королева Кастилии поддерживала с ним регулярную и интимную переписку, и они часто обменивались подарками. Эти дружеские отношения смягчили жестокость войны; состояние границ, всегда неурегулированных, стало более мирным, и в разгар военных действий христианские пленники часто освобождались без выкупа.

При миролюбивом правлении Юсуфа Гранада преумножила свое богатство, все пороки, порожденные злоупотреблением роскошью, и ту изнеженность, которая столь пагубна для военной мощи и столь характерна для всеобщего упадка. Его смерть положила начало периоду гражданских войн и всеобщих беспорядков, незначительных по отдельности, но в совокупности предвещавших гибель нации.

Мухаммед VII, сын Юсуфа, получил от своего отца королевство, внешне могущественное, но на самом деле лишенное стабильности в своих институтах или лояльности среди своего народа. Бедствия его правления, результат его высокомерия и отсутствия такта, принесли ему прозвище Аль-Хайзари, Левша, скорее синоним несчастья, чем прозвище неловкости. Далекий от того, чтобы подражать добродетелям своего отца, он, казалось, культивировал неприязнь к своим подданным своим пренебрежением к их благополучию и своей невыносимой гордыней. Визирям и высшим придворным сановникам он уделял так же мало внимания, как евнухам и рабам. Он отказал в аудиенции людям, давно привыкшим к патриархальному методу исправления ошибок, унаследованному от неформального отправления правосудия шейхами Пустыни. Приняв непопулярный восточный обычай, столь несовместимый с традициями и практикой ислама, он уединился в стенах дворца. Рыцарские боевые забавы были запрещены. Население было лишено своих игр и фестивалей. Все классы общества вскоре объединились в ненависти к своему монарху; он был свергнут и изгнан в Тунис, а на трон взошел его двоюродный брат, Мухаммед VIII, Аль-Загер. Его первым актом было изгнание могущественной семьи Абенсеррахес, чьи интриги с королем Кастилии и эмиром Туниса в конечном итоге привели к его разорению. Мухаммед аль-Хайзари был восстановлен, а Аз-Загер, выдающийся политическими и литературными талантами, искусный в военных упражнениях и обладавший всеми качествами, которые способствуют власти и популярности королей, был свергнут с престола и обезглавлен. В обмен на оказанную ему существенную помощь кастильский король потребовал от Аль-Хайзари выплаты ежегодной дани и признания вассалитета. Получив отказ, был составлен еще один заговор, во главе которого стоял Юсуф Ибн Алахмар, богатый дворянин королевского происхождения. Его успех был обеспечен поддержкой могущественной группировки, которая вместе с кастильской армией столкнулась с силами эмира у подножия

Сьерра-Эльвиры. Последовавшая битва была одной из самых кровопролитных и разрушительных в истории мавров. Эмир потерпел сокрушительное поражение; и другое сражение, едва ли менее катастрофическое, полностью уничтожило власть Аль-Хайзари, который во второй раз был изгнан. Его преклонный возраст и тяжкая ответственность за управление государством сократили жизнь Юсуфа Ибн Алахмара, правление которого длилось всего шесть месяцев. Его смерть стала сигналом к возвращению Аль-Хайзари, которого непостоянное население, дважды изгонявшее его, встретило со всеми проявлениями радости и лояльности. Непопулярность этого монарха, который ничему не научился в невзгодах, распространилась даже на членов его семьи, и его собственные племянники устроили против него заговор. Один из них, Ибн-Осман, щедро раздав золото столичной черни, поднял бунт, захватил Альгамбру и бросил своего дядю в тюрьму. Однако его триумф был недолгим, поскольку другой племянник, Ибн-Исмаил, при поддержке христиан узурпировал корону Гранады, которая теперь стала добычей каждого отважного авантюриста. Гражданская война между двумя принцами длилась несколько лет, нанеся неисчислимый ущерб стране и народу. Борьба была затянута интригами Кастилии, с помощью которой было окончательно закреплено господство Ибн-Исмаила. Эти серьезные волнения, которые поглотили и истощили ресурсы монархии, уничтожив ее богатство и уменьшив численность населения, оставили в забвении пограничные крепости, оплоты ее безопасности и гарантии ее могущества. Многие из них в результате добровольного отказа или завоевания перешли в руки кастильцев, среди них Гибралтар, самый важный из всех, который был захвачен герцогом Медина-Сидония в 1462 году.

После смерти Исмаила в 1466 году на трон взошел его старший сын Мулей Хасан. Будучи непримиримым врагом христиан, он не раз, будучи еще совсем юношей, возмущался их вмешательством в помощь самозванцам и потенциальным узурпаторам, и это чувство усилилось во сто крат, когда он взял на себя верховное руководство делами. Его неумолимый нрав, свирепость его манер, его вопиющее пренебрежение договорами, его безжалостные набеги, не дававшие пощады и оставлявшие после себя дымящуюся пустошь, вселяли ужас в сердца его врагов. Силы королевства в то время были заняты подавлением восстания алькальда Малаги, брата монарха и претендента на престолонаследие. Во дворце заговоры обитательниц гарема — жен—соперниц, которые стремились возвести своих отпрысков к королевской власти, - нарушили покой и еще больше ожесточили от природы угрюмый нрав короля, и без того раздраженного неблагодарностью своих родственников и кровавым опытом непрекращающихся войн и восстаний.

Теперь в делах Гранады наступил важный кризис, навсегда запомнившийся в мавританских летописях. В течение почти двухсот лет это королевство постепенно, но тем не менее верно приближалось к распаду. Политические условия, способствующие индивидуальному героизму, патриотическая верность, которая сохраняет процветающую империю, незаметно ослабевающую с каждым последующим поколением, наконец исчезли. Экспансивной мощи, столь заметной в ранние века ислама и особенно заметной при завоевании и оккупации полуострова, больше не существовало. Принцип наследственного права, практически неизвестный арабам, принятый только для удобства их потомков, часто отменяемый произволом или неопределенным капризом монархов и всегда слабый среди полигамных народов, больше не признавался андалузскими мусульманами. Этот обычай, хотя и слабый

теоретически, был одной из гарантий королевской преемственности и, следовательно, гарантией стабильности правительства и безопасности граждан. Теперь, однако, множество претендентов оспаривали друг у друга обладание троном. Наследование королевской крови, обладание огромным богатством, пользование благосклонностью народа были качествами, любого из которых было достаточно, чтобы соблазнить авантюриста претендовать на корону Альхамаресов. Даже дух племенной лояльности, древнее наследие арабов, был ослаблен быстрой сменой правителей с неопределенным титулом и неясным прошлым. Население было развращено золотом, которое вожди каждого восстания разбрасывали расточительной рукой. Последовательные вторжения десятков племен и наций, фанатиков враждебных сект и варварских нравов разрушили сравнительно однородный характер, когда-то столь заметный у жителей Гранады. Эгоистичные пороки, свойственные торговым сообществам, робость, присущая обладанию большими владениями и контролю над обширными коммерческими интересами, породили дух трусости, который был готов покупать, даже когда его можно было защитить. Воинственный дух, который когда-то вдохновлял нацию воинов, стремившихся к прозелитизму и завоеваниям, угас. Военный пыл и честолюбие существовали, это правда, среди высших классов, избравших профессию военного, но число последних было сравнительно незначительным, и их достижения ограничивались нерегулярными набегами. Рекруты, вызванные на битву внезапной необходимостью войны, едва ли заслуживали названия солдат. Без дисциплины и послушания, часто без оружия, они были немногим лучше беспорядочного сброда, чье первое нападение, будучи отбитым, заставило их немедленно бежать с поля боя. В то время как искусство цивилизации развивалось в такой беспрецедентной степени, военная наука оставалась неподвижной или фактически пришла в упадок. Тактика испанских мавров пятнадцатого века все еще оставалась древней тактикой Пустыни. Тяжеловооруженных кавалеристов у них не было; пехотинцы были представлены необученными крестьянами, вооруженными в основном орудиями домашнего обихода и земледелия. Однако их легкая кавалерия была лучшими войсками подобного рода в Европе. Быстрота их перемещений, засада, притворное отступление, внезапное сближение часто приводили в замешательство, к его сожалению, опрометчивого и неосторожного преследователя. Этого превосходства, каким бы огромным оно ни было, было недостаточно, чтобы спасти или даже защитить королевство. Уязвимый характер военной организации мусульман Гранады был раскрыт количеством важных сражений, разыгравшихся в пределах видимости и почти в тени стен их столицы. Вторжения активного врага почти без помех опустошали самые благоустроенные участки их территории. Устойчивость мавританского владычества, затянувшегося на два столетия сверх естественного срока для нации в эпоху ее упадка, следует в основном приписывать двум причинам— естественным препятствиям, которые образовывали границы монархии, и непрекращающимся раздорам между ее соседями. С одной стороны Гранады цепь скалистых гор, перевалы в которых защищали хорошо укрепленные замки, с другой - море, преграждавшее продвижение захватчиков. В течение длительного промежутка времени между смертью Фердинанда IV. и объединением корон Кастилии и Арагона на трон взошли второстепенные принцы. Приход каждого из них и последовавшее за ним регентство ознаменовались разногласиями, интригами, заговорами и восстаниями. Но, в то время как беспорядки и мятежи ослабили Кастилию в одном отношении, они значительно усилили ее в другом. Её жители, от высших до низших, привыкли к присутствию опасности, были убеждены в необходимости дисциплины, знакомы с применением оружия. В четырнадцатом и пятнадцатом веках в христианских владениях почти не было производителей, кроме оружия и доспехов. Образцы этих изделий, существующие сегодня в музеях, демонстрируют совершенство

прочности и элегантности, которых достигло их изготовление. Мечи, выкованные на Тежу, уже тогда не имели себе равных по качеству своей стали и удивительной прочности. Изделие испанского оружейника было надежно защищено от самого ожесточенного нападения в битве или на турнире. По весу, по росту, по выносливости, по религиозному рвению, по воинскому энтузиазму кастильский рыцарь намного превосходил своего мусульманского противника. Во время мавританских войн и последовавших за ними внутренних беспорядков был сформирован образец непобедимой испанской пехоты, которой суждено было в следующем столетии стать предметом ужаса и восхищения Европы. До сих пор маврам приходилось бороться только с мощью кастильской монархии; однако теперь им предстояло столкнуться с объединенными силами различных королевств полуострова, мрачно и неудержимо продвигавшихся вперед к достижению единой цели. В последовавшей катастрофе великий народ — образованный, гостеприимный, образованный, трудолюбивый, изобретательный, долгое время вдохновляемый самыми благородными побуждениями, которые когда—либо направляли ход человеческого прогресса, — был брошен на произвол судьбы, грабеж, преследования и изгнание; земля, естественное плодородие которой было увеличено во сто крат терпеливым трудом и изобретательским талантом человека, должна была быть начисто сметена опустошительной бурей войны; и цивилизация, намного превосходящая любую страну того времени в знаниях, культуре, изяществе, утонченности, которые придают национальное своеобразие и исключительность. личное счастье должно было быть безжалостно стерто с лица земли.

ГЛАВА XXI

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА С ГРАНАДОЙ

1475-1486

Описание Гранады — Ее богатство, процветание и цивилизация—Ее города—Красота и великолепие столицы—Альгамбра—Состояние и могущество испанской монархии—Характер Фердинанда—Характер Изабеллы—Мулей Хассан и его семья—Штурм Захары—Альхама застигнута врасплох христианами—Осада этого города и отпор маврам—Мятеж в Гранаде—Фердинанд разбит при Лохе—Набег Мулей Хассана—Экспедиция в Аджаркию—Поражение и резня кастильцев—Боабдил нападает на Лусену и попадает в плен—Разрушительный набег христиан—Боабдил освобожден и возвращается в Гранаду—Возобновление фракционной вражды в мавританской столице—Мусульманские и христианские грабительские набеги—Осада и захват Ронды—Посольство из Феса—Аль-Загаль становится королем—Поражение двора Кабры при Моклине—Раздел королевства Гранада — Его катастрофические последствия.

Я с робостью берусь за описание последней, самой романтической, самой меланхоличной эпохи в истории мусульманской Испании. Его события были пересказаны, его катастрофы перечислены, его доблестные подвиги и позорные деяния изображены гораздо более умелыми руками, чем моя. План этого произведения, однако, требует показа последней сцены той великой и захватывающей драмы, которая на протяжении почти восьми столетий привлекала внимание и воспламеняла прозелитическое рвение христианской Европы и без которой оно было бы явно неполным. Поэтому я по необходимости приступаю к этой задаче, глубоко сознавая ее трудность, но в то же время надеясь, что читатель, возможно, захочет еще раз

перечитать историю, представляющую исключительный интерес и пафос, — на этот раз рассматриваемую с точки зрения мавританцев, - и без намерения пытаться улучшить то, что в народе считается исторически совершенным, или имитировать то, что выше всякого подражания.

В 1475 году христианской эры эта часть испанского полуострова, ограниченная христианскими провинциями Кордова и Мурсия, Сьерра-Эльвирой и морем, была самым богатым и высокоразвитым регионом соответствующей территории на земном шаре. Каждое преимущество почвы, климата и географического положения способствовало умножению его ресурсов и усилению его могущества. Его сельскохозяйственная система, изобретенная в Месопотамии, распространенная в Сирии и усовершенствованная при халифах, развивалась благодаря трудолюбию и опыту многих поколений, пока территория, которую он контролировал, не стала чудом разнообразного и обильного плодородия. Земля в неисчерпаемом изобилии давала отборнейшие продукты из всех частей света, пригодных для возделывания и улучшения. Финик, инжир и гранат росли бок о бок с вишней и лимоном, ни один из этих фруктов не был местным, и все они были завезены в Европу благодаря любопытству и предприимчивости арабов. Виноградники, чей виноград был без косточек и в течение девяти месяцев сохранял в неизменном виде свой изысканный вкус, покрывали склоны каждого холма и горного склона. Оливковые плантации были так обширны и деревья столь необычных размеров, что путешественники сравнивали их с обширными дубовыми лесами. Бесконечная череда урожаев давалась посевами ячменя, пшеницы и проса, которые росли на равнинах. Тысячи акров в каждом округе были покрыты туковыми деревьями, посаженными в качестве корма для шелкопряда, поскольку производство шелка было самой прибыльной отраслью жизни жителей Гранады. Из льна и хлопка, выращиваемых недалеко от побережья, производились ткани замечательной тонкости и долговечности, которые находили готовый рынок сбыта во всех портах Средиземноморья. Рисовые и сахарные плантации, миндальные рощи, цитрусовые и апельсиновые сады, леса, изобилующие ценной древесиной, пастбища, дающие постоянное пропитание огромным стадам крупного рогатого скота и отарам овец, составляли немалую часть сельскохозяйственного богатства королевства. Разумное выращивание лекарственных трав дало фармакопее множество превосходных средств, которые до сих пор используются современными практикующими врачами. В результате размножения кошенили был получен краситель, намного превосходящий по красоте и блеску знаменитый пурпур древних. По количеству и ценности своих полезных ископаемых эта земля, столь благодетельствованная природой, не превосходила ни одну другую страну, известную в то время человеку. Сьерра изобиловала обширными залежами яшмы, разноцветного мрамора, агатов, оникса, халцедона, лазурита и алебаstra. Рудники, богатство которых рано привлекло внимание финикийцев, ежегодно приносили большое количество золота, серебра, железа, олова, ртути и свинца. Ценные драгоценные камни, такие как рубин, сапфир и гиацинт, способствовали украшению и доставлению удовольствия женщине, а также проявлению женского вкуса и тщеславия. Вдоль побережья Средиземного моря ловец жемчуга, как и в классические времена, занимался своим опасным, но прибыльным ремеслом.

При освоении и адаптации этих экстраординарных природных преимуществ трудолюбивый и умный народ воспользовался всеми средствами, подсказанными человеческим опытом и изобретательностью. Полная и запутанная система водохранилищ и каналов распределяла горные потоки мириадами крошечных протоков по каждому фруктовому саду и плантации. Гигантские стены, которые лежковерные невежды приписывали сверхъестественным силам,

управляемым талисманами в руках королевских магов, образовывали террасу за террасой, поднимающиеся по бокам каждого склона, а почва, с таким трудом восстановленная искусством, не уступала по продуктивности и ценности тем более удачливым местностям, щедро одаренным расточительной рукой одной только Природы. Каждая страна, от Индостана до Франции, от Сирии до Счастливой Аравии, отдавала дань исследовательскому духу и ботаническим знаниям испанского мусульманина. Под почти палящим солнцем, на почве неисчерпаемого богатства, редчайшие экзотические растения росли с роскошью, не превзойденной в тех землях, откуда они произошли. Изящная пальма, чьи поникшие ветви навели архитекторов Великой мечети Кордовы на мысль о бесконечной череде таинственных арок, которые одновременно внушают благоговейный трепет и очаровывают путешественника, была представлена Абд-ар-Рахманом I. в качестве сувенира о Дамаске, городе, где он родился, из Индии были привезены кубеб и алоэ; из Йемена - бальзам и ладан; из Персии - мирт и олеандр. Гранат, от которого, как предполагалось, Гранада получила свое название, хлопчатник и сахарный тростник были завезены с побережья Африки. Сама Европа внесла большой вклад в производство овощных продуктов королевства, среди которых груша, яблоко, персик и айва, которые задолго до этого были известны римлянам. Короче говоря, не было растения, обладающего кулинарной ценностью или целебными свойствами, не было зерна, урожайность которого сулила бы достойную компенсацию за труд земледельца, не было фруктов, вкус которых мог бы соблазнить гурмана, которые не были бы успешно выращены маврами на закате империи.

Географическая протяженность этой империи в начале войны, закончившейся ее завоеванием, была незначительной по сравнению с ее торговлей, богатством и населением. По площади оно едва ли равнялось современному европейскому княжеству. Никогда его размеры не превышали семидесяти пяти на двести десять миль; добрая четверть его территории стала непригодной для сельскохозяйственных целей из-за пересекавших ее хребтов крутых и бесплодных гор, но они с лихвой компенсировали эту потерю стоимостью своих карьеров и залежей полезных ископаемых. Население превысило три миллиона душ. Как упоминалось ранее, новые экономические и социальные условия, возникшие в результате постоянного сужения границ мусульманского владычества, хотя и уменьшили его первоначальную территориальную площадь, чрезвычайно увеличили ресурсы остальных провинций. Только из завоеванных городов Севильи, Хереса и Кадиса в Гранаду эмигрировало триста тысяч семей. Каждый город и каждая деревушка, впоследствии занятые кастильцами, давали свою долю мусульманских беженцев, которые, прихватив с собой домашнее имущество и движимые неугасимой ненавистью к христианской вере, искали убежища в последнем оплоте своей расы и своей религии. Проницательная мудрость эмиров увидела в трудолюбии этих несчастных изгнанников плодотворный источник будущего богатства и силы. Увеличение военной мощи, обусловленное их численностью, было огромным. Собственность, которую им позволяла сохранить снисходительная политика завоевателя, часто представляла огромную ценность. Но важнее всего было накопление богатства, представленного способностями, мастерством, усердием этих невольных эмигрантов. Действительно, среди них было мало неопытных в науке земледелия или в механических ремеслах. Их ум и бережливость проявились в процветающем состоянии страны, которую они были вынуждены покинуть, большая часть которой изначально была мало обязана природе и в значительной степени избавлена от бесплодия, а теперь покрыта благоухающими садами и великолепными плантациями, орошена хрустальными ручьями, украшена роскошными зданиями, в которых были продемонстрированы все ресурсы

безграничного богатства, все великолепные украшения восточного вкуса, все распутные прихоти необузданной роскоши, — стране, обреченной вскоре вернуться к своему первозданному варварству, стать добычей лени, суеверий, к невежеству; пристанище нищенства и самозванства; избранное поприще инквизитора и монаха.

С долгожданным появлением материального богатства и неутомимой энергии пришел не менее ценный вклад литературного гения и интеллектуальной культуры. Гражданская война и кастильская агрессия еще не полностью уничтожили библиотеки великих мусульманских городов, которые были созданы в славную эпоху Западного халифата; и эти бесценные наследия древней учености были одна за другой добавлены к хранилищам знаний, уже существующим в городе Гранада. С высокой галереи минарета, еще не очищенной языческой люстрацией и не оглашенной звоном христианских колоколов, мавританский астроном, возвышающийся высоко над спящим городом, все еще наблюдал вид небес с их великолепными созвездиями и их таинственными и интересными явлениями. Гений поэзии, чье влияние на романтичных арабов с богатым воображением всегда было первостепенным, обрел новое вдохновение в прекрасных окрестностях столицы Альхамареса — места стольких героических свершений, родины стольких увлекательных легенд, превращенных легковверными в волшебные сказки, воспетых учеными в стихах, исследованиях, хрониках.

В этом очаровательном регионе, где были сосредоточены последние остатки цивилизации, развитие которой вызывало удивление и ненависть варварской Европы, каждый торговец и каждый путешественник находил радушный прием. У генуэзцев были большие фабрики в Малаге и Альмерии. Предприимчивый каталонец, уже известный своей проницательностью и в котором дух прозелитизма и завоеваний всегда был подчинен искушениям алчности, владел обширными тузовыми плантациями и был в значительной степени заинтересован в производстве и экспорте шелка. В Гранаде еврей, всегда преуспевающий, занимался банковским делом, коммерцией, всеми видами меркантильных занятий, которые предполагали существенное возвращение к его вошедшей в поговорку ненасытной алчности. Даже кастилец, забывший о наследственных предрассудках тридцати поколений непрекращающейся вражды, без колебаний воспользовался гостеприимством неверного и воспользовался преимуществами, предоставленными просвещенной политикой гранадских эмиров. Какая перспектива открывалась наблюдательному чужеземцу, впервые пересекавшему границы мавританских владений! Он видел большие города, на улицах которых, перегруженных огромным транспортным потоком, были выставлены костюмы и товары каждой страны, доступные коммерческому предприятию. В Малаге он увидел корабли всех наций, обладающих морской мощью; огромные склады; превосходно возделанные районы, где за три дня пути он мог пересечь непрерывную череду гранатовых и фиговых плантаций. В Альмерии были тысячи фабрик, дававших работу десяткам тысяч ремесленников, где производились ткани из шелка, шерсти, льна и золотого сукна, некоторые из которых были по текстуре похожи на газ, другие покрыты изысканной вышивкой, все непревзойденного качества; гончарные мастерские, где изготавливались сосуды с металлическим блеском, знаменитые в Средние века, секрет изготовления которых так ревностно охранялся, что сохранились только его традиции; сотни обширных караван—сараев, кишавших торговцами Востока и их верблюдами в пополах и другими вьючными животными; базары, наполненные всевозможными украшениями. требовали избалованного богатства и всех предметов первой необходимости, где даже домашняя утварь была расшита изящными арабесками; пригороды, где на протяжении сорока миль глаз очаровывали просторы тропической зелени и бесчисленные фруктовые сады, через

равные промежутки времени усеянные роскошными виллами богатых купцов Альмерии, чья репутация расточительности и сладострастия распространилась до самых отдаленных уголков Востока. Он увидел землю, обогащенную системой возделывания, не имеющей аналогов в анналах садоводства; которая, приняв принципы древности и опираясь на опыт веков, превзошла по ценности и важности своих практических результатов усилия всех народов, древних и современных; которая довела науку орошения до такой степени совершенства, что результаты ее применения можно было вычислить со всей точностью математической задачи; которая, насколько хватало глаз, со всех сторон демонстрировала аппарат, создавший эти чудеса разумного земледелия, — то искусство, которое формирует культуру земледелия. незаменимая основа и связующее звено общества - водяные колеса диаметром в сто футов; резервуары, на обширной поверхности которых можно было бы наблюдать морские зрелища; дамбы огромной высоты и циклопической каменной кладки; каналы, не уступающие по своей длине и объему рекам; лабиринт сифонов, шлюзов и ручейков, которые по согласованным сигналам через равные промежутки времени сбрасывали свои стремительные воды через поля и сады в ванны и фонтаны; величественные акведуки, которые по размерам и массивности могли соперничать даже с гигантскими и нетленными памятниками римской древности. На поверхности утесов, высеченных в цельной породе, были просторные галереи и пещеры, где хранились излишки урожая в качестве защиты от осады и ресурса во время голода.

В дополнение к большим морским портам, каждый из которых был торговой метрополией и когда—то столицей независимого княжества, триста городов и деревень, многие из которых были значительных размеров, признали власть королей Гранады. Из них пятьдесят имели достаточное значение, чтобы их можно было оборудовать мечетями, возглавляемыми толкователями Корана. В соответствии с обычаями Востока жители каждого производственного района занимались одним-единственным занятием, знания о котором передавались от отца к сыну на протяжении многих поколений. База производила тончайшие шелка, красота и тонкость текстуры которых превосходили знаменитые ткани китайских и византийских ткацких станков, — шелка, предназначенные для королевских особ, переплетались с портретом и шифром монарха разноцветными и золотыми нитями; в Альбасете ковали оружие, не уступающее по характеру и дизайну ятаганам и кинжалам Толедо, и отделявали его со всем мастерством сирийских мастеров; из лавок Хисн-Шубилеса поступала мебель из черного и сандалового дерева, инкрустированная перламутром. жемчуг и слоновая кость, филигранные украшения с изысканными узорами; Гранада славилась своими эмалями, мозаиками причудливой работы, сплавленными с драгоценными металлами, шерстью, шелковой парчой и керамикой кораллового цвета, полированная поверхность которой была усыпана частицами золота. Другие города отличались не менее полезными и красивыми изделиями; литьем и орудиями труда из бронзы; шелковыми покрывалами и мантиями; кожаными портьерами, украшенными тиснением и позолотой со всей элегантностью роскошно переплетенного тома — наследие столицы Оммеяде, откуда материал получил свое название Кордован; бумагой высокой тонкости и прочности, изготовленной из льна и хлопка; и циновками из пальмы и эспарто, мягкими и гибкими, окрашенными в яркие цвета.

Кульминационной точкой этого удивительного развития архитектурного великолепия, коммерческого процветания и интеллектуальной культуры была древняя мавританская столица. Из-за своего своеобразного расположения и цвета зданий он рано получил романтическое и уместное название Хисн-аль-Ромман, Гранатовый замок. Равнина, или Вега, простиравшаяся перед ним полукругом на расстояние десяти лье, напоминала сад, созданный гением

волшебства. Дороги, пересекавшие его, были окаймлены миртовыми изгородями, смешанными с апельсиновыми и лимонными деревьями и затененными пальмами и кипарисами. Повсюду слух был встречен благодарным шумом журчащих вод, русла которых были скрыты густой растительностью, росшей по берегам. Над листвой лавра и олеандра виднелись красные черепичные крыши живописных коттеджей, чьи белоснежные стены часто были сплошь увиты росшими на них розами. В поэтических образах арабов они были уподоблены “множеству восточных жемчужин, оправленных в изумрудную чашу”. Возвышаясь над всеми другими сооружениями и проецируясь на лазурные глубины андалузского неба, возвышались минареты многочисленных мечетей, инкрустированные цветными изразцами, испещренные великолепными надписями, сверкающие золотом. В просторном дворе каждого из этих храмов был мраморный фонтан и ряды апельсиновых деревьев и душистых кустарников, чей аромат, проникавший через высокие двери и лепные решетки, проникал внутрь. Сто тридцать мельниц, колеса которых вращались быстрыми течениями Дженила и Дарро, требовались для перемалывания продуктов обильных урожаев и снабжения столицы хлебом. В стенах этой столицы, которые с их тысячей башен окружали обширную и густонаселенную территорию, проживало более пятисот тысяч человек. Доступ осуществлялся через двадцать ворот. Главными сооружениями города и дворца были Семиэтажная башня и Дворец Правосудия. Первый, величественных размеров, был облицован прекрасным мрамором Макаэль с изысканной резьбой. Последний, до сих пор являющийся одним из самых ярких памятников мавританского владычества, обращен фасадом к святилищу Мекки.

В торговой части города улицы были такими кривыми и узкими, что один вооруженный всадник едва мог по ним проехать, что объяснялось климатическими условиями и мерами предосторожности; бесконечные базары состояли из множества маленьких магазинчиков, построенных по образцу магазинов крупных мусульманских общин Востока; общественные здания — мечети, колледжи, больницы, приюты для умалишенных — были по масштабу великолепия невиданны нигде, и едва ли превосходили те, что были в халифате в период его наивысшего расцвета. Бани, устройство и украшение которых роскошный мусульманин считал частью своей религии, были украшены драгоценной мозаикой и разноцветным мрамором и окружены прекрасными садами, наполненными ароматными и восхитительными цветами. Испанский мусульманин никогда не позволял себе забывать, что вода всегда была самым ценным сокровищем его предков-бедуинов. Ее предложение было первой и необходимой любезностью по отношению к гостю. Всегда на виду в частных домах, она стекала со стенок пористых алькаррас; или во дворцах эмиров наполняла изысканные вазы, стоявшие по обе стороны от портала в нишах, где расточительная фантазия мавританского архитектора исчерпала все ресурсы его декоративного мастерства. В Гранаде не было ни одного жилища, даже самого скромного, которое не было бы обеспечено обильным запасом чистой воды. Улицы, всегда чистые, через равные промежутки времени промывались. Вокруг фонтанов, в каждом дворике, росли ароматические растения. В особняках богачей освежающие струи, охлаждавшие летний воздух зимой, были заменены гипокаустом, который распространял добродушное тепло по квартирам, увешанным шелковыми гобеленами и сверкающим богатой эмалью.

Никакое описание не может передать адекватного представления о великолепии этого несравненного города. Построенный на пологих склонах Сьерра-Невады, чьи высокие вершины защищали его от зимних ветров и смягчали знойный воздух лета, он возвышался на три тысячи футов над уровнем моря. Его стены, образцы средневековых укреплений, имели почти семь миль

в окружности. Высоко над крышами домов и пальмовыми рощами, вязами и кипарисами, разбросанными по паркам и скверам, возвышались изящные минареты, обсерватории, купола, башни - всего их было четырнадцать тысяч. Некоторые из них были выложены разноцветной мозаикой; другие были покрыты позолоченными и раскрашенными кружевными арабесками; все были снабжены арочными окнами, разделенными мраморными колоннами; некоторые были покрыты яркой фарфоровой плиткой, другие - пластинами из позолоченной бронзы.

Пригороды города, всего семнадцать, были заняты королевскими виллами и особняками знати, которые нередко соперничали с дворцами султана по великолепию убранства и элегантности окружающей обстановки. Квартал Альбайсин, названный так по имени беженцев из Баэсы, которым Мухаммед I предоставил убежище, подарил дома и освободил от уплаты дани, насчитывал десять тысяч домов. Его оборонительные сооружения были в значительной степени построены доном Гонсало де Суньигой, епископом Хаэна, от которого в качестве выкупа потребовали возведения колоссальной стены. Мечеть Альбайсин была одним из самых изысканных сооружений подобного рода в королевстве.

В центре города находилась Алькасаба, одновременно крепость и дворец, ее угрюмые бастионы и зубчатые башни в тесном соседстве с садами тропических фруктов, зелеными лабиринтами и сверкающими фонтанами, которые вызывали восторг его обитателей и восхищение иностранцев, — сооружение, построенное задолго до Альгамбры и происхождение которого теряется в древности; на протяжении веков резиденция правительства, источник военного, политического и религиозного влияния; здание, которое было снесено яростным ураганом. завоеватель, о котором сейчас помнят только в варварских хрониках и неопределенных традициях. Здесь же находился замок Хабуса — монарха, которому народное легкоеверие, не способное иначе объяснить его огромное богатство, приписывало обладание философским камнем, — увенчанный бронзовой фигурой мавританского воина на коне, вооруженного обоюдоострым копьем, которое поворачивалось при каждом дуновении ветра, чье существование, приписываемое чародеям, считалось неразрывно связанным с судьбой города и которому страхи суеверных людей придали свойства могущественного талисмана. В самом центре населенного пункта, окруженная суматохой крупной торговой столицы, стояла Джалма, или главная мечеть. Хотя он значительно уступал по размерам, великолепию и святости великому храму Кордовы, долгое время он был одной из самых священных святынь мусульманского мира. Его своды поддерживались колоннами из мрамора и яшмы. Пол был выложен голубыми и белыми эмалированными плитками. С его неглубоких куполов, сверкающих золотыми звездами, свисали бесчисленные светильники. Его михраб был инкрустирован мозаикой. Во внутреннем дворе из бронзовых и серебряных труб вода лилась в алебастровый бассейн.

Рядом с мечетью, в соответствии с обычаем, который всегда объединял учебные заведения и места отправления культа, находился знаменитый университет Гранады. Основанный Юсуфом I., под личным наблюдением которого было возведено его здание, его казна пополнялась щедростью каждого последующего монарха. По своему общему виду это здание напоминало те, что были возведены в других местах для общественных нужд благочестивыми или хвастливыми эмирами Гранады. Словно в открытое нарушение правил Корана, которые строго запрещали изображение животных, порталы здания, в основном посвященного изучению этого тома, охранялись львами, вырезанными из камня. Его покои, превосходно приспособленные к целям, для которых они были спроектированы, были почти лишены украшений, чтобы внимание

ученого не отвлекалось от его занятий. Соответствующие тексты и легенды из произведений знаменитых писателей были начертаны на стенах золотыми буквами. Здесь преподавали естественные и точные науки — юриспруденцию, теологию, философию, химию, астрономию и медицину. Множество выдающихся людей, известных во всех областях литературы и во всех полезных профессиях, упоминаются арабскими биографами как получившие образование в Университете Гранады. Залы были открыты даже для национального врага, и кастилец приобрел во враждебной столице те принципы познания, которые его родная страна была не в состоянии себе позволить.

Это было последнее учебное заведение, достойное этого названия, оставшееся на полуострове. Это был образец научного метода, интеллектуального прогресса, либеральной мысли, просвещенной терпимости; последнее прибежище мавританской культуры, которая, изгнанная вооруженной силой со своего древнего места на Гвадалквивире, просила защиты у династии королей, с выдающимся успехом подражавших благородному примеру халифов, она представляла собой мерцающий луч цивилизации, который в эпоху, наиболее заметную в истории национального развития, осветил полуденным великолепием тьму средневековой Европы.

Первоначально заселенная военными дамасского военного подразделения, служившими в армии Мусы, Гранада всегда любила похвастаться причудливым и традиционным сходством со знаменитой столицей Сирии. Но эта столица, при всем ее великолепии, возвышающаяся подобно зачарованному видению из пустыни, никогда не могла сравниться по живописности обстановки, плодородию почвы, целебности климата, архитектурному великолепию с прекрасным городом испанских эмиров. Привлеченные чистотой его атмосферы, жители Африки искали среди его зеленых рощ и освежающих вод облегчения от недугов, вызванных знойными и малярийными испарениями побережья. Слава их родственников часто побуждала султанов Феса пересекать море и становиться то просителями милости, то претендентами на руку мавританских принцесс, проходя со своей смуглой свитой по улицам на коврах из цветов и под балдахинами из шелка и золота.

Судьба испано-арабской империи всегда была тесно связана с политикой государств Северной Африки. Оттуда пришла армия вторжения, которая, подобно непреодолимой буре, смела вестготскую монархию. Оттуда пришли Альморавиды, захватившие трон Оммеядского халифата, и орды фанатиков, обративших в прах уцелевшие памятники цивилизации. Принцы Гранады попеременно были вассалами и союзниками султанов Феса, Туниса и Тлемсена, но никогда - их хозяевами. На протяжении поколений африканские гарнизоны оккупировали ключевые острова полуострова — Альхезирас, Гибралтар, Тарифу.

Политическая проницательность Мухаммеда I. рано позволила ему осознать необходимость поддержания дружественных отношений со своими мавританскими соседями. С момента его правления молитва за султана возносилась ежедневно в каждой мечети. пышные посольства сценными подарками часто обращались к нему за дружбой. Его вмешательства добивались для урегулирования претензий соперничающих претендентов на трон. Самые свирепые воины Атласских гор были зачислены в гвардию эмиров. Гомерес, зегри и Абенсеррахес были постоянно поселены в разных кварталах города, которые издавна отличались своими

названиями, и африканское влияние, выраженное в кровавых расправах этих ревнивых племен, оказало немалое влияние на конечную судьбу королевства Гранада.

Общие достопримечательности многолюдной и роскошной столицы, какими бы разнообразными они ни были, меркли, однако, перед великолепием королевских дворцов. Из них, которых насчитывалось девять, главным по размаху и красоте была Альгамбра. Возвышаясь на выступающем мысе Сьерра, ее высшая точка возвышалась на пятьсот футов над городом. Его окружала двойная стена; внешняя линия обхода охватывала овал длиной в полмили и наибольшим диаметром в семьсот тридцать футов. Здесь проживали все многочисленные чиновники и приближенные восточного двора, а также министры религии, визири, факи, муфтии, кади, стражники, родственники монарха и отвергнутые султанши. Окись железа в штукатурке, покрывавшей стены, придавала им коралловый оттенок, откуда внушительное сооружение получило свое название Медина-аль-Хамра, Красный город. Зубчатые стены были выкрашены в белый цвет и, выделяясь на фоне сверкающей зелени горного склона, были видны на расстоянии многих лиг. Сам дворец, изолированный стеной и рвом, был огромных размеров и четырехугольной формы. В центре и на каждом углу располагался двор с окружающими галереями, очаровательными павильонами и бесчисленными фонтанами. Справа от входа, в соответствии с восточным обычаем, находились покои, где эмир или, в его отсутствие, кади ежедневно вершил правосудие. За ним, выходя на самый большой двор дворца, находился большой зал аудиенций, предназначенный для проведения грандиозных церемоний — коронаций, королевских празднеств и приема иностранных послов. Его купол, инкрустированный слоновой костью и золотом по поверхности синего, зеленого и алого цветов, достигал шестидесяти футов в высоту. Его стены были покрыты позолоченной лепниной на фоне ярких цветов; пол был выложен большими плитами белого мрамора; в центре находился фонтан прекрасного дизайна. Построенная благодаря гордости и соперничеству многих монархов, Альгамбра представляла собой воплощение прогресса и совершенства арабского декоративного искусства. Его великолепию способствовали вкус и изобретательность всех восточных народов, но величайшие усилия их мастерства были затмеваемы гением местных мавританских архитекторов. Аркады каждого двора, стены каждого помещения безошибочно свидетельствовали об иностранном происхождении цивилизации, воздвигшей их. В тонких мраморных колоннах можно было различить шесты для шатра, которые поддерживали хрупкое и временное убежище кочевника Пустыни. Настенные украшения, которые по изумительной изысканности своих замысловатых узоров напоминали шелк и золотую парчу, были скопированы с кашемировых шалей. В голубых куполах, усыпанных сияющими звездами, мусульманин узнавал изображение небесного свода, под бескрайними просторами которого его сирийские предки пасли свои стада или усталыми шагами сопровождали полуночный марш бредущего каравана. Похожие на грот сталактитовые арки и купола, выполненные по образцу среза граната, из которого были удалены семена, также символизировали пещеру, которая укрывала Пророка во время его бегства из Мекки. Во всех действительно характерных и отличительных чертах этого орнамента в целом, но не повсеместно, соблюдались предписания Корана. Узор, довольно сбивающий с толку своей сложностью, состоял из бесконечного разнообразия комбинаций простых геометрических форм. Сегменты изящных изгибов сочетались в тысяче фантастических узоров с богатой листвой тропических растений и цветов. Потолки были составлены из различных частей куба — треугольников, призм, ромбоидов. Интерьер квартиры в этом великолепном здании предполагал влияние сверхъестественного, а не изобретательность человека. Его двери высотой в десять футов были инкрустированы,

раскрашены и позолочены. Пол был выложен глазурованной плиткой и мрамором; потолок украшали сталактиты, переливающиеся малиновым и золотым. Стены были увешаны парчовыми гобеленами и украшенной кожей. Свет проникал через окна из цветного стекла, на которых были изображены благочестивые тексты и шифр государя. Серебряные курильницы шаровидной формы распространяли повсюду дым редких благовоний. Диваны были покрыты богатыми шелками в разноцветную полоску. С одной стороны взгляд падал на внутренний двор, вымощенный широкими плитами из алебаstra, в центре которого находился огромный фонтан, поддерживаемый двенадцатью гротескными львами; с другой стороны, он был очарован панорамой несравненного величия и красоты — видом холмов и долин, дворцов и деревушек, вилл и плантаций, освежаемых мириадами сверкающих ручейков, благоухающих пьянящими ароматами бесчисленных садов, обрамленных великолепной обстановкой из пурпурных гор, зеленой равнины и небесного свода чистейшей голубизны. Недаром эмир Гранады сравнивал свою обитель с Раем!

В убранстве этого зачарованного дворца ничто не превосходило по изяществу надписи, в которых можно было прочесть его историю, чувства и устремления его царственных основателей. Некоторые из них были взяты из Корана. Другие представляли собой отрывки из стихотворений известных писателей. На капителях колонн появились жизнерадостные приветствия: “Процветание”, “Счастье”, “Благословение”. Символы куфика и нешки с особой легкостью применили этот метод орнаментации. Художественная изобретательность расположила буквы так, что их можно было читать в любом направлении; и во многие легенды, имеющие двойное значение, были искусно вставлены имена и национальность мастеров, выполнивших эту работу. Среди лабиринта узоров был изображен герб королей Гранады, пожалованный первому из Альхамаре Фердинандом III, — малиновый щит, пересеченный золотой полосой, зажатой в пасть дракона, и с девизом: “Нет победителя, кроме Бога”.

В летней части дворца стены огромной толщины, тускло освещенные покои, мраморные решетки, кружевные решетки, сквозь которые беспрепятственно проникал легчайший ветерок, постоянная рябь воды — все это изгоняло из умов обитателей даже мысль о неудобствах субтропического климата. Зимний дворец, имевший большие размеры, хотя, безусловно, не уступавший по элегантности остальной части здания, предоставлял меньше возможностей для демонстрации архитектурного великолепия. Комнаты были меньше, и распределение воды ограничивалось необходимостью религиозного и санитарного омовения. Тепло распределялось с помощью римского гипокауста — системы глиняных труб, сходной по устройству с современной печью. Более высокая температура была достигнута за счет использования металлических шариков, наполненных горящим древесным углем, которые раскатывали по полу в квартирах. Баня, роскошь помещений которой не имела себе равных в царстве ислама, предлагала то сладострастное наслаждение, которое было для правоверного мусульманина священной обязанностью, предписанной его вероучением и привитой вековыми традициями.

Мечеть Альгамбра, возведенная благодаря благочестию Мухаммеда III, была признана всеми мусульманами как один из самых изысканных храмов их религии. Его основы были заложены тяжелым трудом христианских пленников. Расходы на его возведение, а также доходы, необходимые для богослужения, совершаемого в его стенах, — богослужения, которое по

показному великолепию намного превосходило богослужение в Большой мечети города, — были в значительной степени получены за счет доходов от набегов и дани, взимаемой с еврейского и христианского населения. Его материалы были самыми редкими и дорогими, какие только можно было раздобыть. Колонны из яшмы, порфира, нумидийского мрамора и алебаstra поддерживали его своды, украшенные изящной лепниной и инкрустированные лазулитом и ониксом. Основания и капители этих колонн были сделаны из серебра с резьбой в виде арабесок и цветов. С потолка, выкрашенного в синий и золотой цвета, свисали пятьдесят ламп из ракушек, перламутра и бронзы, свет которых смягчался розовыми абажурами изшелковой ткани. В своих изразцах, легендах, мозаиках, гармонично сочетающихся оттенках мавританский мастер исчерпал все возможности человеческого мастерства. К мечети примыкал пантеон, где в массивных серебряных гробах были погребены эмиры Гранады. Их мраморные саркофаги были расставлены вокруг мрачного склепа, крыша которого, как и у михраба Джальмы Кордовы, была высечена в виде раковины.

Внутри большого кольца Альгамбры было множество потайных помещений, подземных ходов и галерей, предназначенных для евнухов и гарнизона, которые сообщались с городскими укреплениями. В садах, которых было несколько, капризный вкус арабов проявлялся в особенностях цветочного убранства — дорожки, вымощенные цветной галькой в виде арабесок; миртовые клумбы, представляющие собой луга, на которых росли растения и низкорослые деревца той же растительности, подстриженные в идеально симметричные формы; королевские шифры и благочестивые легенды, начертанные алыми, пурпурными, белыми и желтыми цветами на изумрудно-зеленом поле. Буйная фантазия мавританского гения достигла своего максимального развития при строительстве этого дворца, который каждый путешественник древних и современных времен отмечает как непревзойденный по живописной элегантности и красоте. В восхитительных виллах внутри городских стен или по соседству с городом эмиры привыкли проводить многие месяцы в году в обществе своих любимых рабынь. Все они напоминали Альгамбру по расположению и убранству, но каждый отличался от других какой-то особенностью, из-за которой и получил свое название. В одном был водный лабиринт — ручьи, каскады и фонтаны, струи которых били на высоту шестидесяти футов; другой славился целебными свойствами источника; в третьем было огромное искусственное озеро; к третьему был пристроен вольер, наполненный певчими птицами всех стран.

Каналы трех больших акведуков, снабжавших город и дворцы, во многих местах были прорыты в твердой скале. Их воды также использовались для добычи полезных ископаемых, а скалы в окрестностях Дарро были особенно богаты залежами полезных ископаемых. Ежедневная аренда одной горы в задней части Альгамбры, где трудились четыреста рабов-христиан, составляла двести дукатов золотом. Из царских владений, которых насчитывалось тридцать, получался ежегодный доход в двадцать пять тысяч динаров, или четыреста пятьдесят тысяч долларов; и в дополнение к этой огромной сумме были доходы от рудников, лесов, пастбищ, выкуп пленников и дань вассалов. При появлении мавританского атабала пятьдесят тысяч солдат схватились за оружие. Из них восемь тысяч кавалеристов — самых великолепных по снаряжению, самых быстрых по эволюции из всех подобных сил в Европе — были расквартированы вместе с двадцатью пятью тысячами арбалетчиков в Альгамбре. Вся наличная военная сила королевства составляла не менее трехсот тысяч человек.

Изучение характера жителей Гранады открывает нам одну из многих причин их падения. Их описывают как невероятно эгоистичных, лишенных человечности, лишенных сочувствия к

живым или почтения к мертвым. Во времена дефицита избытком богатых злоупотребляли ради угнетения бедных. Они устраивали свои буйные празднества поблизости от кладбищ. То скромное благочестие, которое одновременно является достоинством и гарантией безопасности народа, исчезло. Самые священные предписания религии постоянно нарушались. В неверующем университете Гранады публично преподавались максимы Аверроэса и других еретиков кордовской школы. Употребление вина было почти повсеместным; и посты, предписанные Мухаммедом, превратились в сцены пьянства и распутства. В подаении было отказано как достойному несчастному, так и наглому самозванцу. Богословские школы были полны насмешников и лицемеров. В собраниях мечетей женщин было в десять раз больше, чем представителей другого пола. Изображение животных форм, эта мерзость правоверного мусульманина, было видно повсюду — на гербе государя, на общественных фонтанах, на крепостных валах, на потолках дворцов, в учебных заведениях, у самых порталов зданий, посвященных изучению Корана. Монарх, к примеру которого люди, естественно, обращались за наставлениями и чья семья вела свою генеалогию по прямой линии от ансаров, сподвижников Пророка, нередко был первым, кто нарушал принципы религии, признанным представителем которой он был. Всеу населения не хватало принципа сплоченности, необходимого для поддержания политической власти. Его элементы состояли из антагонистических фрагментов сотен племен и фракций. Сектантские предрассудки сменились нескрываемой враждебностью. Привычка к убийствам, безнаказанность частых восстаний, изгнание принцев, возобновление гражданской войны, череда узурпаторов практически отменили принцип лояльности. Без привязанности к земле, без почтения к трону, без стимулов к национальной независимости, без стремления к национальной славе не могло бы существовать даже видимости патриотизма. Ослабленный роскошью военный дух, который иногда продлевает существование умирающих наций, перестал проявлять ту свирепую энергию, которая так часто приводила армии ислама к победе. Дважды большие группы граждан Гранады, раздраженные тиранией, решались на эмиграцию и просили защиты у королей Кастилии. В последней битве христианский захватчик не нашел союзников, столь полезных, как эти партизаны, безнадежно борющиеся за политическое превосходство и готовые пожертвовать домом, честью, религией, свободой, при условии, что их соотечественники из враждебной фракции могут быть вовлечены вместе с ними в общее уничтожение. Испанские мусульмане достигли той точки в своем развитии, за которую они, как народ, не могли перейти. У них, как и у всех других, эпоха, отмеченная совершенством механической изобретательности, вершиной художественного мастерства, превосходством умственной культуры, совпала с периодом национального упадка. Их цивилизация, какой бы ослепительной она ни казалась, сияла фальшивым и обманчивым блеском. Ее сторонники основали великое и процветающее государство. Они усовершенствовали практику каждого вида искусства, они расширили производительную мощь каждой отрасли. Они покровительствовали письмам с безграничной щедростью. Они основывали свою религиозную политику на широком государственном принципе всеобщей терпимости. В своих завоеваниях, насколько это соответствовало национальной безопасности, они признавали права на человечность и снисходительность. Самое бесперспективное происхождение привело к достижениям, превосходящим величие и выдающуюся ценность. Мигрирующий бедуин пустыни, у которого не было дома, кроме низкой палатки, открытой для воздуха, и который не имел ни малейшего представления об основательной архитектуре или настенном орнаменте, попав под влияние греческой и римской древности и грандиозных сооружений долины Нила, быстро превратился в самого опытного декоратора и архитектора. Потомки завоевателей Египта, которые сожгли Александрийскую

библиотеку, основали Кордовский университет и сформировали огромные коллекции халифата. Раса, предки которой жили насилием и чье имя было синонимом грабежа, основала юридические школы, обеспечила безопасность автомобильных дорог за счет содержания бдительной полиции и прославилась своим отправлением жесткого и беспристрастного правосудия. Печать этой цивилизации наложила более глубокий отпечаток на памятники, на жизнь, на традиции Гранады, чем на памятники любой другой местности, испытывавшей на себе магическое воздействие ее влияния и ее примера. Это королевство долго переживало крушение империи. В его пределах можно было найти образцы архитектурного великолепия, которые не могли превзойти самые смелые фантазии Востока. Для ученого это было средоточие знаний и дом поэзии; для купца - центр обширной и прибыльной торговли; для путешественника - гораздо более приятный и поучительный предмет изучения, чем пышность римских суеверий или меланхолическая демонстрация византийской гордыни и бессилия. Крестьянин с богатым воображением, чей ум с детства был взращен чудесными историями, считал свою страну волшебной. Особенно это касалось столицы. Подходы к нему охранялись талисманами. В его башнях обитали демоны. Тысячи фантастических легенд украшали историю его принцев, жизни его героев, основание его цитадели, возведение его дворцов. Его несравненные памятники, по-видимому, превосходящие усилия человеческой силы, приписывались гениям, поработанным магами. На порталах королевской виллы и крестьянской хижины была одинаково начертана каббалистическая рука, обладающая огромной эффективностью против страшного сглаза. Над всем городом и его атрибутами народное суеверие окутало завесу романтического и неземного влияния, которая до наших дней так и не была снята; символизируемая мастером в формах, которые, по всеобщему мнению, скрывают некое таинственное значение; в резьбе архитрава и капителя; в смешении символов в надписях и шифрах; в зеленых лабиринтах террасных садов, которые окружали ее прекрасные брови, как корона; в лопнувшем гранате в серебряном поле, украшающем ее руки.

Такова была Гранада накануне Завоевания. Кастильское честолюбие вполне могло бы возжелать такой награды! Мусульманин, гордящийся коммерческим превосходством своей страны, опьяненный ее красотой, помнящий о ее бессмертных сувенирах, осознающий ее надвигающуюся судьбу, вполне мог бы с восточной гиперболой называть свою прекрасную столицу "Двором Вселенной", "Троном Андалуза", "Матерью народов", "Гранатом из рубинов", "Диадемой из роз", "Городом городов"! Она выполнила свое великолепное предназначение в мире науки, искусства, литературы. Она создала нетленные памятники своей интеллектуальной мощи. Звезда ее славы, давно миновавшая свой зенит, теперь быстро клонилась к закату.

Непримиримая борьба за национальное существование, с одной стороны, за религиозное и политическое превосходство - с другой, теперь должна была принять новый и более решительный характер. Испанец с большим основанием считал араба узурпатором своих наследственных прав. С доблестью и непреклонным упорством в достижении цели, которым едва ли можно было найти аналоги ни в одну эпоху, он на протяжении веков добивался возвращения своего древнего наследия трудным и кровавым путем завоеваний. Не боясь физических препятствий, не боясь повторных неудач, никогда не уступая тому, что когда-то было в его железной хватке, он, наконец, подошел к воротам последнего оплота неверных. В своем безжалостном прогрессе он не был недостойным типом Гения Разрушения. Очаровательный пейзаж, с которым он столкнулся, он превратил в почерневшую пустыню. Святыни враждебной веры, украшенные самыми изысканными произведениями труда, когда-либо воздвигнутыми руками почитаемого народа и царственной расточительности на алтарях

Бога, были разрушены или намеренно доведены до упадка. Дым его походных костров покрывал грязью стены позолоченных дворцов. Исторические записи прошлых эпох, бесценные реликвии древности, научные инструменты были преданы огню. Однако его энергия, его искренность, его храбрость никогда не могли быть подвергнуты сомнению. Простой римский меч, эмблема мужества, символ силы и владычества, который высечен на могиле Пелаюса в долине Ковадонга, был достойным предшественником тех острых клинков, которые прорубали себе путь от окутанных туманом ущелий Астурийских гор до покрытых розами склонов Сьерра-Невады и устанавливали среди разграбления городов и истребления трудолюбивого и образованного народа ужасную тиранию церковной алчности и власти инквизиции. Все препятствия были преодолены неукротимым упорством, фанатизмом и честолюбием Крестonosца. Теперь новые правители распоряжались судьбами его страны. На протяжении поколений главным противником Гранады было королевство Кастилия, бедное ресурсами, разделенное фракциями, измученное войной, ослабленное властью. Объединение двух великих королевств полуострова привлекло к борьбе выносливое население и неослабевающую энергию Арагона. В Кастилии произошла великая социальная и политическая революция. Притязания знати, несовместимые с достоинством и прерогативами короны, были урезаны или отменены. Обладание титулом или занятие горной крепости больше не давало иммунитета от наказания за преступление. Сокровища и владения, добытые насилием или обманом благодаря слабости бывших князей, были возвращены. Феодальные привилегии, которые были предметом постоянных злоупотреблений с момента основания монархии, были строго урезаны. Гражданские беспорядки были подавлены. Благодаря бдительной военной полиции, которая в погоне за нарушителями не считалась с рангом, дороги стали безопасными, и торговля возродилась. С восстановлением общественной безопасности национальное развитие получило новый мощный импульс. Морские порты, долгое время пустовавшие, были заполнены судами. Запасы капитала, спрятанные от королевской и аристократической алчности, постепенно проникали в каналы торговли. Обесцененная валюта, которая подрывала государственный кредит и приводила к неоднократным финансовым катастрофам, была заменена законной чеканкой монет общепризнанной ценности. Безумие Генриха IV. санкционировало создание частных монетных дворов, качество продукции которых регулировалось исключительно потребностями или алчностью их владельцев. Они были отменены, и теперь на всех монетах стояла королевская печать, что являлось существенной гарантией их ценности и подлинности. С упадком феодальных привилегий возросли влияние и значимость среднего класса. Этот класс, всегда составлявший наиболее ценную часть социальной структуры, зависевший в своем существовании от безопасности торговли и производственной практики, не мог выжить среди непрекращающихся беспорядков вражды и мятежей. На протяжении многих поколений огромный промежуток отделял величественный замок знати от грязной лачуги крепостного, обитатели которой представляли две самые многочисленные касты общества. Королевская власть теперь вмешивалась, чтобы особенно защитить тех, кто, как показал политический опыт, мог представлять собой безопасный и эффективный оплот против аристократической агрессии. Это была эпоха как религиозных, так и политических преобразований. Церковь еще не была достаточно сильна для преследования. Корона еще не могла рискнуть поддержать церковников светской властью. Инквизиция еще не подняла свою грозную и окровавленную руку, чтобы подавить мысль и сдержать проявление каждого великодушного порыва, но уже тогда она добивалась признания; слава ее учреждения принадлежала благочестивой Изабелле. В результате терпимости, основанной на сознании своей слабости, сектанты других религий, не обращая внимания на надвигающуюся

катастрофу, мирно занимались своим делом. Злоба средневековых предрассудков не мешала проникательному и поддобиострастному еврею покупать его грузы или договариваться о займах. Мудехар, который, возможно, без особого сопротивления променял капризный деспотизм своих наследственных правителей на подозрительное покровительство древнего врага, с обманчивым спокойствием занимался земледелием и механическими занятиями, которые даровали его расе такие благословения. В дополнение к другим важным соображениям, дань, взимаемая с этого еретического населения, приносила немалый доход в королевскую казну. Некогда противоречивые элементы христианской власти на полуострове были примирены; то, что раньше было ее слабостью, теперь стало ее самой твердой опорой; разногласия были вытеснены искренней лояльностью; длительное перемирие обеспечило развитие национальной мощи; и споры и предрассудки десятков враждебных и полунезависимых государств были забыты в результате проведения смелой и тонкой политики, которая почти незаметно и без решительного сопротивления установила и упрочила грозную монархию.

Восшествие на престол князей, под покровительством которых были достигнуты эти грандиозные результаты, совпадает с началом одного из самых важных периодов, упомянутых в истории. Не только политические условия той эпохи были в высшей степени благоприятны для усиления испанского могущества, но и каждое случайное обстоятельство, казалось, напрямую способствовало достижению этой цели. Знать была измучена раздорами поколений. Доведенный до крайности феодализм стал синонимом безответственной тирании. Народ устал от революции. Дух верности, всегда сильный в рыцарственных кастильцах, требовал лишь утверждения королевской власти, чтобы возродиться во всем своем первоначальном рвении и интенсивности. Врожденная и фатальная слабость Гранады, сокровища которой были больше, чем у любой другой страны Европы, была хорошо известна ее врагам. Их алчность, давным-давно возбужденная показной демонстрацией баснословного богатства; их фанатичное рвение, подстегнутое папским благословением и неограниченной раздачей индульгенций, побуждали их к удовлетворению самых сильных страстей, которые господствуют над человечеством. Кажущаяся сила мусульманского королевства была иллюзорной. Его жизнеспособность долгое время была подорвана пограничным конфликтом и внутренними потрясениями. Его способность к сопротивлению не была пропорциональна грозному характеру его бастионов, количеству его жителей, ценности его ресурсов, духу его традиций, доблести его защитников или степени его известности. Перед первой хорошо слаженной атакой он неизбежно должен пасть.

Правители, на которых была возложена задача стереть с полуострова последние следы мусульманского господства, были во многих отношениях превосходно подготовлены для этого предприятия. Фердинанд был опытен не по годам; воспитан в школе, где учили, что двуличие - высшее проявление политической мудрости; испытан опасностями и превратностями, которые в эпоху национальных беспорядков подстерегают на пути принцев; посредственных способностей и ограниченного образования; неспособен к искренней привязанности; несомненной храбрости, но склонен к переговорам, а не к насилию; умерен в потворстве своим удовольствиям; воздержан в еде и поношен в одежде почти до скупости; по темпераменту фригиден, но распутен; молчалив и бдителен; подозрителен, деспотичный и невозмутимый; без веры или честности там, где затрагивались важные общественные интересы; фанатик скорее из политики, чем из принципа; узкий, эгоистичный и коварный; суровый, угрюмый, безжалостный, властный; в равной степени готовый примирить врага или пожертвовать другом.

В Изабелле был воплощен преобладающий дух того времени — дух суеверия, легковерия, нетерпимости, всегда проявляющий слепую преданность служителям религии, всегда санкционирующий бескомпромиссную суровость в обращении с еретиками. Ее административные таланты намного превосходили таланты ее мужа. Ее сердце не всегда было нечувствительным к велениям жалости. Она получила лучшее образование, которое предоставляли ограниченные возможности того времени. Именно ее мужской гений спроектировал и привел в исполнение реформы, которые обеспечили процветание ее королевства и восстановили достоинство трона. Ее пророческое предвидение часто затемнялось ее почтением к церковному авторитету. Она приняла теории Колумба после того, как самые мудрые из ее советников отвергли их как абсурдные и богохульные. Именно по ее собственной просьбе папа римский издал буллу, учредившую инквизицию. В ее характере сочетались амазонка и святая. Она чувствовала себя одинаково комфортно и в монастыре, и в лагере, слушая торжественные гимны мессы или окруженная бряцанием оружия. Ее молитвенник, свидетельствующий о постоянном использовании, является одной из самых ценных реликвий кафедрального собора Гранады. Ее меч и прочные доспехи прекрасной работы, инкрустированные золотом, хранятся в мадридском музее. С экономией обычной домохозяйки она пряла, ткала и шила одежду для себя и своей семьи. С безмятежной невозмутимостью она никогда не позволяла себе радоваться успеху или впадать в депрессию из-за несчастья. Всеобщая популярность, которой она пользовалась, во многом искупила флегматичный и отталкивающий характер ее мужа. В век безграничной распущенности, практикуемой всеми классами общества и оправдываемой церковной снисходительностью и королевским примером, с ее именем никогда не было связано ни малейшего подозрения в скандале. Без тех прелестей лица и фигуры, которые у высокопоставленных особ оказывали немалое влияние на судьбы империй, ее манеры были необычайно приятными и притягательными. Ее командирские способности доминировали над подлым и неискренним Фердинандом. Она с непреклонной твердостью отстаивала древние прерогативы Кастилии. Мужество, великодушие, такт, искренность, доброжелательность были одними из ее самых выдающихся добродетелей. И все же Торквемада, первый великий инквизитор Испании, был ее любимым исповедником, и ужасные пытки и последующее изгнание еврейского населения полуострова были применены при ее искреннем содействии и одобрении. Непреклонная решимость Изабеллы была одной из самых ярких черт ее замечательного характера. Однажды решившись на осуществление замысла, она неуклонно следовала ему до конца. Пылкая испанская молодежь относилась к своей королеве с нежным почтением, которое разделяла только Пресвятая Дева. Моральный эффект, произведенный на кастильских солдат ее появлением на поле боя, был больше, чем уверенность, внушенная многими батальонами. Поистине счастлив был рыцарь, чья доблесть вызывала из уст его царственной госпожи слова похвалы, более ценные в его глазах, чем бурные аплодисменты толп или оглушительные возгласы могучих армий.

Для христианского дела было хорошо, что его мощь была укреплена таким образом, ибо никогда за период арабского господства ему не приходилось сталкиваться с более грозным противником. Мулей Хассан, эмир Гранады, хотя и был преклонных лет, все еще сохранял весь энтузиазм юности, умеренный мудростью и опытом возраста. С самого детства он был знаком с упражнениями с оружием. Долгое время он считался одним из лучших копейщиков королевства. Выдающийся в каждом военном предприятии, он был ужасом пограничья за годы до того, как взойшел на трон. С момента его восшествия на престол его соседи часто имели

возможность признавать смелость его начинаний, быстроту его движений, неумолимую жестокость его характера. Ненависть, которую он питал к неверным, не уменьшилась от их безвозмездного вмешательства в защиту вооруженных повстанцев, выступающих против его власти. Его личные склонности были к неумолимой враждебности. Литературные традиции его династии были для этого свирепого воина всего лишь проявлением глупости и трусости. Он с высокомерным презрением отверг притязания на превосходство, подразумевавшиеся в дани, которую кастильское высокомерие вымогало у политики или страхов его предшественников. Верность договорам он соблюдал постольку, поскольку это было ему удобно, и не более того.

Внутренние отношения Мулей Хассана уже указывали на те роковые ссоры, которым в конечном итоге суждено было привести к краху монархии. Его султанша Айша, принцесса больших способностей и неустрашимой решимости, была матерью двух сыновей, старшим из которых, очевидным наследником престола, был знаменитый Абдаллах, известный христианам как Боабдил, обреченный судьбой на жизнь со странными превратностями и печальным концом. Влюбчивый старый король давным-давно променял мавританскую принцессу на прекрасную рабыню-христианку, обозначенную в испанских романах и традициях как донья Исабель де Солис, но известную мавританским хронистам под поэтическим именем Зорайя, “Утренняя звезда”. Айша, охваченная гневом и ревностью, не упускала ни одной возможности преследовать свою соперницу и досаждала своему господину. Благородного происхождения и обладавшая неограниченным богатством, она с готовностью привлекла на свою сторону многих приверженцев высокого положения и власти. Был успешно использован всегда доступный предлог в виде непопулярного визиря. Зегри и абенсерраги, зараженные племенными предрассудками Пустыни и постоянные соперники за королевскую милость, охотно оказывали свою помощь; первые придерживались эмира, влияние последних было на стороне противника. Население Гранады, восхищенное новшествами и склонное к бунту, выбрало сторону в споре в то время, когда национальный союз был настоятельной необходимостью; когда даже сердечного сотрудничества каждого класса и клана могло оказаться недостаточно, чтобы предотвратить надвигающуюся бурю; когда внутренние разногласия, несомненно, способствовали осуществлению замыслов христиан. Народное недовольство пока проявилось лишь в нескольких незначительных беспорядках, которые были подавлены незначительным кровопролитием, когда опасение общего врага на время приостановило непримиримое негодование соперничающих группировок.

Уладив внутренние дела своего королевства, уверенные в своей власти и жаждущие славы, Фердинанд и Изабелла, не теряя времени, отправили посольство в Гранаду с поручением потребовать уплаты задолженности по дани, объяснения нарушенных договоров и признания их собственного сюзеренитета. Посланник, дон Хуан де Вера, чья великолепная свита была снабжена всем необходимым, чтобы произвести впечатление на мавров величием и мощью испанской монархии, привез в ответ послание вызова. “Возвращайтесь,” сказал свирепый старый эмир, - и скажите своим хозяевам, что монархи Гранады, которые платили дань христианам, мертвы. Теперь здесь не делают ничего для наших врагов, кроме наконечников копий и ятаганов! Дерзкий ответ мавританского короля, к которому он относился как к непокорному вассалу, вывел из себя обычно флегматичного Фердинанда. В порыве ярости он воскликнул: “Я вырву зернышки этого граната одно за другим!” и, с мрачной решимостью совершить возмездие, совместно с королевой разослал гонцов к могущественной знати по всем своим владениям, знакомя их с результатом посольства и приказывая им готовиться к войне.

Никто не воспринял это сообщение о надвигающихся военных действиях с большим удовлетворением, чем дон Родриго Понсе де Леон, маркиз Кадисский. Этот персонаж, которому суждено было занять столь видное место в Завоевании, что его все признали вдохновителем, был представителем одного из величайших домов королевства. С герцогом Медина-Сидония, давним его феодальным соперником, он разделил богатейшие поместья Андалусии. Уверенный в успехе, который оправдал бы его опрометчивость, он созвал своих слуг, совершил внезапный набег до окрестностей Ронды, разрушил город Меркадильо и вернулся в Аркос, нагруженный добычей. Драчливый Мулей Хассан не мог смириться с таким оскорблением своего достоинства и сразу же решился на контрудар. Крепость Захара, захваченная у мавров Фердинандом Антекерским, была объектом его враждебности. Это была типичная средневековая крепость. Построенные на пирамидальном холме, его естественные и искусственные укрепления не поддавались обычной атаке. Но гарнизон был мал, припасов не хватало, а губернатор впал в уныние и был беспечен из-за недавнего внутреннего бедствия. С величайшей тайной и поспешностью король выступил со своими войсками из Гранады, пересек горы труднопроходимыми тропами и ночью, в разгар страшной бури, предстал перед Захарой. Воспользовавшись темнотой и шумом бури, мавританские солдаты взобрались на стены. Гарнизон был предан мечу. Многие горожане погибли в своих постелях; оставшиеся в живых, промокшие под дождем, забрызганные кровью, дрожащие от холода и ужаса, собрались на городской площади и, подвергнутые всей ярости бури, охранялись там до рассвета отрядом берберских всадников. Через три дня их выставили на продажу на невольничьем рынке Гранады.

Мавританские войны в Испании были, по сути, войнами возмездия. За военными экспедициями одной стороны обычно следовали соответствующие вторжения другой. Длительная кампания с огромными расходами, связанными с содержанием армии и продолжением осады, до сих пор, за исключением нескольких случаев, была не по силам христианам и противоречила традиционной тактике мавров, применявшейся во всех стратегиях партизанской войны. Таким образом, боевой дух обеих наций по большей части проявлялся в тех блестящих, но нерешительных операциях, которые внезапным и неожиданным нападением могли нанести врагу временный урон. После захвата Захары был необходим более важный подвиг, чтобы вернуть репутацию испанскому оружию. Имея это в виду, маркиз Кадис отправил шпионов изучить состояние различных городов королевства Гранада. Эта служба, хотя и сопровождалась величайшими трудностями и опасностями, все же была одной из самых ревностных для испанских кавалеров. Те, кому была поручена эта миссия, сообщили, что Малага и Альхама могут, при соблюдении надлежащих мер предосторожности, быть застигнуты врасплох. Не удовлетворившись этой информацией, маркиз послал Ортегу дель Прадо, опытного инженера, тщательно осмотреть окрестности и измерить стены Альхамы. Успешно выполнив это опасное задание, осторожный лидер в обстановке строжайшей секретности приступил к осуществлению своего дерзкого плана. Были собраны эффективные силы численностью в семь тысяч человек под командованием одних из самых отважных военачальников Андалусии. Подражая примеру мусульман, они двигались ночью и в тишине. Это один из самых необычных фактов в анналах этих войн, что большие группы людей смогли с такой легкостью и незамеченными проникнуть на территорию врага, которого близость постоянной опасности, должно быть, сделала привычно бдительным. Холмы Южной Испании до сих пор усеяны многочисленными сторожевыми башнями, воздвигнутыми

предусмотрительными маврами, на вершинах которых и с соседних горных пиков цепочка сигнальных костров мгновенно передавала известие о приближении врага.

Христианская армия украдкой продолжала свой путь в темноте под руководством надежных проводников, с трудом карабкаясь по склонам гор при неверном свете звезд, огибая края пропастей, прячась в глубинах мрачных ущелий, пока за час до рассвета третьего дня не обнаружила их в долине в полутора милях от Альхамы. Этот город находился в самом центре Гранады и считался одним из ключей к столице, от которой его отделяло всего двадцать четыре мили. При обычных обстоятельствах атака на него казалась безнадежной. Расположенный на горном отроге, он был защищен стенами, не превосходящими по высоте и прочности стены любого укрепленного места на полуострове. Огромная пропасть глубиной в несколько сотен футов, через которую устремился ревущий Маршан, защищала его подход и увеличивала трудность его поимки. Расположенные поблизости горячие бани, известные римлянам и в значительной степени пользующиеся покровительством роскошествующих жителей столицы, не ослабили пыл горцев Альхамы, чья репутация свирепости и доблести была подтверждена многочисленными пограничными стычками и длительными набегами. Оказавшись вдвойне защищенным благодаря природному положению и неприступным городским укреплениям, гарнизон незаметно ослабил бдительность. Даже самые робкие горожане не опасались нападения. Время было особенно благоприятным для сюрприза. Губернатор отсутствовал в Велес-Малаге. Сохранялся неэффективный патруль]. В последний час ночи, когда сон еще глубже, Ортега дель Прадо с тридцатью отборными людьми установил лестницы и взобрался на крепостной вал цитадели. Одного часового пронзили десятком кинжалов, прежде чем он успел поднять тревогу. Тем временем триста солдат взобрались на стены; полусонная стража погибла в своих кварталах; гарнизон бросился к оружию; и пронзительные звуки мавританской трубы, смешанные с криками нападавших и воплями умирающих, разнеслись по городу. Горцы, хотя и были застигнуты врасплох, не растерялись. Узкие и кривые улочки предоставляли отличные возможности для обороны. Они были забаррикадированы, и весь доступ к воротам был отрезан. Испанцы были по очереди осаждены; отступить было невозможно; крутым и суженным входом в замок командовали мавританские арбалетчики и мушкетеры, чья меткость сулила почти верную смерть. Санчо де Авила, губернатор Кармоны, и Николас де Рохас, губернатор Арк, пытались возродить безнадежную надежду, немедленно поплатились за свою опрометчивость и упали, пронзенные болтами. Ситуация была критической. После целого дня непрерывных боев в городе не удалось закрепиться. Короля Гранады ожидали с часу на час. Провизии не было, и испанцы за стенами не могли поддержать своих товарищей. Мнения относительно наилучшего курса разделились, но смелые советы маркиза Кадисского в конце концов возобладали. В стене цитадели была пробита брешь; через нее несколько испанских рыцарей смогли совершить внезапную вылазку, и враг угрюмо отступил со своей позиции. Теперь каждая улица превратилась в поле битвы; с крыш домов на христиан градом сыпались черепица и камни; мавры, воодушевленные ожиданием скорой помощи и сознавая, что на карту поставлены их самые драгоценные интересы, отстаивали каждый фут земли с энергией отчаяния. Изгнанные с улиц, они укрылись в главной мечети, где некоторое время держались, несмотря на самые решительные попытки вытеснить их. Наконец, под прикрытием импровизированных каминных решеток двери были подожжены, а выбежавшие наружу жильцы были изрублены на куски или взяты в плен. Сожжение мечети положило конец сражению, памятного в анналах мавританских войн, как по дерзкому характеру предприятия, так и по бесстрашному упорству защитников. Ни в одном последующем завоевательном сражении христиане не сталкивались с таким

отчаянным сопротивлением. Во многих отношениях взятие Альхамы имело огромное значение. Это безошибочно выявило слабость мусульманского королевства и разместило вражеский аванпост в нескольких часах марша от Гранады. Это было дурным предзнаменованием для постоянства монархии, когда крепость такой стратегической ценности могла быть захвачена и удержана у самых ворот ее столицы. Добыча Альхамы с лихвой окупала риски, понесенные при ее получении. Это был самый богатый город такого размера в мавританских владениях. Там собиралась королевская дань со всего округа, и она попадала в руки победителей. Пленных было три тысячи. Огромное количество сокровищ, всевозможных ценных товаров, лошадей и мулов вознаградили смелость кастильцев. Не думая, что город будет оккупирован навсегда, солдаты поспешили уничтожить запасы масла и пшеницы в складах. Едва работа по разграблению была завершена, как появился отряд мавританской кавалерии. Не сумев восстановить катастрофу, которую слухи приписывали небольшой группе авантюристов, после разведки они вернулись в Гранаду. Все усилия мавританского короля были теперь направлены на то, чтобы вернуть Альхаму до того, как к ней смогут подойти подкрепления. Его срочный призыв быстро вызвал на поле боя армию численностью в восемьдесят одну тысячу человек. С этими силами он двинулся на штурм города, пренебрегая в своем безудержном беспокойстве своим прекрасным артиллерийским обозом, без которого он не мог надеяться на успех. Между тем христиане не сидели сложа руки. Понимая свое отчаянное положение, они отправили гонцов к католическим монархам с мольбами о помощи. Многие выдающиеся лидеры, чья прежняя доблесть опровергала любые подозрения в трусости, советовали отступить. Их протесты стали более настоятельными по мере того, как великая мусульманская армия развернулась вокруг города, а конвой с припасами из Антекеры, чудом избежавший захвата, был отброшен назад. Мавры пришли в ярость при виде тел своих соотечественников, ставших добычей собак, и, пренебрегши обычными средствами защиты, бросились вперед, чтобы взобраться на зубчатые стены. Неприступность укреплений Альхамы, при надлежащей защите, теперь стала очевидной. Героические усилия осаждающих были напрасны. Лестницы, кишевшие гибкими и активными солдатами, были опрокинуты и вместе со своей ношей разлетелись на куски. Снаряды христиан произвели большой хаос в плотных массах противника, которые, невзирая на опасность, бросились на оборону. Атака следовала за атакой с тем же результатом. Попытка открыть шахту под стеной провалилась из-за твердости породы и отсутствия необходимых инструментов и защитных приспособлений. Затем был испробован другой способ. Водоснабжение Альхамы осуществлялось из частично опоясывающего ее ручья, к которому вела винтовая лестница, прорубленная в самом центре утеса. После почти нечеловеческих усилий предотвратить это ручей был отклонен от своего русла; и открытие подземного хода, которым командовал отборный отряд арбалетчиков, предложило осажденным альтернативу смерти от жажды или от оружия врага. Каждую каплю воды теперь можно было получить только после конфликта, и то небольшое, что удавалось таким образом получить, часто окрашивалось кровью.

Известие о том, что маркиз Кадисский и его спутники заперты в Альхаме, вызвало большой переполох во всех провинциях королевства. Едва ли найдется хоть одна видная андалузская семья, у которой не было бы представителя в экспедиции. От результата зависели честь короны, слава испанского оружия, безопасность любимых родственников, успех будущих предприятий, возможно, судьба самого мавританского королевства. Наследственные предрассудки были отброшены в сторону. Герцог Медина-Сидония забыл о своей вражде к сопернику и появился во главе своих многочисленных вассалов. Фердинанд лично вышел на поле боя. Красноречивым

свидетельством воинского духа и ресурсов испанской монархии того времени является тот факт, что в течение недели армия в сорок пять тысяч человек, полностью оснащенная, была выстроена в боевую готовность. Король Гранады не осмеливался рисковать, вступая в столкновение с этой мощной силой. Цвет мусульманской молодежи погиб в кровавых, но бесплодных боях осады. Выжившие были обескуражены этими повторяющимися неудачами; возможность исправить катастрофу, вызванную скорее небрежностью, чем несчастьем, была упущена; и с тяжелым сердцем Мулей Хассан удалился, чтобы встретиться лицом к лицу с негодованием и вынести проклятия свирепого и мятежного населения своей столицы.

Серьезный спор о распределении добычи, возникший между двумя подразделениями христианской армии, дает нам представление о национальных нравах и раскрывает основные мотивы, по которым проводились эти национальные крестовые походы. Алчность подкрепляющих сил пробудилась при виде богатой добычи, добытой их товарищами, штурмовавшими город, и они потребовали ее как свою собственную, утверждая, не без оснований, что без их своевременной помощи она была бы неизбежно потеряна. Честь, оказанная спасением их соотечественников, и слава поддержки христианского дела были ничтожны по сравнению с добычей, на которую они заявляли, что имеют право. Настроения были настолько сильны, что потребовалось все влияние герцога Медина-Сидонии и других могущественных вельмож, чтобы предотвратить обращение к оружию.

Когда испанская армия отступила, король Гранады, на этот раз в изобилии снабженный артиллерией и боевыми припасами, снова осадил Альхаму. Толщина стен, однако, устояла даже перед огнем мавританских лангобардов - в ту эпоху это было самое надежное и, по сути, почти единственное орудие в Европе. Однажды ночью, сразу после захода солнца, Мулей Хассан призвал к себе в палатку сорок молодых кавалеров из самых выдающихся семей арабской знати. Когда они собрались, им сообщили, что он выбрал их для штурма города на эскаладе. Честолюбие мавританской молодежи было воспламенено доверием, оказанным им их королем, и опасная служба была принята с энтузиазмом. При поддержке многочисленного отряда отважные авантюристы приблизились к самой высокой части стены. Ее окрестности были настолько труднодоступны, что гарнизон, считая эту часть обороны неприступной, вел беспечную стражу. Но активная отвага мавров преодолела это, казалось бы, непреодолимое препятствие, и небольшой отряд нападавших незамеченными достиг вершины крепостного вала. Из двух часовых, с которыми они столкнулись, один был убит, но другой, спасаясь, поднял тревогу. Уже семьдесят мавров проникли на улицы, и другие поднимались по лестницам. Еще несколько мгновений, и город был бы взят. Превосходящий числом штурмующий отряд был убит или взят в плен; вспомогательные силы, которые взбирались на стены или бесшумно приблизились к воротам, были отброшены назад; был установлен бдительный патруль; и самая многообещающая попытка вернуть Альхаму, придуманная мавританской изобретательностью и отвагой, была сорвана.

Теперь, полностью осознав сложность сохранения своего завоевания, католические монархи впервые предприняли надлежащие приготовления к его обороне. Гарнизон был сильно усилен. Сорок тысяч вьючных животных потребовалось для перевозки огромного количества провизии и военных припасов, которые хранились в его арсеналах и складах. Город был взят в первый день марта 1482 года. Второе отступление мавров произошло двадцать третьего числа того же

месяца. Все это время шли почти непрерывные бои. С обеих сторон были унесены сотни жизней. Военные операции, связанные со взятием Альхамы, по тяжести и значению своих результатов намного превосходили те, которые решали судьбу любого другого укрепленного места во время Гранадской войны, за исключением только столицы. Престиж, который его обладание придавало испанскому оружию, имел большее значение, чем даже его первостепенное значение как операционной базы в сердце страны противника. Его потеря стала смертельным ударом по делу мавров. Непопулярность Мулей Хасана росла; его армия была обескуражена; ропот мятежной черни в городе становился все более угрожающим; и дворцовая фракция поспешила завершить заговор, который вскоре должен был привести к падению мусульманской власти.

Яростный дух ревнивой Айши преследовал свои замыслы со всей энергией разочарованного честолюбия и неумолимой мести. Ненавистная рабыня Зорайя теперь была первой султаной и вытеснила свою соперницу как по королевскому старшинству, так и по привязанности своего мужа. Визирь Абул-Касим-Венегас, сын знатного христианского отступника, которому эмир, увлеченный прекрасной фавориткой, передал управление делами, был практически правителем королевства. Близость, которой пользовались эти два доверенных лица иностранного происхождения и ненавистной родословной, была расценена коварными приверженцами Айши как не что иное, как измена. Некоторое время назад, по совету визиря, дерзость некоторых вождей абенсеррахов была наказана внесудебной казнью. Таким образом, поддержка этого могущественного племени была навсегда утрачена королем; его члены с нетерпением прислушивались к увертюрам мятежной партии, и гордые и мстительные африканские кавалеры с нетерпением ожидали часа возмездия.

Обратный ход в Альхаме стал сигналом к восстанию. Едва король вернулся, как в Альбайсине появились сообщения о серьезных беспорядках, возглавляемых Абенсерражами. Ни для кого не было секретом, кто на самом деле был ответственен за эти беспорядки; и Айша и ее сын Боабдил, которого, хотя он был еще молод, предполагалось посадить на трон, были немедленно арестованы и заключены в великую башню Комарес в Альгамбре. Этот решительный шаг обеспечил общественную безопасность на то время. Бунтовщики рассеялись, лидеры скрылись, и в городе воцарились обычные тишина и покой. Но это кажущееся спокойствие длилось недолго. Рабыни Айши, связав свои покрывала веревкой, спустили юного принца из окна башни, выходящей на Дарро, где его ожидали вожди Абенсераджа; и на рассвете в сопровождении значительного отряда всадников он был уже далеко на пути к Гуадиксу, алькальдом которого был один из его сторонников.

Не зная ни о масштабах заговора, ни о количестве замешанных в нем высокопоставленных персон, Мулей Хассан не придавал большого значения побегу своего непокорного сына. Но несколько дней спустя, когда король наслаждался роскошным уединением в одном из своих пригородных дворцов, в городе поднялось большое волнение. Ему сообщили, что Абенсеррахи провозгласили суверенитет Боабдила; что, подстрекаемое присутствием принца и криками его сторонников, население Альбайсина снова взялось за оружие; что революция быстро набирает силу и, казалось, вот-вот охватит весь город; и, что хуже всего, алькальд Ибн-Комиха поднял знамя мятежников над цитаделью Альгамбра. Африканская гвардия во главе с визирем тщетно пыталась остановить волну восстания. Сам Мулей Хассан, надеявшийся своим присутствием внушить благоговейный трепет мятежной толпе, был встречен криками неповиновения и насмешек. На рассвете все население Гранады собралось и изгнало короля и его

приверженцев, которые в беспорядке бежали в замок Мондухар. Друзья и родственники свергнутого монарха, узнав о его несчастье, поспешили выразить свою помощь и сочувствие. Для попытки вернуть столицу был отобран отряд из пятисот человек. Облачной ночью, одетые в черное, они взобрались на стены Альгамбры. Каждый солдат, с которым они сталкивались, был предан смерти. Тревога распространилась; гарнизон отступил к башням цитадели, и нападавшие, спустившись в город, вскоре вступили с повстанцами в рукопашную схватку на улицах. Полуночный переполох разбудил все население, и свет факелов и свечей вскоре показал незначительную численность врага. Граждане, воодушевленные сознанием своей силы, постоянным прибытием подкреплений и страхом наказания, сражались с решительной отвагой; и король, оставив более половины своих сторонников на поле боя, спасся только во мраке ночи. С трудом выбравшись из лабиринта узких переулков в пригороде, он продолжил свой путь в Малагу, которая осталась верна его делу. Теперь началась непримиримая трехсторонняя борьба, в ходе которой мусульманская автономия в конце концов не могла не быть уничтожена. Два короля и два двора, распаленные взаимным негодованием, каждый из которых был полон решимости любым способом погубить другого, были вооружены. Каждая община была отвлечена ссорами враждебных группировок. Партизанские раздоры охватили даже отдаленные поселения Сьерры. На другой стороне был общий враг, агрессивный, сплоченный, бдительный; более мощный численно, более богатый ресурсами, чем в любой предыдущий период. Никогда в истории мавританской оккупации требование единогласия в национальных советах не было столь настоятельным, и все же никогда эти советы не были столь разделены. Тревога за успех партии в умах разъяренных мавров вытеснила всякую заботу об общественном благе. Даже видимость патриотизма и религиозного рвения, более важного в глазах мусульманина, чем привязанность к своей стране, были преодолены горечью фракционной вражды. При объединении и сотрудничестве конечный результат борьбы не мог быть сомнительным, но он мог бы затянуться, и злые времена преследований и порабощения были бы отложены, возможно, еще на столетие. В существующих политических условиях, когда распаду провинций способствовала враждебность извне, национальный крах был быстрым и неизбежным.

Христиане быстро ухватились за возможности, открывавшиеся в результате этих разногласий. Фердинанд во главе многочисленного отряда уже захватил Вегу, оставляя за собой дымящийся след опустошения. С крепостных стен Гранады мавры с бессильной яростью и отчаянием смотрели на пламя мельниц и фермерских домов, на массовую расправу над крестьянами и уничтожение апельсиновых рощ и оливковых плантаций. Тысячи овец и крупного рогатого скота стали добычей кастильцев во время этого набега, и запасы Альхамы, которых и без того было достаточно для многомесячной осады, были снова пополнены, на этот раз за счет награбленного урожая несчастных мусульман Веги. Несмотря на его мощную оборону, обильные припасы и многочисленный гарнизон, удержание этого места было сомнительным до тех пор, пока его сообщение с провинциями испанской монархии могло быть прервано. К гранадской Веге можно было подойти через проход в горах, охраняемый древним городом Лоха. Основанный Абдаллой, халифом Кордовы, он долгое время считался одним из самых важных укрепленных мест на полуострове. Его огромный замок и угрюмые стены придавали городу неприветливый вид, который, однако, с лихвой компенсировался красивыми и живописными окрестностями, окружавшими его, не последней из его достопримечательностей были виноградники и оливковые сады, покрывавшие каждый склон. Его ирригационная система, зависевшая от Дженила и других более мелких ручьев, была расширена трудолюбивыми

жителями до тех пор, пока местность на протяжении многих лиг не достигла наивысшего достижимого уровня возделывания.

Захват Лохи теперь был военной необходимостью. Пока он оставался в руках мавров, владение Альхамой никогда не могло быть абсолютно безопасным. Оказавшись во власти испанцев, был открыт беспрепятственный путь в Вегу, и сама столица могла в любой момент оказаться под угрозой. Губернатором города был Алиатар, который, выросший в тиши торговых занятий, благодаря проявлению военных способностей и безрассудной отваги достиг великой славы в военном деле. Его подвиги были темой всей Андалусии. Частота его мародерских вылазок в окрестности Лусены дала этому району название “Сад Алиатара”. Мораима, его любимая дочь, была женой Боабдила. На протяжении почти двух поколений он проявлял активность в каждой кампании против христиан, но накопленные годы не охладили его пыла и не уменьшили его активности. Его богатство было потрачено на содержание войск и выкуп пленников. Предметов роскоши, которые он приберегал для своей семьи, было так мало, что его дочь была вынуждена одолжить драгоценности, чтобы с подобающим достоинством предстать перед своим нареченным возлюбленным, наследником мусульманского престола. Этому знаменитому вождю было теперь более семидесяти лет. Знакомый со всеми приемами партизанской войны, храбрый даже до крайней безрассудности, богатый ресурсами, приобретенными благодаря разнообразному опыту долгой и полной приключений карьеры, любимый своими последователями, внушающий страх своим врагам, трудно было бы найти в пределах Гранады более грозного и способного противника, чем этот доблестный старый мусульманский командир.

Воодушевленный успехом своей недавней экспедиции на Вегу, Фердинанд, ожидая легкой победы, поспешил осадить Лоху. Имея всего тринадцать тысяч человек, плохо обеспеченных необходимым снаряжением и даже без достаточного количества пайков, чтобы продержаться неделю, в первый день июля 1482 года он расположился лагерем перед городом. Вскоре стало ясно, что его армия недостаточно сильна даже для того, чтобы должным образом ее распределить. Неровности местности, естественная неровность которой усиливалась из-за бесчисленных деревьев и живых изгородей, делали невозможным сохранение линий связи или сохранение связи различных подразделений друг с другом. На равнине и в долине лабиринт пересекающихся каналов затруднял передвижение кавалерии, а часто и неосуществимо. Частичная изоляция различных подразделений осаждающей армии не только делала их постоянно подверженными неожиданностям, но и уменьшала их уверенность в себе и значительно снижала их эффективность. Беспорядочное расположение испанцев, которому, таким образом, серьезно мешала природа их окружения, вскоре было замечено маврами. Алиатар во главе трех тысяч всадников тихо выступил из западных ворот, спрятав несколько сотен своих самых храбрых воинов среди буйной растительности садов и внезапно атаковал пост, которым командовал дон Родриго Хирон, магистр Калатравы. Христиане, хотя и были застигнуты врасплох, храбро защищались; мавры отступили в явном замешательстве, а их неосторожные противники, подгоняемые их безудержной стремительностью, вскоре попали в засаду. Отступающий враг теперь вернулся в атаку, и испанские рыцари, атакованные как с фронта, так и с тыла, с трудом удерживали свои позиции. Магистр Калатравы, известный своей галантностью, а также богатством своего наряда, на котором был изображен своеобразный крест его ордена, стал мишенью для тучи снарядов, два из которых попали в жизненно важную часть тела, и бесстрашный молодой кавалер упал замертво с лошади. Только благодаря сверхчеловеческим усилиям любой из его последователей избежал подобной участи. Многие

были убиты и ранены, но, наконец, превосходство в весе и доспехах испанцев одержало верх, и мавританские трубы протрубили отступление. Обремененные телами своих несчастных товарищей, уцелевшие рыцари вернулись в свой лагерь, где опрокинутые палатки и разбитое снаряжение, которые в страшном беспорядке повсюду устилали землю, свидетельствовали об ожесточенности атаки, которая закончилась столь катастрофически для христианского оружия. Теперь даже высокомерному и самоуверенному Фердинанду стало очевидно, что для успешного ведения осады необходимо нечто большее, чем военный энтузиазм. Без колебаний он согласился отступить к Рио-Фрио до тех пор, пока не прибудет армия, уже находящаяся в походе из Кордовы на подкрепление. Недостаток дисциплины или непростительная небрежность помешали сообщить об этом плане различным командирам; и когда на рассвете на высоте Абул-Хасан были разбиты палатки и бдительный Алиатар, готовый к любой чрезвычайной ситуации, штурмовал аванпост, поднялась ужасная паника. Ликующие крики мавров и появление их знамен в испанском лагере создали у осаждающих впечатление, что Алиатар получил подкрепление и что им грозит неминуемая опасность поражения и пленения. Общая тревога усилилась из-за неожиданного сноса палаток отряда, из-за воспоминаний о доблести их врагов и преимуществе, которое последние недавно получили, и особенно из-за их собственного прискорбного недостатка уверенности в себе, вызванного их изолированным положением и слабой дисциплиной. Перепуганная пехота сразу же бросилась врассыпную, приведя в замешательство рыцарей, которые тщетно пытались их сплотить. Мавры, установив батарею на господствующем возвышении, меткостью своего огня усилили общее смятение. Их отчаянные атаки на эскорт, охранявший короля, который, несмотря на численное превосходство и окружение, сохранял свои позиции с непреклонной решимостью, на какое-то время поставили исход дела под сомнение. Никогда в жизни Фердинанд не подвергался большей опасности. Его самые храбрые военачальники были ранены и выбиты из коней. Маркиз Кадисский, стоявший во главе семидесяти рыцарей, несколько не смутился яростной атаке мусульманских всадников. Спешенный и вооруженный только мечом, этот доблестный герой, сражаясь в первых рядах, проявил чудеса доблести; и его последователи, подражая его примеру, оказали такое упорное сопротивление, что нападавшие, обессиленные своими усилиями, в конце концов отступили с поля боя. Разгром христианской армии был полным. Осада длилась всего пять дней. Некоторые из охваченных ужасом беглецов не останавливались до тех пор, пока не преодолели расстояние в двадцать миль между собой и местом своего позора. Только героические усилия горстки кавалеристов спасли короля от пленения. На протяжении более чем лиги земля была усеяна брошенной одеждой, штандартами и оружием. Осадный обоз попал в руки врага. Окрыленные победой, солдаты Алиатара под одобрительные возгласы своих соотечественников вернулись в город, обогатившись добычей из христианского лагеря.

Катастрофический результат покушения на Лоху наполнил изолированный гарнизон Альхамы самыми ужасными опасениями. Потребовались все внимание и авторитет губернатора дона Луиса Портокарреро, чтобы отговорить свое командование от массового дезертирства. Внезапное появление мавританской армии усилило их опасения, и только оперативная помощь, посланная Изабеллой, сохранила для испанской короны эту важную крепость, завоеванную такой ценой и обороняемую с таким трудом. Мавры отступили; был введен новый гарнизон, и дон Хуан де Вера принял командование, поддержанный несколькими молодыми рыцарями, которые добровольно искали этот опасный пост, жаждущие приключений и отличий. Среди них

был Эрнан Перес дель Пульгар, чья карьера напоминает карьеру романтического паладина, и которому суждено было прославиться в последующих операциях войны с Гранадой.

Мулей Хассан в своем дворце в Малаге с негодованием узнал об инвеституре Лохи. Собрав свои силы, он приготовился отправиться на помощь этому городу, когда до него дошла весть об отпоре и отступлении христиан. Считая себя защищенным от вмешательства и преисполненный решимости отомстить, он спустился с семьюдесятью пятьюстами воинами в плодородный район Медина-Сидония. Окрестности Гибралтара и Альхезираса, равнины Эстепоны — короче говоря, весь этот регион вплоть до реки Селемин — пережил ужасные зверства пограничной войны. Операции планировались и выполнялись с систематической регулярностью под руководством лично короля. Армия была разделена на отряды, за каждым из которых была закреплена отдельная территория в качестве исключительной добычи. Благодаря этому было сэкономлено много времени, а опустошение стало более полным. Со всех сторон поднимался дым от горящих урожаев и жилищ. Со всех сторон света вооруженные отряды доставляли добычу и пленных в штаб-квартиру мусульман. Одного только скота насчитывалось более пяти тысяч. Прошли годы с тех пор, как мавры добывали такую добычу. Бездна наказанности ослабила бдительность жителей этой части Андалусии, долгое время находившихся в стороне от усилий мусульманской предприимчивости и дерзости. Таким образом, промышленные скопления были более доступны и охранялись менее тщательно, чем в местностях, постоянно подвергавшихся вторжениям противника. Возвращаясь, Мулей Хассан попал в засаду, где его скот обратился в паническое бегство и многие из них погибли; но ранение, которое он получил, было незначительным, и через несколько дней он с триумфом вошел в Малагу.

Это смелое достижение мавританского короля вызвало боевое соперничество кастильских кавалеристов, подавленных триумфом неверного врага. В марте 1483 года несколько глав величайших домов королевства встретились в Антекере в сопровождении своих вассалов, чтобы согласовать план кампании. Влияние и упрямство дон Алонсо де Карденаса, великого магистра Сантьяго, доминировали в собрании в противовес советам лидеров с большим и разнообразным опытом; и Аджаркия, суровый и малонаселенный район к северу от Малаги, который, как утверждали преувеличенные отчеты, был заполнен бесчисленными стадами крупного рогатого скота, был выбран в качестве объекта экспедиции. Длинной и неровной вереницей искатели приключений вступили в мрачные ущелья Сьерры. Авангардом командовал дон Алонсо де Агилар; в центре находились граф Сифуэнтес и маркиз Кадис; тыл, как опасный и почетный пост, находился в ведении великого магистра Сантьяго. По мере того как испанцы проникали все дальше в горы, местность становилась все более и более неприступной. Тропы были опасными и ненадежными. отвесные скалы возвышались далеко над их головами. Временами дорога огибала пропасти, глубины которых были невидимы и обозначались только слабым ревом какого-то далекого потока. Поблизости не было видно ни одного живого существа. Повсюду царил тишина запустения, и, за исключением нескольких заброшенных лачуг, ничто не указывало на присутствие человека. Солдаты, раздраженные разочарованием и не обращая внимания на опасность, продолжали свой путь в шумном беспорядке. Хижины пастухов, подожженные авангардом, бросали зловещий свет на мрачный пейзаж и обнажали разбитые и рассеянные ряды испанцев, которые в неизвестной стране, укрытые в пещерообразных ущельях гор и окруженные врагами, пренебрегали даже мерами предосторожности при обычном марше. Приближение ночи удвоило затруднения, и без того достаточно серьезные. Проводники, сбитые с толку множеством троп и опасаясь опасности, сбились с пути. Теперь всякому порядку пришел конец; число отставших в темноте росло;

основные силы, продвижению которых мешал караван мулов, груженный походным снаряжением, пришли в замешательство; и сквозь мрак можно было разглядеть сигнальные огни противника на вершинах гор, освещавшие повсюду передвижения экспедиции. В то время как беспорядки были наибольшими, арьергард, где военные привычки рыцарей Сантьяго все еще сохраняли видимость послушания и дисциплины, был атакован горцами. С недоступных высот ливень стрел и камней огромных размеров обрушивался на беспомощных кавалеристов, чье невыгодное положение не позволяло им ни защищаться, ни выбивать своих врагов. По мере того как число последних, привлеченных сигнальными кострами, увеличивалось, остальная часть армии была вовлечена в безнадежное сражение; где в узкой долине, сбившись в борющуюся массу, безрассудная банда христианских авантюристов, казалось, была обречена на неминуемую гибель. Тем временем цепочка огней и быстрота проворных курьеров передали в Малагу информацию о присутствии врагов в Аджаркии. Абдаллах аз-Загаль, брат короля, равный ему по военному опыту и доблести, и Редван Венегас, выдающийся вождь, немедленно отправились с сильным отрядом кавалерии к месту действия. Первый луч зари показал измученным христианам хорошо вооруженные войска Короля на высотах далеко над ними. С почти непостижимой быстротой, учитывая препятствия, создаваемые землей, горцы на расстоянии многих миль собрались для защиты своих домов. Все выходы из Аджаркии охранялись. Отряд берберов занял перевал со стороны моря, готовый перехватить всех, кто мог бы попытаться бежать в этом направлении. Как только дневной свет позволил испанцам полностью осознать масштабы грозившей им опасности, они были почти готовы поддаться отчаянию. Из укрытия скал и деревьев ловкие арбалетчики Венегаса безнаказанно расстреливали всех, кто бросался в глаза своей одеждой или доспехами. Тех, кто не был пронзен снарядами или раздавлен камнями, швыряло вниз головой в пропасти. Сопротивление и бегство казались одинаково бесполезными. Испанцы, побросав свои знамена, каждый из которых заботился о своей личной безопасности, разбежались во все стороны. Великий магистр Сантьяго решительным натиском, в ходе которого погибло большинство его уцелевших товарищей, сумел достичь вершины горы и, прорубив себе путь сквозь изумленных крестьян, скрылся. Абдалла аль-Загаль, который с большей частью отряда из Малаги находился на посту у единственного перевала к югу от Аджаркии, перехватил небольшую группу беглецов, чье сломанное оружие и потрепанные доспехи указывали на отчаянную опасность, которой они недавно подверглись. Среди них были маркиз Кадис, Алонсо де Агилар и граф Сифуэнтес. Не имея возможности продвигаться дальше, они ценой упорных усилий удерживали свои позиции до ночи. Затем маркиз, ведомый решительным и опытным разведчиком, состоявшим у него на службе, прошел опасными тропами сьерра и, наконец, достиг Антекеры. Граф Сифуэнтес был окружен и взят в плен. Алонсо де Агилар и его спутники прятались в пещерах и зарослях, оставаясь тихими днем и путешествуя ночью, питаясь кореньями и травами, пока им не удалось присоединиться к своим соотечественникам на пограничных заставах. В течение многих дней несчастные кастильцы, один за другим, теряя оружие и доспехи, в изодранной в лохмотья одежде, изможденные от голода, шатающиеся от усталости, бредущие, наполовину обезумевшие, добирались до городов Альхама и Антекера. Из всего числа завербовавшихся в это опасное предприятие сбежало менее половины. Около сотни были убиты. Восемьсот двадцать пять человек были доставлены пленными в Малагу. Четыреста самых высокопоставленных лиц были задержаны ради выкупа. Еще двести были заключены в темницы Гранады и Ронды. Среди погибших были два брата маркиза Кадиса, Гомес Мендес де Сотомайор, губернатор Утреры, и многие другие знатные люди. Более тридцати командоров ордена Сантьяго погибли или были взяты в плен. Так велик был ужас христиан, бесцельно

блуждавших по ущельям и склонам гор, что во многих случаях четверо или пятеро сдавались одному-единственному безоружному врагу. Даже крестьянки брали в плен охваченных ужасом и слабостью беглецов, с которыми они сталкивались в пригородах Малаги. Добыча была увеличена за счет крупных сумм денег, доверенных солдатам их друзьями на покупку скота, рабов и драгоценностей в ожидании верной победы и обильной добычи. Ничто в анналах испанского завоевания не указывает на его корыстный характер более ясно, чем это важное обстоятельство. Набожные хронисты, сетуя на алчность своих соотечественников, ссылаются на это сокрушительное поражение как на явное доказательство гнева Провидения. Пример Альхамы заставил испанцев считать свое оружие непобедимым. Сокровища, найденные в этом городе, пробудили алчность каждого искателя приключений на полуострове. Эта чрезмерная уверенность теперь подверглась серьезной проверке. Во всех городах Андалусии царили скорбь и траур; при дворе царило нескрываемое смятение; почти в каждой семье царили муки страдания или еще более мучительная горечь неизвестности. Престижу Испании был нанесен смертельный удар. История с Аджаркией, последовавшая непосредственно за отражением атаки при Лохе, не только запятнала блеск их оружия, но и уменьшила уважение, которым пользовались католические монархи в Европе. Менее шестисот крестьян участвовали в битве, которая закончилась разгромом андалузской знати, которая со своими слугами превосходила нападавших численностью в семь раз. Знамена, расшитые гербами плащи, великолепная сбруя, боевые кони, сопровождаемые самыми прославленными пленниками в цепях, были выставлены для ликования народа и славы Аль-Загала в городах Ронда, Лохе, Малага и Гранада. Пленники, которые не считались достаточно ценными, чтобы их можно было использовать для выкупа, а также сторонники лагеря и торговцы, ожидавшие чего угодно, но только не такого результата, были проданы с аукциона вместе с экипажем, мулами и другими военными трофеями.

Эти последовательные военные подвиги Мулея Хассана в значительной степени способствовали его популярности и придали мощный импульс его делу. Многие искатели приключений в королевстве, которые до сих пор держались в стороне, теперь присоединились к его знамени. Дезертирство ряда влиятельных сторонников, привлеченных в Малагу перспективой грабежа и славы, встревожило фракцию Боабдила, который, не обращая внимания на опасности, угрожавшие его стране, оставался позорно пассивным в раю Альгамбры. Вынужденный, наконец, к действию возмущенными увещеваниями своей матери и Абенсерраджей, которые ежедневно наблюдали свидетельства его ослабевающей власти, он неохотно приготовился к набегу на землю христиан. Ареной боевых действий были выбраны границы Кордовы, поскольку почти все владельцы этой территории остались на полях сражений при Аджаркии или все еще были замурованы в мавританских подземельях. Во главе девяти тысяч пехотинцев и семисот всадников мусульманский принц выступил из Гранады. С опрометчивой показухой армия двинулась к Лохе, где Алиатар присоединился к ней с эскадрой ветеранов, чей опыт имел гораздо большую практическую ценность, чем тщеславный отряд молодых кавалеристов, составлявших великолепную телохранительницу короля. В отличие от своего отца, чьи планы осуществлялись с тишиной и быстротой, которые обеспечивают успех, Боабдил продемонстрировал в своем походе всю помпезность и обдуманность королевского похода. Обязанные его глупости и неопытности, христиане, полностью осведомленные о его передвижениях, уже были готовы к его приему. Небольшой, но решительный отряд кавалеристов под командованием дон-Диего Фернандеса де Кордовы, алькальда лос Донселеса, был собран в Лусене. Мавры, переправившись через Джениль и

разорив округа Монталья и Агилар, двигаясь в беспорядке и обремененные добычей, направились к этому месту с целью взять его штурмом. Двадцатого апреля кастильские сигналы возвестили о приближении врага. Город Лусена не был приспособлен ни из-за мощной обороны, ни из-за многочисленного населения оказывать длительное сопротивление такой армии, которая теперь угрожала ему. Горожане, привыкшие к тревогам на границе, вели себя с величайшей отвагой. Атака мавров была отбита с большими потерями. В отместку за этот неожиданный результат сады в окрестностях были вырублены, а все здания, до которых можно было добраться, разрушены. Эта разрушительная работа была завершена, губернатору было направлено категорическое требование сдаться. Последние, зная о приближении графа Кабры с подкреплением, тянули время с мусульманами, пока их разведчики не сообщили им, что в поле зрения появились христианские знамена, после чего, не желая рисковать потерей своей добычи, они медленно отступили к Дженилу. Испанцы, хотя и значительно уступали им числом, не желали упускать представившуюся возможность вступить в бой на более равных условиях и внимательно следили за отступающими мусульманами. Разделив свои силы у реки, один отряд был послан вперед, чтобы застать врасплох авангард, который вел стада и пленников, в то время как остальные преследовали тыл. Атакованные таким образом со всех сторон, там, где густой лес скрывал незначительную численность противника, мавры, непривычные к ограничениям дисциплины, пришли в ужас и обратились в бегство. Попытки Боабдила и его командиров сплотить их оказались бесплодными. Последовала ужасная резня; беглецы были пронзены копьями или затоптаны копытами атакующих эскадронов; на берегах ручья, уже заваленных мертвецами, сотни пали под ударами тяжелых толедских клинков. С демонстративной храбростью Боабдил и Алиатар, поддерживаемые горсткой последователей, попытались сдержать неудержимое наступление своих врагов. Подавленный численным превосходством, ветеран-мусульманский капитан был убит, и его тело, унесенное быстрым течением Дженила, больше никто никогда не видел. Великолепная внешность короля; его украшенные дамаском доспехи и плащ из малинового бархата, расшитый золотом; богатая попона его коня; красота его оружия, указывающая на выдающуюся личность, сделали его мишенью для тысячи снарядов. Пронзенная выстрелом, его лошадь упала под ним. Смешавшись с толпой пехотинцев, продвигавшихся к реке, он обнаружил, что его продвижение преграждает стадо крупного рогатого скота, которое во время беспорядочного бегства было затоптано насмерть в трясине. Стремительность преследователей не допускала промедления, и огорченный беглец, свернув в сторону, попытался укрыться среди лавров и ежевики, росших по берегам ручья. Его эффектный костюм выдал его, и он сразу же был перехвачен Мартином Уртадо, мелким чиновником из Лусены, который после небольшого сопротивления добился его поимки. В то время как о его личности никто не подозревал, его высокий ранг был очевиден; и товарищи Уртадо, желая разделить выкуп за столь выдающуюся личность, попытались лишить его чести на подвиг. Последовала серьезная перепалка, и солдаты приготовились утвердить свои соперничающие притязания силой оружия, когда своевременное прибытие алькальда де лос Донселеса положило конец спору. Воспользовавшись своей властью, он приказал препроводить прославленного узника в Лусену, где, несмотря на строгую охрану, с ним обращались с величайшим уважением, пока расследование не установит его ранг и сумму, которая будет взыскана за его освобождение.

Победа при Лусене с лихвой нейтрализовала последствия катастрофы в Аджаркии. Мавританская армия была практически уничтожена; из девяти тысяч семисот едва ли двум сотням удалось спастись. Список убитых и пропавших без вести включал имена самых

выдающихся дворян и граждан Гранады. Тысяча лошадей, девятьсот мулов, двадцать два штандарта, роскошные палатки и убранство королевского двора и вся добыча, захваченная на плодородных равнинах Лусены и Агилара, были плодами победы. Таким образом, переменчивая судьба войны, подобно колебанию маятника, снова качнулась в сторону христиан; но в будущем ее импульс должен был замедлиться и, в конце концов, навсегда отразиться на маврах, полная дезорганизация которых давно предвещала непоправимую катастрофу.

Известие о поражении и пленении Боабдила повергло столицу в ужас. Отсутствие короля и его самых могущественных приверженцев сделало невозможным для фракции Айши сопротивление наступлению Мулея Хассана, который без промедления возобновил свое владение тронem. Без видимых трудностей он восстановил свою власть; но, охваченный страстью, которую нелегко объяснить, он позволил свергнутой султанше удалиться со своими сокровищами в цитадель Алькасаба, что было актом исключительной неосторожности, учитывая ее мстительный характер, политическое влияние и хорошо известный талант к интриганству.

Личность Боабдила была установлена благодаря уважительному почтению, оказанному ему мавританскими пленниками, случайно попавшими в его присутствие, и по приказу Фердинанда он был перевезен в замок Поркуна. Со своей обычной осторожностью испанский король решил, прежде чем решать, как поступить со своим пленником, максимально ослабить оставшуюся у него власть путем масштабного набега на его владения. Этим замыслом он предполагал не только уничтожение созревающих урожаев, выращиваемых для пополнения житниц столицы, но и обострение вражды между фракциями, которая усилилась бы из-за неизбирательных опустошений и, таким образом, еще больше ослабила бы преданность народа правителям, либо неспособным к сочувствию, либо неспособным к обороне.

Экспедиция была организована с огромным размахом. Все провинции королевства были обложены контрибуциями. Группа швейцарских авантюристов, чье оружие и амуниция с любопытством рассматривались испанцами, мало кто из которых когда-либо слышал об их стране, привела на помощь католическим монархам свое гельветское упрямство и строгую дисциплину. Собственно армия состояла из десяти тысяч кавалеристов и двадцати тысяч пехотинцев. Тридцатитысячный отряд, единственной обязанностью которого было разрушать, был снабжен топорами, пилами и хворостом. В дополнение к ним было множество мирных жителей, погонщиков мулов, слуг, торговцев и сопровождающих лагерь. Для перевозки припасов и военного снаряжения для этих огромных сил требовался обоз из восьмидесяти тысяч вьючных животных. Перед лицом такой силы Гранаде, во времена ее наивысшего расцвета, было бы трудно оказать сопротивление. Как бы то ни было, с одним из ее принцев в плену, а другим немощным и ненавистным, с населением, разделенным по фракциям и ослабленным недовольством и несчастьями, не существовало военной организации, способной хотя бы серьезно потревожить захватчиков. Последние, следовательно, беспрепятственно продолжали свой неумолимый путь. На расстоянии многих лиг и на виду у Гранады местность была полностью лишена растительности. Фруктовые сады были уничтожены. Виноградные лозы были выкопаны. Урожай сожжен. Ни деревья, ни кустарника не осталось в том, что еще так недавно было раем. В одном районе триста фермерских домов и башен были преданы огню. Сеть серебристых ручейков, до сих пор скрытых миртовыми изгородями, гранатовыми и миндальными рощами, теперь сверкала среди картины мрачного запустения; монотонный пейзаж нарушали только обугленные и дымящиеся груды того, что еще

вчера было живописными, утопающими в цветах домами процветающих и счастливых людей. Численность врага и организованная система уничтожения, которую он использовал, позволили ему за несколько часов уничтожить все следы того сельскохозяйственного мастерства, на развитие и доведение которого до совершенства потребовались столетия. Многие города были взяты штурмом и брошены на произвол судьбы. Со стен тех, кто оказывал успешное сопротивление, встревоженные жители не видели ничего, насколько хватало глаз, кроме пустыни. Достигнув цели похода, Фердинанд распустил свою армию и вернулся в Кордову. Моральное и физическое воздействие этой бесчеловечной политики на мавров было более решающим, чем последствия дюжины успешных кампаний. У них не было средств к существованию. Их воинский дух был сломлен. Постоянно подвергаясь повторению подобных несчастий, не могло существовать стимула для восстановления сил. В этих обстоятельствах нет ничего странного в том, что огромное количество мусульман, доведенных до отчаяния, всерьез задумываются о передаче своей верности тем государям, которые до сих пор были их безжалостными врагами и угнетателями.

Совет, состоящий из главных лиц королевства, был теперь собран в Кордове, чтобы решить, что следует сделать с мавританским королем. После долгих препирательств и споров было решено освободить его, поскольку было признано, что его пребывание в плену, устраняя элемент разногласий в советах мусульман, привело бы к примирению враждующих группировок и продлению войны. Перед собравшейся знатю предстали два посольства из Гранады: одно от Айши, которой слепое безумие Мулей Хассана позволило замышлять измену в самой тени его дворца и которая была готова пойти на любые уступки, чтобы добиться освобождения царственного пленника; другое от его отца, предлагавшего великолепную награду за передачу в его руки своего непокорного сына. Только посланники султанши были внимательно выслушаны. Боабдил должен был оказывать почтение испанским монархам и выплачивать ежегодную дань в двенадцать тысяч дублонов золота; освободить четыреста пленников, три четверти из которых должны быть названы его господином; и разрешить беспрепятственный проход через свои владения христианским армиям и снабжать их провизией всякий раз, когда они будут воевать с Мулей Хасаном или его братом Абдаллахом аз-Загалем. В качестве обеспечения выполнения этих обязательств сын короля и ряд знати Гранады должны были быть переданы в качестве заложников. Боабдил без возражений и колебаний согласился на унижительные условия, гарантировавшие ему свободу, и конвенция была подписана. Было заключено перемирие сроком на два года, и прославленный пленник, препровожденный в Кордову, засвидетельствовал почтение своему сюзерену, окруженному всей пышностью испанского двора. Затем, в сопровождении многочисленного и великолепного эскорта, он вернулся в свое королевство, чтобы выслушать пустые поздравления своих сторонников, столкнуться с презрением своих врагов и стать мишенью для проклятий непостоянного и разъяренного населения, которое небезосновательно приписывало его изнеженности и нерешительности большую часть общественных страданий.

Мудрость, посоветовавшая освободить мусульманского короля, не заставила себя долго ждать подтверждения. То ли он колебался, даже в отчаянной ситуации, пойти на крайние меры против собственной плоти и крови, то ли бдительность, которая никогда не спадала во время военных действий, ослабла в условиях внутренней опасности, но Мулей Хассан, хотя и был полностью осведомлен об освобождении своего сына, не предпринял попытки перехватить его; и Боабдил, легко избежав часовых и патрулей аванпостов, вошел в Альбайсин глубокой ночью. Не теряя ни часа, его энергичная мать призвала своих сторонников взяться за оружие. На рассвете сигнал к

столкновению снова разнесся по всему городу. Снова улицы были залиты лучшей кровью королевства; снова дикие африканские племена возобновили в самой изысканной столице Европы яростную вражду, которая за поколения до этого зародилась в глубинах Ливийской пустыни; снова необъяснимая ярость межпартийных раздоров растратила те богатства и военную энергию, которые могли бы спасти империю; беспорядки, которые быстрее и эффективнее, чем серия побед, способствовали осуществлению замыслов смертельных врагов - мусульман Гранады. Соображения политической целесообразности, нежелание дольше быть свидетелями пролития крови, которое в конечном итоге должно было закончиться истреблением воинов королевства, и сознание того, что их соотечественники невольно оказывают существенную помощь христианскому делу, побудили более respectable класс граждан, докторов права и священнослужителей, — короче говоря, тех людей в обществе, мнение которых больше всего заслуживало уважения, — предложить перемирие. Поскольку на это предложение согласились с меньшими колебаниями, чем можно было ожидать, и робкий характер Боабдила в определенной степени возобладал над его амбициями, он решил на время отказаться от своих притязаний на столицу и перенести свой двор и своих сторонников в Альмерию.

Мулей Хассан, хотя и был таким образом временно избавлен от присутствия своего соперника, не преминул осознать ненадежный характер своего пребывания на этом посту или опасности — тем более опасной из-за окутавшей их тайны, — которые угрожали существованию его авторитета. Чтобы противостоять этим опасностям и отвлечь умы недовольных от подстрекательства к мятежу, он хорошо знал, что нет более эффективного средства, чем популярное и славное военное дело. Среди всеобщей деморализации и позора его военная репутация, приобретенная в пятидесяти кампаниях, оставалась нетронутой. Среди его приверженцев можно было найти самых способных и выдающихся военачальников на мавританской службе. Хамет-аль-Зегри, алькальд Ронды, и Беджер, губернатор Малаги, не имели во всем королевстве равных в искусстве инвестирования и организации засад, не имели превосходства в предприимчивости и храбрости. Тысяча двести отборных всадников и большой отряд пехоты под командованием этих опытных предводителей получили приказ собраться в Ронде и, начав с этого места встречи, захватить и опустошить богатые равнины провинции Севилья. К несчастью для успеха экспедиции, передвижения стольких отрядов вооруженных людей, сходящихся в одной точке, вызвали подозрения у некоторых христианских шпионов, которые скрывались в горах недалеко от бывшего города. Вскоре было установлено место назначения этих сил. Андалузские вожди, не теряя времени, создали своих вассалов, и когда мавританская кавалерия достигла окрестностей Утреры, они обнаружили, что вся страна взята в руки. В последовавших маневрах христиане применили свою собственную тактику против мавров с заметным успехом. Мусульманская пехота осталась стоять лагерем на холмах, чтобы удерживать перевал. Чуть дальше, на берегах Лоперы, был расквартирован кавалерийский эскадрон, чтобы быть готовым к любым непредвиденным обстоятельствам. На третье подразделение, составлявшее цвет армии, была возложена обязанность охранять добычу, которую их товарищи должны были охранять во время отступления. Позиция противника была хорошо известна кастильцам, чьи разведчики незамедлительно сообщали им о каждом движении. Оставив небольшой отряд рыцарей привлекать внимание мародерских отрядов на равнине, основные силы испанцев застали врага врасплох и разнесли в клочья дивизию, сидевшую в засаде на реке Лопера. Шум конфликта привлек берберов снизу, но они прибыли слишком поздно и сами были разбиты и рассеяны. Узнав о поражении своих товарищей, пехота,

насчитывавшая несколько тысяч человек, но которая в схватке с рыцарями в кольчугах была не лучше пастухов или погонщиков мулов, в замешательстве обратилась в бегство, не нанеся ни одного удара. Одна группа беглецов под командованием Хамета аль-Зегри, руководимая христианским отступником, благополучно добралась до Серрания-де-Ронда. Другой, под командованием алькальда Борхе, сторонники которого присутствовали при резне в Аджаркии и носили доспехи несчастных кавалеристов, убитых или взятых в плен в том бою, был преследуем и почти уничтожен маркизом Кадисским. В нескольких случаях испанские рыцари узнавали и возвращали оружие и сбрую, которые у них отобрали в тот кровавый день.

Поражение при Лопере добавило еще одно бедствие к тем, которые свидетельствовали об ухудшении положения мусульманской державы. Самые храбрые защитники трона Мулей Хассана были сметены. Его престиж был серьезно подорван. Только двести мавританских кавалеристов вернулись из этой злополучной экспедиции. Губернатор Велеса был убит; губернаторы Малаги, Марбельи, Койна, Алоры и Комареса остались в руках врага. Заслуга в этой победе, которая придала столько блеска испанскому оружию, принадлежала дону Луису Портокарреро, который был первым христианским губернатором Альхамы.

Примерно в это же время маркиз Кадисский, всегда готовый воспользоваться небрежностью врага, узнал от своих разведчиков, что Захара, поимка которой послужила сигналом к началу военных действий, может быть застигнута врасплох. Предприняв притворную атаку на город с основными силами своих войск, штурмовой отряд незаметно взобрался на стены цитадели, и потребовалось всего несколько часов, чтобы вернуть себе это место без потерь.

Понимая необходимость непрерывных действий, а также первостепенную важность лишения мавров способности к сопротивлению путем систематического опустошения их страны, Фердинанд и Изабелла теперь сформулировали план более обширной кампании, чем та, что была предпринята до сих пор. Она включала в себя завоевание многих известных городов, которые до сих пор в определенной степени избежали бедствий войны; опустошение всех доступных населенных пунктов, которые все еще сохранили в целостности свои посевы, сады и плантации; беспорядочное сжигание фермерских домов, мельниц и складов; и, наконец, захват большой горной крепости Ронда, замечательное расположение которой сделало ее неприступной, не принимая во внимание воинственный и свирепый характер горцев и африканских солдат, населявших ее и несших гарнизон.

Многочисленная армия была собрана в Кордове в первые дни июня 1484 года. Эшелон артиллерии, который должен был сопровождать его, был самым полным и мощным, что только могли обеспечить несовершенные знания об оружии того времени. Опыт научил испанцев, что самая прочная каменная кладка не устоит против тяжелых снарядов неуклюжих, плохо нацеленных лангобардов. Основная трудность, с которой приходилось сталкиваться при проведении военных операций, заключалась в транспортировке этих тяжелых орудий. Использование колес для изготовления пушек было неизвестно, и их приходилось с трудом тащить длинными упряжками волов или объединенными усилиями сотен людей. В Андалусии шоссейные дороги были не из лучших; в горных районах, где требовались пушки, приходилось убирать препятствия и строить дороги, позволяющие им проезжать. Время было благоприятным для вторжения христиан. Перемирие обеспечило нейтралитет и, если потребуется, активное сотрудничество Боабдила. Мьюли Хассан, старый и сломленный немощью, слепой и беспомощный, неподвижно лежал в Альгамбре. Всеобщая депрессия и апатия, вызванные

только предчувствием более серьезных бедствий и мрачным предчувствием надвигающейся разрухи, нависли над страной. Храбрейшие защитники монархии были убиты в кровавых сценах междоусобиц или в стычках неудачных экспедиций. Превосходство гнусного неверного начало неохотно признаваться; голод в регионе, вошедшем в поговорку о плодородии, становился неизбежным; и враждебно настроенные партизаны, стремясь возложить друг на друга вину, в которой все были одинаково виновны, предавались самым ожесточенным взаимным обвинениям.

Кампания началась осадой Алары, стены которой вскоре были разрушены огнем испанской артиллерии, и многие соседние города меньшей важности сдались без единого удара. Последовала капитуляция Сетения, и христиане, ободренные успехом и уверенные в безнаказанности, перенесли свои опустошительные действия в самые окрестности трех великих городов, олицетворявших королевское достоинство Мулей-Хассана и где долгое время были сосредоточены богатство, культура, торговля и доблесть, которые возвысили цивилизацию и поддерживали существование немногих оставшихся провинций мавританской империи.

Армия вторжения, развернув знамена и готовая к бою, продвинулась до точки в одной миле от столицы. Прекрасные пригороды этого города, уже описанные на этих страницах, теперь были безжалостно принесены в жертву суровым потребностям войны. Не только каждое дерево было срублено с землей, но и все признаки растительности были уничтожены, не уцелело ни единого листика или травинки. Была сожжена территория площадью более ста квадратных миль. Гумна были разрушены, а большие запасы зерна уничтожены огнем. Мечети, виллы и башни, разбросанные по Веге, постигла та же участь. На расстоянии двух лиг во все стороны от Гранады все признаки пребывания человека были стерты, и ландшафт принял вид обугленной и почерневшей дикой местности. Пока испанский король был занят в окрестностях мавританской столицы, герцог Медина-Сидония и граф Кабра огнем и мечом опустошали районы Лоха и Химены. За короткий промежуток в сорок дней стране был нанесен больший и более стойкий ущерб, чем за любой соответствующий период за восемь столетий, разнообразившийся борьбой могущественных наций за господство, набегами мавританских дикарей, кровожадными амбициями авантюрных узурпаторов и длительными и безжалостными зверствами многих последовательных революций. Вывод войск вторжения не принес даже временного облегчения. Губернаторам захваченных городов было приказано преследовать врага с неослабевающей враждебностью. Напрасно отчаявшиеся мавры предлагали огромные суммы золота, освобождение всех пленников, выдачу заложников, если только удастся сохранить их дома и оставшиеся средства к существованию. Напрасно некогда надменный король, который из того самого дворца, где он сейчас лежал, угнетенный старостью и слепотой, ответил посланием со смертельным вызовом, когда его вызвали отдать дань уважения — теперь это жалкий пример неопределенности человеческих устремлений и неустойчивости земного величия, — опустился до унижения, прося в качестве одолжения то, что он ранее с негодованием отверг как оскорбление в терминах ненависти и угрозы. Напрасно разъяренное крестьянство, доведенное до отчаяния перспективой голода и разорения, а также неспособностью умиловить своих безжалостных врагов, пыталось оказать сопротивление, которое раньше могло остановить волну разрушений, но теперь только усугубило их страдания. Сознывая свое превосходство, католические монархи отказывались даже от малейших уступок противнику, которого они считали уже находящимся в их власти.

Тем временем дело Боабдила, который поддерживал в Альмерии тень королевской власти и пустой церемониал двора, с каждым днем теряло почву под ногами. Его тесные отношения с врагом нации, который постоянно снабжал его деньгами и припасами, которых не хватало из-за отвращения его подданных, его абсолютное отсутствие сыновней привязанности и тот факт, что его противоестественный бунт был непосредственной причиной всех бед, обрушившихся на монархию, настолько ослабили его влияние, что его приказам неохотно подчинялись в самых покоях его дворца. Была начата переписка между некоторыми недовольными факи Альмерии и Абдаллой аль-Загалом, который был фактическим регентом королевства, а затем проживал в Малаге. Этот грозный воин со своей африканской охраной был тайно введен в город ночью. Поднялся переполох; губернатор был убит в последовавшей неразберихе, и сторонники Мулей Хассана, почти без сопротивления, присоединили к его владениям богатый и густонаселенный морской порт Альмерия. Захват города был не единственной целью бесстрашного старого воина. С мечом в руке, сопровождаемый своим эскортом, он вошел во дворец и направился в покои Боабдила. Он нашел их пустыми; но, продолжая свои поиски, он встретил молодого Абул-Хасига, брата царя, и бесстрашную Айшу, которая осыпала его оскорблениями и упреками. Взбешенный неспособностью обезопасить своего племянника, который, разбуженный шумом, встревожился и убежал, он обрушил свою месть на юного принца, которого зарубил своим ятаганом; Айша была заключена в тесное заточение; и каждый Абенсерадж, видный по рангу или отличающийся репутацией, который попадался ему в руки, был бесцеремонно предан смерти.

В сопровождении горстки слуг Боабдил бежал к границе и искал защиты у христианского двора. Мольбы изгнанника были выслушаны с сочувствием, но они едва ли ускорили приготовления к кампании, уже намеченной. С войском в двадцать девять тысяч человек Фердинанд осадил Койн. Укрепления уже были сотрясены артиллерийским огнем, когда Хамет-аз-Зегри, алькальд Ронды, во главе эскадрона африканской кавалерии прорвал оборону и вошел в город. Воодушевленные этим подкреплением, жители удвоили свои усилия. Сильный отряд во главе с Педро Руисом де Аларконом, запутавшийся в узких улочках, был уничтожен. Но личная доблесть и героизм ничего не могли поделать против огромных каменных шаров, которые, выпущенные лангобардами, превращали в бесформенные руины все препятствия, с которыми они сталкивались. Были запрошены благоприятные условия капитуляции, и они были с готовностью предоставлены. Горожане покинули свои дома и искали гостеприимства у своих родственников; и доблестный Хамет-аз-Зегри во главе своего отряда мавританских всадников-ветеранов мрачно и молча пересек вражеские позиции и направился к резиденции своего правительства в замке Ронда.

Теперь внимание Фердинанда и Изабеллы было приковано к этому городу. Трудности, которые должны были сопровождать его осаду, были, по-видимому, непреодолимыми. Он повсюду признавался сильнейшей крепостью полуострова. Построенная на скалистом возвышении, половина ее окружности была защищена пропастью шириной в двести футов и глубиной в триста пятьдесят, стены которой, нависающие или перпендикулярные, не поддавались никаким попыткам взобраться на них; другая часть была окружена укреплениями гигантских размеров и, по-видимому, непроницаемой прочностью. Огромная цитадель, господствующая над всеми, возвышалась далеко над крышами окружающих зданий. Без артиллерии это место было неприступным, и транспортировка боеприпасов через горный хребет пресловутой неприступности была задачей, достаточной для того, чтобы до предела истощить ресурсы испанских инженеров. Необходимо построить дороги, сравнять с землей леса, прорубить

тропинки в скалах, перекинуть мосты через ужасные ущелья, прежде чем лангобарды смогут обучиться могучей обороне города.

Ронда больше всего полагалась не столько на особые преимущества своего положения, сколько на характер своих защитников. Она поставляла лучших арбалетчиков в мусульманские армии. Даже мальчишки были опытными стрелками, поскольку с раннего детства были знакомы с использованием этого грозного оружия. Жители Сьерры славились своей активностью, мужеством и неукротимой свирепостью. Крестьяне, которые обычно выбирали профессию пастухов, были закалены ежедневным воздействием и постоянным присутствием опасности, чтобы переносить любые лишения. Знаменитый Хамет-аз-Зегри, который с непоколебимой преданностью и выдающимся мужеством долгое время отстаивал дело Мулей Хассана, был, как уже говорилось, губернатором города; а многочисленный отряд гомеров — тех африканских воинов, которые так выделялись в заключительных сценах Отвоевания и чья доблесть уже так часто проявлялась в нынешней войне, — составлял гарнизон.

Неуверенный поначалу, было бы выгоднее атаковать Ронду или Малагу, Фердинанд, снова продвинувшись в горы, произвел разведку силами вблизи последнего города. Теплый прием, оказанный ему, и множество вооруженных людей, появившихся на крепостных валах и принявших участие в стычках, убедили его, что осада Малаги в то время была бы слишком рискованной и могла бы не увенчаться успехом. Весть о приближении христиан привлекла на расстояние многих лиг тысячи сражающихся горцев. Среди них было много жителей окрестностей Ронды, включая самого губернатора и большую часть его команды, а также ряд граждан, которые и не подозревали, что их собственные дома вскоре окажутся в опасности. С характерной проницательностью Фердинанд скрыл план кампании от всех, кроме нескольких своих командиров. В армии обычно предполагалось, что целью экспедиции была Лоха. Передовой отряд из одиннадцати тысяч человек под командованием маркиза Кадисского был отправлен форсированными маршами для блокады города Ронда и предотвращения его подкрепления или снабжения провизией. По прибытии основных сил линии были постоянно укреплены, рвы выкопаны, а подходы к лагерю осаждающих укреплены повозками, используемыми для перевозки припасов. Восьмого мая батареи, дислоцированные в трех разных точках, открыли огонь по укреплениям. Один из них, принадлежавший дивизии маркиза Кадисского, артиллеристами которого командовали мавританские ренегаты, разрушил подножие утеса, скрывавшего от наблюдения секретную галерею, посредством которой жители снабжались водой. К этому проходу, похожему на тот, что был в Альхаме, вела угловая лестница из ста тридцати ступеней, вырубленная рабами-христианами в цельной скале. Подойти к ручью, которым командовали вражеские снаряды, теперь можно было только под страхом смерти. Четыре дня спустя в стенах была пробита брешь, город был взят штурмом, и замок, в который удалился гарнизон, был плотно обложен. Лангобардам потребовалось всего несколько залпов, чтобы продемонстрировать безнадежность дальнейшего сопротивления. Депутация видных горожан безуспешно умоляла осаждающих о милосердии, и жителям было позволено беспрепятственно уйти, забрав с собой свои личные вещи, в поисках ненадежного убежища в городах, которые вскоре, в свою очередь, будут сотрясены христианскими пушками, и подвергнуться участи мест, оставленных на растерзание свирепым страстям разъяренной солдатни. Алькальду Сетения и Альгвасию Ронды, насчитывающим более сотни семей, желавших принять положение мудехареса, или мавров-данников, и таким образом сохранить свою религию и обычаи под защитой испанской короны, было разрешено поселиться недалеко

от Севильи, где в последующие годы их богатство и ересь ненавистной веры приносили обильную прибыль и занятие приближенным инквизиции.

В день капитуляции из темниц Ронды выпустили четыреста пленников-христиан. Их жалкий вид, их одежда превратилась в лохмотья, а многие из них были почти обнажены, их волосы и бороды были длинными и спутанными, их изможденные тела, пошатывающиеся от голода и заточения, их конечности, отягощенные тяжелыми кандалами, вызывали глубокое сострадание у всех, кто их видел. В этой жалкой процессии было много жертв катастрофы в Аджаркии и несколько благородных юношей, которые с преданностью, редкой даже во времена рыцарского самопожертвования, добровольно отдали себя в руки врага, чтобы обеспечить свободу и безопасность своих отцов.

Сигнальные огни, возвещавшие об опасности, угрожавшей Ронде, собрали отовсюду воинственных горных крестьян. На сигналы маяков на высоких вершинах Серрании ответили другие, находящиеся в сорока милях отсюда. При их появлении вернулся грозный Хамет-аз-Зегри, сопровождаемый самыми храбрыми солдатами Малаги, но его отчаянные атаки на позиции христиан оказались безрезультатными, а продолжительность осады была настолько короткой, что не оставалось времени для более организованных действий, будь то штурм или хитрость. Поразительная быстрота и кажущаяся легкость, с которой один из самых укрепленных городов Европы был доведен до крайности, произвели глубокое впечатление на и без того обескураженных мусульман. Почти из каждого горного городка и поселения вплоть до Картамы и Марбельи в лагерь христиан поспешили гонцы с предложениями покорности. Менее чем за неделю к испанской монархии были присоединены пятьдесят более или менее важных мест и большая территория, контролируемая ими. Условия, на которых мудехарцы были приняты в качестве подданных-данников, были чрезвычайно благоприятными и диктовались как клерикальным лицемерием, так и политической целесообразностью. При условии присяги на верность суверенам через своих вождей и магистратов, обещания подчиняться законам и уплаты той же дани и налогов, которые они ранее привыкли выплачивать своим собственным монархам, им было разрешено беспрепятственно совершать свои религиозные обряды, владеть собственными мечетями, быть судимыми своими кади и передавать и получать по наследству все виды собственности, реальной и личной. Не потребовалось много лет, чтобы раскрыть неискренние и вероломные мотивы, которыми были продиктованы эти, казалось бы, гуманные и великодушные уступки. Трогательная история мудехаров, впоследствии известных как Мориско, - одна из самых кровавых глав в анналах инквизиции.

С самого начала войны политика католических монархов была направлена в еще большей степени на лишение своих врагов средств ведения боевых действий, чем на победу в битвах, штурм городов или оккупацию провинций. Были приняты все меры предосторожности, чтобы помешать эмирам Марокко, связанным с династией Гранады кровными узами, общностью религиозных верований, узами дружбы и сочувствия, оказать помощь своим братьям в их бедственном положении. Многовековые традиции объединяли правящие семьи Гранады и Феса; и, хотя их близость часто прерывалась вторжениями и территориальными спорами, общий характер их отношений был далек от враждебности, и африканские султаны редко оставались глухи к мольбам своих родственников, угнетенных или оскорбленных угрожающими посягательствами христианской державы. Прекрасно понимая важность лишения своих противников этого грозного ресурса, испанцы заблаговременно организовали бдительное патрулирование вооруженных судов вдоль южного побережья Средиземного моря. Это

патрулирование осуществлялось с такой строгостью, что, хотя номинально оно было учреждено для предотвращения переправки людей и припасов в Гранаду, практически оно сводилось к строгой блокаде каждого мавританского порта и практически включало конфискацию всех судов, ведущих торговлю в этой части побережья Африки. Не обладая военно-морскими силами, достаточными для противодействия испанскому флоту, эмир Феса, отрезанный от торговли со Средиземноморьем, серьезно пострадал в своих доходах, а также от лишения предметов иностранной роскоши, необходимых для удовольствий элегантного и сластолюбивого двора. Движимый сильными мотивами личного интереса, африканский принц отправил в Кордову великолепное посольство, в котором выражал сожаление по поводу состояния, до которого морские интересы его королевства были доведены незаслуженной жестокостью христианских монархов, просил о союзе и в самых уважительных выражениях просил вывести флот. В доказательство доброй воли своего господина мавританский посланник привез с собой много красивых и дорогих подарков. Испанские монархи приняли посольство со всеми почестями; заверения в дружбе и внимании были переданы султану Феса со всей pompой и формальностью кастильского этикета; но союз был отклонен; и хотя строгость блокады была несколько ослаблена, что касалось сношений с нейтральными странами, досмотр портов и посещение отплывающих судов, подозреваемых во враждебных намерениях, продолжались со всей досадной суровостью.

С дезертирством своих африканских братьев дело испанских мусульман стало поистине отчаянным. Потеряв единственную надежду на иностранную помощь, предоставленные своим собственным ресурсам, постоянно раздираемые фракциями, их храбрейшие воины принесены в жертву вражде племен, при расколе в совете, измене в лагере, некомпетентности и трусости на поле боя, одним из самых замечательных фактов в истории их безнадежной борьбы является то, что они могли так долго держаться перед лицом врага, становящегося сильнее с каждым сражением, обладающего огромным численным превосходством, оснащенного всеми усовершенствованными средствами агрессивной войны и снабжаемого провизией с территории, в десять раз большей и значительно более густонаселенной, чем их родина. собственный.

С острой проницательностью, порожденной природной проницательностью, и стратегическим опытом, приобретенным в неоднократных кампаниях, некоторые из которых закончились серьезными катастрофами, Фердинанд и Изабелла решили в дальнейшем использовать все ресурсы для взятия основных оставшихся мавританских городов, хорошо понимая, что за захватом любого важного местанемедленно последует подчинение значительной части прилегающей и зависимой территории. Самым богатым и лучше всего укрепленным оплотом, который все еще удерживали мусульмане, была Малага. Чтобы уменьшить его, потребовались бы не только многочисленный флот и мощная армия, но и подчинение каждого города в окрестностях, который мог бы либо помочь гарнизону, либо воспрепятствовать продвижению осаждающих. Из них Марбелья, со стен которой были хорошо видны Гибралтар и Сеута, а расположение гавани предоставляло удобное убежище любым судам, которые могли ускользнуть от бдительности испанских крейсеров, была следующим пунктом, на который были направлены усилия католических монархов. В город было отправлено письмо, и был получен покорный ответ. Но содержание этого послания, хотя и кажущееся простодушным, для испанского ума, знакомого с хитроумными уловками неверного двуличия, создавало впечатление, что оно было составлено исключительно с целью выиграть время. Поскольку важность объекта, который должен был быть достигнут, была первостепенной, было решено

переместить всю армию из Ронды в Марбелью, на расстояние всего в восемь лиг, но через регион, который никогда прежде не пересекали столь многочисленные силы, и природные трудности которого не имели себе равных в любой другой части полуострова. Как только прибыли испанцы, Марбелья была эвакуирована; Монтемайор и двенадцать других городов округа присягнули на верность; и король, продвинувшись вперед, разбил свою палатку в лиге от Малаги.

Трудности, перенесенные войсками в этом походе, превзошли все, чему они подвергались до сих пор, за исключением тех, что были вызваны поражением при Аджаркии. Помимо огромных и непрекращающихся усилий, необходимых для транспортировки артиллерии и военного снаряжения по крутым тропам и через почти неприступные горы, несовершенная организация снабжения привела к массовому голоду. В течение нескольких дней и люди, и лошади были вынуждены питаться травами и пальметтами; а в Марбелье страдания все еще были сильными, поскольку корабли, груженные припасами, задерживались встречными ветрами и не могли добраться до гавани. Мавры, извещенные своими разведчиками об ослабленном состоянии солдат, предприняли яростную атаку на обоз с обозом, когда он застрял в узком проходе между горами и морем. Погонщики мулов и их эскорт, оторванные от своих товарищей и из-за особенностей местности оказавшиеся неспособными к успешной обороне, были мгновенно приведены в замешательство. Великий магистр Алькантары, командовавший арьергардом, в результате упорных боев в конце концов выбрался из опасного положения, в котором, проявив мавры чуть больше упорства, могла бы произойти катастрофа, поставившая под угрозу безопасность всей христианской армии.

Появление короля Испании с внушительным по численности войском и частью осадного обоза, который с такой легкостью сравнял с землей грозные стены Ронды, повергло в ужас жителей Малаги, не подготовленных к сражению, которое должно было окончательно решить судьбу их жизней и состояния. Но вскоре стало очевидно, что их враги были не в том состоянии, чтобы выдержать труды осады. Лишения долгой и трудной кампании не могли бы привести армию к большему бедствию, чем то, которое сейчас постигло солдат Фердинанда. Они шатались от слабости во время марша, некоторые даже падали в обморок прямо в строю. С трудом удавалось собрать отставших — такова была расхлябанность дисциплины — или спасти больных и измученных от разведывательных отрядов врага, которые постоянно наступали на их фланги и чьим милосердием были рабство и смерть. Умиравших от голода лошадей, неспособных выдержать вес своих наездников, вели под уздцы, и многие из них были брошены. Вьючные седла и повозки, используемые для комиссариата, были пусты. В таком плачевном положении армии через несколько дней удалось достичь Антекеры, где представилась возможность полностью восстановить силы, готовясь к возобновлению боевых действий.

Ни одно обстоятельство в истории Реконксты так ясно не демонстрирует упадок мусульманского бесстрашия и духа, как это беспрепятственное отступление христиан. В ожидании осады все наличные силы королевства были сосредоточены в Малаге. Ими командовал знаменитый Аз-Загаль, один из величайших военачальников своего времени, ветеран, сведущий во всех военных хитростях, кумир своих солдат, герой многих успешных экспедиций. Местность, через которую должны были пройти измотанные и дезорганизованные войска, имела такой характер, что во многих населенных пунктах горстка решительных людей могла легко противостоять целому войску. Состояние испанцев, которые едва могли ходить, исключало возможность серьезного сопротивления. И все же, имея все преимущества на своей

стороне, когда врагу мешал бесценный артиллерийский обоз, который невозможно было защитить от смелой атаки, когда захватывающая перспектива пленения короля возбуждала соперничество смелых, когда уверенность в ценной добыче и боевой славе воспламеняла честолюбцев, мавры не осмеливались захватить то, что было почти в пределах их досягаемости.

Из многочисленных губернаторов, которые последовательно были поставлены во главе важной крепости Альхама, дон Гутьерре де Падилья, чиновник высокого ранга в военном ордене Калатравы, теперь пользовался этим ответственным и опасным отличием. Отсутствие гранадской кавалерии, призванной на защиту Малаги, предоставило возможность для добычи, перед которой хищнические инстинкты этого офицера были не в силах устоять. Была совершена вылазка, которая увела из самых пригородов столицы большое количество крупного рогатого скота и овец и несколько несчастных пленников. Возвращаясь, христиане неожиданно столкнулись с Аз-Загалем с цветком мусульманских войск. В последовавшем за этим сражении христиане были наголову разбиты, а тех немногих, кому удалось спастись, преследовали до ворот Альхамы.

Его энергия, репутация знатока войны и исполнительные способности незадолго до этого принесли этому старому воину шаткую и бесплодную честь короны. Народ Гранады, потрясенный и раздраженный захватом Ронды, в один голос потребовал признания Аз-Загала королем. Его недавний успешный подвиг значительно увеличил его популярность. Угнетенный своими растущими немощами, Мулей Хассан с готовностью согласился отречься от престола и передать своему брату тень власти, поскольку он долгое время наслаждался ее содержанием. В то время как улицы оглашались криками людей, которые с энтузиазмом приветствовали восшествие на престол нового и воинственного правителя, Мулей Хассан, которого рабы вели на носилки, в последний раз покинул город, который был ареной стольких побед и стольких бедствий за его долгую и разнообразную карьеру. Альмуньекар был выбран в качестве его временной резиденции, поскольку его сильное положение позволяло легко оборонять его с суши, в то время как близость к морю оставляла открытым, в случае необходимости, путь к побережью Африки. Его отречение, хотя и было признано престарелым королем политической необходимостью, оказалось непосильным для его гордого и чувствительного духа, сломленного болезнью и сыновней неблагодарностью. Несколько месяцев спустя он скончался, без присмотра, за исключением ближайших родственников, в Мондужаре, в долине Лекрен.

Умиравший монарх просил, чтобы его тело было предано земле не вместе с телами его предков, чьи правления были увековечены воинской славой, искусствами, литературой, в благородном пантеоне Альгамбры, но, как это стало с его несчастьями и горестями, в каком-нибудь уединенном месте, вдали от людских пристанищ. В соответствии с его пожеланиями вершина Сьерра-Невады была выбрана в качестве места захоронения, и там, покрытые вечными снегами, покоятся кости свирепого воина, чье имя когда-то наводило ужас на пограничье, в то время как пик Мулей-Хассан представляет собой гораздо более благородный и долговечный памятник, чем великолепные гробницы из серебра и алебаstra, давно разрушенные и развеянные по ветру, в которых когда-то покоились останки членов его королевского рода.

Восшествие на престол Аз-Загала ознаменовалось блестящим достижением, подтвердившим мудрость народного движения, которое возвело его на трон. Фердинанд разработал план осады Моклина, близость которого к Гранаде делала его очень выгодным пунктом и который, согласно

сведениям, полученным от вероломных шпионов, охранялся небрежно. Чтобы отрезать путь подкреплению, граф Кабра с десятью тысячами человек был послан вперед, чтобы ночью окружить город. Аз-Загаль, должным образом осведомленный об этом плане, предвидел прибытие христиан и с отрядом в двадцать тысяч солдат усилил гарнизон и устроил засаду в узком ущелье, через которое пролегал путь захватчиков. Испанцы, жаждавшие грабежа и рассеянные в замешательстве, внезапно были окружены полчищами врагов. Застигнутые врасплох, когда они надеялись застать врага врасплох, и деморализованные внезапным нападением в темноте, они были перебиты почти без сопротивления, а тяжело раненный граф Кабра с большим трудом избежал пленения. Преследование растянулось на целую лигу; перепуганные беглецы были пронзены мусульманскими копьями, когда они убегали; и Аз-Загаль с длинной вереницей пленников, лошадьми и оружием, добытыми в стычке, снова с триумфом вошел в Альгамбру. В результате этого отступления осада Моклина была на время прекращена; и оружие Фердинанда было обращено против двойной крепости Камбил и Аль-Рабаль близ Хаэна, регион которого в течение многих лет подвергался нападениям мавританских флибустьеров, наводнивших его, и при каждой возможности нападавших на плодородные равнины вокруг этого города, унося в свою неприступную крепость все, что находилось в пределах их досягаемости. Крепость устояла всего несколько часов после того, как подверглась обстрелу испанских пушек; и этот успех, добавленный к неожиданности при взятии Залеа, аванпостного замка близ Альхамы, губернатором последнего города, в некоторой степени компенсировал катастрофу при Моклине.

Смерть Мулей Хассана, столь далекая от того, чтобы примирить конфликтующие интересы фракций, казалось, угрожала возникновением сцен еще большего зверства, чем те, которые до сих пор позорили гражданские войны в королевстве. Неугомонная и злобная Айша убеждала своего сына, бездействовавшего в Кордове, снова заявить о своих притязаниях на трон. По ее наущению было публично заявлено, что Мулей Хассан был отравлен Аз-Загал, сторонников которой вскоре серьезно поубавилось из-за коррумпированных и мятежных усилий ее предприимчивых сторонников. Еще одна кровавая борьба, которая вскоре истощила бы остатки расстроенной монархии и ускорила катастрофу, которая, хотя и была неминуемой, все еще считалась отдаленной, была предотвращена правдоподобным, но невежливым предложением влиятельного факи, предложившего разделить территорию между двумя соперничающими князьями. Ничто, кроме отчаянного характера борьбы и всеобщего опасения надвигающегося разорения, не могло примирить умы людей с принятием такой экстраординарной и самоубийственной меры. Принятие этого могло бы продлить на какое-то время независимость нации, чье существование без того было ненадежным; его отказ, несомненно, быстро повлек бы за собой самые фатальные последствия. Никто, наделенный хоть малейшей долей обычной проницательности, не мог себе представить, что два претендента на корону, каждый из которых привык считать другого узурпатором и врагом, могут примирить свои враждебные интересы или даже долго сохранять подозрительный нейтралитет путем раздела владений, продиктованного взаимными страхами и очевидной необходимостью. Благодушие, с которым это предложение было воспринято обоими, показывает, до какой степени деградации дошли потомки королевской линии Альхамаров. С равной легкостью были скорректированы условия, касающиеся нескольких подразделений и юрисдикции над различными провинциями. Аль-Загалю была выделена территория от границ округа Альмерия до моста Таблате, включая Альпухаррас и города Малага, Альмерия, Велес и Альмуньекар; все остальное должно было

принадлежать его племяннику. Гранада должна была стать общей резиденцией обоих государей: Боабдилю была поручена Алькасаба, в старину являвшаяся политическим центром его партии; резиденция Аз—Загаля была основана в Альгамбре.

Это неразумное соглашение, заключенное Боабдилем с непримиримым врагом своего сюзерена, поставило его в двусмысленное и компрометирующее положение. Он получил свою корону при подразумеваемом условии ее защиты. По предыдущему договору, заключенному с самыми торжественными церемониями и ратифицированному под присягой, он добровольно объявил себя вассалом и данником испанских государей. Если он не выполнял свой долг защитника своих подданных, то мог быть убит и наверняка низложен. Его добровольная сдача половины владений, на которые он претендовал по праву наследования и которые теперь принадлежали в качестве феода князю, с которым его недавние переговоры привели к постоянной вражде, сделала его, согласно феодальному законодательству, объектом наказания за государственную измену. В довершение своего замешательства, не успев он добраться до Гранады, как получил от Фердинанда строгое сообщение, в котором тот упрекал его в двуличии, утверждая, что его компромисс с Аз-Загалем был актом предательства и нарушением его вассальных обязательств; что он утратил все права на внимание или защиту своих сеньоров, которые впоследствии возложат на него ответственность за общественное бедствие, которое должно возникнуть в результате возобновления военных действий, последовавших за нарушением его верности. Растущая слава Фердинанда и его ежедневное усиление власти убедили его, что теперь он может обойтись без королевской марионетки, притязаниями которой он отвлек внимание мавров от сохранения того единства национальных чувств и единой цели, которые только и могли сделать их грозными. Донос кастильского короля последовал за смиренным посланием Боабдила, в котором он повторял свои заверения в повиновении, которое, по негодованию Фердинанда, было объявлено им необоснованным нарушением. Теперь дискредитировавшему себя вассалу, неблагодарному сыну и колеблющемуся монарху, который получил корону за счет процветания и свободы своей страны и которую через несколько лет он должен был законно приобрести по воле природы, ничего не оставалось, как попытаться решительным сопротивлением в какой-то мере искупить причиненные им страдания и принесенные в жертву жизни.

В истории мало найдется царственных особ, столь бессильных и презренных, как Боабдил, и в то же время наделенных такой способностью к озорству. Его соотечественники вполне уместно называли его Аль-Зогойби, Несчастный. Рожденный в пурпуре, он сражался и вел переговоры за трон, который в конечном итоге потерял при обстоятельствах глубочайшего унижения. Бесспорно, храбрый, он никогда не выигрывал сражений. На протяжении всей его карьеры самые зловещие предсказатели предсказывали людям, глубоко сведущим в науке предзнаменований, катастрофический результат любого военного предприятия. В Испании он бессознательно способствовал порабощению своих подданных их самым мстительным и бескомпромиссным врагом; в Африке, куда его загнала неумолимая судьба, он пал от рук варваров, защищая чужеземного принца, который единственный среди монархов был готов оказать королевскому изгнаннику гостеприимство.

ГЛАВА XXII

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕКОНКИСТЫ

1486-1492

Краткое изложение причин упадка Мусульманской империи—Лоха взята штурмом—Развитие вражды между Аз-Загалом и Боабдилем—Христиане помогают последнему—Анархия в Гранаде—Осада Велеса—Безуспешная попытка Аз-Загала облегчить ее—Сдача города—Положение Малаги—Ее восхитительные окрестности—Ее Обширные коммерческие и производственные интересы—В нее инвестирует Фердинанд—Отчаянное сопротивление гарнизона—Его страдания—Капитуляция города—Порабощение населения—Двуличие испанских монархов —Война с Аз-Загалом—Осада Базы—Недовольство христианских солдат—Энергия и твердость королевы—Посольство от султана—База сдается—Аз-Загал отказывается от Своей короны—Война с Боабдилем—Последняя кампания—Блокада Гранады—Бедствие ее жителей—Покорение столицы—Судьба Боабдила—Изабелла, Вдохновляющий Гений Завоевания.

Безжалостная политика испанских государей, которые, в дополнение к средствам честной войны, без остатка применяли все хитроумные средства, чтобы ослабить мощь своих противников, преследовала свою цель с неослабевающим упорством и неукротимой энергией. Первостепенная ценность древнеримской максимы “Разделяй и властвуй”, которая была краеугольным камнем великой политической системы, господствовавшей в древнем мире, уже давно была полностью признана христианскими суверенами полуострова. Враждебность мусульманских группировок, которые так часто для разрешения своих кровопролитных споров вызывали из Пустыни огромные орды мавританских варваров, впервые послужила борющейся кастильской монархии примером, учение которого не замедлили оценить и которому последовали. С самых ранних времен его тайная помощь или открытый союз с более слабой стороной разжигали и поощряли вражду испанских арабов. Именно это непрекращающееся вмешательство, поощряя устремления смелых и беспринципных авантюристов и прямо противореча принципам национальной дружбы, держало каждый мусульманский двор в состоянии постоянной тревоги и смятения. Даже частые мятежи, общая дезорганизация, возникшая в результате посягательств могущественной знати, и длительное меньшинство королей-младенцев, хотя они и несколько ослабили, ни в коем случае не отменяли этот полезный и эффективный метод покорения врага путем разжигания междоусобиц. Выдающаяся доблесть кастильского рыцарства никогда не может быть оспорена. Но каким бы важным фактором она ни была в военных делах Европы, роль, которую она сыграла в завоевании Гранады, была второстепенной. Разрушение мусульманской власти было в основном осуществлено в результате политических интриг, и этому в значительной степени способствовало плачевное состояние общества, где абсолютное отсутствие моральных принципов проявлялось в совершении самых чудовищных преступлений. Популярность халифов и эмиров всегда была поверхностной и часто лишь номинальной. Их высокое достоинство как государей, так и наследников священного сана Мухаммеда возвышало их намного выше самых выдающихся из их подданных. С массами, которых они редко снисходили до внимания, у них не могло быть ничего общего. Их империя, добытая завоеваниями, управлялась деспотизмом и сохранялась силой. Неисчислимы блага, дарованные их мудрой и просвещенной администрацией, никогда не были оценены теми, кто ими пользовался. Дикая свирепость бедуинов, передававшаяся из поколения в поколение, доминировала над всеми остальными побуждениями. Оно оказывало

свое пагубное влияние в великолепном дворце государя, в оживленных торговых центрах, в хижине флегматичного и вспыльчивого крестьянина, даже в храме, где публично проповедовались обязательства прощения и мира. Перспектива безграничной империи, преимущества прибыльной торговли, приобретение огромного богатства, изучение философии, память о великих достижениях, сознательная гордость за умственное превосходство, вездесущие признаки великолепной цивилизации никогда не смогли бы стереть из сознания арабов традиции наследственных предрассудков или сплавить в гармоничное целое противоречивые элементы арабского характера.

В истории человечества нет ничего более жалкого, чем гибель нации, чьи труды на протяжении веков вносили вклад в благосостояние и счастье человечества, чьи открытия во всех областях знаний вызывали аплодисменты ученых и вызывали благодарное признание последующих поколений, и которая, охваченная неугасимым огнем внутренних раздоров, растратила в гражданской войне таланты и ресурсы, которые при правильном применении могли бы на века сохранить ее величие и увековечить могущество. Падение мусульманской империи в Европе - яркий пример неумолимого закона человеческой судьбы. Если бы мусульмане не поддались вторжениям кастильских завоевателей, их вечные раздоры, должно быть, в конечном итоге привели бы к вмешательству какого-нибудь другого агрессора. Коммерческое процветание, которое, поощряя эгоизм и роскошь, унижает в глазах женоподобного и трусливого населения профессию военного, подорвало жизнеспособность королевства Гранада. Его самыми храбрыми защитниками были не местные жители, а наемники из Африки. Партизанское безумие, которое не останавливалось ни перед какими крайностями, узурпировало права и вытеснило чувства патриотизма. Самый вопиющий разврат пронизал все слои общества. Красоты земного рая были осквернены сценами, свидетельствовавшими о шокирующей деградации человечества; преступлениями, которые невозможно представить без ужаса; пороками, о которых нельзя упоминать без стыда. Зараженная коррупцией, ослабленная государственной изменой, ее сокровища растрачены гражданской войной, ее кровь щедро пролита в самоубийственной борьбе ее фракций, когда одна партия находится в открытом союзе с врагом ее расы и ее вероисповедания, ни одна нация не могла долго сохранять свою целостность или свое существование.

В соответствии с согласованным планом испанского двора, который предусматривал продолжение военных действий, прерываемых только сменой времен года, было решено снова предпринять попытку завоевания Лохи. Считалось, что для успешного завершения этого предприятия необходимы силы численностью в пятьдесят две тысячи человек. Память о прежних катастрофах наводила на мысль о целесообразности самой обширной и тщательной подготовки. Было решено разбить в форме треугольника три разных лагеря на линиях обхода, каждый из которых, будучи сильно укрепленным и независимым от других, должен быть способен противостоять, в случае необходимости, всей мощи мусульманских армий. Неровный характер местности, затруднявший доступ из-за рощ и домов, которыми она была покрыта, предоставлял такие возможности для засады и внезапности, что сокращение города обычным методом обложения было признано неосуществимым. В дополнение к этому недостатку, его близость к Гранаде и вытекающее из этого исключительное значение как оплота этого города давали уверенность в том, что будет предпринята попытка облегчить его положение. Военная организация была более полной, чем предполагалось в любой предыдущей кампании. Постепенно, и с тактом, который скрывал свою цель, одновременно совершенствуя свои замыслы, бразды правления дисциплиной были натянуты, не оскорбляя естественно гордый и

непокорный дух испанских солдат. Для доставки артиллерии и припасов в лагерь было собрано две тысячи повозок и семьдесят тысяч вьючных животных. Слава об этой войне и сообщения о богатстве мавров к этому времени стали известны Европе, и многочисленные авантюристы из других стран поспешили служить под знаменами Кастилии и Арагона в деле, которое, поощряемое либеральными индугенциями и освященное папским благословением, приобрело характер благочестивого крестового похода. Для рыцарства Франции не было ничего необычного в том, что оно участвовало в славных испанских кампаниях; в войнах дона Педро Жестокое английские рыцари снискали завидную репутацию за доблесть и учтивость среди народа, национальным отличием которого было владение этими качествами в выдающейся степени; и теперь, вдохновленный примером своих соотечественников, граф Риверс, кровно связанный с Елизаветой Йоркской, королевой-консортом Англии, прибыл предложить свои услуги монархам Испании. Помимо его оруженосцев, в его свите следовали триста лучников и мастеров боевых топоров, крепких йоменов, вооруженных тем оружием, которое, почти неизвестное в войнах на полуострове, использовалось незнакомцами с непревзойденной ловкостью и силой.

Сообщение о наступлении испанской армии на Лоху было воспринято слабым и беспринципным Боабдилом с чувством нескрываемого ужаса. Его благоразумие, временами граничившее с крайней трусостью, побудило его бросить город на произвол судьбы. В то время как политические мотивы, продиктованные страхом, навеванными угрозами оскорбленного сюзерена, побудили его малодушно бездействовать, грозные крики народа, отказывающегося равнодушно наблюдать за жертвоприношением такой важной пограничной крепости, предупреждали его, что, если он не прислушается к их увещеваниям, его корона может оказаться под угрозой. Поэтому без дальнейших промедлений он собрал сорок пять сотен хорошо вооруженных солдат и вошел в Лоху незадолго до прибытия христианского авангарда. Приближение последнего послужило сигналом к вылазке из города. В одном из пригородов, недалеко от места бывшего поражения христиан, произошла кровавая стычка, но мавры были отброшены с потерями, а Боабдил, отличившийся своей безрассудной храбростью, получил две болезненные раны, которые на время сделали его инвалидом.

По мере того, как продолжалось окружение, непрекращающаяся активность осажденных привела к необходимости проявлять величайшую бдительность при защите лагерей. Как только они были основательно укреплены, пригороды подверглись штурму, что было сопряжено с большими трудностями и было завершено только после гибели многих людей. В этих схватках особенно бросалась в глаза мускулистая рука Хамета-аль-Зегри, который приехал из Малаги и со своими свирепыми бойцами оказался в самой гуще схватки. Лангобарды, оказавшиеся в пределах досягаемости стен, вскоре пробили брешь, через которую пробились стремительные солдаты. Баррикады на улицах препятствовали их продвижению, и мавры, прилагая отчаянные, но тщетные усилия, побросав все остальное оружие, защищали проход своими кинжалами. Восемь часов без перерыва продолжалось сражение. Земля, отвоевываемая фут за футом, была покрыта трупами и скользкой от крови. Ни в одном сражении войны атака не встречалась с таким решительным упорством. Граф Риверс, который с выдающейся храбростью поддерживал репутацию английского имени, был ранен в рот и чудом избежал смерти. Путь штурмующей колонны был отмечен телами его лучников, которые пали в строю и которые на этом поле ожесточенных боев превзошли в безмятежной и непреклонной храбрости даже славное рыцарство Испании. Наконец гарнизон и выжившие жители были загнаны в цитадель. Ее территория была настолько ограничена, что все доступное пространство было плотно забито

массой борющегося, визжащего человечества. Ужасные лангобарды были выдвинуты вперед и нацелены на крепость. При первом же залпе башня, в которой укрылось большое количество мужчин и женщин, была разрушена и упала, похоронив сотни людей в своих руинах. В дополнение к опустошению, произведенному артиллерией, в замок были выпущены стрелы, к которым были прикреплены горящие шары из пакли, пропитанные бензином, неся за собой пожар и пожирая здания, в которые для большей безопасности переносили больных и раненых. Беспомощные горожане, обреченные таким образом на неминуемую смерть, теперь требовали капитуляции; но даже отчаянное положение, в котором он оказался, не смогло тронуть робкого и нерешительного Боабдила, который справедливо опасался гнева испанского короля. Однако вскоре ситуация стала настолько критической, что мусульманский принц был вынужден предпринять попытки к капитуляции, которые были восприняты с большей снисходительностью, чем он имел основания ожидать; и после смиренных извинений ему было разрешено в безопасности удалиться из города, который он защищал с такой героической, но бесплодной доблестью. Жителям Лохи была предоставлена привилегия сохранить свою личную собственность при условии, что они покинут свои дома, и дороги, ведущие в Гранаду и Малагу, вскоре были запружены плачущими изгнанниками, чьи стенания и отчаяние затронули даже железные сердца испанских солдат, закаленные повторяющимися сценами страданий и крови.

Иллора и Моклин вскоре разделили судьбу Лохи. Их близость к Гранаде, предоставлявшая величайшие возможности для подкрепления и помощи, жизненно важное значение их владений, расположенных почти у ворот столицы и практически контролирующих ее подходы, их колоссальная оборона, особенно у Моклина, которая почти соперничала по прочности со стенами и башнями Ронды, не помешали Боабдилю подло отдать эти ключи от Веги врагу-христианам. Напрасно неоднократно отправлялись гонцы с мольбами о помощи к своим соотечественникам. Король, обуреваемый противоречивыми эмоциями, колеблясь между страхом перед испанцами и опасением домашнего насилия, оставался безучастным к призывам своих осажденных подданных, которые, сопротивляясь осаждающим всеми доступными им средствами, проклинали судьбу, отдавшую их в руки такого недостойного государя. Во время осады Моклина башня, в которой находился склад, была взорвана огненной стрелой, и эта потеря ускорила капитуляцию, которая не только унесла жизни многих солдат, но и лишила выживших незаменимых средств защиты. Кампания завершилась добровольным подчинением Монтефрио и Коломеры и набегом через Вегу, отмеченным безжалостными опустошениями, которые всегда сопровождали эти экспедиции.

Серия бедствий, которые продолжали поражать мусульманское дело и наводили на мысль о неизбежности окончательной катастрофы, в которой все будет потеряно, начала, когда было уже слишком поздно, возбуждать общественное недовольство Боабдилем, который, слепой к угрожавшим ему опасностям, видел из своего дворца, как его номинальные союзники штурмуют его города и опустошают его территорию огнем и мечом. Особенно сильна была ярость Аз-Загаля, который, понимая, что ничто, кроме смерти его племянника, не может смягчить бедствия, обрушившиеся на королевство, использовал все средства для достижения этой цели. Его эмиссары искали возможности заколоть или отравить Боабдила, но тщетно. Потерпев неудачу в своих попытках, свирепый старый ветеран безжалостно отомстил всем главным приверженцам враждебной фракции, которые попали к нему в руки. Его махинации в отсутствие Боабдила, который оставался в Велес-эль-Бланко для лечения ран, полученных им при Лохе, настолько усилили общественное недовольство в Гранаде, что авторитет отсутствующего короля оказался под угрозой подрыва в его собственной цитадели,

Альбайсине. Чтобы противодействовать этим интригам, Боабдил однажды ночью внезапно появился перед воротами этого буйного квартала города. Его прибытие стало сигналом к возобновлению братоубийственной борьбы, которая уже опустошила ряды мавританской знати и принесла в жертву партизанской вражде самых храбрых юношей королевства. Национальные невзгоды, ставшие предметом взаимных обвинений и порицаний, усилили ненависть обеих фракций; война теперь превратилась в войну на уничтожение; пощады никто не просил и не ожидал; раненых убивали на месте, и с каждым пленным расправлялись без пощады. С улиц, пахнувших как места ужасной бойни, конфликт был перенесен на Вегу. Целые дни были поглощены этими ужасными сценами, пока сражающиеся, измученные своими усилиями, но не пресытившиеся кровопролитием, не удалились в свои квартиры, чтобы восстановить свои ослабевающие силы. Во всех этих столкновениях приверженцы Аз-Загала имели преимущество, но хитрый старый король, желая пощадить своих солдат, решил разбить врага осадой. Вокруг Альбайсина был возведен мощный укрепительный вал, и жителям, чья верность своему государю уже была поколеблена апатией, которую он проявлял во время общественного бедствия, в дополнение к бедствиям войны, теперь угрожали страдания от голода. Всеобщее недовольство, которое больше не скрывалось, угрожало принести в жертву общественному спокойствию несносного правителя, когда Боабдил предвосхитил это предательское намерение поступком, который обрек его имя на вечный позор. Для поддержания его пошатнувшегося трона была призвана помощь христиан, и дон Фадрике де Толедо, губернатор границы, без промедления выступил вперед во главе значительных сил, чтобы поддержать притязания номинального союзника, но фактически одураченного хитрым и беспринципным Фердинандом. Инструкции, данные всем испанским командирам, запрещали ослаблять какую-либо из фракций до такой степени, чтобы поставить под угрозу равновесие сил, которое, тщательно поддерживаемое в ходе безжалостной борьбы, в конечном итоге должно было оказаться фатальным для обеих сторон и привести к полному распаду монархии. Поэтому дон Фадрике по очереди развлекал каждого принца перспективой переговоров и союза, тревожа обоих и не помогая ни одному из них, пока их взаимное раздражение снова не достигло грани безумия, когда он тихо удалился. Но энтузиазм сторонников Боабдила, в значительной степени наигранный, испарился с уходом испанцев. Торговцы и ремесленники Альбайсина устали от разорительного прекращения их торговли, и большинство жителей этого квартала города, долгое время служившего ареной восстаний и кровопролития, начали поворачивать к Аз-Загалу в надежде на безопасность и мир. Известие об этом отвращении встревожило коварных дипломатов испанского двора, и были немедленно приняты меры по противодействию ему. Мартин Аларкон, губернатор Моклина, и Гонсалво де Кордова, губернатор Иллары, — впоследствии прославившиеся как Великие военачальники, а ныне быстро достигшие положения среди кастильских военачальников, — оба выдающиеся тактическим гением и бесстрашием, были тайно допущены с отрядом отборных людей в Альбайсин. Золото, которым они были в изобилии снабжены, оказалось более привлекательным для наемного населения Гранады, чем верность королю или любовь к родине. Множество людей поспешило записаться в армию; нескольких часов было достаточно, чтобы собрать силы, респектабельные по численности, если не по характеру и дисциплине; и обескураженный Боабдил, с видимостью преуспевающего состояния, обеспеченного за счет национальной чести и личной неприкосновенности, снова смог тешить себя надеждой удовлетворить свою яростную и ненасытную жажду мести и поддержать ненадежное существование своей эфемерной власти. Появление вооруженных христиан в стенах мавританской столицы само по себе было для многих мыслящих мусульман самым зловещим предзнаменованием. Но когда к этому

добавилась бесчестная причина их присутствия, тот факт, что наследственный правитель Альхамареса призвал против своих соотечественников поддержку врагов, которые в течение семисот лет преследовали его расу со всей злобой богословской ненависти и национальной вражды и использовали золото, пожертвованное неверным христианином, чтобы заручиться сомнительной преданностью людей, которые, униженные всеми отвратительными пороками, были в равной степени нечувствительны к влиянию личных заслуг или патриотических принципов, предзнаменование стало еще более мрачным и зловещим. Деградация презренного Боабдила была теперь завершена. Ничто из того, в чем он мог быть впоследствии виноват, не могло усугубить подавляющую меру его позора. Он уже пожертвовал благосостоянием своей страны, чтобы сохранить королевство, которым у него не было ни способности управлять, ни решимости защищать. Теперь он выставял своих подданных на аукцион и искушал их способствовать их собственному порабощению, принимая деньги, предоставляемые врагами, которые стремились стать их хозяевами. Бездействуя в любой чрезвычайной ситуации, требующей принятия мер, он лишь проявлял энергию в продвижении замыслов тех, кто посягал на независимое существование его народа, постоянство его династии и сохранение его короны.

Для Аз-Загала было несвойственно оставаться равнодушным к вероломному вторжению врагов в сердце его столицы. Из Базы и Гуадикса были вызваны сильные отряды, меткие стрелки были размещены на крышах домов в пределах досягаемости Алькасабы, улицы были перегорожены баррикадами, и все попытки испанцев проникнуть в город были отбиты, сцена военных действий была перенесена в пригороды, где в течение двух месяцев с переменным успехом обе группировки утоляли свою жажду крови, расходуя в ежедневных столкновениях силы, которые при разумном применении могли бы отразить нападение общего врага и преследовать его до конца. ликующее удовлетворение христиан, война на истребление, которая обеспечила последним окончательное торжество их могущества. Тщетно граждане, наиболее известные по богатству и положению, потрясенные чудовищами, свидетелями которых им ежедневно приходилось быть, пытались остановить волну резни и анархии. Некоторыми из них двигали искренне патриотические чувства, другими - наигранное негодование, призванное удовлетворить низменные мотивы личного честолюбия и частных интересов. Среди последних было много сантонов, или аскетов, которые, помимо благоговения перед своим призванием, пользовались среди населения пагубным влиянием демагога. В этом классе эмиссары Фердинанда нашли самых пылких и умелых сторонников, которые с жадностью приняли золото, которое должно было стать платой за их измену. Не может быть большего доказательства национального упадка, чем коррупция духовных наставников, которые добровольно приняли на себя обет бедности и все же готовы обменять на взятки врага мир и честь своей страны и поддержание ее религиозной веры. Те сторонники Боабдила, которым среди всеобщего бедствия посчастливилось сохранить в целостности часть своих владений, были вынуждены оставаться непоколебимыми в своей верности ложным обещаниям исключительных торговых привилегий с христианскими королевствами полуострова, обещаниям, которые были удобно забыты, когда пришло время их выполнения. Чтобы еще больше утвердить робких в их приверженности непопулярному и непатриотическому делу, были объявлены самые суровые наказания против всех, кто колебался в своей верности Боабдилю или каким-либо образом помогал противоположной фракции, которая не только тайно рассматривалась самими христианами как представитель мавританской национальности, но и была признана лучшим

классом населения королевства как представитель оставшегося достоинства альхамаров и оплот мусульманской власти. Израсходовав свои сокровища и обеспечив продолжение самоубийственной борьбы, столь необходимой для успешного осуществления замыслов своего государя, испанцы удалились из Гранады.

Внимание мавров, таким образом, было отвлечено от операций Фердинанда их бешеными усилиями по взаимному уничтожению, христианская армия, собранная в Арчидоне, двинулась на Юг с целью завоевания Велеса. Этот город, расположенный на склоне горы в четверти мили от моря, обладал преимуществом господства над дорогами, ведущими в Гранаду и на побережье, и считался ключом к Малаге. Укрепленный с большой силой и недоступный для тяжелой артиллерии из-за сурового характера страны, он долгое время славился как штаб-квартира самых отважных и свирепых солдат, которые наводили ужас на плодородные равнины Андалусии. В дополнение к его стенам и цитадели, одной из сильнейших в королевстве, его обширные пригороды были защищены обширными укреплениями и рвами, непроходимыми для кавалерии. В лиге от них, на самой вершине горы, находился Бентомиз, крепость, близость которой могла оказаться опасной для осаждающей армии, и подступы к которой были настолько трудны, что почти не поддавались нападению.

За прибытием испанцев последовала перестрелка, в ходе которой король, подвергавшийся большой опасности, повел себя со своей обычной бесстрашностью и своим героическим примером спас своих сторонников от поражения. На следующий день потребовалось шесть часов непрерывных боев, чтобы выбить мавров из пригородов, где до самых стен города велись ожесточенные рукопашные схватки. Теперь были приложены все усилия, чтобы ускорить продвижение осадного обоза. Продвижение последнего было чрезвычайно медленным. Было признано необходимым построить дороги для его прохождения через регион, который до сих пор пересекали только крутые и опасные тропы. Вообще удалось перевезти только самые мелкие части, и лангобарды, эффективность которых ощущалась в каждой предыдущей кампании, были оставлены в Антекере. Но из-за этих препятствий можно было преодолевать по три мили в день, к которым добавлялась опасность внезапности со стороны противника, который постоянно находился над сьеррами и цепь огней которого по ночам освещала горизонт на многие лиги. Неопределенность события, опасности, которыми он был окружен, и осторожность, порожденная дорогостоящим опытом, убедили Фердинанда в необходимости поддержания строгой дисциплины. Вольноотпущеннический характер испанских рекрутских отрядов, привыкших на протяжении поколений к бесконтрольному использованию воинских полномочий, делал приведение в исполнение такой меры делом чрезвычайной сложности. Но железная воля короля, подкреплённая сотрудничеством его главных военачальников, оказалась на высоте поставленной задачи. Пьянство, азартные игры и драки сурово наказывались. Никому не разрешалось вступать в бой с врагом без разрешения вышестоящего начальства. Грабежи и поджоги строго пресекались. Порочные личности обоих полов были изгнаны из рядов. Принятие этих правил, подкреплённых внесудебной казнью нескольких правонарушителей, произвело замечательную трансформацию в нравах солдат, и в лагере, который всего лишь незадолго до этого был ареной бунта, неподчинения и шумного разгула, воцарились тишина и порядок. Такая внезапная и полная метаморфоза не имела аналогов в истории европейских армий. Суровая дисциплина, установленная Фердинандом до Велеса, заложила основу славы стойкости в бою, которой впоследствии прославились испанские армии. Усилия Гонсалво де Кордовы и его прославленных товарищей и преемников по совершенствованию системы, введенной их сувереном, поддерживали и улучшали то высокое

состояние эффективности, которое несло оружие Кастилии и Арагона по двум мирам в непрерывном пути побед и завоеваний.

Тем временем, в то время как потеря южной части королевства была неизбежна, кровавая враждебность противоборствующих сторон в Гранаде не ослабевала. Анархия в ее самой ужасной форме царила по всей столице. Улицы, ставшие местом ежедневных столкновений, были усеяны мертвецами. В каждом доме были следы конфликта, в каждом доме - печальные свидетельства тяжелой утраты и горя. Вся торговля прекратилась. Город стал добычей преступников. Репутация владельца золота и драгоценностей была равносильна смертному приговору. Негодяи-солдаты, жестокие, чувственные и алчные, беспрепятственно вторгались в частные покои самых знатных семей королевства. Даже уединенные территории гарема, священные и неприкосновенные в глазах каждого искренне верующего, не пользовались уважением. Женская добродетель была принесена в жертву распущенным страстям тех, чьим первым долгом было защищать ее. Каждое жилище, обещавшее богатое возвращение, было разграблено. В этих актах грабежа и кровопролития приверженцы подлого Боабдила позорно выделялись. До такой крайности позора довел этот принц стремление заслужить поддержку и одобрение вероломных союзников только для того, чтобы в конечном итоге заслужить презрение и отвращение потомков.

Драчливые инстинкты Аз-Загаль были пробуждены новым вторжением его врагов, которое угрожало его господству на побережье. Но едва способный удержать свои позиции против своего племянника на Альбайсине, он был не в состоянии успешно противостоять многочисленным и хорошо оснащенным эскадрильям Кастилии. Он справедливо опасался, что за его отсутствием немедленно последует триумф его противника и его постоянное изгнание из столицы; в своем замешательстве он предпринял попытки к миру. Его патриотическое предложение о том, что все мусульмане должны объединиться и изгнать врага со своих границ, было с презрением отвергнуто Боабдилом, который оскорбил уничижительными эпитетами возраст и достоинство своего дяди и, подробно рассказав о попытках его убийства, заявил, что его желанием было не примирение, а месть. Опасаясь несчастья, но не в силах дольше противостоять назойливости своих советников, которые понимали катастрофические последствия, которые должны были последовать за падением Велеса, и уверенный, что его успех обеспечит гибель его соперника, власть которого больше зависела от денежной помощи христиан, чем от преданности его приверженцев, Аз-Загал собрал все войска, имевшиеся в его распоряжении, и, тайно покинув город, приготовился застать испанцев врасплох в их укреплениях. Его армия, хотя и была внушительной по численности, далеко не равнялась по эффективности и доблести тем, кого он ранее вел к победе. Его храбрейшие последователи, цвет рыцарства Гранады и свирепые всадники Пустыни, чьи стремительность и отвага так часто одерживали верх над закаленными ветеранами Кастилии, пали в кровавых столкновениях, спровоцированных изменой и враждой Боабдила, или погибли от руки убийцы. Его сторонники, за исключением нескольких отрядов, набранных из округа, все еще верных его делу, состояли из необученных новобранцев, в большинстве своем простых мальчишек, непривычных к дисциплине и незнакомых с военной эволюцией и практикой ведения войны, за исключением того, чему их научили в печальной школе гражданских раздоров и кровавых беспорядков, которые ежедневно заливали кровью безоружных граждан улицы мавританской столицы. Таковы были неадекватные средства, с помощью которых Аз-Загаль собирался противостоять самым тщательно организованным и оснащенным силам, которые когда-либо служили под знаменами испанской монархии. Огромные костры на горных вершинах возвестили христианам

о приближении врага. Разведка вскоре установила его личность. Поимка разведчика, которому был неосторожно доверен план ночной атаки, позволила Фердинанду сорвать замысел своего противника. Замыслы Аз-Загаля, хотя и были задуманы с присущей ему проницательностью, не были выполнены с той энергией и осторожностью, которые ранее были характерны для его операций. Предатели, состоявшие на жалованье у испанцев, скрывались в его лагере, и его предполагаемые передвижения вряд ли были спланированы до того, как о них стало известно врагу. Мавританский король намеревался уничтожить осадный обоз, который, нагруженный на полторы тысячи повозок, с бесконечным трудом был наконец доставлен в место в двух милях от Велеса. Изолированный от основных сил армии, с ее охранением, не подозревавшим об опасности, ночной сюрприз, вероятно, обеспечил бы его уничтожение и, как неизбежное следствие, вынудил бы осаждающих отступить. Захваченный разведчик направлялся в Велес, чтобы подробно изложить план и заручиться поддержкой гарнизона по сигналу огромного костра, который должен был быть разожжен на самой высокой вершине съерры. В назначенный час на фоне неба вспыхнул маяк, и мусульманские батальоны молча двинулись вперед. Как только они изрядно втянулись в лабиринт переулков и тенистых аллей, пересекающих пригород, на них со всех сторон напали превосходящие силы противника, засевшего в засаде. Внезапность нападения вызвала панику. Темнота помешала организованной обороне, отступление было пресечено, и вересковые пустоши в течение нескольких часов подвергались смертоносному огню врагов, которые сражались в относительной безопасности под прикрытием деревьев и живых изгородей. Крики сражающихся наполняли воздух; повторяющиеся ружейные залпы освещали поле боя, обнажая груды мертвых и умирающих; отчаянные атаки мавров не смогли прорвать ряды христиан — более того, они едва ли были способны в густой темноте незнакомой местности даже определить свое положение; и сражение, начавшееся при таких невыгодных условиях для тех, кто сам планировал устроить неожиданность, закончилось резней. Шум битвы донесся до города, и гарнизон предпринял попытку вылазки. Однако благоразумие Фердинанда предвидело это движение, и мавры, двинувшиеся на помощь своим соотечественникам, были отброшены назад в свои укрепления. Первые лучи зари упали на разбитые остатки мусульманской армии, которая численностью более двадцати тысяч человек накануне вечером заняла съерру и чьи солдаты, увеличенные в неверном свете мириадов костров в гигантские призраки, казалось, угрожали уничтожением испанцам, расположившимся лагерем в долинах далеко внизу. Те, кто выжил, были рассеяны повсюду по горам, и их рассеяние было настолько полным, что христиане сначала не могли осознать масштабы и важность своей победы, и только после обнаружения бесчисленного количества оружия, брошенного в спешке бегства, и донесений разведчиков, видевших толпы беглецов, которые успокоили их, они осмелились ослабить необычную бдительность, проявленную из-за опасения уловки, или убедились, что войско хорошо вооруженных воинов может рассеяться таким образом, как туман перед восходящим солнцем. Это сокрушительное поражение практически решило судьбу королевства Гранада. Оно придало новый и необычайный престиж репутации испанских монархов. Влияние Боабдила, дискредитированного наемника и орудия кастильского двора, давно перестало быть огромным. Власть Аз-Загаля как тревожного фактора в безнадежной борьбе за национальное существование была навсегда уничтожена. Старый монарх после своего поражения бежал в Альмуньекар. По пути оттуда в Гранаду он узнал, что толпа этого города восстала и вступилась за его племянника, который в то время владел Альгамброй, и что те из его собственных сторонников, которые не смогли спастись, были обезглавлены без всяких церемоний. В сопровождении небольшого эскорта, печальных остатков той доблестной африканской

гвардии, которая участвовала в славных и разграбленных столь многих кампаниях, Аз-Загаль отправился в Гуадикс, который отныне должен был стать столицей и центром его ограниченного и ослабленного владычества.

Результат битвы был, в двояком смысле, неблагоприятен для людей Велеса, запертых в стенах обреченного города. Они видели, как их надежды на спасение разбились вдребезги в одно мгновение. С одной стороны можно было различить отряды врагов, собирающих оружие, брошенное их сородичами во время ночного бегства. С другой стороны, приветствуемая радостными криками тысяч, показалась длинная вереница тяжелых повозок с артиллерией, против которой, как показал недавний опыт, самые мощные средства защиты были бессильны, под охраной многочисленного отряда кавалерии, петляющего по горам на расстоянии многих лиг. Только когда в поле зрения появились боеприпасы, жители Велеса поверили, что успешная транспортировка таких тяжелых масс железа через горы была возможна. Это был их первый опыт вторжения. Их воины неоднократно с огнем и мечом вторгались на территорию врага. Их улицы часто были завалены добычей, полученной во время пограничных набегов. Их темницы уже тогда были переполнены пленными христианами. Светлый цвет лица детей в гаремах указывал на то, что они были отпрысками многих сабинских свадеб. Но никогда, за долгие столетия Отвоевания, враждебные силы не выстраивались перед их воротами, и редко ненавистное знамя неверных было видно с вершин их башен. Удрученные перспективой, абсолютно лишенные надежды, сознавая, что упорное сопротивление только сделает условия капитуляции более суровыми, неспособные в одиночку справиться с семидесятитысячной армией ветеранов, в изобилии оснащенной всеми усовершенствованными приборами, известными науке того времени, подчиняющейся строжайшей дисциплине и сражающейся под присмотром своего повелителя, жители Велеса, прежде чем были установлены батареи, отправили послов для переговоров о капитуляции. Политичные испанцы проявили к маврам все внимание, соответствующее военным обычаям, которые желали этим примером снисходительности обеспечить в будущем легкость для других завоеваний. Обеспеченные своей свободой и личным имуществом, мусульмане Велеса получили разрешение искать пристанища в Африке или стать подданными-данниками короны при условии, что они не будут носить оружия и поддерживать связь со своими соотечественниками, находящимися в состоянии войны с испанской монархией. Они торжественно приняли на себя выполнение своих религиозных обрядов, использование своего языка и беспрепятственное соблюдение своих обычаев - обязательство, которое, как и многие подобные, в конце концов исчезло перед хитроумной казуистикой Священной Канцелярии. Прежде чем покинуть лагерь, католические монархи издали приказ, предоставляющий защиту подданным Боабдила, позволяющий им обрабатывать свои земли, возобновить свои торговые занятия и беспрепятственно приобретать в испанских королевствах те товары, которые им могут потребоваться. Было также объявлено, что все города, находящиеся под юрисдикцией Аз-Загалья, которые добровольно сдадутся в течение шести месяцев, получат самые широкие привилегии, которые до сих пор предоставлялись любому месту, изъявившему покорность, и угрожающие всем, кто может проявить непокорность, прямыми последствиями, которые дикие обычаи того времени могли либо разрешить, либо навлечь.

И вот железная рука христианской власти, грозная, непреклонная, неумолимая, чье наступление никогда не ослабевало, чья хватка никогда не ослабевала, протянулась к прекрасному городу Малаге. Прославленный с глубокой древности своими живописными окрестностями, своим богатством, привлекательностью своих женщин, предприимчивостью

своих граждан, необычными преимуществами, даруемыми его положением, которое сделало его центром огромной торговли, в пятнадцатом веке этот город разделил с Альмерией прибыльную торговлю Западного Средиземноморья. Проницательность финикийцев рано позволила им осознать его морское значение. Карфаген унаследовал свои владения и долгое время содержал там агентства и склады своих самых богатых купцов. При римлянах она пользовалась наивысшим процветанием, но испанским арабам было предоставлено максимально развивать минеральные и сельскохозяйственные богатства своей территории и расширять торговлю Малаги до самых отдаленных и недоступных стран Востока, до каждого порта, чье местоположение или коммуникации сулили прибыльную прибыль. Его защита была достаточно прочной, чего требовали интересы крупного международного торгового центра. Стены необычайной высоты и толщины окружали весь город. В пределах этой линии обхода различные кварталы и пригороды, в соответствии с мавританским обычаем, сами были сильно укреплены. Один из них был населен евреями, которые, всегда пользовавшиеся необычными привилегиями при мусульманах, процветали в благоприятной атмосфере Малаги, которая поощряла их торговые инстинкты и устремления, пока их колония не стала по численности, богатству и знатности не уступать ни одной подобной колонии в Европе. Терпимая и просвещенная политика мавров закрепила за предприимчивыми генуэзцами еще один пригород, названный их именем. Таким образом, обширные и разнообразные торговые связи этой республики были тесно связаны с главным морским портом Гранады. Через его порталы постоянно проходил огромный и растущий поток людей, которые обменивали товары из каждой страны на шелка, оружие, драгоценности, позолоченную керамику и вкусные фрукты Испании. Огромные фабрики торговцев Адриатического моря, которым в то время принадлежала большая доля международной торговли, выстроились вдоль многолюдных набережных Малаги, и их флаг всегда выделялся среди эмблем морских держав, чьи суда стояли на якоре в заливе. В своей частной жизни генуэзцы, проживавшие в Малаге, демонстрировали сибаритскую роскошь, которая могла соперничать по пышности и элегантности с роскошью самой королевской семьи. Их дворцы были огромными и отличались непревзойденным великолепием. Утопающие в рощах пахучих деревьев, украшенные клумбами великолепных цветов, охлаждаемые бесчисленными ручейками и фонтанами, они сочетали в себе все хитроумные приемы мавританского садовода-пейзажиста со вкусом и симметрией классической Италии. Их покои украшали самые изысканные творения арабских мастеров - изразцы и лепнина, золото и серебро, фарфор и вышитые гобелены. Свиты смуглых рабов в турбанах подобострастно ждали, чтобы выполнить приказ своих хозяев. Таинственные евнухи бесшумно скользили по великолепным залам. Долгое знакомство с обычаями их сладострастных и неверующих соседей стерло память и благоговение, связанные со страной их рождения, столь тесно связанной со Святым Престолом, до такой степени, что их пренебрежение древними традициями и распущенность веры не могли несправедливо заслуживать обвинения в ереси. В домах многих были прелестные наложницы, некоторые из которых стали добычей мародерских экспедиций на андалузской границе, другие были куплены их привередливыми хозяевами на отдаленных рынках Африки и Востока.

"Атаразана", огромная верфь и арсенал, оснащенный всеми удобствами для строительства и ремонта судов, занимала одну сторону гавани. Его порталы из полированного мрамора и яшмы были образованы элегантными подковообразными арками, которые скорее наводили на мысль о спокойствии священного святилища, чем о шуме и суете, неотделимых от здания, посвященного целям торговли и войны. Занимая площадь более восемнадцати тысяч

квадратных футов, это было одно из самых примечательных сооружений подобного рода в мире. Хотя на самом деле в его пределах не строилось ни одного корабля — эти работы велись на прилегающих молах и пристанях, — тем не менее, в нем имелись все материалы и оборудование, необходимые для завершения строительства любого вида судов. На его обширных складах хранилось огромное количество военно-морских припасов и военного снаряжения. К нему вело множество ворот по бокам, обращенным к городу и морю, но в массивной стене, защищавшей его западный фасад, не было ни одного отверстия, которое могло бы спровоцировать атаку бдительного и отважного врага. Правление Атаразаной было поручено офицеру высокого ранга, чей пост был очень ответственным, поскольку большая часть города находилась во власти его гарнизона. Для тысяч рабочих, занятых там, была построена мечеть, с минарета которой в часы, определенные мусульманским ритуалом, муэдзин регулярно призывал верующих к молитве.

Общий вид города был поразительно восточным — в узких и извилистых улочках, часто покрытых навесами для защиты от жары или перекрытых арками; в мрачных жилищах, чьи угрюмые стены иногда прерывались узкими выступающими решетками; на базарах, каждый из которых был отведен под особую отрасль торговли, где сделки, связанные с расходом крупных сумм, заключались в помещениях, едва превышающих размерами современный чулан; в мечетях с их сверкающими минаретами; в банях с их постоянно движущейся, постоянно меняющейся толпой; в длинных вереницах верблюдов, каждый из которых был привязан к крупе своего жоака, нагруженных всевозможными товарами; в группах богато одетых дам, сопровождаемых рабынями и хмурыми евнухами; в сбивчивом говоре тысячи языков была точно воспроизведена живописная жизнь Каира, Багдада и Дамаска. Мавританская Малага была самым космополитичным городом. В ее торговле не было никаких ограничений, никаких досадных или унижительных условий проживания в ее стенах. Среди ее жителей были выходцы из всех стран. На ее рынках были выставлены на продажу товары из самых отдаленных друг от друга стран земного шара. В ее порту после оккупации Альмерии, торговое превосходство которой так и не было восстановлено, была сосредоточена внешняя торговля мусульманской Испании. Торговцы из Феса и Александрии, Бассоры и Тегерана смешивались на ее улицах и рынках с представителями всех наций христианской Европы. Тесные отношения города с Генуей не раз вызывали возмущенные протесты Кастилии папскому двору и правительству Италии. Шелковая мануфактура Гранады, красоте и совершенству тканей которой современное мастерство никогда не могло сравниться, была обязана своим чудесным развитием морским возможностям, предоставленным Малагой. Изготовление этого тонкого изделия, производимого в невероятных количествах крестьянством королевства, было одной из важнейших отраслей промышленности города. Величественные здания, в которых она велась, соперничали по размаху со знаменитыми заведениями Альмерии, некогда центра шелковой мануфактуры в Европе. Превосходное качество и гармония цветов, характерные для тканей и парчи, вышедших из рук малаганских мастеров, придавали им особую ценность и позволяли легко устанавливать экстравагантные цены на зарубежных рынках.

Малага славилась не только изготовлением шелков. Ее стекло и бумага, посуда из железа и меди, сложный и изящный труд столяров пользовались широкой и заслуженной известностью. Здесь также изготавливали позолоченную керамику и тисненую и эмалированную кожу, знание обоих этих процессов полностью исчезло с приходом испанских арабов.

По количеству и изобилию своей сельскохозяйственной продукции Малага не превосходила ни один город умеренного пояса. Его расположение, как и в Гранаде, обеспечивало любой градус температуры и любое разнообразие климата. Но в этом отношении он обладал многими преимуществами перед столицей. Находясь дальше к югу, он был мягче, а бризы смягчались близостью к морю. Большой объем влаги в атмосфере был более благоприятен для труда земледельца и обеспечивал большее плодородие почвы. Морозы были неизвестны, и сахарный тростник и другие экзотические растения росли с пышностью, почти тропической. Прилегающие холмы тогда еще не были лишены растительности, но были покрыты оливковыми рощами, шелковицей и каштанами. Сложная система гидравлики, доведенная до совершенства маврами, повсюду разливала сверкающие воды горных ручьев. В то время в садоводстве не было ни одного известного фрукта или овоща, который не выращивался бы поблизости. Ибн-Бейтар, самый выдающийся ботаник средневековья, который, можно сказать, сыграл важную роль в создании этой науки, был уроженцем этого города. Его знания о растениях, полученные за годы путешествий и учебы в чужих странах, обогатили флору его страны многими дополнениями, полезными из-за их кулинарных или лечебных свойств. Современная медицина многим обязана Ибн-Бейтару, который также был выдающимся врачом, за его ценный вклад в фармакопею.

Во времена мусульманского владычества вид на Малагу с любой точки был самым очаровательным. От Велеса до Фуэнхирола, на расстоянии более сорока миль, побережье представляло собой непрерывный ряд плантаций инжира. Еще дальше, покрывая склоны сьерры, росли апельсиновые и гранатовые рощи. Виноградники были самыми обширными, а виноград - самым сочным во всей мавританской Испании. Их урожай отличался высочайшим качеством, и немалая его часть была употреблена теми, чья религия осуждала употребление вина как непростительный грех. Пояс хмурых серых стен, окружавших город, подчеркивался пальмами, которые через частые промежутки времени нависали над ними. Горы сзади были окутаны дымкой смешанных оттенков малинового, оранжевого и фиолетового. На южном горизонте сапфировая синева безоблачного неба почти незаметно сливалась с глубоким ультрамарином моря. Если смотреть на расстоянии, белые здания с красными крышами, утопающие в буйной зелени, чья листва демонстрирует все оттенки зеленого, гавань, усеянная сотнями белоснежных парусов, многочисленные мечети с их элегантными башнями, инкрустированными сверкающей черепицей, дворцы знати и богачей, украшенные всеми причудами мавританской архитектуры, и каждый окружен просторными и тенистыми участками, безграничное изобилие прозрачных и освежающих вод, несущих плодородие каждому саду и комфорт каждому дому, бесконечные плантации всех фруктов, которые способствуют пропитанию и наслаждению. с точки зрения человека, все они представляли собой ландшафт, аналогов которому, вероятно, не существовало в наиболее благоприятных регионах обитаемого мира. Стены, окружавшие территорию почти круглой формы, были укреплены ста двенадцатью башнями. Высоко над городом на изолированном мысе возвышались крепость Алькасаба и Гибралфаро, или цитадель. Первый был построен на склоне холма и, несмотря на большую протяженность и мощные оборонительные сооружения, все же был всего лишь вспомогательным сооружением Гибралфаро. Позиция последнего была такова, что он бросал вызов любым военным машинам или боеприпасам, находившимся в распоряжении капитанов пятнадцатого века. Крутой и неровный откос скалы под ним делал успешный штурм невозможным. Он не мог быть заминирован. Угол, под которым должна быть направлена артиллерия осаждающей армии, был таким, чтобы сделать ее огонь неэффективным.

Следовательно, для сокращения гарнизона нельзя было успешно использовать никакие средства, кроме голода. Водоснабжение осуществлялось из многочисленных цистерн и из замечательного колодца глубиной в сто сорок футов. Подземные ходы, вырубленные в живой скале, о существовании которых знали немногие и которые сейчас сохранились только в достоверных преданиях, соединяли Алькасабу и Гибралфаро с городом. Эти два замка были окружены стенами необычной высоты и прочности. Ни одна крепость в Европе в Средние века не была лучше приспособлена для сопротивления врагу, чем Гибралфаро, — труднодоступность, запутанные подходы и огромная мощь укреплений делали ее практически неприступной.

Жители Малаги, несмотря на свой в целом космополитический характер, гордились чистотой своей арабской крови. История литературы того времени изобилует рассказами об их интеллекте, остроумии и привязанности к науке и литературе. Их милосердие и великодушие отмечались каждым мусульманским писателем, у которого была возможность изучить их характеристики или описать их добродетели. Отчаянная и длительная оборона, которую они оказывали армии Фердинанда, является убедительным доказательством их храбрости и патриотизма. Но, с другой стороны, они были импульсивны до крайности, вспыльчивы, безжалостны и вероломны, всегда готовы обидеться, никогда не спешат прощать, ревнивы до крайности, граничащей с безумием, и стремились разрешить самый тривиальный спор с помощью оружия. В Малаге практиковались все пороки, знакомые процветающему и сладострастному обществу. Пьянство его жителей было настолько обычным явлением, что вошло в поговорку, и тот факт, что его появление вызвало так мало комментариев, свидетельствует о снисходительном отношении народа к обычаю, противоречащему правилам Корана. Добросовестность торговцев не была вне подозрений; их репутация была скорее за проникательность, чем за честность; и говорят, что поразительная дешевизна многих товаров, продаваемых в розницу разносчиками, объяснялась тем фактом, что они были украдены с рынков.

Захват этого великого города имел жизненно важное значение для дела Кастилии. Это было не только крайне необходимо, но и трудности, сопутствовавшие проекту, никоим образом не гарантировали его благоприятного завершения. Фердинанд никогда прежде не предпринимал предприятия такого масштаба. Многочисленное население, его воинственный дух, легкость доставки припасов морем, огромные размеры стен — все это были важные факторы, которые необходимо было учитывать перед началом осады. С другой стороны, было много условий, благоприятных для успеха Кристиана. Малага теперь была практически изолирована. Изматывающие последствия внутренних раздоров, апатия и моральная трусость Боабдила, недавнее поражение его дяди, гнетущее влияние неоднократных набегов, которые захлестывали Вегу подобно буре, сделали безнадежными любые ожидания помощи с территории, все еще находящейся под контролем мавров. Коммерческие интересы граждан по большей части вызвали у них отвращение к насилию и готовность пойти практически на любые жертвы ради мира. Однако было ясно, что будет оказано упорное сопротивление. Комендантом гарнизона и губернатором города был бесстрашный Хамет-аз-Зегри, чья решительность и доблесть были хорошо известны каждому солдату испанской армии. Его войска в основном состояли из Гомереса и других африканских наемников, некоторые из них пережили предыдущие кампании, но большинство составляли новобранцы из Мавритании,

которым удалось избежать столкновения с крейсерами блокадного флота. С такими противниками было нелепо тешить себя надеждой на легкую или бескровную победу. Необычайная мощь укреплений, которые до сих пор не поддавались нападению, вселила в мавров правдоподобную, но ошибочную уверенность в их неприступности.

Испанцы, разбив лагерь в Велесе, который находился всего в восемнадцати милях от Малаги, продвинулись на расстояние двух лиг от этого города, и король, желая испытать расположение своего противника, отправил посольство к Хамет-аз-Зегри, предлагая выгодные условия капитуляции. Мусульманский генерал надменно ответил, что город был доверен ему защищать, а не сдаваться, и отпустил королевских гонцов со скудной учтивостью. Суда, на которых были размещены боеприпасы и походное снаряжение для большей удобства транспортировки, двигались в линию, параллельную маршу войск на берегу, и, таким образом продвигаясь с одинаковой скоростью, оба одновременно прибыли к месту назначения. Приближение врага было встречено с обычной энергией мавританского полководца. Гарнизон был призван к оружию; были разосланы отряды для занятия соседних холмов; на шоссе, по которому должны были пройти христиане, была устроена засада силами, достаточными для того, чтобы помешать их продвижению; и каждый дом за пределами укреплений, который из-за своей близости к ним мог служить убежищем, был подожжен. Со стороны Велеса тропа, настолько узкая, что солдаты были вынуждены идти гуськом, представляла собой единственный подход к городу; и в его наиболее труднопроходимой части, контролируемой возвышенностями по обе стороны, мавры, имея численное преимущество, позицию и знакомство с местностью, решительно преградили путь. Христиане, не знавшие о трудностях похода, позволили запутать себя среди скал и были практически окружены, прежде чем осознали грозящую им опасность. Суженный проход не позволял тем, кто находился в тылу, прийти на помощь своим товарищам; возвышенное положение мавров, которые с вершин холмов могли сражаться без особой опасности для себя и имели христиан в своей власти, давало им такое превосходство, что на какое-то время они угрожали серьезно задержать продвижение всей армии. В другом населенном пункте, ниже Гибралфаро, бушевало сражение. Попытка прорвать позиции мавританцев и обойти фланг отряда, сражавшегося ниже, встретила ожесточенное сопротивление. По словам древнего хрониста, мусульмане “сражались так отчаянно, что, казалось, у них было большее желание убивать христиан, чем спасать свои собственные жизни”. Они не предложили пощады и не приняли ее. Участью тех, кто попадал в их руки, была мгновенная смерть. В течение шести часов без перерыва сражающиеся, воспламененные взаимной ненавистью, отбросив свое метательное оружие и полагаясь на свои шпаги, сражались с равным духом и упорством— мавры с сознанием того, что на карту поставлены их жизни и свободы; кастильцы, воодушевленные фанатичным рвением и сражающиеся в присутствии своего короля. Наконец, после тяжелых потерь, обе позиции были взяты штурмом. Противник отступил, силы вторжения продолжили свой путь без дальнейшего преследования, и сразу же была установлена тщательная блокада порта. Малага, окруженная сильно укрепленной линией обхода и фактически лишенная всякой надежды на помощь, теперь была готова столкнуться с лишениями и бедствиями длительной осады.

Постоянный характер лагерей блокадников и совершенная военная организация испанцев, характерные черты завершающих операций Реконкисты, становились все более заметными по мере продвижения христианской державы. Глубокий ров защищал укрепления, которые были укреплены парапетами и башнями. Солдаты были укрыты в хижинах. В тылу линии фронта находились большие мастерские, где квалифицированные механики ремонтировали пушки и

различные боевые машины. Был построен пороховой завод, который давал работу трем сотням человек, и его опасная продукция хранилась в целях безопасности в соседних пещерах. Сотни ремесленников отливали шары, предназначенные для грузных лангобардов. Всего было двенадцать таких огромных орудий калибра четырнадцать дюймов и более двенадцати футов длиной, из которых метались снаряды весом в пятьсот фунтов. Их неуклюжая конструкция была такова, что их морды нельзя было ни приподнять, ни опустить, и их можно было выпускать только восемь раз в день. Корабль с каменными ядрами был перевезен из Альхезираса, где они были выпущены из орудий Альфонсо XI. во время осады этого города сто сорок три года назад. Испанскую армию, насчитывавшую почти семьдесят тысяч человек, поддерживали многочисленные суда всех видов, многие из которых были вооружены пушками среднего калибра. Когда батареи были установлены, началась ужасная бомбардировка города с моря и суши. Минареты, купола, дома, башни рушились под непрекращающейся канонадой. Город был охвачен пламенем во многих местах от огненных шаров, выпущенных из баллист. Дороги и площадки для увеселений были усеяны умирающими и мертвецами. Многие жители были ошеломлены руинами своих разрушенных жилищ. Военное величие зрелища вызвало восхищение хронистов, которые были свидетелями этого. Они с нескрываемой гордостью намекают на живописную красоту пейзажа, который вскоре будет испорчен жестокой рукой войны; на грозные укрепления, охраняемые множеством башен, на флот, окружающий просторную гавань, на бесчисленные палатки, покрывающие склоны каждого холма и следующие извилистым линиям обхода, на великолепные шелковые штандарты, на которых изображены знакомые гербы Кастилии и Леона или эмблемы самых гордых домов королевства. За всей этой помпезностью стояла непоколебимая энергия, уверенность в конечном успехе, которые внушали благоговейный трепет и обескураживали осажденных. Спокойная обдуманность, свидетельствующая об абсолютном упорстве в достижении цели, которая характеризовала первые шаги врага, предвещала беду жителям Малаги, теперь отрезанным от мира.

Но во многих отношениях они вполне могли надеяться на благоприятный результат. Их средства сопротивления были самыми грозными из всех, с которыми христиане когда-либо сталкивались. Их цитадель была объявлена наиболее компетентными военными инженерами неприступной. Их провизии было в избытке, а военное снаряжение, хранившееся в их складах и арсеналах, неистощимо. Их батареи были оснащены пушками, но немногим уступали по весу и дальности батарей испанцев; артиллеристы, служившие им, были одними из самых искусных стрелков того времени. Гарнизон города был многочисленным и хорошо вооруженным; губернатор - ветеран, посевший в десятках войн. Все обстоятельства побуждали мавров к отчаянному сопротивлению. Если захватчик будет отброшен, это восстановит утраченный престиж мавританского имени. Поражение означало нанесение всех повреждений, которые могли быть нанесены фанатизмом и ненавистью. В Малаге было хорошо известно, что агенты инквизиции, хотя и не были еще официально признаны, находились в армии, и испанский суд относился к ним с особым почтением. Двумличие Фердинанда, слепой фанатизм Изабеллы, хотя и маскировались под правдоподобную видимость искренности и справедливости, не ускользнули от внимания проницательных мусульман. Смутный ужас, усиленный прошлым несчастьем и предчувствием грядущих бедствий и связанный с этим ужасным трибуналом, зверства которого вскоре наполнят страну скорбью, охватил каждую мусульманскую общину. Обладания этими преимуществами и предвидения грядущих бед было достаточно, чтобы побудить малаганцев к высочайшему проявлению мужества и выносливости.

Но, к несчастью, среди них существовала группа, состоящая в основном из богатых торговцев, для которых все патриотические соображения были подчинены наслаждению кратковременным покоем и безопасностью. Его возглавлял Али Дордукс, гражданин огромного состояния, выдающегося происхождения и безупречной честности. Связанный узами родства с королевским домом Гранады, он пользовался высочайшим доверием и уважением своих соотечественников благодаря этой связи, уважению, связанному с его огромными владениями, а также щедрости и милосердию, с которыми он вносил свой вклад в общественные предприятия и облегчал частные невзгоды.

При его посредничестве уже была предпринята попытка передать город христианам и таким образом избежать ужасных последствий осады. Командир Алькасабы Ибн-Комиха был стороной в этой сделке, которая, хотя Хамет-аз-Зегри вначале не одобрял ее, впоследствии была проведена в тайне. Шпионы сообщили Хамету об этих действиях, и он выступил из Гибралфаро со своей охраной и казнил брата Ибн-Комик-Сы и всех других, причастных вместе с ним к этим изменническим планам, где бы их ни удалось задержать. Отныне абсолютный хозяин города, ужас перед его именем и роковой пример тех, кто опрометчиво попытался бросить вызов его власти, хотя они и не могли полностью предотвратить, но, вероятно, сделали бы бесполезными любые будущие переговоры, направленные на тайную и несанкционированную капитуляцию.

Взятие города не было завершено без постоянной череды стычек, в которых, хотя осаждающие неизменно имели преимущество, они нередко несли серьезные потери. Мавританские артиллеристы вели непрерывный огонь, и их прицел был настолько точен, что части христианской линии были оттеснены на расстояние нескольких сотен ярдов, прежде чем ее удалось укрепить надолго. Особенно их усилия были направлены против королевского павильона, который занимал видное место, и метательные пули лангобардов, проходившие в опасной близости, заставили убрать покои короля. Поскольку пригороды Малаги занимали обширную территорию, ранее давали приют многочисленному населению и были защищены оборонительными сооружениями, не уступающими таковым в самом городе, их скорейшее занятие стало для Фердинанда делом первостепенной важности. Будучи более крупными, они обладали теми же общими характеристиками, что и аналогичные населенные пункты по соседству с другими городами Мавританской Испании. Неровный ряд массивных башен, стен и барбиканов, увенчанных зубцами; лабиринт извилистых переулков, затененных живыми изгородями из мирта и лавра; в одном квартале - величественные виллы богачей, в другом - тесные лачуги убогой бедности; сады с ароматными тропическими фруктами; пастбища, где могли бы в безопасности пастись сотни голов скота; таинственные проходы, скрытые нависающей растительностью, по которым эскадрон мог незамеченным и неожиданным ворваться на неосторожный аванпост, — таковы были особенности окрестностей Малаги. Поскольку отряды, совершавшие вылазки из глубины темных и безмолвных рощ, уже понесли большой урон, было решено, что эта опасная территория должна быть очищена и занята без промедления. Башня необычных размеров, защищавшая выступающий угол самого большого из этих ограждений и считавшаяся ключом к позиции, была назначена в качестве точки атаки. Для выполнения этой опасной задачи было выбрано командование графа Сифуэнтеса. Бросившиеся вперед кастильцы применили свои штурмовые лестницы, но враг, полностью подготовленный, встретил их разрушительным огнем и с помощью связок горящего льна, пропитанных смолой и бензином, уничтожил лестницы и многих солдат, которые отважились взобраться по ним. Благодаря последовательному прибытию подкреплений с обеих сторон

сражение начало приобретать характер сражения, исход которого на какое-то время обещал быть неопределенным; но после дня и ночи отчаянных боев христиане одержали верх, и мавры, вытесненные из башни, заняли позицию внутри стен. Их пушки, в свою очередь, теперь стреляли по башне, верхняя часть которой вскоре была разрушена, и, когда удалось заминировать фундамент, она была взорвана, унеся с собой смерть нескольким сотням испанцев, чья доблесть перед лицом неминуемой опасности так недавно привела к ее взятию. За этой дорого купленной победой последовала оккупация более крупного пригорода, но только после того, как мавританская хитрость заманила значительные силы пехоты в лабиринт кривых переулков, где, сбитые с толку окружающей обстановкой и окруженные численным превосходством, они были безжалостно перебиты. На земле, все еще удерживаемой мусульманами, были срублены деревья, возведены частоколы, укрепленные рвами, и, таким образом, вдвойне укрепленные атаки коварного и свирепого врага держали лагерь осаждающих в состоянии постоянного возбуждения и тревоги. Решительное сопротивление, с которым было встречено медленное продвижение христиан, в результате чего каждый фут завоеванной территории был залит кровью, страх перед эпидемией, которая уже возникла в опасной близости от лагеря, и упорно распространявшийся слух, что королева настаивает на снятии осады, начали вызывать сильное недовольство в рядах испанцев. Зная об этом чувстве и стремясь воспользоваться им, мавры удвоили свои усилия. Охрана и патрули были усилены. Стычки стали более частыми и кровопролитными. Катера, вооруженные легкими артиллерийскими установками, были отправлены ночью для преследования судов блокадного флота. Гарнизон был разделен на роты, на которые, в свою очередь, возлагалось выполнение регулярных обязанностей по патрулированию, нападению, оказанию помощи; и дисциплина поддерживалась среди обычно непокорных мусульман с беспристрастностью и строгостью, доселе неизвестными. Всякое общение с врагом было запрещено прокламацией, и само упоминание о капитуляции, даже среди граждан, влекло за собой смертную казнь. Мавры полагались, однако, не столько на свою выучку и решительность, сколько на зло, которое во все времена, и особенно в ту эпоху, могло затруднить утомительные операции осаждающей армии. Приближался сезон дождей, когда горные потоки, разлившись до размеров ливней, сметали все на своем пути, а внезапные штормы делали гавань, всегда ненадежную, почти непригодной для судоходства. Оголение лагеря, несомненно, вызвало бы болезнь и могло бы спровоцировать нашествие чумы, в то время как физические неудобства, связанные с ситуацией, вероятно, были бы усилены страхами и недовольством большого количества людей, подвергающихся ежедневным неудобствам и обреченных на бесславное бездействие. Царство террора было положено начало в Малаге жестокими мерами, принятыми Хамет-аз-Зегри, который казнил без допроса и предупреждения нескольких видных граждан, чье прежнее поведение сделало их лояльность подозрительной, и в результате этой жестокости, судя по всему, жители наконец сердечно объединились в общественной защите. Атмосфера недоверия и опасений, однако, окутала общину; ни один человек не осмеливался публично обратиться к своему другу; за доносом выдающейся личности властям следовала его немедленная казнь; и торговцы, чье богатство, влияние и миролюбивые наклонности делали их несносными для свирепых солдат, подвергавшихся, с одной стороны, насилию гарнизона, с другой - угрозе порабощения, финансового и домашнего разорения, были повергнуты своими дурными предчувствиями в апатию отчаяния. Чтобы нейтрализовать чувство уверенности, которое врагу внушил ложный слух о неодобрении королевой осады, теперь была передана просьба, призывающая ее вернуться в лагерь.

Прибытие Изабеллы было отмечено всей пышностью королевского приема, и ее присутствие на опасном посту привлекло на фронт множество кавалеров, не подлежащих военной службе, но движимых рыцарским духом, столь характерным для кастильцев, и которые в данном случае сочетали надежду на воинское отличие с той пылкой преданностью полу, которая всегда считалась одним из самых благородных атрибутов рыцарства. Случай казался благоприятным для возобновления переговоров, и гражданам Малаги были сделаны новые предложения, но гонцы не удостоились ответа, и они вернулись, не добившись аудиенции у властей. Потерпев неудачу в этой попытке и ободренный советами королевы, Фердинанд продвигал свои подходы с еще большей энергией. Укрепления были перенесены в пригород и часто находились в двух шагах от стен. На замок была предпринята атака, в результате которой маркиз Кадис был отбит и ранен. Суда были отправлены в Барселону, Валенсию, Лиссабон и Палермо за порохом. Сотни механиков были задействованы в строительстве военных машин — лестниц, похожих на мачты, поднятых на раздвижных платформах, мангонелей, таранов, передвижных башен и каминных решеток. Древесина, необходимая для этой цели, добывалась в окрестных садах и рощицах. В четырех разных точках были тайно открыты шахты, и в каждой из них сотни людей постоянно трудились днем и ночью. Появление королевы, которую сопровождали сановники и придворные дамы, придало нового мужества дрогнувшим рядам обескураженных солдат. Бесстрашная защита мавров превзошла ожидания испанцев, которые, воодушевленные воспоминаниями о былых триумфах, ожидали быстрого, хотя и ожесточенного завоевания. Вместо этого, по прошествии трех недель, каждый день которых был отмечен серией кровопролитных боев, существенного прогресса достигнуто не было. Полученные незначительные преимущества были приобретены ценой многих жизней; успеху дня, несомненно, был сведен на нет завтрашним отпором; когда стена была разрушена, была сформирована новая линия, состоящая из рвов и частоколов, и защищаемая войсками, чьи неустанные усилия и явно неисчерпаемые ресурсы, казалось, бросали вызов всем достижениям военного опыта и инженерного мастерства. Обескураживающая перспектива кампании и постепенное распространение чумы по окрестностям вызвали многочисленные случаи дезертирства и, как следствие, значительную деморализацию. Некоторые солдаты вернулись в свои дома; другие, отказавшись от дальнейшего осуществления предприятия, которое они считали неосуществимым, искали коварной дружбы и сомнительного вознаграждения у мусульман Малаги. Чтобы обеспечить себе радушный прием, они старательно преувеличивали горе товарищей, которых они таким образом бесчестно бросили, ссылаясь на нехватку пайков, пороха, количество дезертиров, всеобщее недовольство, которое, по их словам, не смогли унять даже увещевания и обещания короля. Эффект от этих представлений вскоре стал очевиден. Мусульмане, воодушевленные стойкостью, продолжали сражение с удвоенным упорством, а внимание христиан было занято охраной своих позиций, которые в любой момент дня или ночи могли быть прорваны нападением с какой-нибудь отдаленной и неожиданной стороны. Облако дыма висело над городом и лагерем, время от времени освещаемое вспышками орудий, за глухим грохотом которых время от времени следовал грохот рушащихся зданий, радостные крики артиллеристов и крики раненых. Непреклонная решимость и вдохновляющий пример Хамета аль-Зегри, чей героизм был так запятнан безжалостной жестокостью, помогли защитить Малагу среди самых страшных лишений и страданий. Трудность содержания огромного количества некомбатантов в таких обстоятельствах возрастала день ото дня. Вся провизия, которую удалось найти, была бесцеремонно изъята в пользу гарнизона. Всякий раз, когда выяснялось, что какой-нибудь несчастный гражданин припрятывал еду для содержания своей семьи, все обитатели дома

немедленно предавались мечу. Евреи, особые объекты официальной тирании, были бесчеловечно и злонамеренно лишены всего необходимого для жизни, и самые бедные и беспомощные из этой преследуемой расы погибли сотнями от голода. В условиях крайнего голода они жадно поглощали самые отвратительные и непитательные вещества. В городе не осталось в живых ни одного животного, и многие люди, выросшие в изобилии и роскоши, были вынуждены утолять муки голода кожей седел, кочерыжками капусты и листьями деревьев, с которых давно сняли плоды и соцветия. Доведенные до отчаяния бедствиями и вынужденной военной обязанностью, на которую их возложил губернатор, получавший мрачное удовлетворение от назначения на самые опасные посты тех, у кого было наименьшее количество опыта в военных действиях, несколько торговцев, включая Али Дордукса, снова установили связь с врагом. Их планам не суждено было сбыться, поскольку их гонец, возвращавшийся из испанского лагеря, был перехвачен патрулем и при попытке к бегству пал, пронзенный стрелой из арбалета.

Отчаянность их соотечественников, которые так решительно отстаивали свои позиции против объединенных сил Кастилии и Арагона, вызвала сочувствие и аплодисменты каждого патриотично настроенного мусульманина в королевстве. В столице было много таких, кто с радостью вызвался бы прийти им на помощь, но известная враждебность Боабдила подавляла публичное проявление общих чувств. С санкции Аль-Загаля группа отборных воинов выступила из Гуадикса, чтобы попытаться прорваться в Малагу. Информация об экспедиции была передана Боабдилю шпионами, и эскадрон мавританской кавалерии из Гранады спланировал засаду для отряда. Несчастные авантюристы, не подозревавшие о предательстве, были застигнуты врасплох на марше, и менее чем половине из них удалось бежать в Гуадикс. За эту позорную службу, столь полностью соответствующую его характеру, Боабдил получил поздравления от политика Фердинанда, который с внутренним самодовольством наблюдал за последствиями пагубной политики своих врагов, которые бессознательно вели его сражения, и которым было суждено в конце концов осознать тщетность своих усилий сохранить хотя бы податное существование перед лицом противников, готовых отказаться от всяких соображений чести и справедливости, нарушить все соглашения, отвергнуть все намеки на человечность и жалость ради окончательного достижения цели, к которой с непоколебимым упорством стремились через весь мир. превратности судьбы, триумфы и поражения двадцати пяти поколений.

Несмотря на то, что голод угрожал гарнизону и уже уничтожал мирных жителей, мавры никогда не ослабляли своих усилий. За стенами были вырыты большие траншеи в тех местах, где пушки пробили бреши. Мины, открытые осаждающими, во многих случаях достигали укреплений, когда их обнаруживали, обезвреживали и приводили в негодность. Один из них был взорван и разрушен после кровопролитного подземного боя. Этот успех был достигнут не без величайших трудностей и только после шести дней непрекращающихся боев. Мало-помалу всякая надежда на облегчение исчезла из мыслей отчаявшегося гарнизона. Эмир Тлемсена, побережье которого постоянно патрулировалось вооруженными галерами и который осознал безнадежность борьбы, отправил посольство к католическим монархам, прося их дружбы и умоляя снять торговые ограничения, налагаемые на его подданных сохранением блокады. Его просьба сопровождалась великолепными подарками в виде лошадей, сбруи и одежды, шелков, золота и благовоний. Предложение было любезно принято; военно-морским командирам было

дано указание относиться к своим новым союзникам с должным вниманием; но в то же время неусыпно следили за тем, чтобы в преданный город не были тайно доставлены какие-либо запасы людей или провизии. Сочувствие мусульман по всему королевству, пробужденное героизмом малаганцев, возраставшее с увеличением продолжительности осады, нашло выражение не только в причитаниях, но и в проклятии Боабдила, чья деятельность была признана главной причиной страданий его доблестных соотечественников.

В горах Гуадикса жил некий Ибрагим-аль-Герби, сантон, или отшельник африканского происхождения, чья неотесанная внешность, изможденный вид и предполагаемая святость вызвали у него суеверное почитание, с которым невежды привыкли относиться к тем, чья жизнь проходит вдали от жилищ людей, и чьи экстравагантные претензии на высшую святость, как предполагается, подтверждаются привычным аскетизмом и безумием, порожденным непрерывной медитацией и длительным воздержанием. Его хождение по улицам Гуадикса всегда сопровождалось огромным количеством поклонников, которые, считая его вдохновенным и часто общаясь с Пророком, слушали его бредни с почтением, равным тому, с каким они восприняли бы повеление Бога. Создав народ, этот фанатик провозгласил на рыночной площади города, что Аллах, тронутый нищетой своих верующих, постановил, что Малага должна быть избавлена от ужасной участи, и что он сам был назначен орудием для приведения божественной воли в исполнение. Доверчивое население услышало это объявление с безграничным энтузиазмом; на призыв добровольцев откликнулось огромное количество солдат и горожан; и из них сантон отобрал отряд из четырехсот человек, большинство из которых были африканцами, и все они были готовы пожертвовать своими жизнями в любом отчаянном предприятии, которое могло принести им славу на земле или обеспечить им вход в Рай. Тайно покинув город, отряд, избегая оживленных дорог, поспешил через горные дебри в Малагу. Ранним утром они предприняли внезапную атаку на испанские позиции у моря; двум сотням удалось прорваться в город, а остальные остались мертвыми или пленными перед укреплениями. Во время нападения сантон удалился в уединенное место неподалеку, где, стоя на коленях и подняв лицо и руки, принял позу набожности. Обнаруженный патрулем, он хранил упорное молчание до тех пор, пока не предстал перед маркизом Кадисским, которому объявил о своем призвании и заявил о своей способности предсказывать грядущие события с помощью откровений от Всевышнего. Маркиз, который, как и все его соотечественники, был немало суеверен и склонен доверять притязаниям религиозного шарлатана, даже если тот явился под видом врага, спросил, знает ли он, когда и как будет взят город. Сантон ответил утвердительно, но заявил, что он передаст эту информацию только королю и королеве, без посторонней помощи и тайно. Вслед за этим маркиз осведомился о воле монархов, которые приказали привести мавра к ним; и в том же состоянии, в каком он был схвачен, одетый в рваный плащ и вооруженный короткой, но тяжелой саблей, он был немедленно препровожден в королевский шатер. К счастью, Фердинанд спал, а Изабелла была занята каким-то женским занятием, когда прибыл стражник с сантоном, которого отвели в соседнюю палатку, где дон Альваро Португальский, из королевского дома Браганса, и донья Беатрис де Бобадилья, маркиза де Мойя, близкая подруга королевы, были заняты игрой в шахматы. Мавр, которому личности католических монархов были неизвестны, естественно, предположив, что стоявшая перед ним пара, чьи великолепные одеяния свидетельствовали о высшем знании, были объектами его гнусного замысла, выхватил свой ятаган и нанес опасную рану дону Альваро. Затем он нанес несколько ударов по маркизе, которая в ужасе упала на землю, но его оружие, ударявшееся о брезент палатки каждый раз, когда он поднимал его,

сбивало его с толку, и намеченная жертва избежала травм. Свирепый фанатик был мгновенно убит солдатами, а его изуродованные останки сброшены со стен из катапульты. Почтительно собранные мусульманами, они были сшиты вместе, одеты в шелковые одежды и, окропленные самыми дорогими благовониями, похоронены со всеми почестями, подобающими мученику, пожертвовавшему своей жизнью в смелой, хотя и предосудительной и бесплодной попытке оказать услугу своей стране. В отместку галисийский пленник высокого ранга был убит и привязан к ослу, которого загнали в ряды христиан, что было столь же невежливо, сколь и жестоко, поскольку только еще больше разозлило осаждающих, и без того достаточно неумолимых из-за понесенных потерь, лишений и неожиданной тяжести работ, возложенных на них отчаянным сопротивлением врага.

В то время как голод и страдания в стенах Малаги с каждым днем увеличивались, положение испанцев, какое-то время обескураживающее, теперь неуклонно улучшалось. Многие дворяне из Валенсии и Каталонии, желавшие служить под началом своих монархов и получившие существенную помощь людьми и деньгами, отправились в лагерь. Герцог Медина-Сидония со своим сыном и многочисленной свитой пользовался влиянием своего имени и присутствия и, что было еще более приемлемо, предложил двадцать тысяч золотых дублонов. За счет этих средств армия, первоначально состоявшая из семидесяти тысяч человек, была значительно увеличена. Были пополнены склады. Огромные кучи зерна были соблазнительно выставлены на обозрение голодающих мусульман. Были завербованы новые рекруты. Были собраны большие запасы боеприпасов, а возросший энтузиазм и возобновившаяся ярость штурмов дали понять осажденным, что только сокрушительный отпор может сломить непреклонную решимость их врагов.

Не проходило и дня, чтобы несколько жителей Малаги не перешли в лагерь христиан, лишившись свободы, чтобы избежать голодной смерти. Превратившиеся в скелеты и шатающиеся от слабости, они с ненасытным аппетитом поглощали пищу, которую им давали, возбуждая своим плачевным состоянием сострадание даже у своих бесчувственных победителей. Рассказы, которые они давали о проливах, в которые попали их собратья, убедили испанцев в том, что борьба не могла продолжаться долго. Улицы были покрыты разлагающимися трупами. Раненые в боях и погибающие от голода лежали бок о бок, беспомощные и заброшенные. Ужасные гомеры, ограниченные четвертным рационом и ставшие еще более свирепыми из-за страданий и ежедневного знакомства с резней, бесцеремонно бродили по каждому дому, подкрепляя свои требования едой угрозами, кровавый смысл которых быстро осознавался малейшим невниманием. Самым плачевным было положение женщин и детей, многие из них остались незащищенными военной удачей, без средств к существованию, подвергаясь ежечасной опасности, угнетенные печальным воспоминанием о своих потерях, без всякой перспективы, кроме смерти или, что еще более печально, вечного рабства. Кастильцы слушали эти заявления с недоверием, поскольку казалось невозможным, чтобы при таких испытаниях дух мусульман мог оставаться несломленным. Атаки на траншеи продолжались. Корабли флота были атакованы, и некоторые из них были уничтожены. Надежды осажденных поддерживались заверениями в окончательной победе, провозглашенными другим фанатиком, который, несмотря на неудачу своего предшественника, легко добился того, что его легковверные соотечественники безоговорочно поверили в его экстравагантные обещания. По его совету шесть сильных батальонов одновременно атаковали испанские укрепления, удерживаемые под командованием великих магистров Алькантары и Сантьяго. Христиане, хотя и были обычно настороже, были застигнуты

врасплох и отброшены назад; но успех мусульман был лишь временным; решительных усилий было достаточно, чтобы дать им отпор, и, потеряв много людей, они в беспорядке отступили.

Это сражение стало переломным моментом осады. Гарнизон больше не мог обслуживать укрепления, которые быстро рушились под огнем вражеских орудий. Из пяти тысяч отборных людей, первоначально составлявших его, три пятых были убиты и ранены, а остальные были сильно ослаблены болезнями и лишениями. Стенания голодающих и протесты тех граждан, чьи личные интересы всегда склоняли их к миру, теперь стали слишком назойливыми, чтобы дольше оставаться без внимания. Неукротимый Хамет-аз-Зегри и его стражники угрюмо направились к Гибралфаро. Пятеро видных купцов, уполномоченных народом добиваться мира, были отправлены в штаб-квартиру короля. Их предложение уступить по существу на тех же условиях, что были предоставлены другим завоеванным городам, было отвергнуто с высокомерным презрением, и им сообщили, что не будет принято ничего, кроме соглашения, предполагающего безоговорочную сдачу их людей и имущества. В отчаянии посланники вернулись; горожане согласились бросить все, если им будет гарантирована свобода; и, если в этом им по-прежнему будет отказано, они пригрозили повесить на зубчатых стенах каждого пленного христианина, который окажется в их власти, и, поместив женщин и детей в Алькасабу, поджечь город, а затем, совершив вылазку, дорого продать свои жизни в битве со своими безжалостными врагами. На эту угрозу Фердинанд ответил, что, если будет убит хоть один пленник, он предаст смерти всех мавров в Малаге и что никаких других условий не будет выдвинуто, кроме тех, которые уже сообщены их посольным. Отчаянное положение осажденных не оставляло им иного выхода, кроме абсолютного подчинения воле завоевателя, и после долгих препирательств они выразили свое согласие сдаться без каких-либо условий. Были отданы заложники, чтобы обеспечить их верность; победоносная армия вошла в город; все жители были вынуждены собраться в Алькасабе, чтобы там ожидать соизволения короля; храбрый Хамет-аз-Зегри был закован в кандалы и продан на невольничьем рынке Кармоны; христианские дезертиры, чьи сведения помогли подтвердить упорство мавров, были преданы смерти под пытками; улицы были очищены от нечистот; и в большой мечети, посвященной христианству в окружении внушительных форм католического ритуала, была отслужена месса. в благодарность за успешное завершение предприятия, которое по сложности, продолжительности, бесстрашию и изобилию ресурсов, проявленных врагом, не имело аналогов в истории Реконкисты. Пятьсот пленников, чье выживание доказывало, что о них заботились лучше, чем о многих их хозяевах, прошли торжественной процессией, чтобы выразить благодарность за свое освобождение. Немало из них, давно оставивших всякую надежду на свободу, были порабощены в течение двадцати лет. Многие деревни близ Малаги были заняты испанскими войсками, и их жители были заключены вместе со своими соотечественниками для дальнейшего размещения в просторной ограде цитадели.

При решении судьбы жителей Малаги замечательное постоянство и героизм, которые они проявили при защите своих домов, — качества, которые должны были вызвать восхищение и уважение у каждого человека, восприимчивого к чувствам великодушия и сострадания, — не были приняты во внимание Фердинандом и Изабеллой, разве что в ущерб жертвам. В соответствии со средневековым обычаем побежденные были полностью во власти завоевателей. С помощью утонченной политической казуистики их также заклеили как мятежников. Основания для этого обвинения сейчас трудно определить. Мусульмане Малаги были и всегда были подданными Аль-Загаля, непримиримого врага христиан, и, благодаря самому остроумному и притяннутому за уши применению кастильских законов или феодальной

практики, никогда не могли быть включены в число зависимых или данников испанской короны. Вполне вероятно, что это требование могло быть основано на сюзеренитете, которым пользовались прежние короли, и признано князьями Гранады как политическая необходимость, но никогда не признавалось как неотъемлемое право. Раздражение, вызванное длительным сопротивлением, и убежденность в том, что суровый пример может удержать другие города от противодействия завоеванию испанского суверенитета, побудили некоторых лиц, при дворе и в армии, о именах которых история умалчивает, яростно настаивать на неизбирательной резне пленных — предложении, которое, к счастью для репутации победителей, из соображений общественной целесообразности, если не из чувства гуманности, они были вынуждены отклонить. Королевский указ, обнародованный при звуке трубы, приговаривал каждого мавра к пожизненному рабству. Суровость этого приговора была, однако, изменена положением, которое, хотя и сулило, по-видимому, перспективу облегчения, все же не уменьшало его суровости, а фактически было направлено на то, чтобы усилить ее, вызвав горькое разочарование. Малага была одним из самых богатых городов Средиземноморья. Ее купцы сколотили огромные состояния на торговле, и их личная собственность, столь ценная и столь вероятная для сокрытия в условиях бесконечного рабства, была добычей, от которой алчность испанцев не могла так легко отказаться. Бесценные драгоценности, которые мавританские женщины носили в богатом варварском изобилии, были известны по всей Гранаде, и слухи об их ценности и красоте распространились при кастильском дворе. Уже ходили слухи, что большая часть этих сокровищ исчезла. Хитроумное лицемерие христианских монархов с готовностью придумало способ вернуть это богатство. Королевским указом было объявлено, что все мавры могут быть освобождены из рабства при условии выплаты в течение восьми месяцев суммы в размере тридцати дублонов золота за каждого мужчину, женщину и ребенка. Это, однако, было применимо только коллективно. Ни один человек не мог предложить отдельного выкупа; и никакая смерть в течение отведенного времени не должна была приниматься во внимание — все должны были быть искуплены одинаково и вместе, будь то живые или мертвые. Непременным условием этой экстраординарной индульгенции было то, что все личное имущество жителей Малаги должно быть немедленно передано должностным лицам казначейства для зачисления на счет. Мавры, не рассчитывая огромную сумму, необходимую для выкупа такого множества людей, и не размышляя о многочисленных предложениях, под которыми может быть нарушено соглашение, заключенное с вероломным завоевателем, жадно ухватились за заманчивую, но ошибочную перспективу свободы.

Поскольку общая численность горожан и гарнизона была недалеко от одиннадцати тысяч, для их освобождения потребовалось триста тридцать тысяч дублонов, что по нынешней оценке составляет двадцать один миллион сто двадцать тысяч долларов. Пленников немедленно всячески поощряли к тому, чтобы они раскопали свои спрятанные сокровища. Отведенные в свои дома, они извлекали из глубин колодцев и цистерн, из раскопок в садах, из скрытых хранилищ и потайных емкостей, из фонтанов и замурованных ниш золотые и серебряные украшения, драгоценные камни, монеты и посуду, а также все мыслимые виды портативных богатств. Был составлен список всех владельцев вместе с описью и оценкой их имущества, которое, мы можем быть уверены, не было оценено в завышенную сумму. История не сообщает нам ни о гарантированной сумме, ни о дефиците. Поскольку выкуп пленника является одним из самых достойных поступков мусульманина и прямо предписан его религией, малаганцы ожидали, что их собратья по секте с готовностью внесут оставшуюся сумму, необходимую для их

освобождения. В этом они были печально разочарованы; подданные Боабдила отказались скомпрометировать себя, помогая врагам Фердинанда, и по приказу своего короля письма и петиции были перехвачены и отправлены испанскому двору. Партизаны Аз-Загаля, обнищавшие из-за пожертвований, которых требовали остроты войны, и обескураженные поражением, были не в состоянии ответить на настоятельные просьбы своих братьев, измученные памятью о недавних бедствиях и подвергнутые угрозе самого прискорбного из человеческих бедствий. Таким образом, благотворительность мусульман была далека от требований, предъявляемых нуждами их соотечественников. Хотя были обращены даже к жителям Марокко и Тлемсена, на которых, возможно, неблагоприятно повлияли недавно установившиеся отношения с испанской короной, собрать требуемую сумму оказалось невозможным.

Мавританские пленники были разделены на три категории: одни предназначались для обмена на христиан, содержащихся в плену в Африке; вторые распределялись в качестве добычи среди самых выдающихся лиц в армии в соответствии с рангом или заслугами; а третьи продавались с аукциона в пользу казны, чтобы частично покрыть расходы на осаду. В знак признания помощи, которую его поддержка оказала войне, ведущейся во имя религии, и для избавления от пленников, репутация и характер которых указывали на то, что они могут доставить неприятности, папе были представлены сто самых свирепых гомеров. Пятьдесят самых миловидных мусульманских девушек были отданы королеве Неаполя. Тридцать других стали рабынями королевы Португалии. Изабелла также распределила большое количество этих привлекательных девушек среди придворных дам, и несколько из них были оставлены для ее собственной службы во дворце.

Тем выдающимся гражданам, которые в разное время тщетно пытались добиться сдачи Малаги, было позволено сохранить свою собственность и наслаждаться свободой в положении данников. Али-Дордукс в награду за свои особые услуги получил двадцать домов со множеством ценных земель и вилл и был назначен алькальдом Мудехареса. Оставшиеся в живых евреи города, всего четыре сотни пятьдесят человек, большинство из которых женщины, были выкуплены Авраамом Сеньором, богатым евреем, собирателем еврейской дани для королевской казны Кастилии. Их имущество было получено и учтено в качестве частичной выплаты выкупа, который составлял двадцать тысяч дублонов золота.

Так заканчивается скорбная история взятия Малаги. Ни одно подобное событие в истории не демонстрирует более поразительным образом героизм побежденных, а также вероломство и злобу завоевателей. Человеческая доблесть и самопожертвование при самых обескураживающих обстоятельствах не могли достичь большего, чем это было сделано мусульманами. Нельзя было проявить большего пренебрежения к тем добродетелям, которые наиболее взывают к человеческому сердцу, — верности, патриотизму, бесстрашию, стойкости, — или к тем страданиям, которые вызывают рыцарское сочувствие храбрецов, чем то, которое проявили торжествующие христиане. Почетные условия, которые когда-либо предоставлял великодушный победитель мужественному, но неудачливому врагу, были нагло отвергнуты. Порабощение целого сообщества, хотя и не противоречило варварским обычаям средневековой войны, было необычным и, безусловно, незаслуженным теми, чьим единственным преступлением была решительная защита дома и страны. Позорный план, с помощью которого они были введены в заблуждение ложными надеждами на освобождение от рабства и в то же время лишены своего имущества, заслуживает самого сурового порицания.

Фердинанду, который установил сумму и чье влияние, без сомнения, использовалось для противодействия усилиям эмиссаров пленников, было хорошо известно, что непомерно большой выкуп никогда не может быть выплачен. Даже если бы обязательство было исполнено, нет никаких сомнений, учитывая последующий курс, проведенный испанской короной в аналогичных сделках, что результат был бы тем же самым. Дух, который не отвергал с негодованием, но мог спокойно обсуждать преднамеренное массовое убийство одиннадцати тысяч беззащитных людей ради общественного удобства, вряд ли отказался бы отказаться от контракта, когда его нарушение санкционировалось правдоподобными и популярными предложениями священнической казуистики. Роль, занятая королевой в этой сомнительной сделке, более характерной для искусства мелочного мошенника, чем для справедливости великодушного государя, не может быть оправдана или смягчена даже ухищрениями самого яркого апологета. Ее ответственность была равной ответственности ее мужа. Она была полностью осведомлена обо всех переговорах. Одно-единственное ее слово остановило бы их, но это слово не было произнесено. К несчастью для ее славы, в этом, как и во многих других случаях, она, похоже, пожертвовала самыми благородными качествами своего пола ради соображений сиюминутной выгоды и ложной морали под диктовку злобных и интригующих священнослужителей, чья власть хранителей королевской совести и чьи коварные советы уже начали оказывать заметное и самое пагубное влияние на политику короны.

В разгар их неудач разъяренный нрав столичных мавров и, как следствие, ненадежность трона Боабдила с каждым днем становились все более очевидными. Его неистовые призывы о помощи были услышаны отправлением Гонсалво де Кордовы с тремя тысячами человек, чье присутствие внушало благоговейный трепет недовольным и на какое-то время подтвердило падение власти монарха, чьи эгоистичные и недальновидные меры продолжали оказывать самую существенную помощь врагам его страны. В награду за его неоценимые услуги подданные Боабдила проводили свою жизнь в относительном покое; их труды не прерывались; их урожаи созревали и собирались в безопасности; а их купцы, перевозя свои товары за границу, вели прибыльную торговлю с городами Андалусии и Кастилии. Границы владений королевского вассала, постоянно сужавшиеся из-за превратностей революции, посягательств вероломных союзников и разрушительных последствий войны, теперь можно было разглядеть с зубчатых стен Альгамбры. Его имя, изобиловавшее самыми оскорбительными эпитетами, открыто проклинали на улицах. С помощью жестокой стратегии, достойной его христианского покровителя, он подавил мятежный дух, который ежедневно грозил серьезной вспышкой. Пятеро самых влиятельных агитаторов были приглашены на совещание во дворец. Полагаясь на королевское слово и не подозревая о предательстве, они направились в Альгамбру. Схваченные и закованные в кандалы, они были немедленно переданы равному числу палачей, обезглавлены, и их головы, насаженные на пики, пронесли по городу в сопровождении глашатая в назидание недовольным. К таким жестоким методам был вынужден прибегнуть этот мелкий тиран, чтобы сохранить существование своей ненадежной и пошатнувшейся власти. Хотя они и увенчались временным успехом, фактически они еще больше ослабили власть, основанную исключительно на страхе. Все богатые и влиятельные люди, которые могли это сделать, тайно покинули столицу, и население, подавив горе и негодование, которые оно испытывало из-за казни своих лидеров, с нетерпением ожидало момента отмщения. С другой стороны, неутомимый и порывистый аз-Загаль, воспользовавшись возможностью, предоставленной отступлением христиан, принес разорение и смятение за пределы границы. Гарнизон Ниджара был вырезан. Каллар был взят и сожжен. Из Альмерии и городов под ее

юрисдикцией грабительские экспедиции пронесли по плодородным долинам Мурсии. В Серрании Ронда и Сьерра-Бермеха горцы восстали, совершили свои разрушительные набеги на равнины Андалусии и отразили нападение маркиза Кадисского, операции которого вскоре были приостановлены из-за серии торнадо и землетрясений.

Между тем испанский король не бездействовал. Войдя во владения Аз-Загалья со стороны Мурсии, — территории, до сих пор удаленной от очага войны и, следовательно, свободной от ее опустошений, — он подчинил себе большой и важный регион вместе с городами Вера, Куэвас, Уэскар и многими другими, которые при появлении армии сдались без сопротивления. Воодушевленный своим успехом, он в следующий раз предстал перед "Альмерией". К несчастью для его планов, согласованных с мусульманскими предателями в городе, которые договорились предать их доверие христианам, Аз-Загал узнал об этом замысле, сорвал его со своей обычной энергией, и в этот момент головы заговорщиков были выставлены на зубчатых стенах замка. Войско мавританского короля, насчитывавшее двадцать одну тысячу человек, с непреодолимой яростью атаковало передовой отряд врага, разгромило его и вынудило всю армию отступить. Фердинанд отступил к Базе, за ним по пятам следовал Аз-Загаль. Недалеко от этого города мусульманский ветеран устроил засаду, в которую ему без труда удалось заманить испанцев. Авангард снова был разбит, на этот раз с серьезными потерями, и потребовались все усилия короля и его самых способных военачальников, чтобы спасти армию от уничтожения. Среди погибших был дон Филипп Арагонский, племянник Фердинанда, и многие другие выдающиеся офицеры. Продвижение христиан было серьезно затруднено вражеской кавалерией вплоть до реки Гвадалкитон, на расстоянии двадцати миль.

В мае месяце 1489 года Фердинанд вновь вторгся в мавританское королевство с намерением осадить Базу. Его планы были хорошо известны Аз-Загалу за несколько месяцев до того, как они были приведены в исполнение, и были использованы все возможные средства для противодействия им. Вся страна была прочесана в поисках провизии. Склады города были заполнены зерном. В его арсенале было полно оружия. Волнующий призыв их государя призвал на защиту Базы ветеранов многих тяжелых сражений, отважных горцев Альпухарраса, отчаянных авантюристов, потерявших дом и родных из-за военных потерь, и сотни доблестных кавалеристов Гранады, которые, устав от бездействия, испытывая отвращение к своему принцу и опасаясь обвинения в трусости, горели желанием еще раз обнажить мечи за дело своей страны и своей религии.

Командование Базой было доверено Сиди Яхье, одному из самых способных и выдающихся образцов мусульманского рыцарства, появившегося в войнах Реконкисты. Происходящий из королевского рода и обладающий выдающимися связями, поскольку он был одновременно племянником и шурином Аз-Загала, а также наследным принцем Альмерии, он рано проявил военные и дипломатические таланты, далеко не свойственные его годам. Подразделение из десяти тысяч кавалеристов, организованное, оснащенное и дисциплинированное им, достигло наивысшего уровня эффективности, возможного в быстрых эволюциях и хитроумных уловках, которые составляли излюбленную тактику ведения войны арабами. В дополнение к этим силам, которые по совершенству организации и муштры не имели себе равных ни в мавританских, ни в христианских армиях, Сиди Яхья имел в своем распоряжении равное количество хорошо вооруженных войск под командованием опытных генералов, прошедших службу под командованием Аз-Загала и Мулей Хассана. Гарнизон Базы состоял из десяти тысяч человек, большинство из которых были отобраны за их доблесть и верность из цветка мавританской

армии, а остальные, воодушевленные памятью о прошлых обидах и жаждущие возмездия, восполняли свирепостью то, чего им не хватало в опыте и дисциплине. При подготовке к обороне было учтено все, что могло либо вызвать раздражение противника, либо лишить его даже малейшего преимущества. Пригороды, которыми База, как и большинство андалузских городов, была окружена, были эвакуированы. Созревший урожай был собран и перевезен за стены. С деревьев сняли плоды. В пригородном лабиринте переулков были открыты новые проходы, чтобы облегчить передвижение гарнизона и сбить с толку противника, который при подобных обстоятельствах не раз сталкивался с катастрофой. Хорошо укрепленный город База был очень древним и имел важное значение даже во времена карфагенского владычества. Он занимал склон высокого холма, образующего отрог сьерры, был окружен очень прочными стенами и защищался замком замечательной крепости. Его окрестности были заняты рощами и садами, пересекаемыми дорожками, утопающими в зелени и окаймленными живой изгородью. Плодородная долина длиной в тридцать две мили и шириной в двенадцать, орошаемая каналами и приносящая череду урожаев, во всех местах демонстрировала высочайший уровень промышленности. Среди его пышных плантаций виднелись белые стены многочисленных дворцов и загородных усадеб, где жили или часто бывали видные жители города. С крепостных валов замка можно было насчитать более тысячи башен, разбросанных по долине, - мест убежища для пастуха и работника на случай внезапной тревоги или вторжения врагов. Фруктовые сады простирались более чем на милю от стен предместья, которые, построенные скорее для ограждения, чем для защиты, были низкими и сложены из грубых камней, скрепленных глиной и известью.

Прибыв к Базе, великая армия христиан попыталась проникнуть в сады и укрепиться у их внутренней границы. Сознывая важность предотвращения этого движения, гарнизон выступил из города в полном составе, и начался рукопашный бой. Прекрасно знакомые с местностью, способные по своему желанию лавировать в лабиринте пересекающихся тропинок, затемненных нависающей листвой, сражаясь пешими против всадников, обремененных тяжелым оружием и доспехами, и более привычные к подобным столкновениям, чем их противники, мавры с готовностью получили преимущество. Каждая башня и дом выпустили поток смертоносных снарядов. Каждая изгородь скрывала отряд врагов, готовых обрушиться с тыла наступающей колонне. Ограниченный и запутанный характер местности не позволял сохранять боевую линию, повиноваться приказу и часто среди дыма и неразберихи отличать друга от врага. Таким образом, результат борьбы в значительной степени зависел от усилий индивидуального мужества. Каждый солдат искал противника, и жестокое сражение заканчивалось только смертью врага. Тенистые аркады леса оглашались ружейными залпами, криками сражающихся и лязгом стали о сталь. В довершение ко всему ужасу этой сцены, некоторые башни, захваченные христианами, и другие, все еще удерживаемые маврами, были подожжены, и крики замученных несчастных, которые занимали их и которым не было пути к отступлению, перекрывали шум битвы. Многие благоразумные испанские офицеры, сознавая невыгодные условия, в которых они действовали, и опасаясь катастрофического исхода, пытались отозвать свои команды; но, совершенно сбитые с толку и неспособные определить направление движения лагеря, они были вынуждены против своей воли подвергаться опасностям неравного и неопределенного сражения. Она бушевала с неистовством в течение долгих двенадцати часов; напор подкреплений препятствовал отступлению тех, кто находился в первых рядах, и многие невосприимчивые пали от полного изнеможения. Наконец, когда приближалась ночь, превосходство христиан в выносливости возобладало, и мусульмане,

измученные усталостью, но все еще неустрашимые, отступили к частоколу в центре садов, предоставив своим противникам сомнительное преимущество кровавой и бесплодной победы.

После короткой передышки мавры под покровом темноты и благодаря густой листве, сквозь которую испанцы в темноте не осмеливались проникнуть, возобновили бой; и до рассвета все войско оставалось при оружии, подвергаясь яростному обстрелу ядрами и стрелами, выпущенными с близкого расстояния, который они были бессильны остановить и неспособны ответить.

С утренним светом предстала картина запустения там, где всего лишь накануне была представлена картина безмятежности и покоя. Элегантные виллы превратились в бесформенные кучи пепла. По земле, истоптанной, как шоссе, тысячами ног, были разбросаны печальные доказательства упорства, с которым велась борьба, — сломанное оружие, помятые доспехи, изодранные знамена, окровавленные одежды и сотни тел, искаженных ужасными предсмертными муками. Трава и цветы, которые так недавно представляли приятный контраст многих цветов, теперь приобрели однородный малиновый оттенок. Воздух все еще был затянут дымом битвы, который, поглощенный туманом, лучи солнца медленно рассеивали. Когда испанцы собрали своих раненых и похоронили убитых, стало известно об их тяжелых потерях; и стало очевидно, что нынешняя позиция, занятая в нарушение всех соображений благоразумия, была несостоятельной. Убедившись в своей ошибке, Фердинанд немедленно приказал перенести лагерь на равнину, и под непрерывным огнем солдаты отступили с того места, где предприятие их командиров получило такое неблагоприятное начало. Затем был проведен военный совет, чтобы определить, какой курс следует избрать. Значительное большинство голосов высказалось за отказ от этого предприятия. В своем замешательстве Фердинанд, как это было у него в обычае во всех важных случаях, поинтересовался мнением королевы. Изабелла, чей воинственный дух и твердое понимание не допускали даже видимости нерешительности или трусости, предоставив решение этого вопроса армии, ясно дала понять, что желает продолжения осады. Ее ответ был встречен одобрительными возгласами; опасения колеблющихся рассеялись уверенностью в успехе, которая теперь охватила лагерь; и город, вскоре окруженный со всех сторон, за исключением города съерра, начал понимать, что его освобождение, если оно вообще будет достигнуто, может быть обеспечено только после жестокой и затяжной борьбы. Огромная протяженность линий, которые требовалось охранять, превышала пропускную способность и истощала силы даже девяноста пяти тысяч человек. Чтобы лишить мавров одного из их самых ценных средств обороны, был отдан приказ вырубить фруктовые сады. Эта операция, сама по себе чрезвычайно трудная, была вдвойне опасной из-за противника, который исчерпал все ресурсы, чтобы помешать ее завершению. Передовой отряд из семи тысяч человек защищал тех, кто был выделен для работы по уничтожению. Количество и размер деревьев были так велики, что лесорубы едва ли могли продвинуться на десять шагов за столько же часов; и потребовался непрерывный труд четырех тысяч человек в течение сорока дней, чтобы выполнить эту колоссальную задачу. Упорно оспаривалось владение каждым футом земли; и, помимо беспорядочных атак стрелков, мавры дважды в день атаковали медленно продвигающуюся линию в нескольких разных местах, приводя в замешательство рабочих своими криками и до предела истощая энергию и решимость тех, кто был назначен их защищать. Когда, наконец, все деревья были убраны, была установлена линия обхода. Ров, защищенный частоколом, был выкопан по сторонам, обращенным к долине, и укреплен пятнадцатью каменными замками, которые были расположены с интервалом в триста шагов вдоль укреплений. На склоне съерры была возведена двойная стена, чтобы можно было

отразить нападение с любой стороны. Вся линия укреплений тянулась на высоту двенадцати миль. Таким образом, полностью окруженная, активность осажденных, до сих пор не прекращавшаяся и опасная, была эффективно сдержана. Попытка перекрыть водоснабжение города, которое бралось из источника у подножия горы, была сорвана предусмотрительным усердием мусульман.

Монотонный ход осады утомительно тянулся, время от времени прерываемый каким-нибудь доблестным подвигом или столкновением, отмеченным вежливостью, практика которой была привита рыцарскими правилами игры в тилт и турнира. Вылазка к воротам Гуадикса, предпринятая этим отважным кавалером Эрнаном Пересом дель Пульгаром, чьи бесстрашные и часто безрассудные достижения во многом способствуют романтическому интересу к истории Гранадской войны, привела к разгрому эскадрона мавританской кавалерии и захвату значительного количества скота. Ответственность за всю экспедицию легла на Пулгара, чье мужество в критический момент спасло положение и предотвратило разгром и пленение всего отряда. Когда слухи об опасности, нависшей над Базой, распространились по остальным провинциям королевства, мавры, понимавшие, что падение этого города повлечет за собой их собственное уничтожение, повсюду были охвачены негодованием и ужасом. Попытка усыпить бдительность осаждающих и ввести в город провизию и войска потерпела неудачу. Даже в столице эгоистичные интересы торгового сообщества больше не могли противостоять упрекам народа, который с лихорадочным ужасом смотрел на перспективу распада их монархии и исчезновения их религии. Их мятежный ропот, который без колебаний предполагал убийство вероломного короля, достиг Альгамбры; эмиссары Боабдила с готовностью установили личности лидеров; они были схвачены и обезглавлены; и это краткое проявление суровости повергло в трепет нескромное население, которое, казалось, так и не смогло усвоить, что первым и наиболее необходимым условием успеха восстания является секретность. Неспособный осознать или оценить значение событий, происходящих вокруг него, не подозревающий или небрежный о той роли, которую он принимал в подрыве своей династии, Боабдил оставался в бесславном уединении среди сладострастных удовольствий этого дворца, из чарующих пределов которого ему вскоре предстояло быть изгнанным при любых обстоятельствах порочащих и позорных. По его приказу гарантии безопасности и обещание дополнительных милостей от Фердинанда и Изабеллы всем, кто признает его власть, были объявлены на всех рыночных площадях по всей территории его юрисдикции. Бесчувственный к позору, он каждый месяц получал от испанского двора пособие, которое подтверждало его позорную репутацию раболепствующего; и в обмен на эту унижительную компенсацию он пресекал все попытки дать отпор захватчикам своей страны и старательно подавлял в самом начале каждую демонстрацию в пользу национальной целостности и независимости.

В своем отчаянии испанские мусульмане прибегли к странному средству. Сбитые с толку своими несчастьями, которые казались лишь прелюдией к еще большим бедствиям, и не имея друзей или союзников, они обратились в своей беде к турецкому султану, властителю, который не только из-за своего возвышения как мусульманский правитель, но и как предводитель правоверных, религиозный представитель Пророка, имел право на почитание, поскольку ему была доверена защита, различных народов мусульманского мира. В патетических выражениях они олицетворяли зло, которому они веками подвергались из-за вторжения христиан, их неспособность дольше сопротивляться прогрессу завоеваний, жертвы и потери, которые они были вынуждены терпеть, порабощение своих братьев и трудности, которые их окончательное порабощение неизбежно должно было наложить на существование и увековечение

мусульманской веры. Тронутый жалобной мольбой своих единомышленников-сектантов, Баязет II отправил двух монахов—францисканцев в Рим, чтобы пригрозить папе возмездием христианам в его владениях, которые под турецким владычеством пользовались максимальной свободой мысли и действий, если он не воспользуется своей властью для обуздания своих католических иждивенцев в Испании. Его Святейшество отправил посланников султана к испанскому двору с письмом от себя, в котором просто излагались факты, но благоразумно опускались какие-либо рекомендации. Ответ Фердинанда и Изабеллы был одновременно остроумным и правдоподобным. Они не без оснований претендовали на весь полуостров по праву наследования; наследство, узурпированное предками тех, кто теперь предъявлял претензии на территорию, которая вот-вот будет потеряна, тем же способом, каким она была приобретена; они заявили, что их право на эту империю никогда не было отвергнуто или утрачено, но постоянно отстаивалось на протяжении семи столетий войн; и что под их властью все неверные данники пользовались привилегиями, равными тем, которые предоставлялись христианам в любой мусульманской общине мира. Чтобы снискать расположение мусульманского монарха, Фердинанд пообещал помочь ему людьми и кораблями в войне, которую он в то время вел против эмира Египта. Католические монархи, по-видимому, имели преимущество в споре, поскольку больше ничего не говорится об этом споре; и султан больше не вмешивался в дела полуострова, а предоставил несчастных приверженцев ислама их судьбе.

Поскольку природа страны, через которую приближались к Базе, чрезвычайно затрудняла транспортировку тяжелой артиллерии, было сочтено предпочтительным взять город в блокаду. Все припасы обязательно доставлялись вычным обозом, и из-за большого количества необходимых припасов иногда возникала нехватка провизии. После пяти месяцев вынужденного затворничества в поведении жителей Базы не было заметно никаких неприятных последствий. Ежедневные атаки, стычки, неповиновение продолжались без перерыва; и хотя дезертиры часто жаловались на нехватку продовольствия, в движениях солдат не было заметно никаких признаков нужды, чья активность и доблесть свидетельствовали о чем угодно, только не о слабости, порожденной голодом и истощением. Приближение зимы, самого сурового сезона в горах База, вселило в мавров новую уверенность в себе. С другой стороны, христиане, предупрежденные о трудностях, с которыми им предстояло столкнуться, готовились, как могли, облегчить их и вынести.

Исполнительные способности Изабеллы, которая в каждой кампании брала на себя тяжелую обязанность обеспечивать армию всем необходимым для ведения военных действий, никогда не проявлялись так ярко, как при осаде Базы. Несмотря на трудности, связанные с перевозкой припасов, в осаждающей армии большую часть времени царило изобилие. Из штаб-квартиры королевы в Хаэне постоянно проходили и переправлялись через горы автоколонны под сильным эскортом с огромным количеством зерна и военного снаряжения. Чувствовалась такая уверенность в безопасности транспортировки через территорию противника, что из всех провинций полуострова, а также с Сицилии купцы привозили свои товары в лагерь, где был найден готовый рынок для предметов роскоши — “изделий”, как жалобно замечает хронист того времени, “которые делают солдат изнеженными и наносят ущерб армиям, в то время как они ни в коем случае не приносят им пользы”.

В соответствии со своей обычной политикой испанцы продолжали производить впечатление на противника постоянным характером своего предприятия. Было построено огромное количество каменных хижин, зацементированных глиной, которые располагались на улицах со всей

регулярностью города. В дополнение к этим, предназначенным для знати и их вассалов, было построено множество грубых убежищ из стволов и ветвей деревьев для размещения простых солдат, лошадей и приверженцев лагеря. Едва эти работы были завершены, как яростный шторм подорвал стены, разрушил здания и погрузил в хаос жилые помещения всей армии. Более легкие материалы были мгновенно унесены горными потоками. Многие солдаты погибли в рушащихся лачугах или, придавленные тяжелыми грузами, задохнулись в трясине. Провизия была почти вся уничтожена, а дороги настолько повреждены, что сообщение с Хаэном было полностью прервано. Вскоре воцарилось величайшее бедствие. Почти две недели солдаты оставались без крова и почти без еды. Увязая по колено в грязи, промокшие под постоянными дождями, истощенные голодом, сотни людей умерли от переохлаждения и лихорадки, вызванной антисанитарными условиями. В течение всего этого времени враждебность мавров ни на минуту не ослабевала. В полном отчаянии христиане, хотя и ослабевали от слабости и болезней, удерживали свои позиции. Те, кто с самого начала советовал не брать город в осаду как неосуществимую, теперь стали назойливыми. Король выслушал их увещевания и начал по-своему обдумывать целесообразность отступления. Непреклонная решимость Изабеллы вновь оживила упавший дух ее супруга и ее подданных и восстановила успех кампании. В ответ на сообщения Фердинанда, повествующие о трудностях и разочарованиях, которые ему пришлось пережить, она призвала к терпению, решимости, мужеству. Из Хаэна было немедленно отправлено шесть тысяч человек для расчистки и ремонта путей через сьерру. По пятам за пионерами следовали конвои с обильными припасами. В дополнение к этому, зная, что солдаты, месяцами лишенные жалованья, были нетерпеливы и склонны к мятежу, королева написала личные письма богатой знати с просьбой выдать деньги авансом и депонировала свою золотую и серебряную посуду и драгоценности в Барселоне и Валенсии в качестве обеспечения по займам. Представление о том, в какое положение попала казна в результате войны, можно составить из того факта, что королевская корона Кастилии и великолепное ожерелье огромной ценности, за которые было выдано аванс в шестьдесят тысяч флоринов, остались в последнем городе не востребованными в 1490 году, через шесть лет после того, как они были заложены. Благодаря этим энергичным мерам была получена крупная сумма, из которой можно было погасить все долги, а оставшуюся часть направить на ведение войны.

Но, хотя эта существенная помощь имела величайшее значение для сохранения армии, она была далека от устранения преобладающих опасений и недовольства. Большое доверие, которое было оказано королеве, и всеобщее уважение, питаемое к ее суждениям, теперь проявились во всеобщем желании, чтобы она посетила лагерь. Король, не колеблясь, заявил, что ему крайне нужен ее совет. Те, кто все еще выступал за продолжение активных операций, надеялись, что ее присутствие вселит новый энтузиазм в умы обескураженных войск; недовольные, уставшие от лишений и тосковавшие по удовольствиям Кордовы и Севильи, были убеждены, что личный опыт опасностей осады, которая, хотя и привела к огромным расходам и человеческим жертвам, не давала особых перспектив на адекватную компенсацию, побудит их государя одобрить отказ от такого убыточного предприятия. Прошло шесть месяцев, а мы так и не получили какого-либо существенного преимущества. Несмотря на то, что каждый день того времени был отмечен одной или несколькими кровавыми стычками, мусульмане, по-видимому, были полны решимости, как всегда. Отчеты дезертиров теперь сообщали, что в городе все еще оставалось провизии на несколько месяцев. Женщины Базы, движимые благородным духом самоотречения, пожертвовали свои драгоценности, чтобы заплатить гарнизону. Все попытки переговоров, которые мавры рассматривали как убедительные свидетельства слабости, были

отбиты, и последние не скрывали своего ожидания, что зимние штормы все же вынудят врага отступить. Но невозможность использовать тяжелую артиллерию была самым серьезным недостатком из всех. Без нее укрепления Базы были неприступны. Прорыв с помощью блокады был утомительным, опасным и ненадежным. Хотя, как и в случае с Малагой, никакой помощи извне ожидать было нельзя, осажденные не подвергались артиллерийскому обстрелу, и это событие, по сути, было полностью вопросом физической выносливости.

При таких обескураживающих обстоятельствах Изабелла покинула Хаэн. В ее свите были члены Королевского совета, кардинал Мендоса, архиепископ Севильи, и внушительная толпа прелатов и знати, рыцарей и дам, олицетворявших благочестие, достоинство и красоту двора. Прибытие королевы распространило всеобщую радость и уверенность по всему лагерю; военные действия, которые до сих пор были непрекращающимися, были приостановлены; тишина и покой воцарились там, где всего несколько часов назад раздавались шум и суматоха конфликта; и мавры начали проявлять склонность рассматривать предложения о капитуляции, которые до сих пор они упорно отказывались рассматривать. Вследствие такого благоприятного расположения осажденных была проведена беседа между доном Гутьерре де Карденасом, командующим Леоном, как представителем католических монархов, и Сиди Яхьей, мусульманским губернатором. Вопрос был передан жителям Базы, и они обратились к Аз-Загалу. В своих обращениях к королю народ излагал болезненные обстоятельства своего положения, безнадежность помощи, очевидно неисчерпаемые ресурсы врага и свой страх перед последствиями, если за дальнейшим сопротивлением последует несчастье. На этот призыв Аз-Загаль великодушно ответил, что он желает, чтобы его подданные действовали в этом случае так, как им может показаться наиболее выгодным.

Когда стало известно об этом решении, величайший ужас охватил весь великий город Гуадикс. Долгое время резиденция королевской власти, изолированная своим уединенным положением и окружавшими ее горами от активного участия или личного переживания событий, которые способствовали падению монархии, ее жители с нескрываемым отвращением и страхом ожидали превосходства иностранного правителя и введения враждебной религии. Народ, разделенный на две партии, одна из которых выступала за подчинение, а другая - за сопротивление, был сбит с толку противоречивыми доводами вождей, негодование которых усилилось из-за остроты спора; всеобщее недоверие возобладало; осуществление власти было на мгновение приостановлено; улицы огласились жалобными стенаниями; и дрожащие граждане, с побледневшими лицами и наполовину обезумевшие от ужаса, спрашивали друг друга, пощадят ли хотя бы их жизни. Влиятельным и знатым людям было крайне трудно успокоить своих невежественных соседей, чьи возбужденные чувства сделали их жертвами самых мрачных предчувствий.

Ответ Аз-Загаль был получен сразу же после того, как Сиди Яхья принял меры к сдаче Базы. Некоторые положения статей капитуляции были секретными и никогда не разглашались. Многие мавры высокого ранга обогатились за счет своего подчинения врагу, что свидетельствовало о прежнем взаимопонимании, о котором в то время их соотечественники и не подозревали. Обнародованные условия были почти идентичны наиболее благоприятным условиям, предоставленным другим городам. Нерезиденты, добровольно предложившие свою помощь во время осады, были уволены без каких-либо ограничений или выкупа. Всем было подтверждено право владения их личными вещами; гражданам был предоставлен выбор дальнейшего проживания или эмиграции; не должно было налагаться никаких ограничений на

использование законов, обычаев, языка или религии; налоги должны были оставаться неизменными; и, принимая во внимание их послушание, люди должны были в полной мере пользоваться защитой и получать помощь своих новых суверенов. Губернатор и высшие должностные лица города доставили заложников; последним, оказавшим почтение королю и королеве, были преподнесены ценные подарки; и по истечении шести дней, в течение которых город должен был быть эвакуирован, как это было предусмотрено договором, База после наиболее памятной обороны перешла в руки христиан на четвертый день декабря 1489 года.

Как только весть о его капитуляции достигла различных городов, находящихся под его юрисдикцией, их магистраты поспешили обеспечить себе равные преимущества своевременным представлением. В течение нескольких дней Альмуньекар, Пурчена, Табернас, бесчисленные поселения Альпухаррас — короче говоря, вся территория, лежащая между Альмерией и Гранадой, — были присоединены к быстро расширяющимся владениям испанской короны. Влияние Сиди Яхьи, посетившего Гуадикс с этой целью, стало средством побудить Аз-Загалья отказаться от этого города и Альмерии с их зависимостями, последних остатков его уменьшившейся империи. Доблестный старый солдат, который так долго и стойко противостоял нападкам неблагоприятной судьбы, несомненно, заслуживал лучшей участи. Его проницательность с готовностью убедила его в тщетности дальнейшего сопротивления; он со смирением подчинился неумолимому повелению Аллаха и с видимой готовностью, но с внутренним отвращением уступил единственные остатки своей власти. В обмен на эти уступки его победители великодушно даровали ему жизнь и управление маленьким и бесплодным княжеством Андаракс, где обычное почтение к подчиненным и снисходительность фортуны позволили ему на некоторое время пользоваться титулами и королевскими привилегиями.

От осколков обширной и богатой испано-арабской монархии, с ее десятками великолепных городов, с ее ландшафтом, разнообразным по всем признакам сельскохозяйственной науки и промышленности, с ее гаванями - центром мировой торговли, с ее обществом, украшенным всеми достижениями литературной и художественной культуры, осталась теперь лишь ограниченная и разрозненная провинция, ограниченная горными хребтами, окружавшими ее столицу. Эта столица, хотя в течение многих лет подвергалась пагубному и разрушительному воздействию постоянных революций и кровавых беспорядков, все еще в значительной степени сохраняла незапятнанной свою первозданную элегантность и красоту. Благодаря заинтересованности и политической снисходительности своих врагов она сохранила иллюзорное подобие свободы и притязания имперской метрополии. Не было заметно уменьшения числа его жителей. Места тех, кто был принесен в жертву во внешних и внутренних войнах, были заполнены беженцами из разоренных земель и разграбленных городов. Ужасающие результаты национального бедствия были очевидны только в поредевших рядах дворянства. Действительно, мало что осталось от тех доблестных кавалеров, чьи боевые подвиги на протяжении многих лет поддерживали высокую репутацию гранадского рыцарства. Из пяти тысяч, присутствовавших при восшествии на престол Мулей Хассана, в живых осталось только триста. В великолепных дворцах королевский раб, получавший ежемесячную пенсию от испанской короны, поддерживал иллюзорный парад суверенитета и власти. Было видно мало признаков, указывающих на ужасные сцены, через которые прошел город. Баррикады, возведенные вооруженными мятежниками, были разобраны. Пятна крови исчезли с улиц. Далеко вверх, на самой высокой башне цитадели, можно было разглядеть насаженные на пики и побитые многими штормами ужасные головы тех политических агитаторов, которые поплатились своими жизнями за неудачу восстания. Кроме этих значительных признаков

деспотической суровости, ничто не указывало на угрожающую тучу, нависшую над прекрасной Гранадой. В пределах широкого круга ее стен рука войны еще не коснулась своей иссушающей хватки. Его сады все еще приносили свои восхитительные плоды. Его сады все еще благоухали смешанными ароматами myriad цветов. На базарах торговцы из всех провинций полуострова, полагаясь на уверенность в защите христиан, мирно обменивались своими разнообразными товарами. На фабриках, которые все еще производили в меньших количествах самые дорогие ткани, занятые ремесленники занимались своим ремеслом. Но это состояние кажущегося спокойствия было обманчивым. В сердцах аристократии все еще бушевала вражда поколений. Население было раздражено тиранией и продолжавшимся долгое время насилием. Бедствия, вызванные изменой и варварством, были первыми в сознании всех. Никакая демонстрация королевской пышности не могла скрыть тот факт, что король в течение многих лет был вассалом неверных. Никакая уступка общественным предрассудкам не могла искупить расправу над родственниками, вторжение в частную жизнь, конфискацию сокровищ. Над дворцом и мечетью, над парком и главной улицей витали неизгладимые воспоминания о недавней кровавой братской борьбе. В каждом общественном здании, в каждом частном жилище победные трофеи покоились в наводящей на размышления близости к символам траура и смерти.

Однако Вега, некогда чудо сельскохозяйственного совершенства и центр мусульманской промышленности, выглядела совсем по-другому. Зеленые рощи, которыми была разнообразна его поверхность, исчезли. Его гидравлическая система была выведена из строя и частично разрушена; каналы были заполнены мусором; речушки отклонились от своего прежнего русла и стали бесполезными. Вместо великолепных вилл, изящных мечетей, белоснежных коттеджей, увитых розами, несколько разбросанных хижин возвышались через равные промежутки времени над однообразной картиной разрухи. Кое-где зеленые клочки, отмечающие места, где начали возрождаться возделываемые земли, контрастировали с общим обугленным и пустынным видом ландшафта. Случайные полуразрушенные башни указывали на бывшее убежище рабочего, достаточное против обычного отряда мародеров, но бессильное перед армиями численностью в десятки тысяч человек.

До таких ограниченных размеров теперь сократилась некогда всемогущая мусульманская империя в Европе. Почти со дня своего основания он был охвачен междоусобицей и мятежом. Он был свидетелем возникновения и расцвета королевств; рождения династий, которые из незначительного начала теперь должны были затмить мир своим могуществом; зловещего роста религиозной системы, которая уже угрожала свободе мысли и вскоре должна была оказать мощное и широко распространенное влияние во имя зла. Знамя Креста медленно, но неуклонно продвигалось от замерзших долин Пиренеев к зеленым берегам Дарро. Холодный, негостеприимный регион Астурии, лишенный прелестей Природы, без военных дорог и достаточных средств к существованию, отразил нападения и сдержал предприимчивость мусульман, которые презирали врага, столь же отличавшегося бедностью, фанатизмом и доблестью, и избегали его. Неспособность оценить и пренебрежение сокрушением этого когда-то презираемого, но в конечном итоге грозного врага были первым шагом в упадке мавританского могущества. Его падение ускорили многие разнообразные обстоятельства. Вопиющие недостатки его монархической системы, абсолютное отсутствие сплоченности его многочисленных и противоречивых политических элементов, многообразие зол, проистекающих из институтов полигамии и спорного наследования, - все это стало очевидным,

когда фракции ислама начали бороться за превосходство в ожесточенной и бесконечной борьбе за богатство и власть.

По скорости и совершенству своего интеллектуального развития ни одна нация никогда не приближалась к испанским арабам. Но поскольку их взлет был внезапным и блестящим, их падение было более сокрушительным и катастрофическим. Трюизм о том, что прогрессирующее вырождение - неизбежная судьба каждого народа, достигшего высшей точки интеллектуальной культуры и материального прогресса, должен был быть еще раз продемонстрирован. К несчастью для человечества, в то время как физические науки развиваются, искусство управления почти неизменно приходит в упадок. Самая совершенная форма цивилизации не способствует постоянству государства, существующего при наиболее совершенных социальных условиях. Чем выше уровень интеллекта, тем ниже уровень политической морали. Эти факты ярким примером являются в истории закрытия королевства Гранада. В тот период ни один народ не был так далеко продвинут в приобретении знаний; в практическом применении научных принципов; в знакомстве с механикой и изящными искусствами и их высокой оценке. И, следует добавить, нигде не было меньше патриотизма, меньше лояльности, меньше того духа взаимных уступок и самопожертвования, которые необходимы для сохранения сообществ и поддержания империи. Государь и подданные по очереди предавали друг друга врагу. Самые священные обязательства, которые могут существовать между правителями и управляемыми, были без зазрения совести отвергнуты. Преступления, которые привели бы в ужас варваров, были настолько обычны, что едва ли вызывали комментарии. Казалось, существовало постыдное соперничество между группами граждан одной крови и исповедующих одну и ту же религиозную веру, стремящихся отдалиться во власть хитрого и вероломного противника, который был смертельным врагом всех. Всеобщая деградация, от которой не были избавлены даже самые прославленные, охватила все классы, — состояние, которое, наконец, достигло своей кульминации после своего постепенного развития на протяжении веков и, наконец, проявилось в том извращении нравов, морали, правительства и законов, которое так красноречиво указывает на разложение и декаданс наций.

Основное положение договора, которого католические монархи потребовали в Лохе от терпящего бедствие Боабдила, предусматривало сдачу Гранады и всей прилегающей территории, подпадающей под его юрисдикцию, как только владения Аз-Загаль будут включены в состав испанской монархии. Теперь было официально предъявлено требование о соблюдении условий этого соглашения. Слабый и беспринципный король, который, заключая сделку, никогда не предполагал ее исполнения и не понимал ослабленного состояния королевства и неминуемой опасности его падения, был поражен, как громом, когда узнал, что власть его дяди внезапно рухнула. Он надеялся, что самодовольного раболепия, которое он проявлял при защите интересов врагов своей страны, смиренной покорности, с которой он умолял их о помощи против своих подданных, и дорогих подарков, которые он тайно раздавал влиятельным придворным, стоявшим в тени трона, будет достаточно, чтобы обеспечить ему по крайней мере имя и видимость королевской власти на всю оставшуюся жизнь. Поэтому, стремясь отсрочить зло, но в то же время не рассчитывая определенно предотвратить его, он пытался тянуть время. Он утверждал, что немедленное выполнение его контракта было невозможно по той причине, что, поскольку большое количество лиц, изгнанных с завоеванной территории, с тех пор стали гражданами Гранады, необходимо было учесть их интересы и заручиться их согласием на требуемые условия. Стремясь избежать возобновления военных действий, Фердинанд предложил даровать ему определенные поместья, с доходов от которых

он мог бы жить в роскоши, зависящей исключительно от признания вассалитета и выплаты умеренной дани. Но Боабдил, всегда колебавшийся, когда требовались оперативность и принятие решения, всегда упрямый, когда обстоятельства требовали уступчивости, как обычно, выбрал невежливый курс. Оставаясь глухим к увещаниям своих самых проницательных советников, которые признавали преимущества подчинения и глупость сопротивления, он начал прислушиваться к опрометчивым советам молодых дворян и отчаянных авантюристов, которые единодушно голосовали за войну.

Затем Фердинанд послал народу Гранады копию секретного договора, который разоблачал вероломство и бесчестие их короля. Его публикация вызвала такое всеобщее возмущение и презрение, что ничто, кроме его неприступного положения в цитадели Альгамбра, не спасло ему жизнь. Улицы были заполнены бушующей толпой, чьи крики угрожающе достигали зубчатых стен дворца. Ренегаты, сантоны, изгнанники и солдаты удачи распаляли непостоянное и беспокойное население, чье господство означало анархию, проскрипции и смерть. К счастью для ненавистного монарха, солдаты остались верны его делу, и только их преданность спасла его от насилия со стороны разъяренных подданных. Напряженными усилиями старой арабской аристократии и богатым купцам наконец удалось восстановить порядок. Толпы, все еще изрыгавшие зловещие угрозы, угрюмо рассеялись. Магазины снова открылись. Движение возобновилось, и горожане с отчаянным чувством беспомощности и трепетом беспокойно двигались по улицам. Боабдил, сознавая, что единственный выбор, который теперь у него остался, - это отречение от престола или война, выбрал последнюю альтернативу и публично объявил о своем намерении сражаться и продлить, если не сможет смягчить, последние муки умирающей монархии. Условия, возникшие в результате внезапно изменившихся отношений дворов Кастилии и Гранады, принесли маврам некоторые незначительные преимущества; замок Падуль и несколько других фортов близ столицы были взяты; экспедиция, проведенная Фердинандом лично через Вегу с целью уничтожения урожая, не смогла полностью достичь своей цели; и, постоянно преследуемые врагом, христиане в конце концов были вынуждены отступить.

Жалким остаткам королевства Гранада, до сих пор раздираемого мятежами и находящегося под угрозой завоевания, теперь предстояло испытать на себе активную враждебность тех, кто должен был рисковать своей жизнью, защищая его, прежде чем оно было доведено до крайности. Выдающиеся качества Сиди Яхьи, бывшего губернатора Базы, его вежливость и отвага, его знаменитое происхождение и галантность, с которой он поддерживал оказанное ему доверие, вызвали неохотные аплодисменты его врагов, в похвале, в которой ранее было отказано другим людям с равными заслугами, но более низкого происхождения. Эти благородные качества, однако, недавно были омрачены действиями, которые навлекли на него обвинение в коррупции, отступничестве, продажности и государственной измене. Его более чем подозревали в том, что он пожертвовал жителями Базы ради своей личной выгоды. Люди с подозрением смотрели на благосклонность, которой он пользовался у христиан, на внезапное богатство, которое он приобрел, на тесные отношения, которые он поддерживал с врагом. Эти обвинения, которые его последующее поведение скорее подтвердило, чем сняло, были вполне обоснованными. В знак признания его влияния к нему проявили большой интерес. Были предприняты все попытки побудить его отречься от своей религии. Самые ученые и выдающиеся прелаты старались убедить его в его заблуждениях. Даже королева оказывала свои добрые услуги в попытке обратить его в свою веру. Великолепные подарки были преподнесены ему в качестве залога более значительных наград. Поначалу, несмотря на всю

назойливость и искушения его ревностных советников, постоянство утонченного мавра оставалось, по-видимому, непоколебимым. Однако эта твердость была наигранной. Он задолго до этого решил воспользоваться определенными преимуществами добровольного обращения. Его сопротивление только укрепило авторитет тех, кто добился очевидного изменения его взглядов. После того как он был должным образом “катехизирован”, как многозначительно замечает хронист, он стал добрым христианином и был тайно принят в лоно Церкви.

Сиди Яхья, стремясь продемонстрировать свою верность своему новому сюзеру и устранить любое предубеждение, которое могло возникнуть в результате его упрямства, проявлял величайший энтузиазм по отношению к испанскому делу. Со ста пятьюдесятью приверженцами он участвовал в набеге, опустошившем окрестности Гранады, и, применив хорошо отработанную стратегию, захватил важный форпост столицы и в то же время заслужил аплодисменты своих недавно приобретенных друзей и ненависть тех, кто все еще был связан с ним узами общего происхождения и кто так недавно был исповедником общей веры. На возвышенности, ныне известной как Сото-де-Рома, в двух лье от города, в пятнадцатом веке стоял крепкий замок, построенный для защиты королевских садов и парков, которыми он был окружен. Возглавляя свой отряд и, по-видимому, сопровождая нескольких пленников-христиан, Сиди Яхья приблизился к крепости и, заявив, что его преследуют, попросил немедленного убежища. Солдаты гарнизона, обманутые одеждой, оружием и особенно языком незнакомцев, которых они приняли за отряд из Гранады, без колебаний открыли ворота. Несколько мгновений спустя они были пленниками; их мнимые друзья раскрыли тот факт, что они были вассалами Испании; и знамя Кастилии и Леона было поднято на зубчатых стенах. Такими методами прославленный мавританский военачальник пытался подчеркнуть свою новую преданность, заслужив тем самым отвращение каждого правоверного мусульманина и запятнав блеск военного послужного списка, который до его политического и религиозного отступничества оставался безупречным. Аз-Загаль также откликнулся на призыв Фердинанда с двумя сотнями кавалеристов; и перед теми башнями, где он прежде правил безраздельно, проявил ту же отвагу, которая отличала его действия, когда он был самым грозным противником тех государей, которым военные обстоятельства теперь вынуждали его служить в подчиненном качестве.

Подвиг принца-отступника вскоре был омрачен захватом Алхендина. Этот замок, расположенный недалеко от Гранады, был одним из сильнейших в Веге и незадолго до этого сдался испанцам без сопротивления. Внезапно окруженный войсками Боабдила, слабый гарнизон не смог противостоять стремительной атаке мавров, которые сражались поочередно и не давали осажденным передышки ни днем, ни ночью. Четырех дней было достаточно, чтобы довести христиан до крайности; когда прервалась всякая связь с их друзьями, у них не оставалось иного выбора, кроме подчинения; их с триумфом повели в столичные подземелья, а Алхендин был стерт с лица земли. После Альхендина замки Альболодуй и Марчена вызвали враждебность мавританского короля. Оба подверглись штурму и разграблению; их кастильские гарнизоны были обращены в рабство, а зависимые от них земли, составлявшие часть феода Сиди Яхья, были безжалостно разорены. Мудехарцы окрестностей были замучены или вырезаны, скот угнан, а победоносный Боабдил вернулся в Гранаду, где его приняли с величайшим энтузиазмом. Эти блестящие подвиги пробудили слабые надежды мусульман; побуждаемые обманчивыми, но правдоподобными ожиданиями победы, они мечтали о возвращении независимости и восстановлении империи; численность армии быстро увеличивалась; и были приняты меры для проведения обширной и энергичной кампании. Затем была предпринята осада Салобреньи, порт которой обеспечивал легкое сообщение с

африканским побережьем. Его защитники, получавшие недостаточный рацион, вскоре были измучены голодом и, измученные отчаянными атаками мусульманских солдат, которые, применив тактику, успешную при Алхендине, вели яростный и непрерывный бой, взяли штурмом предместья и город; и гарнизон, загнанный в цитадель, начал впадать в отчаяние. Многочисленность противника и его сильные позиции делали освобождение этого места невозможным без помощи мощной армии; но Эрнан Перес дель Пульгар с семьюдесятью копьями проложил себе путь сквозь ряды, и его прибытие вселило новую энергию в подавленные умы осажденных. Снова и снова мавританские батальоны получали отпор; не было времени для применения медленных, но более надежных действий артиллерии; до мусульман дошла весть о приближении Фердинанда; и Боабдиль после быстрого и бесславного отступления нашел безопасность в стенах своей столицы. Неожиданный дух, проявленный мавританским королем, пробудил воинственный пыл мудехарцев, которые так недавно отказались от своей верности аз-Загалью и горели желанием сбросить иго, которое они взяли на себя по необходимости. Были тайно установлены сношения между недовольными Гвадикса, Альмерии, Базы и мусульманским двором; многие рекруты из этих и других городов завербовались в армию Гранады; и начались приготовления к заговору, который только и ждал благоприятного момента, чтобы перерасти во всеобщее и кровавое восстание.

Было невозможно сохранить тайну, известную целым общинам, а поскольку среди мавров было много осведомителей, испанские власти вскоре получили все подробности заговора. Поскольку практически все мудехарцы были замешаны либо как активные участники, либо как сочувствующие, было сочтено нецелесообразным применять чрезмерно суровое наказание, которого требовало это дело, поэтому были приняты более мягкие, но не менее эффективные меры. Гуадикс был центром недовольства, и маркиз Вильена, главнокомандующий округом, убедил всех жителей этого города собраться за стенами под предлогом проведения переписи. Затем он закрыл ворота, ознакомил их с причиной такой предосторожности и приказал им ожидать прибытия короля. Когда Фердинанд прибыл несколько дней спустя, он объявил, что несчастные жители Гуадикса отказались от своих притязаний на защиту или милосердие, и он предоставил им альтернативу немедленного изгнания или постоянного проживания в его владениях в открытых и ничем не укрепленных деревнях. Такие же жесткие условия были предложены Базе и Альмерии; произошла массовая эмиграция в Тлемсен и Фес; значительное число трудолюбивых мавров обосновалось в Андалусии, где инквизиция в конце концов подвергла пыткам их самих или их потомков; и таким образом, без малейших усилий или даже кажущейся формальности конфискации богатое имущество мавров — их элегантные виллы, плантации и виноградники, роскошные резиденции, мечети и сады — перешло в алчные руки христиан.

Подданные-горцы Аз-Загалья относились к его отказу от своих суверенных прав как угодно, но не одобрительно, а также к усердию, которое он проявлял на службе врагу нации. После захвата Алхендина они восстали, выступили в защиту Боабдила и попытались убить почтенного монарха, которого в дни его славы они чтили почти с таким же почтением, с каким почитают божество. Аз-Загаль, прекрасно понимая, какими будут последствия, если он останется, выразил готовность отказаться от того ничтожного достоинства, которое он получил в обмен на свое отречение от престола, за пять миллионов мараведи и бесплатную транспортировку в Африку, что было одним из условий договора. Фердинанд охотно принял его предложение; мусульманский принц с большим количеством сторонников пересек море; и таким образом испанская монархия не только приобрела значительную территорию, но и была избавлена от

вассала, которому не хватало только повода, который мог возникнуть в любое время, чтобы оказаться самым опасным врагом. Ничто в средневековой истории не является более печальным, чем окончательная судьба этого храброго старого воина, который встретил смерть с неустрашимым духом на сотне полей сражений. Вероломный султан Феса, безжалостно нарушив законы гостеприимства, ограбил его, заточил в тюрьму и ослепил. Бравый генерал, который когда-то был кумиром населения Гранады и гордостью ее солдат, много лет бродил нищим, одетым в лохмотья, по городам Северной Африки, вызывая жалость и любопытство у черни Пустыни, которая указывала незнакомцам на него как на бывшего короля Андалусии.

Именно в это время донкихотский персонаж Пулгар, чей безрассудный дух получал удовольствие от осуществления опасных начинаний, которые людям с рациональным мышлением казались безрассудными и невыполнимыми, совершил самый известный и опасный из всех своих подвигов. Однажды ночью с пятьюдесятью последователями он выступил из Альхамы, чтобы сжечь город Гранаду. Ведомый верным отступником, отряд весь день скрывался в темной и малолюдной долине сьерры, а с наступлением темноты они бесшумно приблизились к стенам, огораживающим русло Дарро, пока не достигли моста. В соответствии с этим шестерым было приказано остаться и охранять лошадей, в то время как Пулгар и остальные вошли в город. Мусульманская столица погрузилась в дремоту, и искатели приключений, выбравшись из канализации на безмолвные улицы, направились к главной мечети. Там Пулгар, в характерном для него духе бравады, развернул бумагу, на которой была начертана надпись "Аве Мария", и приколол ее своим кинжалом к покрытой бронзой двери. Затем, поспешив в Алькаисерию, или Шелковый рынок, он достал хворост, которым его снабдили, и приготовился разжечь пожар. В последний момент выяснилось, что в мечети был оставлен необходимый для этой цели трут. Когда они пытались добыть огонь кремнем и сталью, внезапно появился патруль. Испанцы, обнажив мечи, отбросили врага и, вернувшись к тому месту, где они оставили своих товарищей, быстро ускакали прочь. Этот подвиг Пулгара, который так сильно взывал к романтическим натурам его соотечественников, снискал ему также восхищенную оценку его правителей, которые при жизни даровали ему почетное место на хорах собора, а после его смерти поместили его могилу на том самом месте, где он преклонил колени, чтобы воткнуть свой кинжал в дверь великого мусульманского храма.

Теперь, когда все было готово к последней кампании, Фердинанд двадцатого апреля 1491 года во главе пятидесяти тысяч человек в двух крупных дивизиях снова вступил в Вегу. Маркиз Вильена был отправлен в Альпухаррас, чтобы уничтожить собранную там провизию для использования в столице. Затем армия разместилась на постоянной основе в укрепленном лагере близ Гранады, где к ней вскоре присоединилась королева. Из-за его большого населения, а также желания сохранить в память о завоевании его великолепные архитектурные памятники, было решено уничтожить город голодом. Были организованы отряды, прочесывающие страну во всех направлениях и перекрывающие все поставки. Частые экспедиции, проводимые силами, сметали с лица земли в радиусе многих миль все следы зелени. Прекрасные пригороды, которые до сих пор были свободны от враждебного насилия, теперь стали добычей безжалостного разрушителя. Напрасно Боабдил, атакуя во главе своей кавалерии, пытался остановить его неудержимое продвижение. Его солдаты были отброшены, его гвардия была изрублена в куски, а сам он избежал второго, еще более ужасного пленения только благодаря превосходной скорости своего коня. Сады и виноградники в западной части

города были опустошены, и все здания в пределах досягаемости испанцев — замки, мельницы, виллы, дворцы и башни — подверглись общему разрушению.

Через два месяца после возобновления военных действий по неосторожности слуги королевского двора подожгли палатку, и пожар, вызванный несчастным случаем, за несколько мгновений охватил весь христианский лагерь. Последовало большое замешательство; войска были призваны к оружию, и немедленно были приняты меры для отражения атаки, если бы таковая была предпринята; но враг спокойно оставался за своей обороной. Любые ложные надежды, которые могли возникнуть в умах мавров в результате этой катастрофы, вскоре рассеялись. Вскоре на месте разрушенного лагеря вырос внушительный город, правильно спланированный и укрепленный, охраняемый рвами и воротами, с просторной площадью в центре для парадов и упражнений войск, который с присущим его основателям благочестием был назван Санта-Фе.

Осада Гранады, хотя и была одной из самых важных в истории Реконкисты, не была, в отличие от многих других, разнообразна какими-либо захватывающими событиями. Случайные стычки с неопределенными результатами; набег и сожжение какого-нибудь изолированного замка; рыцарская встреча рыцарей, которым бросали вызов смертные; бесконечная череда обходов и патрулей — таковы были монотонные события, характеризовавшие взятие последнего мусульманского оплота. Вся надежда была сделана на блокаду, и при взятии города ни разу не применялись тяжелые боеприпасы. Бесстрашие мусульман никогда не было так заметно, как в этой их последней борьбе за национальное существование. Быстрые и устрашающие перестроения, дикая и яростная атака, неожиданная и коварная засада, характерные для их тактики, — все это применялось с дерзкой отвагой и изощренными средствами, но без особого успеха. Вскоре огромное множество людей, находившихся в крепостных стенах, начало испытывать муки голода. С нуждой пришло недовольство; с недовольством последовали громкие требования капитуляции и зловещий ропот о мятеже и насилии. Разъяренное население толпилось в общественных местах, угрожая богатым грабежом, а монарху смертью. Перспектива триумфа гнусного неверного возбудила фанатизм сантонов, которые, призывая сопротивляться до конца, передали свое безумие своим суеверным последователям, тем самым значительно усугубив сложность ситуации. За пределами цитадели царил безраздельная анархия. Двери всех магазинов и домов были закрыты и забаррикадированы. Знать и виднейшие горожане укрылись в Альгамбре; и там состоялось собрание всех лиц, обладающих заметным достоинством и влиянием, чтобы определить, каким путем следует следовать. Голосование было единогласным в пользу представления. Боабдил молча согласился, и Абуль-Касиму, правителю города, было поручено посетить христианский лагерь в качестве посланника и начать переговоры о капитуляции. Принятый со всей учтивостью, мавританский посол сразу же добился заключения перемирия сроком на тридцать дней, начиная с первого дня декабря. Статьи капитуляции были гораздо более либеральными, чем все, что до сих пор предоставлялось побежденным мусульманам, но в их объеме и значении было общее сходство. Умудренные опытом мавры попытались добиться, чтобы папа гарантировал выполнение договора, а испанские монархи поклялись соблюдать его; но отсутствие этих сомнительных гарантий безопасности было получено путем подкупа их уполномоченных, которые спокойно и успешно игнорировали инструкции своих соотечественников. Принимая во внимание освобождение Гранады и прилегающей к ней территории, католические монархи обязали себя и своих королевских потомков навсегда разрешить маврам беспрепятственно совершать обряды своей веры и соблюдать

предписанные их обычаями и законами обряды. Их мечети должны были всегда быть посвящены их богослужению, а их святость должна была быть неприкосновенной и никогда не оскверняться присутствием неверующего. Все постановления, касающиеся сбора доходов на священные цели, должны были оставаться в силе; судьи-мусульмане должны были председательствовать в судах; и законы, регулирующие передачу недвижимого имущества, а также законы о наследовании и всех формах гражданских прав, должны были оставаться неизменными. Что касается общественного образования, то была торжественно гарантирована абсолютная независимость, и вмешательство христиан в школы или во что-либо, имеющее к ним отношение, было запрещено. Детям, в жилах которых текла испанская и мавританская кровь, была предоставлена безоговорочная свобода совести; все долги и обязательства, ранее взятые на себя, должны были добросовестно исполняться и взыскиваться все штрафы; споры между христианами и мусульманами должны были разрешаться мирным путем путем арбитража; а альгвасилы и другие должностные лица, назначенные в соответствии с мусульманским кодексом, должны были без перерыва выполнять свои различные соответствующие обязанности. В других статьях были отражены санитарные и полицейские предписания, такие как разграничение рынков, сохранение и чистота воды, а также многочисленные вопросы меньшей важности, возникающие из-за несходства социальных обычаев и большого расхождения, проявляющегося в формах и церемониях двух непримиримых религий. В дополнение к ним были определенные положения, определяющие права и привилегии, предоставленные Боабдилю и его родственникам, а также перечисление имущества, которым они должны были в дальнейшем пользоваться. В награду за неоценимые услуги, которые он оказал своим врагам за счет своей страны, было объявлено, что богатейшие части королевского наследства, охватывающие двенадцать обширных округов, навечно передаются ему и его потомкам; все члены его семьи получили большие поместья; долина Пурчена была выделена ему как княжество, которому он должен был оказывать почтение; и за явную благодарность или подозрительную щедрость победителей была назначена солидная пенсия.

Второго января 1492 года начались приготовления к падению последних остатков мусульманской власти на Испанском полуострове. Семьсот восемьдесят лет прошло с тех пор, как армия Тарика разрушила рушащуюся структуру вестготской монархии. В результате этого события горстка презираемых и забытых крестьян, спрятавшихся в окутанных туманом горах Севера, сформировала ядро, вокруг которого объединились элементы великой нации, а также слава и престиж непобедимой армии. Только что достигнутое завоевание, каким бы важным оно ни было, было все же пустяковым по сравнению с теми, которые в последующем столетии предстояло завоевать оружием этой прославленной и рыцарской нации. Богатство испанских арабов было незначительным по сравнению с неисчислимыми сокровищами Мексики и Перу. Взятие Малаги и Гранады было почти незаметным по национальной славе и политическому эффекту по сравнению с битвой при Павии или осадой и разграблением Рима. Но все равно это был великолепный триумф; кульминация многовековых сражений; осуществление мечтаний многих поколений князей и прелатов, достижение целей которых часто казалось химеричным и безнадежным. Были задействованы все обстоятельства, использованы все ресурсы, чтобы сделать зрелище сдачи мусульманской столицы впечатляющим и запоминающимся. Вся армия была выстроена в боевом порядке. Поле боя пестрело развевающимися знаменами, начищенными доспехами, разноцветными мантиями и накидками из шелка и золотой ткани. Присутствовало все великолепное рыцарство Кастилии; некоторые - представители древних и

прославленных домов, которые вели свою родословную ко двору Родерика; другие, чьи дворянские патенты более позднего времени были получены в долгой и благородной войне против неверных. Среди них можно было увидеть белый тюрбан и полосатый бурнус араба, которого возмутили бы эпитеты предателя и ренегата, но который, движимый унаследованными предрассудками или племенной завистью, не колеблясь обнажил меч против своих братьев. Не менее заметными, чем знать, были прелаты в полном каноническом облачении, которым предшествовал кардинал Мендоса, примас Испании, один из сопровождавших которого нес массивный крест, до сих пор хранящийся в соборе Толедо, который вскоре будет водружен, символизируя триумф христиан над мавританскими суевериями, на самой высокой башне Альгамбры. Герольды, сопровождавшие королевский эскорт, были одеты в плащи, украшенные гербами Кастилии и Леона в серебряных, золотых и алых тонах. В центре блестящей группы ехала Изабелла, одетая в богатую парчу и восседавшая на белой лошади, чьи панцири из расшитого бархата ниспадали на землю.

Там же был и Фердинанд, гордый, суровый, бесстрастный; на его бесстрастных чертах лица не было никаких признаков ликования, которое он, должно быть, испытывал, но он был готов уступить своей воинственной супруге большую часть заслуг, приписываемых высшей славе христианского дела. Вокруг монархов собрались принцы крови, высшие сановники королевства в мантиях со знаками отличия, надменные вельможи, женщины из свиты королевы в великолепных нарядах и сверкающих драгоценностях, знаменитые воины, чья доблесть сделала их имена известными каждой нации Европы, — в ножнах из полированной стали, с копьем и щитом, с выпелом и геральдическим гербом, — все это было картиной, достойно представляющей помпезность и великолепие, гордость и известность, присущие всему Миру. испанской монархии. Когда великолепная процессия двинулась вперед под рев труб, звуки военной музыки, развевающиеся знамена и бурные аплодисменты тысяч людей и остановилась на возвышении недалеко от Джениля, ворота Альгамбры медленно распахнулись. Из него выступил отряд всадников, чей внешний вид и одежда указывали на то, что их происхождение и обычаи были чужды европейскому континенту. Во главе их ехал всадник, закованный в доспехи с изысканным дамасским шитьем, чье светлое лицо и рыжевато-коричневая борода представляли разительный контраст со смуглыми чертами лиц тех, кто составлял его свиту. Последние были одеты в ниспадающие одежды из шелка, сотканного в полоску всех оттенков, открывавшую, колеблемые утренним бризом, сверкающие кольчуги и ятаганы, усыпанные драгоценными камнями и инкрустированные золотом.

Беседа монархов была короткой и почти лишенной церемоний. Раболепствуя до последнего, Боабдил попытался спешиться и поцеловать руку своего победителя, но испанский король с великодушной и неподдельной учтивостью предотвратил этот акт добровольного унижения, настоял на том, чтобы он остался верхом, и получил поцелуй в рукав. Несколько словами, которые выдавали горечь его унижения и тоски, мусульманский принц передал ключи от города Фердинанду. Он передал их Изабелле, а она, в свою очередь, передала эти свидетельства владения и суверенитета графу Тендилья, который был назначен губернатором Гранады. Последний, сопровождаемый множеством дворян в качестве эскорта и пятитысячным гарнизоном, без промедления вошел в Альгамбру и овладел ею и водрузил на башне Комареса золотой и серебряный крест архиепископства Толедо, королевский флаг и освященный штандарт Сантьяго. Появление священной эмблемы и знакомых знамен на зубчатых стенах мавританской цитадели вызвало бурный энтузиазм у зрителей. Священники королевской часовни пропели "Te Deum Laudamus". Тысячи седых и покрытых боевыми шрамами ветеранов

упали на колени и заплакали от радости. Герольды, во всем великолепии своих ярких костюмов, провозгласили звуком трубы, что власть мусульман навсегда исчезла с полуострова, со словами: “Кастилия! Castilla! Гранада! Гранада! por los reyes Don Fernando y Doña Isabel?” Величественные кастильские вельможи в сверкающих боевых доспехах один за другим выходили вперед, преклоняли колени перед Изабеллой и целовали ей руку в знак уважения к ее недавно обретенному достоинству королевы Гранады.

Сопровождаемый главными мавританскими чиновниками, некоторые из которых, включая визиря, были тайными ренегатами и находились на жалованье у Фердинанда, Боабдил удалился в свои владения в Альпухаррах. Даже там ему не суждено было долго пребывать в спокойствии. Подвергнутый непрерывному шпионажу, о каждом его слове и действии докладывали Эрнандо де Зафра, секретарю католических монархов. Несмотря на его кажущуюся апатию, его присутствие считалось угрозой общественному спокойствию, особенно когда начало проявляться недовольство, вызванное открытыми нарушениями договора. Были отправлены эмиссары, чтобы попытаться выкупить его поместья и намекнуть на вероятные опасности восстания в противовес преимуществам добровольного изгнания. Потерпев неудачу, был разработан более смелый план. Фальшивый визирь Ибн-Комик был вынужден взять на себя власть, которой он не обладал, продать испанской короне владения принцев мавританской династии Гранады и даже подробно оговорить время и способ их отъезда из Испании. Цена, которую этот коррумпированный и вероломный агент получил за свои услуги, так и не была известна. Таким образом, правами Боабдила и его семьи распорядились без их согласия за ничтожную сумму в двадцать одну тысячу золотых дублонов. Когда его бесстыдный министр узнал о том, каким образом его предали, он обнажил меч, и Ибн-Комиха спас ему жизнь, только мгновенно обратившись в бегство. Несчастный принц хорошо знал, кто предложил прибегнуть к этой позорной и вероломной уловке, и что было бы опасно, равно как и бесполезно, пытаться отказаться от меры, которая, продиктованная хитростью, несомненно, будет приведена в исполнение насилием. Поэтому он ратифицировал поддельный контракт, получив в обмен на свои поместья и все права на корону девять миллионов мараведи; и четырнадцатого октября 1493 года отплыл со всей своей семьей в Африку, где султан Феса предложил ему убежище. Тридцать четыре года спустя он пал в битве, храбро сражаясь на службе у своего благодетеля против диких горцев Атласа. Его тело, так и не найденное, осталось непогребенным в Пустыне, под чужим небом, вдали от места его ранних триумфов, его несчастий и его позора.

Так завершилась непримиримая борьба, которую так долго и отчаянно вели христиане и мусульмане в юго-западном уголке Европы. Героической королеве Фердинанд следует приписать успех последней кампании этой знаменательной борьбы. Именно ее административные способности регулировали внутренние дела королевства, пресекали беззаконие, устанавливали порядок, восстанавливали общественное доверие, развивали ресурсы и консолидировали силы могущественной и воинственной нации. Ее боевой гений всегда был с армией, поощряя ее своим присутствием на марше или собирая и перевоза припасы по горным тропам, осаждаемым смелыми и коварными врагами; всегда воодушевляя живых, всегда помогая и утешая родственников погибших. Она была повсеместно признана главой и фронтом крестового похода; каждое мнение было молчаливо подчинено ее суждениям; к ее совету обращались во всех важных начинаниях; ее жизнерадостный характер вселял мужество и энтузиазм в отчаявшийся лагерь; ее мужской дух не уклонялся от участия в разведке или от определенных и вездесущих опасностей на поле боя. В заключительных сценах богатой событиями драмы она была заметной фигурой. В день капитуляции она одна держала

скипетр и носила корону, что молчаливо противоречило девизу “Танто Монта”, который признавал равноправие Арагона; это ее рука вручила ключи от города и полномочия губернатора своему наследственному вассалу, графу Тендилья; это было “Кастилия”, которое герольды провозгласили с самых высоких зубчатых стен дворца; это не перед политическим искусством Фердинанда надменная аристократия Севера низко и грациозно поклонилась. почтение в знак признания суверенитета недавно завоеванного королевства, но и перед выдающимися талантами, искренним благочестием, приветливым, но величественным и неизменно внушительным достоинством Изабеллы Католички, королевы Кастилии и Гранады.

КОНЕЦ ТОМА II.

Примечания переписчика:

1. Очевидные типографские, пунктуационные и орфографические ошибки были исправлены автоматически.
2. Там, где расстановка переносов вызывает сомнения, она сохранена как в оригинале.
3. Некоторые варианты тех же слов с переносом и без него были сохранены как в оригинале.